

GOVERNMENT
KHANTY-MANSIISK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY URAL BRANCH OF THE RAS
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY
AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
SIBERIAN BRANCH OF THE RAS
SURGUT STATE UNIVERSITY

VI NORTHERN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS

PROCEEDINGS

OCTOBER 8–11, 2024
SURGUT

EKATERINBURG

2024

ПРАВИТЕЛЬСТВО
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ

8–11 ОКТЯБРЯ 2024
СУРГУТ

ЕКАТЕРИНБУРГ

2024

УДК 902(470) + 902(4) + 902(7)
ББК 63.4(2) + 63.4(4) + 63.4(7)
С 28

VI Северный археологический конгресс. Материалы докладов.
8–11 октября 2024. Сургут.
VI Northern Archaeological Congress. Proceedings.
October 8–11, 2024. Surgut.
Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. — 584 с.

ISBN 978-5-6048008-4-3

Ответственный редактор
д.и.н. Н. М. Чаиркина

Edited by
N. M. Chairkina

Редакционная коллегия
д.и.н. С. А. Васильев
чл.-корр. РАН, д.и.н. А. В. Головнёв
к.и.н. Е. Н. Данилова
к.и.н. Е. Н. Дубовцева
д.и.н. А. В. Епимахов
д.и.н. С. Ф. Кокшаров
д.и.н. Л. Н. Корякова
чл.-корр. РАН А. И. Кривошапкин
акад. РАН, д.и.н. Н. А. Макаров
акад. РАН, д.и.н. В. И. Молодин
д.и.н. Л. Н. Мильникова
д.и.н. Е. В. Перевалова
чл.-корр. РАН, д.и.н. И. В. Побережников
к.и.н. С. В. Шарапова
д.и.н. А. Ф. Шорин
чл.-корр. РАН, д.и.н. М. В. Шуньков
к.и.н. А. В. Энговатова

Editorial Board
S. A. Vasiliev
A. V. Golovnev
E. N. Danilova
E. N. Dubovtseva
A. V. Epimakhov
S. F. Koksharov
L. N. Koryakova
A. I. Krivoshapkin
N. A. Makarov
V. I. Molodin
L. N. Mylnikova
E. V. Perevalova
I. V. Poberezhnikov
S. V. Sharapova
A. F. Shorin
M. V. Shunkov
A. V. Engovatova

Перевод
Т. В. Говорухина

Translated by
T. V. Govorukhina

**КОНГРЕСС ПРОВОДИТСЯ НА СРЕДСТВА
ПРАВИТЕЛЬСТВА ХАНТЫ-МАНСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ**

ISBN 978-5-6048008-4-3

© Авторы, 2024

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРА ЕВРАЗИИ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ
И РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ

MAIN STAGES OF THE NORTH EURASIA
COLONIZATION IN THE PLEISTOCENE
AND THE EARLY HOLOCENE

Е. Н. БОЧАРОВА, П. В. ЧИСТЯКОВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ МЕТОДАМИ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ*

Реконструкция костяных орудий с использованием 3D-моделирования в археологических исследованиях представляет эффективный подход для восстановления поврежденных артефактов без необходимости физического воздействия на них, которое могло бы привести к большему их разрушению. Мы сфокусировались на реконструкции поврежденных или имеющих частично утраченные части позднеплейстоценовых-раннеголоценовых составных пазовых и зубчатых орудий со стоянок, расположенных в Восточной Сибири. Методы реконструкции базируются на создании точных 3D-моделей артефактов с последующим анализом геометрии, метрических измерений, использовании зеркальной симметрии, моделирования и скульптинга. Это позволяет эффективно восстанавливать утраченные части и проводить дальнейшие исследования, включая анализ морфологии и функциональности орудий. Применение методов 3D-моделирования открывает новые перспективы для изучения археологических артефактов, с дальнейшей адаптацией данных алгоритмов под другие материалы.

Бочарова Екатерина Николаевна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Чистяков Павел Вячеславович – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: pavelchist@gmail.com

Реконструкция костяных орудий методами 3D-моделирования представляет собой важное направление в археологических исследованиях, особенно при работе с коллекциями, где часто встречаются поврежденные артефакты, в том числе из кости и рога. Консервация и реставрация таких предметов требуют высокой квалификации и специализированных навыков, что, к сожалению, не всегда доступно исследователям. В этом контексте методы трехмерного моделирования становятся все более привлекательными, предоставляя возможность восстанавливать и изучать артефакты без необходимости физического вмешательства.

Для исследования, результаты которого представлены в докладе, мы выбрали костяные составные пазовые и зубчатые орудия, происходящие со стоянок позднеплейстоценового-раннеголоценового возраста Восточной Сибири. У пазовых орудий часть паза была разрушена, что создавало сложности при их изучении. Также мы изучили зубчатые орудия, у которых отсутствовал один или несколько зубцов, что также требовало специальных методов восстановления перед их всесторонним анализом. В настоящем исследовании мы сосредоточились на разработке методов реконструкции поврежденных костяных орудий с использованием 3D-моделирования. Наш подход базируется на выявлении и использовании зеркальной симметрии артефактов, а также на анализе геометрии и структуры сохранных частей предметов.

Процесс реконструкции начинается с анализа геометрии и структуры сохранных частей артефакта. Наличие такого участка является критическим, поскольку оно позволяет максимально приблизиться к форме утраченных частей. С использованием 3D-сканирования создаются точные модели артефактов. Для восстановления пазовых орудий проводится

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01157 «Вкладышевые технологии Восточной Сибири конца плейстоцена-начала голоцена» (рук. Е. Н. Бочарова)

создание поперечных сечений на реконструируемом участке артефакта. При наличии зеркальной симметрии определяется ось симметрии, и происходит реконструкция поврежденных участков путем отражения объектов относительно этой оси. Полученные результаты представляют собой модели костяных орудий, которые могут быть в последствии использованы для различных исследовательских целей. Например, изучения морфологии пазов для реконструкции приемов обработки кости при изготовлении орудий [Бочарова и др., 2021].

Восстановление зубчатых орудий также основано на анализе геометрии орудий сохранившихся частей предмета. На первоначальном этапе проводятся измерения сохранившихся зубцов орудия, а также участка с обломанной частью. На основе полученных измерений рассчитывается наиболее вероятный диапазон размеров утерянных зубцов, который включает все возможные результаты размеров для разрушенной части. Затем при помощи любой доступной программы 3D-моделирования (например, Blender) по определенным на предыдущем шаге размерам реконструируются разрушенные участки, используя базовые инструменты и скульптинг. Полученная таким образом модель может напрямую использоваться в дальнейших исследованиях, например, для определения функциональности зубчатых орудий на основе метрических измерений [Weniger, 1992; 2000].

Описанные методы реконструкции могут быть адаптированы для работы с любыми материалами: рог, дерево, камень и пр. Однако следует отметить, что методы также имеют свои ограничения и требуют тщательного анализа исходных данных. Например, в случае отсутствия зеркальной симметрии или при наличии слишком сложных повреждений, достоверность метода может быть снижена. При дальнейшей работе с реконструированными моделями так же следует учитывать возможную погрешность в измерениях и морфологии полной формы орудия.

Библиографический список

- Бочарова Е. Н., Чистяков П. В., Жданов Р. К. Применение трехмерного сканирования для исследования составных пазовых орудий раннего голоцена Восточной Сибири (на примере орудий из комплексов стоянки Казачка 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 57–65. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065
- Weniger G. C. Function and Form: an Ethnoarchaeological Analysis of Barbed Points from Northern Hunter-Gatherers // *Ethnoarcheologie: Justification, Problemes, Limites*. XIIe rencontres Internationales d'archeologie et d'histoire d'Antibes. Juan-les-Pins, 1992. P. 257–268.
- Weniger G. C. Magdalenian Barbed Points: Harpoons, Spears and Arrowheads // *Anthropologie et préhistoire*. 2000. Vol. 111. P. 79–87.

E. N. BOCHAROVA, P. V. CHISTYAKOV

RECONSTRUCTION OF BONE TOOLS USING 3D MODELING TECHNIQUE

Reconstruction of bone tools using 3D modeling in archaeological research is a promising approach to the restoration of damaged artifacts without the need for any physical handling of the artifacts, which could lead to their greater destruction. We focused on the reconstruction of damaged Late Pleistocene-Early Holocene composite slotted and denticulated tools, or the ones with the partially missing parts, from the sites located in Eastern Siberia. The reconstruction techniques were based on building accurate 3D models of artifacts, followed by the analysis of geometry, metric measurements, use of mirror symmetry, modeling and sculpting. This makes it possible to effectively restore the lost parts and conduct further research, including analysis of the morphology and functionality of the tools. The use of 3D modeling

methods opens up new prospects for the study of archaeological artifacts, with further adaptation of these algorithms to other materials.

Ekaterina N. Bocharova – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: bocharova.e@gmail.com

Pavel V. Chistyakov – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: pavelchist@gmail.com

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ВОСТОЧНАЯ БЕРИНГИЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАННИМ ПАМЯТНИКАМ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЙ*

Доклад посвящен обзору полученных в последние годы археологических данных по ранним памятникам американской части Берингии. Работами предшествующего периода показано наличие здесь в конце плейстоцена сложной картины сосуществовавших культурных традиций, вероятно, отражающих разнонаправленные пути миграций древнего человека. Рассмотрены результаты исследования новых местонахождений региона – стоянок Хольцман Саут, Натаел На, Нидайя На, Кистоун Дьюн, Линдас Пойнт. По-прежнему основным противоречием в картине первоначального заселения человеком Нового Света остается разрыв между генетическими и археологическими данными. Если первые говорят о длительном пребывании предков населения Америки на территории Берингии, начиная со времени, предшествовавшего последнему ледниковому максимуму, то древнейшие достоверные стоянки здесь относятся к финалу плейстоцена, не древнее 14,2 тыс. лет назад.

Васильев Сергей Александрович – д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: sergevasiimk@gmail.com

Обширная территория восточной (американской) части Берингии, включающая Аляску и Юкон, играет ключевую роль для изучения процессов первичного расселения древнего человека в Новом Свете. Данные, накопленные в ходе исследований XX – начала XXI в., нашли отражение на страницах ряда коллективных трудов [Васильев и др., 2015; Первоначальное заселение Арктики..., 2014; Human colonization..., 2017]. Установлен факт сосуществования в финале плейстоцена различных культур. С одной стороны, известны индустрии, принадлежащие к микропластинчатой (берингийской) традиции, близкой по ряду параметров к позднему верхнему палеолиту Сибири. Группа комплексов данной традиции объединена под названием культуры денали. Ряд авторов говорит о следах прямой миграции дюктайских групп в Новый Свет, хотя сопоставление форм наконечников и бифасов памятников Алдана и Аляски демонстрирует существенные различия [Vasil'ev, 2011]. С другой стороны, есть стоянки своеобразной культуры ненана с каплевидными наконечниками, лишенные микропластинчатого компонента. Кроме того, на Аляске выделены северные палеоиндейские комплексы с метательными наконечниками различных

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

типов, в том числе желобчатых форм. Порой морфологическое сходство наконечников позволяет говорить о вероятности «обратной» миграции групп палеоиндейцев с основной территории Северной Америки на север, в Берингию, по «коридору Маккензи».

Цель доклада — охарактеризовать последние открытия в области изучения древнейшего прошлого Аляски. В настоящее время здесь завершены или реализуется ряд долговременных полевых проектов (в основном на открытых ранее памятниках, таких как Свон Пойнт и Оул Ридж [Reuther et al., 2023; Graf, 2019]), публикуются материалы раскопок прошлых лет (стоянка Драй Крик [Powers, 2017]), идет комплексное исследование палеогеографии плейстоцена, анализ и картирование источников каменного сырья, изучение технологии изготовления наконечников и др.

Ряд новых местонахождений открыт в центральной части Аляски, в бассейне р. Тананы. Отметим многослойную стоянку Хольцман Саут. Нижние слои памятника (С4 и С5), относимые ко времени 11–14 тыс. лет, доставили остатки очага, кости и бивень мамонта, остатки бизона и северного оленя, выразительный набор изделий из камня и два стержня из бивня [Wygal et al., 2018].

Менее выразительные остатки обитания человека в эпоху финального плейстоцена обнаружены в нижних горизонтах стоянок Кистоун Дьон [Lanoë et al., 2018], Линдас Пойнт (расположенной рядом с известным памятником Хили Лейк Вилледж [Younie, Gillispie, 2016]) и Нидайя На [Doering, Esdale, Catenacci, 2021]. Расширяется область распространения древнейших местонахождений. На юге Аляски, в долине р. Коппер, открыта стоянка Натаел На, это первая находка стратифицированного комплекса плейстоценового возраста в регионе [White, 2022].

В обобщающих работах основное внимание авторы уделяют дискуссионной проблеме соотношения археологических данных с построениями генетиков, говорящих о длительном пребывании предков обитателей Нового Света в Берингии, начиная с периода, предшествовавшего ледниковому максимуму [Graf, Buvit, 2017; Hoffecker, Pitulko, Pavlova, 2022]. В то же время однозначных археологических свидетельств в пользу присутствия человека на востоке Берингии ранее финала плейстоцена (начиная примерно от 14,2 тыс. лет назад по калиброванной радиоуглеродной шкале) не имеется.

Библиографический список

- Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В. Заселение человеком Нового Света: опыт междисциплинарного исследования. СПб., 2015.
- Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. М., 2014.
- Doering B. N., Esdale J. A., Catenacci S. D. Procurement, reduction, and use of lithic technology from ca. 9,500–11,800 years ago at Niidhaayh Na', Central Alaska // *PaleoAmerica*. 2021. Vol. 7, no. 3. P. 211–225.
- Graf K. E., Buvit I. Human dispersal from Siberia to Beringia. Assessing a Beringian standstill in light of the archaeological evidence // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58, suppl. 17. P. 583–603.
- Graf K. E., Gore A. K., Melton J. A., Marks T., DiPietro L., Goebel T., Waters M. R., Rhode D. Recent excavations at Owl Ridge, Interior Alaska: Site stratigraphy, chronology, and site formation and implications for Late Pleistocene archaeology and peopling of Eastern Beringia // *Geoarchaeology*. 2019. Vol. 35, iss. 1. P. 3–26.
- Hoffecker J. F., Pitulko V. V., Pavlova E. Y. Beringia and the settlement of the Western Hemisphere // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022. Т. 67, № 3. С. 882–909.
- Human colonization of the Arctic: The interaction between early migration and the paleoenvironment. London, 2017.

- Lanoë F. B., Reuther J. D., Holloway C. R., Holmes C. E., Kielhofer J. R. The Keystone Dune site: A Bølling-Allerød hunting camp in Eastern Beringia // *PaleoAmerica*. 2018. Vol. 4, no. 2. P. 151–161.
- Powers W. R., Guthrie R. D., Hoffecker J. F. Dry Creek: Archaeology and paleoecology of a Late Pleistocene Alaskan hunting camp. College Station, 2017.
- Reuther J. D., Holmes C. E., Smith G. M., Lanoë F. B., Crass B. A., Rowe A. G., Wooller M. J. The Swan Point site, Alaska: the chronology of a multi-component archaeological site in Eastern Beringia // *Radiocarbon*. 2023. Vol. 65, iss. 3. P. 693–720.
- Vasil'ev S. A. The earliest Alaskan archaeological record: a view from Siberia // *From the Yenisei to the Yukon: interpreting lithic assemblage variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*. College Station, 2011. P. 119–127.
- White J. T., Henry A., Kuehn S., Loso M. G., Rasic J. T. Terminal Pleistocene human occupation of the upper Copper River basin, southern Alaska: Results of test excavations at Natael Na' // *Quaternary International*. 2022. Vol. 640. P. 23–43.
- Wygall B. T., Krasinski K. E., Holmes C. E., Crass B. A. Holzman South: A Late Pleistocene archaeological site along Shaw Creek, Tanana valley, Interior Alaska // *PaleoAmerica*. 2018. Vol. 4, no. 1. P. 90–93.
- Younie A. M., Gillispie T. E. Lithic technology at the Linda's Point site, Healy Lake // *Arctic*. 2016. Vol. 69, no. 1. P. 79–98.

S. A. VASILIEV

EAST BERINGIA: NEW DATA ON THE EARLY SITES AND THE RECONSTRUCTION OF ANCIENT MIGRATIONS

The paper presents a review of the archaeological data obtained in recent years on the early sites of the American part of Beringia. Previous studies indicated the existence in the area at the end of the Pleistocene of a complex pattern of coexisting cultural traditions, probably reflecting the multi-directional migration routes of the ancient population. The authors summed up the results of the study of new locations in the region – Holzman South, Natael Na, Nidaya Na, Keystone Dune, and Lindas Point. As before, the main contradiction in the picture of the initial human colonization of the New World remained the gap between the genetic and the archaeological data. While the former suggested a long-time stay of the ancestors of the American population in the territory of Beringia, starting from the time preceding the last glacial maximum, the oldest reliably confirmed sites in the area belonged to the final Pleistocene, i. e. were no older than 14.2 thousand y. a.

Sergey A. Vasiliev – Doctor of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: sergevasiimk@gmail.com

Н. О. ВИКУЛОВА

ОРУДИЙНЫЙ НАБОР НА СТОЯНКАХ СРЕДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАССЕЙНА РЕКИ ЧИКОЙ

Средняя пора верхнего палеолита один из наименее изученных периодов в рамках каменного века Забайкалья. Согласно современным представлениям, к средней поро в диапазоне от 18 до 28 тыс. л. н. относятся стоянки Усть-Менза 1 (культурный слой 25), Усть-Менза 2 (культурные слои 25–27), Усть-Менза 5 (культурный слой 3), Усть-Менза 6 (культурные слои 3, 4), Усть-Менза 15 (культурный слой 1), стоянки Фомичево (культурный слой 4), Читкан (культурный слой 2), Мельничное 1 (культурный слой 1) и Мельничное 2 (культурный слой 3), также культурный слой 5 стоянки Усть-Менза 16 (Воровская). Культурная дифференциация археологического материала этого периода затруднена в связи с малочисленностью коллекций от 54 до 3000 предметов на разных памятниках.

Наиболее ярким комплексом среди указанных являются материалы многослойной стоянки Усть-Менза 6 (Груздевая), которые получены в результате исследований, проведенных в период с 2013–2019 по 2021–2023 гг. под руководством Н. О. Викуловой. Орудийный набор культурного слоя 3 будет рассмотрен в рамках доклада. Культурный слой 3 датируется в пределах 19–21 тыс. л. н.

Викулова Наталья Олеговна – Институт археологии РАН (Россия, Москва)
E-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Средняя пора верхнего палеолита один из наименее изученных периодов в рамках каменного века Забайкалья. Согласно современным представлениям, к средней поре в диапазоне от 18 до 28 тыс. л. н. относятся стоянки Усть-Менза 1 (культурный слой 25), Усть-Менза 2 (культурные слои 25–27), Усть-Менза 5 (культурный слой 3), Усть-Менза 6 (культурные слои 3, 4), Усть-Менза 15 (культурный слой 1), стоянки Фомичево (культурный слой 4), Читкан (культурный слой 2), Мельничное 1 (культурный слой 1) и Мельничное 2 (культурный слой 3), также культурный слой 5 стоянки Усть-Менза 16 (Воровская) [Викулова, 2021; 2023; Константинов и др., 2014].

Стоянка Усть-Менза 6 (Груздевая) открыта в 1992 г. Л. В. Семиной в рамках работы Чикойской археологической экспедиции [Семина, 1993]. Стационарные исследования на памятнике были начаты в 2012 г., памятник изучен на площади 127 кв. м. В результате проведенных исследований выявлено семь культурных слоев, среди которых слои 3 и 4 относятся к средней поре верхнего палеолита. Культурный слой 3 датируется в пределах 19–21 тыс. л. н. [Рыжов и др., 2015]. Впервые для региона была выявлена репрезентативная коллекция этого периода, состоящая из более чем 2000 предметов, включающих всю цепочку первичного расщепления и орудийный набор.

Культурный слой 3 представлен коллекцией из 979 каменных артефактов. Зафиксирован в бурой супеси мощностью 30–40 см (литологический слой 3). *Орудийный набор* включает 33 изделия (4%). Основная форма орудий для слоя 3 это острие – 13 экз., скребок – 7 экз., долотовидное орудие 3 экз., резчик – 1 экз., проколка – 3 экз., шиповидное, фрагмент пластинки с ретушью по 1 экз. и 2 чоппера. Вторичная обработка представлена дорсальной и вентральной, мелкофасеточной, разнофасеточной, ступенчатой, ситуационной ретушью.

Орудийный набор представлен серией острий на базе пластинок и отщепов. Острия имеют размеры в пределах 1–2 см. Рабочая часть оформлена разнофасеточной ретушью, также фиксируется утилитарная ретушь. Материалом для одного из орудий, размером 1×1 см послужил горный хрусталь, рабочий край оформлен мельчайшей ретушью. Три острия, которые могли служить проколками, выполнены на галечных заготовках. Рабочие края оформлены формирующими снятиями. Острия являются самым распространенным видом орудия среди материала данного слоя.

1. Острие из горного хрусталя на отщепе 1×1,2×0,2 см. Рабочий край сформирован двумя противоположащими сколами и приостряющей ретушью.

2. Острие на дистальном фрагменте пластинки 2×1,3×0,4 см. На левом маргинале орудия клетонский анкош и следы утилизационного износа. Возможно, орудие использовалось в качестве комбинированного.

3. Острие на пластинчатом отщепе из черного кремня 2×0,9×0,3 см. Рабочий край сформирован мелкофасеточной ретушью и подтеской. На правом маргинале выемка, возможно использовалась в качестве рабочей.

4. Острие на отщепе из серо-коричневого кремня $2 \times 1,3 \times 0,4$ см. Рабочий край сформирован двумя снятиями.

5. Острие на пластинчатом отщепе $2,6 \times 0,9 \times 0,3$ см. Рабочий край сформирован одним сколом. Предмет несет следы утилизационного износа.

6. Острие на пластинчатом отщепе из серого кремня $3 \times 0,9 \times 0,3$ см. Спинка отмечена плиточной коркой. Рабочий край оформлен двумя противоположащими миниатюрными снятиями.

Также для культурного слоя 3 отмечена серия проколов.

1. Проколка подтреугольных очертаний на галечном отщепе $2,8 \times 2,5 \times 0,4$ см. Рабочий край сформирован серией снятий по противоположным маргиналам. Носик оформлен двумя фасетками. Отмечен следами утилизационного износа.

2. Проколка подтреугольных очертаний на галечном отщепе $2,3 \times 1,8 \times 0,3$ см. Рабочий край сформирован противоположащими фасетками. Проксимальная часть предмета отмечена фрагментом галечной корки.

3. Проколка подпрямоугольных очертаний на галечном отщепе $1,5 \times 1,3 \times 0,3$ см. Рабочий край сформирован противоположащими фасетками. Орудие вероятно длительное время использовалось и несет ярко выраженные следы утилизационного износа.

В единственном экземпляре отмечен резчик. Он выполнен на проксимально-медиальном фрагменте пластинки $3,5 \times 1,5 \times 0,4$ см. Рабочий край сформирован аккомодационной ретушью. Предмет несет следы утилизационного износа.

Долотовидное орудие выполнено на отщепе подпрямоугольных очертаний из коричневого кремня $4 \times 3,2 \times 1$ см. Рабочий край сформирован серией разнофасеточных снятий и подтеской. Вентральная сторона отмечена выкрашиванием части рабочего лезвия, вероятно, вследствие износа.

В группе скребков выделяются:

– скребок на базе ложевидного отщепа из красно-коричневой яшмы; рабочий край оформлен мелкой чешуйчатой ретушью; отмечается выемка от вероятного крепления.

– скребок на базе галечного отщепа; рабочий край оформлен крупной чешуйчатой ретушью, фиксируется утилитарная ретушь.

– скребок, переоформленный из скола оживления ударной площадки нуклеуса; рабочий край оформлен четырьмя снятиями и мелкой ретушью.

– скребок с рабочей выемкой оформленной мелкой ретушью; имеет удобную форму для крепления рукояти;

– скребок с двумя рабочими поверхностями, оформленными формирующей ретушью.

Также орудийный набор культурного слоя 3 стоянки Усть-Менза 6 (Груздевая) отмечен серией макроорудий. Особенно примечателен конвергентный чопшер с двумя рабочими поверхностями на массивном долечном сколе гальки. Один рабочий край оформлен серией снятий и противоположащей уплощающей фасеткой. Второй рабочий край сформирован одним крупным снятием и ситуационной ретушью. Также в качестве рабочего мог использоваться носик орудия. Метрические характеристики $11,5 \times 10,5 \times 4,5$ см.

Полных аналогий выявленному комплексу культурного слоя 3 стоянки Усть-Менза 6 (Груздевая) в Забайкалье и сопредельных территориях не отмечено. Острия, напоминающие сегменты, позволяют искать аналогии на территории Монголии в материалах стоянки Толбор.

Библиографический список

- Викулова Н. О. Комплексы средней поры верхнего палеолита бассейна реки Чикой (Западное Забайкалье) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 1. С. 68–84. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-68-84
- Викулова Н. О. Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая): предварительные результаты изучения культурных слоёв 3 и 4 // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 128–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-128-140
- Константинов М. В., Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В., Викулова Н. О. Новые данные по палеолиту Усть-Мензы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V Международной научной конференции: в 2 ч. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 57–59.
- Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В., Голубцов В. А., Константинов М. В., Викулова Н. О. Этапы формирования отложений покровного комплекса высоких террас р. Чикой (Усть-Мензинский георхеологический район) в позднем плейстоцене и голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2015. Вып. 4. С. 170–183.
- Семина Л. В. Научный отчет о полевых исследованиях (Песчаная тропа, Крапивный мыс, Кабаний ключ, Звериная тропа, Усть-Менза 6). Чита, 1993.

N. O. VIKULOVA

A TOOL SET FROM THE OCCUPATION SITES OF THE MIDDLE PERIOD OF THE UPPER PALEOLITHIC IN THE CHIKOI RIVER BASIN

The middle period of the Upper Paleolithic is one of the least studied periods within the Stone Age of Trans Baikal Region. According to modern concepts, the middle period in the range from 18 to 28 thousand y. a. covered the sites of Ust-Menza 1 (cultural level 25), Ust-Menza 2 (cultural levels 25–27), Ust-Menza 5 (cultural level 3), Ust-Menza 6 (cultural levels 3, 4), Ust-Menza 15 (cultural level 1), occupation sites Fomichevo (cultural level 4), Chitkan (cultural level 2), Melnichnoye 1 (cultural level 1) and Melnichnoye 2 (cultural level 3), as well as cultural level 5 of occupation site Ust-Menza 16 (Vorovskaya). Cultural differentiation of the archaeological material of this period is difficult due to the paucity of assemblages from 54 to 3000 items from different sites. The most interesting complex of the above listed sites was represented by the materials of the multilevel Ust-Menza 6 (Gruzdevaya) occupation site obtained as a result of research conducted in the period from 2013–2019 to 2021–2023 under the supervision of N. O. Vikulova. The tool set of cultural level 3 will be described in the report. Cultural level 3 was dated within the range of 19–21 thousand y. a.

Natalia O. Vikulova – Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: natasha_vikulova@mail.ru

A. B. ВОЛОКИТИН, Н. А. ВОЛОКИТИНА

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ МЕЗОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

На европейском Северо-Востоке в настоящее время наиболее плодотворно изучаются мезолитические памятники так называемой западной традиции. Самые ранние стоянки этой традиции Парч 1 и Парч 2 расположены в долине р. Вычегда и датируются рубежом пребореального и бореального времени голоценовой эпохи. Однако находки таких же как на этих стоянках черешковых наконечников стрел на пластинах имеются на местонахождениях в приполярной и заполярной зонах региона. Памятники Выльс Том 2, Выльс Том 3, Очью катище, расположенные в непосредственной близости друг от друга в среднем течении р. Ижма, датируются концом бореального времени. При

сходстве технико-типологических показателей с парчевскими в их орудийном наборе отсутствуют наконечники стрел. Заключительную стадию данной традиции можно увидеть в материалах стоянок Топыд-Нюр 5 и Топыд-Нюр 7 на р. Печора.

Волокитин Александр Васильевич – к.и.н., Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар)

E-mail: volkt54@mail.ru

Волокитина Надежда Александровна – к. культ., Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар)

E-mail: anjis@rambler.ru

На европейском Северо-Востоке (ЕСВ) изучение мезолитических памятников началось во второй половине 1950-х гг. в ходе первоначального обследования обширных территорий в бассейнах рр. Вычегда и Печора. В этот период, продолжавшийся до конца 1970-х гг., были сформулированы две точки зрения на мезолит региона. Большая часть исследователей не видели различий в культурном отношении в общей массе инвентарей мезолитических памятников региона. Вместе с тем они полагали, что мезолит ЕСВ сформировался из разных источников, подразумевая мезолитические культуры соседних регионов: Прикамья, средней и верхней Волги и даже Прибалтики. По мнению исследователей (В. И. Канивец, В. Е. Лузгин, И. В. Верещагина), здесь происходило «нивелирование» особенностей и формирование «местной» археологической культуры. Различия в мезолитических материалах региона рассматривались как хронологические изменения.

Однако Г. М. Буров, открывший и исследовавший Висский 1 торфяник, а также мезолитические материалы близлежащих суходольных комплексов, счел возможным выделить культурные типы: висский и камско-печорско-вычегодский, позднее получивший наименование камско-печорский. Эту точку зрения Г. М. Бурува поддержала Э. С. Логинова и отчасти к ней присоединилась Л. Л. Косинская [Волокитин, 2012].

Последующие исследования, начатые в 1980-х гг. и значительно расширившие источниковую базу, обусловили выделение в мезолите ЕСВ культурных традиций. Одна из них приуральская, где отмечено сходство с мезолитическими памятниками Среднего Приуралья, или точнее, с нижнеадищевским этапом камской мезолитической культуры («камского мезолита»). В основном памятники этой традиции исследованы на Вычегде, на р. Ижма это – стоянка Лек-Леса.

Другая традиция получила условное наименование западная. Памятники этой традиции в настоящее время исследуются наиболее плодотворно. Основой выделения ранней стадии этой традиции послужили материалы пойменных стоянок в верхней части долины р. Вычегда – Парч 1 и Парч 2 с датами, уходящими в пребореал. Отличительная особенность этой стадии – наличие черешковых наконечников стрел на пластинах. Такие же наконечники помимо парчевских стоянок имеются на памятниках приполярной (Пижма 2, Адзва 1) и заполярной зоны (Сандибей-ю 1) ЕСВ. К сожалению, это или поверхностные сборы, или материалы многослойных нестратифицированных памятников [Волокитин, 2006].

Сходство техники расщепления, технико-типологические характеристики орудийного набора позволяют считать памятники, исследуемые начиная с 2010 г. в Ижма-Томском геoarхеологическом микрорайоне в среднем течении р. Ижма, принадлежащими той

же западной традиции. Вместе с тем они значительно моложе. Здесь на многослойном археологическом памятнике Вылыс Том 2, в аллювиальных отложениях первой надпойменной террасы изучены два мезолитических горизонта с датами, относящимися к концу бореального периода голоцена [Волокитин, Волокитина, 2022а]. Следует отметить, что в орудийном наборе этого памятника, а также стоянок Вылыс Том 3 и Очью катище, расположенных неподалеку от памятника Вылыс Том 2, отсутствуют наконечники стрел на пластинах. Не менее интересно и то обстоятельство, что в Ижма-Томском микрорайоне имеются также памятники приуральской традиции (стоянка Лек-Леса) с близкими датировками [Волокитин, Волокитина, 2022б].

К заключительной стадии данной традиции стоит отнести стоянки Топыд-Нюр 5 и Топыд-нюр 7 в бызовском геоархеологическом микрорайоне на Средней Печоре [Волокитин, 1997], а также, весьма вероятно, стоянку Мартющевская 8 на Верхней Печоре [Волокитин, Волокитина, 2022в].

Библиографический список

- Волокитин А. В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–145.
 Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.
 Волокитин А. В. Освоение европейского Северо-востока в эпоху мезолита: подходы и решения // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие: международная конференция к 100-летию Н. Н. Гуриной, Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2009 года. СПб., 2012. С. 69–74.
 Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Вылыс Том 2 – многослойный археологический памятник в долине р. Ижмы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022а. Т. 42. С. 92–105.
 Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Мезолит Ижма-Томского геоархеологического микрорайона: Северное Приуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2022б. № 20. С. 49–57.
 Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Новые данные по мезолиту р. Печора // Уфимский археологический вестник. 2022в. Т. 22, № 1. С. 6–14.

A. V. VOLOKITIN, N. A. VOLOKITINA

ABOUT THE SO-CALLED WESTERN MESOLITHIC TRADITION OF THE EUROPEAN NORTHEAST

The most productive research in the European Northeast the most productive research is currently focused on the Mesolithic sites of the so-called Western tradition. The earliest sites of this tradition, Parch 1 and Parch 2, are located in the valley of the Vychegda River and are dated as the turn of the pre-Boreal and Boreal period of the Holocene. However, tanged points on blades similar to the finds from these sites are also found at locations in the circumpolar and polar zones of the region. The sites Vylys Tom 2, Vylys Tom 3, and Ochjyu Katishche located in the immediate vicinity of each other in the middle reaches of the Izhma River date back to the end of Boreal period. Despite the similarity of technical and typological characteristics with the Parch sites, there are no arrowheads in their tool assemblages. The final stage of this tradition can be seen in the materials of Topyd-Nyur 5 and Topyd-Nyur 7 sites on the Pechora River.

Alexander V. Volokitin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)

E-mail: volkt54@mail.ru

Nadezhda A. Volokitina – Candidate of Cultural Studies, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)

E-mail: anjis@rambler.ru

М. Г. ЖИЛИН

СВИДЕРСКИЙ СЛЕД В МЕЗОЛИТЕ ГОРНОГО КРЫМА*

В настоящее время в Горном Крыму культурные слои с материалами свидерской культуры исследованы на трех стоянках: Сюрень II, Буран-Кая III и Шпан-Коба. ¹⁴C даты относят их к рубежу плейстоцена — голоцена и началу пребореального периода. Эти стоянки появились в результате миграции в Крым части населения свидерской культуры с ее основной территории. Наиболее ярким артефактом позднего этапа свидерской культуры являются иволжистые наконечники стрел на пластинах с обработкой насада плоской вентральной ретушью. Наличие наконечников стрел свидерского типа в инвентаре памятников шан-кобинской, шпанской и мурзак-кобинской культур говорит о продолжении традиций крымского свидера на протяжении всего мезолита. Вместе с тем роль этих наконечников в охотничьем вооружении указанных мезолитических культур была весьма скромной по сравнению с геометрическими микролитами и различными остриями.

Жилин Михаил Геннадиевич — д.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва)

E-mail: mizhilin@yandex.ru

Первая свидерская стоянка — грот Сюрень II была открыта и частично раскопана К. С. Мережковским в 1879 г. В 1924 г. ее раскопки продолжил Г. А. Бонч-Осмоловский, а в 1954–1955 гг. — Е. А. Векилова [1961]. В настоящее время в Горном Крыму культурные слои с материалами свидерской культуры исследованы на трех многослойных пещерных стоянках: Сюрень II, Буран-Кая III и Шпан-Коба. Эти памятники дали выразительные серии кремневых изделий, имеющих прямые аналогии в материалах свидерской культуры Польши, Прибалтики, Белоруссии и Украины [Бибиков, Станко, Коен, 1994; Залізняк, Яневич, 1987]. Наиболее точные радиоуглеродные AMS даты свидерского слоя стоянки Буран-Кая III — 10050±70 (GifA-1219 SacA-5135), 10040±45 (OxA-25670) и 10010±60 (GrA-50461) BP [Péan et al., 2013]; даты свидерского слоя стоянки Шпан-Коба в интервале 9930±60 (KIA-3685) — 9730±50 (KIA-3687) BP [Яневич, 1993], что соответствует рубежу плейстоцена — голоцена и началу пребореального периода. Это также соответствует датам позднего этапа свидерской культуры Польши и Литвы.

Большинство исследователей рассматривает их как результат миграции группы свидерского населения в Крым с территории основного ядра свидерской культуры [Векилова, 1961; Залізняк, Яневич, 1987; Yanevich, 1999]. С. Н. Бибиков, В. Н. Станко и В. Ю. Кэен [Бибиков, Станко, Коен, 1994] выделяют культуру Сюрени II, которая сложилась, по их мнению, в результате контактов населения Средиземноморской и Североевропейской областей. Однако они оперируют смешанными материалами, что и приводит к «смешанным» выводам. В. А. Манько [2020] считает, что памятники крымского свидера являются результатом миграции населения докерамического неолита (PPNB) из восточного Средиземноморья. Но этот вывод основан только на отдельных сходных элементах этих индустрий, разделенных очень большим и труднопроходимым пространством. К тому же у населения PPNB и свидерских стоянок Крыма было совершенно разное хозяйство, и не было никаких предпосылок для такой миграции.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00236 «Стоянки финального палеолита и мезолита балки Замиль в Крыму» (рук. М. Г. Жилин)

Техника расщепления кремня на свидерских памятниках Горного Крыма типична для свидерской культуры. Среди орудий со вторичной обработкой наиболее многочисленны концевые скребки и резцы разных типов: с ретушированной площадкой, двугранные и на сломе заготовки. Острия со скошенным концом или затупленным краем малочисленны. Прочие орудия единичны. В материалах свидерского слоя стоянки Сюрень II из раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского, хранящихся в МАЭ РАН (колл. № 5398) геометрических микролитов нет. Наиболее яркими артефактами позднего этапа свидерской культуры являются иволистные наконечники стрел на пластинах с обработкой насада плоской вентральной ретушью. Такие наконечники сериями представлены на указанных свидерских стоянках Крыма.

Подобные наконечники стрел в виде небольших серий или отдельных находок встречаются и на ряде раскопанных стоянок мезолита в Горном Крыму. В раннем мезолите они есть в памятниках шанкобинской культуры – в слое 6/0 стоянки Шан-Коба, который датирован позже 9910 ± 180 BP (Ki-11085), и в слоях 5 и 6 стоянки Фатьма-Коба [Бибииков, Станко, Коен, 1994; Яневич, 2019; Yanevich, 1999]. К более позднему времени в пределах раннего или среднего мезолита относятся свидерские наконечники из слоя 2 шпанской культуры стоянки Шпан-Коба, датированного 9575 ± 45 BP (GrA-50244) [Яневич, 1993; 2019; Yanevich, 1999]. По мнению А. А. Яневича, к этой же культуре относится слой 4 стоянки Шан-Коба, имеющий даты 9575 ± 45 (Ki-11085) и 9366 ± 73 (KIA-9570) BP [Яневич, 1993; 2019], где встречено два свидерских наконечника [Бибииков, Станко, Коен, 1994]. В позднемезолитической мурзак-кобинской культуре свидерские наконечники найдены в культурных слоях 3 и 2 Фатьма-Кобы, в слое 3 Мурзак-Кобы [Там же] и в верхнем слое Замиль-Кобы [Крайнов, 1938]. Их хронология определяется радиоуглеродными датами мурзаккобинского слоя 3 стоянки Шан-Коба, которые ложатся в интервал 8357 ± 52 (KIA-9571) – 7760 ± 52 (KIA-9572) BP [Бьяджи, Киосак, 2017].

Помимо этого, единичные свидерские наконечники или их небольшие серии присутствуют в материалах из смешанных слоев или среди находок с поверхности разрушенных стоянок: Буран-Кая навес, Су-Ат III, Ала-Чук [Yanevich, 1999].

Приведенный краткий обзор показывает, что появление свидерских памятников в Горном Крыму на рубеже плейстоцена и голоцена было, вероятно, весьма непродолжительным, но ярким эпизодом. Технология обработки кремня, основные типы орудий и структура каменного инвентаря этих памятников подтверждает правильность вывода об их появлении в результате миграции небольшой части населения свидерской культуры с территории ее основного ядра. Наличие наконечников стрел свидерского типа в инвентаре памятников шанкобинской, шпанской и мурзак-кобинской культур говорит о продолжении традиций крымского свидера на протяжении всего мезолита. Вместе с тем роль этих наконечников в охотничьем вооружении указанных мезолитических культур была весьма скромной по сравнению с геометрическими микролитами и различными остриями.

Библиографический список

- Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса, 1994.
 Бьяджи П., Киосак Д. Новые даты для финального палеолита и мезолита Горного Крыма // Археология Северного Причерноморья в мировом контексте. Одесса, 2017. С. 187–197.
 Векилова Е. А. К вопросу о свидерской культуре в Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1961. № 82. С. 143–149.

- Залізник Л. Л., Яневич О. О. Свідерські мисливці гірського Криму // Археологія. 1987. Т. 60. С. 6–17.
- Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба I // Труды Государственного Исторического музея. 1938. Вып. 8. С. 7–32.
- Манько В. А. Крымский свидер или крымский PPNB? // Camera Praehistorica. 2020. № 1 (4). С. 8–26.
- Яневич О. О. Шпанська мезолітична культура // Археологія. 1993. № 1. С. 3–15.
- Яневич О. О. Радіовуглецева хронологія фінального палеоліту, музоліту та неоліту Криму в археологічному та палеоекологічному контекстах // VITA ANTIQUA. 2019. Вип. 11. С. 116–137.
- Réan S., Puaud S., Crépin L. et al. The Middle to Upper Paleolithic sequence of Buran-Kaya III (Crimea, Ukraine): New Stratigraphical, Paleoenvironmental and Chronological Results // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, iss. 3. P. 1454–1469.
- Yanevich A. Das Swiderien der Krim // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 36–46.

M. G. ZHILIN

SWIDERIAN TRAIL IN THE MESOLITHIC OF THE CRIMEAN MOUNTAINS

The cultural levels with the materials of Swiderian culture in the Crimean Mountains have been so far studied at three sites: Suren II, Buran-Kaya III and Shpan-Koba. The ¹⁴C measurements dated them to the turn of the Pleistocene – Holocene and the beginning of the Pre-Boreal period. These sites appeared as a result of migration of a part of the Swiderian culture population from its main territory to the Crimea. The most striking artifacts of the late stage of Swiderian culture were the willow-leaf shaped arrowheads on blades with a flat ventral retouching of the pin. The presence of Swiderian type arrowheads in the assemblages of the sites of Shpan-Koba, Shpan and Murzak-Koba cultures indicated the continuation of the Crimean Swiderian tradition throughout the Mesolithic. At the same time, the role of these arrowheads in the hunting gear of the said Mesolithic cultures was quite modest compared to the geometric microliths and various points.

Mikhail G. Zhilin – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: mizhilin@yandex.ru

А. В. КАНДЫБА, И. С. ПАВЛОВ, Н. И. ПАВЛОВА, А. В. ПРОТОПОПОВ

НОВЫЕ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В докладе представлена реконструкция физико-географических условий в плейстоцене в Восточной Сибири с детальным изучением районов первоначального расселения и этапов освоения данной территории древним гомининами. Обнаружение в 2020 г. местонахождения полуострова Быковский демонстрирует поверхностный характер залегания палеонтологического и археологического материала. В разрозненном состоянии обнаружены останки восьми видов плейстоценовой фауны, часть из которых была фрагментирована древним человеком. В 2021 г. были проведены полевые исследования в заливе Неелова со стороны полуострова Быковский и в междуречье Кожевена-Волосовича на севере острова Котельный Новосибирских островов. Данные районы представляют собой арктическую тундру с активными термоденудационными процессами, которые способствуют обнаружению палеонтологических остатков мамонтовой фауны, и приводят, зачастую, к регулярному сезонному уничтожению палеонтологических и археологических объектов.

Кандыба Александр Викторович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Павлов Иннокентий Семенович — Академия наук Республики Саха (Якутия) (Россия, Якутск)

E-mail: pavlovin@mail.ru

Павлова Нарыйа Иннокентьевна — Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: naryya.pavlova@mail.ru

Протопопов Альберт Васильевич — д.б.н., Академия наук Республики Саха (Якутия) (Россия, Якутск)

E-mail: a.protopopov@mail.ru

Изучение проблемы первоначального освоения и последующего расселения древними популяциями человека экстремальных природных зон является сложным для изучения, но, в случае обнаружения археологических и палеонтологических местонахождений, очень информативным источником. Обнаружение в 2020 г. местонахождения Муостах на одноименном мысе полуострова Быковский демонстрирует поверхностный характер залегания палеонтологического и археологического материала. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы. Обнаруженные кости, в зависимости от того залегали ли они в мерзлоте или были перезахоронены, имеют разную степень сохранности и в основном фрагментированы. В разрозненном состоянии обнаружены останки восьми видов плейстоценовой фауны (мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц, овцебык), часть которых была фрагментирована, предположительно, древним человеком. Предварительный трасологический анализ остеологической коллекции с местонахождения Муостах показал, что следы искусственной обработки присутствуют на пяти фрагментах костей. Одной из самых насыщенных по количеству свидетельств искусственной обработки находок является фрагмент кости волка. Недалеко от эпифиза фиксируется серия многочисленных параллельных тонких линейных следов, расположение которых указывает на диагональное относительно продольной оси скобление. Кость также подверглась строганию, о чем свидетельствуют ярко выраженные серии тонких прямых линейных следов, локализованных параллельно продольной оси в медиальной части ближе к зоне фрагментирования. Ближе к эпифизу эти следы иногда перекрывает яркая заполировка, возможно, кость использовали для лощения. К сожалению, не все участки предмета отличаются хорошей сохранностью, на противоположной стороне поверхность повреждена процессами деградации. Однако сочетание следов обработки с целью придания формы и интенсивный блеск, предположительно от утилизации, указывают на активное использование этого фрагмента кости волка человеком. Возможно, характер слома также указывает на искусственный характер фрагментирования кости. Радиоуглеродный возраст данного образца составляет 16212 ± 81 лет (GV-03118). Кроме того, общая морфология некоторых предметов указывает на искусственную обработку. На двух фрагментах крупных костей мамонта отмечаются ровные края, свидетельствующие о рубке. Радиоуглеродный возраст этих образцов составляет 34792 ± 782 лет (GV-03120) и 53119 ± 7764 лет (GV-03122). Пластина из бивня также, несмотря на отсутствие микро- или макропризнаков искусственной модификации, предположительно могла быть получена путем расщепления или расклинивания пульпарной стенки бивня, и имеет радиоуглеродную дату 25392 ± 257 (GV-03115). Также еще один фрагмент бивня мамонта сохраняет участки тонких линейных следов порезов и имеет открытую дату > 50000 (GV-03117). Из

вышеуказанного видно, что подъемный комплекс местонахождения Муостах разновременный и фиксирует эпизодическое появление древнего населения на данном участке побережья моря Лаптевых. Фаунистический комплекс без следов антропогенного воздействия также демонстрирует различный возраст обнаруженных образцов. Так лопатка лошади имеет радиоуглеродный возраст 26997 ± 298 лет (GV-03124), а пятка бизона — 53231 ± 7738 (GV-03125). Точный возраст местонахождения на данный момент определить трудно. Обнаруженный видовой состав местонахождения Муостах позволяет говорить о принадлежности костей к плейстоценовой фауне.

В изучении археологии арктического севера Якутии наиболее значительные открытия были сделаны в 1989–1990, 2000–2005 гг., когда была обнаружена и исследована Жоховская стоянка — один из самых северных в мире археологических памятников, датированный возрастом 8250–7800 л. н. [Питулько, 1998; Питулько, Павлова, 2015]. На стоянке были найдены каменные, костяные и роговые орудия, плетеные изделия, фаунистический и антропологический материал, ставшие ценным источником по реконструкции жизни людей в раннем голоцене в этой части Восточно-Сибирской Арктики, когда Новосибирские острова еще оставались частью материковой суши [Питулько, 2019]. Изучение Новосибирских островов продолжалось в 2000-х гг., когда были выявлены также одновременные следы пребывания древнего человека на о-вах Анжу. На о. Котельном была открыта стоянка Тугуттах возрастом 6,7 тыс. лет с микропризматической индустрией, а на о. Новая Сибирь — подъемный материал из фрагментов нуклеусов из бивней мамонтов возрастом около 36 тыс. лет [Питулько и др., 2015]. В 2019 г. на о. Котельный Новосибирского архипелага в ходе изыскательных работ палеонтологической экспедиции РГО в междуречье Кожевена-Воллосовича были обнаружены костные останки шерстистого мамонта (примерно 30–40 % от полного скелета) возрастом 26 тыс. л. н. [Павлов, Suzuki, 2020]. На местонахождении были найдены фрагменты черепа, бивней, лопатка, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагмент крестца, фрагменты ребер, таза и костей конечностей. Также были обнаружены следы от орудий древнего человека (порезы, царапины) на черепе, позвонках и ребрах. Рядом со скелетными остатками были найдены и идентифицированы орудия труда древнего человека, предположительно, точило для ножа со следами интенсивного использования и что-то типа лопаточки. Новые открытия на Новосибирских островах стали известны в 2020 г., когда была открыта стоянка на о. Столбовом, единственный артефакт на полуострове Тас-Ары о. Котельный и единичный артефакт в центральной части о. Новая Сибирь [Дьяконов и др., 2020]. В 2017 г. на поверхности песчаной косы, составляющей южную оконечность небольшого острова Муостах, расположенного в море Лаптевых, в 40 км на восток-юго-восток от пос. Тикси, было обнаружено ножевидное изделие, относящееся, вероятно, к позднему палеолиту.

Полученные результаты изучения местонахождения Муостах имеют существенное значение для активно разрабатываемой в современном научном сообществе тематики путей заселения человеком современного антропологического типа территории Евразии и развития моделей палеоэкологических ситуаций в позднем плейстоцене. Мультидисциплинарные исследования, которые охватывают все стороны палеогеографических обстановок в контексте взаимодействия древнего человека и палеосреды на территории Восточной Сибири на основе современных методов изучения, имеют важное прикладное значение, как пример применения этих методик для археологических и

палеоэкологических обстановок, происходящих из различных территорий и относящихся к различным культурно-хронологическим этапам.

Библиографический список

- Дьяконов В. М., Симокайтис Т. Б., Протопопов А. В., Павлов И. С., Плотников В. В., Хлагула И., Долакова Н. Новые местонахождения и объекты археологии на архипелаге Новосибирских островов // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: тезисы Международной научной конференции (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.). Красноярск, 2020. С. 24–25.
- Павлов И. С., Suzuki N. Табаюрхский мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum, 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2020. Т. 25, № 2. С. 56–66.
- Питулько В. В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб., 2019. С. 103–136.
- Питулько В. В. Жоховская стоянка. СПб., 1998.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Записки ИИМК РАН. 2015. № 12. С. 27–55.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., Базилян А. Е., Анисимов М. А., Ремизов С. О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 152–176.

A. V. KANDYBA, I. S. PAVLOV, N. I. PAVLOVA, A. V. PROTOPOPOV

NEW LATE PLEISTOCENE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE ARCTIC ZONE OF EASTERN SIBERIA

The paper presents reconstruction of the physical and geographical conditions in the Pleistocene in Eastern Siberia with a detailed study of the areas of initial settlement and the stages of colonization of this territory by the ancient hominins. The discovered in 2020 location on Bykovsky Peninsula cape demonstrated a surface type of deposition of paleontological and archaeological material. The finds included fragmented Pleistocene fauna complexes, some of which were apparently fragmented by the ancient man. In 2021, field studies were carried out in Neelov Bay on the side of Bykovsky peninsula and the Kozhevin-Vollosovich interfluvium in the north of Kotelný Island of the Novosibirsk Islands archipelago. These areas represented the arctic tundra with active thermal denudation processes, which contributed to the discovery of paleontological remains of the mammoth fauna, and often led to regular seasonal destruction of paleontological and archaeological sites.

Alexander V. Kandyba – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: arhkandyba@gmail.com

Innokenty S. Pavlov – Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) (Russia, Yakutsk)

E-mail: pavlovinn@mail.ru

Naryya I. Pavlova – Institute for Biological Problems of Cryolithozone, Siberian Branch of the RAS (Russia, Yakutsk)

E-mail: naryya.pavlova@mail.ru

Albert V. Protopopov – Doctor of Biological Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) (Russia, Yakutsk)

E-mail: a.protopopov@mail.ru

Н. С. КИРЬЯНОВ

ПАЛЕОЛИТ ВИЛЮЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ

В археологическом отношении палеолит бассейна р. Вилюй (Западная Якутия) изучен достаточно слабо и неравномерно. К настоящему времени известны только памятники Мунгхарыма I и II, Тимирдях-Хая, отдельные широкие пластины из многослойных стоянок Усть-Чиркуо I и II, а также часть находок из смешанных культурных комплексов, которые исследователи в целом относят к доголоценовому этапу. Последние литолого-фациальные исследования 65-метровой цокольной террасы р. Вилюй относят накопление ее аллювиальной толщи к первой половине каргинского интерстадиала. Вероятно, к этому времени надо относить и первые проникновения человека на Вилюй, предварительно датируя этот этап в границах 70–35 тыс. л. н., относя в широком диапазоне к верхнему неоплейстоцену.

Кирьянов Николай Сергеевич – к.и.н., Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия) (Россия, Якутск)
E-mail: ns_kiryanov@bk.ru

На сегодняшний день доголоценовая история бассейна р. Вилюй представлена памятниками среднего/верхнего палеолита Мунгхарыма I и II и Тимирдях-Хая (в нижнем течении), и комплексом из широких удлинённых пластин карабомовского (?) типа из стоянок Усть-Чиркуо I и II в верхнем [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 7–27]. Отдельные находки палеолитического облика отмечены еще на девяти памятниках и получены в результате подъемных сборов, либо из смешанного культурного слоя: Чачана II, Туой-Хая I, Ахтаранда, Улахан-Ботуобуя III, Куокуну III, Бакемда, Кюскюнде, Харыя, Таланда I [Антипина, 1995]. Гипотетическая принадлежность культурных остатков стоянки Усть-Чиркуо III к раннему палеолиту [Мочанов и др., 1991, с. 26] пока не подтверждена.

Несмотря на имеющийся ряд проблем и нерешенных задач для верхнего звена неоплейстоцена Сибири и Таймыра в утвержденной в 2013 г. Карте четвертичных образований Российской Федерации [Карта четвертичных образований..., 2013; Унифицированная региональная стратиграфическая схема..., 2010], имеющих важное значение для хроностратиграфии палеолита Вилюя, его освоение палеолитическим человеком можно считать доказанным. Это подтверждается приуроченностью памятников Мунгхарыма I, II и Тимирдях-Хая к наиболее высоким плейстоценовым надпойменным террасам Вилюя (II-ой и IV-ой) с обилием холодостойкой фауны, где в одном слое наряду с костями шерстистого носорога и мамонта отмечаются кварцитовые двусторонне обработанные ручные рубила, ножи с обушком и секировидной формы, наконечники копий, скребла и чопперы [Мочанов, 2007, с. 64–72]. Значимым хронологическим показателем палеолита является наличие на вышеуказанных памятниках кварцитовых и кремневых клиновидных нуклеусов или их заготовок.

Последние литолого-фациальные исследования 65-метровой цокольной террасы р. Вилюй в нижнем течении относят накопление ее аллювиальной толщи к первой половине каргинского интерстадиала (QIII₃) [Галанин и др., 2015, с. 45–49; Павлова, 2018, с. 289]. Вероятно, с этим периодом и надо связывать первое проникновение человека на Вилюй. Этому не противоречат данные фаунистического состава памятников Мунгхарыма I, II и Тимирдях-Хая, а также пока единственная некалиброванная дата по лопатке мамонта

<41310 л. н. (СОАН-6361), залегающей с каменными орудиями в серовато-голубоватых суглинках стоянки Мунгхарыма I.

Первоисследователи Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева относят памятник Мунгхарыма I к казанцевскому времени (QIII₁) на основании данных радиотермолюминесцентного датирования: для подстилающих культурные находки слоев руслового аллювия — 600±150 тыс. л. н. (РТЛ-957) и перекрывающих их — 150±38 тыс. л. н. (РТЛ-958), а также наличие в комплексе ручных рубил. К среднему палеолиту памятник Мунгхарыма I и комплекс пластин из стоянок Усть-Чиркуо I и II относит и канадский археолог Н. Роллан [2015, с. 3–15]. Просматривавшие коллекции памятников Мунгхарыма I, II и Усть-Чиркуо I, II в марте 2020 г. сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) чл.-корр. РАН А. И. Кривошапкин, д.и.н. А. А. Анойкин, к.и.н. В. М. Харевич высказались об их отнесении к начальному этапу верхнего палеолита.

К безусловно каргинскому времени отнесены комплексы стоянки Тимирдях-Хая и Усть-Чиркуо I, II, в которых, по нашим сведениям, бифасиальные изделия отсутствуют (другое мнение [Полужтова, Степанов, 1999, с. 13]). По Ю. А. Мочанову, эти памятники приурочены к выделяемой им унифасиальной традиции палеолита Северной Азии. Ввиду отсутствия исследований по этим объектам более детальная информация по ним ограничена. Пока лишь можно заключить, что их индустрии заметно контрастируют с бифасиальными техниками кызылсырской и дюктайской палеолитических культур. Дюктайская культура верхнего палеолита (~35–10 тыс. л. н.) на Вилюе пока прослеживается в виде отдельных находок скребел и клиновидных нуклеусов на памятниках со смешанным культурным слоем.

С учетом этого предлагаем пока предварительно датировать наиболее ранний этап освоения человеком Вилюя в пределах 70–35 тыс. л. н., приурочив в широком диапазоне его к верхнему неоплейстоцену.

Библиографический список

- Антипина Н. В. Каменный век Вилюя: дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1995.
- Галанин А. А., Дьячковский А. П., Лыткин В. М., Бурнашева М. П., Шапошников Г. И., Куть А. А. Результаты определения абсолютного возраста образцов в радиоуглеродной лаборатории Института мерзлотоведения СО РАН // Наука и образование. 2015. № 4. С. 45–49.
- Карта четвертичных образований масштаба 1:2500000 территории Российской Федерации. Пояснительная записка. СПб., 2013.
- Мочанов Ю. А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск, 2007.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Якутск, 2013. Т. 2.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Константинов И. В., Антипина Н. В., Аргунов В. Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. М., 1991.
- Павлова М. Р. Литолого-фациальная характеристика отложений 65-метровой цокольной террасы реки Вилюй (Центральная Якутия) // Геология в развивающемся мире. Сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 3 т. Пермь, 2018. Т. 2. С. 286–289.
- Полужтова А. В., Степанов А. Д. Археологические исследования в Якутском университете: итоги, проблемы, перспективы // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск, 1999. С. 11–17.
- Роллан Н. «Люди Севера» в плейстоцене: палеолитические вехи и переходные горизонты в Северной Евразии. Часть II: биогеографический ареал человека в среднем палеолите // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4 (43). С. 3–18. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.003-018

Унифицированная региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Средней Сибири (Таймыр, Сибирская платформа): объяснительная записка [Текст]. Новосибирск, 2010.

N. S. KIRYANOV

THE PALEOLITHIC OF VILYUI: CURRENT STATE OF RESEARCH

Archaeologically, the Paleolithic of the basin of the Vilyui River (Western Yakutia) has been studied rather poorly and unevenly. To date, we know only of the sites Mungharyma I and II, Timirdyakh-Khaya, individual wide blades from the multilevel sites of Ust-Chirkuo I and II, as well as some finds from mixed cultural complexes, which the researchers generally attribute to the Pre-Holocene period. Recent lithofacies studies of the 65-meter rock-defended terrace of the Vilyui River referred the accumulation of its alluvial strata to the first half of the Karginsky interstadial. Apparently, we should also date the first human penetrations to the Vilyui area by the same period, tentatively dating this stage within the range of 70–35 thousand y. a., that is, as the Upper Pleistocene in a wider range.

Nikolay S. Kiryanov – Candidate of Historical Sciences, Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia) (Russia, Yakutsk)
E-mail: ns_kiryanov@bk.ru

М. Б. КОЗЛИКИН

ЗАСЕЛЕНИЕ АЛТАЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: ДРЕВНЕЙШИЕ ИНДУСТРИИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В настоящее время наиболее древние находки среднего палеолита на территории Северной Азии обнаружены в Денисовой пещере на Алтае. Многочисленные каменные артефакты возрастом от 300 до 150 тыс. л. н. из нижней части плейстоценовых отложений пещеры свидетельствуют об активном заселении Сибири на ранней стадии среднего палеолита. Каменная индустрия этого периода не имеет культурных и хронологических аналогов на территории Алтая и сопредельных территорий. Новейшие палеогенетические исследования свидетельствуют о том, что носителями этой культурной традиции были денисовцы. Истоки леваллуазской остринно-пластинчатой индустрии прослеживаются в комплексах Денисовой пещеры со второй половины МИС 6, а ее широкое распространение на Алтае связано с рубежом МИС 5–4. Согласно палеоантропологическим и палеогенетическим данным, на юге Западной Сибири в эту эпоху сосуществовали и тесно взаимодействовали поздние денисовцы и алтайские неандертальцы.

Козликин Максим Борисович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: kmb777@yandex.ru

В Денисовой пещере на Алтае изучена наиболее полная и продолжительная культурно-хронологическая колонка палеолита в Северной Азии, охватывающая вторую половину среднего и весь верхний плейстоцен [Деревянко и др., 2020]. Судя по данным антропологии и палеогенетики, первыми обитателями пещеры и носителями культурных традиций среднего палеолита в эпоху МИС 9–7 были денисовцы [Шуныхов, Козликин, 2023; Brown

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00069 «Денисовцы на Алтае: условия обитания и развитие культурных традиций» (рук. М. В. Шуныхов)

et al., 2022]. Их каменная индустрия базировалась, прежде всего, на центростремительном раскалывании галек или вторичных нуклеусов из крупных массивных сколов. В соответствии с этой технологией основными продуктами расщепления являются укороченные и короткие, зачастую массивные отщепы. Заготовками также служили многочисленные краевые снятия с радиальных нуклеусов. В то же время в индустрии присутствуют примеры развитых навыков параллельного расщепления. Имеются признаки использования леваллуазского метода для получения округлых отщепов с небольших нуклеусов. Среди изделий с вторичной обработкой доминируют крупные массивные отщепы с вентральным утончением, образованным в результате широких снятий с дистального или одного-двух продольных краев. Другим характерным видом изделий, технологически близким предыдущему, являются базально-тронкированные сколы, проксимальный край которых усечен вентральными снятиями, зачастую утончающими основание заготовки. Другой важный компонент представляют зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия разных типов. Доля скребел относительно невелика. Они выполнены в основном в продольном, конвергентном, диагональном и поперечном вариантах, ряд из которых близок по морфологии к изделиям типа кина.

В настоящее время на Алтае, как и на территории всей Северной и Центральной Азии, не известно культурно-хронологических аналогий комплексу ранней стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры [Шуныхов, Козликин, 2023]. Дальнейшее развитие палеолитических традиций в регионе отражают индустрии, связанные с заключительным этапом среднего плейстоцена. В Денисовой пещере археологические материалы периода МИС 6 на технологическом уровне отличаются от предшествующей индустрии развитыми навыками леваллуазского расщепления, направленного на получение острий и пластин. В остальном эта индустрия принципиально не отличается от комплекса из подстигающих отложений: в ней также преобладает центростремительное раскалывание, распространены вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы, скребла различных типов и зубчато-выемчатые изделия.

Индустрии, связанные с отложениями первой половины верхнего плейстоцена на разных участках Денисовой пещеры, отражают дальнейшее развитие среднепалеолитических традиций обработки камня. Динамика прослеживается, прежде всего, в постепенном переходе от преобладания центростремительного раскалывания к доминированию параллельной и леваллуазской технологий, направленных на получение удлинённых заготовок, в том числе пластин. В орудийных наборах вверх по разрезу увеличивается доля среднепалеолитического и леваллуазского компонентов, включающих скребла, мустьерские остроконечники и леваллуазские острия. Возрастает также процентное содержание изделий, характерных для верхнего палеолита, наибольшее количество и разнообразие которых зафиксировано в коллекциях из отложений периода МИС 4. Стабильно высоким во всех комплексах остается количество зубчато-выемчатых орудий.

Присутствие денисовцев в пещере в период верхнего плейстоцена отмечено антропологическими находками и секвенированной ДНК из осадка [Brown et al., 2022; Zavala et al., 2021]. Антропологические и палеогенетические свидетельства длительного пребывания в пещере денисовцев согласуются с культурной преемственностью в развитии каменных индустрий. В слоях среднего палеолита, начиная с эпохи МИС 6, обнаружены также останки неандертальцев и секвенирована неандертальская ДНК из осадков [Brown et al., 2022; Zavala et al.,

2021], а также кость девочки, отец которой был денисовцем, а мать — неандерталкой [Slon et al., 2018]. Археологические материалы из многослойной колонки пещерных отложений указывают на отсутствие резких изменений в составе технокомплексов и допускают предположение о совместном обитании в пещере денисовцев и неандертальцев; роль последних в развитии среднепалеолитической культуры Алтая еще предстоит определить.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 3–32.
- Шуньков М. В., Козликин М. Б. Древнейшие палеолитические комплексы Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, № 1. С. 18–32.
- Brown S., Massilani D., Kozlikin M. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K. The earliest Denisovans and their cultural adaptation // *Nature Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 6. P. 28–35.
- Zavala E. I., Jacobs Z., Vernot B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Derevianko A. P., Essel E., Fillipo de C., Nagel S., Richter J., Romagné F., Schmidt A., Li B., O’Gorman K., Slon V., Kelso J., Pääbo S., Roberts R. G., Meyer M. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave // *Nature*. 2021. Vol. 595. P. 399–403.
- Slon V., Mafessoni F., Vernot B., de Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M., Shunkov M., Derevianko A., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. Vol. 561, no. 7721. P. 113–116.

M. B. KOZLIKIN

COLONIZATION OF THE ALTAI IN THE MIDDLE PALEOLITHIC: THE ANCIENT INDUSTRIES OF DENISOVA CAVE

Currently, the most ancient finds of the Middle Paleolithic in Northern Asia have been discovered in the Denisova cave in the Altai. Numerous stone artifacts aged from 300 to 150 thousand years ago from the lower part of the Pleistocene deposits of the cave gave evidence of active colonization of Siberia at the early stage of the Middle Paleolithic. Lithic industry of this period has no cultural or chronological analogues in the territory of the Altai or the adjacent territories. The latest paleogenetic studies indicated that the population of this cultural tradition were the Denisovans. The origins of the Levallois point-blade industry could be traced in the Denisova Cave complexes from the second half of MIS 6, and its wide distribution in the Altai was associated with the turn of MIS 5–4. According to paleoanthropological and paleogenetic data, late Denisovans and the Altai Neanderthals coexisted and had close contacts in the south of Western Siberia during this period.

Maxim B. Kozlikin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: kmb777@yandex.ru

В. А. ЛУКИНЦЕВА, Н. В. КОСОРУКОВА, В. С. ХИЛЬКО, Т. С. ГРИНИНА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕХНИКИ РАСЩЕПЛЕНИЯ НА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАССЕЙНЕ ОЗ. ВОЖЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 2022 Г.)

В кремневом инвентаре стоянки Погостище 15 преобладают отходы производства, обломки кремня со следами снятий, нуклеусы и скребки. Нуклеусы, как правило, не имеют правильной формы,

встречены одноплощадочные, двухплощадочные и торцовые, а также нуклеусы с тремя площадками. С нуклеусов осуществлены одновременно снятия и отщепов, и пластин или микропластин. Большинство экземпляров — первичные формы, нуклеусы на сколах единичны, отсутствуют остаточные формы. Публикация посвящена описанию, анализу и систематизации нуклеусов из материалов раскопок 2022 г.

Лукинцева Валерия Алексеевна — Череповецкий государственный университет (Россия, Череповец)
E-mail: marskot7@mail.ru

Косорукова Наталья Валентиновна — к.и.н., Череповецкий государственный университет (Россия, Череповец)

E-mail: natalikcher@mail.ru

Хилько Виктория Сергеевна — Череповецкий государственный университет (Россия, Череповец)

E-mail: cagethexerobine@gmail.com

Григина Татьяна Станиславовна — Череповецкий государственный университет (Россия, Череповец)

E-mail: tatianka.kos@mail.ru

Мезолитический торфяниковый памятник Погостище 15 расположен на берегу р. Модлоны (бассейн оз. Воже) на севере Вологодской области. Памятник открыт в 2010 г. и исследуется по настоящее время. Общая вскрытая площадь составляет 634 кв. м. Для памятника получены радиоуглеродные даты, охватывающие диапазон 8204–6573 кал. лет до н. э. [Косорукова, Кулькова, Тихоненко, 2020, с. 45–47].

Каменный инвентарь стоянки Погостище 15 представлен изделиями и отходами производства из кремня, сланца и кварца. Артефакты из кремня преобладают. Состав кремневого сырья на памятнике однообразен — местный галечный кремень низкого качества серого и черного цвета, встречен цветной кремень. Значительную долю в кремневом инвентаре памятника занимает нуклевидная группа, в которую включены нуклеусы и их обломки, нуклевидные обломки, обломки кремня со следами снятий и пренуклеусы [Косорукова, 2017, с. 70].

В 2022 г. в слое сапропеля найдено 517 индивидуальных находок, 379 из которых представлены изделиями из кремня. К нуклеусам отнесено 22 экз., среди которых выделено несколько разных типов: торцовые, одноплощадочные, двухплощадочные и нуклеусы с тремя площадками.

Торцовые нуклеусы представлены 4 экземплярами: три — одноплощадочные, со следами подправки площадок и продольным однонаправленным снятием заготовок — пластин, микропластин и отщепов. Один нуклеус двухплощадочный, с негативами от правильных пластин и микропластин, площадки расположены параллельно друг другу: первая — выпукло-вогнутая, вторая — снята одним сколом, обе со следами подправки.

Среди нуклеусов с одной площадкой (6 экз.) выделено несколько вариантов.

1. С плоскостным расщеплением и продольным снятием заготовок — 2 экз. У первого нуклеуса площадка плоская, без следов подправки. Снятия осуществлены с трех фронтов, негативы от однонаправленных снятий неправильных пластин. У второго нуклеуса площадка вогнутая, со следами подправки. Снятия также осуществлены с трех фронтов, негативы от однонаправленных снятий отщепов и неправильных пластин.

2. С бессистемным расщеплением и продольным снятием заготовок — 3 экз. У двух нуклеусов площадки плоские, у третьего — вогнутая, на всех — следы подправки. Скалывание

почти замкнутое или замкнутое, негативы от однонаправленных снятий отщепов и неправильных пластин.

3. С бессистемным расщеплением, продольным и поперечным снятиями заготовок — 1 экз. Площадка плоская, без следов подправки, скальвание почти замкнутое, негативы от однонаправленных снятий небольших отщепов, пластин и микропластин.

Среди нуклеусов с двумя площадками (9 экз.) выделены следующие варианты.

1. С плоскостным расщеплением и продольным снятием заготовок — 4 экз. У трех нуклеусов площадки расположены в разных плоскостях относительно друг друга, под углом 35° или 45° . Лишь у одного нуклеуса площадки параллельны друг другу. Первая площадка — вогнутая или выпукло-вогнутая, все со следами подработки. Вторая площадка, как правило, вогнутая или сформированная одним сколом, все без следов подправки. У первого нуклеуса снятия осуществлены с фронта и с двух торцов, негативы встречных снятий маленьких отщепов и микропластин, скальвание почти замкнутое. У второго нуклеуса снятия осуществлены с трех фронтов, негативы от встречных снятий неправильных пластин и микропластин. У третьего нуклеуса снятия с одного фронта, негативы от однонаправленных снятий пластин и пластинчатых сколов, один негатив — от встречного снятия со стороны второй площадки. У четвертого нуклеуса снятия осуществлены с двух фронтов и с торца, негативы от встречных снятий отщепов и неправильных пластин.

2. С бессистемным расщеплением и продольным снятием заготовок — 5 экз. Площадки расположены параллельно или перпендикулярно друг другу, первая, как правило, выпукло-вогнутая или вогнутая, у двух — со следами подправки, у одного — снята одним сколом, еще у одного — без следов подправки. Вторая площадка — выпукло-вогнутая со следами подправки или плоская без следов подправки. Снятия со стороны первой площадки — негативы однонаправленных снятий от микропластин и отщепов или разнонаправленные снятия отщепов. Со стороны второй площадки — негативы однонаправленных снятий неправильных пластин. У одного нуклеуса снятия встречные, негативы от снятий небольших пластин и отщепов.

3. С бессистемным расщеплением, продольным и поперечным снятием заготовок — 3 экз. У двух нуклеусов площадки расположены в разных плоскостях относительно друг друга, под углом 45° , у одного нуклеуса — параллельны друг другу. Все площадки со следами подправки. У двух нуклеусов скальвание почти замкнутое, в противоположных направлениях, у одного — разнонаправленное; негативы от снятий отщепов.

У нуклеусов с тремя площадками (3 экз.), как правило, со стороны первой площадки расщепление было плоскостным, осуществлены продольные снятия заготовок. Со стороны двух других площадок — расщепление бессистемное, осуществлены продольные и поперечные снятия. Снятия со стороны всех площадок однонаправленные, у двух экземпляров — негативы от снятия пластин и микропластин, у одного — отщепов. Со стороны других площадок прослежены негативы от снятия отщепов.

Почти все представленные в коллекции 2022 г. нуклеусы — первичные, выполненные из целых обломков кремня или кремневых галек, лишь два экз. вторичные, выполненные на сколах. В большинстве случаев расщепление бессистемное, с продольным снятием заготовок — небольших отщепов, неправильных пластин и микропластин, то есть расщепление не направлено на получение стандартизированных заготовок. Нередко с одного нуклеуса

осуществлялись снятия как отщепов, так и пластин или микропластин со стороны одной или нескольких площадок.

Библиографический список

- Косорукова Н. В., Кулькова М. А., Тихоненко А. П. Хронология мезолитического памятника Погостище 15 (бассейн озера Воже, Вологодская область) по данным радиоуглеродного анализа // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.; Самара, 2020. С. 45–47.
- Косорукова Н. В. Особенности кремневого инвентаря мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева. Санкт-Петербург, Россия, 26–28 апреля 2017 г. СПб., 2017. С. 67–71.

V. A. LUKINTSEVA, N. V. KOSORUKOVA, V. S. KHILKO, T. S. GRININA

CHARACTERISTICS OF KNAPPING TECHNIQUE AT THE MESOLITHIC SITE POGOSTISHCHE 15 IN LAKE VOZHE BASIN (BASED ON THE MATERIALS OF 2022 EXCAVATION)

The flint assemblage of Pogostishche 15 occupation site mostly consisted of by-products, flint debris with traces of removal, as well as cores and scrapers. The cores, as a rule, were of irregular shape, including single platform, bipolar and end-face ones, as well as cores with three platforms. The cores had signs of flakes, as well as blades and micro-blades removal. Most of the items were the primary forms; there were only occasional cores on spalls, and no residual forms. The paper presents a description, analysis and systematization of the cores from the materials of 2022 excavations.

Valeriya A. Lukintseva – Cherepovets State University (Russia, Cherepovets)

E-mail: marskot7@mail.ru

Natalya V. Kosorukova – Candidate of Historical Sciences, Cherepovets State University (Russia, Cherepovets)

E-mail: natalikcher@mail.ru

Viktoriya S. Khilko – Cherepovets State University (Russia, Cherepovets)

E-mail: cagethexerobine@gmail.com

Tatyana S. Grinina – Cherepovets State University (Russia, Cherepovets)

E-mail: tatianka.kos@mail.ru

С. С. МАКАРОВ, Е. Ю. ГИРЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО МИКРОСКОПИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛЕДОВ ИЗНОСА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СО СТОЯНКИ ЛУГОВСКОЕ

Изучение процессов заселения и освоения центральной и северной частей Западно-Сибирской равнины в верхнем палеолите получило мощный импульс для развития после введения в научный оборот новых данных о масштабах позднеплейстоценового оледенения в Западной Сибири. Современные палеогеографические реконструкции подтверждаются и свидетельствами освоения человеком этой территории в «позднесартанское» время – стоянками Луговское и Комудваны. Материалы этих памятников еще недостаточно опубликованы и данная работа, посвященная изучению следов износа на каменном инвентаре стоянки Луговское, несколько восполняет этот пробел. Результаты проведенного исследования каменного инвентаря фиксируют наличие на нем следов от

резания мяса или шкуры, скобления шкуры, резания твердых и мягких органических материалов. Зафиксированы следы общего неутилитарного износа от транспортировки артефактов.

Макаров Сергей Сергеевич – Музей природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)

E-mail: stonernr@mail.ru

Гиря Евгений Юрьевич – к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: kostionki@yandex.ru

Стоянка Луговское расположена в 25 км на запад от г. Ханты-Мансийск и приурочена к неглубокому оврагу, прорезающему краевую часть I надпойменной террасы. Археологический материал встречается как в отложениях оврага (нестратифицированный комплекс), так и в отложениях террасы (стратифицированный комплекс). Абсолютная высота террасы в границах стоянки ~28–26 м. Территория стоянки частично совпадает с местонахождением позднеплейстоценовой фауны [Зенин и др., 2006, с. 41–53; Лещинский и др., 2006, с. 54–69]. На памятнике обнаружены фаунистические находки (~7000 экз. костей и зубов, 97 % которых принадлежат шерстистому мамонту), каменный инвентарь (~5,5 тыс. экз., 83,8 % которого составляют осколки, обломки и чешуйки), изделия из бивня (2 экз.), мелкие неопределимые обожженные костные фрагменты (~200 экз.), мелкие фрагменты обожженной глиняной массы (~20 экз.). На стоянке зафиксирован один культурный слой, а археологический материал пока отнесен к единому индустриальному комплексу. Сырье каменной индустрии стоянки очень разнообразно и имеет, вероятнее всего, уральское происхождение, а многие его разновидности хотя и встречаются в аллювиальных и моренных отложениях Западно-Сибирской равнины, но не в ближайшем окружении стоянки. Стратиграфические наблюдения, результаты радиоуглеродного датирования древесного угля из культурного слоя, а также технико-типологические характеристики каменного инвентаря свидетельствуют о функционировании стоянки в позднеледниковое, а, возможно, и в раннеголоценовое время. Жилищ, очагов, ям, западин на исследованной территории памятника не обнаружено. Зафиксирован зольник, состоящий из мелких обожженных костных фрагментов и фрагментов древесного угля. Вероятнее всего, стоянка посещалась охотниками-собирающими неоднократно и на непродолжительное время [Макаров и др., 2021, с. 43–54; Макаров, Резвый, 2009, с. 22–27].

Применение трасологического метода было направлено на определение следов износа каменного инвентаря, указывающих на виды производственных операций, выполняемых на стоянке, что должно помочь более обоснованно провести функциональное определение памятника.

Первоначально с использованием увеличительного стекла отбирались предметы со следами износа, как имеющие вторичную обработку, так и без нее. Полученная выборка предметов изучалась под микроскопом МБС-10 с внешней подсветкой для определения участков с наиболее выраженным износом. Исследование следов износа производилось с помощью микроскопа Leica Futon SE (со сменными линзами и проходящим светом) с увеличением ×100, ×150 и ×200. Фотографирование осуществлялось камерой Canon 450D с помощью металлографического микроскопа Олимпус с дифференциальной интерференционно-контрастной световой оптической системой (для создания контраста на

неокрашенных прозрачных и полупрозрачных образцах). Применялся метод мультифокусной фотографии — когда для получения одного полностью резкого изображения, в зависимости от рельефа снимаемой поверхности, делалось от 5 до 30 кадров с различной глубиной резкости. Полученные кадры совмещались в программе Helicon Focus ver. 5, благодаря чему достигалась высокая четкость изображения и большая глубина резкости. На основе этих данных производилась интерпретация зафиксированного износа [Гиря, 1997]. Определение различных видов следов износа основывалось на аналогиях ранее выполненных экспериментальных исследований на кремне восточно-европейского происхождения [Поплевко, 2007; Скакун, 2006].

Для исследования выбраны коллекции 2012–2013 гг., полученные *in situ* из шурфа 13 (66 экз.) и сектора 1 раскопа 2 (110 экз.). Находки, полученные в результате промывки культурного слоя через металлическую сетку, не привлекались. Выбор этой коллекции обусловлен максимальной концентрацией находок (~500 экз. на 1 кв. м с учетом материалов промывки культурного слоя). Шурф 13 примыкает к северной стенке сектора 1 раскопа 2 и все находки, обнаруженные в них, связаны с заполнением одного протаявшего морозобойного клина, что, вероятно, и объясняет высокую их концентрацию. Для микроскопического исследования в выборку из коллекции шурфа 13 были отобраны 16 экз. (24 % находок *in situ*): резец — 1 экз., скребки концевые — 2 экз., осколок с ретушированной выемкой — 1 экз., пластинки с ретушью — 3 экз., микропластинка с ретушью — 1 экз., неопределимые сколы — 7 экз., резцовый отщепок — 1 экз., а из коллекции сектора 1 раскопа 2 отобраны 18 экз. (16 % находок *in situ*): скребки концевые — 3 экз., проколки — 2 экз., пластинка с ретушью — 1 экз., отщепы с ретушью — 4 экз., неопределимые сколы — 3 экз., резцовые отщепки — 5 экз. Сырьевой состав в выборке представлен халцедоном, меловым и цветным кремнем.

Следы утилитарного износа зафиксированы на 15 находках, из которых на 9 (60 %) представлены следы от резания мяса или шкуры (пластинка с ретушью, микропластинка с ретушью, резцовый отщепок, резец, неопределимый скол). Единичными экземплярами (по 6,7 %) представлены следы от скобления (мездрения?) шкуры, от резания твердого органического материала (кость, рог, бивень), от резания мягкого органического материала (дерево, кора, тростник?). На 3 экз. (20 %) выявленные следы отнесены к неопределимым. Следы от работы по мясу и шкуре, чаще всего концентрируются на дистальных углах сколов, что, вероятно, указывает на их использование в качестве резчиков, а также на особые приемы крепления режущих орудий. На дорсальной поверхности нескольких сколов зафиксированы следы неутилитарного износа, образовавшиеся в результате транспортировки, что может свидетельствовать о транспортировке на стоянку нуклеусов, с которых были получены эти сколы. На одном сколе следы от транспортировки отмечены и на вентральной поверхности, что может указывать на перенос, в том числе, и отдельных сколов и/или орудий.

Преобладание следов от работы по мясу и шкуре в рассмотренной части коллекции указывает на преобладание у обитателей Луговского производственных операций по разделке туш животных и позволяет предварительно отнести памятник к стоянкам на месте забоя и разделки охотничьей добычи. Однако, рассмотренная часть коллекции каменного инвентаря составляет только 20 % и не исключено, что выявленные следы износа связаны только с исследованным участком памятника или с одним из кратковременных эпизодов

его посещения. Возможно из-за малой выборки остался не решен вопрос идентификации следов переотложения находок в культурном слое, которые должны присутствовать на материале, связанном с заполнением протаявшего морозобойного клина. Определения следов износа рассматриваются нами как наиболее вероятные, поскольку они основывались на результатах экспериментальных исследований, выполненных на ином сырье, что требует проведения соответствующих дополнительных экспериментов. Тем не менее, это не снижает их ценности и значимости для выявления производственных операций, выполняемых охотниками-собирателями на месте стоянки в периоды ее активного функционирования.

Библиографический список

- Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда). СПб., 1997. Ч. 2.
- Зенин В. Н., Лещинский С. В., Золотарев К. В., Грутес П. М., Надо М.-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, антропология и этнография Евразии. 2006. № 1. С. 41–53.
- Лещинский С. В., Машенко Е. Н., Пономарева Е. А., Орлова Л. А., Бурканова Е. М., Коновалова В. А., Тетерина И. И., Гевля К. М. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 годы) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1. С. 54–69.
- Макаров С. С., Зольников И. Д., Анойкин А. А., Резвый А. С., Постнов А. В., Выборнов А. В. Освоение Нижнего Приобья в позднем плейстоцене по археологическим данным // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5: Археология и этнография. С. 43–54.
- Макаров С. С., Резвый А. С. Освоение территории центра Западной Сибири в позднем плейстоцене (по материалам стоянки Луговское) // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 22–27.
- Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. 23).
- Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. 21).

S. S. MAKAROV, E. Yu. GIRYA

THE RESULTS OF PRELIMINARY MICROSCOPIC STUDY OF WEAR TRACES ON STONE TOOLS FROM THE OCCUPATION SITE LUGOVSKOYE

The publication of new data on the scale of the Late Pleistocene glaciation in Western Siberia created a significant stimulus for the study of colonization processes in the central and northern parts of West Siberian Plain in the Upper Paleolithic. Modern paleo-geographic reconstructions have been confirmed by the evidences of human colonization of this territory in the Late Sartan period from the occupation sites Lugovskoye and Komudvany. The materials from those sites have not yet been sufficiently published, and this work, focusing on the study of traces of wear on stone tools from the occupation site Lugovskoye, helps to fill this gap to a certain extent. The results of the stone tools study revealed the presence of traces of cutting meat or skins, skin scraping, and cutting both hard and soft organic materials. We also recorded traces of general non-utilitarian wear from the transportation of artifacts.

Sergey S. Makarov – Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: stonernr@mail.ru

Evgeny Yu. Girya – Candidate of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: kostionki@yandex.ru

В. А. МИХИЕНКО, Н. Е. БЕЛОУСОВА, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО

МЕЛКОПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПОНЕНТ В ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Основная задача исследования состояла в хронологической атрибуции продуктов мелкопластинчатого производства из верхнепалеолитических отложений Денисовой пещеры. Согласно результатам технико-типологического анализа и исследования аналогичных изделий из комплексов верхнего палеолита Сибири, материалы Денисовой пещеры включают мелкопластинчатые компоненты различных стадий верхнего палеолита. Начальный этап характеризуют подпризматические бипродольные нуклеусы на пластинчатых сколах. С ранней стадией могут быть ассоциированы пирамидальные формы, подцилиндрические широкофронтальные продольные ядрища, клиновидные нуклеусы с дополнительным фронтом по киллю. Технологии среднего верхнего палеолита, предположительно связанные с отжимом, представлены широкофронтальным бипродольным или клиновидным ядрищем с узким отжимным основным фронтом, регулярными пластинками и микропластинами, выполненными на высококачественном сырье. Отжимные клиновидные нуклеусы с узким фронтом и выборкой регулярных микропластин относятся к финалу верхнего палеолита.

Михиенко Валерия Алексеевна — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: volnavvv@mail.ru

Белоусова Наталья Евгеньевна — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: consacrer@yandex.ru

Федорченко Александр Юрьевич — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: winteralex2008@gmail.com

В результате многолетних исследований верхней пачки позднеплейстоценовых отложений многослойного памятника Денисова пещера (Северо-Западный Алтай) была получена представительная коллекция, иллюстрирующая производство мелких пластинчатых сколов — мелких пластин, пластинок и микропластин [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020; Михиенко, Козликин, 2023]. Отмеченный материал происходит из различных участков пещеры — предвходовой площадки, центрального зала, восточной и южной галереи — и датируется в широком хронологическом диапазоне (от ~50 до 20 тыс. л. н.). В предыдущие годы основные элементы технологии получения мелких пластинчатых сколов рассматривались в контексте верхнепалеолитических индустрий памятника [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020; Деревянко и др., 2003], выступали предметом морфологического анализа [Михиенко, Козликин, 2023] или анализа последовательности сколов [Павленок, Козликин, Шуньков, 2021]. Целый ряд проблем, связанных с атрибуцией данных изделий, остается неразрешенным по сегодняшний день: определением более узкой хронологии артефактов, находящих аналогии на других памятниках региона, соотношением материалов со стадиями верхнего палеолита, уточнением технологической вариативности изделий и особенностей техник скола. Цель настоящего исследования заключалась в хронологической атрибуции изделий, направленных на производство мелких пластинчатых сколов из верхнепалеолитических

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность» (рук. Н. Е. Белоусова)

отложений разных участков Денисовой пещеры. Исследование опиралось на данные морфологического и технико-типологического анализа в рамках атрибутивного подхода и метода аналогий. Источниковую базу работы составила коллекция из 15 нуклеусов и 171 мелкого пластинчатого скола (41 микропластина и 130 пластинок).

В изученных материалах особую категорию образуют подпризматические бипродольные нуклеусы, выполненные на пластинчатых сколах. Указанные изделия происходят из слоя 11 южной галереи и слоя 6 предвходовой площадки пещеры и коррелируют по облику с мелкопластинчатыми нуклеусами начала верхнего палеолита кара-бомовского индустриального варианта [Белюсова, Рыбин, Федорченко, 2019]. Серия ядрищ со следами тщательной редукации карнизов, полученных из различных участков Денисовой пещеры находит аналогии среди коллекций стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 2, слои 9–11): пирамидальные с гладкими ударными площадками для получения пластинок и микропластин, выполненные на крупных массивных сколах (слой 11 южной галереи); широкофронтальные продольные нуклеусы подцилиндрической формы (слой 11 южной галереи; слой 6 предвходовой площадки); клиновидные нуклеусы с дополнительным фронтом по киллю (слой 7 и 6 предвходовой площадки; слой 11 южной галереи) [Деревянко и др., 2003]. Указанные формы нуклеусов распространены в комплексах усть-каракольского индустриального варианта раннего верхнего палеолита Алтая. Морфология изделий начального и раннего верхнего палеолита указывает на возможное применение ударной техники мягкого (минерального/органического) отбойника.

Отдельные сколы, в частности, выполненные на высококачественном сырье и образующие сырьевые группы (слой 11 южной галереи, слои 7 и 6 предвходовой площадки), широкофронтальный бипродольный нуклеус (слой 11 южной галереи) и клиновидное ядрище с узким отжимным основным фронтом и дополнительным по киллю (слой 7 предвходовой площадки) не находят аналогий среди изделий начального верхнего и раннего верхнего палеолита Алтая, ближайшие аналогии отмечены на стоянках Шестаково и Мальта. Первое ядрище и серия сколов могли быть получены как в рамках ударной техники мягкого минерального/органического отбойника, так и посредством ручного отжима. Указанные изделия представляют технологии развитого мелкопластинчатого производства, по всей видимости, характерные для индустрий средней стадии верхнего палеолита. Отдельная выборка артефактов по своим морфометрическим характеристикам тяготеет к отжимным формам и, вероятно, датируется финалом верхнего плейстоцена: клиновидные нуклеусы, выполненные на сколе с узким фронтом скалывания (слои 6–7 предвходовой площадки), микропластины (слой 11 и деформация слоя 11 южной галереи; слои 6–7 предвходовой площадки). Изделия с подобной морфологией встречаются в индустриях куёмской культуры [Кунгуров, 1993]. Единичный торцово-клиновидный микронуклеус с вогнутой ударной площадкой, выполненный на бифасиальной преформе из слоя 9 центрального зала, может рассматриваться как в рамках вариативности выборки, так и в качестве отдельного эпизода.

В целом, археологические материалы из верхней пачки позднеплейстоценовых отложений Денисовой пещеры отражают существование разновременных компонентов в рамках мелкопластинчатой составляющей. Помимо морфологии нуклеусов и готовых продуктов этой технологии ключевые различия заключались в используемой технике скола: ударная техника мягкого отбойника на начальной и ранней стадиях и, вероятно, отжимные технологии для среднего и финального верхнего палеолита.

Библиографический список

- Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П., Федорченко А. Ю. Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2019. № 1. С. 225–250.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48, № 3. С. 3–32.
- Кунгуров А. Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993.
- Михиенко В. А., Козликин М. Б. Мелкие пластинчатые сколы в индустриях верхнего палеолита Денисовой пещеры // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2023. Т. 24. С. 226–233.
- Павленок Г. Д., Козликин М. Б., Шуньков М. В. Мелкопластинчатое расщепление в индустриях раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры: данные анализа последовательности сколов // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 1 (70). С. 123–130.

V. A. MIKHLENKO, N. E. BELOUSOVA, A. YU. FEDORCHENKO

MICROBLADE COMPONENT IN THE UPPER PALEOLITHIC INDUSTRIES OF DENISOVA CAVE

Main objective of the study was the chronological attribution of microblade industry products from the Upper Paleolithic deposits of Denisova cave. According to the results of the technical and typological analysis and the study of similar products from the Upper Paleolithic complexes of Siberia, the Denisova cave materials contained microblade components of various stages of the Upper Paleolithic. The initial stage was characterized by subprismatic biaxial cores on blade-like flakes. The pyramidal shapes, sub-cylindrical wide-front longitudinal cores, wedge-shaped cores with an additional front along the keel could also be associated with the early stage. The middle stage of the Upper Paleolithic industries, presumably associated with pressing techniques, were represented by a wide-frontal biaxial or wedge-shaped core with a narrow pressed main front, regular bladelets and microblades on high-quality raw materials. The pressed wedge-shaped cores with a narrow front and a sample of regular microblades belonged to the final Upper Paleolithic.

Valeria A. Mikhienko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: volnavvv@mail.ru

Natalia E. Belousova – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: consacrer@yandex.ru

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

П. Ю. ПАВЛОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

В докладе рассматриваются материалы палеолитических памятников первой половины верхнего палеолита, расположенных на северо-востоке Восточноевропейской равнины. Обосновано выделение двух эпизодов проникновения человека на северо-восток Европейского континента в первой

половине верхнего палеолита. Первый (Заозерье) (35–33 тыс. ^{14}C л. н.) является отражением инициальных рейдов человека современного вида на север Европы, а второй (Гарчи I, Бызовая) (около 29 тыс. ^{14}C л. н.), в основном, связан с миграцией стрелецкой популяции на северо-восток Европейского континента. Верхнепалеолитические стоянки (МИС 3–2) на севере Европы расположены на востоке, северо-востоке континента вблизи западного склона Урала, в зоне, не перекрывавшейся покровными ледниками и обширными подпрудными озерами позднего валдая. В западной части региона, в бассейнах Северной Двины и Мезени, то есть в районах, испытавших значительное влияние ледниковых покровов последнего оледенения, палеолитические стоянки не найдены, хотя вполне вероятно проникновение человека в западный сектор севера Восточной Европы в среднем валдае (МИС 3).

Павлов Павел Юрьевич — д.и.н., Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Россия Сыктывкар)

E-mail: ppavlov120@gmail.com

История расселения человека современного вида и распространения культуры верхнего палеолита в Европе — одно из актуальных направлений исследований в археологии Евразии последнего десятилетия [Hoffecker, 2011]. Важным аспектом этой фундаментальной проблемы является определение времени освоения человеком регионов континента с экстремальными природно-климатическими условиями, в том числе арктических и субарктических [Величко, 1997; Первоначальное заселение Арктики..., 2014; Канивец, 1976].

В настоящее время на северо-востоке Восточноевропейской равнины и в западных предгорьях Среднего и Приполярного Урала открыты и исследованы четыре памятника начала и ранней поры верхнего палеолита (перехода от среднего к верхнему палеолиту) — стоянки Мамонтова Курья, Заозерье, Бызовая и Гарчи I. Они подразделяются на две хронологические группы. К первой относятся памятники, существовавшие в регионе во второй половине МИС 3 (ленинградский интерстадиал среднего валдая) (GI9-H4-GI8) (38–33 тыс. ^{14}C л. н.). Это стоянки Мамонтова Курья (бассейн Печоры) и Заозерье (бассейн верхней Камы). Стоянки второй хронологической группы (около 29 тыс. ^{14}C л. н.), относятся к финалу МИС 3 (брянский интерстадиал среднего валдая) (GI5-H3): Бызовая (бассейн Печоры) и Гарчи I (бассейн верхней Камы) [Павлов, 2022; Svendsen et al., 2010].

Среди памятников первой хронологической группы особый интерес представляет стоянка Заозерье (58°09'15" с. ш., 56°56'32" в. д.) — один из древнейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы [Павлов, 2009; Pavlov, 2022]. Возраст стоянки по данным радиоуглеродного датирования составляет 35,1–33,7 тыс. ^{14}C л. н. (41–38,5 тыс. л. н.) [Svendsen et al., 2010, p. 3145]. Заозерье, наряду с местонахождениями типа IVb-w слоя Костёнок XIV, входит в круг памятников начала верхнего палеолита Восточной Европы, имеющих общие черты с синхронными индустриями Южной и Юго-Западной Европы. Комплекс базовых характеристик памятника полностью укладывается в рамки признаков, характеризующих поведенческий комплекс человека современного вида.

Памятники второй группы (стоянка Гарчи I и Бызовая) [Павлов, 2022; Pavlov, 2022], хронологически соответствующие финалу ранней поры верхнего палеолита (около 29 тыс. ^{14}C л. н.), по базовым характеристикам каменных индустрий относятся, скорее, к переходным от среднего к верхнему палеолиту (финалу среднего палеолита?) [см.: Slimak et al., 2011].

Стоянка Гарчи I (59°01'56" с. ш., 56°10'16" в. д.) — самый северный памятник костенковско-стрелецкой культуры [Павлов, 2022; Dinnis et al., 2021]. Возраст стоянки по данным радиоуглеродного и OSL датирования составляет 28,7 тыс. ¹⁴C л. н. (34–31 тыс. л. н.) [Svendsen et al., 2010, p. 3151]. Каменная индустрия стоянки Гарчи I по основным технико-типологическим характеристикам практически идентична инвентарю более древнего (35,1 тыс. ¹⁴C л. н.) V слоя Костенок I [Аникович, 2003; Павлов, 2010; Dinnis et al., 2021].

Возраст стоянки Бызовая (65°01'25" с. ш.; 57°25'09" в. д.) по данным радиоуглеродного и OSL датирования составляет около 29 тыс. ¹⁴C лет (34–31 тыс. л. н.) [Heggen et al., 2012, p. 538–539]. В индустрии памятника по технико-морфологическим показателям можно выделить два компонента, которые, безусловно, синхронны: средний палеолит фации *Kielmessregruppen* (KMG) и ориньякоидный ранний верхний палеолит. В каменном инвентаре Бызовой можно проследить некоторые параллели с индустрией стрелецкой стоянки Гарчи I (сочетание верхнепалеолитических и среднепалеолитических элементов, некоторые типы орудийного набора), присутствие ориньякских элементов, более рельефно выраженных в индустрии Бызовой.

Прослеживается также и самое общее сходство в структуре комплексов каменного инвентаря (сочетании среднепалеолитических и верхнепалеолитических категорий, присутствии ориньякских элементов) индустрии Бызовой и синхронных (29–28 тыс. ¹⁴C л. н.) стоянок центра Восточноевропейской равнины, относящихся к «городцовой традиции» (Костенки XIV слой 2, Костенки XV и Мира) [Павлов, 2022].

Таким образом, можно заключить, что в первой половине верхнего палеолита прослеживаются два эпизода проникновения человека на северо-восток Европейского континента. Первый (35–33 тыс. ¹⁴C л. н.) является отражением инициальных рейдов человека современного вида на север Европы, а второй (около 29 тыс. ¹⁴C л. н.), в основном, связан с миграцией стрелецкой популяции из центральных районов Восточноевропейской равнины.

География распространения палеолитических стоянок на севере Европы в основном соответствует изменениям палеогеографии региона. Верхнепалеолитические стоянки (средний и поздний валдай) расположены на его востоке-северо-востоке вблизи западного склона Урала, в зоне, не перекрывавшейся покровными ледниками и обширными подпрудными озерами позднего валдая [Svendsen et al., 2010; Panin et al., 2020, p. 15]. Далее к западу, в бассейнах Северной Двины и Мезени, то есть в районах, испытавших значительное влияние ледниковых покровов последнего оледенения, палеолитические стоянки не найдены, хотя проникновение человека в западный сектор региона в среднем валдае весьма вероятно.

Библиографический список

- Аникович М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 15–29.
- Величко А. А. Глобальное инициальное расселение как часть проблемы коэволюции человека и окружающей среды // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997. С. 255–275.
- Канивец В. И. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы: бассейн Печоры. М., 1976.
- Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. М., 2014.
- Павлов П. Ю. Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Российская археология. 2009. № 1. С. 5–17.

- Павлов П. Ю. Стоянка Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // *Археологические вести*. СПб., 2010. № 16. С. 16–28.
- Павлов П. Ю. Основные этапы и особенности заселения северо-востока Восточноевропейской равнины и Урала в начале верхнего палеолита // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2022. № 1. С. 129–150.
- Синицын А. А. Костенки 14 (Маркина гора) – опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3) // *Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований*. СПб., 2015. С. 40–59. (Замятнинский сборник; вып. 4).
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devièse T., Dudin A., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. Eastern Europe's "Transitional Industry"? Deconstructing the Early Streletskian // *Journal of Paleolithic Archaeology*. 2021. Vol. 4. Article number 6. DOI: 10.1007/s41982-021-00076-7
- Heggen H. P., Svendsen J-I., Mangerud J., Lohne O. A new paleoenvironmental model for the evolution of the Byzovaya Palaeolithic site, northern Russia // *BOREAS*. 2012. Vol. 41, iss. 4. P. 527–545. DOI: 10.1111/j.1502-3885.2012.00259.x
- Hoffecker J. The early Upper Paleolithic of Eastern Europe reconsidered // *Evolutionary Anthropology*. 2011. Vol. 20, iss. 1. P. 24–39. DOI: 10.1002/evan.20284
- Panin A., Astakhov V., Lotsari E., Komatsu G., Lang J., Winsemann J. Middle and Late Quaternary glacial lake-outburst floods, drainage diversions and reorganization of fluvial systems in northwestern Eurasia // *Earth-Science Reviews*. 2020. Vol. 201. DOI: 10.1016/j.earscirev.2019.103069
- Pavlov P. Yu. On the time of appearance of anatomically modern humans in the North-east of East European plain and in the Urals (based on data from the Zaozer'e Palaeolithic site) // *Геоморфология*. 2022. Т. 53, № 5. С. 61–68.
- Slimak L., Svendsen J-I., Mangerud J., Plisson H., Heggen H., Brugere A., Pavlov P. Yu. Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle // *Science*. 2011. Vol. 332, no. 6031. P. 841–845.
- Svendsen J-I., Heggen H. P., Hufthammer A-K., Mangerud J., Pavlov P., Roebroeks W. Geo-archaeological investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains – On the northern presence of humans during the last Ice Age // *Quaternary Science Reviews*. 2010. Vol. 29, iss. 23–24. P. 3138–3156. DOI: 10.1016/j.quascirev.2010.06.043

P. Yu. PAVLOV

MAIN STAGES AND SPECIFICS OF THE NORTH OF EASTERN EUROPE COLONIZATION IN THE EARLY UPPER PALEOLITHIC

The paper studies the materials of the Paleolithic sites of the first half of the Upper Paleolithic, located in the northeast of the Eastern European Plain. The author substantiates the isolation of two episodes of human penetration to the northeast of the European continent in the first half of the Upper Paleolithic. The first one (Zaozerje) (35–33 thousand ¹⁴C y. a.) was a reflection of the initial raids of modern men to the north of Europe, and the second (Garchi I, Byzovaya) (about 29 thousand ¹⁴C y. a.) was mainly associated with the migration of the Streletskaya population to the northeast of the European continent. The Upper Paleolithic sites (MIS 3–2) in the North of Europe were located in the east, northeast of the continent near the western slopes of the Urals, in an area not covered by the continental ice sheet or extensive chocked lakes of the late Valdai. No Paleolithic sites have been found in the western part of the region, in the basins of the Northern Dvina and Mezen, that is, in the areas exposed to a significant influence of the Last Glacial, although human penetration into the western sector of the north of Eastern Europe in the Middle Valdai (MIS 3) was quite probable.

Pavel Yu. Pavlov – Doctor of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)
E-mail: ppavlov120@gmail.com

В. В. ПИТУЛЬКО, Е. Ю. ПАВЛОВА

РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗАПАДНОЙ БЕРИНГИИ В ИНТЕРВАЛЕ 29000–11700 Л. Н. (МИС 2)*

В холодные климатические эпохи арктическая Западная Берингия оставалась населенной человеком. Выявленные свидетельства относятся к раннему этапу МИС 2 и к позднеледниковью, а в эпоху последнего ледникового максимума присутствие человека становится эфемерным. Важной чертой хозяйственной деятельности являлась добыча мамонта, вследствие которой сформировались рукотворные концентрации костных остатков мамонтов («кладбища»). Характерна развитая технология обработки бивня (изготовление длинных острий). На рубеже голоцена появляется торцово-клиновидная технология производства микропластин. В позднеледниковье представлены острия Чиндадн, являющиеся маркером трансберингийских культурных связей. Значительный вклад в историко-культурное развитие территории внесен миграционными процессами в направлении юг — север, причиной которых являются природно-климатические изменения позднего плейстоцена — раннего голоцена.

Питулько Владимир Викторович — д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: pitulko.vladimir@gmail.com

Павлова Елена Юрьевна — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: pavloval@rambler.ru

К холодной 2-ой морской изотопной стадии (криохрон МИС 2) в арктической Западной Берингии (АЗБ) относится заметное количество местонахождений и стоянок, представленных двумя группами [Питулько, 2023]. Первая из них характеризует присутствие человека на раннем этапе МИС 2 и непосредственно во время последнего ледникового максимума (ПЛМ) в интервале 27000–23000 л. н., когда присутствие людей в АЗБ было эфемерным. Памятники второй группы имеют возраст не древнее 14500 л. н. [Pitulko, Pavlova, 2023].

Большинство свидетельств относится к началу похолодания, и лишь два — к его середине [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2017; Chlachula et al., 2021]. Сходная закономерность отмечена в палеонтологической летописи местной популяции шерстистых мамонтов, которые около 18200 л. н. выпадают из биома, но вновь появляются после завершения периода экстремально суровых условий [Никольский, Питулько, 2013]. Люди, населявшие регион, практиковали охоту на мамонта, владели технологией производства длинных острий из его бивней [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2015], а в камнеобработке использовали, по крайней мере, в отдельных случаях, технологию производства мелких пластин. Их добычей, помимо мамонта, становились любые доступные звери, прежде всего, северный олень.

Время экстремального похолодания характеризовалось сокращением численности и разнообразия фауны. Анализ динамики ареалов распространения шерстистого мамонта на основе массовых результатов датирования их остатков показал, что во внутренних континентальных районах численность мамонтов последовательно снижается от начала стадиала

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-68-00031 «Первые в Арктике: комплексный анализ среды обитания древнего человека и его культуры в контексте палеогеографических изменений плейстоцена и голоцена арктической Восточной Сибири» (рук. В. В. Питулько)

МИС 2 к окончанию максимума похолодания около 18200 л. н. [Никольский, Питулько, 2013], и начинает восстанавливаться после завершения экстремально суровых условий.

Поздний стадиял МИС 2 (позднеледниковье, 15500–11700 л. н.) в АЗБ характеризовался динамичными изменениями природной среды, отвечающими общему глобальному климатическому тренду потепления. Начало кардинальной перестройки природной среды Западной Берингии соответствует потеплениям бёллинг-аллерёд в Европе в интервале 14800–12800 л. н. Тундростепные сообщества сохраняли позиции, однако расширились площади увлажненных лугово-кустарниковых тундр, тундровых и луговых болот [Pavlova, Pitulko, 2020].

На этом природно-климатическом фоне существовала вторая группа археологических местонахождений АЗБ. Эпизоды присутствия человека на них укладываются в интервал 14800–12800 л. н. и географически приурочены к северу Яно-Индибирской низменности [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2017; Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016]. На рубеже голоцена присутствие людей отмечено на Новосибирских островах [Pavlova, Pitulko, 2020]; в том же направлении смещалась южная граница ареала мамонтов, которые окончательно выпадают из биома ~10000 л. н. [Никольский, Питулько, 2013].

Увеличение числа объектов косвенно указывает на рост населения. Характерной чертой памятников является наличие массовых рукотворных концентраций костных остатков мамонтов, образовавшихся вследствие эксплуатации человеком местных популяций этих животных [Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016]. Промысел осуществлялся ради их бивней, служивших ценным сырьем [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2015].

Материальная культура этого этапа во многом остается неизвестной, однако можно отметить, что по-прежнему актуальна технология производства длинных стержней из бивня [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2015]; кроме того, для этого времени на местонахождении Урез-22 (~14500–14200 л. н.) впервые для АЗБ отмечено присутствие индустрии микропластин, возможно, в форме юбецоидного варианта технологии торцово-клиновидного расщепления. Его появление, вероятно, связано с продвижением на север населения из внутриконтинентальных районов в связи с сокращением в том же направлении ареала мамонтов [Pitulko, Nikolskiy, 2012].

Особенностью памятников позднеледниковья являются мелкие каплевидные и подтреугольные изделия на отщепках (острия Чиндадн). Подобные находки распространены на северо-западе Северной Америки в памятниках комплекса Ненана (13500–13000 л. н.), а в АЗБ представлены на памятниках Берелёх, Озеро Никита, Аччагый-Аллаиха [Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016]. Время существования этих изделий, встречающихся от Яно-Индибирского междуречья в Евразии до бассейна Юкона на северо-западе Американского континента, составляет около 1000 лет.

В АЗБ острия Чиндадн появляются накануне заката местной популяции мамонтов [Никольский, Питулько, 2013; Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016]. На настоящий момент они представляют собой единственное археологически зримое доказательство существования трансберингийских культурных связей в конце плейстоцена. О широте таких связей в Берингии говорит анализ подвесок из камня, найденных в Берелёхе и некоторых других памятниках Восточной Сибири [Питулько, 2011].

Значительный вклад в историко-культурное развитие территории внесен миграционными процессами, связанными с перемещением к северу носителей восточноазиатских

генетических линий, на рубеже голоцена полностью замещающих древний западно-евразийский геном. Причиной этих перемещений являются природно-климатические изменения позднего плейстоцена – раннего голоцена [Pitulko, Pavlova, 2023].

Библиографический список

- Никольский П. А., Питулько В. В. Зависимость численности мамонтов от климата в связи с проблемой их вымирания (по массовому ^{14}C датированию остатков мамонтов из Арктической Сибири) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2013. № 1. С. 133–165.
- Питулько В. В. Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. 2011. Вып. 6. С. 85–103.
- Питулько В. В. Палеоклиматические рубежи позднего неоплейстоцена – раннего голоцена и расселение человека в Восточно-Сибирской Арктике // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2023. Т. 51, № 3. С. 116–123.
- Chlachula J., Cheprasov M. Y., Novgorodov G. P., Obada T. F., Little E. The MIS 3–2 environments of the middle Kolyma Basin: implications for the Ice Age peopling of northeast Arctic Siberia // *Boreas*. 2021. Vol. 50. P. 556–581.
- Pavlova E. Y., Pitulko V. V. Late Pleistocene and Early Holocene climate changes and human habitation in the arctic Western Beringia based on revision of palaeobotanical data // *Quaternary International*. 2020. Vol. 549. P. 5–25.
- Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // *World Archaeology*. 2012. Vol. 44, iss. 1. P. 21–42.
- Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Basilyan A. E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 406. P. 202–217.
- Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // *World Archaeology*. 2015. Vol. 47. P. 333–389.
- Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // *Quaternary Science Reviews*. 2017. Vol. 165. P. 127–148.
- Pitulko V. V. Pavlova E. Y. Ecological Constraints and Drivers for Human Dispersals and Adaptations in the Late Pleistocene and Early Holocene Environments of the East Siberian Arctic // *Quaternary*. 2023. Vol. 6, iss. 4: 56. DOI: 10.3390/quat6040056

V. V. PITULKO, E. Yu. PAVLOVA

HUMAN COLONIZATION IN THE ARCTIC WESTERN BERINGIA WITHIN THE INTERVAL OF 29,000–11,700 Y. A. (MIS 2)

During the cold climatic periods, the Arctic Western Beringia remained inhabited by humans. The discovered evidences related to the early stage of MIS 2 and the Late Glacial period, while in the Last Glacial Maximum, the human presence became ephemeral. Mammoth hunting was an important factor of the economy, as a result of which man-made concentrations of mammoth bone remains (“cemeteries”) were formed. Another important characteristic was the developed tusk working technique (production of long sharp points). At the turn of the Holocene, the end wedge-shaped microblade production technique appeared. In the Late Glacial period, the Chindadn point served as the marker of the trans-Beringian cultural contacts. Migration processes in the south-north direction caused by the natural and climatic changes of the Late Pleistocene – Early Holocene made a significant contribution to the cultural and historical development of the territory.

Vladimir V. Pitulko – Doctor of Historical Sciences, Institute for Material Culture History of the RAS; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: pitulko.vladimir@gmail.com

Elena Yu. Pavlova — Arctic and Antarctic Research Institute (Russia, St. Petersburg)
E-mail: pavloval@rambler.ru

К. Е. ПРОТОДЬЯКОНОВ

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЮННЮГЕН И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ АРКТИКИ

В докладе представлены результаты комплексных исследований местонахождения/стоянки Бунге-Толля эпохи позднего неоплейстоцена в урочище Юннюген в бассейне среднего течения р. Яны. Приводятся сведения о его геологическом строении, палеоэкологическим и тафономическим особенностям, геохронологии и условиях формирования, а также рассматриваются возможные палеогеографические обстановки первоначального заселения древним человеком Восточно-Сибирской Арктики.

Протодьяконов Константин Евгеньевич — Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: sakha.paleontolog@mail.ru

Вопросы первоначального освоения и последующего заселения древним человеком экстремальных природных зон остаются крайне актуальной проблемой современного палеолитоведения. Ключевой регион в этом аспекте — Северная Якутия. Эта территория, будучи частью Западной Берингии, являлась не только важнейшим связующим звеном для фаунистических обменов между Евразией и Северной Америкой, но и имеет определяющее значение для реконструкции культурно-исторических процессов, происходивших в Арктической зоне [Кандыба и др., 2021, с. 5; Питулько и др., 2015, с. 152].

Одним из основных объектов для изучения условий окружающей среды прошлого и осмысления ранних этапов пребывания человека в высоких широтах Евразии является местонахождение/стоянка Бунге-Толля в урочище Юннюген, расположенное в Верхоянском районе Республики Саха (Якутия).

Урочище Юннюген представлено крутыми склонами коренного борта долины р. Яны с высотой около 20 м и более, с типичной северо-таежной растительностью с преобладанием лиственнично-елового леса. Геологическое строение и литолого-фациальная характеристика указывают на формирование местонахождения в генетически сложной толще склоновых отложений, местами перекрытых аллювием временных водотоков. Основную роль в седиментогенезе играли гравитационные процессы, такие как солифлюкция, оползни, осыпи, плоскостной смыв, грязевые потоки и др. [Протодьяконов, 2020, с. 46]. В ходе полевых работ здесь были обнаружены многочисленные остатки представителей мамонтовой фауны Восточной Сибири. Подавляющее большинство костных скоплений локализованы вдоль русла одноименного ручья на высоте от 5 до 10 м и показывают слабую степень выветривания — 0–1 стадии [Behrensmeyer, 1978, p. 150]. Учитывая, что значительная часть костей, скорее всего, происходят от единых скелетов и их залегание в одном геологическом слое, можно предположить, что местонахождение является автохтонным.

Распределение крупных млекопитающих по палеоэкологическим группировкам — тундровая, лесная, степная, горная и эврибионтная указывают на то, что природные условия характеризовались высокой степенью мозаичности — открытые тундростепные

пространства с лесными и горными участками. Об этом свидетельствуют как обилие быстrobeгающих копытных – первобытные бизоны, лошади, снежные бараны, сайгаки и др., так и результаты палинологического анализа [Протоdjяконов, 2021, с. 28].

Проведенный тафономический анализ демонстрирует, что гибель и захоронение животных были обусловлены несколькими обстоятельствами – старческий возраст, болезни, деятельность хищников, попадание и увязание в грязевой ловушке и т. д. Находки плечевой кости волка с прижизненным повреждением, лопатки шерстистого носорога с отбитым гребнем и удалённой частью поверхности по краям, фрагмента нижней челюсти северного оленя, обломанного в средней части зубного ряда, и пясти бизонов с зарубками в дистальной части предполагают участие палеолитического населения в накоплении палеонтологического материала [Pitulko et al., 2016, p. 260].

Формирование местонахождения по данным радиоуглеродного анализа началось около 50000 л. н., что соответствует раннему этапу каргинского интерстадиала (МИС 3). Этот период ознаменовался относительным потеплением климата на севере Якутии, что привело к увеличению глубины снегового покрова, активизации речной эрозии, развитию термокарстовых процессов и, соответственно, окислению природной среды. Поэтому, благоприятный геохимический ландшафт в урочище Юннюген, по-видимому, притягивал огромные стада крупных фитофагов для восполнения в организме жизненно необходимых микро- и макроэлементов – Na, Ca, P, K, Mn, Fe и др. Таким образом, особая специфика рельефа и высокая концентрация копытных привлекали как плотоядных животных, так и древнего человека с целью получения источников пищи и сырья для хозяйственных нужд.

Однако редкость артефактов, прямых свидетельств охоты и следов разделки туш позволяют заключить, что роль человека не была определяющей и, образование местонахождения связано с естественными факторами.

Библиографический список

- Кандыба А. В., Зоткина Л. В., Фёдоров С. Е., Чепрасов М. Ю., Новгородов Г. П. Плейстоценовые объекты – свидетельства освоения древнейшим населением Сибирской Арктики // Четвертичная палеонтология и палеоэкология Якутии: материалы международного научного семинара, посвященного 85-летию со дня рождения известного ученого-палеонтолога, д.б.н. П. А. Лазарева (1936–2011). Якутск, 2021. С. 5–8.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., Базилян А. Е., Анисимов М. А., Ремизов С. О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 152–176.
- Протоdjяконов К. Е. Палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения мамонтовой фауны Юннюген (р. Яна, Северная Якутия) // Проблемы геологии и освоения недр: труды XXIV Международного симпозиума имени академика М. А. Усова студентов и молодых ученых. Томск, 2020. Т. 1. С. 46–47.
- Протоdjяконов К. Е. Палеоэкологическая характеристика местонахождения позднего неоплейстоцена Юннюген (р. Яна, Северная Якутия) // Четвертичная палеонтология и палеоэкология Якутии: материалы международного научного семинара, посвященного 85-летию со дня рождения известного ученого-палеонтолога, д.б.н. П. А. Лазарева (1936–2011). Якутск, 2021. С. 28–32.
- Behrensmeier A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // *Paleobiology*. 1978. Vol. 4 (2). P. 150–162.
- Pitulko V. V., Tikhonov A. N., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Kuper K. E., Polozov R. N. Early human presence in the Arctic: evidence from 45000-year-old mammoth remains // *Science*. 2016. Vol. 351. P. 260–263.

K. E. PROTODJYAKONOV

LOCATION YUNNYUGEN AND THE PALEOGEOGRAPHIC CONTEXT OF HUMAN COLONIZATION OF EAST SIBERIAN ARCTIC

The paper presents the results of the comprehensive studies of the location/site of the Bunge-Tollya of the Late Pleistocene epoch in the Yunnyugen tract in the basin of the middle reaches of the Yana River basin. The author provides information on its geological structure, paleoecological and taphonomic features, geochronology and conditions of its formation, as well as possible paleogeographic conditions of the initial colonization of East Siberian Arctic by the ancient populations.

Konstantin E. Protodjyakonov — Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: sakha.paleontolog@mail.ru

M. В. СЕЛЕЦКИЙ, Н. Е. БЕЛОУСОВА, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ УДАРНО-АБРАЗИВНЫЕ ОРУДИЯ СТОЯНКИ АНУЙ-2 В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ*

В работе представлены результаты ревизии коллекций памятника Ануй-2, проведенные с целью идентификации и изучения каменных ударно-абразивных орудий. Работа базировалась на экспериментально-трассологическом методе и методе трехмерного моделирования. В результате работы была существенно расширена коллекция инструментов стоянки Ануй-2, определена их культурно-хронологическая позиция. Установлено, что орудия применялись в рамках хозяйственно-бытовых операций ударного и абразивного характера. Основная часть коллекции представлена орудиями активного действия, посредством которых осуществлялась обработка каменного сырья путем удара — расщепление, ретуширование, пикетаж. В меньшем количестве отмечены абразивы каменных изделий и наковальни. Согласно полученным данным, основами инструментов выступали целые гальки и их фрагменты, галечные отдельности со следами модификации, нуклевидные формы и сколы из осадочных и эффузивных пород.

Селецкий Максим Владимирович — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: archmax95@gmail.com

Белоусова Наталья Евгеньевна — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: consacrer@yandex.ru

Федорченко Александр Юрьевич — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Под ударно-абразивными каменными орудиями в современной археологии принято понимать категорию предметов, отличных от расщепляемого камня и связанных с множеством хозяйственных и бытовых операций, которые заключаются в обработке минерального или органического сырья путем применения действий ударного и/или абразивного характера [Beaune, 1989].

* Экспериментально-трассологический анализ каменных ударно-абразивных орудий памятника Ануй-2 проведен за счет гранта Российского научного фонда № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность» (рук. Н. Е. Белоусова). Трехмерное моделирование археологических артефактов реализовано в рамках проекта НИР лаборатории «Цифра» ИАЭТ СО РАН HFWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии»

Цель настоящего исследования состояла в реконструкции хозяйственно-бытовых операций, осуществляемых древним человеком на верхнепалеолитической стоянке Ануй-2 (Северо-Западный Алтай) посредством применения каменных ударно-абразивных орудий.

Археологические полевые работы на памятнике Ануй-2 осуществлялись в 1989 г. на участке 35 кв. м (1037 каменных артефактов) и в 1990–1991 гг. на смежном участке выше по склону общей площадью 79 кв. м (около 15000 каменных артефактов). Исследования проводились под руководством А. П. Деревянко, С. В. Маркина, М. В. Шунькова и А. В. Постнова [Деревянко и др., 2003].

Согласно новым данным, заселение стоянки происходило как минимум в пять этапов. Наиболее древний горизонт Е представлен пластинчатой индустрией, находящей аналогии в ранних комплексах кара-бомовской традиции начального верхнего палеолита (далее – НВП) Алтая. Комплекс горизонта D предварительно может быть также отнесен к НВП с характерной пластинчатой индустрией. Горизонты В и С представлены двумя комплексами раннего верхнего палеолита, включая классический усть-каракольский этап (горизонт В), ассоциированный с ориньякоидными мелкопластинчатыми технологиями и типологически выразительными микролитами, а также чуть более ранний (горизонт С) – с доминирующей отщеповой составляющей в первичном расщеплении и редуцированной мелкопластинчатостью.

По результатам исследования было выявлено 35 экземпляров каменных ударно-абразивных орудий следующих категорий: отбойники (n=11), ретушеры (n=8), наковальни (n=1), абразивы (n=6), орудия подправки зон расщепления нуклеусов (n=9) [Белоусова, 2022].

Археологический комплекс горизонта В представлен ретушером (n=1) и отбойниками (n=3), включая отдельные оригинальные полифункциональные инструменты. Похожая тенденция наблюдается в коллекции инструментов нижележащего горизонта С: она включает отбойники (n=1), ретушеры (n=2), при этом дополнена несколькими абразивами (n=2), орудием с двойной функцией – абразив/ретушер (n=1) и инструментом для подправки зоны расщепления (n=1).

Характер основ инструментов одинаково разнообразен в комплексах горизонтов В и С – это сработанные бессистемные нуклеусы, целые гальки и их фрагменты, а также модифицированные окатанные отдельные из осадочных и вулканических пород.

Коллекция горизонта D является наиболее представительной. В нее вошли наковальня (n=1), отбойник на целой гальке (n=1) со следами интенсивного износа, отбойники на гальках со следами целенаправленной модификации, противопоставленными рабочей поверхности (n=3), орудия для подправки зоны расщепления в технике пикетажа (n=5) на аналогично модифицированных заготовках и нуклевидных фрагментах галек, абразивы (n=3) на небольших целых уплощенных гальках, ретушеры на фрагментированных гальках и гальках со следами модификации сколами. Пространству одного из двух нижних горизонтов D или Е принадлежат также два инструмента для подправки нуклеуса в технике пикетажа на фрагменте гальки и массивном техническом сколе.

Из-за низкой представительности каменных ударно-абразивных орудий внутри культурных горизонтов их корреляция является сложной. Хочется отметить преемственность в использовании колотых галек в качестве орудий расщепления, ретуширования и пикетажа камня. Возможно, этот технологический прием связан с необходимостью придать заготовке из яйцевидной или аморфной подпрямоугольную или близкую к ней форму и/или

сформировать удобную для удержания в руке поверхность. То есть, эта часть орудия, которая занимает одну–две грани гальки, может являться аккомодационной.

Библиографический список

- Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Постнов А. В., Шуньков М. В. Функции каменных ударно-абразивных орудий памятника Ануй-2: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2022. С. 58–65.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
- Beaune S. A., de. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. Fouilles et monuments archéologiques en France Métropolitaine. 1989. Vol. 31. P. 27–64.

M. V. SELETSKY, N. E. BELOUSOVA, A. Yu. FEDORCHENKO

UPPER PALEOLITHIC STONE STRIKING-ABRASIVE TOOLS OF THE ANUI-2 SITE IN THE NORTHWESTERN ALTAI

The report presents the results of a review of the Anui-2 site assemblages focusing on the isolation and study of stone striking-abrasive tools. The study was based on the experimental use-wear analysis and the three-dimensional modeling technique. As a result, we have significantly expanded the Anui-2 site tools assemblage and improved their cultural and chronological attribution. It was established that the tools were used in the context of everyday economic striking and abrasive operations. Greater part of the assemblage was represented by active tools used for the lithic material working by means of percussion-knapping, retouch, and picketage operations. Abrasives and anvils were recorded in smaller quantities. According to the obtained data, the bases for the tools were whole pebbles and their fragments, pebble cores with traces of modification, core-shaped bits and spalls from sedimentary and effusive rocks.

Maxim V. Seletsky – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: archmax95@gmail.com

Natalia E. Belousova – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: consacrer@yandex.ru

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

М. В. СЕЛЕЦКИЙ, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, Н. Е. БЕЛОУСОВА, А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ

КАМЕННЫЕ УДАРНО-АБРАЗИВНЫЕ ОРУДИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ КАМЕННОГО ВЕКА НА МЫСЕ ЛОПАТКА (ЮЖНАЯ КАМЧАТКА)*

Представлены результаты функционального анализа каменных ударно-абразивных инструментов, полученных в результате исследования памятников Лопатка I–IV в 1970-е гг. Работа базировалась

* Экспериментально-трасологическое исследование ударно-абразивных орудий проведено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (рук. А. И. Лебединцев). 3D-моделирование артефактов реализовано по проекту НИР лаборатории «Цифра» ИАЭТ СО РАН HFWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии»

на данных экспериментально-трассологического метода, позволившего выявить и описать признаки макро- и микроследов утилизации на поверхности артефактов. Фиксация и визуализация инструментов и их рабочих зон осуществлялась посредством технологий 3D-моделирования. Установлено, что основная часть коллекции представлена орудиями активного действия, посредством которых осуществлялась обработка минерального сырья путем ударного и контрударного воздействия. Качественный и типологический составы выявленных ударно-абразивных инструментов соответствуют распространенности на памятниках отщепового галечного расщепления с высокой степенью стандартизации. Массовое присутствие ударных инструментов, ядрищ, отдельных частей сырья и продуктов дебитажа позволяет интерпретировать памятники в качестве мастерских.

Селецкий Максим Владимирович – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: archmax95@gmail.com

Федорченко Александр Юрьевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Белоусова Наталья Евгеньевна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: consacrer@yandex.ru

Лебединцев Александр Иванович – к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)
Email: lebedintsev@neisri.ru

Обнаружение археологических памятников на мысу Лопатка, стало одним из наиболее примечательных эпизодов археологических исследований, производимых на юге полуострова Камчатка [Дикова, 1976]. Основным результатом изысканий 1972–1975 гг. стало открытие здесь Т. М. Диковой пяти разновременных местонахождений каменного века – Лопатка I–V. Наиболее архаичный культурный компонент с радиальными нуклеусами, скреблами, чопшингами, рубилами и остроконечниками был выявлен на памятнике Лопатка IV [Дикова, 1983]. Отмечалось, что воздействие активной ветровой и водной эрозии могло стать причиной уничтожения культурных слоев памятника и привести к переотложению археологических остатков. Разделение археологической коллекции стоянки Лопатка IV на два разновременных комплекса было проведено авторами исследования на основе типологического и пространственного анализа находок. Аналогичные формы «архаичных» орудий и каменного инструментария отмечались и для других памятников мыса. По мнению автора раскопок, свидетельства дальнейшего заселения отмечались в бескерамическом комплексе стоянки Лопатка III и позднем компоненте Лопатки IV [Дикова, 1983]. Более поздние эпизоды посещения мыса связывались с носителями древнеителменской культуры и этнографическими ительменами, следы присутствия которых отмечались на памятниках Лопатка I, II и V [Там же]. В настоящий момент хронология, технологическая и культурная атрибуция каменных индустрий местонахождений на м. Лопатка выступает предметом дискуссий и нуждается в критическом осмыслении.

Предметом исследования послужила коллекция инструментов ударно-абразивного действия, выявленных в результате ревизии археологических материалов местонахождений Лопатка I–IV. Экспериментально-трассологический анализ, применяемый для обнаружения и интерпретации микроследов утилизации на поверхности каменных ударно-абразивных орудий, реализован посредством микроскопа Альтами SM045-T с увеличением 7–45 крат [Белоусова., Селецкий, Федорченко, 2023]. 3D-моделирование артефактов осуществлено сканером «RangeVision Spectrum», обработка полученных моделей – в программах

«RangeVision ScanCentre», «Geomagic Wrap», «Geomagic Design X», «KeyShot 10» (все – trial version) [Селецкий, Чистяков, Федорченко, 2020; Чистяков, Бочарова, Колобова, 2021].

В результате анализа было выявлено 23 инструмента: отбойники (n=10), полифункциональные орудия (n=6), наковальни для расщепления камня (n=3), инструменты подправки зон расщепления нуклеусов (n=3), ретушеры (n=1). Заготовками отбойников (n=10) служили целые овальные и яйцевидные гальки эффузивов, андезито-базальта, алевролита и песчаника. Перед использованием они подвергались модификации посредством шлифования и пикетирования. Рабочие зоны с крупными выбоинами и выщербинами, забитостью и выкрошенностью, мелкими механическими повреждениями располагались на вершинах и ребрах инструментов. Наковальни для расщепления камня (n=3) выполнены из крупных овальных галек и трапециевидной плитки андезито-базальта, несут признаки крупных механических повреждений в виде выкрошенности, забитости и мелких негативов сколов в центре одной или двух широких сторон. В качестве инструментов подправки зон расщепления нуклеусов (n=3) использовались колотые гальки подпрямоугольной и подтреугольной формы из алевролита и кварца. Рабочие зоны орудий со следами мелких зарубок, выбоин и выщербин, забитостью краев расположены на ребрах и вершинах используемых заготовок. Ретушер выполнен на подпрямоугольной гальке песчаника, на вершине которой отмечена ровная подпрямоугольная ячеистая рабочая поверхность с выбоинами, выщербинами и линейными кометообразными следами. Отмеченные в коллекции полифункциональные орудия (n=6) сочетают признаки отбойников и наковален (n=3) или отбойников и инструментов подправки зон расщепления нуклеусов (n=3).

Качественный и типологический состав изученных ударно-абразивных орудий соответствует общему фону индустрий памятников – распространенности отщепового галечного расщепления с высокой степенью стандартизации, о чем свидетельствуют обширные серии однотипных радиальных остаточных нуклеусов на гальках и массивных отщепах (суматралитов). Расщепление осуществлялось посредством отбойников и наковален в контрударной технике. Массовое присутствие в индустрии ядрищ, отдельностей сырья со следами апробации и продуктов дебитажера позволяет интерпретировать памятники в качестве мастерских, с эпизодическим функционированием в качестве стоянок охотников-рыболовов. Состав анализируемых коллекций свидетельствует, что большинство производственных операций по обработке минерального сырья и оформлению орудий осуществлялось на месте. Вероятно, определенный архаизм и общая специфика облика индустрий были предопределены функциональным назначением памятников, а также характером и доступностью местных сырьевых ресурсов.

Библиографический список

- Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю. Инструменты для обработки каменного сырья в индустриях начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 36–48.
- Дикова Т. М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983.
- Дикова Т. М. Предварительные результаты археологических исследований на Южной Камчатке // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1976. С. 194–208.
- Селецкий М. В., Чистяков П. В., Федорченко А. Ю. Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2020. С. 231–237.

Чистяков П. В., Бочарова Е. Н., Колобова К. А. Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 48–61.

M. V. SELETSKY, A. Yu. FEDORCHENKO, N. E. BELOUSOVA, A. I. LEBEDINTSEV

STONE IMPACT-ABRASIVE TOOLS OF STONE AGE LOCATIONS ON CAPE LOPATKA (SOUTHERN KAMCHATKA)

The report presents the results of the functional analysis of stone impact-abrasive tools obtained as a result of the 1970s study of Lopatka I-IV occupation sites. The work was based on the data of the experimental use-wear analysis, which made it possible to identify and describe macro- and micro-traces of utilization on the surface of the artifacts. The fixation and visualization of tools and their working areas was performed with the use of 3D-modeling techniques. It was established that greater part of the assemblage was represented by active tools used for the lithic material working by means of strike and counter-strike knapping. The qualitative and typological composition of the identified impact-abrasive tools corresponded to the prevalence of flake pebble knapping on the sites with a high degree of standardization. The abundance of striking tools, cores, raw material pieces, and debitage products makes it possible to interpret the sites as workshops.

Maxim V. Seletsky – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: archmax95@gmail.com

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Natalia E. Belousova – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: consacrer@yandex.ru

Alexander I. Lebedintsev – Candidate of Historical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)

E-mail: lebedintsev@neisri.ru

Ю. Б. СЕРИКОВ

СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА НА РЕКЕ ТАВДЕ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

Мониторинг «кладбищ» мамонтов в верховьях р. Тавда позволил обнаружить на четырех местонахождениях следы посещения их палеолитическим человеком. Чаще всего о таких посещениях свидетельствуют кости со следами рубки, порезов и абразивной обработки. Однако в последние годы на местонахождениях обнаружены более значимые находки. В районе пос. Болтышево найдено орнаментированное насечками ребро мамонта. Из пос. Линты поступили лошито из фаланги лошади, яшмовый нуклеус и две пластины. В пос. Рублёво кроме двух сильно сработанных лошито из фаланг лошади нашли еще один яшмовый нуклеус и пластину. Каменные изделия полностью аналогичны материалам Гаринской палеолитической стоянки. Новые находки костяных и каменных изделий дают все основания предполагать, что на данном участке р. Тавды может находиться новая палеолитическая стоянка.

Сериков Юрий Борисович – д.и.н., Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле) (Россия, Нижний Тагил)

E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Ежегодный мониторинг Гаринской палеолитической стоянки позволил собрать 702 каменных изделия и 239 костей со следами обработки. В окрестностях стоянки на расстоянии дневного перехода вверх и вниз по течению реки находятся восемь «кладбищ» мамонтов, на которых были выявлены кости со следами обработки и каменные изделия палеолита. Эти находки определенно свидетельствуют об их посещении палеолитическим человеком.

Таким образом, можно предположить, что данные палеолитические находки характеризуют зону хозяйственного освоения берегов Сосьвы палеолитическим населением Гаринской стоянки.

Включение в зону поиска верховьев р. Тавды привело к открытию пяти «кладбищ» мамонтов. На четырех «кладбищах» выявлены кости со следами обработки и использования, а на двух найдены каменные изделия палеолита. Наибольший интерес представляют местонахождения в деревнях Болтышево, Линты и Рублево.

Местонахождение Болтышево располагается на левом берегу Тавды, в 50 км (по воде) от пос. Гари. На «кладбище» найдено 498 костей мамонта, лошади, носорога, северного оленя, бизона. На 21 кости обнаружены следы использования. На половине костей отмечена абразивная обработка, имеются кости со следами рубки и резания. Большой интерес представляет обломок ребра мамонта длиной 26 см. На одном из концов ребра нанесено 18 коротких, параллельных друг другу рельефно выраженных насечек. Данные насечки вполне обосновано можно считать орнаментом [Серииков, 2021, с. 334, рис. 2, 5]. Каменных изделий пока не обнаружено. Местонахождение имеет три радиоуглеродных даты: 25970 ± 395 (СОАН-5593) — по кости бизона; 25850 ± 495 (СОАН-5591) и 26330 ± 420 (СОАН-5592) — по костям носорога.

Местонахождение Линты находится в 13 км ниже Болтышево, но уже на правом берегу Тавды. В Линтах собрана 391 кость мамонта, лошади, носорога, северного оленя, бизона. Местонахождение имеет две радиоуглеродные даты: по кости бизона — 20205 ± 190 (СОАН-5589) и по кости носорога — 27595 ± 400 (СОАН-5588). На 20 костях отмечены следы использования в виде порезов, порубов и абразивной обработки.

Из новых поступлений костей следует отметить первую фалангу лошади. Ее дистальный конец сильно залощен, залощение спускается и на выступающие участки средней части. На залощенных участках прослеживаются тонкие линейные следы, идущие параллельно продольной оси кости. Фаланга долгое время служила для заглаживания (лощения?) шкуры.

На этом же местонахождении был найден крупный нуклеус палеолитического облика. Изготовлен он из куска зеленой яшмы размером $6,5 \times 5,0 \times 3,0$ см. Ударная площадка нуклеуса сильно скошена, подправлена несколькими сколами. На единственном фронте скалывания присутствуют четыре полных негатива сколотых пластин шириной 2,5; 1,6; 2,3 и 1,3 см. Скалывание пластин производилось жестким отбойником. На оборотной стороне нуклеуса сохранилась плиточная корка.

Данный нуклеус является первым палеолитическим изделием в верховьях р. Тавды. Позднее к нуклеусу добавились и две пластины шириной 1,3 и 1,7 см. Изготовлены они из качественного черного кремня и зеленой яшмовидной породы.

Местонахождение Рублёво находится на правом берегу р. Тавды, в 3 км от дер. Зыково и в 77 км от Гарей. В отличие от других «кладбищ» мамонтов высота берега на данном участке доходит до 24–28 м. На местонахождении собрана 191 кость мамонта, носорога, лошади, бизона, северного оленя.

Следы использования выявлены на двух вторых фалангах лошади. Вогнутые стороны фаланг сильно залощены. На залощенных участках уже невооруженным глазом видны линейные следы в виде тонких параллельных царапин. Следы использования идентичны сработанности на фаланге лошади с Линтов. Хочется отметить, что фаланги лошади на местонахождениях Сосьвы не являются редкой находкой. Но подобных следов сработанности на них еще не находили.

Каменные изделия палеолита представлены нуклеусом, пластиной и отщепом. Нуклеус высотой 3,0 см выполнен из гальки красно-зеленой яшмы. Он уплощен, имеет один фронт скалывания и скошенную ударную площадку. Ширина полных негативов пластин равна 1,0 и 0,7 см. В коллекции Гаринской стоянки имеется такой же уплощенный нуклеус высотой 3,2 см, однофронтальный и со скошенной ударной площадкой [Сериков, 2007, рис. 6, 5]. Он также изготовлен из яшмовой гальки, но не красно-зеленой, а сургучной.

Пластина длиной 5,0 и шириной 1,8 см изготовлена из черного кремня. На небольшом участке сохранилась плиточная корка. На одной боковой грани на спинке отщепа нанесена мелкая краевая ретушь. Отщеп длиной 2,3 см сколот с гальки темно-серого кремня. Один боковой край обработан мелкой ретушью со спинки.

Следует отметить, что в настоящее время местонахождения палеолита в Линтах и Рублево на р. Тавда являются самыми северными на территории Среднего Зауралья. Географически они располагаются между 59 и 60 градусами северной широты.

Таким образом, сравнение находок с Тавды с материалами палеолитических местонахождений Сосьвы позволяет предположить, что данные находки фиксируют зону хозяйствования какой-то другой палеолитической стоянки. Местонахождения Линты и Рублево от Гаринской стоянки находятся на расстоянии 63 и 77 км. Это больше трех дневных переходов. Поэтому тавдинские местонахождения вряд ли можно отнести к зоне хозяйствования населения Гаринской стоянки. Скорее всего, на р. Тавде находится пока не найденная палеолитическая стоянка. Она может располагаться в районе деревень Линты или Кошмаки, где находится такое же куполообразное вздутие берега, как и Белый Яр в Гарях.

Библиографический список

- Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007.
Сериков Ю. Б. Использование ребер мамонта в палеолите Урала (по материалам местонахождения Гаринского района) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 2. С. 331–338.

Yu. B. SERIKOV

TRACES OF THE PALEOLITHIC ON THE TAVDA RIVER (MIDDLE URALS)

The monitoring of mammoth “cemeteries” in the upper reaches of the Tavda River made it possible to find traces of the Paleolithic human visitations at four locations. Most often, the evidences of such visitations were bones with the marks of chopping, cuts, or abrasive treatment. However, in recent years, several more significant finds have been made at those locations. In the area of Boltyshevo village, a mammoth rib ornamented with notches was found. From the village Linty we received a smoother on horse phalanges, a jasper core and two blades. In Rublevo village, in addition to the two heavily worked smoothers on horse phalanges, another jasper core and a blade have been found. The stone tools were completely similar to

the materials of the Gari Paleolithic occupation site. New finds of bone and stone tools give every reason to assume that in this area of the Tavda River there could have been another Paleolithic occupation site.

Yuri B. Serikov – Doctor of Historical Sciences, Russian State Vocational Pedagogical University (Branch in Nizhny Tagil) (Russia, Nizhny Tagil)
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

С. Б. СЛОБОДИН

ПЛАСТИНЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ В МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Палеогенетические исследования антропологических материалов с мезолитической (~8000 л. н.) Жоховской стоянки, отнесенной к «арктической фазе сумнагинской культуры», показали их принадлежность к гаплогруппе «К», что свидетельствует о том, что это была группа людей, «генетически связанная с западноевразийским населением», вытесненным впоследствии населением, имеющим центральносибирское происхождение. Эти данные и новые археологические материалы по мезолиту Северной Евразии от Скандинавии до Чукотки, позволяют вернуться к высказанной А. П. Окладниковым гипотезе об определенной связи существовавших тогда культур на всем пространстве Евразийской Арктики/Субарктики. Анализ мезолитических культур европейского Северо-Востока (парчевская), Урала (среднезауральская), Таймыра (Тагенар VI), Якутии, Колымы, Чукотки (сумнагинская, уолбинская) позволяет установить определенное технико-типологическое сходство их орудийных комплексов и поставить вопрос о причинах такого сходства.

Слободин Сергей Борисович – к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)
E-mail: sslobodin@mail.ru

Палеогенетические исследования антропологических материалов с мезолитической (~8000 л. н.) Жоховской стоянки (Север Якутии), отнесенной к «арктической фазе сумнагинской культуры», показали, что «на рубеже плейстоцена и голоцена на этой территории существовала группа, имеющая генетическое родство с западно-евразийскими либо с уральскими людскими популяциями», а «принадлежность обитателей Жоховской стоянки к гаплогруппе К говорит о том, что... (это была. – С. С.) группа, генетически связанная с западноевразийским населением» [Питулько и др., 2015].

Полученные результаты являются своеобразным катализатором для развития давно высказанных идей о глубоких культурных связях на всем пространстве Евразийской Арктики-Субарктики и более детального рассмотрения материалов, об этом свидетельствующих.

80 лет назад А. П. Окладников [1946] нашел в погребении у оз. Уолба на Нижней Лене (125° в. д.) черешковые пластинчатые наконечники (ЧПН), которые охарактеризовал как самые ранние в Якутии (III тыс. до н. э.) и говорил об их «поразительном сходстве с наконечниками стрел Северной Европы» и, в частности, с мезолитическими наконечниками из Скандинавии (19–15° в. д.) и «из погребений Южного Оленьего острова на Онежском озере» (35° в. д.) [Окладников, 1955].

В лесную зону Восточной Сибири, в Прибайкалье и Якутию эти наконечники, по мнению А. П. Окладникова [1950, с. 162], проникают из «степных районов Забайкалья и верхьев Амура, где [они] столь широко распространены» и имеют «широкое распространение

близких к хиньским наконечников в степях Забайкалья, Монголии, Манчжурии с одной стороны... [и] в восточной Европе, — с другой...» На пространстве Северной Евразии от Онежского озера до р. Лена (ок. 5 000 км) аналогичных находок тогда известно не было.

С. А. Федосеева [1968] продолжая эту линию, отмечала, что на Вилное «к древнейшему пласту принадлежат и своеобразные изделия “мезолитического” облика — наконечники стрел на ножевидных пластинах...» В 1974 г. стоянку с ЧПН в верховьях Индигирки раскопал В. А. Кашин [1983], Ю. А. Мочанов отнес их, в числе прочих ЧПН, найденных в Якутии, к раннеголоценовой сумнагинской культуре.

Характеризуя мезолитическую сумнагинскую культуру, Ю. А. Мочанов говорит уже о возможности появления ЧПН в Якутии в результате «древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири задолго до III тысячелетия до н. э.» [Мочанов, 1977, с. 248]. По мере расширения ареала существования сумнагинской культуры и уточнения ее возраста, Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 147] заключают, что «о западном происхождении сумнагинской культуры, могут свидетельствовать и многие черты сходства с синхронными ей культурами Восточной Европы и Урала». Эти взгляды уже вошли в анналы истории Якутии [Окладников, 1955; История Якутии, 2020].

Предполагается также, что «каменная индустрия памятников раннего неолита Сахалина и Хоккайдо... имеет устойчивые аналогии в мезолитических индустриях Восточной Европы», в «способе расщепления, основанном на утилизации конического нуклеуса..., наконечниках стрел и остриях на пластинах» [Грищенко, 2011].

Выделенный на Верхней Колыме уолбинский раннеголоценовый комплекс с ЧПН возрастом 8800–6000 л. н. [Слободин, 2018] получил широкое распространение на Северо-Востоке Азии, присутствует в материалах Чукотки [Кирьяк, 2005], Якутии, Камчатки и может рассматриваться в качестве специфической традиции пластинчатых наконечников, развивающейся здесь в первой половине голоцена.

Сходство раннеголоценовых ЧПН европейского Северо-Востока и Верхней Колымы рассматривается некоторыми исследователями как результат конвергентного развития последних [Волокитин, 2006, с. 48; Сорокин, 2008, с. 158, 159]. Отмечается, что «анalogии пургасовским наконечникам (“постсвидерским”, в пургасовской мезолитической культуре Центральной России. — С. С.) имеются на... Таймыре..., Сахалине» и на Верхней Колыме [Сорокин, 2008. С. 170, 171].

В. В. Питулько [2004] рассматривает уолбинский комплекс в качестве «уолбинской фации сумнагинской культурной традиции», расширяя ее распространение, помимо уже обозначенных территорий Чукотки, Камчатки, Верхней Колымы и Восточной Якутии, и на территорию п-ова Таймыр, где пластинчатые наконечники найдены на стоянке Тагенар VI [Хлобыстин, 1998].

Сейчас получены достоверные свидетельства распространения «мезолитического населения с западного склона Среднего Урала на восточный», в Среднее Зауралье, где уже известно более 100 пластинчатых наконечников [Серигов, 2000, с. 105–108, 216].

На крайнем европейском Северо-Востоке, в долине р. Вычегда, исследовано большое количество стоянок «постсвидерской» традиции (бутовской и парчевской культур) с ЧПН [Волокитин, 2006]. В комплексе стоянки Ульяново представлены и топоры «с перехватом» [Верещагина, 2010, с. 123], найденные и на стоянках уолбинской традиции.

Самым обширным «пробелом» на всем этом пространстве от Онежского озера до Колымы является территория от Таймыра до Урала – 1,5 тыс. км. Исследователь мобильности северных культур А. В. Головнёв отмечает, что «Северная Евразия в системе социальных и культурных связей создана подвижными культурами открытых пространств...», магистральными культурами [Головнёв, 2009, с. 320]. Находки на Жоховской стоянке свидетельствуют о появлении транспортного собаководства уже 8000 л. н. [Питулько, Каспаров, 2016], что, несомненно, повышало мобильность этих магистральных культур. Достоверные связи различных групп охотников на основе обмена сырьем (обсидианом с Чукотки и Камчатки) в настоящее время прослежены на Колыме на 1000–1200 км [Слободин, 2007], а на Новосибирских островах – на 1500 км [Pitulko et al., 2019]. На карте Б. О. Долгих [1960] территория северных кочевников – тунгусов, имеющих не только общекультурные, этнические, но и родственные связи, простирается на 3500–4000 км.

Причины отмеченного сходства, или, даже, «аналогий» раннеголоценовых культур севера Евразии пока непонятны, как и механизм попадания носителей гаплогруппы «К» на Новосибирские о-ва. Но не замечать это сходство мы не вправе, поскольку обозначение проблемы уже является важным шагом к ее решению.

Библиографический список

- Верещагина И. В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб., 2010.
- Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.
- Головнёв А. В. Культуры больших пространств северной Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3 (25). С. 317–321.
- Грищенко В. А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2011.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- История Якутии. Новосибирск, 2020. Т. 1.
- Кашин В. А. Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983. С. 93–102.
- Кирьяк М. А. Каменный век Чукотки. Магадан, 2005.
- Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Якутск, 2013. Т. 2.
- Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950. Ч. 1–2. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).
- Окладников А. П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1.
- Питулько В. В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М., 2004. С. 99–145.
- Питулько В. В., Каспаров А. К. Костные остатки раннеголоценовых домашних собак из Жоховской стоянки (восточная Сибирская Арктика) и проблема достоверности идентификации древних *Canis familiaris* из археологических раскопок // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016. № 1. С. 171–207.
- Питулько В. В., Хартанович В. И., Тимошин В. Б., Часнык В. Г., Павлова Е. Ю., Каспаров А. К. Древнейшие антропологические находки высокоширотной Арктики (Жоховская стоянка, Новосибирские о-ва) // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 62–73.
- Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
- Слободин С. Б. Распространение обсидианового сырья на археологических памятниках Колымы, Камчатки и Чукотки (Северо-Восток России) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 136–140.

- Слободин С. Б. Мезолитическая традиция черепшковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. 2018. № 3. С. 58–74.
- Сорокин А. Н. Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968.
- Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998.
- Pitulko V. V., Kuzmin Y. V., Glascock M. D., Pavlova E. Y., Grebennikov A. V. 'They come from the ends of the earth': long-distance exchange of obsidian in the early Holocene of the High Arctic (Zhokhov site, eastern Siberia) // *Antiquity*. 2019. Vol. 93 (367). P. 28–44.

S. B. SLOBODIN

BLADE POINTS IN THE MESOLITHIC OF NORTHERN EURASIA

Paleogenetic studies of anthropological materials from the Mesolithic (~8000 y. a.) Zhokhov occupation site, referred to the "Arctic phase of the Sumnagin culture", demonstrated their belonging to haplogroup "K", which indicated that this was a group of people "genetically related to the West Eurasian population", subsequently displaced by the population of the Central Siberian origin. These data and the new archaeological materials on the Mesolithic of Northern Eurasia from Scandinavia to Chukotka bring to mind the earlier hypothesis proposed by A. P. Okladnikov about a certain relationship between the cultures that existed at that time throughout the Eurasian Arctic/The Subarctic. The study of the Mesolithic cultures of the European Northeast (Parchevskaya), the Urals (Middle Trans-Urals), Taimyr (Tagenar VI), Yakutia, Kolyma, Chukotka (Sumnagin, Wolbin) made it possible to establish a certain technical and typological similarity of their tool complexes and raise a question of the reasons for this similarity.

Sergey B. Slobodin – Candidate of Historical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)
E-mail: sslobodin@mail.ru

A. B. ТАБАРЕВ

50 ЛЕТ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА АЛЕУТСКИХ ОСТРОВАХ (К ПРЕДЫСТОРИИ ПРОЕКТА)*

Состоявшаяся 50 лет назад (1974 г.) советско-американская археологическая экспедиция на Анангуле (Алеутские острова), стала важным событием в разработке проблем древнейших этапов освоения человеком Северной Пасифики, первым опытом подобного сотрудничества, мощным импульсом к развитию в отечественной науке таких направлений как американистика и этноамериканистика. Обращение к новым публикациям по истории археологических исследований в регионе и архивным материалам свидетельствует, что реализация проекта была предопределена долговременным интересом археологов к совместному изучению региона, опытом и акцентами предшествующих экспедиций конца XIX — начала XX в., а также активной позицией целого ряда ученых двух стран (А. Хрдлички, Ф. Рейни, У. Лафлина, А. П. Окладникова и др.).

Табарев Андрей Владимирович — д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: olmec@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии» (рук. А. В. Табарев)

50-летие первой в истории советско-американской экспедиции на Алеутских островах (летом 1974 г.) символично совпадает с годом празднования 300-летия Академии наук — совместные раскопки на острове Анангула стали не только исключительно важным шагом в разработке проблем древнейших этапов освоения человеком Северной Пасифики, но и ключевым событием, которое дало импульс научному сотрудничеству советских и североамериканских археологов, этнографов и антропологов, развитию американистики и этноамериканистики.

Поездка в США, ход раскопок и различные эпизоды экспедиции подробно освещены в отечественной литературе, включая и воспоминания участников [Окладников, Васильевский, 1976; Деревянко, 1986; Laughlin, 1985]. Присутствуют в этих публикациях и отсылки к предыстории проекта — чаще всего упоминаются имена антрополога Алеша Хрдлички, который, начиная с 1920-х гг., активно интересовался возможностями исследований в Сибири, его ученика Уильяма Лафлина, впервые работавшего на Алеутских островах в 1938 г., и ставшего инициатором советско-американского проекта на Анангуле, а также академика А. П. Окладникова, знакомство которого с У. Лафлиным началось на XXXII Международном конгрессе американистов в Копенгагене в 1956 г.

Обращение к новым публикациям и архивным материалам свидетельствует, что выбор Анангулы в качестве объекта исследований был предопределен долговременным научным интересом к северной части Тихого океана специалистов целого ряда стран. С российской стороны этот интерес восходит к трудам Г. Стеллера, митрополита И. Вениаминова и времени Дрезуповской экспедиции (1897–1902 гг.), в которой принимали участие В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон и Л. Я. Штернберг [Вахтин, 2005].

Есть в отечественной литературе публикации, в которых рассказывается об экспедициях скандинавских и канадских ученых конца XIX — начала XX в. (К. Расмуссен, К. Биркет-Смит, Д. Дженесс и др.). Впрочем, это лишь часть истории со множеством интересных персонажей. Гораздо меньше известно, например, о коллекциях, собранных французом А. Пинаром на Алеутских островах в 1871–1872 гг. [Pinart, 1873], или о работах американского натуралиста У. Далла на Аляске и Алеутских островах в 1860–1870-х гг. [Dall, 1873].

Все они являются предшественниками А. Хрдлички, который произвел исследования на Алеутских островах в рамках трех экспедиций 1936, 1937 и 1938 гг. [Hrdlička, 1945]. Для каждого сезона он набирал небольшую команду из студентов. У. Лафлин принимал участие лишь в последней экспедиции, а единственным, кто отработал все три года, был А. Мэй — его дневники были совсем недавно опубликованы — в них можно найти множество интересных деталей о ходе исследований, включая подробности открытия местонахождения с пластинами на острове Анангула в июле 1938 г. [May, 2021].

Интересный сюжет связан с деятельностью Ф. Рейни, американского антрополога, участника раскопок на памятнике Ипиутак (Пойнт Хоуп, Аляска), эпонимном поселении одноименной культуры, в 1939 г. вместе с Х. Ларсеном. Занимая в разные годы своей карьеры важные научные и административные позиции (включая, например, руководство Музеем археологии и антропологии Пенсильванского университета в 1947–1967 гг.), Ф. Рейни активно интересовался возможностями сотрудничества североамериканских и советских специалистов. Начиная с 1938 г. он обращался с предложениями организации экспедиций и академических обменов, принимал советскую делегацию на

V Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Филадельфии в 1956 г, выступал в Москве с обзорными лекциями по археологии Америки в 1957 г. [Рейни, 1957; 1958].

Судя по недавно вышедшим публикациям, основанным на изучении его архива, Ф. Рейни на протяжении многих лет, в условиях железного занавеса, стремился убедить самые высокие уровни американской администрации в эффективности научной дипломатии в лице археологов и этнографов, в необходимости самой широкой финансовой поддержки совместных экспедиций на территориях Америки и СССР [Meskell, 2022]. Во многом именно его усилия способствовали созданию того благоприятного фона, который стал формироваться во второй половине 1960-х гг., в интенсификации контактов, в создании условий для сотрудничества, одним из ярких проявлений которого и стала советско-американская экспедиция на Анангулу в 1974 г.

Библиографический список

- Вахтин Н. Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и её русские участники // Антропологический форум. 2005. Т. 2. С. 241–274.
- Дервянко А. П. Ожившие древности. М., 1986.
- Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.
- Рейни Ф. Археология американской Арктики // Советская этнография. 1958. № 2. С. 55–62.
- Рейни Ф. Проблемы американской археологии // Советская этнография. 1957. № 6. С. 31–37.
- Dall W. H. Notes on the Pre-historic Remains in the Aleutian Islands // Proceedings of the California Academy of Sciences. 1873. Vol. 4. P. 283–287.
- Hrdlička A. The Aleutian and Commander Islands and Their Inhabitants. Philadelphia, 1945.
- Laughlin W. S. Russian-American Bering Sea Relations: Research and Reciprocity // American Anthropologist. 1985. Vol. 87. P. 775–792.
- May A. G. Diaries of Archaeological Expeditions to Alaska with the Smithsonian Institution's Aleš Hrdličkain 1936, 1937, and 1938. Anchorage, 2021.
- Meskell L. Rainey and the Russians: Arctic archaeology, 'Eskimology' and Cold War cultural diplomacy // Archaeological Dialogues. 2022. Vol. 29. P. 138–154.
- Pinart A. Voyage à la côtenord-ouest d'Amérique d'Ounalashka à Kadiak (îles aléoutiennes et péninsule d'Alaska) // Bulletin de la Société de Géographie. 1873. Sér. VI. Vol. 6. P. 561–580.

A. V. TABAREV

50 YEARS OF THE SOVIET-AMERICAN EXPEDITION TO THE ALEUTIAN ISLANDS (PROJECT BACKGROUND)

The Soviet-American archaeological expedition to Anangul (the Aleutian Islands) that took place 50 years ago (1974), became an important event in the study of the problems of the oldest stages of human colonization of the Northern Pacific, the first experience of cooperation, and a powerful impulse to the development of the new fields of American and Ethno-American studies in the Russian archaeological research. The review of new publications on the history of archaeological research in the region and the archive materials indicated that the implementation of the project was predetermined by the long-term interest of the archaeologists in joint studies of the region, the experiences and accents of the previous expeditions of the late 19th – early 20th centuries, as well as the active position of a number of scholars from both countries (A. Hrdlička, F. Rainey, W. Laughlin, A. P. Okladnikov et al.).

Andrey V. Tabarev – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: olmec@yandex.ru

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, А. С. ДЕВЯТИЯРОВА, Н. Е. БЕЛОУСОВА, Э. В. СОКОЛ

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕЙШИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАМЧАТКИ***

В контексте изучения погребальных традиций верхнего палеолита Северо-Восточной Азии многослойный археологический памятник Ушки I является одним из самых значимых объектов, выделяющийся своей информативностью. В рамках настоящей работы на основе привлечения всех доступных археологических и естественно-научных данных, опубликованных и архивных источников проведено комплексное исследование структуры и сопроводительного инвентаря, украшений и остатков минеральных красителей древнейшего погребального комплекса культурного слоя VII стоянки. В результате минералого-петрографических и геохимических исследований, технологического и трасологического анализов были реконструированы последовательности производства и конкретные сценарии использования бусин, подвесок и бляшек, установлены их минеральный/фазовый и химический составы и выявлены основные типы минерального сырья. Пространственный анализ продемонстрировал использование изделий в качестве носимых украшений и элементов декора одежды, предметов из органических материалов, входящих в захоронение.

Федорченко Александр Юрьевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Девятярова Анна Сергеевна – к.г.-м.н., Институт геологии и минералогии имени В. С. Соболева СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: devyatiyarova@igm.nsc.ru

Белоусова Наталья Евгеньевна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: consacrer@yandex.ru

Сокол Элина Владимировна – д.г.-м.н., Институт геологии и минералогии имени В. С. Соболева СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: sokol@igm.nsc.ru

Материалы стоянки Ушки I выступают важнейшим источником для изучения древнейших погребальных традиций населения Северо-Восточной Азии. Исследования 1960–1980-х гг. выявили на памятнике два культурных слоя (к. с. VII и VI) с одновременными поселениями эпохи верхнего палеолита. Особую значимость этим поселениям придавало наличие в их структуре одного индивидуального и двух коллективных захоронений [Диков, 1967; 1993]. Ушковские погребения обладают высокой информативностью благодаря массовости и выразительности сопроводительного инвентаря, наличию личных украшений, которые отражают положение погребенных и особенности их костюма. Широкий спектр вопросов, связанных с изучением структуры и хронологии этих погребений, типологии, функций и технологии производства артефактов из сопроводительного инвентаря остается по-прежнему неосвещенным. Цель настоящей работы заключалась в обобщении итогов новейших архивных, археологических и естественно-научных исследований материалов по древнейшему погребальному комплексу к. с. VII стоянки Ушки I.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01294 «Погребальные практики и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Северо-Восточной Азии» (рук. А. Ю. Федорченко)

На современном этапе исследований были систематизированы и обобщены данные полевой документации, архивные и опубликованные материалы, что позволило скорректировать представления о структуре захоронения. Одиночное захоронение выявлено на участке кв. З/И-11/12 в северной части поселения. Погребальным сооружением выступала могильная яма округлой формы, достигающая 1,8 м в диаметре и 0,7 м в глубину. Яма имела ровное дно и вертикальные или незначительно сужающиеся вниз стенки. Могила была вырыта с уровня прослоя песка светло-желтого цвета, залегающего стратиграфически ниже суглинка розовато-серого цвета [Диков, 1967]. Яма была впущена в нижележащие стерильные отложения супесей и суглинков, прорезая до 0,3 м материк, сложенный конгломератом из обломков лав. Выброс из погребения имел форму неправильного кольца диаметром до 4 м, который невысоким валом (до 0,1–0,3 м) окружал могилу. Обширный участок площадью до 50 кв. м вокруг захоронения был покрыт слоем красной охры мощностью 0,01–0,02 м. Могильная яма заполнена мешанным грунтом, состоявшим из супесей и суглинков, с включениями древесного угля и красной охры, а также крупных обломков лав. Костные остатки взрослого индивида неудовлетворительной сохранности располагались в каменном ложе на дне могилы и были покрыты слоем охры мощностью до 0,05 м. Вследствие воздействия грунтовых вод и высокой кислотности почв, антропологический материал сохранился в погребении фрагментарно. Положение индивида в могиле было определено автором раскопок на основе расположения фрагментарно сохранившегося костного материала и украшений, которыми была орнаментирована одежда. Предполагается, что тело было уложено в центральной части ямы в положении на правом боку с подогнутыми к груди ногами и ориентировано головой на юго-запад.

В рамках настоящей работы был проведен трасологический и технологический анализ выборки из 160 каменных украшений, полученных из погребения к. с. VII памятника Ушки I. Изучение артефактов позволило реконструировать операционные последовательности их производства и выявить специфические следы использования: контакта с нитью, взаимодействия с одеждой и кожей человека, прижизненных макро- и микродеформации. Большинство бусин и подвесок применялись для создания композиций из однотипных или разнотипных элементов, около трети бусин — в качестве микроподвесок для подшивания или пришивания к одежде через отверстие. В результате применения комплекса минералого-петрографических и геохимических исследований были охарактеризованы фазовый/минеральный и химический составы красителей и личных украшений из сопроводительного инвентаря.

Проведенный пространственный анализ показал, что большинство украшений в виде бусин, подвесок и бляшек располагались на дне погребения несколькими ярусами, образуя многочисленные непотревоженные скопления предметов на месте черепа и костей посткраниального скелета погребенного. Особенности взаимного расположения костных остатков и артефактов из наиболее крупной концентрации позволяет рассматривать обнаруженные здесь бусины как элементы носимых украшений и орнаментации головного убора и плечевого пояса погребенного. Другое скопление размещалось на дне могилы к северо-востоку от основного, на месте костных остатков таза и нижних конечностей погребенного. Отдельные концентрации украшений, как и находки на бортах могильной ямы, располагались на удалении от костных остатков, составляя самостоятельные композиции из бусин, подвесок и бляшек, не связанные с общей композицией декора одежды. Такие

предметы могли выступать в качестве подношений — амулетов, размещенных отдельно от тела, или украшать кожаные сумки, плетенные изделия или емкости из органических материалов, сопровождавших захоронение, но не сохранившихся в археологической летописи.

Библиографический список

- Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. Вып. 17. С. 16–31.
 Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993.

A. Yu. FEDORCHENKO, A. S. DEVYATYAROVA, N. E. BELOUSOVA, E. V. SOKOL

NEW DATA ON THE OLD BURIAL TRADITIONS OF THE UPPER PALEOLITHIC OF KAMCHATKA

Within the context of studying the funerary traditions of the Upper Paleolithic of Northeast Asia the multilevel archaeological site Ushki I was one of the most significant in its information potential. In the course of this study, we performed a comprehensive research of the structure and the accompanying grave goods, jewelry and the remnants of mineral dyes of the oldest burial complex of the cultural level VII of the site, based on the data of all available archaeological and natural science materials from both recent publications and the archive sources. As a result of mineralogical, petrographic, and geochemical studies, the technological and use-wear analysis, the production sequences and specific scenarios for the use of beads, pendants and plaques were reconstructed, their mineral/phase and chemical compositions were determined and the main types of mineral raw materials were identified. The spatial analysis demonstrated the use of the articles as wearable jewelry and decorative elements of clothing, as well as the pieces made of organic materials from the interment.

Alexander Yu. Fedorchenko — Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Anna S. Devyatyarova — Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: devyatiyarova@igm.nsc.ru

Natalia E. Belousova — Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: consacrer@yandex.ru

Ella V. Sokol — Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: sokol@igm.nsc.ru

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, М. Б. КОЗЛИКИН, М. В. ШУНЬКОВ

КОСТЯНЫЕ ПРОНИЗКИ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Костяные бусины-пронизки выступают одним из маркирующих элементов индустрий ранних этапов верхнего палеолита Сибири. Под пронизками в современном палеолитоведении принято понимать полые изделия различной размерности, выполненные, как правило, из диафиза трубчатой

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность» (рук. Н. Е. Белоусова)

кости млекопитающих и птиц и нередко украшенные орнаментом. В рамках данной работы представлены результаты детального исследования простых и орнаментированных пронизок, полученных в результате многолетних исследований Денисовой пещеры в Северо-Западном Алтае. В настоящий момент серия пронизок из различных участков этого памятника представляет собой одну из наиболее массовых коллекций предметов этого типа в Сибири. На основе технологического и экспериментально-трасологического исследования была реконструирована операционная последовательность производства костяных пронизок Денисовой пещеры. Проведенный трасологический анализ позволил проследить на изученных артефактах характерные следы износа, связанные с их непосредственным использованием.

Федорченко Александр Юрьевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Козликин Максим Борисович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: kmb777@yandex.ru

Шуныхов Михаил Васильевич – д.и.н., чл.-корр. РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: shunkov77@gmail.com

Пронизки составляют выразительную группу предметов неутилитарного назначения, известных на сибирских памятниках верхнего палеолита. В современной историографии под пронизками принято понимать полые изделия удлиненной цилиндрической формы, выполненные из трубчатой кости млекопитающих и птиц, бивня мамонта, раковин моллюсков или поделочного камня [Wright et al., 2014]. Поверхности костяных цилиндрических бусин часто орнаментированы и несут следы залощенности от контакта с мягким органическим материалом, что позволяет интерпретировать их в качестве носимых украшений, музыкальных инструментов, пуговиц или элементов декора одежды. Орнаментированные пронизки часто рассматриваются в качестве маркеров различных археологических культур и традиций [Vanhaeren, d'Errico, 2006; Rybin, 2014; Baker et al., 2024]. На территории Сибири цилиндрические бусины из кости получают распространение на ранних этапах верхнего палеолита [Лбова, 2000; Pitulko et al., 2012], где они нередко представлены только единичными экземплярами или небольшими сериями изделий. Одна из крупнейших и наиболее древних коллекций таких артефактов происходит из верхнепалеолитических комплексов Денисовой пещеры в Горном Алтае [Шуныхов, Федорченко, Козликин, 2023]. Цель настоящей работы заключалась в детальном анализе всей коллекции костяных пронизок, полученных в результате многолетних изысканий на различных участках этого памятника.

Результаты проведенного исследования показывают, что при изготовлении пронизок Денисовой пещеры использовалась стандартизованная последовательность операций: подбор заготовок – из трубчатой кости птиц, мелких и средних млекопитающих; выравнивание и заглаживание поверхностей строганием; создание преформ усечением одного или двух эпифизов; нанесение на преформу орнамента из коротких линий или насечек, сгруппированных в отдельные ряды или замкнутых по кругу; разметку преформ на короткие трубочки; дальнейшее деление пилением или резанием, фрагментация по надрезам; удаление губчатого вещества и выравнивания мест надрезов. Малочисленность заготовок и отходов производства показывает, что изготовление цилиндрических бусин

осуществлялось, по-видимому, за пределами Денисовой пещеры. Наличие следов утилизации на украшениях позволяет предполагать, что они попадали на стоянку уже в готовом и в значительной мере изношенном виде.

Анализ операционной последовательности показал, что украшение поверхности группами из коротких или длинных насечек осуществлялось мастером не на готовых изделиях, а на этапе подготовки преформ, после чего он разрезал изделие на более мелкие фрагменты. С учетом различий в морфометрических характеристиках и расположении линий можно предполагать, что орнамент имел не «утилитарную», а, вероятно, культурную или знаковую нагрузку. Орнаментация короткими насечками и линиями отмечена не только на пронизках, но и на других изделиях из кости и бивня, полученных из Денисовой пещеры — наконечниках, игольниках, шильях, пуговицах, бляшках, уникальной зооморфной скульптуре.

Целые пронизки пещеры значительно различаются по метрическим характеристикам и пропорциям, что позволяет выделить несколько размерных классов. По всей видимости, эта вариабельность обусловлена предпочтениями в выборе исходных заготовок, а также культурными нормами, определявшими облик изделий неутилитарного назначения. Цилиндрические бусины являются одной из наиболее массовых категорий предметов персональной орнаментации, представленных в верхнепалеолитических комплексах Денисовой пещеры. Наряду с перфорированными подвесками из зубов млекопитающих и плоскими бусинами из минерального камня, бивня, кости и скорлупы, пронизки широко использовались обитателями пещеры для декорирования одежды и в качестве личных нательных украшений — ожерелий или браслетов.

Библиографический список

- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000.
- Шуныков М. В., Федорченко А. Ю., Козликин М. Б. Костяные пронизки ранней стадии верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2023. № 4. С. 3–14.
- Baker J., Rigaud S., Pereira D., Courtenay L. A., d'Errico F. Evidence from personal ornaments suggest nine distinct cultural groups between 34,000 and 24,000 years ago in Europe // *Nature Human Behaviour*. 2024. Vol. 8. P. 431–444. DOI: 10.1038/s41562-023-01803-6
- Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia // *Antiquity*. 2012. Vol. 86. P. 642–659.
- Rybin E. P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 39–52.
- Vanhaeren M., d'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // *Journal of Archaeological Science*. 2006. Vol. 33. P. 1105–1128.
- Wright D., Nejman L., d'Errico F., Králík M., Wood R., Ivanov M., Hladilová S. An Early Upper Palaeolithic Decorated Bone Tubular Rod from Pod Hradem Cave, Czech Republic // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. P. 30–46.

A. Yu. FEDORCHENKO, M. B. KOZLIKIN, M. V. SHUNKOV

TUBULAR BONE BEADS OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC FROM DENISOVA CAVE

Tubular bone beads serve as one of the marking elements of the industries of the early stages of the Upper Paleolithic of Siberia. In modern paleolithic studies, the term “tubular bead” commonly refers to the hollow artifacts of various dimensions, made, as a rule, from the diaphysis of tubular bones of mammals and birds, and often decorated with ornaments. Within the context of this project, we presented the results of a detailed study of both plain and ornamented tubular beads obtained as a result of long-term studies of

Denisova Cave in the Northwestern Altai. At the moment, a series of tubular beads from various sections of this site represents one of the most massive assemblages of artifacts of this type in Siberia. Based on the technological and experimental use-wear analysis, the researchers reconstructed the operational sequence for the manufacturing of bone tubular beads of Denisova cave. The use-wear analysis made it possible to trace the characteristic signs of wear associated with the direct use of the studied artifacts.

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Maxim B. Kozlikin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: kmb777@yandex.ru

Mikhail V. Shunkov – Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: shunkov77@gmail.com

И. ХЛАХУЛА, М. Ю. ЧЕПРАСОВ, В. М. ДЬЯКОНОВ, А. И. КЛИМОВСКИЙ

САМЫЕ РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ СИБИРИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ

Северо-Восточная арктическая Сибирь в археологическом отношении остается одним из наименее изученных районов Света. Исследования (2014–2023 гг.) позднеплейстоценовых разрезов в бассейнах реки Яны, Индигирки и Колымы позволили получить новые знания о раннем заселении, экосистемах и динамике рельефа этих регионов в период последнего оледенения. Геоконтекстуальные и биотические данные из стратифицированных едомных формаций в главных и притоковых долинах документируют мозаичные парковые и лесные ландшафты во время интерстадиала МИС 3 (55000–24000 л. н.), аналогичные современным. Холодная тундра и развитие подземных льдов характеризовали последние ледниковые стадии (МИС 4 и 2). Копытные и хищные животные с сохранившимися мягкими тканями дают представление о межстадиальном фаунистическом сообществе. Археологический материал из криолитических контекстов позволяет предположить очень древнее (> 50 тыс. лет) заселение Яно-Колымской низменности. Новые находки появились примерно на 15 000 лет раньше самых старых известных стоянок позднего палеолита в Арктике. Ранний интерстадиал МИС 3 явно был основным временным интервалом распространения позднеплейстоценового палеолита в пределах Сибирской субарктики и Арктики. Новые открытия плейстоценовых стоянок ближе к Берингову проливу свидетельствуют в пользу сценария палеоамериканских миграций ранее 20000 л. н.

Хлахула Иржи – Др., Институт геоэкологии и геоинформации, Университет Адама Мицкевича (Польша, Познань)

E-mail: paleo@amu.edu.pl

Чепрасов Максим Юрьевич – к.б.н., Музей мамонта, Северо-Восточный федеральный университет (Россия, Якутск)

E-mail: nohsho@mail.ru

Дьяконов Виктор Михайлович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: arkh_muz@mail.ru

Климовский Айсен Иванович – Академия наук Республики Саха (Якутия) (Россия, Якутск)

E-mail: aisen87@mail.ru

Яно-Индибирская и Колымская низменности, охватывающие восточные пределы тундростепи ледникового периода, имеют ключевое значение для оценки начального палеолитического обитания на северо-востоке Российской Арктики. Позднеплейстоценовое распространение древних людей на эти территории предполагается из южных регионов, где самое раннее заселение (Центральная Якутия) предшествует последнему межледниковью [Chlachula, 2017]. Заселение внутренних субарктических и прибрежных арктических рубежей в период последнего ледникового рассматривается как результат биологической и культурной адаптации к экстремальным условиям окружающей среды, существовавшим в этой самой климатически холодной части Евразии [Kotlyakov, Velichko, Vasil'ev, 2017]. Среднеледниковый период (55–24 тыс. л. н.) рассматривается как основной этап заселения этой территории.

Свидетельства о заселении этой территории в ледниковый период основаны на отдельных культурных предметах, извлеченных из стратифицированных и датированных радиоуглеродом криолитических контекстов. Эксплуатация мегафауны и палеолитическая охота происходят из центральной части бассейна Яны — стоянки Юниген [Новгородов, Григорьев, Чепрасов, 2013], датированной ^{14}C 44–38 тыс. л. н. Хронологически эквивалентные свидетельства пребывания человека были недавно обнаружены на средней Индибирке — стоянка Бадяриха [Chlachula et al., 2024]. Самое раннее доказанное присутствие плейстоценовых людей в восточной части Российской Арктики — около 47000 л. н. — было обнаружено в центральной части Колымского бассейна — стоянки Ирелях-Сиене и Зырянка [Chlachula et al., 2021]. Культурные находки, представленные обработанными костями, а также хорошо изготовленными орудиями труда (скребками, отщепами со следами утилизации и предметами неизвестного назначения), изготовленными из крупных костей и бивня мамонта, свидетельствуют о длительном палеолитическом заселении северо-восточной Арктики задолго до распространения позднего палеолита (стоянка RHS) и голоценовой колонизации инуитами.

Количество обработанных и использованных человеком частей скелетов со стоянки Юниген (р. Яна) свидетельствует об интенсивной утилизации остеологических остатков плейстоценовых животных. Извлечение сырья и плановое дробление костей проводились с целью получения костных отщепов для обработки, ретуши и использования. Контролируемое раздавливание и перелом костей, предположительно с целью удаления костного мозга, особенно заметно на плечевых суставах мамонтов. Отщепление слоновой кости хорошо иллюстрируется фрагментом размером 12 см, найденным на стоянке Бадяриха (Индибирка), со следами антропогенной обработки и вторичного использования. Дата ^{14}C , составляющая 37800 ± 900 л. н./41300–39063 кал. л. до н. э., делает ее старейшей культурной записью во всем Индибирском регионе. Из того же коллювиального контекста происходит фрагмент бивня мамонта с серией надрезов, выполненных твердым каменным инструментом (^{14}C 34363 ± 503 л. н.).

Обработка слоновой кости из Зырянки иллюстрируется куском бивня мамонта с серией полувывепок, нанесенных орудием из твердого камня (^{14}C 44000 ± 2000 л. н./47123–43926 кал. л.). Лопаткообразный инструмент из того же места, вырезанный из кости ноги мамонта, может указывать на орудие для добычи пищи или ее обработки (^{14}C 44400 ± 2000 л. н./47397–44367 кал. л.). Массивный фрагмент кости (3,5 кг) ноги мамонта с расширенным дистальным концом интерпретируется как эффективный инструмент для копания (^{14}C 45700 ± 2500 л. н./> предел — 45454 кал. л.) с позднепалеолитическими аналогиями.

На стоянке Ирелях-Сиене было найдено заостренное и полированное ребро мамонта (^{14}C ~45000 л. н.). Хотя истинные функции найденных палеолитических артефактов, некоторые из которых являются уникальными для Сибири, остаются неизвестными, они ясно документируют конкретные практические применения каждого предмета и адаптацию к интерстициальным (субарктическим) условиям. Мамонт явно играл ключевую роль в жизнедеятельности человека.

Судя по новым палеоэкологическим данным, МИС 3 (60/55–24 тыс. л. н.) явно был наиболее благоприятным временным интервалом для распространения плейстоценовых людей в Северную Сибирь уже ~50 тыс. л. н. В течение раннего интерстадиала существовали богатые биотопы и природные условия со структурой растительности, аналогичной современной. Органический материал из криолитических грунтов последнего ледникового периода иллюстрирует жизненно важные условия окружающей среды с высоким объемом биомассы в северных парковых зонах и степях на протяжении десятков тысяч лет во время межстадиала МИС 3. Биом мамонтовой фауны [Zimov et al., 2012] имел решающее значение для распространения культур палеолита. Искусственно обработанные и использованные кости мамонта и слоновая кость указывают на мегафауну травоядных плейстоцена. Присутствие современных людей вдоль Полярного круга документально подтверждено на протяжении всего последнего ледникового максимума [Chlachula et al., 2021], что указывает на длительную адаптацию человека к холодным тундростепям Сибирского Севера.

Теплые и холодные межстадиальные климатические колебания с периодическим таянием вечной мерзлоты создавали нестабильность древних грунтов за счет массовых гравитационных процессов, в результате которых были погребены как останки ископаемой плейстоценовой фауны, так и разрушены палеолитические стоянки. Из-за динамичных геоморфологических процессов с формированием мощных коллювиальных геологических слоев, как и криогенеза позднего гляциала, обнаружение древних памятников *in situ* может быть проблематичным. Новые находки меняют традиционную парадигму о самом позднепалеолитическом заселении Арктики. Присутствие стоянок интерстадиального возраста позднего ледникового периода на крайнем северо-востоке Сибири, ближе к Берингову проливу, дает веский аргумент в пользу миграций охотников на мамонтов в восточную Берингию — Аляску и Западную Канаду еще до начала позднеледникового максимума, 20–18 тыс. л. н. [Хлахула, 2019; Hoffecker, Elias, Potapova, 2020].

Библиографический список

- Новгородов Г. П., Григорьев С. Е., Чепрасов М. Ю. Перспективные местонахождения мамонтовой фауны в бассейне р. Яна // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8. С. 255–259.
- Хлахула И. Через Берингию: заселение палеолитическим человеком Канады // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 64, вып. 2. С. 356–389. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.202
- Chlachula J. Chronology and Environments of the Pleistocene Peopling in North Asia // Archaeological Research in Asia. 2017. Vol. 12. P. 33–53. DOI: 10.1016/j.ara.2017.07.006
- Chlachula J., Cheprasov M. Yu., Novgorodov G. P., Obada T., Little E. The MIS 3–2 environments of the middle Kolyma Basin: implications for the Ice Age peopling of northeast Arctic Siberia // Boreas. 2021. Vol. 50, iss. 2. P. 556–581. DOI: 10.1111/bor.12504
- Chlachula J., Dyakonov V. M., Alekseev A. N., Protopopov A. V., Klimovskiy A. L., Kolesov A. I. The Central Indigirka in the Last Ice Age, NE Arctic Siberia (manuscript submission). 2024.
- Hoffecker J. F., Elias S. A., Potapova O. Arctic Beringia and Native American Origins // PaleoAmerica. 2020. Vol. 6, iss. 2. P. 158–168.

Kotlyakov B. M., Velichko A. A., Vasil'ev S. A. Human Colonization of the Arctic. The Interaction Between Early Migration and the Environment. London, 2017.

Zimov S. A., Zimov N. S., Tikhonov A. N., Chapin III F. S. Mammoth steppe: a high-productivity phenomenon // Quaternary Science Reviews. 2012. Vol. 57. P. 26–45. DOI: 10.1016/j.quascirev.2012.10.005

I. CHLACHULA, M. Yu. CHEPRASOV, V. M. DIAKONOV, A. I. KLIMOVSKY

THE EARLIEST EVIDENCES OF HUMAN PRESENCE IN ARCTIC SIBERIA: PARADIGM CHANGE

Archaeologically, the Northeastern Arctic Siberia still remains one of the least studied regions of the world. 2014–2023 studies of Late Pleistocene sequences in the basins of the rivers Yana, Indigirka and Kolyma contributed to the knowledge about the early colonization, ecosystems and the relief dynamics of those regions during the Last Glacial. The geo-context and biotic data from stratified eroded formations in the main and the tributary valleys documented the existence of mosaic park and forest landscapes during the MIS 3 interstadial (55–24 thousand y. a.), similar to the modern ones. The cold tundra and the building up of underground ice characterized the Last Glacial stages (MIS 4 and 2). The ungulates and carnivorous animals with preserved soft tissues could give an idea of the interstadial faunal community. Archaeological material from the cryolithic contexts suggested a very ancient (>50 thousand years) colonization of the Yano-Kolyma lowland. The new finds originated about 15 thousand years earlier than the oldest known occupation sites of the Late Paleolithic in the Arctic. The early interstadial of MIS 3 was clearly the main time interval for the spread of the Late Pleistocene Paleolithic within the Siberian Subarctic and Arctic. New discoveries of Pleistocene occupation sites closer to the Bering Strait coast provided evidence in favor of the scenario of Paleo-American migrations earlier than 20 thousand years ago.

Jiri Chlachula – Dr., Institute of Geoecology and Geoinformation, Adam Mickiewicz University (Poland, Poznan)

E-mail: paleo@amu.edu.pl1

Maksim Yu. Cheprasov – Candidate of Biological Sciences, Museum of Mammoth, North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk)

E-mail: nohsho@mail.ru

Victor M. Dyakonov – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: arkh_muz@mail.ru

Aisen I. Klimovsky – Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) (Russia, Yakutsk)

E-mail: aisen87@mail.ru

A. В. ШМИДТ

К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ МЕЗОЛИТА В ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В мезолите в таежной зоне севера Западной Сибири существовало две традиции обработки камня: 1) микропластинчатая индустрия (характерна для поселения Большой Салым 4); 2) галечное расщепление и абразивная обработка (Балинское 73). Для их реализации требовалось разное каменное сырье. В первом случае – яшма, халцедон, кремль и кремнистый сланец – породы с высокими изотропными свойствами. Во втором – кварц (крупнокристаллическая порода), песчаник, сланец, гранит – сырье с вязкой структурой, легко поддающееся шлифовке. Вероятно, мы имеем дело с группами населения, которые на одной территории культивировали совершенно разные технологии обработки камня. Истоки этих технологий можно проследить в верхнем палеолите региона.

Шмидт Александр Викторович — к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: tison172@mail.ru

В настоящее время на севере Западной Сибири известно около 50 мезолитических памятников. Анализируя эти комплексы, исследователи неоднократно подчеркивали, что «хроно-стратиграфическая шкала» эпохи на заявленной территории не разработана, так как «не выделены элементы материальной культуры, определяющие хронологическую позицию отдельных комплексов» [Беспрозванный, Погодин, 2006, с. 168; Погодин, 2006, с. 9; Клементьева, 2024, с. 16]. Тем не менее, опираясь на стратиграфию некоторых объектов, археологи выделяют раннемезолитические и позднемезолитические горизонты и поселения, подтверждая свои выводы радиоуглеродными датами [Беспрозванный, Погодин, 2006, с. 168]. Кроме этого, по топографическому местоположению относительно водотоков, типам поселений и материальной культуре памятники объединяют в три локальных варианта [Беспрозванный, 1997; Беспрозванный, Погодин, 2006, с. 167; Погодин, 2006, с. 8].

Новые материалы, полученные в последнее время, позволяют взглянуть на мезолитическую эпоху региона под другим углом. Прежде всего, речь пойдет о поселении Большой Салым 4 (середина VIII тыс. до н. э. — VII тыс. до н. э.) [Балуева, Коноваленко, 2016, с. 257; Сериков, Балуева, Коноваленко, 2018, с. 16]. Памятник расположен в среднем течении одноименной реки, в левобережье Сургутского Приобья. Его мезолитический комплекс составляет более 22 тыс. каменных артефактов.

Жители данного поселка испытывали явный дефицит минерального сырья. Основным источником служил речной галечник, размеры которого редко превышали 3 см в диаметре. В общей массе яшма, халцедон, кремь и кремнистый сланец составили в сумме 47,5%. Еще 39,9% это сланец и песчаник — слабо изотропные породы, насыщенные глинистыми минералами. Несмотря на объективные трудности, каменная индустрия поселения была ориентирована на получение ножевидных пластин (8441 экз.) шириной до 0,8 см (91,5%), при среднем показателе 0,4–0,6 см. Среди нуклеусов (470 экз.) преобладают изделия менее 3 см в высоту (89,6%). Эти данные еще раз подчеркивают очевидную экономию камня. Почти половина нуклеусов (47,2%) и около трети всех пластин (29,1%) изготовлены из сланца и песчаника — сырья с очень мягкой и пористой, либо абразивной структурой. Сколоть с такого камня пластины с острым краем было невозможно [Сериков, Балуева, Коноваленко, 2018, с. 7]. То есть «традиция» получить при расщеплении пластину была настолько устойчивой, что данную технологию все равно применяли даже к низкокачественным породам.

Наличие на памятнике многочисленных отщепов (8913 экз.) и осколков без вторичной обработки обусловлено их невостребованностью из-за качества исходного сырья. Кроме этого, здесь проходил полный цикл обработки камня — от первичного расщепления галек до производства пластин и изготовления готовых орудий, что само по себе подразумевает наличие большого количества отходов.

В коллекции присутствуют: галечные орудия — в основном отбойники; шесть геометрических микролитов — три целых и три обломка; асимметричный листовидный бифас. Техника шлифовки представлена абразивной плиткой и двумя «зооморфными» гальками с пришлифовкой. По мнению исследователей, наиболее близкие аналогии комплексу Большой Салым 4 имеются в мезолитических памятниках Конды [Сериков, Балуева, Коноваленко, 2018, с. 16].

Другой объект, интересующий нас — поселение Балинское 73 (вторая половина VIII — первая половина VII тыс. до н. э.) [Пономарёва, 2018, с. 149]. Памятник расположен в среднем течении р. Баленская (правобережье Оби), примерно в 110 км к северо-востоку от устья Иртыша. Мезолитический комплекс составляет более 10 тыс. каменных артефактов. Источником камня, по всей видимости, служила морена. Сырье, обнаруженное на поселении, распределилось следующим образом: кварц — 55,36 %; песчаник — 32,20 %; сланец — 7,56 %; гранит — 3,79 %; остальное — чуть более 1 %. Породы с высокими изотропными свойствами — кремь и кварцитовидный сливной песчаник (КСП) — 0,15 %.

Индустрия данного поселения характеризуется как «кварцево-сланцевая», где «кварцевая» составляющая — внешне невзрачные и крайне невыразительные орудия из кварца: скобели, ножи-бифасы, резцы, резчики, скребки, скребла, острия, долота и др. «Сланцевая» часть — это шлифованные изделия, прежде всего, рубящие инструменты (41 экз.), зашлифованные по всей поверхности. Топоры Баленского 73 не имеют боковых выступов, что принципиально отличает их от аналогичных изделий из синхронных памятников бассейна Конды. На поселении обнаружено 185 точильных брусков и две стационарные абразивные плиты весом примерно 30 и 100 кг, что свидетельствует о существовании на поселении специализированной производственной площадки по изготовлению шлифованных орудий.

Материалы Баленского 73 демонстрируют почти полное отсутствие пластинчатой технологии. В коллекции известна всего одна пластина из КСП (видимо, импортного происхождения) и небольшая серия (62 экз.) широких пластинчатых отщепов и реберчатых сколов из кварца [Шмидт, Кардаш, Липс, 2018, с. 285].

Несмотря на хронологическую и территориальную близость объектов (по прямой менее 180 км), даже поверхностное сравнение материалов Большого Салыма 4 и Балинского 73 демонстрирует диаметрально противоположность в развитии каменной индустрии. Если допустить, что был хронологический разрыв в бытовании поселений, все равно отличия в материальной культуре невозможно объяснить только эволюционными и локальными законами развития каменной индустрии.

По всей видимости, мы имеем дело с группами населения, которые культивировали совершенно разные технологии обработки камня: Большой Салым 4 — микропластинчатая индустрия; Балинское 73 — галечное расщепление и абразивная обработка. Возможно, различия существовали и на ментальном уровне.

Есть комплексы, где сочетаются обе традиции. На поселении Геологическое 3 соотношение пластин и изделий из кварца примерно одинаковое, также присутствуют шлифованные орудия [Кокшаров, Погодин, 2000]. Вероятно, это свидетельство «перемешивания» двух групп населения — носителей разных технологических традиций, с последующим смешением технологий обработки камня.

Истоки процессов технологического размежевания вероятно лежат в верхнем плейстоцене. Данных пока недостаточно, но уже сейчас исследователи делят верхнепалеолитические стоянки региона на «мелкопластинчатые» (Луговское) и «галечные» (Казым-мыс, Хашгорт, Юган-Горт VI) [Макаров и др., 2021].

Библиографический список

Балуева Ю. В., Коноваленко М. В. Археологический комплекс на р. Большой Салым (по материалам исследований 2014 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 232–258.

- Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири: (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 26–38.
- Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолит Севера Западной Сибири: Итоги изучения // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 167–169.
- Клементьева Т. Ю. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2024.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // Российская археология. 2000. № 4. С. 109–127.
- Макаров С. С., Зольников И. Д., Анойкин А. А., Резвый А. С., Постнов А. В., Выборнов А. В. Освоение Нижнего Приобья в верхнем плейстоцене по археологическим данным // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2021. Т. 20, № 5: Археология и этнография. С. 43–54.
- Погодин А. А. Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 5–15.
- Пономарёва Т. М. Поселение Балинское 73: данные радиоуглеродного датирования и археологический контекст // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 142–153.
- Серилов Ю. Б., Балуева Ю. В., Коноваленко М. В. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. Вып. 4. С. 5–19.
- Шмидт А. В., Кардаш О. В., Липс С. А. Качество сырья как причина деградации пластинчатой техники расщепления в раннем голоцене (на примере каменной индустрии поселения Балинское-73) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 284–288.

A. V. SCHMIDT

**ON THE SUBJECT OF NON-UNIFORMITY OF THE MESOLITHIC STONE INDUSTRY
IN THE TAIGA ZONE OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA**

The Mesolithic of the taiga zone of the north of Western Siberia was characterized by two main traditions of stone working: 1) microblade industry (typical for Bolshoi Salym 4 settlement); 2) pebble knapping and abrasion (Balinskoye 73). The techniques required different lithic raw material. In the former case, it was jasper, chalcedony, flint and siliceous shale, i. e. rocks with high isotropic properties. The latter was dependent on quartz (coarse-grain rock), sandstone, slate, and granite, i. e. the raw materials with a viscous structure that could be easily ground. Most probably, it indicated the existence of two groups of population that practiced completely different stone working technique, in the same territory. The origins of these techniques could be traced back to the Upper Paleolithic in the region.

Alexander V. Schmidt – Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: tison172@mail.ru

И. В. ШМИДТ, Т. А. ГОРБУНОВА, Н. В. ОСИНЦЕВА

**СТОЯНКА ЧЕРНООЗЕРЬЕ II: ПРОБЛЕМЫ, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Стоянка Черноозерье II (Саргатский р-он Омской области) открыта и исследована в конце 1960 – начале 1970-х гг. В настоящий момент является единственным памятником периода финального палеолита – раннего мезолита в Омском Прииртышье. С 2015 г. возобновлено ее исследование и

получены новые данные по ряду вопросов, оставленных открытыми нашими предшественниками; ответы на некоторые из них пересмотрены.

Шмидт Ирина Викторовна — к.и.н., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

E-mail: rebew@rambler.ru

Горбунова Татьяна Александровна — к.и.н., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

E-mail: dr.stones@yandex.ru

Осинцева Наталия Викторовна — к.г.н., Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Россия, Новосибирск)

E-mail: n_osinceva@mail.ru.

Открытие памятника, известного как стоянка Черноозерье II, состоялось в 1967 г. и принадлежит группе свердловских студентов-археологов, проводивших исследования на левобережье Иртыша под руководством В. Ф. Генинга. В 1971 г. закончена первая фаза его изучения. За пять лет работ сформировано представление о площади стоянки, морфологии ее культурных отложений, получена представительная коллекция материалов. Большая часть результатов исследований опубликована и введена в научный оборот [Генинг, Петрин, 1985; Петрин, 1986].

Спустя почти полвека было принято решение продолжить междисциплинарное исследование комплекса. Перечень задач и очевидных вопросов, обозначивших новый этап в исследовании, был озвучен в 2013 г. [Горбунова, Шмидт, 2014]. В течение последующих десяти лет и при поддержке коллег из Новосибирска, Екатеринбурга и Дрездена проведена серьезная подготовительная и исследовательская работа, результаты которой позволяют иначе взглянуть на ряд устоявшихся представлений о данном комплексе.

За шесть сезонов работ на памятнике вскрыто чуть менее 150 кв. м, преимущественно в северо-западной зоне стоянки, если расчеты В. Ф. Генинга верны. Выявлена специфика отложений, вмещающих несколько культурных горизонтов переходного периода (финал палеолита — ранний мезолит). Установлено эоловое происхождение гривы, сформированной на древнем прирусловом вале первой надпойменной террасы Иртыша. Данная местность привлекла внимание человека в сартанскую фазу зырянского оледенения, около 10,5 тыс. л. до н. э. [Осинцева и др., 2017; 2020; Осинцева, Шмидт, Горбунова, 2020а; 2020б; Осинцева и др., 2022]. Их обитание здесь могло сопровождаться паводками, но нечастыми. Поддержать интерпретацию стоянки «зимником охотников на бизонов» мы не можем, — на тот момент грива уверенно возвышалась над окружающей местностью и не затапливалась. Это позволяло человеку посещать ее в любой удобный для него период. Остатки жизнедеятельности коллективов людей, представленные орудийными формами, отходами охоты и производства каменных изделий, подтверждают это наблюдение. «Черноозерцы» охотились на разнообразную дичь — есть кости крупных (бизоны, лошади, сайга) и мелких (большое количество костей зайца, есть остатки птицы) животных. Рацион людей включал и речные продукты (представленные костями рыб и раковинами пресноводных моллюсков). Коллекция орудий, которые обитатели стоянки использовали для рыболовства и охоты, за этот период пополнилась фрагментом рыболовного крючка [Шмидт, 2023], костяным комбинированным орудием скребкового типа [Шмидт, 2024].

Обнаруженные фрагменты оригинальных игольников могут свидетельствовать о том, что данный памятник — это, скорее, стационарное поселение, в котором, очевидно, проживали и мужчины, и женщины [Шмидт, 2021].

Для отложений гряды построена колонка OSL-дат, коррелирующая с датами ^{14}C , полученными из образцов кости в разных лабораториях [Осинцева и др., 2022].

Наиболее актуальными на данный момент проблемами для понимания процессов жизнедеятельности человека на гряде в рассматриваемый период, на наш взгляд, являются: экологический контекст обитания, вопросы сырьевого обеспечения (источники каменного сырья и коридоры его транспортировки) и культурно-коммуникативного взаимодействия и/или взаимовлияния (есть свидетельства орнаментальной коммуникации как с уральским регионом, так и с восточными территориями). Решение данных проблем требует продолжения исследований с применением комплексного подхода.

Библиографический список

- Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985.
- Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.
- Горбунова Т. А., Шмидт И. В. Перспективы изучения памятника эпохи позднего палеолита Черноозерье II в Омской области (по результатам разведки 2013 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 1. С. 59–62.
- Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Штойбле Х., Горбунова Т. А. Новые данные по геоморфологии археологического памятника Черноозерье II // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Москва 25–29 сентября 2017 г. М., 2017. С. 289–290.
- Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Горбунова Т. А., Лауэр Т., Шнайдер Б., Тиапш Х., Штойбле Х. Палеогеографические условия осадконакопления Черноозерской гряды (долина р. Иртыш) в позднем плейстоцене — раннем голоцене // VIII Шукинские чтения: рельеф и природопользование. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. МГУ имени М. В. Ломоносова, географический факультет, кафедра геоморфологии и палеогеографии, Москва, 28 сентября — 1 октября 2020 г. М., 2020. С. 337–343.
- Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Горбунова Т. А. Вклад С. М. Цейтлина в исследование стоянки Черноозерье II // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С. М. Цейтлина. Материалы докладов международной геолого-археологической конференции (симпозиума). Красноярск, 2020а. С. 16–18.
- Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Горбунова Т. А. О генезисе отложений Черноозерской гряды (долина нижнего течения р. Иртыш) // Геоморфология и физическая география Сибири в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного члена Русского географического общества, профессора, доктора географических наук Земцова Алексея Анисимовича. Томск, 2020б. С. 45–50.
- Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Горбунова Т. А., Лауэр Т., Шнайдер Б., Тиапш Х., Штойбле Х. Субаэральные отложения черноозерской гряды (долина р. Иртыш): гранулометрический состав; генезис; динамика осадконакопления // Геоморфология. 2022. № 2. С. 51–60.
- Шмидт И. В. Крестообразный знак в орнаментальном оформлении костяных изделий со стоянки Черноозерье II (Среднее Прииртышье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 1. С. 21–29.
- Шмидт И. В. Рыболовный крючок финального палеолита со стоянки Черноозерье II. Презентация изделия // Краткие сообщения Института археологии. 2023. № 273. С. 139–152.
- Шмидт И. В. Костяное комбинированное орудие со стоянки финального палеолита Черноозерье II // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 136–146.

I. V. SHMIDT, T. A. GORBUNOVA, N. V. OSINTSEVA

CHERNOOZERYE II OCCUPATION SITE: PROBLEMS, INTERIM RESULTS AND RESEARCH PROSPECTS

Chernoozerye II occupation site (the Sargat district of the Omsk region) was discovered and researched in the late 1960s – early 1970s. At the moment, it is the only known site of the period of the final Paleolithic – early Mesolithic in the Omsk Irtysh region. In 2015, its research has been resumed and new data have been obtained on a number of issues left open by our predecessors; the answers to some of them have been revised.

Irina V. Shmidt – Candidate of Historical Sciences, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: rebew@rambler.ru

Tatyana A. Gorbunova – Candidate of Historical Sciences, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: dr.stones@yandex.ru

Natalia V. Osintseva – Candidate of Geographical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)

E-mail: n_osinceva@mail.ru

М. В. ШУНЬКОВ

ВРЕМЯ И ПУТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ СЕВЕРНОЙ АЗИИ*

Современные данные свидетельствуют о первоначальном заселении территории Северной Азии около 800 тыс. л. н. популяциями *Homo erectus*, пришедшими с первой миграционной волной из Африки. Ранние гоминины двигались на восток Евразии двумя путями – южным – через Индостан в Восточную и Юго-Восточную Азию и северным – через Переднеазиатские нагорья в Центральную и Северную Азию. Расселение эректусов в Сибири происходило, скорее всего, с юго-запада, с низогорных и предгорных районов Алтая, где известны наиболее древние раннепалеолитические объекты – Карама, Улалинка и МК 1. Следующий археологически документированный период древнейшей истории Северной Азии связан с расселением в середине среднего плейстоцена популяции денисовцев. В ходе миграции части поздних гейдельбергцев из Леванта в восточном направлении они вступали в контакты с потомками азиатских эректусов. В результате этих процессов сформировались денисовцы, появившиеся на юге Сибири около 300 тыс. л. н.

Шуныхов Михаил Васильевич – д.и.н., чл.-корр. РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: shunkov77@gmail.com

Согласно современным данным археологии, палеоантропологии и палеогенетики, прародиной человека является Африка. Около 1,9 млн л. н. *Homo erectus* вышел за ее пределы и начал расселяться на территории Евразии. Первая волна древнейших мигрантов двигалась в двух основных направлениях: первое – через Ближний Восток на юг Европы – на Кавказ и в районы Средиземноморья, второе – через западные районы Азии на восток. Предполагается, что на восток ранние гоминины двигались двумя путями. Один из них пролегал, видимо, южнее Гималаев и Тибета через Индостан в Восточную и Юго-Восточную

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00069 «Денисовцы на Алтае: условия обитания и развитие культурных традиций» (рук. М. В. Шуныхов)

Азию. Другой, северный миграционный путь проходил, видимо, через Переднеазиатские нагорья в Центральную и Северную Азию.

Древнейшим свидетельством появления человека на территории Северной Азии являются материалы раннепалеолитической стоянки Карамы, расположенной на северо-западе Алтая [Деревянко, Шуньков, 2005]. На Караме в отложениях первой половины среднего плейстоцена зафиксирована культурная последовательность из четырех горизонтов залегания раннепалеолитической галечно-отщеповой индустрии, возраст которой определен в хронологическом диапазоне 800–600 тыс. лет. Судя по материалам палеоботанических исследований, процесс расселения раннепалеолитических людей на Алтае проходил в достаточно благоприятных климатических условиях. В это время для окружающих ландшафтов были характерны сосновые и березовые леса с участием темнохвойных пород, а также экзотических для современной алтайской флоры видов — вяза, граба, хмелеграба, липы, клена, дуба, маньчжурского ореха и лещины [Bolikhovskaya, Derevyanko, Shunkov, 2006].

В настоящее время можно говорить, что первоначальное заселение территории Северной Азии происходило, скорее всего, с юго-запада, а точнее с низкогорных и предгорных районов Алтая, где кроме Карамы известны еще два раннепалеолитических объекта — Улалинка и МК 1. Архаичная галечная индустрия Карамы свидетельствует о появлении здесь ранних гомининов, находившихся, видимо, на стадии *Homo erectus*. Эректусы пришли на территорию Алтая с древнейшей миграционной волной из Африки, продвигаясь в северо-восточном направлении через Ближний Восток, Переднеазиатские нагорья и западные районы Центральной Азии.

Хроностратиграфическая колонка Карамы свидетельствует, что представители древнейшего миграционного потока обитали на юге Сибири на протяжении почти всей первой половины среднего плейстоцена, за исключением фазы относительного похолодания, отвечающей мансийскому горизонту (МИС 18). После холодного максимума следующего гляциала (МИС 16), в связи с общим ухудшением природной обстановки ранние гоминины, скорее всего, ушли в районы с более умеренным климатом. Оставшаяся часть популяции, видимо, не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям и прекратила свое существование.

Следующий документированный период древнейшей истории Северной Азии связан с появлением на территории Алтая в середине среднего плейстоцена денисовцев — носителей технико-типологических традиций, основанных на леваллуазском и параллельном принципах расщепления камня [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020]. Эти процессы являются результатом миграции части поздних *Homo heidelbergensis* около 400–350 тыс. л. н. из Леванта в восточном направлении через Южную и Центральную Азию, а затем на юг Сибири. Это был второй этап формирования человека современного вида — разделение одной предковой формы поздних гейдельбергцев на неандертальцев и денисовцев. Популяция поздних гейдельбергцев, расселяясь во второй половине среднего плейстоцена на восток, вступала в контакты с потомками азиатских эректусов и дала начало новому таксону — денисовцам, которые появились на Алтае, в Денисовой пещере около 300 тыс. л. н. О том, что денисовцы связаны с миграцией поздних гейдельбергцев на восток может свидетельствовать также самая ранняя индустрия Денисовой пещеры, у которой отмечены общие черты с ашело-ябрудьенскими материалами Леванта [Шуньков, Козликин, 2023].

У денисовцев с периодическим участием алтайских неандертальцев на протяжении среднего палеолита развивалась самобытная каменная индустрия, послужившая основой для автохтонного становления около 50 тыс. л. н. культуры верхнего палеолита.

Если на Алтае с середины среднего плейстоцена начинается становление среднепалеолитических культурных традиций, то в других районах Северной Азии этот период вплоть до первого похолодания верхнего плейстоцена включительно ассоциируется с распространением галечных индустрий раннепалеолитического облика. Такая специфика в культурных проявлениях является, видимо, региональным отражением общих закономерностей развития раннепалеолитической ойкумены в восточной части Евразии. На облик галечных индустрий в восточных районах Сибири, возможно, оказали определенное влияние раннепалеолитические традиции, развивавшиеся на востоке и юго-востоке Азии.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Шуньков М. В. Раннепалеолитическая стоянка Карамы на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3. С. 52–69.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 3–32.
- Шуньков М. В., Козликин М. Б. Древнейшие палеолитические комплексы Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, № 1. С. 18–32.
- Bolikhovskaya N. S., Derevyanko A. P., Shunkov M. V. The Fossil Palynological Flora, Geological Age, and Climatic Stratigraphy of the Earliest Deposits of the Karama Site (Early Paleolithic, Altai Mountains) // Paleontological Journal. 2006. Vol. 40. P. 558–566.

M. V. SHUNKOV

THE TIME AND WAYS OF THE INITIAL HUMAN COLONIZATION OF NORTHERN ASIA

Modern data indicate the initial colonization of the territory of Northern Asia occurred about 800 thousand y. a. by the populations of *Homo erectus*, who came with the first migration wave from Africa. Early hominins moved to the east of Eurasia by two routes - south across Hindustan to the East and Southeast Asia; and north across the Central Asian Highlands to the Central and North Asia. The colonization of Siberia by *Homo erectus*, most likely, followed the direction from the southwest, from the low-mountain and foothill regions of the Altai, where the most ancient known Early Paleolithic sites were located, i. e. Karama, Ulalinka and MK 1. The next archaeologically documented period of the ancient history of Northern Asia was associated with the migrations of the Denisovans population in the middle of the Middle Pleistocene. During the migration of some of the late Heidelbergers from Levant to the east, they came into contact with the descendants of the Asian *Homo erectus*. The formation of Denisovans, who appeared in the south of Siberia about 300 thousand years ago, was a result of these processes.

Mikhail V. Shunkov – Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: shunkov77@gmail.com

КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО
ВЕКА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ:
ВЕКТОРЫ, ХАРАКТЕР, ДИНАМИКА
И ПРОЯВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

CULTURES OF THE LATE STONE
AGE OF NORTHERN EURASIA:
VECTORS, NATURE, DYNAMICS AND
MANIFESTATIONS OF INTERACTIONS

Н. С. БАТУЕВА, Е. М. ТОМИЛИНА

**ПОСУДА ЭПОХИ НЕОЛИТА ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ:
ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

Петрографическое исследование посуды эпохи неолита Верхнего и Среднего Прикамья проводится не впервые. На сегодняшний день является важным продолжением проведения петрографического анализа керамики. Для этого были выполнены исследования посуды эпохи неолита еще девяти памятников. Результаты исследования показали, что для изготовления посуды в эпоху неолита, носителями разных культур использовались рецепты, состоящие из исходного сырья, шамота и органического раствора. По результатам петрографического анализа стоит говорить об использовании в данный период в основном гидрослюдистых глин. Одним из основных показателей отличия технологии изготовления посуды камской и волго-камской культуры является наличие крупного или мелкого шамота. Практически во всех образцах были зафиксированы следы углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Батуева Надежда Сергеевна — к.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)

E-mail: nadiabat@yandex.ru

Томилина Елена Михайловна — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)

E-mail: tomilinaelena.psu@yandex.ru

На сегодняшний день является важным продолжением проведения петрографического анализа керамики, относящейся к неолиту Верхнего и Среднего Прикамья, которое проводится не впервые [Батуева, Кулькова, Кульков, 2019, с. 11–17]. Для этого были выполнены исследования посуды эпохи неолита еще девяти памятников (25 образцов). Для памятников с материалами только камской культуры: четыре образца для стоянки Хомутовское болото II, три образца — Кряжская стоянка, два образца — Бор I, три образца — Боровое озеро I, два образца — Усть-Залазнушка II, два образца — Чашкинское озеро I, три образца — Посёр. Для смешанных памятников (материалы камской и волго-камской культур): два образца — поселение Васюковское II, четыре образца — стоянка Чирва II.

Петрографическое изучение шлифов проведено на поляризационном микроскопе Olympus VX51 (Япония) (аппаратура Центра коллективного пользования уникальным научным оборудованием и Сектора наноминералогии Пермского государственного национального исследовательского университета).

Образцы керамики стоянки *Хомутовское болото II* схожи по составу. Все четыре образца представлены глиной преимущественно гидрослюдистого состава (45 %), алевритом и песком (35 %), шамотом (10 %). Шамот выявлен в виде глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–5,0 мм преимущественно гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, обломки кварцитов, алевролитов. Во всех образцах наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека» (рук. Е. Л. Лычагина)

Образцы керамики *Кряжской стоянки* состоят из глины гидрослюдистого состава (60 %), алеврита и песка (35 %), а также шамота (5 %). Шамот представлен в виде глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–2,0 мм преимущественно гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, эпидот, обломки кварцитов, кремневых пород, гранитоидов, эффузивных пород. Наблюдаются растительные остатки красно-бурого, желтого цвета полупрозрачные, удлинённо-вытянутой формы и остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики стоянки *Бор I* были изготовлены из глины гидрослюдистого состава (60 %), алеврита и песка (35 %), шамота (5 %). Шамот выявлен в виде сильно углефицированных глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–1,0 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, обломки кварцитов, кремневых пород, гранитоидов, эффузивных пород. Наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики стоянки *Боровое озеро I* представлены глиной гидрослюдистого состава (45 %), алевритом и песком (45 %), шамотом (10 %). Шамот зафиксирован в виде глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–1,0 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, пироксены, циркон, обломки кварцитов, кремневых пород, гранитоидов, эффузивных пород. Наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики стоянки *Усть-Залазнушка II* различны по содержанию глины и алеврита. Первый образец представлен глиной гидрослюдистого состава (50 %), алевритом и песком (40 %), шамотом (10 %). Шамот в виде глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–1,2 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, обломки кварцитов, кремневых пород, гранитоидов, эффузивных пород. Второй образец представлен алевритом (80 %). Основная масса зафиксирована зернами кварца и полевого шпата, чешуйками слюды, единичными зернами пироксенов, обломками кварцитов, кремневых пород. Глинистый материал (20 %) заполняет промежутки между зернами, образуя пленочно-поровый тип цементации гидрослюдистого состава. Неравномерно наблюдаются единичные обломки шамота, полностью углефицированные. В обоих образцах наблюдается растительный детрит в виде темно-бурых, черных углефицированных включений удлинённо-вытянутой формы, некоторые — нитевидного, волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики поселение *Васюковское II* представлены глиной гидрослюдистого состава (50 %), алевритом и песком (40 %), шамотом (10 %). Шамот выявлен в виде глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–2,0 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, обломки кварцитов, кремневых пород, сланцев. Наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики стоянки *Чашкинское озеро I* состоят из глины гидрослюдистого состава (25 %), алеврита и песка (70 %), шамота (5 %). Шамот обнаружен в виде глинистых

обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–0,8 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, пироксены, актинолит, обломки кварцитов, кремневых пород, гранитоидов, сланцев, диоритов, эффузивных пород. Наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики стоянки *Посёр* содержат глину гидрослюдистого состава (55 %), алевролит и песок (40 %), шамот (5 %). Шамот представлен в виде единичных глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–1,0 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, обломки кварцитов, кремневых пород, сланцев. Наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Образцы керамики стоянки *Чирва II* представлены глиной гидрослюдистого состава (50 %), алевролитом и песком (45 %), шамотом (5 %). Шамот выявлен в виде единичных глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–1,0 мм гидрослюдистого состава, кластический материал — кварц, полевой шпат, слюда, эпидот, обломки кварцитов, кремневых пород. Один образец керамики с данной стоянки представлен алевролитом (80 %), основная масса которого состоит из зерен кварца и полевого шпата, чешуйками слюды. Глинистый материал (20 %) заполняет промежутки между зернами, образуя пленочно-поровый тип цементации гидрослюдистого состава. Неравномерно встречаются единичные обломки шамота размером 0,4–1,0 мм. Наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика.

Результаты исследования показали, что для посуды в эпоху неолита носителями разных культур использовались рецепты, состоящие из исходного сырья, шамота и органического раствора. По результатам петрографического анализа стоит говорить об использовании в данный период в основном гидрослюдистых глин. Одним из основных показателей отличия технологии изготовления посуды камской и волго-камской культур является наличие крупного или мелкого шамота [Васильева, Выборнов, 2012]. Проведенное петрографическое исследование показало, что размерность шамота колеблется от 0,5 до 5,0 мм. Самые крупные фракции зафиксированы в образцах с поселения Хомутовское болото II. В то же время не были отмечены какие-либо отличия в размерности шамота в образцах с памятников, где были проведены анализы для камской и волго-камской культур (Васюковское II, Чирва II). Кроме этого, проведенные исследования показали некоторые отличия в составах масс для образцов из коллекции стоянки Чирва II и Усть-Залазнушка II. Стоит отметить, что памятники Чирва II и Васюковское II являются смешенными и факт наличия одинакового по размеру шамота в разных культурных типах керамики, как и наличие разного исходного сырья, может говорить о смешении гончарных традиций у населения в данную эпоху. Что касается образцов с поселения Усть-Залазнушка II, то этот памятник является «чистым» (в культурном слое зафиксирована только посуда камской культуры), но относится к позднему этапу камской культуры. Также хотелось бы остановиться подробнее на выделяемой по результатам петрографического исследования органике. Практически во все образцах зафиксированы следы углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые — волокнистого и узелкового облика. Вероятнее всего, данный вид органики можно связать с добавлением органического раствора в

формовочную массу для изготовления посуды, а также с использованием исходного глинистого сырья, собранного близ водоемов (илистые глины).

Библиографический список

- Батуева Н. С., Кулькова М. А., Кульков А. М. Первые результаты петрографического анализа неолитической керамики Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь, 2019. С. 11–17.
Васильева И. Н., Выборнов А. А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь, 2012. С. 34–50.

N. S. BATUEVA, E. M. TOMILINA

NEOLITHIC POTTERY FROM THE SITES OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION: PETROGRAPHIC STUDY

Petrographic study of the Neolithic pottery of the Upper and Middle Kama region is not a new line in the archaeological research. It is important that petrographic studies of ceramics be continued. Accordingly, we studied the Neolithic pottery from nine more sites of the region. The results of the study demonstrated that for making pottery the population of different cultures in the Neolithic used formulations consisting of the raw materials, chamotte and organic solutions. The results of the petrographic analysis indicated a wide use of hydromicaceous clay during that period. One of the main indicators of the difference between the Kama and the Volga-Kama pottery techniques was the presence of either coarse- or fine-grain chamotte. Traces of carbonized irregular shape plant organics of black color, some of fibrous or nodular appearance were recorded in almost all samples.

Nadezhda S. Batueva – Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: nadiabat@yandex.ru

Elena M. Tomilina – Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: tomilinaelena.psu@yandex.ru

И. М. БЕРДНИКОВ, Н. Б. СОКОЛОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ-СОБИРАТЕЛИ БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАССЕЛЕНИЯ*

Обсуждаются вопросы происхождения и расселения охотников-собирателей Байкало-Енисейской Сибири в динамике развития региональных культур и отношений с сопредельными территориями. Согласно предложенной гипотезе, раннеолитические популяции (~8,6–7 тыс. кал. л. н.), связанные своим происхождением с регионами, расположенными к востоку и юго-востоку, уступили свои территории группам охотников-собирателей, пришедшим с запада, и расселились в основном в северном направлении. Позднее они, очевидно, приняли участие в сложении позднеолитической культурной модели. Население среднего неолита, просуществовав в регионе примерно с 7 до 6 тыс. кал. л. н., покидало его в разных направлениях: носители усть-бельской гончарной традиции преимущественно в западном, посольской — в восточном и южном. Позднеолитические группы могли быть частично ассимилированы населением, появившимся с востока и юго-востока около 5 тыс. кал. л. н., хотя какая-то часть могла мигрировать в более северные районы Средней Сибири, которые все еще мало изучены.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, проект FZZE-2023-0007

Бердников Иван Михайлович — к.и.н., Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск)
E-mail: geoarch.isu@gmail.com

Соколова Наталья Борисовна — Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск)
E-mail: snb-87@mail.ru

Современный этап дискуссии в неолитоведении Байкало-Енисейской Сибири включает обсуждение таких проблем, как внутренняя периодизация, значение экологических факторов, отсутствие известных захоронений в среднем неолите, корреляция данных по погребальным комплексам и многослойным местонахождениям, происхождение и трансформация культур местных охотников-собирателей [см. напр.: Weber, 2020; Бердников и др., 2023].

В одной из последних статей по этой тематике мы сформулировали основные тезисы собственных представлений об особенностях социокультурной динамики в неолите Байкало-Енисейской Сибири [Бердников, Соколова, 2023]. Фактически это явилось ответом на предложение А. В. Вебера считать его концепцию, разработанную исключительно по материалам погребальных комплексов [Weber, 2020], базовой для неолита Предбайкалья, являющегося одним из районов Байкало-Енисейской Сибири. В силу ограниченного объема нашей работы «за кадром» остались некоторые важные вопросы, связанные с расселением разных групп охотников-собирателей после очередной смены культурной модели. В докладе мы постараемся уточнить эти моменты.

Формирование раннеолитической культурной модели (для нее характерны хиньская группа погребений на первом этапе, китойская — на втором), которое началось ~8,6 тыс. кал. л. н., мы связываем с притоком групп населения с востока и юго-востока, то есть с территорий, где также существовали традиции декорирования керамических сосудов шнуром (Забайкалье, Дальний Восток) и сеткой (Северный Китай).

Первая смена культурной модели происходит спустя полторы тысячи лет, когда в регион начинают проникать высокоомобильные группы охотников-собирателей с территории урало-западносибирского региона, о чем свидетельствует появление новой гончарной традиции (усть-бельской) и редких погребений со своеобразным обрядом и инвентарем, а также распространение в искусстве образа водоплавающей птицы. Параллельно шло формирование еще одной культурной общности с традицией производства керамики посольского типа, однако в ее основе, скорее всего, лежал местный раннеолитический компонент. Данный этап определен нами как средний неолит (~7–6 тыс. кал. л. н.).

Исчезновение охотников-собирателей раннего неолита, в отличие от А. В. Вебера [Weber, 2020], мы не склонны связывать только с экологическим фактором. В данном случае имела место совокупность причин, включая появление нового населения, что в итоге определило жесткую конкуренцию за ресурсы и территории, то есть такие условия, в которых прежняя модель уже не могла существовать. Одна часть раннеолитического населения, судя по всему, расселилась вдоль восточного берега Байкала (если это не произошло раньше), другая — проникла в северные районы Байкало-Енисейской Сибири и на территорию Якутии, что объясняет возникновение там гончарной традиции сылахской культуры с сетчатыми сосудами [Алексеев, Дьяконов, 2009]. Северная группа, в свою очередь, могла принимать участие в формировании культурной модели позднего неолита (~6–5 тыс. кал. л. н.), где доминировала традиция использования плетеной сетки

для декорирования керамических сосудов (исаковских и серовских). Это подтверждается и современными данными по Северному Приангарью, где уже в среднем неолите происходит зарождение исаковской погребальной традиции [Марченко и др., 2022], которая на юге региона получила распространение не ранее ~6 тыс. кал. л. н.

Группы охотников-собирателей среднего неолита покидали регион в разных направлениях. Для населения с усть-бельской гончарной традицией западное направление, по-видимому, являлось основным вектором исхода, так как на других сопредельных территориях, исключая часть восточного побережья Байкала, близкие аналогии ей пока не известны. Если опираться на хронологию и типологию близких по облику керамических комплексов, то можно выдвинуть предположение, что это население внесло определенный вклад в развитие традиций гребенчато-ямочной общности позднего неолита и раннего металла в урало-западносибирском регионе, например, екатерининской культуры [Петров, 2014]. В Красноярской лесостепи также, видимо, под влиянием усть-бельской традиции формируются некоторые керамические типы бронзового века, в частности бобровский [Мандрыка, 2021]. Население с посольской гончарной традицией, судя по материалам Монголии и Забайкалья [см. напр.: Ветров, 2011], осваивало территории в основном в южном и восточном направлениях.

Вопрос, что произошло с поздненеолитическим населением, после того как под влиянием миграционных импульсов с востока и юго-востока начинает формироваться культурная модель раннего металла (~5 тыс. кал. л. н.), остается открытым. Следов исаковских и серовских групп на сопредельных территориях не прослеживается, но вряд ли здесь имела место полная их трансформация. Возможно, часть этого населения приняла участие в сложении новой для региона культурной модели, но некоторые группы, хорошо адаптированные к условиям таежных территорий, могли уйти на север, в направлении до сих пор малоизученных бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгуски, однако это предположение требует подтверждения фактическими материалами.

Библиографический список

- Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. № 3 (39). С. 26–40.
- Бердников И. М., Соколова Н. Б. Социокультурная динамика в неолите Байкало-Енисейской Сибири: проблемы, гипотезы, факты // *Археология Евразийских степей*. 2023. № 4. С. 174–191.
- Бердников И. М., Макаров Н. П., Савенкова Т. М., Бердникова Н. Е., Соколова Н. Б., Ким А. М., Райх Д. Средненеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2023. Т. 51, № 1. С. 42–51.
- Ветров В. М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6 – 3,5 тыс. л. н.) // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 34–41.
- Мандрыка П. В. Бобровский тип керамики на Енисее // *Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая*. Абакан, 2021. С. 58–62.
- Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н., Кербс Е. А. Неолитические захоронения в устье реки Зелинда (Северное Приангарье): погребальная практика и радиоуглеродная хронология // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2022. Т. 50, № 3. С. 16–28.
- Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск, 2014.
- Weber A. W. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Combined impacts of the boreal forest, bow-and-arrow, and fishing // *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 24. P. 100–222.

I. M. BERDNIKOV, N. B. SOKOLOVA

NEOLITHIC HUNTER-GATHERERS OF THE BAIKAL-YENISEI SIBERIA: THE PROBLEMS OF THE ORIGIN AND SUBSEQUENT DISTRIBUTION

The authors discuss the origin and migrations of the hunter-gatherers of Baikal-Yenisei Siberia in the dynamics of the evolution of the regional cultures and their contacts with the neighboring territories. According to the proposed hypothesis, the Early Neolithic populations (~ 8,6–7 thousand cal. y. a.), originating from the regions east and southeast of the area, ceded their territories to groups of the hunter-gatherers that came from the west, and migrated mainly in the northern direction. Later on, they apparently participated in the formation of the Late Neolithic cultural pattern. The population of the Middle Neolithic, that existed in the region from about 7 to 6 thousand cal. y. a., left the territory migrating in different directions: the population of the Ust-Belaya pottery tradition moved mainly in the western, and the Posolskaya population – in the eastern and the southern directions. The Late Neolithic groups could have been partially assimilated by the population that arrived from the east and the southeast about 5 thousand cal. y. a., although some of them could have migrated to the more northern regions of Central Siberia, which are still rather poorly studied.

Ivan M. Berdnikov – Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

E-mail: geoarch.isu@gmail.com

Natalia B. Sokolova – Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

E-mail: snb-87@mail.ru

T. A. ВАСИЛЬЕВА

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В докладе представлены материалы и исследования карельской археологической культуры, выделенной А. Я. Брюсовым в 1940 г. Изучением памятников занимались М. Е. Фосс, Н. Н. Гурина, Г. А. Панкрушев, Ю. А. Савватеев, Ю. В. Титов и др. Периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой разработана Н. В. Лобановой. Памятники карельской археологической культуры связаны с ямочно-гребенчатой культурно-исторической общностью. Развитие и финал культуры с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии дискусионен. Согласно последним данным, эти процессы могут быть связаны с гребенчато-ямочной керамикой позднего неолита и ромбо-ямочной керамикой переходного этапа от неолита к энеолиту.

Васильева Татьяна Анатольевна – к.и.н., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Россия, Петрозаводск)

E-mail: tattya@list.ru

Карельская археологическая культура относится к среднему неолиту и связана с ямочно-гребенчатой культурно-исторической общностью [Ошибкина]. Известные к 1940–1950 гг. материалы памятников данного региона послужили, наряду с другими, источниками для написания обобщающих работ. В результате их изучения А. Я. Брюсовым выделена особая «карельская культура» на основе каменного (сланцевого) инвентаря. Он исследовал вопросы заселения территории Карелии и межкультурных контактов в древности, происхождения и хронологии керамики, уделялось внимание древним промыслам (рыболовство и охота), металлообработке [Брюсов, 1940].

В работе М. Е. Фосс карельская археологическая культура рассматривалась на широком фоне культур северной части восточноевропейской лесной зоны, главным образом на основе орнамента керамики. Исследовательницей затронуты проблемы заселения и освоения региона, этапы формирования археологических культур и др. По ее мнению, именно орнаментация керамики является основным культууроопределяющим показателем при выделении культур [Фосс, 1952].

Н. Н. Гурина внесла неоценимый вклад в изучение древнейшей истории на территории Карелии. Ею открыты и исследованы эталонные памятники, обнаружены следы использования местной меди и впервые обнаружены связанные с культурными слоями оригинальные изделия из камня и глины — образцы древнего искусства. Полученные материалы стали базовыми и послужили источниками для выяснения многих вопросов по тематике неолита на территории Карелии. На основании материалов поселений с медными изделиями, обнаруженными на территории Карелии и Ленинградской области, сопровождающихся ромбо-ямочной керамикой, впервые выделена «эпоха раннего металла» [Гурина, 1961].

Дальнейшее изучение памятников среднего неолита, безусловно, связано с исследовательской деятельностью А. Г. Панкрушева и Ю. А. Савватеева [Панкрушев, 1978; Савватеев, 1977]. Благодаря активным полевым изысканиям увеличивался корпус источников, содержательные материалы многочисленных памятников способствовали разработке вопросов по периодизации памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, а также выяснению вопросов развития культуры. Остановимся на ключевых моментах.

В начале 1970-х гг. Ю. В. Титовым предложена схема развития орнамента на ямочно-гребенчатой керамике [1971]. Отмечалось, что использование термина «ямочно-гребенчатая», введенного в научный оборот Ю. Айлио для керамики неолитических поселений Прибалтики и Центральной России, не отражает всего многообразия элементов ее орнамента и орнаментальных узоров. Эта керамика разнообразна по своей форме и венчикам. Выделено свыше 160 орнаментальных узоров. Керамика, орнаментированная ямками различной формы, по мнению исследователя, является определенным этапом развития орнамента ямочно-гребенчатой керамики.

На сегодняшний день вопрос о развитии орнамента ямочно-гребенчатой керамики Карелии остается дискуссионным. Пока не разработаны четкие критерии расчленения поздней ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики на многокомплексных поселениях Карелии.

Изучению памятников с ямочно-гребенчатой керамикой посвящены специальные исследования Н. В. Лобановой [1986]. По мнению исследовательницы, эта керамика по орнаментации близка к льяловской традиции, сложилась в юго-восточной части Карелии и на территории Восточного Прионежья, а в дальнейшем распространилась в северном направлении. Намечается два этапа в ее развитии. Фаза I раннего этапа характеризуется тонкостенными сосудами с умеренной примесью песка или дресвы, полуяйцевидной формы с округлым или округло-коническим дном, сосуды украшены правильными горизонтально-зональными узорами из ямок и оттисков торца какого-то инструмента, возможно косточки. Преобладает ямочный элемент. Иногда ямки образуют простые геометрические мотивы — розетки, фестоны и др. В фазу II сосуды сохраняют прежние формы, в тесте керамики иногда прослеживается органическая примесь. Используются

оттиски веревочки, отступающие и прочерченные штампы, редко отпечатки рыбьих позвонков. В юго-восточной Карелии и в некоторых других районах в этих комплексах встречается каргопольская керамика. В орнаменте характерен многорядный линейный зигзаг из ямок и гребенчатых линий или отступающих веревочных и торцовых оттисков, покрывающий все тулово сосудов. Поздний этап ямочно-гребенчатой керамики отражают многочисленные материалы памятников бассейна Онежского озера и низовьев р. Выг с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой. Керамика позднего этапа резко отличается от предшествующей. Это крупные толстостенные горшки из грубого, плохо промешанного теста с обильной примесью дресвы или неотсортированного песка. Форма их более разнообразна, имеются приостренные днища, многообразна орнаментация. Таким образом, прослеживается определенная связь между ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой.

Относительно развития культур с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой нет единого мнения. Согласно И. Ф. Витенковой, это различные культуры, не связанные между собой: гребенчато-ямочная керамика отнесена к позднему неолиту, а ромбо-ямочная — к раннему энеолиту [Витенкова, 2002; 2016].

Между тем, вопрос расчленения комплексов гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной посуды на одном поселении в одном нестратифицированном слое с сосудами, украшенными ямками различной формы, остается неразработанным. Сосуды, орнаментированные круглыми и овальными ямками, в достаточном количестве представлены на памятниках позднего неолита, проблема их культурно-исторической идентификации весьма актуальна.

При изучении материалов среднего неолита — переходного этапа к раннему энеолиту — на памятниках в бассейне Онежского озера наметился ряд признаков, позволяющий связывать глиняную посуду с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией с периодами развития орнаментальной традиции ямочно-гребенчатой керамики [Хорошун, 2013; и др.], что значительно расширяет понятие «карельской археологической культуры».

Библиографический список

- Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940.
- Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
- Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск, 2016.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 87).
- Лобанова Н. В. Неолитические памятники с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Ошибкина С. В. Карельская культура // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/5821183> (дата обращения: 15.03.2024).
- Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 2.
- Савватеев Ю. А. Залавруга. Л., 1977. Ч. 2.
- Титов Ю. В. Керамика древних поселений Карелии как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.
- Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 29).
- Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V — начало III тыс. до н. э.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

T. A. VASILYEVA

ON THE SUBJECT OF STUDYING THE KARELIAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE

The paper presents the materials and research of the Karelian archaeological culture described by A. Ya. Bryusov in 1940. The sites were later studied by M. E. Foss, N. N. Gurina, G. A. Pankrushev, Yu., A. Savvateev, Yu., V. Titov and others. The periodization of the sites with pit-comb ceramics was developed by N. V. Lobanova. The sites of the Karelian archaeological culture were associated with the pit-comb cultural and historical community. The stages of the evolution and the finale of the culture with pit-comb ceramics in the territory of Karelia are still debatable. According to the recent data, these processes could have been associated with the comb-pit ceramics of the Late Neolithic and the rhombic-pit ceramics of the transition stage from the Neolithic to the Eneolithic.

Tatyana A. Vasilyeva – Candidate of Historical Sciences, Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre RAS (Russia, Petrozavodsk)
E-mail: tattya@list.ru

П. В. ВОЛКОВ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ И ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Поиск следов, фиксация и интерпретации признаков проявления личностных и специфических этнических черт в бытовой и производственной деятельности человека, изучение вариантов проявления стереотипов в движениях, действиях или поведении людей позволяет методами планиграфического анализа древних жилищных конструкций и функционального анализа находок на их территории артефактов произвести реконструкцию среды обитания. Итогом такого рода исследований может стать выделение рабочих площадок (места различного рода производственной деятельности), мест отдыха обитателей жилища, определение типа и назначения очагов, предвходных зон и прочих планиграфических особенностей анализируемых сооружений. Предлагаемое направление функционально-планиграфических реконструкций представляется перспективным исследованием для изучения специфики образа жизни обитателей Севера Азии в период от неолита до нового времени.

Волков Павел Владимирович – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: volkov100@yandex.ru

С начала XX в. на различных территориях в рамках работ Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета проводятся экспериментальные археологические исследования, целью которых является разработка методики поиска следов, фиксации и интерпретации признаков проявления личностных и специфических этнических черт в бытовой и производственной деятельности человека. Работы сосредоточены на изучении вариантов проявления стереотипов в движениях, действиях или поведении людей. Методами технологического, трасологического и планиграфического анализов осуществляется поиск, фиксация и определение следов проявления такого рода стереотипов в материалах археологических коллекций эпохи камня, исследование материализованных проявлений индивидуальной и групповой специфики ментальной активности человека.

Стандартность действий человека достаточно часто определяется стандартностью его мышления. Под понятием «стандартность» здесь подразумевается некий стереотип в поступках (действиях) человека, где стереотип проявляется в ситуации, когда вместо предварительных проб и размышлений о возможных вариантах решения проблемы человек не задумываясь начинает действовать по привычному для него шаблону. Это своего рода штампы, регулярно повторяющиеся формы, образцы поведения, принятые в той или иной культуре.

Многим поступкам человека свойственны моторность, автоматизм, под которым понимаются действия, реализуемые без непосредственного участия сознания. Человек чаще использует навыки, то есть действия, характеризующиеся отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля над процессом решения задачи. «Удобство» вопреки рациональности, проявляющееся в достаточно простых, повседневных действиях людей. Поиск и фиксация искомым данным такого рода в археологических материалах не представляются простыми. Но возможности трасологических и технологических методов исследования артефактов, современная методика сбора планиграфических данных позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу намечаемых исследований. Обнаружить следы стереотипов мышления людей позволит методика исследований, где задача эксперимента заключается в поиске ситуаций, допускающих многовариантное разрешение тех или иных проблем, в фиксации стереотипных вариантов действий людей по преодолению возникших затруднений.

Археологу-экспериментатору важно, чтобы различие отмечаемых автоматизированных действий человека могло быть зафиксировано в археологических материалах. Такой подход определяет, следовательно, и новые цели технологического, трасологического и планиграфического анализа в археологии.

Подбор инструментов при работе человека с камнем и специфика их практического использования часто характерны для представителей только определенных этнических или расовых групп. Данные такого рода могут быть зафиксированы, классифицированы и представляют собой весьма ценный материал при определении этнической принадлежности индивидуумов, входивших в изучаемые древние сообщества. Стандарты поведения человека наиболее отчетливо выявляются и при планиграфических исследованиях «ограниченных пространств», например, таких как замкнутое стенами жилище.

Для исследований такого рода требуется большое количество специальных экспериментов, использование особых этнографических данных, при которых важно отчетливое понимание цели наблюдений и возможность организовать экспериментальные исследования в актуальном, весьма необычном направлении. Эксперименты по раскалыванию камня, например, можно организовать так, что наше внимание будет сосредоточено на изучении особенностей распространения образовавшихся следов активности на рабочей площадке. Не менее актуальным будет и поиск стереотипности поведения представителей различных этнических групп в организации мест ночлега, стоянки, охотничьего бивака или в активности у очагов.

Механические, моторные действия людей исторически устойчивы. Есть основания полагать, что на протяжении достаточно длительного периода существенных изменений в подобных стереотипах не произошло. В связи с этим проводимые исследования открывают возможности для изучения генезиса поведенческих стереотипов, поиска их вероятных

взаимосвязей в культуре наших современников и людей эпохи камня. Вполне допустима корреляция экспериментальных данных с материалами не только эпохи неолита, но и более раннего времени.

Археологами в ходе полевых исследований собраны потерянные древними обитателями предметы, определены площади и конфигурация сооружений и... на этом, как правило, планиграфическое изучение объектов заканчивается. Однако базирующиеся на эксперименте трасологические исследования каменных артефактов могут предоставить весьма интересные данные для более детального анализа древних жилищ человека.

Итогом планиграфических исследований может стать выделение рабочих площадок (места различного рода производственной деятельности), мест отдыха обитателей жилища, расположение, определение типа и назначения очагов и прочих планиграфических особенностей анализируемых сооружений.

Признаками существовавшей рабочей зоны может быть обнаружение компактных скоплений сырья, отходов производства, полуфабрикатов изделий, готовой продукции и инструментария, использовавшегося в производстве.

Зона отдыха часто определяется по наличию комфортных участков площади жилища относительно огня, входа, вне мест интенсивной работы или деятельности, требующей специально освобожденного пространства.

Предвходовые площадки, если они не фиксировались в ходе раскопочных работ или же в тех случаях, когда вход в жилище предполагался через крышу, могут быть определены «по остаточному принципу», когда «предвходовой площадкой» можно будет именовать место, относительно удаленное от центральных очагов, малопригодное для отдыха и свободное от зафиксированной при планиграфическом анализе производственной деятельности.

На территориях Севера Азии изучено огромное количество жилищных сооружений времени от эпохи неолита до раннего железа. Но... реальных, действительно полномасштабных планиграфических исследований такого рода, насколько нам известно, никто здесь не производил и не производит. Перспектива, как видим, очевидна.

P. V. VOLKOV

FUNCTIONAL ANALYSIS OF ARTIFACTS AND PLANIGRAPHIC RECONSTRUCTIONS

The search for traces, registration and interpretation of the signs of manifestation of the individual and specific ethnic traits in everyday economic and production activities of the people, the study of the variants of stereotypes in the people's movements, actions or behavior allow reconstructing the past environment with the use of the planigraphic analysis of the ancient housing structures and the functional analysis of artifacts found in their territory. The outcome of this type of research may be the isolation of the work areas (places of various types of production activity), the recreation areas for the inhabitants of the dwellings, the identification of the type and purpose of fireplaces, pre-entry zones and other planigraphic characteristics of the studied structures. The proposed line of the functional-planigraphic reconstructions appears to be a promising vector for studying the specifics of the lifestyle of the populations of the North of Asia in the period from the Neolithic to the Modern Time.

Pavel V. Volkov – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: volkov100@yandex.ru

Д. В. ГЕРАСИМОВ

ПЕРЕРЫВЫ ОБИТАНИЯ МНОГОСЛОЙНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА КАК ИНДИКАТОРЫ РЕЗКИХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК

Анализ культурной динамики в восточной части региона Финского залива после окончания последнего оледенения показывает, что культурные сдвиги, отраженные в археологических материалах, хорошо коррелируют с быстрыми изменениями окружающей среды. К ним относятся переход от раннего к позднему мезолиту около 7300 г. до н. э. («событие 9300 г. до н. э.»), переход от мезолита к неолиту около 5500 г. до н. э. (максимум Литориновой трансгрессии), переход от раннего к позднему неолиту около 3900 г. до н. э. (Сайменский прорыв) и появление сельского хозяйства в этом регионе (формирование реки Невы около 1200 г. до н. э.). Представленный анализ позволяет предположить возможность хронологического разрыва в социокультурных изменениях в регионе. Это также поднимает вопросы о «длинных» и «коротких» периодах времени, охватываемых археологическими памятниками.

Герасимов Дмитрий Владимирович — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: dger@kunstkamera.ru

В восточной части региона Финского залива после завершения последнего оледенения возникли уникальные условия для формирования многослойных стратифицированных археологических комплексов. Известно, что на протяжении всего голоцена скандинавский кристаллический щит испытывает неравномерное тектоническое поднятие. Результатом неравномерного изостатического поднятия стал перекося ванн крупных водоемов (собственно Балтики, озер Ладожского, Онежского и Саймаа) [Björck, 2008; Герасимов, Субетто, 2009; Saarnisto, 2008]. Вода отступает от древних береговых линий в северо-западной части водоемов и затапливает берега в юго-восточной, закрываются старые каналы стока и формируются новые, что приводит к перестройкам гидрографических систем. В то же время, Балтийское побережье в голоцене испытывало воздействие эвстатических колебаний уровня мирового океана. В результате наложения этих процессов в восточной части региона Финского залива происходило неоднократное затопление и осушение одних и тех же прибрежных участков, в том числе участков, где располагались древние стоянки и поселения. Фиксируемые перерывы обитания таких стоянок и поселений четко коррелируются с морскими осцилляциями и перестройками гидрографической системы.

Геоморфология прибрежных территорий, где наблюдается несколько выраженных голоценовых террасовых уровней, свидетельствует о неравномерном ходе изостатического поднятия суши. Можно предположить, что длительные периоды накапливания тектонического напряжения сменялись достаточно резкими, порой носящими катастрофический характер, тектоническими сдвигами. Кроме того, анализ расположения одновозрастных прибрежных памятников каменного века показывает на блоковый характер изостатического поднятия, когда разные участки поднимаются неравномерно [Федорова, Герасимов, Анисимов, 2017].

Анализ динамики культурных изменений в регионе свидетельствует, что наиболее выраженные в археологических источниках культурные трансформации соотносятся с резкими изменениями природных обстановок. Самый ранний такой эпизод — это конец

периода раннего — начало периода позднего мезолита, соответствующие климатическому событию «9300 кал. л. н.», когда уровень обитания прибрежных стоянок перемещается с террас максимума анциловой трансгрессии на более низкие уровни ранней стадии Литоринового моря [Gerasimov, Kriiska, 2018]. Около 5500 лет до н. э., во время максимума литориновой трансгрессии, прибрежные позднемезолитические места обитания в регионе были затоплены и перекрыты водными наносами. После завершения этого (вероятно, весьма непродолжительного) эпизода в регионе повсеместно и единомоментно (в археологическом смысле) распространяется керамика, знаменуя наступление периода раннего неолита [Там же]. Наиболее изученной природной катастрофой голоцена в регионе является прорыв древнего оз. Саймаа в южном направлении и образование р. Вуоксы около 3900 л. до н. э. [Oinonen et al., 2014]. Это событие уверенно связывается с мощными и резкими тектоническими движениями [Шварев и др., 2021]. Оно же, судя по имеющимся археологическим данным, привело к тяжелейшему социокультурному кризису населения региона, последствием которого стало повсеместное распространение культуры типичной гребенчато-ямочной керамики позднего неолита. Наиболее молодым фиксируемым событием, так же, по-видимому, связанным с тектоническими подвижками [Никонов, 2017], является прорыв р. Невы и формирование нового стока из Ладожского озера в Финский залив около 1200 лет до н. э. Вероятно, это событие также явилось причиной социокультурного кризиса. Кроме того, в результате него в регионе возникли возможности для земледелия, и эти возможности были использованы новым населением, продвинувшимся сюда из южных областей [Yushkova, 2006].

В то же время климатическое событие «8200 кал. л. н.» не фиксируется в стратиграфии археологических памятников и не сказалось заметно на культуре населения региона. Правда, новейшие исследования материалов мезолитического могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера [Schulting et al., 2022] позволяют предположить некий «культурный отклик» на это событие. Другим значимым поворотным моментом в социокультурном развитии региона является рубеж неолита и эпохи раннего металла около 3600 лет до н. э., для которого так же не фиксируется существенных природных трансформаций.

Представленный анализ позволяет говорить о хронологической дискретности социокультурных изменений в регионе, а также поставить вопрос о «длинной» и «короткой» хронологии археологических комплексов.

Библиографический список

- Герасимов Д. В., Субетто Д. А. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. СПб., 2009. № 106. С. 37–49.
- Никонов А. А. Природный катаклизм в Ладожском бассейне и его значимость для неолитического населения региона // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. СПб., 2017. С. 22–25.
- Федорова М. Е., Герасимов Д. В., Анисимов М. А. Неотектонические процессы на южном побережье Финского залива и на Карельском перешейке: попытка осмысления в свете геoarхеологических данных // Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. М., 2017. С. 442–444.
- Шварев С. В., Субетто Д. А., Зарецкая Н. Е., Молодьков А. Н. Возраст, генезис и сейсмогенные деформации террас реки Вуокса на Карельском перешейке, Северо-запад России // Геология и геофизика. 2021. Т. 62, № 11. С. 1592–1615.

- Björck S. The late Quaternary development of the Baltic Sea basin // Assessment of climate change for the Baltic Sea. Berlin, 2008. P. 398–407.
- Gerasimov D., Kriiska A. Early-Middle Holocene archaeological periodization and environmental changes in the Eastern Gulf of Finland: Interpretative correlation // Quaternary International. 2018. Vol. 465, part B. P. 298–313.
- Oinonen M., Pesonen P., Alenius T., Heyd V., Holmqvist-Saukkonen E., Kivimäki S-M., Nygrén T., Sundell T., Onkamo P. Event reconstruction through Bayesian chronology: Massive mid-Holocene lake-burst triggered large-scale ecological and cultural change // Holocene. 2014. Vol. 24, no. 11. P. 1419–1427.
- Saarnisto M. Emergence history of the Karelian Isthmus // Karelian Isthmus – Stone Age studies in 1998–2003. Helsinki, 2008. Iskos 16. S. 128–139.
- Schulting R. J., Higham T., Bronk Ramsey Ch., Tarasov P., Khartanovich V., Moiseyev V., Mannermaa K., Gerasimov D., Weber A. Radiocarbon dating from Yuzhniy Oleniy Ostrov cemetery reveals complex human responses to socio-ecological stress during the 8,2 ka cooling event // Nature Ecology & Evolution. 2022. No. 6. P. 155–162.
- Yushkova M. A. North-Western Russia before its Settling by Slavs (8th Century BC – 8th Century AD) // Slavica Helsingiensia. 2006. Vol. 27. P. 140–153.

D. V. GERASIMOV

**INTERRUPTIONS IN THE OCCUPATION OF MULTI-LAYER ARCHAEOLOGICAL SITES
IN THE KARELIAN ISTHMUS AS INDICATORS OF RAPID GLOBAL
AND REGIONAL ENVIRONMENTAL CHANGES**

Analysis of cultural dynamics in the eastern part of the Gulf of Finland region after the end of the last glaciation reveals that cultural shifts, as reflected in archaeological records, correlate well with rapid environmental transformations. These include the transition from the Early to the Late Mesolithic around 7300 BC (“9300 BP event”), the transition from Mesolithic to Neolithic at about 5500 BC (the Litorina transgression maximum), the transition from the Early to the Late Neolithic around 3900 BC (Saimaa breakthrough), and the emergence of agriculture in the area (the formation of the Neva River about 1200 BC). The presented analysis suggests the possibility of a chronological discontinuity in socio-cultural changes in the region. It also raises questions about the “long” and “short” time periods covered by archaeological sites.

Dmitry V. Gerasimov – Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: dger@kunstkamera.ru

Е. А. ГИРЧЕНКО, О. В. КАРДАШ, Г. П. ВИЗГАЛОВ

**РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ КАЮКОВО 1 В НЕФТЕЮГАНСКОМ РАЙОНЕ ХМАО — ЮГРЫ
В 2021 И 2023 ГГ.***

Памятник Каюково 1 расположен в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на территории хантыйских юрт Пунси близ озера Большое Каюково. На поверхности

* Исследование выполнено в рамках проекта НИР СурГУ № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера» и проекта № 22-2-000453 «Древнейшие крепости Северной Азии: раскопки поселения Каюково 1», поддержанного Фондом «Центр гражданских и социальных инициатив Югры»

фиксируются восемь впадин, расположенных в шахматном порядке. Основными задачами полевых работ 2021 и 2023 гг. являлись стационарные раскопки одной из впадин. Исследована постройка № 4 и прилегающая территория памятника, где предположительно проходила внешняя наружная стена поселения. Постройка представляет собой двухуровневое по конструкции жилищно-хозяйственное сооружение. Рядом находилась практически наземная постройка № 8, вероятно, хозяйственного назначения. Весь комплекс был полностью намеренно сожжен еще в древности. Подобное укрепленное поселение является новой архитектурной традицией для всего неолита Севера Западной Сибири и предваряет начало эпохи оборонительных сооружений в регионе.

Гирченко Екатерина Александровна – к.и.н., Сургутский государственный университет; АНО «Институт археологии Севера»; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Кардаш Олег Викторович – к.и.н., Сургутский государственный университет; АНО «Институт археологии Севера»; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Визгалов Георгий Петрович – к.и.н., Сургутский государственный университет; ООО «НПО «Северная археология – 1», Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Из более чем тысячи археологических памятников эпохи неолита на Севере Западной Сибири подавляющее большинство не имеют регулярной планировочной структуры, в основном это поселения с хаотично расположенными группами строений. Лишь у памятников каюковской культуры, выделенной около двадцати лет назад, отличительной чертой является регулярная застройка. Из них частично раскопаны на данный момент только два – Барсова гора II/9 и Каюково 2.

Памятник Каюково 1 расположен в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 65 км к юго-востоку от сельского поселения Салым. Городище находится на территории хантыйских юрт Пунси на гриве к югу от озера Большое Каюково. В географическом отношении это Средне-Обская низменность, подзона средней тайги. Территория вокруг озера Большое Каюково представляет собой озерно-болотную слабо рассеченную равнину. Восточнее проходит водораздел между реками Большой Салым и Большой Юган. Каюково 1 расположен компактно на оконечности мысовидного выступа длиной 60 м, занимая всю его ширину (20–27 м). На поверхности фиксируются восемь археологизированных сооружений в виде впадин с различными метрическими и морфологическими характеристиками, являющихся остатками жилищно-хозяйственных построек.

Поселение открыто в 1991 г. Связь с каюковской культурой ни по планировке остатков поселения, ни по находкам первоначально не была очевидна. Специфика объекта заключается в том, что восемь археологизированных сооружений в виде впадин расположены в шахматном порядке и хорошо фиксируются на поверхности. Основной задачей раскопок 2021 и 2023 гг. являлось изучение постройки № 4 и прилегающей территории для выявления архитектурных особенностей строений и уточнения границ объекта. Общая площадь археологических раскопок составила 200 кв. м. Отобранная коллекция образцов угля из сгоревших конструкций постройки № 4 и сооружения за пределами – 15 образцов – были датированы методом радиоуглеродного датирования и соответствуют рубежу

VII–VI тыс. до н. э. Поселение функционировало один непрерывный период времени, в более поздние эпохи на этом месте никто не селился.

На основании двух сезонов раскопок выделены некоторые особенности. При полной идентичности посуды, глиняной ритуальной скульптуры и остатков домостроительных орудий материалам памятника Каюково 2 архитектура была радикально отличной, так как отсутствовала характерная круглоплановая структура. Также на памятнике отсутствовали какие-либо промыслово-хозяйственные орудия.

На данный момент раскопано два жилища в рамках одного оборонительно-жилого комплекса. Первое строение размерами 5,4 × 4,9 м и глубиной котлована 1,5–1,8 м. Земляные стены по периметру внутри отделаны деревом. В котловане этого помещения были обнаружены свидетельства наличия на его кровле еще одного сооружения, которое очевидно являлось жилым, так как именно на полу верхнего помещения обнаружена керамика и другие находки. Оно, сгорев полностью, образовало слой прокаленной кровли нижнего этажа. Углубленный нижний котлован находок не имел, можно предположить, что это был продуктовый погреб, а жилое помещение находилось сверху. Другим вариантом является версия о сезонности проживания в данных двух помещениях. Рядом с этим строением на одной оси находилась практически наземная постройка размерами 2,6 × 2,7 м с глубиной котлована около 20–30 см, функционировавшая по всей видимости только летом.

Весь комплекс имел не только внутреннюю, но и наружную опалубку, толщина стены составляла 1,5 м. Вероятно, наружная стена имела не только функцию сдерживания грунта, но и оборонительное значение. Таким образом, поселение с внешней оборонительной структурой может быть классифицировано как городище. Оно было полностью намеренно сожжено еще в древности, поджог по всей видимости проводился с внешней стороны одновременно с нескольких сторон.

Коллекция артефактов, обнаруженных в процессе исследований 2021 г., составила 187 предметов: 175 фрагментов керамических сосудов, 3 керамических оселка, 2 изделия из глиноподобного сырья и глины, 7 каменных изделий. В ходе раскопок 2023 г. было обнаружено 156 артефактов: 143 фрагмента керамических сосудов, 3 фрагмента керамических изделий, в частности, 1 керамический оселок и 2 фрагмента керамической фигурки птицы, 3 каменных орудия и 7 камней аморфной формы.

Таким образом, обнаруженные двухуровневое по конструкции сооружение и практически наземная постройка рядом являются новой архитектурной традицией для всего неолита севера Западной Сибири и свидетельством непростой организации общества, нехарактерной для охотников-собирателей региона. Планируется продолжение раскопок и серия историко-архитектурных экспериментов, направленных на воссоздание архитектуры комплекса. Также начато изучение болотной системы, расположенной рядом с этим памятником, с целью выявления скрытых под болотом хозяйственных объектов.

E. A. GIRCHENKO, G. V. KARDASH, G. P. VIZGALOV

2021 AND 2023 EXCAVATIONS OF KAYUKOVO 1 SETTLEMENT IN THE NEFTEYUGANSK DISTRICT OF KHMAO — YUGRA

Kayukovo 1 settlement was located in the Nefteyugansk district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra in the territory of the Khanty yurts of Punsy near Bolshoe Kayukovo Lake. Eight

archaeologized structures were registered on the surface in the form of depressions arranged in a staggered manner. The first full-scale studies were conducted in 2021 and 2023. The main tasks were the stationary excavations of building No. 4 and the adjacent southern territory of the site, where presumably the outer wall of the settlement was located. The excavated building was a two-level residential and economic structure. Nearby, there was an almost ground-based building No. 8, probably used for economic purposes. The entire complex was completely deliberately burned down already in the ancient time. This type of a fortified settlement was a new architectural tradition for the entire Neolithic of the North of Western Siberia and preceded the beginning of the era of defensive structures in the region.

Ekaterina A. Girchenko – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; ANO “Institute of Archaeology of the North”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Oleg V. Kardash – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; ANO “Institute of Archaeology of the North”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Georgiy P. Vizgalov – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Д. А. ГУРУЛЁВ

КОМПЛЕКСЫ С УСТЬ-БЕЛЬСКОЙ КЕРАМИКОЙ КРАСНОЯРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА (СРЕДНИЙ ЕНИСЕЙ): НОВЫЕ ДАННЫЕ

В докладе обсуждаются обнаруженные в последние годы на территории г. Красноярск и его окрестностей (среднее течение р. Енисей) комплексы с керамикой усть-бельского типа. Комплексы исследованы на стоянке Вознесенская-1, ансамбле археологических памятников Красноярский острог и стоянке Няша. Коллекция памятников представлена фрагментами как минимум от 10 сосудов и продуктами каменной индустрии. Интересны находки жала составного рыболовного крючка и костяного ложила. По памятникам получены радиоуглеродные датировки в диапазоне второй половины V – первой трети IV тыс. до н. э., соответствующие среднему этапу неолита. С учетом исследований предыдущих лет, полученные материалы позволяют говорить о наличии на приустьевой части междуречья р. Енисей и р. Качи серии стоянок носителей усть-бельской керамической традиции.

Гурулёв Дмитрий Александрович – АНО «Археологическое исследование Сибири» (Россия, Красноярск)

E-mail: dm-gurulev@yandex.ru

Усть-бельская керамика (далее – УБК) является одним из наиболее выразительных типов неолитической посуды юга Средней Сибири. Для сосудов типичны простая круглодонная форма и сплошное покрытие поверхности монотонным орнаментом из линейных или зигзагообразных поясов оттисков различных орнаментов. Реже встречаются сложные композиции. Обязательными являются украшение венчика и пояс ямок под ним. Известный ареал УБК охватывает территорию от оз. Байкал на востоке до р. Енисей на

западе, и от гор Восточного Саяна на юге до, вероятно, р. Подкаменной Тунгуски на севере. По настоящее время остаются не решенными вопросы ее происхождения, возраста и региональной вариабельности.

В долине р. Енисей наибольшее сосредоточение комплексов с УБК отмечено в Красноярском археологическом районе — условной территориальной группе памятников в г. Красноярске и его пригороде. На сегодняшний день здесь известно около 20 таких местонахождений. В последние годы, преимущественно в рамках охранно-спасательных работ, выявлены ранее неизвестные комплексы — стоянка Вознесенская-1 и новый участок распространения неолитического культурного слоя ансамбля памятников Красноярский острог. Также были получены уточняющие сведения об известной стоянке Няша.

Два первых объекта расположены в исторической части г. Красноярска — приустьевом участке междуречья р. Енисей и р. Качи. Памятники исследовались в 2022 г. ООО «НПО «Археологическое проектирование и изыскания» (Ю. А. Гревцов, А. В. Чернышов) и ООО «Красноярская геоархеология» (Е. В. Артемьев) соответственно. Неолитические слои были обнаружены в нижней части иллювиального горизонта современной почвы.

На стоянке Вознесенская-1 в одном шурфе помимо продуктов дебитажки были найдены бифасиально обработанное изделие, абразив из песчаника и фрагменты частично ретаврированного сосуда. Горшок украшен поясами из альтернативно ориентированных вертикальных трапеций, выполненных отступающими гладкими наколами.

В ходе раскопок в западной части ансамбля Красноярский острог изучена небольшая непотревоженная часть углубленного объекта (жилища?). Археологический материал, залегающий преимущественно в районе объекта, представлен немногочисленными сколами, грубо оббитой галькой и костяным жалом составного рыболовного крючка. Керамическая коллекция включает фрагменты двух частично восстановленных сосудов, украшенных сплошными рядами гладких каплевидных оттисков или вдавлений гребенчатого штампа.

Стоянка Няша расположена на правом берегу р. Енисей, в 6 км ниже по течению от пгт. Березовка, и известна с конца XIX в. Памятник приурочен к пачке донных отложений с серией погребенных почв [Дроздов и др., 1998]. В 2018 г. разведочные работы на стоянке проводились ООО «НПО «Археологическое проектирование и изыскания» (Д. Н. Лысенко, М. В. Михайлова). В двух шурфах, заложенных в центральной части памятника, изучены культурные горизонты с УБК. Представлены фрагменты как минимум от семи сосудов. Один из них реконструирован полностью. Емкости орнаментированы отступающе-накольчатые оттисками, вдавлениями гребенчатого, гладкого овального или длинного прямоугольного штампов. Каменная индустрия включает продукты дебитажки, отщеп с ретушью, фрагмент бифаса, целые экземпляры и обломок бифасиальных наконечников стрел. Интересна находка костяного лощила.

По образцам угля и костям косули со стоянок получены четыре радиоуглеродные AMS даты, укладывающиеся в диапазон второй половины V — первой трети IV тыс. до н. э. Датировки хорошо согласуются с последними данными по УБК комплексам Приангарья (Деревня Пашино, Усть-Белая) [Гришин и др., 2016, с. 86; Бердников и др., 2020, с. 39] и относят их к среднему этапу неолита.

Отдельные фрагменты, предположительно УБК, также были найдены на стоянке Парижская [Мандрыка и др., 2022] и других участках ансамбля Красноярский острог.

Помимо этого, с территории последнего, возможно, происходит обнаруженный случайно целый усть-бельский сосуд [Окладников, 1957, с. 38]. Все эти свидетельства позволяют говорить о наличии на перекрытой современной городской застройкой приустьевой части междуречья р. Енисей и р. Качи серии стоянок носителей усть-бельской керамической традиции.

Для стоянки Няша впервые получены радиоуглеродные датировки, прямо соотносящиеся с УБК. Проведенные работы в очередной раз показали сложное, мозаичное строение пачки культурных остатков и необходимость ее расчленения на локальном уровне.

В условиях значительного разрушения археологических памятников и их труднодоступностью в городской среде ценными оказываются любые, даже немногочисленные материалы. Так, новые данные по комплексам с УБК Красноярского района позволяют уточнить ее хронологию, морфологические варианты и набор сопровождающего инвентаря.

Библиографический список

- Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Когай С. А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53.
- Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гурулёв Д. А., Шнайдер С. В., Кулик Н. А., Васильев С. К., Кербс Е. А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.). Новосибирск, 2016.
- Дроздов Н. И., Зыкина В. С., Орлова Л. А., Чеха В. П. Многослойный археологический памятник Средней Сибири Няша: реконструкция природной среды голоцена // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 355–368.
- Мандрыка П. В., Виноградов Д. А., Бирюлева К. В., Титов Е. В., Жарников З. Ю., Комарова О. С. Раскопки и разведки отрядов Сибирского федерального университета в Красноярском крае // Археологические открытия. 2020 год. М., 2022. С. 362–365.
- Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // Северная археология. 1957. № 1. С. 26–55.

D. A. GURULEV

COMPLEXES WITH UST-BELAYA CERAMICS OF THE KRASNOYARSK ARCHAEOLOGICAL DISTRICT (MIDDLE YENISEI): NEW DATA

The authors discuss the recently discovered complexes with the Ust-Belaya type ceramics in the territory of Krasnoyarsk and its environs (the middle flow of the Yenisei River). The complexes were studied at Voznesenskaya-1, the Krasnoyarsk Ostrog group of the archaeological sites, and Nyasha occupation site. The sites' assemblages were represented by sherds of at least 10 vessels and the lithic industry products. The finds of a composite fishing hook tip and a bone smoother were quite interesting. We obtained radiocarbon dates for the sites within the range of the second half of the 5th – first third of the 4th millennium BC, corresponding to the middle stage of the Neolithic. Together with the previous research data, the obtained materials indicated the existence in the estuary part of the interfluvium of the Yenisei and the Kacha Rivers of a series of Ust-Belaya ceramic tradition population sites.

Dmitry A. Gurulev – ANO “Archaeological Research of Siberia” (Russia, Krasnoyarsk)
E-mail: dm-gurulev@yandex.ru

Н. И. ДРОЗДОВ, В. И. МАКУЛОВ, В. И. ПРИВАЛИХИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАМЕННОГО ВЕКА ДОЛИНЫ РЕКИ ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Река Подкаменная Тунгуска — крупный правый приток Енисея протяженностью 1548 км и площадью водосбора 244700 кв. км. За вековую историю археологических исследований в долине реки были открыты более 150 памятников. Нами выявлены закономерности и особенности в их расположении и выделены несколько археологических районов: Ванаварский, Чамбинский, Панолинский, Усть-Оскобенский, Усть-Тайгинский, Байкитский и др. Керамика на памятниках представлена единичными фрагментами сосудов с орнаментом. Каменный инвентарь — нуклеусы и заготовки, преформы, рубящие орудия, наконечники, скребки скобели, ножи. Инвентарь имеет прямые аналогии с материалами неолитических стоянок Приангарья, Прибайкалья, Среднего Енисея, Лены, Таймыра, Приобья, что свидетельствует о межкультурных связях древнего населения этих регионов.

Дроздов Николай Иванович — д.и.н., Сибирский федеральный университет; Международный инновационный университет (Россия, Красноярск)

E-mail: kfurao@mail.ru

Макулов Владимир Иванович — Политехнический колледж городского хозяйства (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: vimakulov@gmail.com

Привалихин Василий Иванович — к.и.н., Красноярский краевой краеведческий музей (Россия, Красноярск)

E-mail: muzeum_kkkm@mail.ru

Река Подкаменная Тунгуска — один из крупных правых притоков Енисея протяженностью 1548 км и площадью водосбора 244700 кв. км. Исток находится на Ангаро-Ленском междуречье, а ее долина расположена в пределах трапшовых плато Средне-Сибирского плоскогорья. Ее левые крупные притоки находятся вблизи притоков Ангары, а правые — притоков Нижней Тунгуски.

Отдельные археологические находки на Подкаменной Тунгуске найдены еще в XIX в. Первая стоянка с зафиксированным культурным слоем была открыта в устье Подкаменной Тунгуски в 1921 г. экспедицией Красноярского музея под руководством А. Я. Тугаринова. В 1950–1980 гг. раскопки на памятниках в устье реки провел Р. В. Николаев. В 1960-е гг. несколько памятников на различных участках речной долины были обнаружены геологами М. А. Крауш и Л. Л. Исаевой, П. П. Пашкиным, Ю. Ф. Фоминым, Н. В. Дреновым и др. В 1963–1966 гг. исследования участков долины в среднем и нижнем течении провел Г. И. Андреев, открыв десятки памятников. В 1970–1980 е гг. участок от пос. Чемдальск до устья р. В. Лакура обследовал В. И. Привалихин, открыв и обследовав более 20 памятников. В 1981 г. в нижнем течении реки работал Н. П. Макаров, открыв ряд памятников. В 1988–1999 гг. долину от устья до знака 1200 км обследовали В. И. Макулов и В. А. Погудин. Открыты и вновь обследованы более 150 памятников. В 2004 г. в верхнем течении работал П. В. Мандрыка, раскопав стоянку в устье р. Водозима, которую датировал временем мезолита — железного века.

В процессе работ нами выявлены определенные закономерности и особенности расположения памятников долины Подкаменной Тунгуски.

1. Памятники в основном приурочены к приустьевым участкам крупных притоков, порогам, шиверам и располагаются группами, с участками как высокой концентрации инвентаря, так и единичных находок артефактов.

2. Предпочтительно памятники располагаются на террасах, прилегающих к лесистым сопкам, служивших укрытием от северных ветров и убежищем в сезонные паводки.

3. В основном памятники расположены на правом берегу, обращенном в солнечную сторону.

4. Памятники открытого типа приурочены к широким песчано-галечниковым косам и пологим берегам.

В процессе исследований были выделены несколько археологических районов с высокой концентрацией археологических памятников на небольших участках речной долины: Ванаварский (15 стоянок на участке в 10 км приустьевой территории р. Ванаварка), Чамбинский (25 стоянок на участке в 12 км, расположенном у устья р. Чамбэ и Чамбинского порога), Панолинский (26 стоянок на участке в 11 км, расположенном у р. Нижняя Лакура и Панолинского порога), Усть-Оскобенский (35 стоянок на участке в 28 км, расположенном у устья рр. Соба, Оскоба, Юдукон), Усть-Тайгинский (14 стоянок в устьевом участке р. Тайга), Байкитский, Усть-Тунгусский и др.

Археологический материал стоянок каменного века представлен каменным инвентарем, керамикой и изделиями из кости. Керамика обнаружена в единичных экземплярах на нескольких памятниках, что может объясняться малыми объемами археологических раскопок и тем, что она не сохранилась на стоянках открытого типа. Несколько небольших фрагментов сосудов с оттисками «сетки-плетенки» на внешней поверхности были выявлены на стоянках Ванавара 1–3, Чамбинский порог, Зимовье Чамбэ, Зимовье Панолик и др. Несколько фрагментов сосудов с зубчатым орнаментом были обнаружены на стоянках Ванавара, Чамбинский порог, Чамбэ, Панолинская 1, Зимовье Панолик 1, Оскоба 2. Аналогичная керамика была найдена Г. И. Андреевым на стоянках Полигус и Байкит 2А и имеет аналогии на стоянках Прибайкалья и Ангары, соотносится со временем раннего и развитого неолита.

Изделия из кости также единичны: игольник из кости оленя (Чамбэ 2), обойма рубящего орудия (Зимовье Панолик 1), наконечник стрелы с черешковым насадом (Усть-Комо 2).

Коллекции каменного инвентаря выделяются многочисленностью (до десятков тысяч на памятнике) и номенклатурным разнообразием. Отмечается наличие большого количества крупных нуклеусов и их заготовок, рубящих орудий, скребков и скобелей. Массовый инвентарь — сколы и отщепы. Сырьем служили местные породы: роговики, глинисто-кремнистые, трапсы, кремль, халцедон, яшмы, кварциты, песчаники.

Нуклеусы: призматические, конические, клиновидные, карандашевидные, бочкообразные, аморфные, дисковидные и шаровидные и др. Крупные пластины сочетаются с более мелкими призматическими (многие обработаны по краям ретушью и являлись вкладышами). Топоры: с «перехватом», с «ушками», овально-вытянутой формы, прямоугольные с «плечиками» в обушковой части. Тесла: долотовидные, трапецевидно-удлиненные, подпрямоугольные, с расширенным рабочим краем и острым обушком. Наконечники стрел: треугольные, иволистные, лавролистные, долотовидные, с прямой и вогнутой базой, черешковым насадом, выполненные на пластинах и отщепах. Ножи на отщепах и пластинах. Скрепки и скобели на пластинах и отщепах: боковые, концевые, комбинированные.

По обилию, концентрации и разнообразию материала выделяются памятники в районе Панолинского порога. Здесь же на широкой каменистой косе выявлена каменная мастерская и десятки тысяч артефактов: нуклеусы, заготовки нуклеусов и орудий, и широкий спектр готовых орудий, дебитаж. Сырье – роговики. На каменных уступчатых выходах зафиксированы следы крупных сколов, а рядом найдены отбойники из массивных валунов кварцитов.

Инвентарь стоянок Подкаменной Тунгуски имеет прямые аналогии с материалами неолитических стоянок Приангарья, Прибайкалья, Лены, Таймыра, Среднего Енисея, а некоторые материалы памятников устьевого участка имеют сходство и со стоянками Приобья, что говорит о широких межкультурных связях древнего населения указанных регионов.

N. I. DROZDOV, V. I. MAKULOV, V. I. PRIVALIKHIN

STONE AGE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE PODKAMENNAYA TUNGUSKA RIVER VALLEY IN THE KRASNOYARSK REGION

The Podkamennaya Tunguska River is a large right tributary of the Yenisei with a length of 1,548 km and a catchment area of 244,700 square kilometers. Over the century-long history of archaeological research, more than 150 archaeological sites have been discovered in the river valley. We have identified the patterns and specific features in their distribution, and isolated several archaeological districts: Vanavarsky, Chambinsky, Panolinsky, Ust-Oskobensky, Ust-Tayginsky, Baykitsky, etc. The pottery in the sites was represented by the isolated ornamented vessels sherds. The stone tools included cores and blanks, preforms, chopping tools, tips, scrapers, and knives. The assemblages had direct analogies with the materials of the Neolithic sites of the Angara region, the Baikal region, the Middle Yenisei, Lena, Taimyr, and the Ob region, which indicated the existence of intercultural contacts between the ancient populations of these regions.

Nikolai I. Drozdov – Doctor of Historical Sciences, Siberian Federal University; International Innovative University (Russia, Krasnoyarsk)

E-mail: kfurao@mail.ru

Vladimir I. Makulov – Polytechnic College of Urban Economy (Russia, St. Petersburg)

E-mail: vimakulov@gmail.com

Vasily I. Privalikhin – Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk Regional Museum of Local History (Russia, Krasnoyarsk)

E-mail: muzeum_kkkm@mail.ru

Д. Н. ЕНЬШИН, С. Н. СКОЧИНА, В. В. ИЛЮШИНА

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ НЕОЛИТИЗАЦИИ ГОРНО-ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Исследования неолитических комплексов лесостепной и горно-лесной зон Зауралья и Западной Сибири привели к установлению ранненеолитического возраста поселений с плоскодонной

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006)

посудой в восточной части региона (Бараба, Нижнее Приишимье), а также позволили поставить вопрос синхронизации комплексов различной культурной принадлежности (боборькинской (ранний этап), басьяновской, кошкинской, козловской, гребенчатой) на основании фактов их совместного залегания на поселениях в Приишимье и Среднем Зауралье. Это привело к констатации появления в раннем неолите независимо друг от друга двух традиций изготовления сосудов: горшечных и баночных форм с плоскими доньшками и баночных форм с округлыми или приостренными доньшками, а также к фиксации фактов взаимодействия их носителей. Одно из ключевых мест в этом процессе занимают ранненеолитические комплексы поселений оз. Мергенъ (Нижнее Приишимье).

Еньшин Дмитрий Николаевич – ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Скочина Светлана Николаевна – к.и.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Илюшина Виктория Владимировна – к. культ., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: vika_tika@mail.ru

Основным итогом исследований неолита Урала и Западной Сибири, проведенных в последние годы, стала констатация ранненеолитического возраста традиции изготовления плоскодонных сосудов баночной и профилированной форм на территории Ишимо-Иртышья (мергенские комплексы (ранний этап боборькинской культуры по Д. Н. Еньшину), барабинская культура) [Еньшин, Скочина, Илюшина, 2023; Молодин и др., 2020]. Кроме того, установлено совместное залегание плоскодонных сосудов боборькинского (ранний этап), басьяновского и округлодонных/остродонных кошкинского, козловского (кокшаровско-юрьинского) типов, а также сосудов с гребенчатой орнаментацией на некоторых памятниках Зауралья и его восточной периферии (Варга 2, Береговая II, Мергенъ 6 и др.) [Косинская, 2020; Мосин, 2021; Еньшин, 2021; 2022]. Как отмечает В. С. Мосин, «...такое сосуществование отмечалось, но для конца раннего – начала позднего неолита, что выглядело достаточно логично» [2021, с. 46]. Это обстоятельство фактически привело, по его мнению, к «потере оснований для периодизации» неолита Зауралья [Там же, с. 45, 46], во многом базировавшейся на представлениях о хронологическом приоритете традиции изготовления округлодонных и остродонных емкостей над плоскодонными, о последовательном изменении орнаментации от прочерченно-накольчатой (отступающе-прочерченной), прочерченной в раннем неолите к накольчатой и гребенчатой на позднем его этапе. Данные представления, в том числе, легли в основу двухлинейной и двухстадийной культурно-хронологической схемы, предложенной В. Т. Ковалевой [1989] во второй половине 1980-х гг. и принятой большинством исследователей.

Кризис предлагавшейся ранее схемы для Зауралья закономерно коснулся и концепций по вопросу неолитизации на сопредельных территориях, в частности Нижнего Приишимья, откуда происходят новые материалы. Так, оценивая современные данные по ранне-неолитическим комплексам Мергенского АМР, А. Ф. Шорин приходит к выводу, что на сегодняшний день «назрела необходимость выработки новой концепции культурурогенеза Приишимья, в том числе определение роли населения, оставившего эти памятники

(ранненеолитические комплексы поселений Мергень 3, 6. – Д. Е., С. С., В. И.) во взаимодействии на раннем этапе неолита с кошкинской, а на позднем – в формировании «классической» боборькинской культуры» [Шорин, 2020, с. 132, 133].

Таким образом, текущая ситуация демонстрирует необходимость существенной корректировки принятых культурно-хронологических построений развития неолитических коллективов горно-лесной и лесостепной зон Зауралья и Западной Сибири. Основываясь на новых данных, В. С. Мосин в качестве гипотетической версии предложил следующее: «В начале VII тыс. до н. э. в Барабинской лесостепи появляется население с оригинальной неолитической культурой. К западу – на территориях Зауралья и Приишимья проживавшее в это время население находилось на мезолитической стадии системы жизнеобеспечения. Барабинские неолитические и зауральские мезолитические социумы существовали на соседних территориях около 700 лет, при этом неолитические новации никак не были переданы в Зауралье, что представляется довольно странным. В последней четверти – конце VII тыс. до н. э. на Урале (и в Волго-Уралье, и в Зауралье) начинается процесс неолитизации. С южных территорий – скорее всего из Арало-Каспия в Зауралье, за счет социальных связей разного уровня, передается технология изготовления керамической посуды, и появляются козловская и кошкинская (на которую возможно оказали влияние связи населения Зауралья и Волго-Уралья) традиции. В это же время возникают контакты зауральского и барабинского населения, и широко распространяется традиция изготовления плоскодонной посуды. Социумы, поддерживающие эту традицию, обитают в Зауралье на протяжении VI и V тыс. до н. э., то есть практически две тысячи лет, сосуществовая с носителями кошкинской, козловской традиции раннего неолита и полуденской позднего неолита и, вероятно, проживая совместно в одних поселках...» [Мосин, 2021, с. 47].

Гипотеза, изложенная В. С. Мосиным, на наш взгляд, является весьма интересной, но позволим себе уточнить ряд пунктов, касающихся материалов Нижнего Приишимья.

1. В Нижнем Приишимье комплексы с плоскодонной посудой появляются так же в первой половине VII тыс. до н. э. (ранний пласт пос. Мергень 3, 7, 8), и хронологического приоритета барабинских над ними на сегодня не фиксируется. Между тем мергенские материалы довольно своеобразны, имеют существенные отличия и в гончарстве, и в домостроительстве [Еньшин, Скочина, Илюшина, 2023], что говорит о заселении в этот период барабинской лесостепи и долины Ишима коллективами со сходными, но не тождественными элементами материальной культуры.

2. Процесс неолитизации в Зауралье и появление двух сходных, но не тождественных культур (кошкинской и козловской (кокшаровско-юрьинской), скорее всего, начался несколько раньше, чем последняя четверть – конец VII тыс. до н. э. В этот период они уже фиксируются к востоку от основного ареала, в долине р. Ишим (пос. Мергень 6) со сформировавшейся гончарной традицией, а их носители образуют единый социум с проживавшим здесь населением, изготавливавшим плоскодонную посуду, по всей видимости, вступая в семейно-брачные отношения [Еньшин, 2021; 2022]. В свою очередь, на протяжении второй половины VII и в VI тыс. до н. э. происходит продвижение носителей традиции изготовления плоскодонной посуды в западном направлении, о чем свидетельствуют материалы поселений в Притоболье (Юртобор 3 [Зах, 2009], Бочанцево 1 (не опубликовано)).

3. В результате этих процессов происходит формирование так называемых классических боборькинских комплексов Зауралья позднего неолита (конец VI – V тыс. до н. э.), где

лесостепное Притоболье как раз занимает значимое положение. Здесь выявлены «классические» боборыкинские материалы с довольно ранними датами — рубеж VI–V тыс. до н. э. (пос. Усть-Суерка 4, Ук 6, Пикушка 1 [Шорин, Шорина, 2020, с. 44]. В это же время в долине Ишима продолжают существовать поселки зауральского населения, о чем говорит козловский комплекс V тыс. до н. э. поселения Мергень 7 [Еньшин, 2015].

Таким образом, действительно в горно-лесной и лесостепной зонах Зауралья и в лесостепи Западной Сибири в раннем неолите независимо друг от друга появляются две традиции изготовления сосудов: 1) горшечных и баночных форм с плоскими доньшками; 2) баночных форм с округлыми или приостренными доньшками. Контактной зоной между носителями этих традиций в лесостепи является Тоболо-Ишимье. Они сосуществуют на протяжении всей эпохи неолита. Данные факты позволяют вернуться к двухлинейной концепции В. Т. Ковалевой и, исходя из новых данных, поднять вопрос о ее пересмотре/корректировке. Перспективным в этом направлении будет получение новых материалов наиболее ранних комплексов кошкинской и козловской культур с территории лесостепного Притоболья и горно-лесного Зауралья (датирование, изучение технологии изготовления посуды и представительных выборок каменного инвентаря), а также разработка внутренней периодизации боборыкинской культуры. Открытым остается и вопрос генезиса этих гончарных традиций в Зауралье и Западной Сибири на ранней стадии.

Библиографический список

- Еньшин Д. Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
- Еньшин Д. Н. Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы I и II): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 5–19.
- Еньшин Д. Н. Керамика эпохи неолита поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы III и IV): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 17–30.
- Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Илюшина В. В. Комплексы с плоскодонной керамикой начала VII тысячелетия до н. э. поселений Мергенского АМР (Нижнее Приишимье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 5–17.
- Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск, 2009.
- Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
- Косинская Л. Л. Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 164–175.
- Молодин В. И., Мылъникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 69–93.
- Мосин В. С. Ранний неолит Зауралья: Современные проблемы интерпретации // В познании дописьменного периода истории. Кемерово, 2021. С. 40–48.
- Шорин А. Ф. Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: история формирования основных концепций ее изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 125–138.
- Шорин А. Ф., Шорина А. А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 2. С. 31–56.

D. N. ENSHIN, S. N. SKOCHINA, V. V. ILYUSHINA

EARLY NEOLITHIC COMPLEXES OF THE LOWER ISHIM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF NEOLITHIZATION OF THE MOUNTAIN-FOREST AND FOREST-STEPPE ZONES OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA: SOME RESULTS AND FUTURE POTENTIAL

The studies of the Neolithic complexes of the forest-steppe and mountain-forest zones of the Trans-Urals and Western Siberia indicated the Early Neolithic age of the settlements with flat-bottomed pottery in the eastern part of the region (Baraba, Lower Ishim region), and suggested possible synchronicity of different cultural affiliation complexes (the Boborykino (early stage), the Basyanovskaya, the Koshkino, and the comb Kozlov culture) based on the facts of their joint deposition in the settlements of the Ishim region and the Middle Trans-Urals. This led us to a conclusion of the independent existence in the early Neolithic of two pottery traditions: the pot-shaped vessels and jars with flat bottoms, and jars with the rounded or sharpened bottoms, as well as of the probable contacts between these cultures' populations. One of the leading roles in this process belonged the Early Neolithic complexes of the Mergen lake settlements (lower Ishim region).

Dmitry N. Enshin – Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Svetlana N. Skochina – Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: Sveta_Skochina@mail.ru

Viktoria V. Ilyushina – Candidate of Culturology, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russian, Tyumen)

E-mail: vika_tika@mail.ru

В. Н. КАРМАНОВ, А. С. МАКАРОВ

ТЕПЛОВАЯ ОБРАБОТКА КРЕМНИСТЫХ ПОРОД КАК КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ)*

Для бифасиальных индустрий неолита – раннего железного века крайнего северо-востока Европы (современные Республика Коми, Ненецкий автономный округ, восточная часть Архангельской области) характерно применение тепловой обработки кремнистых пород для их подготовки к дальнейшему расщеплению. Ее признаки определены пока визуально на основе аналогии с доказанными данными. До проведения экспериментальных и инструментальных исследований предполагаем, что намеренный нагрев кремня, улучшавший его физические и эстетические свойства, являлся культурной адаптацией. Значение этой адаптации в регионе обусловлено особенностями сырьевой базы, а именно залеганием кремнистых пород разного состава в виде россыпей на бечевниках, косах и в обнажениях речных берегов. В связи с этим предварительная термическая обработка позволяла улучшать свойства сырья и соответственно повышать адаптивные возможности первобытных коллективов, менее зависящих в такой ситуации от особенностей сырьевой базы.

Карманов Виктор Николаевич – к.и.н., Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар)

E-mail: vkarman@bk.ru

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, по теме научно-исследовательской работы «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (№ ГР 122040800169-1)

Макаров Александр Сергеевич – ООО «Археологические изыскания» (Россия, Сыктывкар)
E-mail: makarov_as@bk.ru

В результате изучения материалов крайнего северо-востока Европы (современные Республика Коми, Ненецкий автономный округ, восточная часть Архангельской области) выявлено применение тепловой обработки кремнистых пород для их подготовки к дальнейшему расщеплению [Карманов, 2018; 2019]. Использование этого приема в первобытности впервые доказано экспериментами Д. Кребтри [1964], а в дальнейшем подтверждено археологическими данными и инструментальными исследованиями [напр.: Гиря, 1994; Васильева, Суворов, 2005; Domanski et al., 2009]. В результате определены основные признаки тепловой обработки, выраженные на археологических предметах, а главное, преимущества, которые дает этот технологический прием. Длительный нагрев и постепенное остывание отдельностей сырья и сколов приводит к спеканию зерен кремнезема, повышая изотропность и улучшая механические свойства камня для расщепления [Lee, 2001].

На основании этих данных нами определено, что в изучаемом регионе использование намеренного нагрева наблюдается на обширном пространстве от верхнего течения р. Камы [Майстренко, Карманов, 2022] до арктических тундр [Лузгин, Мурыгин, 2015]. Хронологические рамки – первая половина V тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э. или от среднего неолита до начала раннего железного века включительно. Сопровождает этот прием технология бифасиального вторичного уточнения, использовавшаяся преимущественно для изготовления наконечников стрел, копий (дротиков), кинжалов [Карманов, 2018; 2019; Crabtree, Butler, 1964; Гиря, 1994; Васильева, Суворов, 2005].

Визуально нами определены диагностирующие признаки нагрева, который выражается в разнице поверхностей, созданных до и после него: появление глянца и реже изменение цвета. Для пополнения доказательной базы планируются эксперименты и инструментальные исследования намеренно нагретых кремней и их сравнение с кремнями, не подвергшимися тепловой обработке.

В настоящее время можно предположить, что термическая подготовка сырья, улучшавшая его физические и эстетические свойства, являлась культурной адаптацией. Значение этой адаптации в регионе обусловлено особенностями сырьевой базы. Залегание кремнистых пород приурочено к отложениям московского (вычегодского) оледенения и старше, то есть не моложе 160 тыс. л. н. Их известные выходы приурочены к обнажениям морен, флювиогляциальных или валунно-галечных аллювиальных отложений и доступны исключительно благодаря боковой эрозии рек на бечевниках, косах и в обнажениях берегов рек [Майорова, Волокитин, 2005, с. 118, 119]. Как правило, это конкреции, куски и гальки разных размеров и качества. Это обусловило разнообразие кремня в коллекциях. В связи с этим предварительная тепловая обработка как технологическая инновация позволяла улучшать его свойства и соответственно повышать адаптивные возможности первобытных коллективов, менее зависящих в такой ситуации от особенностей сырьевой базы.

Библиографический список

Васильева Н. Б., Суворов А. В. Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению (по материалам энеолитического поселения Павшино 2 на реке Юг) // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы международного семинара. Сыктывкар, 2005. С. 37–39.

- Гиря Е. Ю. Тепловая обработка кремнистых пород и способы ее определения в археологических материалах // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб., 1994. С. 168–174.
- Карманов В. Н. Тепловая обработка кремня в неолите Крайнего северо-востока Европы // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 3. С. 22–42.
- Карманов В. Н. Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // Известия лаборатории древних технологий. 2019. № 3. С. 28–45.
- Лузгин В. Е., Мурыгин А. М., Карманов В. Н. Археологические памятники бассейна реки Сула // Первобытныи и средневековые древности европейского Северо-Востока: материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2015. Вып. 19. С. 53–70.
- Майорова Т. П., Волокитин А. В. Геохимические особенности кремня древних индустрий и выявление источников сырья // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. Сыктывкар, 2005. С. 118–119.
- Майстренко Д. А., Карманов В. Н. Каменная индустрия рубежа эпох бронзы и железа (по материалам поселения Ораловское озеро II на реке Вишере) // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 170–187.
- Crabtree D. E., Butler B. R. Notes on experiment in flint knapping: 1. Heat treatment of silica minerals // Tebiwa. 1964. Vol. 7, № 1. P. 1–6.
- Domanski M., Webb J., Glaisher R., Gurba J., Libera J., Zakoscielna A. Heat treatment of Polish flints // Journal of Archaeological Science. 2009. № 36. P. 1400–1408.
- Lee K. Experimental heat-treatment of flint. Lithics, 2001. № 22. P. 39–44.

V. N. KARMANOV, A. S. MAKAROV

HEARTH TREATMENT OF SILICEOUS ROCKS AS A CULTURAL ADAPTATION ELEMENT (BASED ON MATERIALS FROM THE FAR NORTHEAST OF EUROPE)

The bifacial industries of the Neolithic – Early Iron Age of the far northeast of Europe (the modern Komi Republic, the Nenets Autonomous Okrug, and the eastern part of the Arkhangelsk Region) were characterized by the use of hearth treatment of siliceous rocks to prepare them for further knapping. Its attributes have been so far identified visually, by analogy with the confirmed data. Pending experimental and instrumental studies, we assume that the intentional flint heating in order to improve its physical and aesthetic properties was an element of cultural adaptation. The importance of this adaptation in the region was conditional to the specifics of the raw material base, namely, the occurrence of siliceous rocks of different composition in the form of placers on the towpaths, sandbars and in the outcrops of the riverbanks. Hence, preliminary hearth treatment made it possible to improve the properties of the raw material and, accordingly, enhance the adaptive capabilities of the primitive populations, making them less dependent on the characteristics of the available raw material base.

Victor N. Karmanov – Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktывkar)

E-mail: vkarman@bk.ru

Alexander S. Makarov – LLC “Archaeological Surveys” (Russia, Syktывkar)

E-mail: makarov_as@bk.ru

Т. Ю. КЛЕМЕНТЬЕВА

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ Р. КОНДЫ

В неолитических комплексах р. Конды в 1980-х гг. выделены типы керамики — сумпаньинский, кош-кинский и боборыкинский. Их генезис рассматривался по схеме неолита Зауралья. В последующее

десятилетие Е. А. Гаджиевой, Л. Я. Крижевской, Т. Н. Собольниковой, И. Г. Глушковым обоснована самобытность кондинского неолита, выделены немнёлский и чилимкинский типы, предложены автохтонные и миграционные культурно-генетические схемы. С конца 2010-х гг., в период интенсивного пополнения источников, обозначилась проблема атрибуции новых материалов и, как следствие, ревизия «старых». Комплексное изучение более 50 жилищ позволило Т. Ю. Клементьевой и А. А. Погодину систематизировать неолитические памятники по культурным типам. Ими доказан хронологический приоритет комплексов с плоскодонной посудой (мульмынского типа) и сосуществование на одной территории в среднем неолите населения с разными традициями керамического производства (умытгинского и шоушминского типов). К позднему неолиту отнесены памятники ушьинского типа. Предложена концепция о непрерывном поступательном развитии культуры таежного населения от эпохи мезолита до эпохи раннего металла.

Клементьева Татьяна Юрьевна – к.и.н., ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие»; Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail:klementjevat@yandex.ru

Традиционно считается, что неолит р. Конды отличается «мозаичностью» керамических типов. В 1980–1990-х гг. по материалам поселений Сумпанья II, III, IV, VI, Леуши VII, Геологическое VII, Канда, Чёртова Гора и Чилимка V выделены сумпаньинский, кошкинский, сатыгинский/боборькинский, немнёлский, чилимкинский типы керамики [Хлобыстин, 1981; Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984; Гаджиева, 1993; Собошникова, 1995]. Первое обобщающее исследование проведено Е. А. Гаджиевой [1993]: памятники объединены по типам керамики в сумпаньинскую, кошкинскую и немнёлскую группы; высказана точка зрения о неоднородности восточноуральской неолитической культуры и самобытности кондинского неолита с памятниками сумпаньинской группы на раннем этапе его развития. Альтернативный подход изучения неолитических древностей через призму традиций керамического производства – кошкино-боборькинскую и чилимкинскую – предложен Т. Н. Собольниковой [1995]. В ее совместной работе с И. Г. Глушковым показана ориентированность неолитического населения верхнего и среднего течения р. Конды на контакты с культурами Среднего Зауралья, а нижнего – с кельтеминарской культурой [Глушков, Собошникова, 1999]. Остро дискуссионной долгие годы оставалась проблема хронологии и культурной принадлежности боборькинского, сатыгинского (по Л. П. Хлобыстину) и кошкинского типов керамики. И. Г. Глушков, Т. Н. Собошникова и Л. Л. Косинская придерживались позиции о ранне-неолитическом возрасте плоскодонной керамики Чёртовой Горы [Глушков, Собошникова, 1999] и поселений на р. Сумпанья [Косинская, 2001]. Другую точку зрения высказывают В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова. Они считают, что выделение сатыгинского типа Л. П. Хлобыстиным не обосновано, включают бассейн р. Конды в ареал боборькинской культуры позднего неолита [Ковалева, Зырянова, 2008].

Новые источники по кондинскому неолиту (с конца 2010-х гг. по настоящее время) представлены стратифицированными жилищными и погребальными комплексами, для них выполнено ¹⁴C-датирование по разным материалам. В качестве инструмента предварительной систематизации керамических комплексов поселений Шоушма 10, Усть-Тетер 1, Большая Умытъя-2, 8, 9, 57, 100 и 109 была использована группировка по трем декоративно-морфологическим группам (далее – ДМГ) посуды [Клементьева, Круземент,

Погодин, 2012]. Типологические особенности групп подкреплены данными о технологии изготовления посуды [Дубовцева, Клементьева, 2014]. В 2017–2019 гг. жилищные комплексы с посудой первой ДМГ объединены в шоушминский культурный тип памятников, второй ДМГ – в умытгинский. Памятники с посудой третьей ДМГ аргументированно отнесены к ушынскому типу. Ранее этот тип памятников рассматривался С. Ф. Кокшаровым в контексте первой стадии энеолита (последняя треть IV – начало III тыс. до н. э.) [Кокшаров, 2009, с. 173–178, 254]. По материалам поселений Мулымья 3 и 4, изученным в 2019–2020 гг., установлен и обоснован хронологический приоритет памятников мулымьинского типа с плоскодонной валиковой посудой. Важным результатом этих исследований является то, что керамические комплексы мулымьинского типа и посуда так называемых сатыгинского и/или боборыкинского типа обладают общим типологическим ядром и отражают культурную традицию, которая появилась в кондинском ареале во второй половине – последней трети VII тыс. до н. э. [Клементьева, Погодин, 2020б; 2023]. По немнёлскому и чилимкинскому типам получены данные планиграфического анализа и ¹⁴C-даты нагаров, уточнено время распространения керамики (VI тыс. до н. э.) [Клементьева, 2024; Дубовцева, Клементьева, 2022].

Неолит р. Конды поделен на три периода. Основной периодизации послужили изменения традиций производства керамики, каменных орудий и домостроения [Клементьева, Погодин, 2020б; Клементьева, 2024]. Ранний период датируется последней третью VII тыс. до н. э. и представлен памятниками мулымьинского типа. С началом VI тыс. до н. э. до второй половины V тыс. до н. э. длится средний период неолита с памятниками умытгинского, шоушминского и сумпаньинского типов. Поздний период приходится на вторую половину V – первую половину IV тыс. до н. э. и характеризуется памятниками ушынского типа. Хронология и содержание неолитических периодов р. Конды в целом коррелируется с периодизацией неолита таежной зоны севера Западной Сибири, разработанной Е. Н. Дубовцевой и Л. Л. Косинской [2021]. В раннем и среднем периоде общие направления культурного развития прослеживаются на всей таежной территории, наиболее ярко – на памятниках быстринско-умытгинского культурно-хронологического горизонта [Дубовцева, Клементьева, 2022]. Концепция непрерывного поступательного развития культуры населения р. Конды от эпохи мезолита до эпохи раннего металла, основанная на анализе материальной культуры, подкрепляется консервативностью погребального обряда [Клементьева, 2024; Клементьева, Погодин, 2020а]. Актуальной проблемой изучения остается определение механизмов культурной трансформации при отсутствии признаков массовых миграций в среднетаежную зону Западной Сибири в VII–V тыс. до н. э.

Библиографический список

- Гаджиева Е. А. Неолит бассейна р. Конды: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
- Глушков И. Г., Соболевникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири: материалы совещания. Кемерово, 1999. С. 109–122.
- Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 247–251.
- Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 139–148.

- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Хронология и периодизация неолита таежной зоны Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Тверь, 2021. Вып. 12. С. 11–28.
- Клементьева Т. Ю. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн р. Конды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2024.
- Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. М., 2012. С. 499–526.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020а. Т. 9, № 1 (30). С. 131–141.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020б. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Мулымьинский культурный тип памятников раннего неолита р. Конды: типология, хронология, стратиграфия // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 105–118.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. К вопросу о сатыгинском типе керамики // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Surgut, 2008. С. 135–145.
- Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1984. Вып. 17: Древние поселения Урала и Сибири. С. 32–44.
- Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита Севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009.
- Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 61–72.
- Собольникова Т. Н. Реконструкция гончарных традиций неолитического поселения Чилимка V // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: доклады Всероссийской научной конференции. Омск, 1995. Ч. 2. С. 65–67.
- Хлобыстин Л. П. Раскопки на р. Сумпанья // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 219–220.

T. Yu. KLEMENTIEVA

THE HISTORY OF THE STUDY OF THE NEOLITHIC ANTIQUITIES OF THE KONDA RIVER

In 1980s three types of pottery were recorded in the Neolithic complexes of the Konda River, namely the Sumpanjya, the Koshkino and the Boborykino. Their genesis was studied according to the scheme of the Neolithic in the Trans-Urals. In the following decade E. A. Gadzhieva, L. Ya. Krizhevskaya, T. N. Sobolnikova, and I. G. Glushkov confirmed the uniqueness of the Konda Neolithic, isolated the Nemnjol and the Chilimkin types, and proposed the autochthonous and the migratory cultural and genetic schemes. Since the end of the 2010s, during the period of intensive accumulation of sources, the researchers faced the problem of the attribution of new materials and, as a result, the need for a revision of the “old” ones. A comprehensive study of more than 50 dwellings allowed T. Yu. Klementieva and A. A. Pogodin to systematize the Neolithic sites by cultural types. They proved the chronological priority of the complexes with flat-bottomed vessels (the Mulymjya type) and the coexistence in the same territory in the Middle Neolithic of the population with different traditions of ceramic production (the Umytjya and the Shoushmino types). The Ushjinsky type sites were referred to the Late Neolithic. The concept of a continuous progressive evolution of the culture of the taiga population from the Mesolithic to the Early Metal age was proposed.

Tatiana Yu. Klementieva – Candidate of Historical Sciences, LLC “SAC “AV KOM – Nasledie”; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: klementjevat@yandex.ru

Е. М. КОЛПАКОВ

БЕСЫ И БЕСОВКИ НА СЕВЕРНЫХ СКАЛАХ

Среди новых открытий на петроглифах Канозера зафиксирована фигура, полностью соответствующая «бесу» в русской традиции, но с несомненными женскими признаками. Это открытие позволяет по-новому взглянуть на уникальную женскую фигуру в группе Еловый 4, а также на знаменитого беса (бесовку) на Бесовом Носу и беса (бесовку) на мысе Лебединый Онежского озера. Однако это не упрощает, а усложняет подходы к их пониманию и интерпретации. По-прежнему единственным повторяющимся сюжетом (типом композиции) с участием беса остается канозерский «Бес с бабой», в котором больший антропоморф с подчеркнутым мужским достоинством как бы хватает меньшего антропоморфа с обозначенными женскими признаками. Бесовки не участвуют в повторяющихся композициях. При этом по-прежнему центром «бесовщины» в наскальном искусстве остаются петроглифы Канозера.

Колпаков Евгений Михайлович – д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: eugenkolp@yandex.ru

В 2015 г. мною была сделана сводка фигур в наскальном искусстве Фенноскандии, которые в русской археологии принято называть бесами, и композиций с ними [Колпаков, 2015; Kolpakov, 2015]. Формально тип Бес описывается следующим образом: антропоморфная фигура анфас, тело обычно прямоугольной формы, голова обычно прямоугольная на длинной шее, ноги согнуты в коленях и ступни направлены наружу в разные стороны, руки согнуты в локтях и предплечья подняты вверх, пальцы на руках растопырены, нередко изображены пальцы на ногах. Есть одно исключение – бес в профиль на Бесовых Следках. Большинство бесов обосновалось на Канозерских петроглифах и, главное – у них «ясно обозначена их принадлежность к мужскому полу – фаллос» [Колпаков, 2015, с. 154]. (При этом не учитываются фигуры с поднятыми руками – адоранты, но без пальцев, и фигуры, у которых в руках изображены какие-либо предметы).

И вот теперь новые открытия на Канозере [Колпаков, Киселёва, 2022] заставляют по-новому взглянуть на всю эту «бесовщину». На острове Еловый обнаружено изображение беса, женский пол которого обозначен достаточно ясно: антропоморф анфас, предплечья трехпалые подняты вверх под прямым углом, ноги овалом с точкой в его центре (вульва), под руками две коротких линии от туловища наклонно в стороны (женская грудь), голова кольцеобразная. Важно, что интерпретация этих признаков, как обозначающих женский пол, не произвольна, а основывается на соответствующих типологических рядах с несомненными женскими антропоморфами [Колпаков, Шумкин, 2012, с. 292, 293]. Таким образом получается фигура беса женского пола – бесовка. По левую руку от нее выбит неясный антропоморф с кольцами (бубнами) в руках, но пока преждевременно рассматривать его в качестве элемента композиции с бесовкой. Антропоморфы с кольцом (кольцами) в руках встречаются в единичных экземплярах на разных памятниках Северной Фенноскандии.

То, что бес доказуемо может быть женского пола, позволяет рассмотреть с новой точки зрения некоторые уже известные фигуры, которые до сих пор стояли особняком. Прежде всего это уникальная женская фигура в соседней группе Еловый 4: антропоморф анфас, руки в стороны, предплечья вверх, длинные кисти загнуты вниз, ноги согнуты в коленях,

стороны, на левой ступне 4 или 5 пальцев, туловище овальное, в его нижней части невыбитый овал, внутри которого широкая вертикальная линия (вульва), в верхней половине туловища невыбитое пространство подтреугольной формы, внутри него — «лунница» с двумя отростками (грудь) [Колпаков, Киселёва, 2022, с. 91]. В наскальном искусстве нет других фигур, выполненных в таком изобразительном стиле. Левая нога с пальцами перебивает трехлопастную контурную фигуру, которая, в свою очередь, на основании типологического ряда предположительно связывается со стилизованным изображением медвежьей головы. Конечно, эта фигура отличается от «классических бесов» тем, что кисти рук опущены вниз и не имеют пальцев.

На Канозере есть еще одна «неклассическая» бесовка — это антропоморф с четырьмя выступающими парами «ребер», раздвоенной головой с одним глазом (кольцеобразной головой) на длинной шее, руки вверх с растопыренными пальцами, ноги овалом с точкой в середине него [Колпаков, 2015, с. 156]. Слева к нему прислонено непонятное веретенообразное существо с длинным хвостом.

Знаменитого беса на онежском Бесовом Носу еще К. Д. Лаушкин считал женским божеством [Лаушкин, 1962, с. 221]. Второй онежский бес, с мыса Лебединый, — контурный, а его пол обозначен треугольником вершиной вверх [Poikalainen, Ernitz, 1998, p. 143–145], что можно интерпретировать как вульву и как фаллос. В общем оба онежских беса не обладают несомненными половыми признаками.

Таким образом в дополнение к старым бесам образовался ряд бесовок. Однако это не упрощает, а усложняет подходы к их пониманию и интерпретации. При этом по-прежнему центром «бесовщины» в наскальном искусстве остается Канозеро. По-прежнему единственным повторяющимся сюжетом (типом композиции) с участием беса остается канозерский «Бес с бабой», в котором больший антропоморф с подчеркнутым мужским достоинством как бы хватает меньшего антропоморфа с обозначенными женскими признаками [Колпаков, 2015, с. 155]. Бесовки не участвуют в повторяющихся композициях.

Библиографический список

- Колпаков Е. М. Наши бесы // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. № 1. С. 153–159.
- Колпаков Е. М., Киселёва А. М. Петроглифы Канозера: 2019–2021 // *Кольский сборник 3*. СПб., 2022. С. 66–109.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера = *Rock Carvings of Kanozero*. СПб., 2012.
- Лаушкин К. Д. Онежское святилище. Ч. 2 (опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии) // *Скандинавский сборник*. Тарту, 1962. Т. 5. С. 177–298.
- Kolpakov E. *Russian Demons* // *Adoranten* 2015. Tanums hållristningsmuseum Underslös. P. 92–97.
- Poikalainen V., Ernits E. *Rock carvings of lake Onega. The Vodla region*. Estonian Society of Prehistoric Art. Tartu, 1998.

E. M. KOLPAKOV

DEMONS AND VIXEN ON THE NORTHERN ROCKS

One of the new discoveries recorded on the Kanozero petroglyphs panels was a figure that fully matched the description of a “demon” in the Russian tradition; however, it had the undoubted female attributes. This discovery made us take a fresh look at the unique female figure in Elovu 4 group, as well as the famous demon (vixen) on Besov Nos, and the demon (vixen) on Cape Lebediny of Lake Onega. However,

this only complicated rather than simplified the approaches to their understanding and interpretation. As before, the only recurring plot (type of composition) with the participation of a demon remained the Kanozero “Demon with a woman”, in which a larger anthropomorph with the emphasized masculinity seemed to be grasping a smaller anthropomorph with the marked female attributes. The vixen were not included the the recurring compositions. At the same time, the petroglyphs of Kanozero still remain the center of the “demonic activity” in the rock art.

Evgeny M. Kolpakov – Doctor of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: eugenkolp@yandex.ru

Л. Л. КОСИНСКАЯ, Е. Н. ДУБОВЦЕВА, С. А. МЫЗНИКОВ

ПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ КАРАСЬЕ ОЗЕРО X: ЮЖНОУРАЛЬСКИЙ МЕЗОЛИТ ИЛИ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ?

На многослойном поселении Карасье озеро X в верховьях р. Исеть (г. Екатеринбург) среди разновременных артефактов обнаружено более 900 изделий из светло-серого кремня, представляющих мелкопластинчатую индустрию южно-уральского типа. Орудия на пластинах включают концевые скребки, угловые резцы, пластинки-вкладыши с мелкой ретушью по боковому краю, черешковые наконечники стрел, перфораторы, скошенные острия, геометрические микролиты: длинные асимметричные трапеции с выемкой на торце (наконечники стрел), симметричную средневысокую трапецию и треугольник. На отщепах изготовлены в основном разнообразные скребки. Состав находок отражает почти полный цикл обработки кремня, за исключением первичных операций с исходным сырьем. Этот комплекс соответствует кремневому инвентарю южно-уральской мезолитической и чебаркульской неолитической культур, имеет аналогии на памятниках кошкинской и боборыкинской неолитических культур Тюменского Притоболья и Среднего Зауралья. Но керамика этих типов на раскопанной площади поселения крайне малочисленна.

Косинская Любовь Львовна – к.и.н., Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)
E-mail: ver2142@yandex.ru

Дубовцева Екатерина Николаевна – к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: ket1980@yandex.ru

Мызников Сергей Анатольевич – ООО «НПО Поэнгурр» (Россия, Екатеринбург)
E-mail: myznikov@bk.ru

Поселение расположено в черте г. Екатеринбурга, на берегу бывшего Карасьего озера, ныне полностью заболоченного, в верхнем течении р. Исеть. Среди многочисленных разновременных находок (керамика боборыкинского, кокшаровско-юринского, аятского, липчинского, карасьезерского, коптяковского, черкасульского, иткульского, бытырского типов, каменный инвентарь, деревянные и металлические изделия) обращают на себя внимание изделия из светло-серого крапчатого и мелкопятнистого кремня. Они резко выделяются на фоне прочих разновидностей кремня и кремнистых пород. Эту группу находок, насчитывающую более 900 предметов, можно охарактеризовать как мелкопластинчатую индустрию южно-уральского типа. Представлены призматические, конусовидные

и торцовые нуклеусы для мелких и микро-пластинок, сколы с них, пластинки, отщепы и осколки, преимущественно мелкие, и изделия из них. Доля пластин и отщепов примерно одинакова (каждая до 1/3 коллекции). Судя по составу находок, на памятнике осуществлялся почти полный цикл обработки кремня, за исключением первичных операций с исходным сырьем. Пластинки в большинстве правильные, фрагментированные. Их ширина варьируется в интервале 5–32 мм, пик распределения приходится на 10 мм. Количественно преобладают пластинки шириной 6–10 мм и толщиной 2–3 мм; у пластин шириной более 15 мм толщина возрастает до 4–11 мм. Часть пластин и отщепов имеют вторичную обработку в виде краевой ретуши и резцовых сколов. Среди орудий на пластинах типологически выделяются концевые скребки, угловые резцы, пластинки-вкладыши с мелкой ретушью по боковому краю, черешковые наконечники стрел, перфораторы без плечиков, скошенные острия, единичные геометрические микролиты: длинные асимметричные трапеции с выемкой на торце (наконечники стрел), симметричная средневысокая трапеция, треугольник. Орудия на отщепах включают разнообразные скребки (концевые, боковые, округлые, прямоугольные, треугольные), острия без плечиков, угловые резцы, отщепы с ретушью.

Технико-морфологические и типологические характеристики описанного комплекса находок соответствуют кремневому инвентарю южно-уральской мезолитической и чебаркульской неолитической культур [Древняя история..., 2000, с. 134–138; Археология Южного Урала..., 2006, с. 41, 60, 61]. Столь многочисленное собрание в Среднем Зауралье встречено, кажется, впервые. Возникает вопрос о возрасте и культурной принадлежности этого комплекса. На наш взгляд, некоторые особенности говорят в пользу ранненеолитической датировки: укрупненный характер пластинок, среди которых изделия шириной до 10 мм составляют менее половины их общего числа, наличие черешковых наконечников на пластинах с краевой ретушью, удлинённые пропорции асимметричных трапеций, служивших наконечниками стрел, разнообразие скребков на отщепах. В Тюменском Притоболье и в меньшей степени — в Среднем Зауралье определенные аналогии описанному инвентарю обнаруживаются в кошкинских [Шаманаев, 2001], боборыкинских [Горащук, 2012], отчасти басьяновских [Вилисов, 2012, с. 98] комплексах раннего и позднего неолита. Но интрига состоит в том, что керамика именно этих типов, с которой можно было бы связать данный, весьма представительный кремневый комплекс, на раскопанной площади поселения крайне малочисленна, что возможно связано с производственной функцией памятника или более поздним антропогенным воздействием на культурный слой, в результате которого керамика не сохранилась.

Библиографический список

- Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуругенеза). Челябинск, 2006. (Серия «Этногенез уральских народов»).
- Вилисов Е. В. Басьяновский вариант боборыкинской культуры (по материалам памятника Второй поселок I) // Человек и север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 98–101.
- Горащук И. В. Каменные орудия боборыкинской культуры // Человек и север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 103–104.
- Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Т. 1.
- Шаманаев А. В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андриевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 146–153.

L. L. KOSINSKAYA, E. N. DUBOVTSOVA, S. A. MYZNIKOV

BLADE COMPLEX OF KARASYE LAKE X SETTLEMENT: THE SOUTH URAL MESOLITHIC OR THE NEOLITHIC ALIENS?

Over 900 light gray flint tools representing the microblade industry of the South Ural type were found among the asynchronous artifacts at the multi-level Karasye Lake X settlement. Tools on blades included end scrapers, angular burins, inserts-bladelets with fine retouching along the side edge, tanged arrowheads, perforators, tapered tips, geometric microliths: long asymmetric trapezoids with a notch at the end (arrowheads), a symmetrical medium-high trapezoid and a triangle. Tools on flakes consisted mostly of various scrapers. The composition of the finds reflected an almost complete flint working cycle, with the exception of primary raw material treatment. This complex corresponded to the flint assemblages of the South Ural Mesolithic and the Chebarkul Neolithic cultures; it also had analogies in the sites of the Koshkino and the Boborykino Neolithic cultures of the Tyumen region and the Middle Trans-Urals. However, the finds of pottery of these types in the excavated area of the settlement were extremely scarce.

Lyubov L. Kosinskaya — Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ver2142@yandex.ru

Ekaterina N. Dubovtseva — Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ket1980@yandex.ru

Sergey A. Myznikov — LLC “SPA “Poengurr” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: myznikov@bk.ru

Е. Г. ЛАПТЕВА, Е. Л. ЛЫЧАГИНА

СЛЕДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ (НА ОСНОВЕ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)*

Обобщены результаты палинологических исследований озерно-болотных отложений серии кернов заполнения ложбин и палеорусел в бассейне р. Кама и ее притоков — Косы, Лолога и Вишеры, и «культурных слоев» ряда археологических памятников каменного века (мезолит — неолит/энеолит) северной территории Пермского края. Выявлены косвенные палинологические индикаторы антропогенного воздействия на лесные сообщества в периоды мезолита — неолита/энеолита. Повышенное содержание пыльцы полыни, маревых, горца птичьего и иван-чая в «культурных слоях» указывает на наличие сообществ с нарушенным почвенным покровом (человеческие жилища, мусорные места и тропы) и гарей. Показано, что влияние хозяйственной деятельности населения каменного века на леса Верхнего Прикамья было локальным и сопряжено лишь с местами обитания человеческих обществ.

Лаптева Елена Георгиевна — к.г.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Пермь; Екатеринбург)

E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Лычагина Евгения Леонидовна — д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

E-mail: LychaginaE@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека» (рук. Е. Л. Лычагина)

Взаимодействие природы и человека в каменном веке в лесной полосе сводилось в основном к приспособлению последних к первым. Степень влияния меняющихся условий окружающей среды на жизнь древних коллективов значительно превосходила возможности человека по их изменению. Некоторые элементы этих трансформаций природной среды в прошлом можно проследить при сравнении палинологических данных из «культурных слоев» археологических памятников и естественных разрезов в их окрестностях.

Основными объектами исследования на территории Верхнего Прикамья в пределах современной южной тайги стали Дедюхинский и Соликамский болотные массивы в окрестностях Чашкинского озера. Получены непрерывные палинологические летописи из пяти кернов озерно-болотных отложений, которые охватывают возрастной диапазон около 8,5 тыс. кал. л. н. [Лаптева и др., 2017, с. 269–274; Зарецкая и др., 2020, с. 50–55]. Репрезентативные данные получены из отложений «культурных слоев» четырех археологических памятников в хронологическом диапазоне от мезолита (Чашкинское Озеро X, XI) до неолита – энеолита (Чашкинское Озеро II, IV). В пределах средней тайги исследования проведены в долине рек Коса и Лолог, где получены репрезентативные палинологические данные из торфяных заполнений ложбин и палеорусел, охватывающих возрастной диапазон от 13,8–13,5 до 8–7,8 тыс. кал. л. н., а также из «культурных слоев» археологических памятников эпохи мезолита Коса I, II [Лычагина и др., 2023, с. 22–28].

Результаты спорово-пыльцевого анализа показали, что палиноспектры из фоновых и культурогенных отложений отражают господство смешанных лесов таежного типа на территории Верхнего Прикамья в каменном веке. Суммарное содержание пыльцы древесных пород составляет 77,5–97,7%. Основной фон создают пыльцевые зерна сосны (*Pinus sylvestris*-type), березы (*Betula* sect. *Betula*) и ели (*Picea*). Однако выявлено завышенное содержание пыльцы липы (*Tilia cordata*-type – 89,6 и 61%) в «культурных слоях» памятников Чашкинское Озеро IV (5310–4930 лет до н. э.) и Коса I (6035–5720 лет до н. э.). В фоновых одновозрастных палиноспектрах встречаются лишь единичные пыльцевые зерна липы (менее 1%). Также обнаружено высокое содержание пыльцы ивы (*Salix* – 13,1%) в «культурном слое» памятника Коса II (6377–5473 лет до н. э.), в то время как в одновозрастных палиноспектрах озерно-болотных отложений ее содержание менее 1%. Таксономическое разнообразие травянистых растений отражено типами пыльцы 20 семейств, среди которых основная доля приходится на осоковые (Cyperaceae – 0,1–10,5%), мятликовые (Poaceae – 0,4–3,4%) и розоцветные (Rosaceae – 0,1–11%). В фоновых палиноспектрах пыльца разнотравья, в том числе полыни (*Artemisia*), маревых (Chenopodiaceae), сложноцветных (Asteraceae), горца (*Polygonum aviculare*-type), иван-чая (*Chamaenerion angustifolium*) встречается в единичном количестве, в то время как в «культурных слоях» их доля возрастает до 3,2–8%.

Разработанные классификации палинологических индикаторов антропогенного воздействия [Носова и др., 2014, с. 74–81; Behre, 1981, с. 233] показывают, что о воздействии древнего населения на окружающую среду может свидетельствовать повышенное содержание пыльцы ряда растений-апофитов – представителей местной флоры, которые перешли из естественной среды обитания на территории, измененные хозяйственной деятельностью человека. В лесной зоне Верхнего Прикамья к таким индикаторам можно отнести полыни и маревые, которые не имеют большого веса в естественной флоре, но широко распространены на рудеральных местообитаниях с нарушенным почвенным покровом. Это подтверждается повышенным содержанием пыльцы этих таксонов в

палиноспектрах «культурных слоев» изученных археологических памятников каменного века. Обилие пыльцевых зерен *Polygonum aviculare*-type в «культурных слоях» также свидетельствует о существовании рудеральных местообитаний, поскольку распространение спорыша (*Polygonum aviculare* L.) связано с появлением жилищ человека, мусорных мест, троп и дорог. Присутствие пыльцевых зерен *Chamaenérion angustifolium* указывает на существование постпожарищных сообществ — гарей, на которых поселяется пионерный вид иван-чай. Вероятно, стоит рассматривать антропогенное происхождение липы в «культурных слоях» памятников Чашкинское Озеро IV и Коса I, так как обилие ее пыльцы сопряжено с высоким содержанием других палинологических индикаторов нарушенных лесных сообществ. Можно предположить, что липа в период функционирования памятников целенаправленно доставлялась человеком на территорию стоянок для хозяйственных нужд (изготовление орудий труда, утвари, и др.) и, возможно, произрастала не так далеко. Обилие пыльцы ивы в придонном палиноспектре «культурного слоя» памятника Коса II, вероятно, может иметь антропогенный след (застилка пола, изготовление вершей или плетение корзин), но также может быть следствием естественных причин в связи с расположением стоянки в непосредственной близости к ивовым зарослям поймы реки.

Таким образом, сопряженный анализ пыльцевых показателей в фоновых озерно-болотных и культурогенных отложениях позволил выявить косвенные палинологические индикаторы антропогенного воздействия на лесные сообщества Верхнего Прикамья в каменном веке. Изменения в лесах были локальными, сопряженными лишь с местами обитания человеческих обществ, что связано с экстенсивным природопользованием при присваивающем типе хозяйства.

Библиографический список

- Зарецкая Н. Е., Лычагина Е. Л., Лаптева Е. Г., Трофимова С. С., Чернов А. В. Пойма Камы: реконструкция среды обитания древних и средневековых сообществ Среднего Предуралья // Российская археология. 2020. № 1. С. 44–58.
- Лаптева Е. Г., Зарецкая Н. Е., Косинцев П. А., Лычагина Е. Л., Чернов А. В. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология. 2017. № 4. С. 267–276.
- Лычагина Е. Л., Демаков Д. А., Батуева Н. С., Лаптева Е. Г. Косинские мезолитические стоянки Верхнего Прикамья. Пермь, 2023.
- Носова М. Б., Новенко Е. Ю., Зерницкая В. П., Дюжова К. В. Валинологическая индикация антропогенных изменений растительности восточно-европейских хвойно-широколиственных лесов в позднем голоцене // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 4. С. 72–84.
- Behre K.-E. The interpretation of anthropogenic indicators in pollen diagrams // Pollen et spores. 1981. No. 3. P. 225–245.

E. G. LAPTEVA, E. L. LYCHAGINA

TRACES OF HUMAN ECONOMIC ACTIVITY IN THE UPPER KAMA REGION IN THE STONE AGE (BASED ON PALYNOLOGICAL DATA)

The authors summed up the results of palynological studies of the group of lake-bog sediment cores from the hollows and paleo-riverbeds filling in the basins of the Kama River and its tributaries — Kosa, Lolog and Vishera, as well as the “cultural levels” of a number of archaeological sites of the Stone Age (Mesolithic — Neolithic/Eneolithic) in the northern territory of the Perm region. Indirect palynological indicators of the anthropogenic impact on forest communities during the Mesolithic — Neolithic/Eneolithic

have been identified. The high content of pollen of wormwood, haze, knot grass and great willow herb in the “cultural levels” indicated the presence of communities with disturbed soil cover (human dwellings, rubbish pits and trails) and burned areas. It was demonstrated that the effect of economic activity of the Stone Age population on the forests of the Upper Kama region was local and associated only with the places of habitation of human societies.

Elena G. Lapteva – Candidate of Geographical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm; Ekaterinburg)

E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Evgenia L. Lychagina – Doctor of Historical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: LychaginaE@mail.ru

Н. В. ЛОБАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ КАРЕЛИИ

Территории петроглифов Онежского озера с 1930-х гг., а Беломорских с 1960-х гг. стали превращаться в научно-исследовательские полигоны, где велись поиски и документирование наскальных выбивок, разрабатывались разные подходы к их изучению, интерпретации и хронологии, шли острые дискуссии по связанным с ними ключевым проблемам. К текущему моменту накопилось немало фактов, которые позволяют взглянуть на петроглифы Карелии с новых позиций. В докладе анализируются точки зрения исследователей о хронологической последовательности в появлении и развитии этих памятников на основе собранных за последнее время данных, предлагается свое видение исторического функционирования петроглифов, последовательных стадий их развития, рассматривается характер и динамика взаимосвязей между носителями двух петроглифических традиций.

Лобанова Надежда Валентиновна – к.и.н., Карельский научный центр РАН (Россия, Петрозаводск)

E-mail: hopelob@yandex.ru

Петроглифы Карелии – выдающиеся образцы художественного творчества жителей первобытного Севера в эпоху неолита, в 2021 г. включены в список ЮНЕСКО, став первым объектом наскального искусства от России. На общем фоне подобных древностей Евразии они заметно выделяются по ряду показателей. В отличие от многих из них, петроглифы Онежского озера и Белого моря существовали короткий отрезок времени – менее одного тысячелетия в рамках развитой и поздней фаз эпохи неолита (примерно 6–6,7 тыс. л. н.); кроме того, содержат оригинальные мотивы или детально разработанные впечатляющие петроглифические сюжеты, не характерные для памятников других территорий [Лобанова, 2015; Петроглифы Карелии, 2019].

Расположенные в 300 км друг от друга (в Пудожском районе на восточном побережье Онежского озера и в Беломорском районе в дельте р. Выг), петроглифы Карелии в совокупности с окружающим их живописным ландшафтом представляют собой крупные комплексы с петроглифами и иными археологическими памятниками. В составе Беломорского комплекса около трех с половиной тысяч выбивок, компактно расположенных в 11 локальных группах. Онежский же насчитывают более 1200 фигур в 25 группах,

которые тянутся вдоль побережья на 20 км. Каждый из них имеет свои особенности, определенные черты близости и явные различия, которые раньше объяснялось разновременностью петроглифов. На наш взгляд, сходство этих памятников обусловлено общей хронологией, единой культурно-хозяйственной средой и, видимо, функциональной ролью мест дислокации наскальных полотен. Одинаковы закономерности размещения изображений (у воды), техника выбивки (пикетажа), в чем-то совпадают и общие пути эволюции наскального творчества, немало сходных мотивов и сюжетов. Там и там встречаются очень похожие или даже тождественные фигуры — свидетельства прямых контактов близкородственного населения обеих территорий (носителей неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики) и преемственности творческой практики в ходе эволюции наскального творчества. Возникшая немного раньше (возможно, всего на 200–300 лет) онежская петроглифическая традиция, вполне могла дать импульс для появления выбивок на скалах и в дельте р. Выг, что в какой-то степени подтверждают данные, полученные в 2019 г. в районе расположения петроглифов Бесовы Следки [Петроглифы Карелии, 2019, с. 194].

Различия двух очагов наскального искусства в большей степени были связаны с конкретной природной средой, сложившимися локальными традициями и предпочтениями, особенностями изобразительных приемов. Отметим поразительные примеры встроенности Онежских петроглифов в скальный микроландшафт: их связь с дайками и ксенолитами (своеобразными природными «холстами»), ледниковыми шрамами и трещинами [Лобанова, 2022, с. 418–422]. В Беломорье использовались иного рода взаимодействия со скальной поверхностью [Там же, с. 415–416].

Одной из ключевых проблем является изучение зарождения и развития феномена карельских петроглифов во времени и пространстве, а также конкретизации линий культурных контактов и взаимовлияний между создателями Онежских и Беломорских наскальных галерей. Ранее этому уделялось недостаточно внимания, так как исследователи осознавали исключительную сложность темы и противоречивость данных о хронологии наскальных изображений. Так, в работах этнографа К. Д. Лаушкина, посвященных анализу и расшифровке основных сюжетов петроглифов Онежского озера на базе саамской мифологии и этнографических источников, еще в 1960-е гг. предложена также и последовательность заполнения онежских скал [Лаушкин, 1959; 1962]. Позднее Ю. А. Савватеев бегло затронул указанную тему, высказав мнение об относительном возрасте наскального искусства Карелии и отдельных крупных групп изображений [Савватеев, 1970; 1996]. А. Д. Столяр в нескольких публикациях более подробно разбирал вопрос о вехах духовной эволюции доисторического населения на примере петроглифических ансамблей Карелии с учетом существовавших тогда представлений об эволюции североевропейского наскального искусства от развитой изобразительности и крупных натуралистических форм к схематичности и упрощению [Столяр, 1977; Stoliar, 2001].

За последние 20 лет обнаружены и детально документированы новые группы петроглифов как на Онежском озере, так и в Беломорье, уточнена хронология памятников и их культурная взаимосвязь, выявлено намного больше точек соприкосновения друг с другом. Кроме того, достигнуты некоторые успехи в понимании динамики развития изобразительной наскальной практики [Лобанова, 2007; 2014; 2015; 2016]. На основе анализа собранных автором данных существенно пересмотру подвергаются ранее выдвинутые

исследователями эволюционные схемы и линии развития наскального искусства, поскольку они противоречат имеющимся на сегодня материалам. Предлагается иная точка зрения о возникновении, дальнейшем развитии и финале наскальной традиции Онежского озера и Белого моря, о времени и характере контактов и связей обитателей этих территорий — носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, создателями и почитателями петроглифов.

Библиографический список

- Лаушкин К. Д. Онежское святилище. Ч. 1: Новая расшифровка петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Вып. 4. С. 83–111.
- Лаушкин К. Д. 1962. Онежское святилище. Ч. 2: Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Вып. 5. С. 177–298.
- Лобанова Н. В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные — новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 127–135.
- Лобанова Н. В. К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // Российская археология. 2014. № 3. С. 98–110.
- Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
- Лобанова Н. В. Петроглифы в низовьях реки Выг: проблемы хронологии и периодизации // Российская археология. 2015. № 4. С. 16–33.
- Лобанова Н. В. Новые данные о периодизации наскального искусства Онежского озера // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2016. Вып. 1. С. 12–34. DOI: 10.15393/j103.art.2016.481
- Лобанова Н. В. Петроглифы Карелии в контексте их взаимосвязи с окружающим ландшафтом // Наследие и современность. 2022. Т. 5, № 4. С. 406–425. DOI: 10.52883/2619-0214-2022-5-4-406-425
- Петроглифы Карелии. К 100-летию образования Республики Карелия. Петрозаводск; М., 2019.
- Савватеев Ю. А. Залавруга. Л., 1970. Ч. 1: Петроглифы.
- Савватеев Ю. А. Наскальные изображения (петроглифы) Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Столяр А. Д. Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия) // Советская археология. 1977. № 3. С. 24–41.
- Stoliar A. D. Milestones of spiritual evolution in Prehistoric Karelia // Folklore. 2001. Vol. 18/19. P. 80–126.

N. V. LOBANOVA

GRAPHIC EVOLUTION AND CORRELATION BETWEEN THE PETROGLYPHIC COMPLEXES OF KARELIA

Since the 1930s, the territories of the Lake Onega petroglyphs, and since the 1960s, the White Sea ones have been turned into the research grounds, where the archaeologists searched for and documented the rock carvings, developed different approaches to their study, interpretation and chronology, and discussed the key issues related to them. The information accumulated to date allows us to look at the petroglyphs of Karelia from a new perspective. The report analyzes the researchers' points of view on the chronological sequences in the appearance and the evolution of these panels based on the data collected recently. The author offers her own vision of the historical functioning of petroglyphs, the successive stages of their evolution, examines the nature and dynamics of the relationships between the bearers of the two petroglyphic traditions.

Nadezhda V. Lobanova — Candidate of Historical Sciences, Karelian Research Centre of the RAS (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: hopelob@yandex.ru

В. Е. МЕДВЕДЕВ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ

В докладе освещаются некоторые итоги исследований автора и его коллег особо яркого по содержанию амурского неолита. Полевые изыскания велись на поселениях. Кабинетно-лабораторные изучения неопубликованных материалов раскопок прежних лет проводилось с использованием естественнонаучных методов. Особое внимание уделено исследованию керамики осиповской культуры начального неолита, древнейшей в России, СНГ и одной из наиболее ранних в мире, возрастом свыше 10–13 тыс. л. н. (памятники Гася, Осиповка-1, Госян). Изучалась также керамика недавно выделенной мариинской культуры раннего неолита, датируемой 8–9 тыс. л. н. Носители осиповской культуры использовали два вида сырья — «равнинный» и «горный» илы при доминировании первого из них. У осиповцев преобладал лоскутный налеп на форме-основе, их сосудам присуще борозчатое заглаживание, то есть технологически-декорированное состояние поверхности. Уровень развития осиповского гончарства относится к первой–третьей стадиям протогончарного производства. Коллекции вещей и архивные материалы свидетельствуют, что в неолите региона существовали локальные гибридные культурно-хронологические типы (Петропавловка-Остров, Амурский Санаторий, Казакевичево, Шереметьево). Исследованы петроглифы на р. Кия в контексте их связей с находящимися рядом с ними группами жилищных западин. Наибольшее количество последних относятся к неолиту. Киинские петроглифы с соседними остатками жилищ представляют собой, очевидно, единый культовый центр из категории тех, что хорошо известны в долине нижнего Амура.

Медведев Виталий Егорович — д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Нижнее Приамурье, прежде всего долина Амура, археологически представлено во многом отличающейся от соседних регионов группой ярких, обладающих различными материалами культур периода неолита. В докладе показаны отдельные результаты поиска автора и его коллег преимущественно в последние полтора десятилетия. Раскопки велись на древних объектах, неопубликованные коллекции прежних лет изучались в кабинетно-лабораторных условиях с использованием естественнонаучных методов.

Значительное место уделено исследованию керамики осиповской культуры, древнейшей в России, СНГ и одной из древнейших в мире, возрастом свыше 13 тыс. л. н. Анализировалась также керамика недавно выделенной мариинской культуры раннего неолита, датируемой 8–9 тыс. л. н. Результаты по изучению данного материала были получены в Институте археологии и этнографии СО РАН, лаборатории «История керамики» Института археологии РАН. По осиповской культуре (памятники Гася, Осиповка-1, Госян, Казакевичево) проанализированы фрагменты от 122 сосудов; по мариинской (Остров Сучу, Казакевичево, Петропавловка-Остров) — от 149 сосудов. Носители осиповской культуры использовали два вида сырья — «равнинный» и «горный» илы при доминировании первого из них. На позднем этапе носители этих традиций контактировали, о чем свидетельствует использование смеси этих илов. В ранний период осиповцы включали в формовочную массу специальный органический раствор, что было не характерно поздним осиповским гончарам. У осиповцев преобладал лоскутный налеп на форме-основе (73–100 %) и только обитатели Гаси чаще использовали формы-емкости (77 %). Осиповским сосудам присуще борозчатое заглаживание, то есть технологически-декорированное состояние поверхности,

реже в верхней части сосуда наносились гребенчатые и ямочные отпечатки. Гончары данной культуры подвергали емкости длительному низкотемпературному обжигу, который иногда дополнялся очень коротким «магическим» воздействием открытого огня. Отмечены два варианта естественной структуры сосудов: губа + тулово + основание тулова и губа + предплечье + тулово + основание тулова.

Состав носителей осиповской культуры включает в себя представителей двух культурных групп населения, которые изготавливали посуду из разных видов илов на формах-основах или в формах-емкостях. Эти группы сосуществовали и смешивались друг с другом. Уровень развития осиповского гончарства относится к первой–третьей стадиям протогончарного производства.

Создатели мариинской культуры, ареал которой определен значительно обширнее, чем считалось по первоначальным исследованиям, были однородны по своим гончарным традициям. Вероятно, при контактах они наследовали некоторые традиции осиповской культуры, хотя по происхождению были различны.

В неолите рассматриваемого региона намечается ряд тенденций эволюции гончарства: а) переход от использования илов без искусственных примесей к применению настоящих глин с различными искусственными минеральными примесями; б) переход от сосудов преимущественно с технологически декорированной поверхностью в начальном неолите к сосудам с настоящим орнаментом (посуда мариинской и других культур; в) переход от преобладающего длительного низкотемпературного обжига изделий в период древнейшего гончарства к распространению неполного окислительного обжига при температурах каления глины [Медведев, 2020; Медведев, Цетлин, 2013; Медведев, Цетлин, 2017; Цетлин, Медведев, 2018].

Изучение вещевых коллекций и архивных материалов позволило выявить, что наряду с рассмотренными выше культурами начального и раннего неолита (осиповская, мариинская), а также среднего (мальшевская, кондонская) и позднего (вознесенская) его этапов в Нижнем Приамурье существовали своего рода локальные гибридные культурно-хронологические типы. Прежде всего это петропавловский тип (памятники Петропавловка-Остров, Амурский Санаторий, Казакевичево, Шереметьево (раскопки главным образом середины XX в.)). Керамика этого типа имеет некоторое сходство с мальшевской и кондонской керамикой, но все же отличается от них. Названные объекты, скорее всего, входят в круг «транзитных», где происходили контакты носителей разных культур длительного периода, начиная с начального неолита и вплоть до развитого средневековья. На ряде уже упомянутых памятников, а также на острове Сучу определены разрозненные глиняные и каменные артефакты финального неолита – на его стыке с эпохой палеометалла (ориентировочно конец II тыс. до н. э.). В основном это неорнаментированная лепная керамика в виде частей хорошо профилированных сосудов. По отдельным типологическим признакам изделия имеют некоторое сходство с вознесенской керамикой. Материалов по данному этапу неолита в Амурском регионе имеется пока немного – он наименее изучен [Медведев, Филатова, 2014; Медведев, Филатова, 2015; Окладников, Медведев, Филатова, 2015].

Амуро-Уссурийским отрядом ИАЭТ СО РАН осуществлено исследование петроглифов на р. Кия неподалеку от пос. Переясловка, полностью сюжетно-стилистически соответствующих уникальным аналогичным памятникам неолита Амуро-Уссурийского ареала

(Сакачи-Алян, Шереметьево). В прилегающей к петроглифам местности в трех группах зафиксировано большое количество жилищных западин различной величины округлой и квадратной формы. Первые, наиболее многочисленные, в основном определены как неолитические (вознесенской и, возможно, мальшевской культур), вторые — относятся, скорее всего, к палеометаллу, раннему Средневековью и, возможно, даже к военным годам середины XX в. Полученные свидетельства подтверждают неолитическую принадлежность почти всех киинских рисунков. За исключением одного, выполненного краской, вероятно, в период раннего металла. Вполне возможно, что на р. Кие, притоке Уссури, так же как и в долине Амура и в Приморье, издавна при петроглифах и рядом в поселениях существовали единые культовые центры (места) [Медведев, Краминцев, Малявин, 2010; Медведев, 2005; Медведев, 2009].

Обозначенный круг отдельных исследований, основанных прежде всего на современных методах, позволили получить принципиально новую информацию о неолите Приамурья из источников, добытых как в недавнее, так и в сравнительно отдаленное от нас время.

Библиографический список

- Медведев В. Е. Древние культовые места на Дальнем Востоке. Святилище на юге Приморья // «Номо Eurasicus» у врат искусства. СПб., 2009. С. 371–382. (Окладниковские чтения).
- Медведев В. Е. Краминцев В. А., Малявин А. В. Исследование группы памятников на реке Кие в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. 16. С. 127–130.
- Медведев В. Е. Некоторые ключевые вопросы дальневосточного неолита (Приамурье, Приморье) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара. 2020. Т. 1. С. 182–183.
- Медведев В. Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 40–69.
- Медведев В. Е. Филатова И. В. Материалы раннего неолита памятника Петропавловка-Остров // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. 20. С. 60–64.
- Медведев В. Е., Филатова И. В. Современный взгляд на неолитические комплексы у с. Казакевичево (по материалам исследований 1959–1960 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. 21. С. 107–111.
- Медведев В. Е., Цетлин Ю. Б. Происхождение гончарства и этнокультурные процессы в неолите Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. 23. С. 167–171.
- Медведев В. Е., Цетлин Ю. Б. Технично-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л. н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 94–107.
- Окладников А. П., Медведев В. Е., Филатова И. В. Первые стационарные исследования с получением радиоуглеродных дат на о. Сучу // Археология, этнография, антропология Евразии. 2015. № 3. С. 50–63.
- Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е. Некоторые данные о керамике осиповской и мариинской культур бассейна нижнего Амура // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2018. С. 202–214.

V. E. MEDVEDEV

SOME RESULTS OF THE LATEST RESEARCH ON THE NEOLITHIC OF THE LOWER AMUR REGION

The report highlights some of the research results by the author and his colleagues of the strikingly rich sites of the Amur Neolithic. The field studies concentrated on the settlements. The authors employed the

science investigation techniques in the cameral and laboratory studies of the unpublished excavation materials of previous years. Particular attention was paid to the study of the Osipov culture ceramics of the early Neolithic, the oldest in Russia, the CIS and one of the earliest in the world, aged over 10–13 thousand y. a. (the sites Gasya, Osipovka-1, Gosyan). The team also studied the ceramics of the recently isolated Mariinsky culture of the Early Neolithic, dating from 8–9 thousand y. a. The population of the Osipov culture used two types of raw materials – the “lowland” and the “mountain” silts with the dominance of the former. The dominant Osipov technique was a patchwork stick on technique, presumably on an underlying mold; the distinguishing attribute of the vessels was furrowed smoothing, that is, a technologically decorated surface condition. The level of the Osipov pottery development corresponded to the first and third stages of proto-pottery production. The assemblages and the archival materials indicated the existence in the Neolithic of the region of several local hybrid cultural and chronological types (Petropavlovka-Ostrov, Amur Sanatorium, Kazakevichevo, and Sheremetyevo). The authors studied the petroglyphs on the Kiya River in the context of their association with the groups of the nearby dwelling depressions. Most of the latter belonged to the Neolithic. The Kiya petroglyphs with the neighboring remains of dwellings were obviously a single cult center from the category of those that are well known in the lower Amur valley.

Vitaly E. Medvedev – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

В. В. ОХЛОПКОВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ БЕЛЬКАЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА ЯКУТИИ

В докладе сделана попытка первичной диагностики инструментов, которые использовали гончары белькачинской культуры среднего неолита Якутии для художественной орнаментации керамики. Для культур неолита художественный орнамент является существенным маркером и одним из признаков выделения и типологии культур. С помощью анализа художественных орнаментальных мотивов возможно отследить степень развития культуры или влияние на нее ассимиляционных или миграционных процессов.

Охлопков Валерий Васильевич – Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия); Алтайский государственный университет (Россия, Якутск; Барнаул)
E-mail: Okhlopkov.valera@mail.ru

Интерпретация художественного орнамента многими исследователями-керамистами обозначается как способ отождествления себя с неким единым культурным или социальным пластом. При этом культуры могли развиваться автохтонно с точки зрения общемирового развития гончарного дела, с переменами в связи с миграционными и ассимиляционными процессами. Для исследователей керамики важно диагностировать и уметь различать естественное развитие гончарного дела от изменений в результате культурных контактов. В качестве устойчивых традиций стоит выделить такой элемент художественного орнамента (либо технологического приема) как сквозные отверстия на венчиках сосудов неолитических культур Якутии, хоть и с заметной разницей в количественном соотношении. Если говорить про носителей сетчатой керамики сылахской культуры раннего неолита, то они практически всегда орнаментировали свои сосуды сквозными отверстиями. Для

белькачинских сосудов показатель орнамента таким способом несколько меньше: в среднем для памятников Алдана это цифра равна 9,11 %, а на Средней Колыме обнаружен только один сосуд с характерными сквозными отверстиями из 57 сосудов [Кашин, 2013, с. 176]. Показатель для позднего неолита значительно вырос: это 98 % для памятников долины Туймаада, который уменьшается для керамики усть-мильской культуры эпохи бронзы: цифра опускается до 64 %, и, наконец, в керамических комплексах раннего железного века показатель составил 9,5 %, то есть вышел на уровень белькачинской культуры [Дьяконов, 2006, с. 106].

Если смотреть на эти орнаменты уже с технологической точки зрения, то такие приемы не столь сильно были нужны гончарам белькачинской культуры и культуры раннего железного века, ведь согласно опубликованным данным они являются самыми «чистыми» в плане формовочных масс керамическими комплексами, а показатели ымыяхтахской [Дьяконов, 2006, с. 112] и сылахской керамики говорят о довольно большом количестве используемых отощителей и минеральных добавок для формования керамики [Воробьев, 2006, с. 76]. С этой точки зрения вполне объяснима тенденция то уменьшения, то увеличения сосудов со сквозными отверстиями. Эти отверстия являлись технологическим приемом, который помогал сосуду при обжиге, как бы снимая напряжение с венчика сосуда, не позволяя трещинам расходиться по всему сосуду. Художественный орнамент на белькачинских сосудах располагался на венчике, тулове и привенчиковой части сосуда, но отличительной особенностью большинства сосудов со шнуровыми отпечатками является утолщенный налепом венчик, на котором и располагается художественный орнамент.

На данном этапе исследований зафиксировано 60 видов художественного орнамента на привенчиковой части сосуда: различного вида штамповки, сквозные отверстия, зигзагообразные продольные штампованные и прочерченные линии, горизонтальные, косые линии и их различные комбинации [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 272, 273].

На бортиках венчиков зафиксировано 14 видов орнамента: зигзагообразные и горизонтальные штампы и их комбинации, если считать конфигурации, то стоит добавить в эти 14 орнаментов и уникальную серию венчиков с волнообразным обрамлением.

Нами сделана попытка первичной диагностики орнамента и реконструкции орудий-орнаментиров исходя из визуального анализа и опубликованных источников. Данный этап необходим для дальнейшего технологического изучения, а именно — точной идентификации орнаментиров и основных способов нанесения оттисков с последующим проведением экспериментальных исследований.

Главным критерием для классификации стал инструмент нанесения орнамента. В результате анализа конфигурации орнаментальных оттисков на керамике белькачинской культуры по форме рабочего края можно выделить две группы инструментов, которыми они наносились: стержневые орнаментеры и гребенчатые штампы. Встречаются также орнаменты в виде веревочных оттисков и пальцевых вдавлений.

Стержневые орнаментеры (на наш взгляд, имеют карандашевидную форму с острым наконечником) использовали для прочерчивания, накалывания и, возможно, использовали для прокалывания сквозных отверстий. Сквозные отверстия чаще всего представляют собой проколы овальной или круглой формы, которые почти всегда сужаются ближе к внутренней поверхности и часто встречаются в комбинации с прочерченными

горизонтальными линиями. Возможно, стержневой орнамент был единственным инструментом «украшения» гончара. Скорее всего, диаметр рабочей части варьирует от 0,1 до 0,3 см.

Насечки выполнены стержнями, имевшими уплощенный и приостренный в плоскости рабочий край, и по своей конфигурации различаются параметрами длины. Толщина насечек, вероятно, зависела от манеры их нанесения и степени нажима инструмента. Прочерчивание во всех случаях выполнены инструментом с приостренным в основании рабочим краем (до 0,1 см) и единично — инструментом с подтреугольным рабочим краем. На памятниках средней Колымы найден фрагмент с венчиком, на котором нанесены треугольные оттиски, выполненные «лопаточкой» с прямым рабочим основанием.

Гребенчатые оттиски выполнены в технике штамповки, накальвания и, возможно, протягивания и проката. Оттиски, нанесенные в технике штампования, делятся на два типа: 1) мелкий или крупный гребенчатый штамп квадратной или прямоугольной формы с прямым рабочим краем; 2) зубчатый штамп с треугольной формой зубцов и промежутков с прямым рабочим краем.

Некоторые фрагменты с гребенчатым штампом позволяют диагностировать форму рабочего инструмента и его возможную длину. В ряде случаев наблюдается оформление привенчиковой части длинными тонкими протяженными линиями. Возможно, это связано с протягиванием орудия, которым наносили гребенчатый штамп.

Вереочный орнамент используется как украшения для венчиков некоторых сосудов.

Предполагаемое пальцевое вдавление обнаружено на фрагменте венчика со Средней Колымы. Вдавление налепа произошло прямо по профилю, образуя волнообразную конфигурацию венчика. Оставшаяся вследствие вдавления масса глины хорошо остыла и сохранила свой профиль изнутри.

Не исключено, что применялось гораздо больше техник, однако нашей задачей являлась первичная диагностика. Для расширения наших познаний в этой области нужно расширить источниковую базу и проводить эксперименты по уточнению инструментария.

Библиографический список

- Воробьев С. А. Формовочные массы неолитической керамики Якутии // Древности Якутии: искусство и материальная культура. Новосибирск, 2006. С. 199–214.
- Дьяконов В. М. Керамика позднего неолита Якутии (по материалам долины Туймаада) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 104–119.
- Кашин В. А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск, 2013.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Якутск, 2013. Т. 2.

V. V. OKHLOPKOV

POTTERY ORNAMENTATION TRADITIONS OF THE BELKACHI CULTURE OF THE MIDDLE NEOLITHIC OF YAKUTIA

The study is an attempt at primary diagnostics of the tools used by the potters of the Belkachi culture of the Middle Neolithic of Yakutia for decorative ornamentation of ceramics. For the Neolithic cultures, ornamentation was an essential marker and one of the attributes for the isolation, fragmentation or typology

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

of cultures. The study of the ornamental motifs allows tracking the progress of the cultures evolution or the influence of assimilation or migration processes on a particular culture.

Valery V. Okhlopkov – Arctic Research Centre of Sakha Republic (Yakutia); Altai State University (Russia, Yakutsk; Barnaul)

E-mail: Okhlopkov.valera@mail.ru

Ю. Ю. ПЕТРОВА, Н. Г. ТАНЫКОВА, С. М. БОЛОТСКАЯ, Е. А. ГИРЧЕНКО

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЕРАМИКИ КАЮКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КАЮКОВО 1)*

Неолитическое поселение Каюково 1 расположено в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Восемь фрагментов керамики (К-1.1–К-1.8) были отобраны из заполнения котлована сооружения № 4, а также южной оконечности памятника, где предположительно проходила внешняя стена, для анализа методом ИК-Фурье-спектроскопии, сканирующей электронной микроскопии и рентгено-флуоресцентного анализа. Методом ИК-спектроскопии было показано, что обжиг проводился в окислительной среде, температура составила около 800 °С. Элементный состав показал, что основными компонентами в составе теста являются оксиды кремния, алюминия и железа. Относительно высокое содержание оксидов фосфора, вероятно, свидетельствует о добавках органического вещества. Методом сканирующей электронной микроскопии в некоторых участках керамики фиксируются зерна с умеренной и высокой степенью остекловывания глинистого тела (51–92 масс. % SiO₂), что также свидетельствует о повышении температуры обжига до 800 °С.

Петрова Юлия Юрьевна – к.х.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут)

E-mail: petrova_juju@surgu.ru

Таныкова Наталья Геннадьевна – Сургутский государственный университет (Россия, Сургут)

E-mail: tanykova_ng@surgu.ru

Болотская София Магомадаевна – Сургутский государственный университет (Россия, Сургут)

E-mail: bolotskaya_sm@surgu.ru

Гирченко Екатерина Александровна – к.и.н., Сургутский государственный университет; АНО «Институт археологии Севера»; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Укрепленное поселение эпохи неолита Каюково 1 расположено в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на территории хантыйских юрт Пунси, близ озера Большое Каюково. На поверхности фиксируются восемь археологизированных жилищно-хозяйственных построек.

Раскопками 2021 г. и 2023 г. исследована постройка № 4 и прилегающая к ней территория. Наиболее массовый материал – это фрагменты керамических сосудов. Всего в сезоне 2023 г. обнаружено 25 венчиков, 216 стенок и 2 фрагмента доньшек. Стенки сосудов толстые, характеризуются рыхлой структурой и разной цветностью. Орнаменты

* Исследование выполнено в рамках проекта НИР СурГУ № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера» и проекта № 22-2-000453 «Древнейшие крепости Северной Азии: раскопки поселения Каюково 1» Фонда «Центр гражданских и социальных инициатив Югры»

преимущественно линейные, из параллельных рядов, выполненных путем вдавления орнамента (стека) с отступанием. Часть сосудов была окрашена охрой.

Восемь фрагментов керамики (К-1.1–К-1.8) из материалов раскопок 2023 г. были отобраны из заполнения котлована сооружения № 4, а также южной оконечности памятника, где предположительно проходила внешняя стена, для исследования методом ИК-Фурье-спектроскопии, сканирующей электронной микроскопии и рентгено-флуоресцентного анализа структуры, морфологии частиц, минерального и элементного состава, а также для оценки температуры обжига керамики.

ИК-спектры с преобразованием Фурье регистрировали в средней области инфракрасного диапазона $4000\text{--}400\text{ см}^{-1}$ с использованием ИК-спектрометра Spectrum 11 (PerkinElmer, США): режим однократно нарушенного полного внутреннего отражения (НПВО), разрешение 2 см^{-1} , число сканов 32. Регистрацию и обработку спектров проводили с использованием программного обеспечения LabSolutions IR (Shimadzu). Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) измельченных образцов керамики был выполнен на энергодисперсионном рентгенофлуоресцентном спектрометре EDX-8000 (Shimadzu, Япония) в условиях вакуума. Содержание элементов (масс. %) рассчитывали методом фундаментальных параметров.

Данные ИК-спектров позволяют оценить температуру обжига керамики. Широкая полоса поглощения в области 3630 см^{-1} в спектрах образцов Каюково 1 соответствует валентным колебаниям гидроксильных групп воды, которая сохраняется в керамических изделиях путем регидратации после обжига при температурах выше 800 °C . Этот результат можно подтвердить, используя полосы 915 и 875 см^{-1} . Интенсивность полосы 915 см^{-1} , соответствующей колебаниям Al-OH в октаэдрической решетке, начинает уменьшаться при увеличении температуры и при 500 °C полностью исчезает. В ИК-спектрах всех образцов К-1.1–К-1.8 отсутствует полоса поглощения 915 см^{-1} , это означает, что все образцы были обожжены при температуре более 500 °C .

Полоса поглощения $530\text{--}535\text{ см}^{-1}$ в ИК-спектрах всех образцов Каюково 1 свидетельствует о присутствии гематита, образовавшегося в осколках керамики в условиях окислительного обжига в атмосфере. Средняя полоса в области $460\text{--}466\text{ см}^{-1}$ указывает на присутствие микролина (породообразующего минерала группы полевых шпатов) в образцах К-1.1, К-1.2, К-1.4 и К-1.6. Количество гематита в образцах керамики Каюково 1 свидетельствует об умении древних людей использовать условия окислительного обжига образцов глины при изготовлении гончарных изделий. Методом сканирующей электронной микроскопии в некоторых участках керамики фиксируются зерна с умеренной и высокой степенью остекловывания глинистого тела ($51\text{--}92\text{ масс. \% SiO}_2$), что также свидетельствует о повышении температуры обжига до 800 °C .

Элементный состав, найденный методом рентгенофазового анализа, показал, что основными компонентами образцов древней керамики Каюково 1 являются оксиды кремния ($42\text{--}61\text{ масс. \%}$), алюминия ($14\text{--}19\text{ масс. \%}$) и железа ($14\text{--}20\text{ \%}$). Кроме того, присутствуют элементы земной коры: натрий, магний, калий, кальций, титан и барий. Относительно высокое содержание оксидов фосфора ($1\text{--}11\text{ \%}$) вероятно свидетельствует о добавках органического вещества (например, жира при приготовлении пищи или хранении (жировой светильник). Методом сканирующей электронной микроскопии подтверждается содержание в составе глинистых и кремнистых минералов, содержащих оксиды кремния, алюминия и железа. Метод СЭМ также показал в образце керамики К-1.3 наличие азота. Присутствие

азота может подтвердить наличие остатков органического вещества в образце. Содержание марганца (0.1–0.2 масс. % MnO) и ванадия (0.11–0.15 масс. % V₂O₃) в исследуемых образцах превышает содержание других металлов, в том числе редкоземельных, в три и более раз, что можно объяснить особенностями геохимического состава глинистых минералов сложнопостроенных осадочных пород Западно-Сибирского нефтегазоносного бассейна. Достаточно высокие содержания оксидов железа и кальция (например, в образцах К-1.2 и К-1.7) также указывают на то, что они могли быть обожжены в окислительной атмосфере.

Таким образом, технико-типологический и химическо-технологический анализы керамики поселения Каюково 1 позволили сформировать базовый набор признаков, характерных для керамического комплекса каюковской археологической культуры периода раннего неолита.

Yu. Yu. PETROVA, N. G. TANYKOVA, S. M. BOLOTSKAYA, E. A. GIRCHENKO

CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF KAYUKOVO CULTURE CERAMICS (BASED ON THE MATERIALS OF KAYUKOVO 1 SETTLEMENT)

The Neolithic settlement Kayukovo 1 was located in the Nefteyugansk district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. Eight ceramic sherds (K-1.1–K-1.8) were selected from the pit filling of structure No. 4, as well as the southern tip of the site from the presumed outer wall area for Fourier-transform infrared spectroscopy (FTIS), scanning electron microscopy and X-ray fluorescence analysis. The infrared spectroscopy demonstrated that the baking took place in the oxidizing environment at the temperature of about 800 °C. The element mapping showed that the main components of paste composition were silicon, aluminum and iron oxides. The relatively high content of phosphorus oxides probably indicated the presence of organic additions. Scanning electron microscopy revealed in some areas grains with a moderate and high degree of the clay body vitrification (51–92 mass % SiO₂), which also indicated an increase in the baking temperature to 800 °C.

Yulia Yu. Petrova – Candidate of Chemical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut)

E-mail: petrova_juju@surgu.ru

Natalia G. Tanykova – Surgut State University (Russia, Surgut)

E-mail: tanykova_ng@surgu.ru

Sofia M. Bolotskaya – Surgut State University (Russia, Surgut)

E-mail: bolotskaya_sm@surgu.ru

Ekaterina A. Girchenko – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; ANO “Institute of Archaeology of the North”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Н. Б. СОКОЛОВА, И. С. ШЕГУТОВ, И. М. БЕРДНИКОВ

ПОРТАТИВНЫЙ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ СПЕКТРОМЕТР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ НЕОЛИТА*

Использование портативных приборов рентгенофлуоресцентного анализа (ПРФА) привлекательно для археологии неолита, так как этот метод является неразрушающим и позволяет определять

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01421 «Возможности и перспективы применения портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра в археологических исследованиях каменного века (по материалам юга Байкало-Енисейской Сибири)» (рук. И. М. Бердников)

химический состав изделий из камня и керамики. При всех своих достоинствах ПРФА имеет ряд ограничений. В частности, существует проблема с измерением элементов с низким и средним Z , поэтому для геохимической дискриминации рекомендуется брать значения концентрации элементов с $Z > 26$. Кроме того, универсальность заводских калибровок не позволяет учесть всего разнообразия состава пород, и для решения этой проблемы следует использовать данные градуировочных характеристик на основе измеренных и ожидаемых концентраций по стандартным образцам. Для повышения степени валидности результатов также следует исключить влияние матричного и поверхностного эффектов и периодически проводить повторный анализ контрольных образцов.

Соколова Наталья Борисовна – Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск)

E-mail: snb-87@mail.ru

Шегутов Иван Сергеевич – Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск)

E-mail: shegutow@gmail.com

Бердников Иван Михайлович – к.и.н., Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск)

E-mail: geoarch.isu@gmail.com

Портативный рентгенофлуоресцентный анализ (ПРФА) в современной археологии, где неразрушающие методы исследований имеют приоритетное значение, уже не является чем-то необычным, так как на рынке оборудования достаточно предложений для решения разных исследовательских задач. Наибольшее распространение портативные приборы получили в определении химического состава металлических изделий, хотя при соответствующей калибровке они позволяют анализировать предметы из камня и керамики [Handheld XRF..., 2012], что особенно актуально для исследований неолита.

Несмотря на готовность работать «из коробки», портативные анализаторы в действительности имеют ряд ограничений и по некоторым параметрам уступают стационарным приборам. Во-первых, ПРФА, в силу ряда причин, не может являться полностью количественным анализом и часто показывает неточные концентрации элементов (правда, они при этом имеют точные закономерности) [Johnson, 2014]. Диапазон измеряемых элементов обычно находится в пределах от магния (Mg) до урана (U), что, в частности, фактически исключает детальный анализ пород по щелочным петрохимическим модулям. Элементы, «видимые» с помощью ПРФА, обычно включают Mg-Si, K-Ca, Ti-Zn, Rb-Nb и Th [Hunt, Speakman, 2015]. У прибора Olympus Vanta M, который имеется в распоряжении Научно-исследовательского центра «Байкальский регион» Иркутского государственного университета, заявленный набор измеряемых элементов больше: Mg, Al, Si, P, S, K, Ca, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, As, Se, Rb, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, Sn, Sb, Ba, Ta, W, Hg, Pb, Bi, Th, U, La, Ce, Pr, Nd, Au, Pt, Pd, Te. Во-вторых, заводские калибровки как правило создаются на основе ограниченного набора универсальных сертифицированных стандартных образцов (CRM), что не позволяет учесть все многообразие химического состава геологических пород разных территорий.

Практика ПРФА в изучении керамики показывает, что у портативных приборов, вследствие более низкой чувствительности по сравнению со стационарным оборудованием, наблюдаются проблемы с корректным измерением концентрации элементов с низким и средним зарядовым числом атомного ядра (Z), поэтому для геохимической дискриминации лучше использовать данные по элементам с $Z > 26$ (то есть, от Fe). Элементы,

склонные к поверхностным изменениям после осаждения (например, S, Cl, P, Ba) и концентрации, близкие к пределу обнаружения, рекомендуется исключать из анализа, а результаты измерений V, Cr, Co и Ni в лучшем случае являются полуколичественными. Таким образом, наибольший интерес для геохимической дискриминации представляют концентрации Ti, Fe, Zn, Rb, Sr, Y, Zr [Hunt, Speakman, 2015]. Это замечание, как демонстрируют последние исследования, справедливо и для анализа каменного сырья [напр., Вишнеvский и др., 2023].

Чтобы получить приближенные к количественным данные, портативный прибор следует калибровать, сравнивая полученные при его помощи результаты с ожидаемыми концентрациями элементов в стандартных образцах, но в действительности создать новый режим калибровки на приборе проблематично, так как основные функции его настройки доступны, как правило, только производителю. Однако программное обеспечение некоторых приборов позволяет корректировать имеющиеся режимы калибровки путем введения поправочных коэффициентов, полученных на основе градуировочных характеристик. Такая «внутренняя» калибровка не может быть универсальной и для каждого типа анализируемого материала разрабатывается свой вариант.

Для получения корректных данных также крайне важно учитывать матричный эффект. Используемые стандарты должны обладать сходными матричными характеристиками (пористостью, зернистостью, минералогией), что и неизвестные анализируемые образцы. Чем ниже зернистость породы, тем корректнее будет результат. Для мелкозернистых образцов обычно достаточно трех повторных измерений, для средне- и крупнозернистых их требуется не менее пяти, при этом стандартное отклонение среднего значения не должно превышать 10 % [Holmqvist, 2016]. При анализе археологической керамики, кроме устранения матричного эффекта, также следует обеспечить необходимую толщину образца и исключить влияние поверхностных эффектов, что достигается путем удаления участка поверхностного слоя. Чтобы обеспечивать внутриприборную точность в течение длительных периодов времени, следует периодически проводить повторный анализ контрольных образцов.

Невзирая на некоторые ограничения, ПРФА является мощным инструментом анализа химического состава неметаллических артефактов, который при грамотном использовании значительно расширяет исследовательские возможности археологов каменного века.

Библиографический список

- Вишнеvский А. В., Белоусова Н. Е., Лавренчук А. В., Неволько П. А. Портативный РФА анализатор: новые возможности диагностики каменного сырья и идентификации его источников, оценки валидности применения метода сырьевых единиц // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 90–96.
- Johnson J. Accurate Measurements of Low Z Elements in Sediments and Archaeological Ceramics Using Portable X-ray Fluorescence (PXRF) // Journal of Archaeological Method and Theory. 2014. Vol. 21. P. 563–588.
- Handheld XRF for Art and Archaeology. Leuven, 2013.
- Holmqvist E. Handheld Portable Energy-Dispersive X-Ray Fluorescence Spectrometry (pXRF) // The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis. Oxford, 2016. P. 363–381.
- Hunt A. M. W., Speakman R. J. Portable XRF analysis of archaeological sediments and ceramics // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 53. P. 626–638.

N. B. SOKOLOVA, I. S. SHEGUTOV, I. M. BERDNIKOV

**PORTABLE X-RAY FLUORESCENCE SPECTROMETER:
POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF USE IN THE NEOLITHIC ARCHAEOLOGY**

The portable X-ray fluorescence analysis (XRF) is a compelling technique for the Neolithic archaeology because of its non-destructive nature and the capabilities for determining the chemical composition of stone and ceramic items. However, despite its obvious advantages, the XRF has a number of limitations. Specifically, the low and medium Z elements measurements are problematic, therefore, for the geochemical discrimination, it is recommended to take the concentration values of elements with $Z > 26$. In addition, the factory settings universality does not allow taking into account the full variety of rock compositions, and to solve this problem, the reference materials calibration databases on measured and expected concentrations should be used instead. To improve the validity of the results, it is also necessary to exclude the influence of the matrix and surface effects and periodically re-analyze the reference samples.

Natalia B. Sokolova – Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

E-mail: snb-87@mail.ru

Ivan S. Shegutov – Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

E-mail: shegutov@gmail.com

Ivan M. Berdnikov – Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

E-mail: geoarch.isu@gmail.com

M. B. СТЕПАНОВ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТОВ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ
СЫАЛАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯКУТИИ И РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ТИПА
СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ**

Уточнение культурно-хронологической концепции неолита Байкальской Сибири и возрождение интереса к реконструкции гончарных традиций сыалахской культуры раннего неолита Якутии создают предпосылки для составления целостной картины историко-культурных связей двух макрорегионов, что предполагает и изучение орнамента керамики, поэтому цель доклада – проведение сравнительного анализа орнаментальных традиций сетчатой сыалахской керамики Якутии и ранненеолитического типа сетчатой керамики Байкало-Енисейской Сибири.

Степанов Михаил Владимирович – Северо-Восточный федеральный университет (Россия, Якутск)

E-mail: mikhailstep2002@gmail.com

Сыалахская культура (6,8–5,4 тыс. кал. л. н.) – культура раннего неолита Якутии, характеризующаяся керамикой, покрытой оттисками плетеной сетки и орнаментированной пояском сквозных отверстий и налпными валиками [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 38]. Неоднозначным остается вопрос места сыалахской культуры в контексте историко-культурных процессов Средней Сибири. С уточнением культурно-хронологической схемы неолита Байкало-Енисейской Сибири и возрождением интереса к вопросу реконструкции гончарных традиций раннего неолита Якутии возникает интерес к переосмыслению представлений об историко-культурных связях двух макрорегионов в эпоху голоцена. Согласно нашей гипотезе, гончарные традиции сыалахской культуры имеют свое происхождение от ранненеолитического типа сетчатой керамики Байкало-Енисейской Сибири

(8,3–6,9 тыс. кал. л. н.). Формулировка концепции историко-культурных связей двух макрорегионов в раннем неолите ставит перед нами задачу анализа качественного состава системы устойчивых и динамичных гончарных традиций. Орнаментация сосуда относится к динамичным гончарным традициям [Цетлин, 2012, с. 135]. Следовательно, необходимым становится сравнительный анализ орнамента сыалахской и ранней сетчатой керамики.

В докладе рассмотрена орнаментация стояночных керамических комплексов раннего неолита Южного Приангарья (Усть-Хайта, Горелый Лес), Северного Приангарья (Усть-Ёдарма 2), Прибайкалья (Шракшура 3). Особенностью ранней сетчатой керамики является неорнаментированность большей части сосудов; например, на стоянке Усть-Хайта из 32 сосудов ранней сетчатой керамики только 15 сосудов орнаментированы. В комплексах ранненеолитической сетчатой керамики основные типы орнамента представлены сериями наколов и ямочных вдавлений, расположенных на плоском срезе венчика или на верхней части сосуда [Савельев, Уланов, 2019, с. 54; 2018, с. 56]. Мотивы и композиции данного типа орнамента представлены горизонтальными поясками, окаймляющими венчик. Другим распространенным типом орнамента являются V-образные штампы или каплевидные парные наколы [Савельев, Уланов, 2019, с. 56]. На верхней части сосуда каплевидные парные наколы составляют мотивы в виде горизонтальных и вертикальных рядов. В орнаменте некоторых сосудов наблюдается влияние носителей хайтинской шнуровой керамики (8,5–6,9 кал. л. н.) в виде прочерченного орнамента [Там же, с. 61]. По срезу и венчику обнаруживаются зигзагообразные или однонаправленные мотивы прочерченных линий, например, на стоянке Усть-Хайта. Менее типичными видами орнамента являются ногтевые вдавления, пальцевые зацепы, пояски округлых сквозных отверстий, наколы гребенчатого и прямого штампа [Лохов, Липнина, Дударек, 2023, с. 40; Савельев, Уланов, 2019, с. 61]. Интересна керамика из комплексов позднего этапа раннего неолита стоянки Шракшура 3 с пояском округлых сквозных отверстий под срезом венчика, а также другой фрагмент с двойным зигзагообразным орнаментом под венчиком [Новиков, Булавко, Горюнова, 2018, с. 89].

Проанализированы 32 сосуда из стояночных комплексов раннего неолита Алдана (Белькачи I, Сумнагин I), Вилюя (Сюльдюкар, Хатынгнаах II) и Амги (Кюнкю II) фондов Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой. Орнамент скудный и отличается простотой мотива, но фиксируется практически у всех сосудов. Сосуды орнаментированы сквозными отверстиями округлой (или овальной) формы под срезом венчика. Один сосуд из Сумнагин I под срезом был украшен округлыми ямочными вдавлениями, а по венчику дополнительно был украшен «решеткой», составленной из зубчатых вдавлений. Иногда венчик украшался остросереберными или округлыми налепными валиками, рассеченными сгруппированными (по 4–5) вдавлениями стека. Срез дополнительно украшался прямыми косыми вдавлениями, зубчатыми штампами или овальными вдавлениями. Бортики с обеих сторон могли быть рассечены насечками. Интересным элементом можно считать следы двойного зигзагообразного протаскивания на фрагменте венчика из VI слоя стоянки Белькачи I, которые нами интерпретируются как орнамент. В ранненеолитических комплексах стоянки Кюнкю II зафиксирована керамика с прочерченным орнаментом, что нетипично для сыалахских сосудов.

Сравнительный анализ ранней сетчатой керамики Байкальской Сибири и керамики сыалахской культуры выявил особенности в орнаментальных традициях. Если для «ранней сетки» больше характерны ямочные вдавления и наколы, то для сыалахской керамики —

пояски сквозных отверстий под срезом и иногда налепные валики. Зафиксированы сходства в мотивах орнамента. Исходя из неорнаментированности большей части сосудов ранней сетчатой керамики, а также фактов влияния хайтинской керамики, можно говорить о формирующихся орнаментальных традициях в ранненеолитическом типе керамики. Орнамент сыалахской керамики имеет более устоявшиеся культурные традиции. Орнаментальный облик сыалахской керамики представляется как относительно однородный и самобытный культурный феномен.

Библиографический список

- Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.
- Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Дударек С. П. Усть-Ёдарма II – опорное многослойное геоархеологическое местонахождение в Северном Приангарье (по результатам работ 2009–2012 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 20–86.
- Новиков Г. А., Булавко В. Д., Горюнова О. И. Неолитическая керамика многослойного поселения Шракшур III на побережье озера Байкал: морфологический анализ и вопросы датировки // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 86–98.
- Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85.
- Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72.
- Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012.

M. V. STEPANOV

COMPARATIVE ANALYSIS OF ORNAMENTS OF GRID CERAMICS OF THE SYALAKH CULTURE OF YAKUTIA AND THE EARLY NEOLITHIC TYPE OF GRID CERAMICS OF THE BAIKAL-YENISEI SIBERIA

The clarification of the cultural and chronological concept of the Neolithic of Baikal Siberia and the revival of interest in the reconstruction of pottery traditions of the Syalakh culture of the early Neolithic of Yakutia create the prerequisites for drawing a comprehensive picture of historical and cultural ties between the two macroregions, which also involves the study of pottery ornamentation; therefore, as part of the work we also performed a comparative study of the ornamental traditions of the Syalakh grid ceramics of Yakutia and the Early Neolithic type of the grid ceramics of the Baikal-Yenisei Siberia.

Mikhail V. Stepanov – North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk)
E-mail: mikhailstep2002@gmail.com

M. B. ХРАМЦОВ, Н. М. ЧАИРКИНА

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ

Хронология и функциональное назначение торфяниковых памятников в значительной степени обусловлены гидро- и геоморфологией их расположения. За несколько последних десятилетий

сформировался значительный массив каменных орудий, происходящих из коллекций торфяниковых памятников, пока не в полной мере включенный в научный оборот. Одним из вариантов определения особенностей этих комплексов может являться сравнение коллекций каменного инвентаря одноименных торфяниковых и береговых контекстов археологических памятников. Для исследования этого вопроса создана база данных береговых и торфяниковых памятников по четырем эпохам: мезолит, неолит, энеолит, ранний бронзовый век. В ней учитывались следующие признаки: эпоха, вид полевых работ, торфяной/минеральный грунт, локация, количество каменного инвентаря, источник (публикация или отчет), стратиграфическое наблюдение, касающееся местоположения каменного инвентаря. В базу данных вошли 51 археологический контекст из 44 памятников.

Храмцов Михаил Вадимович — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: khramtsov1475@gmail.com

Чаиркина Наталия Михайловна — д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: chair_n@mail.ru

Торфяниковые памятники — особый вид археологических источников, которые позволяют в полной мере использовать междисциплинарные подходы, данные палинологии, геоморфологии, палеозоологии и других дисциплин для реконструкции палеосреды, быта и мировоззренческих представлений древних социумов. На территории Зауралья сейчас выявлено и частично исследовано более 60 торфяниковых памятников, содержащих изделия из органических материалов, камня и керамики [Chairkina, 2017, s. 261–276]. Относительная стабильность скорости торфонакопления обеспечивает консервацию и *определенную* стратификацию археологических контекстов, что принципиально важно в условиях небольшого количества однослойных археологических памятников в Зауралье. Хронология и функциональное назначение торфяниковых памятников в значительной степени обусловлены гидро- и геоморфологией их расположения.

Большая часть памятников располагается в прибрежной части береговых поселений, является структурной частью, шлейфом и естественным продолжением их культурного слоя, перекрытым или располагающимся в торфяно-сапропелевых отложениях. Незначительная часть торфяниковых объектов Зауралья представлена памятниками, расположенными в труднодоступных частях заболоченных озер, удаленных от минерального берега, и связана с процессами интенсивного заболачивания водоемов.

Стратифицированные *in situ* культурные слои торфяниковых памятников располагаются на *минеральном дне* водоемов, ныне перекрытом торфяно-сапропелевыми отложениями, или *в торфе*. В сапропелевых отложениях фиксируются преднамеренно выброшенные или случайно затонувшие вещи, глубина и стратиграфия расположения которых не всегда определены возрастом их погружения. Они часто зависят от физических параметров (размер, форма, вес, плотность) затонувших предметов и характера (плотности) вмещающего слоя.

Эти особенности необходимо учитывать при оценке информационного потенциала вещевого инвентаря торфяниковых памятников Зауралья для определения их хронологии и функционального назначения.

За несколько последних десятилетий сформировался значительный массив каменных орудий, происходящих из коллекций торфяниковых памятников, пока не в полной мере

включенный в научный оборот. По мнению исследователей [Жилин и др., 2012, с. 84, 85; Чаиркина, 2005, с. 200–206], этот материал обладает определенной спецификой.

Одним из вариантов определения особенностей этих комплексов может являться сравнение коллекций каменного инвентаря одноименных торфяниковых и береговых контекстов археологических объектов. Для исследования этого вопроса создана база данных береговых и торфяниковых (в том числе разведочных) памятников по четырем эпохам: мезолит, неолит, энеолит, ранний бронзовый век. В ней учитывались следующие признаки: эпоха, вид полевых работ, торфяной/минеральный грунт, локация, количество каменного инвентаря, источник (публикация или отчет), стратиграфическое наблюдение, касающееся местоположения каменного инвентаря.

В базу данных вошли 51 археологический контекст из 44 памятников. Материалы ряда археологических памятников разделить по эпохам сложно: поселение Нижнее озеро III, Шигирское А, Шайтанское 4–6, Шигирское городище, стоянки Островок с глиняными горшками (болотная), Кокшарово I (болотная), Шигирский Исток III.

На первом уровне анализируются стратифицированные археологические комплексы, расположенные на берегу заторфованных озер и имеющие в коллекции значительное количество каменного инвентаря: стоянки Береговая I, Береговая II, Серый Камень, поселения Карасье озеро X, Шувакиш I, Шигирское городище.

На втором уровне анализа рассматриваются археологические памятники в торфе при отсутствии одноименного комплекса на минеральном грунте и зачастую с относительно небольшим количеством каменного инвентаря в коллекции: стоянки Кокшаровско-Юрьинская I, Кокшаровско-Юрьинская II, Варга 2, Кокшарово VII (болотная), Островок с глиняными горшками (болотная), Кокшарово I, Стрелка, Разбойничий остров, VI Разрез, поселение Шигирское А. Особняком стоит Шигирская коллекция, материал которой был получен в ходе торфоразработок.

На третьем уровне анализируются археологические комплексы на минеральном грунте, которые могли бы послужить хорошей основой для подбора аналогий в каменном инвентаре: поселения Липчинское, Малая Горка II, Макуша III, Нижнее озеро III, Исетское Правобережное, Горушки I, Палатки I, стоянки Уральские Зори II, Черемшанка II и др.

На заключительном этапе анализа рассматриваются многослойные археологические памятники на минеральном грунте: Юрьинское поселение, стоянки Юрьино VI, Юрьино VII, Кокшарово I, Кокшаровское поле, Береговая VI, Береговая III, Шигирский Исток III, поселение Шайтанское 4–6, святилище Шайтанское озеро II, Кокшаровский холм и др.

Скрупулезное исследование каменного инвентаря с учетом обозначенной процедуры исследования, возможно, позволит рассмотреть динамику развития каменных индустрий торфяниковых памятников в мезолите — раннем бронзовом веке.

Библиографический список

- Жилин М. Г., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Косинская Л. Л., Косинцев П. А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М., 2012.
Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.
Chairkina N. M. Fundstätten in Torfmooren des Transurals // *Eurasia Antiqua*. 2017. Band 23. S. 261–276.

M. V. KHRAMTSOV, N. M. CHAIRKINA

INFORMATION POTENTIAL OF STONE ASSEMBLAGES OF THE PEAT-BOG SITES OF THE TRANS-URALS

The chronology and the functional attribution of peat-bog sites are largely dependent on the hydro- and geomorphology of their distribution. Over the past few decades, a significant array of stone tools originating from the peat-bog sites assemblages was accumulated, not all of which have been published so far. One of the options for determining the specifics of these complexes may be a comparison of the stone tools assemblages from the eponymous peat-bog and coastal contexts of archaeological sites. To study this problem, a database of coastal and peat-bog sites has been created covering four periods: the Mesolithic, the Neolithic, the Eneolithic, and the Early Bronze Age. It took into account the following attributes: the period, type of field work, peat-bog/mineral soil, location, amount of stone tools, source (publication or report), and stratigraphic observation concerning the location of stone assemblages. The database covered 51 archaeological context from 44 sites.

Mikhail V. Khramtsov – Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: khramtsov1475@gmail.com

Natalia M. Chairkina – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: chair_n@mail.ru

A. H. ЧЕХА

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКОВ УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО УЧАСТКА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ*

На современном этапе исследований ведется активный анализ археологического материала, полученного в ходе спасательных работ на Богучанской ГЭС, публикуются новые датировки, уточняющие культурно-хронологическую шкалу региона. В докладе приведен анализ материалов памятников в устье реки Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей По-варный). В результате комплексного исследования археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей, выделены условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные (с примесью керамики эпохи бронзы – Средневековья). Удалось, хоть и с долей условности, выделить более ранний (средний) этап неолита (горизонт 2 слой 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (слой 3 горизонт 1, слой 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей), что является вкладом в разработку вопроса о критериях неолитических индустрий региона.

Чеха Анна Николаевна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Памятники в устье р. Кутарей относятся к Северному Приангарью (стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей). Ранее был выполнен детальный

* Работа выполнена в рамках государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст»

технико-типологический анализ каменной индустрии с элементами атрибутивного подхода, а также декоративно-морфологический анализ керамики, планиграфический анализ.

Планиграфический анализ позволил соотнести коллекцию каменных артефактов слоя с керамическими комплексами. Полностью соотнести каменную индустрию и четко разделить планиграфически разные группы керамического материала не удалось (на многих участках они смешаны). Однако на уровне горизонта 1 были выявлены участки концентрации керамических материалов, относящихся к эпохе неолита («чистый» комплекс 1) и участки с примесью более поздней керамики (смешанный комплекс 1).

Орудийный набор комплекса 1 (условно «чистого»), связанного с керамикой эпохи неолита (188 экз., 65 %), характеризует наконечники стрел (овальный с черешковым (1 экз.) и прямым (1 экз.) насадом, треугольный с вогнутым насадом (3 экз.), ромбовидной формы с прямым насадом (1 экз., отличается небольшим размером — 17,5 мм)). Согласно петрографическому анализу, выполненному к.г.-м.н. А. В. Вишневым, 3 экз. выполнены из кремня, остальные из роговиков (алевропесчанников местного происхождения).

Индустрию комплекса также отличает и наличие листовидных/овальных бифасов, в большинстве своем представленных заготовками и фрагментами (4 целых экз., один 10 см длиной, 15 фрагментов, 6 заготовок), изготовленных из алевропесчанника (3 экз. из кремня), а также шлифованных форм (12 экз. тесел, переоформлены и/или оббиты по одному из продольных краев, изготовлены из туфоалевролитов). Индекс массивности орудий данной категории в среднем ($n=3,5$), несколько экземпляров — $n=4,2; 4,3$. Единичными экземплярами представлены выемчатое орудие, унифасиально обработанная пластина, терочник, полностью фасонированный топор с цапфами из зернистого песчаника.

Среди орудий, соотносящихся со смешанным керамическим комплексом (72 экз. — 25 % от всех орудий комплекса 1), следует отметить остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанную проколку на пластинке, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников, микроскребок, цапфенный топор из плитки сланцевой породы. Морфологически наиболее близкие изделия найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и VI уровней отложения культуры) [Липнина, Лохов, Медведев, 2013]. В целом, комплекс отличается отсутствием орудий на пластине, тесел (1 экз.), ретушированных отщепов (11 экз. с утилизацией), двойных концевых скребков.

Орудийный набор комплекса 2 (на этапе раскопок горизонт 2 соотнесен с неолитической керамикой, преимущественно текстильной и посольской) отличает, прежде всего, отсутствие массивных рубящих форм, таких как топоры и тесла (1 экз.), небольшое количество листовидных/овальных бифасов (4 экз.), скребел (2 экз.) и большая доля ретушированных микропластин (10 экз.). Для него характерны также наконечники стрел — 7 экз.: овальные с прямым насадом (3 экз.), треугольные с вогнутым насадом (2 экз.), один — треугольный с черешком, один наконечник цапаньского типа (залегающие артефакты, соотносящихся с более поздними комплексами, на уровне горизонта 2 связывается с техногенными нарушениями слоя). Большинство орудий выполнено из туфоалевролита, алевропесчанника, но выявлено 6 экз. из кремня.

Весомую часть орудийного набора слоя 2 (соотносится с поздней керамикой) составляют наконечники стрел (3 целых экз., 18 фрагментов, 13 заготовок), два целых листовидных наконечника с прямым насадом, фрагмент трехгранного пластинчатого наконечника, оформленного диагональной отжимной ретушью, и заготовка четырехгранного пластинчатого наконечника, оформленная альтернативной диагональной крутой ретушью. Технология изготовления подобных изделий подробно описана в работе Е. Ю. Гири и В. М. Лозовского [2014]. Обращают на себя внимание два фрагмента «тела» пластинчатых наконечников 15,6 и 13,6 мм в ширину, оформленные плоской диагональной отжимной ретушью, изготовленные из кремня.

Наряду с наконечниками, в коллекции представлены листовидные бифасы (2 целых экз., 18 фрагментов, 5 заготовок). Индекс массивности ($n = 2,5-3,3$). Большая часть орудий данной категории выполнена из алевропесчанника, 1 экз. из кремня и 1 экз. из окремненной породы.

Немногочисленны тесла (1 целый экз., 1 фрагмент, 1 заготовка) и топоры (2 заготовки). Для первой категории характерна шлифовка, оформление мелкими сколами (фасонаж), прямоугольное или односторонне-выпуклое сечение. Заготовки топоров изготовлены на плитке и отщепе. Индекс массивности для данной категории орудий – топоры ($n = 3-4$), тесла ($n = 1,2-2$).

Таким образом, по итогам исследования выявлено что бифасиальные изделия, относящиеся к чистому неолитическому комплексу слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей (с большей вероятностью развитый этап неолита), имеют больший индекс массивности, чем материалы горизонта 2 (вероятнее всего относится к среднему этапу неолита). При сравнительном анализе на памятнике Гора Кутарей выявлена индустрия массивных рубящих орудий и тесел, отличная от памятника Устье Реки Кутарей сырьевая стратегия, направленная на изготовление тесел, рубящих орудий и наконечников из туфоалевролитов, алевропесчанников, с небольшим процентом использования кремня (хотя в индустрии пластинчатых сколов процент кремня высок). Представленные материалы находят ближайšie аналогии как на территории Северного Приангарья (Усть-Кова-I, Усть-Ёдарма-II, Сосновый Мыс, Пашина) [Липнина, Лохов, Медведев, 2013; Кузнецов и др., 2020; Харевич и др., 2014], так и в материалах памятников Якутии и Континентального Приохотья [Слободин, 2001].

Библиографический список

- Гиря Е. Ю., Лозовский В. М. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических комплексов каменных индустрий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. СПб., 2014. Вып. 3. С. 52–84.
- Кузнецов А. М., Дударек С. П., Лохов Д. Н., Роговской Е. О., Савельев Н. А., Тимошенко А. А. Баллистические характеристики каменных наконечников Среднего голоцена Северного Приангарья // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 1. С. 35–61.
- Липнина Е. А., Лохов Д. А., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.
- Слободин С. Б. Верхняя Кольма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан, 2001.
- Харевич В. М., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. Н., Горельченкова О. А., Томилова Е. А. Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 9. С. 126–140.

A. N. CHEKHA

STONE INDUSTRIES OF THE SITES OF UST-KUTAREYSKY AREA (NORTHERN ANGARA REGION) IN THE CONTEXT OF MODERN DATA

At the present stage of research, an active analysis of the archaeological material obtained during the salvage excavations at the Boguchanskaya HPP is in progress; new dates updating the cultural and chronological scale of the region are published. The report offers an analysis of the materials of the sites in the mouth of the Kutarei River (the Mouth of the Kutarei River, Senkin Kamen, Kutarei Mountain, and Povarny Creek). As a result of a comprehensive study of the archaeological materials from the Mouth of the Kutarei River, we identified both the nominally “pure” Neolithic complexes and the mixed ones (with an admixture of the Bronze-Middle Ages ceramics). We managed, albeit with a certain degree of conditionality, to identify the earlier (middle) stage of the Neolithic (pile 2 level 3 of the Mouth of the Kutarei River site) and the later (level 3 pile 1, level 2 of the Mouth of the Kutarei River, Kutarei Mountain site), which is a contribution to the development of criteria for the Neolithic industries of the region.

Anna N. Chekha — Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: cheha.anna@yandex.ru

И. В. ШЕВНИНА

НЕОЛИТ ТУРГАЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Доклад посвящен неолиту Тургая (Северный Казахстан). Основным населением Тургая в эпоху неолита являлись племена маханджарской культуры. В ходе исследования маханджарской культуры были реконструированы основы жизнеобеспечения неолитического населения Тургая (хозяйство, изготовление каменных изделий, гончарное производство и т. д.), привлечены данные изотопного, петрографического и бинокулярного и палеозоологического анализов. В докладе освещаются вопросы происхождения маханджарской культуры, возможные пути расселения маханджарского населения и их контакты с неолитическими племенами Зауралья. Территория Тургайского прогиба издревле являлась так называемым коридором между Средней Азией и Уралом, Сибирью, то есть контактной зоной и является важной частью миграционных процессов, протекавших в Евразии.

Шевнина Ирина Викторовна — доктор PhD, к.и.н., Костанайский региональный университет (Казахстан, Костанай)

E-mail: shevnina_i@mail.ru

Тургай — это участок Урало-Казахстанских степей, приуроченный к Тургайскому прогибу. Большая часть территории Тургая находится в пределах Костанайской области Северного Казахстана. Территория Тургайского прогиба являлась транзитной между «лесной» и «южной степной» зонами уже с эпохи неолита и играла большую роль в миграционных процессах евразийских степей.

Маханджарская культура

Основным населением Тургая в эпоху неолита можно с уверенностью считать маханджарские племена (маханджарская культура была открыта В. Н. Логвиным в конце 1970-х гг.) [Логвин, 1991, с. 58–68]. Хронологические рамки существования маханджарской

культуры определяются концом VI — концом V тыс. до н. э. Основой экономики была присваивающая экономика (охота, собирательство, рыболовство). Osteологические коллекции маханджарских памятников дают возможность уверенно считать основным объектом охоты сайгу (76 %), охотились также на лошадь Пржевальского (20 %) и кулана (4 %). Судя по пригарам сосудов, пища была композитной, блюда состояли из сочетаний: мяса с незерновыми растениями [Гайдученко, 2000, с. 150–163; Casanova et al., 2022]. Это могли быть луковицы, корневища, листья и стебли растений, а также грибы.

Нельзя не упомянуть о возможности возникновения новых форм хозяйствования уже в эпоху неолита. Л. Л. Гайдученко связывал появление домашней лошади с эпохой позднего неолита [2009, с. 27–30]. В пользу возможности одомашнивания лошади свидетельствуют и результаты изотопного анализа керамики с поселения Бестамак [Casanova et al., 2022]. Исследование показало присутствие остатков лошадиного молока/мяса/жира в трех фрагментах от разных маханджарских сосудов с поселения Бестамак, что некоторые исследователи считают показателем одомашнивания лошади [Outram et al., 2009, p. 1332–1335].

В основе изготовления орудий лежала призматическая техника скалывания пластин и вкладышевый принцип формирования орудий. В качестве вкладышей часто использовались пластины без вторичной обработки. Во вторичной обработке, при изготовлении орудий на пластинах, применялось ретуширование и резцовый скол. Орудия на пластинах представлены остриями, скребками, геометрическими орудия (трапеции, в том числе и «рогатые» и др.) и т. д., использовались шлифование и сверление (шлифованные топоры, «утюжки») [Шевнина, Логвин, 2000, с. 11–23; Логвин, Шевнина, 2021].

Маханджарские сосуды имеют довольно оригинальную форму, удлинённые пропорции, острое коническое дно, высокую шейку, резко отогнутую наружу, верхняя часть которой слегка загнута внутрь сосуда. При подготовке глиняного теста обязательно добавлялась шерсть и волос животных — сайги, кулана и лошади Пржевальского, которая давала хорошую усадку при сушке сосудов и являлась своеобразной «арматурой» при конструировании довольно сложной формы маханджарских сосудов [Логвин, Шевнина, 2021, с. 30].

В вопросе происхождения маханджарской культуры была выявлена сопоставимость маханджарских и среднеазиатских материалов (оюклинской культуры западной Туркмении и синхронные с ними ранне-неолитические дарьясайские материалы (низовья Зеравшана) и полуострове Мангышлак) [Шевнина, Логвин, 2020, с. 64–66].

Маханджарские материалы региона — это уже сложившийся культурный массив, формирование начального этапа среди тургайских материалов пока не зафиксировано. Маханджарские сосуды на сегодняшний день являются самой ранней керамикой региона, при этом имеют технологически трудновыполнимую форму, что сложно себе представить на начальном этапе формирования гончарных навыков. Это позволяет предположить, что истоки маханджарских древностей следует искать за пределами Тургайского прогиба и заставляет пристальней взглянуть на культурные традиции раннего неолита Средней Азии и Мангышлака. На наш взгляд, часть населения, оставившего оюклинские, сенекские, дарьясайские и космолинские памятники, в результате миграционных процессов выдвинулась к северу и северо-востоку, что и послужило основой для формирования маханджарской культуры.

Контакты маханджарского населения с неолитическими племенами Зауралья

Довольно длительное время считалось, что в эпоху неолита на территории Тургайского прогиба проживали только племена маханджарской культуры. Но как показали недавние исследования, керамические комплексы памятников каменного века Тургая довольно разнообразны, и часть керамики не является маханджарской, а имеет прямые аналогии в Зауральском неолите [Шевнина, Логвин, 2020, с. 64–66; Шевнина, 2022, с. 135–150]. Это керамика кошкинского, козловско-полуденского, чебаркульского и боборыкинского облика. Перечисленные группы малочисленны, что, скорее всего, указывает на инородный (пришлый) характер коллективов, изготовлявших данную посуду. Предполагаемое взаимодействие разных групп населения нашло отражение в керамическом стиле, что хорошо видно на примере тургайских материалов. Но, пожалуй, самым ярким проявлением маханджарского влияния является наличие типичной маханджарской примеси шерсти и волоса животных в сосудах с «ушками», «напльваами». Можно полагать, что маханджарцы, по всей видимости, не только активно контактировали с лесными племенами, но и проникали в их «среду», примером тому служат немногочисленные находки маханджарской керамики в неолитических материалах Зауралья (сосуд маханджарского облика, из козловского поселения Мергень 7; маханджарский сосуд с типичным козловским «ушком» и орнаментом с поселения Кочегарово 1) [Еньшин, 2015, с. 15–27; Яковлева, 2018, с. 87]. Характер этих контактов был, скорее всего, в виде семейно-брачных отношений [Шевнина, Логвин, 2020, с. 64–66; Шевнина, 2022, с. 150].

В ходе изучения эпохи неолита Тургая стало очевидно, что территория Тургайского прогиба издревле является так называемым коридором между Средней Азией и Уралом, Сибирью, то есть контактной зоной между различными культурами, социально-экономическими и мировоззренческими системами, что не могло не сказаться на глобальных процессах, протекавших как в регионе, так и за его пределами.

Библиографический список

- Гайдученко Л. Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита – бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. Кн. 1. С. 150–163.
- Гайдученко Л. Л. Домашняя лошадь в неолите Казахстана // Маргулановские чтения-2009: материалы международной научной конференции. Петропавловск, 2009. С. 27–30.
- Еньшин Д. Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Пришимье): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2. С. 15–27.
- Логвин В. Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата, 1991.
- Логвин А. В., Шевнина И. В. Неолит Тургая: климат, окружающая среда, палеоэкономика и человек (по материалам маханджарской культуры) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 2. С. 15–29.
- Шевнина И. В. Керамика боборыкинского облика Тургая // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 135–150.
- Шевнина И. В., Логвин А. В. Освоение неолитическим населением Тургайского прогиба // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 2. С. 57–69.
- Яковлева Е. С. Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово I) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2018. С. 86–88.

- Outram A. K., Stear N. A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R. P. The Earliest Horse Harnessing and Milking // *Science*. 2009. No. 5919. P. 1332–1335.
- Casanova E., Knowles T. D. J., Outram A. K., Logvin A., Shevnina I., Evershed R. P. Direct ¹⁴C dating of equine products preserved in archaeological pottery vessels from Botai and Bestamak, Kazakhstan // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2022. No. 14 (9). P. 5037–5045.

I. V. SHEVNINA

THE NEOLITHIC OF TURGAI IN THE CONTEXT OF TRANSCULTURAL CONTACTS

The subject of the paper is the Neolithic of Turgai (Northern Kazakhstan). The main population of Turgai in the Neolithic consisted of the tribes of the Mahanjar culture. In the course of the study of the Mahanjar culture, main life support practices of the Neolithic population of Turgai (agriculture, stone tools production, pottery, etc.) were reconstructed based on the data of the isotopic, petrographic, binocular, and paleozoological analyses. The report also highlights the issues of the origin of the Mahanjar culture, possible ways of migrations of the Mahanjar population, and the Mahanjar contacts with the Neolithic tribes of the Trans-Urals. Since ancient times, the territory of the Turgai trough formed the so-called corridor between Central Asia, the Urals, and Siberia, that is, served as the contact zone and was an important part of the migration processes that took place in Eurasia.

Irina V. Shevnina – PhD, Candidate of Historical Sciences, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University (Republic of Kazakhstan, Kostanay)

E-mail: shevnina_i@mail.ru

КУЛЬТУРЫ И ОБЩНОСТИ
ЭПОХИ МЕДИ И БРОНЗЫ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

CULTURES AND COMMUNITIES
OF THE COPPER AND BRONZE AGE
OF NORTHERN EURASIA

И. П. АЛАЕВА

МОДЕЛИ АЛАКУЛЬСКО-ФЕДОРОВСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВАРИАНТЫ ОБЪЯСНЕНИЯ СОВМЕСТНОГО ОБНАРУЖЕНИЯ СОСУДОВ АЛАКУЛЬСКОЙ И ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАНАХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ*

В работе рассматриваются модели взаимодействия алакульской и федоровской культур бронзового века Южного Зауралья в период XVII–XVI вв. до н. э. Обсуждается выявление новых случаев обнаружения алакульской посуды в захоронениях федоровской культуры в могильниках Уелги-II, Звягино-1 и Смолино-1. Совместное нахождение сосудов алакульской и федоровской культур может служить дополнительным аргументом к контактной модели параллельного сосуществования, в условиях которой в результате взаимовлияния образуются синкретические (алакульско-федоровские) формы. Вместе с тем, единичность подобных случаев, наряду с массовым распространением синкретических форм преимущественно в курганах алакульской культуры, вероятно, указывает на приоритет переходной/наследственной модели последовательной трансформации алакульских традиций в федоровские. Специфика описанных случаев совместного нахождения сосудов объясняется доживанием позднеалакульских традиций в поселенческой керамике до времени бытования собственно федоровских памятников.

Алаева Ирина Павловна — к.и.н., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Челябинск)
Email: alaevaira@mail.ru

Несмотря на то, что проблема культурно-хронологического соотношения алакульской и федоровской культур благодаря серии радиоуглеродного датирования все больше склоняется к версии частичного сосуществования в период XVII–XVI вв. до н. э. [Еримахов et al., 2023; Schreiber et al., 2023], подробная характеристика содержания данного этапа находится на стадии осмысления.

На сегодняшний день существуют две объяснительные модели алакульско-федоровского сосуществования:

- модель последовательной трансформации алакульских традиций в федоровские с выделением синкретических/переходных форм, имеющая наследственный характер. Для этой модели отмечено сосуществование алакульских и алакульско-федоровских форм;
- модель параллельного сосуществования с образованием синкретических форм в результате взаимовлияния, имеющая контактный характер и предполагающая синхронность всех типов керамики: алакульских, алакульско-федоровских и собственно федоровских.

Центральным аргументом в обеих моделях выступают варианты сосуществования классических алакульских и федоровских типов керамики с сосудами, имеющими синкретический облик.

Группа синкретических сосудов, сочетающих в себе гончарные традиции обеих культур, широко представлены в могильниках лесостепной и степной части Южного Зауралья: Субботино, Урефты I, Кулевчи VI, Солнце-Талика, Акмулла-I. Погребения с алакульско-федоровскими сосудами встречены либо на площадках алакульских могильников, либо

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-10222 «Взаимодействие культур в позднем бронзовом веке Южного Зауралья» (рук. И. П. Алаева)

в составе смешанных памятников, на площадках которых выявлены как алакульские, так и курганы федоровской культуры. Алакульско-федоровские сосуды встречаются вместе с алакульскими в пределах одного кургана и погребения [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 107]. Одним из аргументов «наследственной» модели выступает отсутствие случаев совместного обнаружения в пределах одной могилы классических сосудов алакульской и федоровской культуры [Там же, с. 124].

Обращение к новым материалам и пересмотр старых коллекций федоровских могильников позволили выявить такие случаи — обнаружить совместное нахождение сосудов алакульской и федоровской культур, не имеющих признаков синкретизма. Всего было обнаружено три случая в могильниках федоровской культуры Причелябинской зоны: в могильнике Смолино-1, Звягино-1, Уелги-II.

Могильник Смолино-1, курган 8 (окрестности г. Челябинска, исследован Н. К. Минко в 1907 г.). В кургане 8 обнаружено единственное погребение с остатками кремации, в сопровождении двух сосудов. На сосуд, выполненный в традициях алакульской культуры, впервые обратил внимание К. В. Сальников. Он отметил использование алакульской техники «проташенной гребенки» [Сальников, 1967, с. 303]. Крупный сосуд горшечно-баночной формы, с уступом при переходе высокой шейки в тулово. Единообразный орнамент нанесен в двух зонах: по шейке и по тулову — ряды многорядного зигзага, выполненного в технике «проташенная гребенка». В тесте — примесь талька. Второй сосуд из этого погребения не отличался признаками алакульской культуры — горшечно-баночной формы, по шейке гладким штампом нанесены скошенные треугольники.

Могильник Уелги-II, курган 1 (Кунашакский район Челябинской области, раскопки автора в 2010 г.). Под земляной насыпью обнаружена единственная могила, содержащая остатки кремации и фрагменты трех сосудов. Сосуд 1 имел классический облик сосуда алакульской культуры — горшечно-баночной формы, с выделенным уступом при переходе от шейки к тулову, области шейки и верхней части тулова были покрыты орнаментом — рядами многорядного зигзага, выполненного в технике «проташенная гребенка». Сосуд 1 сопровождали два сосуда, имеющие выраженные черты гончарства федоровской культуры; сосуд 2 — горшечно-баночной формы в верхней части был покрыт каннелюрами и рядом подтреугольных вдавлений; сосуд 3 — небольшой сосудик с резным орнаментом из заштрихованных треугольников.

Могильник Звягино-1, курган 10 (Чебаркульский район Челябинской области, раскопки автора в 2022 г.). Под земляной насыпью локализовалась массивная каменная ограда, внутри ограды выявлена единственная могильная яма с остатками кремации и двумя сосудами. Крупный сосуд № 1 горшечно-баночной формы с высокой шейкой покрыт орнаментом, выполненным мелко-гребенчатым штампом: по шейке — пояс из заштрихованных ромбов, в верхней части тулова — многорядный зигзаг. Самое удивительное, что на дне этого сосуда были обнаружены отпечатки ткани полотняного переплетения, являющиеся ярким признаком технологии формовки алакульского гончарства. Сосуд 2 имел признаки федоровской культуры: округлое тулово, орнамент — косые треугольники, выполненные мелкогребенчатым штампом.

Все три случая обнаружения сосудов в федоровских курганах имеют бесспорные признаки алакульской культуры: использование техники «проташенная гребенка», технология формовки с текстильной прокладкой, образующей отпечатки ткани на дне алакульских

сосудов, оформление уступа при переходе от шейки к тулову. Это позволяет считать эти сосуды именно алакульскими, а не синкретическими.

Ни один из сосудов, сопровождающих алакульские, нельзя отнести к типу «парадных» федоровских сосудов. Тем не менее, признаки федоровской культуры на сосудах из этих погребений отчетливы: в орнаменте использованы каннелюры, «косые» треугольники, выполненными мелкогребенчатым штампом. Обсуждаемые погребения были выполнены по канонам федоровского погребального обряда: каменная ограда, широтная ориентация могил, обряд трупосожжения.

Можно отметить, что выявленные сосуды алакульской культуры в федоровских погребениях отличались некоторыми особенностями: все они имели признаки бытовой посуды, чаще всего встречающейся на поселениях и относящиеся к поздним типам алакульской культуры [Виноградов и др., 2023]. Маркером поселенческой посуды является использование техники «проташенная гребенка», в целом не характерной для погребальной посуды алакульской культуры.

С учетом вышеописанных случаев, контактная модель сосуществования федоровской и алакульской культур приобретает, казалось бы, больше аргументов. Вместе с тем, единичность подобных случаев, как и специфичность (использование позднеалакульских, поселенческих типов), скорее подчеркивает доминирование наследственной/переходной модели и объясняется доживанием позднеалакульских традиций в поселенческой керамике до времени бытования собственно федоровских памятников.

Библиографический список

- Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А., Алаева И. П., Алентьев Ю. М., Блинов И. А., Галибин В. А., Епимахов А. В., Илюшина В. В., Китов Е. П., Косинцев П. А., Рассомахин М. А. Кулевчи VI — могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2020.
- Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.
- Epimakhov A., Zazovskaya E., Alaeva I. Migrations and cultural evolution in the light of radiocarbon dating of Bronze Age sites in the Southern Urals // Radiocarbon. 2023. First view. P. 1–15.
- Schreiber F. A., Korochkova O. N., Novikov I. K., Usmanova E. R. Radiocarbon dating of Late Bronze Age burials from the great Urals (Steppe Trans-Urals and Northern Kazakhstan) and Bayesian modeling // Journal of Field Archaeology. 2023. Vol. 48, no. 3. P. 210–226.

I. P. ALAYEVA

THE ALAKUL-FEDOROVO INTERACTION MODELS: POSSIBLE EXPLANATIONS FOR THE JOINT DISCOVERY OF VESSELS OF THE ALAKUL AND THE FEDOROVO CULTURES IN THE MOUNDS OF THE SOUTHERN TRANS-URALS

The paper studies the models of contacts between the Bronze Age Alakul and Fedorovo cultures of the Southern Trans-Urals in the period of the 17th–16th centuries BC. The author discussed new cases of the Alakul pottery discovery in the Fedorovo culture interments of the Uelgi-II, Zvyagino-1, and Smolino-1 burial grounds. The finding of vessels of the Alakul and the Fedorovo cultures in the same sites can offer additional arguments in favor of the parallel coexistence contact model, where the syncretic (Alakul-Fedorovo) forms were developed as a result of mutual influence. At the same time, the uniqueness of these cases, along with the massive spread of syncretic forms mainly in the Alakul culture mounds, probably indicated the priority of the transitional/hereditary model of gradual transformation of the Alakul

traditions into the Fedorovo ones. The specificity of the described cases of the vessels' coexistence may be explained by the survival of the late Alakul traditions in the settlement pottery until the time of the Fedorovo proper sites existence.

Irina P. Alayeva – Candidate of Historical Sciences, Ural State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Chelyabinsk)

Email: alaevalira@mail.ru

П. С. АНКУШЕВА, А. В. ЕПИМАХОВ

ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ СТРОНЦИЯ В КОСТНЫХ ОСТАТКАХ ЖИВОТНЫХ НА РУДНИКАХ НОВОТЕМИРСКИЙ И ВОРОВСКАЯ ЯМА (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)*

Доклад посвящен исследованию состава $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в костях и эмали зубов домашних копытных из культурного слоя двух медных рудников Южного Зауралья, которые отрабатывались в бронзовом веке. Установлено, что животные, забитые на руднике Новотемирский, могли выпасаться в пределах ближайшей округи памятника (радиус 10–15 км). На рудник Воровская Яма значительная часть особей поступала из более отдаленных территорий Южного Зауралья, Sr-сигнал которых находит аналогии в пределах 100 км от выработки.

Анкушева Полина Сергеевна – к.и.н., Южно-Уральский государственный университет (Россия, Челябинск)

E-mail: polenke@yandex.ru

Епимахов Андрей Владимирович – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: eav74@rambler.ru

В настоящее время в свете расширения спектра аналитических методов наблюдается повышение исследовательского интереса к проблеме добычи медной руды в бронзовом веке Северной Евразии. По материалам эталонных горно-металлургических комплексов и микрорайонов предполагаются различные модели организации отработки месторождений. Один из спорных вопросов, связанных с уровнем специализации горняков, касается их снабжения продуктами питания. Палеозоологические и изотопные методы играют не последнюю роль в его решении [Shishlina et al., 2020; Антипина, 2002; Ткачев и др., 2023].

В Южном Зауралье раскопками исследовано два древних рудника: Новотемирский и Воровская Яма. Первый имеет длительный период посещения в рамках бронзового и раннего железного веков, хотя горно-металлургические объекты достоверно связаны пока только со II тыс. до н. э. Вскрытый раскопками участок на руднике Воровская Яма ассоциирован с алакульскими древностями XVII–XVI вв. до н. э. Остеологические коллекции обоих памятников состоят из фрагментов костей и зубов КРС, МРС и лошади. Исследование состава $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ способствует определению регионов выпаса этих животных, что открывает возможности для сравнения моделей горного дела в пределах одного региона.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00402П «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)» (рук. А. В. Епимахов)

По двум рудникам в общей сложности доступно 38 измерений. Из них по материалам Новотемирского рудника — 20 (7 — эмаль зубов, 13 — кость) [Анкушева и др., 2021], по материалам рудника Воровская Яма — 18 (14 — эмаль зубов, 4 — кость) [Ankusheva et al., 2024].

Среднее значение выборки рудника Воровская Яма составляет $0,71007 \pm 0,00014$ при 95 % ДИ; минимальное — 0,70967, максимальное — 0,71049. На диаграмме размаха выборка характеризуется широким ящиком и короткими усами без выбросов, а также незначительным смещением медианы в сторону менее радиогенных значений в сравнении со средним. Диаграмма «ствол и листья» позволяет охарактеризовать данную выборку как гетерогенную, в рамках которой выделяются две группы значений с условной границей 0,710. Это может указывать на происхождение животных из различных регионов.

Среднее значение выборки рудника Новотемирский составляет $0,70971 \pm 0,00007$ при 95 % ДИ; минимальное — 0,70954, максимальное — 0,71010. Диаграмма размаха демонстрирует нормальное распределение и два выброса по образцам МРС. Несмотря на их наличие, общий интервал значений достаточно узкий: разница минимального и максимального значений составляет лишь 0,00056. Эти наблюдения позволяют предполагать единый регион выпаса для животных Новотемирского рудника, или, по крайней мере, для подавляющего их большинства.

Для расчета фоновых интервалов в каждом случае была определена выборка из 25 точек, образующих квадрат со стороной в 20 км, условным центром которых является древняя выработка [Chechushkov et al., 2023]. Средние значения микрорайона рудника Воровская Яма составляют $0,70923 \pm 0,00013$ для воды, $0,70956 \pm 0,00006$ для травы, $0,70910 \pm 0,00014$ для почвы, $0,70939 \pm 0,00009$ для моллюсков; усредненное значение $0,70948 \pm 0,00005$ при 95 % ДИ. Значительный разброс значений внутри фоновых выборок по различным типам и их средних между собой обусловлен расположением рудника на границе двух структурно-формационных зон Урала: Тагильско-Магнитогорской и Восточно-Уральской. Диаграмма размаха демонстрирует незначительное пересечение интервала значений археологической выборки с фоновыми по траве и моллюскам. Их доверительные интервалы не пересекаются. Это говорит о том, что значительная часть животных рудника Воровская Яма выпасалась за пределами его окрестностей. На карте Южного Зауралья повышенные значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ связаны с каменноугольно-пермскими гранитными массивами и протерозой-раннепалеозойскими метаморфическими комплексами, распространенными к востоку от рудника на расстоянии 20–100 км.

Вариативность фоновых значений для рудника Новотемирский, расположенного в Восточно-Уральской мегазоне, ниже: $0,70974 \pm 0,00003$ для воды, $0,70995 \pm 0,00002$ для травы, $0,71003 \pm 0,00005$ для почвы, $0,70971 \pm 0,00004$ для моллюсков; усредненное значение $0,70989 \pm 0,00003$. Археологическая выборка близка фоновой, что иллюстрирует как диаграмма средних значений с 95 % ДИ, так и диаграмма размаха. Очевидно, что значительная часть особей могла выпасаться в радиусе 10–15 км от памятника.

Таким образом, можно предположить различные способы снабжения горняков мясными продуктами на рудниках Южного Зауралья. Разница в механизмах поставок мясных продуктов может отражать вариативность существовавших моделей организации горнодобывающего производства в бронзовом веке. Она может быть обусловлена вмещающим ландшафтом месторождений, их геоморфологической спецификой, культурными или хронологическими стереотипами.

Библиографический список

- Анкушева П. С., Киселева Д. В., Бачура О. П., Алаева И. П., Анкушев М. Н., Окунева Т. Г. Труд и питание горняков бронзового века Южного Зауралья (по данным изотопного состава стронция в остеологических остатках рудника Новотемирский) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2021. № 2. С. 69–83.
- Антипина Е. Е. «Под знаком комолой коровы...» — возвращаясь к остеологической коллекции поселения Горный // *Археология евразийских степей*. 2022. № 2. С. 40–52.
- Ткачев В. В., Косинцев П. А., Бачура О. П., Байтлеу Д. А. Модель скотоводческого хозяйства населения позднего бронзового века с горно-металлургической производственной специализацией в Южных Мугоджарах (Западный Казахстан) // *Уфимский археологический вестник*. 2023. № 2 (23). С. 377–395.
- Ankusheva P. S., Rassadnikov A. Yu., Ankushev M. N., Bachura O. P., Chechushkov I. V., Kiseleva D. V., Zazovskaya E. P., Epimakhov A. V. Meat supply of Alakul miners at the Bronze Age Vorovskaya Yama copper mine (southern Trans-Urals) // *Environmental archaeology*. 2024. DOI: 10.1080/14614103.2024.2321419
- Chechushkov I, Epimakhov A., Ankushev M., Ankusheva P., Kiseleva D. Interpolated data on bioavailable strontium in the southern Trans-Urals // *Zenodo*. 2023. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7370066>
- Shishlina N., Roslyakova N., Kolev Yu., Bachura O. P., Kuznetsova O. V., Kiseleva D., Retivov V. M., Tereschenko E. Animals, metal and isotopes: Mikhailo-Ovsvyanka I, the Late Bronze Age mining site of the steppe Volga region // *Archaeological Research in Asia*. 2020. No. 24. P. 100229.

P. S. ANKUSHEVA, A. V. EPIMAKHOV

ISOTOPIC COMPOSITION OF STRONTIUM IN ANIMAL BONE REMAINS AT THE NOVOTEMIRSKY AND VOROVSKAYA YAMA MINES (SOUTHERN TRANS-URALS)

The paper presents a study of $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ composition in the bones and teeth enamel of domestic ungulates from the cultural level of two Bronze Age copper mines in the Southern Urals. It was established that the animals slaughtered at Novotemirsky mine could have grazed within the nearest neighborhood of the site (within a radius of 10–15 km). A significant part of the animals from the Vorovskaya Yama mine came from the more remote territories of the Southern Trans-Urals, the Sr-signal of which found analogies within 100 km distance from the mine.

Polina S. Ankusheva — Candidate of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: polenke@yandex.ru

Andrey V. Epimakhov — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: eav74@rambler.ru

Н. А. БЕРСЕНЕВА

ПОГРЕБЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Реконструкция ритуальной деятельности древних остается очень сложной задачей для археологии, несмотря на большое продвижение в методах изучения за последние годы. Целью данного исследования является постановка вопроса о возможности идентификации погребений «служителей культа» или «ритуальных специалистов» в памятниках эпохи бронзы Южного Урала (конец III — первая половина II тыс. до н. э.). Многочисленные высказанные ранее предположения, нацеленные на идентификацию и интерпретацию погребений «служителей культа», нуждаются в ревизии и

системной проверке с привлечением максимально большого массива данных. Этот подход, возможно, позволит проследить динамику явления на протяжении бронзового века. Кроме изучения инвентаря, особенностей погребальных конструкций и иных деталей обряда, перспективным видится выявление захоронений, отличных от нормативного погребального ритуала («девиантных»), с точки зрения возможности отнесения их к погребениям «ритуальных специалистов».

Берсенева Наталья Александровна – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Челябинск)

E-mail: bersnatasha@mail.ru

Реконструкция ритуальной деятельности древних людей остается очень сложной задачей для археологии, несмотря на большое продвижение в методах исследований за последние годы. Тем не менее известно, что ритуалы были важнейшим инструментом организации любого человеческого сообщества [Байбурун, 1993, с. 17–19], да и материальные остатки ритуалов, в частности, погребальных, не вызывают сомнений в существовании ритуальных практик. Невзирая на трудности, аспекты, связанные с мировоззрением давно ушедших обществ, никогда не оставались без внимания ученых. Для бронзового века Южного Урала историография этого вопроса весьма обширна, и специалисты с ней хорошо знакомы. Особенно большой массив литературы обращается к материалам синташтинской культуры Южного Зауралья, погребальные памятники которой вкупе с планиграфией поселений предоставляют богатую почву для реконструкций культовой деятельности древнего населения. Следует отметить, что реконструкции касались в основном содержания и интерпретации культов, но не так много ученых ставило вопрос о людях, которые организовывали или исполняли ритуалы, обеспечивали поддержание и преемственность культовых практик.

Краткий обзор ситуации, сложившейся за последние 20–25 лет, позволяет зафиксировать несколько предположений и выводов: (1) ритуалы на уровне вовлечения всего коллектива (обитателей одного поселения, например) могли отправляться собственными представителями элиты, которые в таком случае совмещали функции «светского»/военного руководителя и ритуального специалиста [Зданович, 1997, с. 66, 67]; (2) обособленную социальную группу «жрецов» выявить на синташтинских материалах не удастся [Епимахов, 2002, с. 60]; (3) некоторые культы, врачевание, гадание могли практиковаться представителями женской части коллектива [Зданович, 1997, с. 73; Куприянова, 2008, с. 142–154].

Кроме того, были предприняты попытки установить материальные маркеры погребений «служителей культа». Д. Г. Зданович причисляет к таковым каменные булавы и костяные лопаточки из погребений синташтинской культуры [1997, с. 50–56]. С. В. Сотникова считает, что установленные вверх дном сосуды в женских погребениях бронзового века, могли маркировать женщин, «которые при жизни выполняли ритуальные (возможно, шаманские) функции» [2016, с. 110]. А. А. Ткачев полагает, что погребения по обряду кремации в могильнике Майтан могли являться «погребениями жрецов» [2019, с. 474]. Сходного мнения придерживался В. В. Цимиданов, изучая памятники срубной культуры [2004, с. 61]. Он также отмечал, что маркером «жреческих» погребений в срубных памятниках могли служить деревянные чаши и астрагалы [Там же, с. 55].

Подводя итоги историографического обзора, нетрудно заметить, что имеются два подхода – один очень общий, так сказать, не персонифицированный, и другой, слишком

узкий — основанный на наличии определенных, достаточно редко встречающихся предметов. На практике соединение этих двух подходов в одном исследовании встречается нечасто.

Целью доклада является постановка вопроса о возможности идентификации погребений «служителей культа» или «ритуальных специалистов» в памятниках эпохи бронзы Южного Урала. Проблемы, из-за которых данная тема изучалась лишь в общих чертах, очевидны. Характерная черта синташтинской погребальной обрядности — преобладание коллективных захоронений и высокая доля детей. В последующий период времени процент детей возрастает (петровские, алакульские памятники), а сложность и затратность погребальных ритуалов снижается. Погребенные в могильниках срубной культуры достаточно скудно снабжались инвентарем, большинство могил характеризуются скромностью конструкций. Таким образом, вопрос критериев выделения не только погребений ритуальных специалистов, но и элиты в рамках срубной традиции, остается дискуссионным. Попытка выявить отдельные предметные маркеры особого успеха не имела, комплексы «предметов культа» также уверенно обосновать не удалось. Кремация как альтернативный способ отдаления для ритуальных специалистов также нуждается в дополнительном обосновании. Представляется, что необходима ревизия высказанных ранее мнений на основе анализа базы источников, значительно расширившейся за последние годы. Проведенный анализ, возможно, позволит рассмотреть ситуацию в динамике (по крайней мере, для Южного Зауралья). Перспективным видится изучение погребений, отличных от нормативного погребального ритуала («девиантных»), с точки зрения возможности отнесения их к погребениям «ритуальных специалистов».

Библиографический список

- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
- Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм бронзового века как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.
- Сотникова С. В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск, 2016.
- Ткачев А. А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск, 2019.
- Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.

N. A. BERSENEVA

RITUAL SPECIALISTS' INTERMENTS DURING THE BRONZE AGE IN THE SOUTHERN URALS: PROBLEM FORMULATION

The reconstruction of the ritual practices of the ancient people remains a very difficult task for archaeology, despite the great progress in the research methods in recent years. The purpose of this study is to raise a question of the possibility of identifying the interments of the “ministers of worship” or “ritual specialists” in the Bronze Age sites of the Southern Urals (late 3rd — first half of the 2nd millennium BC). Numerous previously expressed assumptions aimed at identifying and interpreting the “ministers of worship” interments need to be revised and systematically verified using the largest possible array of data. This approach may allow tracing the dynamics of the phenomenon throughout the Bronze Age. In addition

to studying the grave goods, characteristics of the funeral structures and other details of the ceremony, it seems promising to identify interments that differed from the standard funeral ritual (“deviant”), from the point of view of the possibility of classifying them as the “ritual specialists” interments.

Natalia A. Berseneva – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: bersnatasha@mail.ru

В. В. БОБРОВ

О СЕВЕРНОЙ ШИРОТНОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ НЕОЛИТА К ЭПОХЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛА*

В истории советской археологической науки одной из актуальных проблем являлась изучение феномена культур с керамикой, украшенной в гребенчато-ямочном стиле, ареал которых включал восточноевропейский север, Прибалтику, лесостепь и южно-таежную зону Западной Сибири вплоть до Среднего Енисея. Происхождение гребенчато-ямочной традиции на территории Западной Сибири рассматривалось, как результат проникновения ее носителей из северных районов Восточной Европы. В последние десятилетия по этой проблеме в западносибирской археологии сформировалась автохтонная концепция и ареал памятников с гребенчато-ямочной орнаментацией отнесен к культурно-исторической общности. Учитывая находки долот типа «круммейсель» и орудий русско-карельского типа в памятниках с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой на территории Урала, Среднего Прииртышья и Верхней Оби, следует вернуться к идее северной широтной миграции. Укрепляет эту позицию хронология этих комплексов, а также памятников Фенноскандии.

Бобров Владимир Васильевич – д.и.н., Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово)
E-mail: bobrov4545@mail.ru

В истории западносибирской археологии эпохи палеометалла, в частности бронзового века, широкое признание получила концепция М. Ф. Косарева, согласно которой в основу изучения археологических культур в аспекте хронологического пространства положена тенденция развития орнаментальных традиций. Среди четырех обозначенных им традиций гребенчато-ямочная являлась наиболее простой с точки зрения композиционного построения. До конца 1970-х гг. проблема ее происхождения в декоре керамической посуды культур бронзового века на территории Западной Сибири была активно обсуждаемой. М. Ф. Косарев, как и последователи его концепции, считал, что появление на территории Западной Сибири гребенчато-ямочной орнаментальной традиции явилось результатом воздействия или проникновения ее носителей из северо-западных регионов Европы. Таким образом, в широтном лесном и лесостепном пространстве Евразии от Фенноскандии до Среднего Енисея сформировалась общность культур, так называемой гребенчато-ямочной керамики. Позже, не отрицая возможности восточноевропейских импульсов, он высказал идею и привел некоторые аргументы об автохтонном происхождении гребенчато-ямочной

* Работа выполнена в рамках государственного задания, проект АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири»

орнаментации в неолитических культурах Западной Сибири [Косарев, 1996, с. 269]. В настоящее время гребенчато-ямочную общность рассматривают в пределах лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири [Молодин, 2001, с. 38–40; и др.].

В концепции, предложенной М. Ф. Косаревым, позиции других специалистов базируются исключительно на анализе керамических комплексов. Однако в урало-западносибирском ареале гребенчато-ямочной традиции известны нетипичные каменные изделия. В частности, такой специфический тип орудий, как когтевидные долотца («круммейсель»), широко представленные в финальном неолите — энеолите Финляндии и Карелии, меньше — на территории Прибалтики. В комплексах они взаимосвязаны с гребенчато-ямочной керамической посудой. Идентичные находки известны на территории к востоку от Уральского хребта. На Урале одно когтевидное долотце представлено в коллекции из случайных сборов на Шигирском торфянике [Савченко, Жилин, Кашина, 2016]. Другое изделие происходит из жилища 1 поселения Ир II на р. Ишим в Тюменской области, которое взаимосвязано с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой и датировано автором раскопок поздним неолитом — началом бронзового века [Косинская, 1984, с. 45–55]. Семь экземпляров долотца происходят из разных памятников екатерининской культуры в пределах Среднего Прииртышья. В екатерининских комплексах они найдены вместе с керамикой, украшенной в гребенчато-ямочной орнаментальной традиции [Петров, 2014, с. 77]. Более того, А. И. Петров упоминает в екатерининских комплексах деревообрабатывающие орудия русско-карельского типа, что предполагает критику урало-западносибирских источников в аспекте типологического анализа. А. И. Петров первым вписал эти находки в линию миграции и назвал ее параллельной, сославшись на А. П. Окладникова. Параллельной она подразумевалась миграции населения по евразийской степи на восток, которая привела к возникновению обществ таких скотоводческих культур, как афанасьевская. Самым восточным памятником, на котором были обнаружены когтевидные долотца, является поселение Танай-4, расположенное в Кузнецкой котловине Кузнецко-Салаирской горной области. Три экземпляра найдены в жилищах, а два — в культурном слое. Бесспорно, они связаны с гребенчатым керамическим комплексом большемысской культуры эпохи энеолита. Хронология большемысского поселения по ^{14}C (лаборатория Германского археологического института и Института геологии СО РАН) определена в пределах конца первой половины — середины III тыс. до н. э. Известны даты этого поселения на тысячу лет древнее [Ковтун, Онищенко, 2023, с. 37].

Таким образом, нетипичные для урало-западносибирских древностей когтевидные долотца не только составляют типологическое единство с идентичными изделиями неолита — энеолита Финляндии и Карелии, но и вписываются в широтную географию и раннюю хронологию гребенчато-ямочных комплексов Евразии. Приведенные археологические данные позволяют вернуться к комплексному исследованию версии о проникновении и движении носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции с запада на восток. Если она получит подтверждение в результате дальнейших исследований, то можно предполагать, что этот процесс шел параллельно второй волне южной миграции ранних скотоводов на восток, который привел к формированию окуневской культуры. Возникает вопрос о том, могла ли быть общая причина в Восточной Европе, вызвавшая однозначные демографические события. Любопытно также то, что на востоке миграции завершились преимущественно на территории Южной Сибири. В связи с обозначенной

проблемой небезынтересна сложность «маршрута» движения сейминской традиции металлопроизводства на запад по версии Е. Н. Черных.

Библиографический список

- Бобров В. В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 17–35.
- Ковтун И. В., Онищенко С. С. Абсолютная хронология большемысских древностей северо-восточного Присалаирья // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2023. С. 33–38.
- Косарев М. Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 253–269.
- Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1984. Вып. 17. С. 45–55.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2001. Т. 1.
- Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск, 2014.
- Савченко С. Н., Жилин М. Г., Кашина Е. А. Шигирская коллекция случайных находок в собрании Государственного исторического музея // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2016. С. 316–333.

V. V. BOBROV

NORTHERN LATITUDINAL MIGRATION IN EURASIA DURING THE TRANSITION PERIOD FROM THE NEOLITHIC TO THE PALEOMETAL ERA

In the history of Soviet archaeological research, one of the important problems was the study of the phenomenon of cultures with ceramics decorated in the comb-pit style that existed in a wide territory, including the East European north, the Baltic States, the forest-steppe and the south taiga zone of Western Siberia up to the Middle Yenisei. The origin of the comb-pit tradition in the territory of Western Siberia was considered a result of the penetration of its population from the northern regions of Eastern Europe. In recent decades, an autochthonous concept on this problem has been formed in the West Siberian archaeology, and the geographic range of sites with the comb-pit ornamentation was referred to a cultural and historical community. Considering the finds of krummeisel type chisels and the Russian-Karelian type tools in the sites with comb-pit and comb ceramics in the Urals, the Middle Irtysh and the Upper Ob regions, we believe it is necessary to return to the idea of the northern latitudinal migration. The chronology of these complexes, as well as that of the sites of Fennoscandia, strengthens this position.

Vladimir V. Bobrov – Doctor of Historical Sciences, Institute for Human Ecology, Federal Research Centre for Coal and Coalchemistry, Siberian Branch of the RAS, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo)
E-mail: bobrov4545@mail.ru

A. B. ВАРЕНОВ

БРОНЗОВАЯ СТАТУА ИЗ САНЬСИНДУА И ЕЕ ЭВЕНКИЙСКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ РОДСТВЕННИЦА*

В докладе представлена одна из наиболее интересных находок культуры Саньсиндуя, распространенной в провинции Сычуань (КНР), – бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, встреченная в жертвенной яме JK2 на эпонимном памятнике. По мнению автора, технологическая эволюция большой антропоморфной скульптуры Саньсиндуя может быть разделена на две-три стадии. К финальной стадии относится бронзовая скульптура стоящего на постаменте человека.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01554 «История открытия и изучения ритуальных бронз Саньсиндуя» (рук. А. А. Варенов)

Ей предшествовала стадия деревянной антропоморфной скульптуры с накладными бронзовыми деталями. Она представлена бронзовой головой типа Bb. Еще раньше могла существовать деревянная антропоморфная скульптура без использования бронзовых элементов. Как она примерно выглядела, позволяет представить современная этнографическая фигура идола *чичипкан* из Эвенкии. «Необычные» черты лица саньсиндуйских бронзовых статуй являются результатом перевода в металл изображений, первоначально изготовленных в иной технике — методом резьбы по дереву.

Варенов Андрей Васильевич — к.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск)

E-mail: avvarenov@mail.ru

Саньсиндуй — своеобразная культура эпохи бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра провинции Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие бронзовой скульптуры. Наибольшее внимание исследователей всегда привлекала стоящая на постаменте крупная статуя так называемого вождя или шамана.

Скульптура общей высотой 260,8 см представляет собой стоящего на постаменте человека. К моменту обнаружения она была разломана на две части. Статуя стоящего человека имеет высоту от подошв ног до макушки головного убора 180 см. На голову человека надет головной убор, а на его тело — три слоя одежды, на лодыжках босых ног браслеты. Цилиндрический головной убор украшен двумя рядами «полых» прямоугольников с закругленными углами, над его передней частью вздымается плюмаж или эгрет в виде стилизованной зооморфной личины. На затылке отчетливо видна линия волос и два наклонных прямоугольных отверстия, в которые первоначально вставлялась головная шпилька [三星堆祭祀坑, 1999, с. 162–164].

Постамент большой антропоморфной статуи состоит из трех деталей: основания, ножек и платформы. Пирамидальное основание постамента изготовлено из отлитых отдельно и сваренных вместе пяти плоских деталей: четырех стенок и верха. Предполагается, что это основание первоначально было врыто в землю. Ножки постамента также смонтированы из четырех отдельных частей. Вертикальные литейные швы проходили через каждую из ножек, прямо по центрам «драконьих» голов, через их слоновьи хоботы. Сверху к ножкам прилита платформа.

Статуя стоящего на платформе человека создана путем отдельной отливки и соединения верхней и нижней половин человеческой фигуры. На теле скульптуры в районе пояса есть поперечный литейный шов, заметный благодаря отсутствию в этом месте орнамента на одежде и нестыковкам отдельных деталей декора. Нижняя часть человеческой фигуры отлита в трехстворчатой форме. Из трех продольных вертикальных литейных швов два расположены по ее бокам, а третий — вдоль центра лицевой части, совпадая с краем одежды. Левая и правая руки также отлиты отдельно, поскольку в районе плеч есть по литейному шву. На подошвах левой и правой ног сделано по выступу для прикрепления фигуры к платформе постамента.

Стоящая на постаменте крупная статуя в жертвенной яме JK2 только одна, а в жертвенной яме JK1 подобных статуй вообще нет, что ограничивает возможность разработки их типологии и относительной хронологии. Вместе с тем, технологические приемы,

примененные при отливке статуи стоящего на пьедестале человека, совпадают с приемами, использованными при создании бронзовых «деревьев духов». Сходство технологии позволяет синхронизировать создание большой статуи Саньсиндуня со II стадией эволюции бронзовых «деревьев духов» [Варенов, Гирченко, 2015, с. 18–20].

Принадлежность стоящей на постаменте статуи ко II стадии развития бронзолитейного искусства Саньсиндуня позволяет поставить вопрос и о ее предшественнике. По аналогии с относящимся к I стадии деревом № 3, им могла быть деревянная статуя с накладными бронзовыми деталями. Деталью деревянной статуи-предшественницы являлась бронзовая голова типа Bb, найденная в жертвенной яме JK2. От бронзовых голов иных типов ее отличает цилиндрический головной убор, украшенный «полыми» прямоугольниками, аналогичный нижней части шапки стоящей статуи, только венчавший Bb плюмаж или эгрет обломан. Голова типа Bb примерно такого же размера, как и большинство других бронзовых голов, но меньше головы стоящей на постаменте бронзовой статуи.

Еще более ранним элементом типологического ряда крупных антропоморфных изваяний Саньсиндуня могла быть деревянная статуя без бронзовых деталей, не дошедшая до наших дней. Как она примерно выглядела, позволяет представить современная этнографическая фигура идола чичипкан из Эвенкии, охранявшего от дурного глаза и недоброжелательных злых духов. Высота и диаметр чичипкана соответствуют основным размерам стоящей статуи из JK2 (вместе с постаментом), а совпадение их контуров свидетельствует, что изваяние из Саньсиндуня сохранило при переводе в бронзу пропорции деревянного прототипа, отличающиеся от пропорций тела живого человека.

Вот как описывал А. И. Мазин изготовление чичипкана: «Брали бревно лиственницы или сосны длиной 3 м, диаметром 15–20 см, на одном конце вырезали человеческое лицо. В метре от “лица” бревно перетягивали прутьями или ровдужным ремнем, с другой стороны его раскалывали надвое и расщепленные концы разводили на 70–80 см. Чтобы они не сходились, между ними ставили распорку. Таким образом получалось подобие ног» [Мазин, 1984, с. 30, 31].

«Необычные» черты, которые так удивляют в лицах саньсиндунских бронзовых статуй, отдельно отлитых голов и масок — крупные выпуклые ребристые глаза, прямые носы, широкие брови, плотно сжатые рты — являются результатом перевода в металл изображений, первоначально изготовленных в иной технике, а именно — методом резьбы по дереву. Поскольку создание деревянных статуй, подобных этнографическому эвенкийскому чичипкану, не требовало каких-то специальных навыков или сложных инструментов, их можно считать местной сычуаньской спецификой, и не искать истоки саньсиндунской статуарной традиции где-то далеко на Ближнем или Среднем Востоке, как это делают некоторые китайские авторы.

Библиографический список

- 三星堆祭祀坑. 北京, 1999 [Жертвенные ямы Саньсиндуня. Пекин, 1999].
 Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.
 Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984.

A. V. VARENOV

BRONZE STATUE FROM SANXINGDUI AND ITS EVENK WOODEN RELATIVE

The paper presents one of the most interesting finds of the Sanxingdui culture in the Sichuan Province (China) – a bronze statue of a man standing on a pedestal, found in the sacrificial pit JK2 of the eponymous archaeological site. According to the author, the technological evolution of the large anthropomorphic Sanxingdui sculpture can be divided into two or three stages. The bronze sculpture of a man standing on a pedestal belonged to the final stage of the evolution. It was preceded by wooden anthropomorphic images with superimposed bronze elements. The stage was represented with a bronze head of Bb type. At an even earlier stage, it could have been a purely wooden anthropomorphic image without the use of any bronze elements. The modern ethnographic figure of the Chichipkan idol from Evenkia may serve as an approximate indication of what it could have looked like. The “unusual” facial features of the Sanxingdui bronze statues were the result of conversion into metal of images originally made with a different technique, namely, by woodcarving.

Andrey V. Varenov – Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: avvarenov@mail.ru

Е. Ю. ГИРЯ, А. А. ПОГОДИН, А. Я. ТРУФАНОВ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ «РОЗОВО-СЕРОГО» КРЕМНЯ С ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ТАЕЖНО-ЛЕСОТУНДРОВОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ)

Сейминско-турбинский транскультурный феномен, включивший лесную и лесостепную зоны Западной Сибири на рубеже III–II тыс. до н. э., не обошел стороной тайгу и лесотундру региона. Помимо характерного бронзового инвентаря население северных территорий получило качественные изделия из «розово-серого» кремня, которые на фоне автохтонной контрударной отщепово-кварцевой индустрии характеризовались высокотехнологичной обработкой сырья, происходящего, судя по содержащимся в нем кораллам, из девонских отложений. Сырье перед расщеплением подвергалось тепловой обработке и транспортировалось из какого-то одного центра в виде обломков, сколов-заготовок, отщепов или почти готовых, незавершенных изделий. Изготовление бифасов, пластин, скребков и прочих изделий выполнялось металлическими (!) отбойниками-посредниками и отжимниками. На р. Конде производственные наборы из «розово-серого» кремня начинают фиксироваться в поздних польмятских памятниках, а пик их развития приходится на время бытования сотниковско-варпаульской декоративно-морфологической традиции.

Гиря Евгений Юрьевич – к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: kostionki@yandex.ru

Погодин Андрей Альбертович – ООО «АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург)

E-mail: pogodin1966@yandex.ru

Труфанов Александр Яковлевич – к.и.н., ООО «АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург)

E-mail: trufanov.al@yandex.ru

В конце III – начале II тыс. до н. э. на обширной территории Западной Сибири появляются каменные изделия новой индустрии, чужеродность которой устанавливается в первую очередь по специфическому исходному сырью – кремню «розово-серого» цвета.

Автохтонная индустрия камня в эту эпоху — отщепово-кварцевая, исходное валунно-галечное сырье расщеплялось исключительно отбойниками на наковальнях ударно-контр-ударными приемами. Ретушью обрабатывались скребки, наконечники стрел и др. Особую группу составляют макроинструменты — абразивы, пилы, отбойники, тесла и молотки со шлифованными и полированными бойками для обработки металла.

Первые артефакты из «розово-серого» кремня — редкие орудия и отщепы — обнаружены среди многочисленных продуктов дебитажа и «классических» инструментов из местного галечного сырья в жилищных комплексах двух поздних полымьятских поселений: Геологическое VII — семь микроскребков; Неушья 1.3 — два скребка и три отщепа.

География памятников с розово-серым кремнем в пределах Западной Сибири обширна. На западе — это бассейн Конды с могильником Сатыга XVI, стоянкой Вар-Бор I и единичными находками на поселениях Леуши I и III, Угловое 1, Большая Умыгтя XXIII и Ленино I. На востоке региона — поселение Коим 1 на Средней Оби, в северном направлении — могильник Товкуртлор 3 в бассейне р. Казым и поселение Пяку-то 1 в верховьях р. Пур. На широте Северного полярного круга изделия из розово-серого кремня найдены на поселении Паром 1 и Корчаги IV, а еще севернее — в устье р. Оби — на поселении Горный Самотнёл 1. Среди южных памятников отметим поселение Окунево X на р. Таре, известное наибольшим количеством продуктов расщепления и изделий из розово-серого кремня, а также могильник Ростовка. Со времени исследования Турбинского могильника изделия из такого кремня известны в Волго-Камье и в верховьях Печоры.

Сырье представляет собой окремненный известняк относительно тонкой зернистости светло-серого, серо-палевого, серо-желтого и серо-розоватого оттенков, нередко с остатками морской фауны — кораллами. Благодаря палеонтологическим исследованиям Е. С. Казанцевой, стало известно, что эти кораллы принадлежат к хорошо изученному и описанному роду *Diphyphyllum*, что позволило датировать сырье временем девонских отложений. Их выходы в переотложенном виде зафиксированы почти по всему периметру Сибирской платформы, в том числе на Урале.

Почти все изученные нами кремневые артефакты сотниковско-варпаульских памятников имеют признаки тепловой обработки, которая во многом определяет цветность изделий и отходов.

На основании *наличия* следов транспортировки на подавляющем большинстве артефактов нам известно, что транспортировали розово-серый кремень не только в виде обломков сырья, но и в виде сколов-заготовок, отщепов и отщепов с ретушью — почти готовых и/или незавершенных изделий (и даже явно испорченных). На основании *отсутствия* таких следов, мы можем утверждать, что часть вещей изготавливали и/или подправляли на местах — там, где они были обнаружены. Это особенно очевидно на памятниках, где представлены чешуйки — мелкие отходы производства бифасов со следами транспортировки на дорсальных поверхностях.

В большинстве случаев, заготовками для бифасов были именно сколы — специально изготовленные, отобранные по форме и размерам — заготовки для мелких бифасов. Многие формы продуктов расщепления из данных контекстов расщепления завершились, а некоторые и полностью создавались с помощью отжимной техники скола (без использования отбойника).

Большинство форм, принадлежащих к контексту призматического расщепления, представлены проксимальными и медиальными обломками пластинчатых сколов. На многих пластинчатых сколах зафиксированы тупые углы скальвания. Получение удлинённых пластинчатых снятий с ядрищ с тупыми углами скальвания возможно только отжимом. Кроме того, на более чем 40 % этих пластинок прослежены изъянцы специфической формы. Их ориентация совпадает с направлением снятия, они имеют удлинённые пропорции. Изъянцы с такой морфологией возникают преимущественно при расщеплении хрупких пород камня с помощью металлических орудий.

Комплексы признаков, интерпретируемые нами как наиболее существенные для констатации применения металла в различных процессах расщепления, сводятся к трем группам:

1. Применение металлических отбойников-посредников:

– наличие конических начал скальвающих малого диаметра (менее 3–4 мм) с четко очерченными, правильными полукольцевыми трещинами, составляющими половину окружности, без следов абразивного воздействия (царапин на площадке, характерных для использования каменных отбойников), может присутствовать микрокарниз.

2. Применение металлических отжимников при производстве бифасов:

– наличие удлинённых фасеток ретуши, имеющих четко очерченные (чаще неконические) начала очень маленькой ширины (менее 2–3 мм), формирующих на кромке края небольшую выемку в форме правильной дуги, составляющей около четверти окружности.

3. Применение металлических орудий для отжима пластинчатых сколов-заготовок:

– наличие тупых (более 100°) углов скальвания в сочетании с изъянцами удлинённых пропорций, расположенными и ориентированными вдоль продольной оси пластинчатого скола.

Артефакты производственного назначения, перемещавшиеся людьми, обладавшими навыками расщепления, правомерно и удобно определить уже известным термином «производственный набор». Весьма вероятно, что «розово-серый» кремль происходит из одного источника, сырьё добывалось, обрабатывалось и перемещалось одними и теми же людьми.

Таким образом, производственные наборы, связанные с «розово-серым» кремнем, представляют своего рода транскультурное явление, начало которого на р. Конде фиксируется в поздних полымьятских памятниках, а пик развития приходится на время бытования сотниковско-варпаульской декоративно-морфологической традиции.

На фоне транскультурного характера бронзового инвентаря и изделий из нефрита на памятниках сейминско-турбинского круга, а также отмеченного исследователями сходства морфологии отдельных категорий каменного инвентаря, выявленный нами аспект, связанный с характером сырья и специфическими способами его обработки, задает новый вектор в изучении сейминско-турбинской проблематики.

E. Yu. GIRIA, A. A. POGODIN, A. Ya. TRUFANOV

“PINK-GRAY” FLINT ITEMS FROM THE BRONZE AGE SITES OF THE TAIGA-FOREST-TUNDRA ZONE OF WESTERN SIBERIA (EVIDENCE-BASED INTERPRETATION OF KNAPPING PRODUCTS)

The Seimin-Turbino transcultural phenomenon, which included the forest and forest-steppe zones of Western Siberia at the turn of the 3rd-2nd millennium BC, did not bypass the taiga or the forest tundra of

the region. In addition to the characteristic bronze items, the population of the northern territories received high-quality products made of “pink-gray” flint, which, compared to the autochthonous counterstrike flake-quartz industry, were characterized by high technology working of raw material, originating, judging by the corals contained in it, from the Devonian sediments. Prior to knapping the raw material was exposed to heat treatment and transported further from one central point in the form of debris, chips, spall-blanks, flakes or almost finished, and unfinished products. The making of bifaces, blades, scrapers, and other products involved the use of metal (!) punch-hammers and pressure tools. On the Konda River, production sets made from “pink-gray” flint were first recorded in the late Polymjya sites, and the peak of their occurrence coincided with the existence of the Sotnikovo-Varpaul decorative and morphological tradition.

Evgeny Yu. Giria – Candidate of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: kostionki@yandex.ru

Andrey A. Pogodin – LLC “SAC “AV KOM – Nasledie” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pogodin1966@yandex.ru

Alexander Ya. Trufanov – Candidate of Historical Sciences, LLC “SAC “AV KOM – Nasledie” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: trufanov.al@yandex.ru

С. П. ГРЕБЕНЮК

ПОВОРОТНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ ТОКАРЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИОХОТЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСРЕДСТВОМ «ГАРПУННОЙ ФОРМУЛЫ» С. А. АРУТЮНОВА*

В докладе представлены результаты анализа поворотных гарпунных наконечников токаревской археологической культуры Северного Приохотья (VIII в. до н. э. – V в. н. э.) посредством метода «гарпунной формулы» С. А. Арутюнова. Идентифицировано 17 различных гарпунных формул, что свидетельствует о значительном конструктивном разнообразии. Сравнительный анализ выявил значительное сходство токаревских наконечников с ранними палеоэскимосскими культурами (одно отверстие для линя, открытое гнездо, симметричные шпоры, раздвоенные зубцы), что указывает на генетическую связь токаревской культуры с палеоэскимосским кругом. Вместе с тем наличие локальной инновации в виде четырех отверстий для линя и элементов, характерных для более поздних культур, позволяет сделать вывод о переходном характере токаревской гарпунной традиции, отражающей сложные процессы культурной трансформации в Северной Пацифике на рубеже новой эры.

Гребенюк Сергей Павлович – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)

E-mail: wessaxchannel@gmail.com

Токаревская культура, существовавшая с VIII в. до н. э. по V в. н. э., является древнейшей приморской археологической культурой Северного Приохотья [Лебединцев, Кузьмин, 2010]. Исследователи сходятся во мнении, что данная общность входит в круг палеоэскимосских культур [Лебединцев, 2019]. На сегодняшний день известно о 32 поворотных наконечниках токаревской культуры и шести обломках [Лебединцев, 1990; 1991].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (рук. А. И. Лебединцев)

А. И. Лебединцев разделил поворотные наконечники токаревской культуры на пять типов [1991, с. 162, 163].

В настоящем исследовании применяется метод «гарпунной формулы», разработанный С. А. Арутюновым [Арутюнов, Сергеев, 1969; 1975] для типологической классификации неэскимосских поворотных наконечников. Структура формулы позволяет кодировать любые комбинации конструктивных элементов наконечников с помощью буквенно-цифровых обозначений. Формула включает следующие элементы: число отверстий для линия, А/В – открытое или закрытое гнездо, число прорезей для пояса гнезда, Х/У – параллельное или перпендикулярное отверстие для концевого копьца, х/у и цифра количества – параллельные или перпендикулярные боковые вкладыши, М/Р и цифра количества – симметричная или асимметричная шпора, С/с и количество больших или маленьких зубцов слева и справа в скобках через тире [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 70]. Указанный метод был применен к токаревской культуре (табл. 1). Привлечены данные палеоэскимосских культур Канадской Арктики и Гренландии (Пре-Дорсет, Индепенденс I, Саккак, Дорсет) палеоэскимосских памятников Азии (поселение Уненен, стоянка Чертов Овраг), материалы усть-бельской культуры (табл. 2).

Применение гарпунной формулы для анализа поворотных наконечников токаревской культуры выявило их значительное конструктивное разнообразие. Всего было идентифицировано 17 гарпунных формул для 26 наконечников, подразделенных на три основных группы – 1А, 2А и 4А. Это может свидетельствовать о менее устоявшейся традиции изготовления определенных типов наконечников. Наиболее распространенными элементами являются одно или четыре отверстия для линия, открытое гнездо, наличие двух симметричных шпор. Преобладание наконечников с четырьмя отверстиями, симметричными шпорами (М2) и зубцами (С и V) может быть признаком более архаичных форм.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее схожими с токаревскими являются формулы 1АМ, 1АМс, характерные для усть-бельской культуры, поселения Уненен, а также 1АХР, 1АХМV, 1АХМС, типичные для культур Саккак, Пре-Дорсет и Индепенденс I. Схожими элементами являются открытое гнездо и наличие симметричных шпор. У токарецев в единственном экземпляре обнаружен аналогичный по формуле наконечник с параллельным отверстием для концевого копьца (Х) (1А1ХМ1). Раздвоение зубцов (V) также имеет прочные аналоги в ранних палеоэскимосских культурах (Индепенденс I и Саккак). Анализ конструкций поворотных гарпунных наконечников в сочетании с общими данными о токаревской культуре позволяет предположить ее генетическую связь с палеоэскимосским миром, восходящую к самым ранним этапам распространения этой традиции. Четыре отверстия (4А) для линия является уникальной чертой и может свидетельствовать о значительной степени локального развития токаревской традиции со своими инновациями, возможно, под влиянием местных азиатских компонентов. Также фиксируются некоторые идентичные формулы с поздним Дорсетом и Туле (1А1Р).

Полученные данные частично подтверждают выводы С. А. Арутюнова об эволюции конструкций поворотных наконечников в сторону упрощения – уменьшения количества отверстий, исчезновения желобков для обвязки, перехода к закрытому гнезду. Однако токаревская культура демонстрирует более сложную картину, сочетая как архаичные черты (четыре отверстия, симметричные шпоры и зубцы), так и элементы, которые доминируют в более поздних традициях (асимметричные шпоры). Это позволяет рассматривать

токаревскую гарпунную традицию как промежуточное связующее звено, демонстрирующее сложные процессы культурной трансформации и взаимовлияния в Северной Пацифике на рубеже новой эры.

Таблица 1

КОНСТРУКЦИЯ НАКОНЕЧНИКОВ ПОВОРОТНЫХ ГАРПУНОВ ТОКАРЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

№	Гарпунная формула	Ольская	Спафарьева	Недоразумения	Завьялова	Итого
1	4A*2M2V (1-1)	1	4	1		6
2	4A*2M2C (1-1)		1			1
3	4A*2M2c (1-1)		2			2
4	4A*M2C (1-1)	1				1
5	4A*M2		1			1
6	2AM2	2				2
7	2A1M1	1				1
8	2A*M2C (1-1)	1				1
9	2AM1c (1-1)	1				1
10	1AYPv (1-1)	1				1
11	1A1XM1	1				1
12	1AM1c (2-2)	1				1
13	1A1Pc (0-1)				2	2
14	1A1Pv (1-1)			1		1
15	1A1Pc (1-1)	1				1
16	1AP	2				2
17	A1M2V (1-1)		1			1
Итого:		13	9	2	2	26

Таблица 2

КОНСТРУКЦИЯ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ТИПОВ НАКОНЕЧНИКОВ ПОВОРОТНЫХ ГАРПУНОВ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ, КАНАДСКОЙ АРКТИКИ И ГРЕНЛАНДИИ

Наименование	Гарпунные формулы
Поселение Уненен (1500–1300 гг. до н. э.)	1AMc (1-1), 1AYMc (1-1), 1APc (1-1), 1AM

Таблица 2 (окончание)

Наименование	Гарпунные формулы
Стоянка Чертов Овраг (~ 1000 г. до н. э.)	1A1YP
Усть-Бельская культура (~ 1000 г. до н. э.)	1A1M
Саккак (2400–800 гг. до н. э.)	1AXMV (0-1), 1AXMC (1-1), 1AMC (0-1).
Индепенденс I (2400–1000 гг. до н. э.)	1AXPV (0-1)
Пре-Дорсет (2400–1000 гг. до н. э.)	1*AXP, 1*AYP, 1*AYP, 1AXM*2
Ранний Дорсет (800–1 гг. до н. э.)	1A*YM2, 1*BYM2
Средний Дорсет (1–500 гг. н. э.)	1BYM2, 1BM2, 1*BYM2
Поздний Дорсет (500–1250 гг. н. э.)	2BYM2, 1A2M2, 1A1P, 1*BYM2
Туле (от 1200 г. н. э.)	1A1P*C (0-1), 1A1P, 1A1PC (1-1)

Библиографический список

- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969.
 Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975.
 Лебединцев А. И., Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л., 1990.
 Лебединцев А. И. Наконечники гарпунов Токаревской культуры // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 2. С. 156–168.
 Лебединцев А. И. Приморские культуры Охотоморья: эскимосско-алеутское влияние // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2019. С. 175–177.
 Лебединцев А. И., Кузьмин Я. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Северного Приохотья (Дальний Восток России) // VI Диковские чтения. Магадан, 2010. С. 116–120.

S. P. GREBENYUK

TOKAREVO CULTURE TOGGING HARPOON POINTS OF THE NORTH SEA OF OKHOTSK REGION: COMPARATIVE ANALYSIS BY MEANS OF S. A. ARUTYUNOV'S "HARPOON FORMULA"

The paper presents the results of the analysis of toggling harpoon points of the Tokarevo archaeological culture of the North Sea of Okhotsk Region (7th century BC – 5th century AD) using the S. A. Arutyunov's "harpoon formula". Seventeen different harpoon formulas have been identified, which indicated a significant structural diversity. Comparative analysis revealed significant similarities between the Tokarevo points and the early Palaeo-Eskimo cultures (one line hole, an open socket, symmetrical spurs, and forked teeth), suggesting a genetic link between the Tokarevo culture and the Palaeo-Eskimo circle. At the same time, the presence of a local innovation in the form of four line holes, and the elements

characteristic of the later cultures led to a conclusion about the transitional nature of the Tokarevo harpoon tradition, reflecting the complex processes of cultural transformation in the Northern Pacific at the turn of the new era.

Sergey P. Grebenyuk — N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)

E-mail: wessaxchannel@gmail.com

С. А. ГРИГОРЬЕВ

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ (III–II ТЫС. ДО Н. Э.)

Радиоуглеродная хронология не дает возможности обсуждения процессов культурных трансформаций в Северной Евразии, поэтому более перспективным является опора на историческую хронологию и дендрохронологию. Наиболее точные привязки могут быть получены при исследовании миграций, спровоцированных извержениями вулканов глобального характера, которые датируются по отложениям льдов в Антарктиде и Гренландии и по дендрохронологии. Это позволяет получить короткие интервалы для культур и точные даты отдельных событий. Реперами являются 2850, 2564, 1921 или 1909, 1742, 1654, 1628, 1600, 1560 и 1386 гг. до н. э., с которыми можно связать ямную и сейминско-турбинскую миграции в Европу; фатьяновскую, бабинскую и абашевскую из Европы; формирование синташтинской, донской абашевской, покровской, срубной и алакульской культур и финального бронзового века степной зоны.

Григорьев Станислав Аркадьевич — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Челябинск)

E-mail: stgrig@mail.ru

Археология базируется главным образом на радиоуглеродном анализе, чьи результаты отличаются от исторических и дендрохронологических дат. Синхронизация исторической хронологии Китая и Средиземноморья с дендрохронологией показала их совпадение [Grigoriev, 2023a] и это означает, что интервалы, основанные на радиоуглеродном методе, не верны. Из этого не следует, что радиоуглеродный метод не верен вообще. Но необходимо отказаться от использования старых LSC-дат, а современные AMS-даты использовать лишь с интервалом, рассчитанным с вероятностью 95,4 %. Эти интервалы будут широки, и даты, основанные на исторической хронологии, будут в них попадать. Однако широта этих интервалов не позволит реконструировать исторические процессы. Выходом является возврат к типологии и привязка наших типов к районам, где есть данные по дендро- и исторической хронологиям. Но длительность и время существования типа может в разных районах варьировать. Поэтому необходимо выявление первого появления какого-то типа в результате миграции, но в случае с исторической хронологией это тоже может дать широкие интервалы, и возможность их сужения зависит от количества сопоставимых типов. Выходом из этой ситуации является поиск триггера миграции, который можно точно датировать. Миграция является вынужденным процессом, и часто ее причины видят в изменении климата. Но изменения, фиксируемые палинологией, имеют низкое разрешение и способны выявить лишь общие длительные процессы. Как

правило, они плавные, и люди к ним адаптировались. Триггером миграций могли стать лишь резкие изменения. Однако локальные засухи или заморозки тоже мало дают для сопоставления удаленных культурных комплексов. Мы должны искать резкие изменения глобального характера, вызванные вулканической активностью. Последняя отражается в угнетении древесных колец, изменении их химического состава, а также в отложениях льдов Гренландии и Антарктиды. Таким образом, если мы видим синхронные миграции в Евразии и можем привязать некоторые к этим событиям, что дает основание для синхронизации процессов в разных районах.

Датировать события IV тыс. до н. э. пока не удастся. Первая возможность появляется лишь с начала III тыс. до н. э., когда соляренный минимум 2855 г. до н. э. совпал с заморозками в Европе в 2850 г. до н. э. (совпавшими, в свою очередь, с вулканической активностью) и после этого следуют ранние дендродаты культур шнуrowой керамики 2844–2737 гг. до н. э. Из этого следует, что миграция ямных племен в Центральную Европу, сместившая на запад потомков первой волны «курганых» культур, произошла в 2850 г. до н. э. Вторым наиболее холодным в Европе был 2564 г. до н. э., что совпадает с дендродатами конца средней фазы КШК, 2625–2568 гг. до н. э., а поскольку формирование фатьяновской культуры связано с миграцией из шнуrowого ареала при переходе от второй к третьей фазе, это может быть датой фатьяновской миграции.

«Событие 2200» не было связано с глобальным вулканизмом, в это время происходит ухудшение климата с похолоданием в северных широтах и блокированием азиатского муссона. Но на Ближнем Востоке происходит мощное для региона извержение вулкана во второй четверти XXII в. до н. э. (в 2173, 2168 или 2157 г. до н. э.), которое провоцирует трансформации в регионе, миграции в Европу и поэтапное изменение там культуры. Но это был именно последовательный процесс, без единой даты, что не позволяет синхронизировать разные события [Grigoriev, 2023b].

Глобальный рост вулканизма происходит в XX–XIX вв. до н. э., совпадающий с Великим Потопом Юя (образование в результате сейсмических процессов дамбы на Хуанхэ, а затем прорыв ее, датируемое в радиоуглеродном интервале 1976–1882 гг. до н. э. или около 1920 г. до н. э.), и с последовавшей за этим воцарением династии Ся в 1914 г. до н. э. Это близко миграциям из Карпатского бассейна в Северную Италию в пределах периода РБВ IV (1985–1916 гг. до н. э. — дендрохронология). В это время на юго-западе США заморозки, связанные с вулканами, имели место в 1921, 1909, 1908 и 1907 гг. до н. э. [Grigoriev, 2024]. Соответственно 1921 и 1909 гг. до н. э. являются перспективными для синхронизации событий этого периода (возможно, бабинской и абашевской миграции из Европы). И эти события приходятся на фазу снижающейся солнечной активности.

Синташтинская миграция с Ближнего Востока может быть датирована типологически XVIII в. до н. э., и вероятной датой является движение касситов в 1742 г. до н. э., но с климатическими событиями она не связана. Поэтому синхронизировать ее с иными событиями невозможно. Более перспективен для глобальной хронологии период XVII–XVI вв. до н. э., когда произошли мощные извержения, которые были связаны с рядом культурных трансформаций: в 1654 г. до н. э. (Аниакчак II — сейминско-турбинская миграция в Европу, переход A2a/A2b в Европе, Уэссекс II), 1628 г. до н. э. (неизвестный вулкан — Абашево на Дону, Шахтные гробницы Микен, A2c Европы, федоровская миграция в Сибирь, сейминско-турбинская в Китай) и 1560 г. до н. э. (Санторин — алакульская

миграция в степь, начало Шан в Китае, срубная культура, ряд преобразований в Европе и т. д.). Дополнительным репером является 1600 г. до н. э., так как покровскую культуру можно датировать с этого времени по микенским параллелям [Grigoriev, 2024].

Последним пока репером являются 1386–1385 гг. до н. э., когда происходят заморозки в хеттском царстве, наблюдаются угнетенные годовичные кольца на юго-западе США и общий солярный минимум. Это сопровождается глобальными изменениями везде и формированием финального бронзового века Северной Евразии.

Библиографический список

- Grigoriev S. Chronology of the Seima-Turbino bronzes, early Shang Dynasty and Santorini eruption // *Prähistorische Zeitschrift*. 2023a. Vol. 98, no. 2. P. 569–588.
- Grigoriev S. A. Absolute chronology of the Early Bronze Age in Central Europe, Middle Bronze Age in Eastern Europe, and the “2200 event” // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2023b. No. 10.1. P. 22–46. DOI: 10.14795/j.v10i1.817
- Grigoriev S. A. Absolute chronology for the transition to the North Eurasian Late Bronze Age and European Middle Bronze Age // *Kazakhstan Archeology*. 2024. No. 1 (23). P. 79–95.

S. A. GRIGORYEV

THE PROBLEM OF CONSTRUCTING AN ABSOLUTE CHRONOLOGY OF THE BRONZE AGE OF EURASIA (3RD–2ND MILLENNIUM BC)

Radiocarbon chronology is not sufficient for the discussion of the cultural transformation processes in Northern Eurasia, therefore, a reliance on historical chronology and dendrochronology appears to be more promising. The most accurate attribution can be obtained by studying the migrations triggered by volcanic eruptions of a global nature, which could be dated by ice deposits in Antarctica and Greenland, as well as by dendrochronology methods. This allows obtaining short intervals for the cultures and the exact dates of individual events. The reference points include 2850, 2564, 1921 or 1909, 1742, 1654, 1628, 1600, 1560 and 1386 BC, which can be associated with the Yamnaya and the Seimin-Turbino migrations to Europe, the Fatyanovo, Babino and Abashevo cultures moves from Europe; the formation of the Sintashta, the Don Abashevo, Pokrovskaya, Srubnaya and the Alakul cultures, and the final Bronze Age of the steppe zone.

Stanislav A. Grigoryev – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: stgrig@mail.ru

Д. А. ДЕМАКОВ

ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ: ИСТОРИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В настоящее время на территории Верхнего и Среднего Прикамья возобновляется изучение памятников бронзового века. Однако существует проблема, что в связи со слабой изученностью этого периода, отсутствием монокультурных комплексов и устаревшими данными археологических раскопок, возникают ситуации, когда археологические памятники ошибочно интерпретируют

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека» (рук. Е. Л. Лычагина)

как относящиеся к бронзовому веку. Целью работы является эволюция представлений об эпохе бронзы на данной территории и облике археологических культур, ее составляющих. В результате удалось выделить два аспекта, позволяющих на начальных этапах работы с источниками отсеять часть археологических памятников, которые по объективным причинам не могут датироваться эпохой бронзы: 1) принадлежность памятника к новоильинскому, гаринскому или борскому этапу турбинской культуры; 2) наличие артефактов периода раннего железного века и способ изучения памятника (разведка или раскоп). Окончательный ответ о принадлежности памятника могут дать только археологические раскопки.

Демаков Денис Александрович — к.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)
E-mail: demakov-denis@mail.ru

Под Верхним и Средним Прикамьем нами понимается бассейн р. Камы в границах современного Пермского края, от западной его границы до устья р. Сивы.

Формирование представлений о бронзовом веке на изучаемой территории прошло долгий путь, в ходе которого перечень памятников и археологических культур, относящихся к данной эпохе, неоднократно изменялись. На современном этапе интерес к периоду бронзового века вновь возрождается. Однако слабая изученность известных памятников, практически полное отсутствие чистых комплексов, недостаток археологических исследований на современном методическом уровне приводят к ошибкам в отнесении памятников к эпохе бронзы.

Турбинский I, могильник, открытый в конце XIX в., стал первым памятником бронзового века на данной территории и одним из опорных памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена (СТФ), чей ареал распространения огромен: не менее 4 млн кв. км, от Северного Китая вплоть до Прибалтики и Молдовы [Черных, Корочкова, Орловская, 2017, с. 45].

Памятники СТФ, датируемые XVII–XV вв. до н. э., на территории Верхнего и Среднего Прикамья представлены только могильниками. Исследователи старались найти поселения, синхронные древностям СТФ. Так О. Н. Бадер относил новоильинские, гаринские и борские памятники к поселениям турбинской культуры.

Принадлежность гаринско-борских и новоильинских поселений к турбинской культуре О. Н. Бадер аргументировал схожестью орнамента на металлических изделиях, найденных на могильниках, с орнаментом на керамике с поселений; близостью форм ножей поселений и могильников; совпадением форм наконечников стрел, найденных на поселениях, с наконечниками из могильников; присутствием на поселениях и в могильниках просверленных украшений из янтаря; сходством каменных колец, найденных на поселениях, с кольцами из серпентина из могильников [Жижин, Лычагина, 2022, с. 324]. Однако в 1980-х гг. исследователи начинают интерпретировать гаринско-борские и новоильинские памятники как энеолитические и перестают относить их к эпохе бронзы.

В 1953 г. Б. Х. Кадиков у д. Ерзовка открыл поселение Ерзовка I. Раскопки В. П. Денисова и О. Н. Бадера показали, что оно относится к бронзовому веку. В результате исследования была выделена ерзовская археологическая культура, относящаяся к позднему бронзовому веку (XIV–VIII вв. до н. э.) [Демаков, 2023, с. 67], в отличие от памятников СТФ, представляющих на изучаемой территории средний бронзовый век. В период с 1960-х гг.

по настоящее время открыты десятки памятников на территории Верхнего и Среднего Прикамья, относящиеся к данной культуре. Наиболее крупными из них являются поселения Ерзовское I, Заосиновское VI, Половинное I, Васюковское и Еловская стоянка.

Поселения, хронологически одновременные турбинским древностям, изучены слабо. К памятникам, заполняющим хронологическую пустоту между позднегаринскими поселениями и памятниками ерзовской культуры, можно отнести только поселение Заосиново VII (XVII–XIV вв. до н. э.) [Лычагина, 2013, с. 111].

Наряду с ерзовской культурой, в конце II тыс. до н. э. на территорию исследования проникают племена лебяжской археологической культуры XII–X вв. из Припечорья и Восточного Повычегодья. Одновременно с ерзовской культурой на Нижней Каме функционировала луговская культура, на Средней Каме и на Белой – межовская [Там же, с. 114].

На этом основании была высказана мысль о том, что на позднем этапе существования ерзовской культуры на ее территорию проникают отдельные группы носителей этих культур, следствием чего явилось сложение в Среднем Прикамье в начале I тыс. до н. э. классической ананьинской культуры с ямочно-шнуровой керамикой (В. Е. Лузгин, В. Н. Марков, А. Ф. Мельничук) [Иванов, 2023, с. 107].

Существование подобной гипотезы и наличие многослойных поселений, которые несут в себе артефакты бронзового века и периода раннего железного века, приводят к тому, что часть слабоизученных памятников ошибочно относят к поселениям бронзового века.

Примером этому может служить изученное А. В. Малышкиным в 1974–1975 гг. селище Шатово II. Исследователь в ходе разведки 1974 г. отнес его к ерзовской культуре. В 1975 г. на прибрежной части памятника он собрал подъемный материал, а на площадке заложил два шурфа и траншею. В результате была обнаружена керамика раннего железного века, и датировка памятника изменилась [Малышкин, с. 17–19].

Исследователям бронзового века Верхнего и Среднего Прикамья, а также органам охраны памятников в ходе работы с источниками и литературой о памятниках бронзового века следует обращать свое внимание на следующие аспекты:

1. Не трактуется ли принадлежность памятника как новоильинский, гаринский или борский этап турбинской культуры? Если да, то данный объект относится к периоду энеолита.

2. Обнаружены ли на памятнике артефакты периода раннего железного века и насколько подробно он изучен? Если обнаружены, то памятник возможно является либо многослойным, либо полностью относится к периоду раннего железного века.

Учитывая данные аспекты на начальных этапах работы, исследователь может уже сразу отсеять часть археологических памятников, которые по объективным причинам не могут датироваться эпохой бронзы. В остальных случаях точку в вопросе принадлежности поселения к периоду бронзового века могут поставить работа непосредственно с археологическим материалом и археологические раскопки.

Библиографический список

- Демаков Д. А. Среда обитания и селитебные предпочтения населения Верхнего и Среднего Прикамья (мезолит–бронзовый век): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2023.
- Жижин С. П., Лычагина Е. Л. История изучения энеолита Среднего Предуралья // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 322–329.

- Иванов В. А. Эпоха бронзы Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие. Пермь, 2022. С. 97–108.
- Лычагина Е. Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь, 2013.
- Малышкин А. В. Отчет об археологических исследованиях по р. Сылве в Пермском и Кунгурском районах Пермской области // Архив ИА РАН. Ф. р-1. Д. 5002.
- Черных Е. Н., Корочкова О. Н., Орловская Л. Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 2. С. 45–55.

D. A. DEMAKOV

**BRONZE AGE SITES OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION:
THE HISTORY OF CHRONOLOGICAL AND CULTURAL INTERPRETATION**

Currently, the study of Bronze Age sites is being resumed in the territory of the Upper and Middle Kama region. However, due to the fact that the period was rather poorly researched; the lack of any monocultural complexes, or the dated archaeological excavations data, situations may arise when some archaeological sites could be mistakenly interpreted as belonging to the Bronze Age. The purpose of this work is the evolution of ideas about the Bronze Age in this area and the appearance of the archaeological cultures of which it was made up. As a result, we managed to identify two aspects that made it possible at the initial stages of studying the sources to exclude some of the archaeological sites that, for objective reasons, could not date back to the Bronze Age: 1) the site belonged to the Novoilinsky, Gari or Bor stage of the Turbino culture; 2) the presence of artifacts from the Early Iron Age period, and the method of the site study (archaeological survey or excavation). The final answer about the sites attribution can only be given by archaeological excavations.

Denis A. Demakov – Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm)
E-mail: demakov-denis@mail.ru

A. A. ДУДКО, Ю. А. ВАСИЛЬЕВА

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЕВРА 28
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2016 Г.)**

В августе–октябре 2016 г. проведены археологические раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Евра 28», расположенном в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Тремя раскопами изучено 1 164 кв. м площади памятника. Полученный керамический комплекс насчитывает 783 фрагмента керамических сосудов (включая подъемные сборы). Комплекс керамической посуды представлен фрагментами сосудов, большая часть которых по морфологии относится к верхней части тулова. Частичная реконструкция сосудов позволила выделить четыре морфологические группы керамики: крупные остродонные сосуды с прямыми стенками; круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой слегка наклоненной внутрь шейкой и раздутым туловом; круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой отогнутой наружу шейкой; круглодонные сосуды с прямыми тонкими стенками. Наиболее узнаваемой посудой являются сосуды ушьянского, атымьинского и лозьвинского типов.

Дудко Александр Андреевич – ИП Дудко А. А. (Россия, Новосибирск)
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Васильева Юлия Александровна – ИП Дудко А. А. (Россия, Новосибирск)
E-mail: jvsl@mail.ru

В августе–октябре 2016 г. под руководством А. А. Дудко проведены археологические раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Евра 28», расположенном в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Тремя раскопами изучено 1 164 кв. м площади памятника [Дудко и др., 2016].

Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Евра (левый приток четвертого порядка р. Обь), высота террасы – 9–12 м. С северо-северо-востока мыс ограничен руслом р. Евра, а с юго-юго-востока – обширной заболоченной ложбиной, в центре которой расположено зеркало небольшого безымянного озера. Площадка мыса относительно ровная, поросла вторичным сосновым лесом на лишайниково-кустарничковом напочвенном покрове.

Памятник открыт в 2012 г. А. В. Соколовым, датирован периодом позднего бронзового века. В сентябре 2015 г. археологической экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» проведены работы в рамках государственной историко-культурной экспертизы земель под хозяйственное освоение и получен керамический комплекс периода неолита, энеолита и поздней бронзы (VI тыс. до н. э. – рубеж II–I тыс. до н. э.).

Полученный при раскопках в 2016 г. керамический комплекс насчитывает 619 фрагментов керамических сосудов, еще 163 фрагмента обнаружены по береговой линии р. Евра в ходе осмотра территории памятника. Кроме того, обнаружены два керамических рыболовных грузила.

Комплекс керамической посуды представлен фрагментами сосудов, большая часть которых по морфологии относится к верхней части тулова. Частичная реконструкция сосудов позволила выделить несколько основных морфологических групп керамики:

Группа 1. Крупные остродонные сосуды с прямыми стенками. Венчик прямой либо скошен внутрь. Толщина стенок 0,5–1 см. Орнамент представлен разнообразными вариациями гребенчатого и фигурного штампа по всей поверхности сосудов, рядами ямочных вдавлений по плечу, в некоторых случаях и по тулову. Орнамент на срезе венчика оформлен рядами гребенчатых штампов и волнообразным зашипыванием. Тесто этой группы керамики отличается значительной примесью песка крупных фракций, отчего поверхность слоится и крошится. Внутренняя поверхность грубо обработана щепой или травой, видны следы в виде неглубоких неравномерных параллельных борозд. Вероятно, сосуды лепились на основе или в основе, о чем говорят характерные оттиски на их поверхности. Использовалась техника лоскутного налепа.

Группа 2. Круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой слегка наклоненной внутрь шейкой и раздутым туловом. Венчик округлый либо скошен внутрь. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Орнамент представлен наклонными рядами гребенчатого штампа и рядом слабовыраженных заглаженных жемчужин по шейке сосуда, тулово не орнаментировано. Орнамент на срезе венчика – ряды гребенчатого штампа. Керамика вылеплена из качественного теста, содержащего примесь шамота и песка, имеет хороший обжиг. Поверхность сосудов хорошо обработана, отмечаются линейные следы заглаживающего инструмента (трава, щепка).

Группа 3. Круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой отогнутой наружу шейкой. Венчик скошен внутрь и наружу. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Орнамент представлен разнообразными вариациями гребенчатого и фигурного штампа, повторяющимися по всей поверхности сосудов. Срез венчика скошен наружу, орнаментирован и идентичен

орнаменту по тулову. Керамика вылеплена из качественного теста, содержащего примесь шамота и песка, имеет хороший обжиг.

Группа 4. Круглодонные сосуды с прямыми тонкими стенками. Венчик округлый либо прямой. Толщина стенок до 0,5 см. Орнамент представлен разнообразными вариациями гребенчатого штампа по всей поверхности сосудов, рядом ямочных, часто сквозных вдавлений по плечу. Керамика вылеплена из качественного теста, содержащего примесь шамота и песка, хорошего обжига.

Всего выделено 53 оригинальных сосуда или фрагментов сосуда с орнаментальными элементами. Наиболее узнаваемой посудой являются сосуды ушшинского, атымьинского и лозьвинского типов, к которым относится больше половины выделенных сосудов [Кокшаров, 2009; Погодин, Труфанов, 2017]. Дифференциация остальной части керамического комплекса посуды по культурно-хронологическим типам затруднена вследствие того, что около трети фрагментов посуды с орнаментальными элементами с чертами определенного типа представлены на одном-двух экземплярах. Это сосуды умытшинского, еньинского, сумпаньинского и варпаульского типов, усть-полуйской и кучиминской культур [Гиря и др., 2019; Фёдорова и др., 1991]. Оставшиеся около 10 % фрагментов сосудов с оригинальными орнаментальными элементами представляют собой небольшие (до 5 см в поперечнике) фрагменты.

Таким образом, материалы раскопок 2016 г. поселения Евра 28 подтверждают первоначальную датировку памятника периодом от среднего неолита до поздней бронзы, однако она может быть расширена за счет обнаруженной керамики раннего железного века и средневекового времени. Многокомпонентность керамического комплекса поселения Евра 28 представляет значительный интерес для разработки и уточнения периодизации голоценовых объектов бассейна р. Конды.

Библиографический список

- Гиря Е. Ю., Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Труфанов А. Я., Чемякин Ю. П. Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. Екатеринбург, 2019.
- Дудко А. А., Васильева Ю. А., Цыбанков А. А., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Картозия А. А. Предварительные результаты охранно-спасательных археологических раскопок на поселении Евра 28 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. 22. С. 559–561.
- Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009.
- Погодин А. А., Труфанов А. Я. Памятник лозьвинской культуры на поселении Большая Умытша 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2017. С. 59–87.
- Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

A. A. DUDKO, Yu. A. VASILYEVA

CERAMIC COMPLEX OF EVRA 28 SETTLEMENT (BASED ON THE RESULTS OF 2016 EXCAVATIONS)

The recently discovered archaeological heritage site Evra 28 settlement in the Konda district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra was excavated in August–October 2016. Our team excavated 1,164 sq. m. of the site area. The ceramic complex contained 783 ceramic vessel sherds (including scatter). The pottery complex was represented by sherds of vessels, most of which morphologically belonged to the

upper part of the body. Partial reconstruction of the vessels made it possible to identify four morphological groups of pottery: large sharp-bottomed vessels with straight walls; round-bottomed low profile vessels with a straight, slightly inward inclined neck and a swollen body; round-bottomed low profile vessels with a straight deflected to the outside neck; and round-bottomed vessels with straight thin walls. The most recognizable items were the vessels of the Ushjinsky, Atymjino and Lozva types.

Alexander A. Dudko – Individual Entrepreneur (Russia, Novosibirsk)

E-mail: a-dudko9@mail.ru

Julia A. Vasilieva – Individual Entrepreneur (Russia, Novosibirsk)

E-mail: jvsl@mail.ru

А. В. ЕПИМАХОВ, Е. В. КУПРИЯНОВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕВИАНТНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА (ВОЗМОЖНОСТИ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА)

Работа анализирует информационный потенциал погребений, резко отличных от стереотипов обрядности конкретных археологических культур. Единичность таких примеров серьезно лимитирует возможности интерпретации. Острота проблемы частично снимается в случае использования методов естественных наук. В качестве примера использованы погребения бронзового века в микрорайоне с. Степное (Челябинская область), где выявлены три погребения в культурном слое одноименного поселения, а также вторичное (захоронение) в могильнике Степное VII. В сравнении с основной массой синташтинских и петровских погребений экстраординарные комплексы имели некоторые инокультурные черты. Использование изотопии стронция (люди и животные) позволило разделить серию по происхождению на достоверно местных и неместных. В последнюю выборку попали все экстраординарные комплексы, по которым есть измерения. Следовательно, происхождение было важным фактором, определявшим способы обращения с покойным. Это иллюстрирует разные сценарии адаптации прибывших извне индивидов в локальный социум.

Епимахов Андрей Владимирович – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: eav74@rambler.ru

Куприянова Елена Владиславовна – к.и.н., Челябинский государственный университет (Россия, Челябинск)

E-mail: dzdan@mail.ru

Массовое распространение курганной традиции в позднем бронзовом веке степной Евразии дало в руки специалистов огромный и разнообразный материал для анализа социальной организации, демографии и идеологии конкретных обществ. Далекое не всегда можно рассматривать выборку погребений могильника как адекватное отражение популяции [Епимахов, Ражев, 2003], поэтому аргументы должны подбираться в максимальной полноте и конкретности. Одним из обстоятельств, указывающих на сложности на пути таких реконструкций, является практика обращения с покойным, резко отличная от погребального канона той или иной археологической культуры. Хотя археология в значительной степени ориентирована на поиски повторяемости, запечатленной в статистически достоверных сериях, отклонения от стереотипов не менее важны для полноты картины, хотя и более трудны для трактовки.

Среди больших серий, часть из которых (например, срубной культурной общности) можно назвать монотонными, постепенно формируются выборки нестандартных погребений [Берсенева, 2021; Куприянова, 2018; и др.], относительная многочисленность некоторых из них уже оценена как разновидность *нормативной* погребальной практики, другие признаны девиантными [Берсенева, 2021, с. 210]. Возможности интерпретации последних часто лимитированы их единичностью, сохранностью и возможностями приложения данных естественно-научных дисциплин. В некоторых случаях последние создают предпосылки для перехода от уровня выдвижения гипотез к их аргументации. В качестве примера мы намерены использовать материалы микрорайона у с. Степное (Челябинская область, Пластовский район). Часть интересующих нас материалов опубликована [Батанина, Куприянова, 2023], другие получены в сезоне 2023 г. В нашем случае не менее важно наличие базы для сравнений в виде больших серий хорошо документированных «стереотипных» погребений [Куприянова, 2016; Куприянова, Зданович, 2015; и др.], хотя в отношении синташтинских памятников выделение культурных стереотипов не самая тривиальная задача.

Среди многочисленных погребений синташтинской и петровской культур, имеющих в данном микрорайоне сходную хронологию (начало II тыс. до н. э.), выделяются три захоронения в культурном слое поселения, а также безынвентарное, вероятно, вторичное погребение 52 могильника Степное VII. Между ними трудно обнаружить прямое сходство, так как речь об индивидах разного возраста и пола, не говоря уже о составе инвентаря. Последний (при наличии такового) имеет инокультурные черты. Интерпретация причин появления таких погребений варьирует в широких пределах, но в данном случае трудно сослаться на реализацию идеи строительной жертвы, чему противоречит контекст.

Для территории микрорайона проведена серия измерений изотопов стронция людей и животных, кроме того, мы располагаем картой фоновых значений для диагностирования происхождения биологических организмов [Епимахов и др., 2023]. В нашей серии статистическими выбросами по данному показателю оказались именно экстраординарные покойные. Соотношение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмали зубов для них резко отличается от значений по остальным людям и домашним животным. Последние, видимо, выпасались в районе расположения памятников. Sr-сигнал большинства покойных указывает на то, что детство они провели в этой же геоморфологической зоне. Что касается «выбросов», то эти умершие явно родились за пределами Южного Зауралья. Имеющаяся карта фоновых значений пока не позволяет указать зону их происхождения, так как сформированные изотопные интервалы геоморфологических мезазон существенно отличаются от экстраординарных погребенных. Таким образом, одним из факторов появления погребальной практики, отличной от стереотипов социума, могло быть происхождение индивида. Разумеется, это не универсальный ответ, однако, в данном случае есть возможность опереться не только на археологические факты, но и данные анализа изотопов. Следовательно, этот сценарий обязательно должен рассматриваться при реконструкции истории формирования социума и практик адаптации в него новых членов.

Библиографический список

Батанина Н. С., Куприянова Е. В. Погребения людей на укрепленном поселении Степное по результатам раскопок 2021 года // Степное: новые горизонты. Челябинск, 2023. С. 101–111.

- Берсенева Н. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 2. С. 206–214.
- Епимахов А. В., Ражев Д. И. Тафокомплекс и социальная реальность (по материалам синташтинских памятников) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2003. Вып. 2 (18). С. 29–32.
- Епимахов А. В., Чечушков И. В., Киселева Д. В., Анкушев М. Н., Анкушева П. С. Картирование биодоступного $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ в Южном Зауралье // Литосфера. 2023. Т. 23 (6). С. 1079–1094.
- Куприянова Е. В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сборник научных трудов к 80-летию Г. Б. Здановича. Челябинск, 2018. С. 184–197.
- Куприянова Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск, 2016.
- Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск, 2015.

A. V. EPIMAKHOV, E. V. KUPRIYANOVA

INTERPRETATION OF DEVIANT BURIALS OF THE BRONZE AGE (MULTIDISCIPLINARY APPROACH POTENTIAL)

The paper studies the information potential of interments, the funeral rites of which differed significantly from the practices typical for a specific archaeological culture. The uniqueness of these cases seriously limits the interpretation options. The severity of the problem is partially alleviated in the case of using scientific analysis methods. As a case study, we used the Bronze Age interments in the microdistrict of Stepnoye village (Chelyabinsk region), where three interments were found in the cultural level of the settlement of the same name, as well as a secondary (burial) in Stepnoye VII burial ground. Compared to most of the Sintashta and Petrovsky interments, the extraordinary complexes displayed some foreign cultural features. The use of strontium isotopism (humans and animals) made it possible to divide the series by origin into the reliably local and non-local ones. The latter sample covered all the extraordinary complexes for which measurements were taken. Therefore, the origin was an important factor determining the way the deceased were treated. This illustrated the different scenarios of adaptation of the individuals arriving from the outside to the local societies.

Andrey V. Epimakhov – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: eav74@rambler.ru

Elena V. Kupriyanova – Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: dzdan@mail.ru

Т. С. МАЛЮТИНА, А. О. БУКАЧЕВА, Ю. С. МАКУРОВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СИНТАШТА VI. ИССЛЕДОВАНИЯ 2020–2023 ГГ.

Исследования эпонимного памятника синташтинской культуры в Южном Зауралье продолжается с 1970-х гг. В ходе работ последних лет был обнаружен новый погребальный объект с захоронениями эпохи поздней бронзы — Синташта VI. В докладе вводятся в научный оборот результаты археологических раскопок этого памятника. Исследования показали наличие погребальной площадки из 24 могильных ям, рва и жертвенника. Среди погребального инвентаря были обнаружены керамические сосуды, бронзовые и пастовые украшения, остеологические останки. Комплекс

артефактов иллюстрирует традиции синташтинской, алакульской, срубной культур и маркирует время сложения срубно-алакульского культурного образования на Южном Урале.

Малютинa Татьяна Сергеевна — к.и.н., «Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим»; Челябинский государственный университет (Россия, Челябинск)

E-mail: malytina.t.s@yandex.ru

Букачева Анастасия Олеговна — начальник отдела охраны и изучения объектов культурного наследия «Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим» (Россия, Челябинск)

E-mail: anastasia_26@list.ru

Макуров Юрий Сергеевич — заместитель директора, «Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим» (Россия, Челябинск)

E-mail: ymakurov@yandex.ru

Синташтинский археологический комплекс активно исследовался в 1970–1980-х гг. и стал отправной точкой для изучения синташтинской культуры на территории Южного Зауралья. Памятник расположен на левом берегу р. Синташта, в 2,5–3 км к востоку от пос. Рымникский (Брединский район Челябинской обл.). В ходе работ в 1970–1980-х гг. были изучены укрепленное поселение Синташта и Синташтинский могильник, в состав которого входят Большой курган (далее — БСК), грунтовые и курганные захоронения. Большинство погребальных сооружений могильника принадлежало к синташтинскому периоду функционирования поселения. Культурный слой укрепленного центра представлен материалами не только синташтинского, но и алакульского, федоровского, саргаринско-алексеевского горизонтов, однако поздние слои поселения в публикации материалов представлены ограниченно [Генинг В. Ф., Зданович, Генинг В. В., 1992, с. 19]. После возобновления работ в 2005 г. [Зданович; Зданович, Малютинa, 2017] на территории комплекса были обнаружены новые погребальные объекты — группа захоронений эпохи поздней бронзы и раннего железного века (Синташта IV) и линия небольших менгиров (Синташта V) [Зданович; Зданович, Малютинa, 2017; Малютинa и др., 2023]. Доклад посвящен итогам исследования площадки погребений Синташта VI, открытой в 2020 г. и входящей в состав Синташтинского могильника.

Результаты полевых исследований

Объект обнаружен Г. Б. Здановичем в ходе рекогносцировочных работ на площадке, прилегающей к северной границе второго прямоугольного рва БСК и содержал ряд детских погребений эпохи бронзы. Раскопки проводились с 2020 по 2023 гг. Изученный участок представляет собой часть многомогильного комплекса. Визуально на поверхности какая-либо курганная насыпь или границы погребальной площадки не фиксируются, поэтому точно определить границы распространения погребений возможно только при помощи проведения раскопок. По линии запад — восток площадка изучена на 22 м, и по линии север — юг — на 16 м. Общая площадь раскопа составила 270 кв. м. С северной и восточной сторон был зафиксирован ров (глубиной от 20 до 40 см), который, вероятно, ограничивал погребальное поле.

В результате исследовано 24 могильные ямы, 17 из них одиночные детские захоронения по обряду ингумации, в двух ямах остатки кремации, одна принадлежала взрослому

индивиду, в пяти случаях наличие скелета не зафиксировано (судя по размерам, они были предназначены для детей). Планировка ям на площадке комплекса — линейная (по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу). Захоронения осуществлялись в грунтовых ямах, впущенных в материк на различную глубину. Размеры ям небольшие (до 1,2×0,7×1,2 м), почти все обустроены в виде погребальных камер с одним–двумя бревенчатыми перекрытиями и стенами, закрепленными деревом или глинобитными блоками. В качестве надмогильного сооружения над многими погребальными камерами обустроены небольшие грунтовые сооружения (купол?), остатки которых фиксировались в культурном слое.

Единственное взрослое захоронение совершено на спине с разворотом на правый бок, головой ориентировано на север — северо-запад, правая нога и рука в согнутом положении, левая нога и рука вытянуты вдоль тела. Судя по инвентарю, захоронение принадлежало женщине. Сосуды найдены в восточной части ямы, возле ног погребенного. В области нижней челюсти зафиксировано обилие фаянсовых бус и очковидная подвеска, которые, вероятно, являлись частью ожерелья. Еще одно скопление бус было расчищено слева от костяка. Возможно, оно связано с украшением некоего предмета, положенного в могилу. Под скелетом фиксировалась прослойка органического происхождения, вероятно, связанная с подстилкой, на которой была уложена погребенная.

В детских погребальных камерах, где захоронения совершены по обряду трупоположения, расположение погребенных однотипное. Сохранившиеся кости скелетов зафиксированы в скорченном положении на левом боку, ориентированы головой на север, кисти рук сложены перед лицом. Сосуды располагались в восточной половине ямы, в районе черепа или перед костями рук. Количество их варьировалось от одного до четырех, преобладают два сосуда в одном погребении. В пяти погребениях присутствуют пастовые бусы (бисер). Они располагались в районе ребер, ног и головы погребенных. В двух случаях сохранились фрагменты бронзовых браслетов. В одном из них зафиксирован парный набор. В двух ямах найдены астрагалы. В одной из них зафиксирован набор из 37 единиц (могильная яма № 6), расположенный продольно в две изогнутые линии между скелетом ребенка, повторяя его контуры, и сосудами.

В двух случаях зафиксированы остатки кремации. В могильной яме 20 она представляла собой выгнуто-вогнутое овальное скопление кальцинированных костей, расположенных вдоль западной стенки ямы. Возможно, в данном случае имело место наличие антропоморфной куклы, встречающихся в погребениях позднего бронзового века [Виноградов, 1984, с. 151]. Захоронения с остатками кремации также сопровождалась сосудами. В четырех ямах, где остатки погребенных не обнаружены, были установлены сосуды.

Отдельно был зафиксирован жертвенник, который представляет собой ямку с положенным в нее черепом МРС, затылком вниз. Д. Г. Зданович отмечает, что для детских погребений характерно именно использование МРС в качестве жертвенной пищи [2005].

Керамические сосуды (40 экз.) баночной формы, в основном без орнамента. Сосуды горшечной формы имеют композиции геометрического орнамента с чертами синташтинской, алакульской и срубной культур. Очковидная подвеска размерами около 1,5×2 см изготовлена из металлической проволоки, оба конца которой свернуты в округлую спираль, а середина изогнута в форме дужки. Аналогичные подвески встречаются в петровских и алакульских памятниках бронзового века [Куприянова, 2008, с. 24]. Судя по расположению

украшения, данная подвеска, вероятно, была частью ожерелья, вместе с бусами. Пастовые бусы встречены в нескольких погребениях, они нашивались на одежду, и были частью нашейных украшений. Фрагменты браслетов имеют желобчатую форму с округлыми концами.

Устройство погребальных камер как для детских, так и для взрослого захоронения в основных чертах не отличается от погребальной архитектуры синташтинского этапа существования могильника и, очевидно, продолжают обычаи этого времени. Облик керамики, украшения в большей степени характеризуют срубно-алакульские традиции. В целом, рассмотренные материалы отражают существование данного археологического комплекса в период поздней бронзы. Условия фиксации погребальной площадки свидетельствуют, что она формировалась относительно уже существующих конструкций БСК. В рамках радиоуглеродной калиброванной шкалы наиболее вероятно датировка XVIII–XV вв. до н. э. [Епимахов, 2014]. Территория Зауральской степи в данный период неоднократно рассматривалась исследователями как зона широкого взаимопроникновения срубных и алакульских традиций [Алаева, 2015].

Библиографический список

- Алаева И. П. Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). С. 9–15.
- Виноградов Н. Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136–153.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники Арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
- Епимахов А. В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии. Алматы, 2014. С. 125–205.
- Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.
- Зданович Д. Г. Синташта: территория места // Аркаим. Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник. URL: https://arkaim-center.ru/science/nashi-publikacii/sintashta_territoriya_mesta (дата обращения: 15.05.2024).
- Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Большой Синташтинский курган — древнейшее храмово-погребальное сооружение степной Евразии. К перспективе исследований // Горизонты цивилизации. 2017. № 8. С. 68–84.
- Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как текст (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.
- Малютина Т. С., Макуров Ю. С., Букачева А. О., Сидорин В. М. Археологические исследования и работы по музеефикации на территории Синташтинского археологического комплекса в 2021 году // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы II Международной междисциплинарной конференции. Челябинск, 2023. С. 66–74.

T. S. MALYUTINA, A. O. BUKACHEVA, Yu. S. MAKUROV

BURIAL COMPLEX SINTASHTA VI. 2020–2023 EXCAVATIONS

Research on the eponymous site of the Sintashta culture in the Southern Trans-Urals has been going on since the 1970s. In the course of the recent years excavations we discovered a new burial site — Sintashta VI, containing the Late Bronze Age interments. The paper is the first publication of the results of archaeological excavations of this site. The research revealed the presence of a burial site with 24 burial

pits, a ditch and an altar. The grave goods contained ceramic vessels, bronze and paste jewelry, and osteological remains. The complex of the artifacts illustrated the traditions of the Sintashta, Alakul, and Srubnaya cultures and marked the time of the formation of the Srubno-Alakul cultural formation in the Southern Urals.

Tatiana S. Malyutina – Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Arkaim”; Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: malyutina.t.s@yandex.ru

Anastasia O. Bukacheva – Chelyabinsk State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Arkaim” (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: anastasia_26@list.ru

Yuri S. Makurov – Chelyabinsk State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Arkaim” (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: ymakurov@yandex.ru

В. И. МОЛОДИН, М. С. НЕСТЕРОВА, Л. С. КОБЕЛЕВА

ВАРИАНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1)*

Доклад посвящен первым результатам изучения следов использования огня в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры по материалам могильника Тартас-1. Представлены предварительные статистические данные о количестве захоронений с теми или иными свидетельствами огня, в том числе данные о погребениях, выполненных по обряду кремации. Выявлены планиграфические закономерности в распространении кремаций на могильном поле. Выделены различные варианты использования огня в могилах по обряду ингумации.

Молодин Вячеслав Иванович – д.и.н., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Нестерова Марина Сергеевна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: msnesterova@gmail.com

Кобелева Лилия Сергеевна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

Особое место при реконструкции мировоззрения древнего населения занимает изучение роли огня и его символов в погребальной практике, появление кремации и ее элементов. В погребально-поминальных памятниках, исследованных на территории Западной Сибири, регулярно отмечаются следы древних огненных ритуалов. К ним относятся прокалы на поверхности или в заполнении могильных ям, остатки золы и углей, следы частичного обожжения умерших, а также кремация. Наиболее яркие проявления культа огня отмечаются в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры, где захоронения по

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности» (рук. В. И. Молодин)

обряду кремации получили широкое распространение наряду с ингумацией, особенно в западном ее ареале. Однако ситуация на разных могильниках существенно различается, к тому же следует учитывать полноту исследования того или иного памятника.

Так из 505 захоронений андроновской (федоровской) культуры, исследованных на могильнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) 91 погребение совершено по обряду кремации (18 %), 13 (2,5 %) — относятся к биритуальным комплексам (сочетание ингумации и кремации), еще в 43 могилах обнаружены различные следы огня (8,5 %). Итого доля захоронений с теми или иными свидетельствами огня составляет 30 % [Молодин и др., 2022].

Следует отметить некоторые закономерности в распространении кремаций на могильном поле памятника Тартас-1. Анализ комплексов андроновской (федоровской) культуры в тандеме с радиоуглеродной хронологией позволяет проследить историю формирования могильника с южной части на север. И если в южной части некрополя кремации действительно фиксируются достаточно редко (не более одной-двух в ряду), то к северу их количество повышается в разы. Увеличение концентрации кремаций совпадает с ареалом погребально-поминальных комплексов — монументальных сооружений, состоящих из рвов и ям, окружающих могилы. Такие комплексы сопровождались земляными насыпями, уничтоженными в результате многолетней распашки могильного поля. Причем погребения с кремированными останками встречаются как в погребально-поминальных комплексах, так и в рядах могил, устроенных между ними, составляя порой более половины погребений в ряду. Вероятно, такая смена соотношения способов погребения связана с притоком новых волн андроновского (федоровского) населения, в среде которого были распространены те или иные вариации погребальной практики [Молодин, 2011].

Еще одна дискуссионная проблема в изучении кремаций связана с особенностями положения кремированных останков в могиле. Исследователи высказывали мнения о возможности создания кукол, выкладывания костей в анатомическом порядке, о высыпании кучки кальцинированных костей из какой-либо емкости [см. напр., Сотникова, 2015]. В кремациях могильника Тартас-1 неоднократно зафиксирован сопроводительный инвентарь — костяные пуговицы и распределители ремней. Вполне возможно, что эти находки могут свидетельствовать о захоронении кальцинированных останков в каких-то емкостях, затянутых с помощью распределителей.

Особой проблемой является изучение так называемых биритуальных захоронений [Хлобыстина, 1976], в которых наблюдаются погребения, совершенные как по обряду кремации, так и по обряду ингумации.

Среди следов использования огня в могилах по обряду ингумации можно выделить следующие: прокалы в верхней части заполнения или на поверхности могильной ямы, фрагменты кальцинированных костей в заполнении, следы воздействия на стенах и/или дне могильной ямы. Отмечено четыре погребения со следами локального термического воздействия на костях. Выделена также группа захоронений с золистой линзой в заполнении, охарактеризованных ранее [Молодин, Нестерова, Кобелева, 2021].

Вероятно, мы имеем дело с проявлениями различных функций использования огня в погребальной обрядности. Так, по мнению Е. Е. Кузьминой, хотя разнообразные следы огня в погребениях (уголь, пепел, зола, прокалы, кремированные останки) и относятся к

единому проявлению культа огня, это остатки совершенно различных обрядовых действий, совершавшихся в разное время и по разным причинам [Кузьмина, 1986, с. 88]. Таким образом, использование огня в различных вариациях было широко распространено среди носителей андроновской (федоровской) культуры, оставивших некрополь Тартас-1. Дальнейшее планиграфическое и статистическое изучение этих захоронений, в том числе метрическое и макроскопическое исследование кремированных останков, позволит детально реконструировать различные элементы погребальной практики, подробно охарактеризовать процесс кремации и последующие манипуляции с костями.

Библиографический список

- Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Молодин В. И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 58–69.
- Молодин В. И., Нестерова М. С., Кобелева Л. С. Одно из проявлений погребально-поминальной практики у носителей андроновской (федоровской) культуры в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 1. С. 39–52.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Мыльникова Л. Н., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ефремова Н. С., Наглер А., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Селин Д. В. Тартас-1 – перекресток культур и эпох. Новосибирск, 2022. Т. 1.
- Сотникова С. В. К вопросу об антропоморфизации кремированных останков в погребальном обряде населения андроновской культурно-исторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1. С. 116–124.
- Хлобыстина М. Д. К вопросу о «биритуальных» образах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 8–15.

V. I. MOLODIN, M. S. NESTEROVA, L. S. KOBELEVA

VARIANTS OF THE USE OF FIRE IN THE FUNERAL PRACTICES OF THE ANDRONOVO (FEDOROVO) CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF TARTAS-1 BURIAL GROUND)

The paper shares the first results of the study of traces of the use of fire in the funeral practices of the Andronovo (Fedorovo) culture based on the materials of Tartas-1 burial ground. The authors presented preliminary statistical data on the number of interments with various evidences of the use of fire, including the data on burials performed according to the cremation rite. The study revealed the planigraphic patterns in the distribution of cremations in the burial field. The study also highlighted various options for using fire in the inhumation type burials.

Vyacheslav I. Molodin – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Marina S. Nesterova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: msnesterova@gmail.com

Liliya S. Kobeleva – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

И. В. МОЛЧАНОВ

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ АБАШЕВСКИХ И СИНТАШТИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
В СТЕПНОЙ ПОЛОСЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

Доклад посвящен пространственному анализу абашевских и синташтинских поселений степной зоны Южного Зауралья методом археологической картографии с целью выявления закономерностей в их географическом положении. На сегодняшний день число поселений абашевской культуры достигло трех, что сдвинуло границу ее ареала дальше на восток. Культурный слой и керамический комплекс указывают на однократное освоение площадок этих памятников абашевским населением. В результате были сделаны следующие наблюдения. Абашевские памятники локализуются на первой надпойменной террасе левого берега старичных русел рек, в 3 м над современным урезом воды. В двух случаях отмечается освоение площадок памятника в более поздний, срубно-алакульский период. Интересным представляется аспект расположения синташтинских памятников на противоположном, правом берегу реки, на расстоянии около 0,6–1,5 км выше по течению от абашевских. Отмечается, что площадки, занимаемые абашевским населением, в сравнении с синташтинскими, расположены выше над уровнем уреза воды. Приведенные закономерности являются лишь гипотезой, требующей дальнейших исследований.

Молчанов Иван Владимирович — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: kolis@mail.ru

Концепция «археологии поселений» подразумевает многокомпонентный подход к изучению мест обитания людей в прошлом, основанный на методах смежных научных дисциплин, в том числе и географии [Корякова, 2012, с. 12]. Последняя интересна археологам с точки зрения возможностей современного картографирования, в свою очередь, являющегося неотъемлемой частью направления — «ландшафтная археология», которая, использует возможности геоинформационных систем [Коробов, 2011, с. 16]. Археологическая картография — графический метод отображения географической локализации археологических памятников на земной поверхности. Такой подход позволяет составлять карты размещения памятников разных археологических культур для изучения систем их размещения, взаимосвязей и взаимовлияния [Монгайт, 1962, с. 16, 17].

Для северной части степной зоны Южного Зауралья до недавнего времени было известно лишь одно поселение (Мало-Кизильское селище) абашевской культуры, маркирующее восточную границу ее распространения. Исследования последних лет позволили выявить новые, степные поселения этой культуры — Заря 1 и Коноплянка 2-2. Последнее является самым восточным памятником ее ареала. Поселений синташтинской культуры на этой территории известно значительно больше.

Опираясь на методы картографирования и с целью определения закономерностей в ландшафтном расположении поселений с четкой абашевской атрибуцией и укрепленных поселений синташтинской культуры, был проведен их пространственный анализ.

На сегодняшний день единственной наиболее полной работой, в которой делается попытка пространственного соотношения абашевских и синташтинских древностей на Южном Урале остается публикация А. В. Епимахова и Н. И. Чуева. Однако используемые в ней данные содержат памятники со смешанными материалами, а их культурная

атрибуция была не всегда понятна, для ряда из них делалась с опорой на мнение авторов исследований [Епимахов, 2011].

Абашевская культурная принадлежность рассматриваемых в докладе поселений не вызывает сомнений в силу их однофазного функционирования, подтвержденного стратиграфическими наблюдениями и наличием керамического комплекса только этой культуры.

На сегодняшний день в степной зоне Южного Зауралья известно всего три бытовых памятника, хорошо атрибутируемые как абашевские, — Мало-Кизильское селище, и упомянутые выше поселения Коноплянка 2-2 и Заря 1. Объекты расположены в трех разных административно-территориальных районах Челябинской области: Агаповском (Мало-Кизильское селище), Карталинском (Коноплянка 2-2) и Кизильском (Заря 1).

Если обсуждать их географическое положение, то все они находятся на первой надпойменной террасе старичных русел рек. Так Мало-Кизильское селище локализовано на левом, обрывистом береговом мысу старицы р. Малый Кизил. На момент исследования памятника на его площадке не было выявлено структур других периодов бронзового века [Сальников, 1954, с. 67]. Поселение Коноплянка 2-2 занимает площадку на слабо выраженной береговой террасе, имеющей небольшой наклон в сторону левого берега современного русла р. Карагайлы-Аят. Оно расположено в 220 м от укрепленного поселения Коноплянка и примерно в 150 м к северо-северо-востоку от старичного озера, на высоте 3 м над урезом воды. В 40 м к юго-западу от него находится срубно-алакульская линия жилищных впадин [Корякова и др., 2020, с. 62, 63]. Поселение Заря 1 занимает площадку первой надпойменной террасы левого берега старицы р. Зингейка, на высоте 2–3 м выше уровня уреза воды [Molchanov et al., 2023, с. 40]. Абашевская постройка исследована в 15 м к востоку от крайней жилищной впадины срубно-алакульского или более позднего периода.

Для пространственного сопоставления памятников выбраны только два абашевских памятника — Коноплянка 2-2 и Заря 1, имеющие в своей округе укрепленные поселения синташтинской культуры — Коноплянка и Сарым-Саклы, соответственно. Первое расположено в 600 м к северо-северо-востоку от абашевского. Оно занимает террасовый остров на правом берегу р. Карагайлы-Аят. Поселение стоит на возвышенном террасовом острове, в 2–2,5 м выше уровня уреза воды [Зданович, Батанина, 2007, с. 111]. Вероятно, в древности поселение занимало наиболее высокую часть надпойменного рельефа. Поселение Сарым-Саклы находится примерно в 1,5 км к востоку от поселения Заря 1, на террасовом мысу правого берега р. Зингейка. Площадка мыса возвышается над уровнем современной поймы на высоте 2 м [Там же, с. 137].

В результате были сделаны следующие наблюдения. Согласно топографическому описанию абашевских памятников, они имеют общие черты — локализация на первой надпойменной террасе левого берега старичных русел рек, в 3 м над современным урезом воды. На занимаемой поселением площадке в двух случаях отмечается ее повторное заселение в более поздний срубно-алакульский период. Интересным представляется аспект расположения синташтинских памятников на противоположном, правом берегу реки, на расстоянии около 0,6–1,5 км выше по течению от абашевских. Отмечается, что площадки, занимаемые абашевскими населением, в сравнении с синташтинскими находятся выше над уровнем уреза воды. Приведенные описания могут помочь в поисках укрепленного

поселения в районе Мало-Кизильского селища, в округе которого проведено небольшое число археологических разведок. Анализ космоснимков или аэрофотосъемки с помощью БПЛА осложняется залесенностью долины реки кустарниками и деревьями.

Несомненно, малое число абашевских поселений, использованных в пространственном анализе, не позволяет установить приведенные выше закономерности в качестве константы, а являются лишь гипотезой. Дальнейший поиск и изучение бытовых памятников абашевского населения в Южном Зауралье смогут дополнить, скорректировать, подтвердить или опровергнуть их.

Библиографический список

- Епимахов А. В., Чуев Н. И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 47–56.
- Зданович Г. Б., Батанина И. М. Страна городов: пространство и образы. Челябинск, 2007.
- Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии: учебное пособие. М., 2011.
- Корякова Л. Н. Формирование и развитие археологии поселений (зарубежный опыт) // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 4–14.
- Корякова Л. Н., Краузе Р., Пантелеева С. Е., Столярчик Э., Булакова Е. А., Солдаткин Н. В., Рассадников А. Ю., Молчанова В. В., Анкушев М. Н., Молчанов И. В., Якимов А. С., Федорова Н. В., Носкевич В. В. Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: новые аспекты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 61–73.
- Монгайт А. Л. Задачи и возможности археологической картографии // Советская археология. 1962. № 1. С. 16–36.
- Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале // Советская археология. 1954. № 21. С. 52–95.
- Molchanov I. V., Muravyev L. A., Soldatkin N. V. In Search of a New Site of the Abashevo Culture in the Southern Trans-Urals: Remote Sensing and Geophysics Survey on the Zarya I Settlement // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Cham, 2023. P. 39–47.

I. V. MOLCHANOV

SPATIAL ANALYSIS OF ABASHEV AND SINTASHTA SETTLEMENTS IN THE STEPPE ZONE OF THE SOUTHERN TRANS-URALS: PRELIMINARY RESULTS

The paper presents the results of the spatial analysis of the Abashev and Sintashta settlements of the steppe zone of the Southern Trans-Urals using the archaeological cartography method for better understanding the patterns in their geographical location. To date, the number of settlements of the Abashev culture has reached three, which has shifted the border of its geographical range further to the east. The cultural level and the pottery complex indicated a one-time occupation of the sites by the Abashev population. As a result, the following observations were made. The Abashev sites were localized on the first floodplain terrace of the left bank of oxbow riverbeds, 3 m above the modern water edge. In two cases, we recorded the sites occupation in the later, Srubno-Alakul period. The aspect of the location of the Sintashta sites on the opposite, right bank of the river, at a distance of about 0.6–1.5 km upstream from the Abashev ones, appeared interesting. It was noted that the sites occupied by the Abashev population, in comparison with the Sintashta settlements, were located higher above the water edge. The patterns described represent only a hypothesis that requires further research.

Ivan V. Molchanov – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: kolis@mail.ru

Д. В. ПАПИН

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «СЕВЕРНОГО» КОМПОНЕТА В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА*

Финал бронзового века на юге Западной Сибири ознаменовался активизацией миграционных процессов, имевших два ярких вектора — южный и северный. Если первый был связан с традициями населения «степной бронзы», то второй ассоциируется с лесотаежным населением низовьев р. Оби. Проникновение северных групп мигрантов происходило с севера на юг вплоть до Алтайской горной системы, но было ограничено долиной р. Оби. Влияние новой традиции на территории Алтайского Приобья было ярким, но кратковременным, «крестовый» штамп вписывается в местную традиционную орнаментальную схему керамических сосудов, не нарушая и не изменяя ее. Данное явление ограничивается периодом финальной бронзы — переходным временем от бронзового века к железнному, и, по всей видимости, растворилось в среде местного «постирменского» населения.

Папин Дмитрий Валентинович — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН; Алтайский государственный университет (Россия, Новосибирск; Барнаул)
E-mail: papindv@mail.ru

В конце бронзового века на юге Западной Сибири складывается «ирменское» культурное единство на территориях современной Новосибирской, Омской, Кемеровской областей и Алтайского края. С запада и юго-запада сюда происходило проникновение групп населения, ассоциируемых с носителями традиций «бегазы-дандыбаевской» и «саргаринско-алексеевской» культур, но на рубеже второго и первого тысячелетия до н.э. начинает формироваться новый вектор, связанный с традициями фигурно штампованной орнаментации Нижней Оби. Если в первом влияние связано со степными пространствами Обь-Иртышского междуречья, то второе складывалось по долине Оби, с севера на юг.

Исследования показали, что начавшееся в Западной Сибири в начале I тыс. до н. э. похолодание и увлажнение, привело к затоплению пойм, болотообразованию, смещению природных зон к югу. Изменение климата затрудняло ведение традиционного хозяйства, это побуждало население Нижнего и Среднего Приобья к поиску путей выхода из кризисной ситуации, одним из которых была миграция в более благополучные районы, на юг. Трассой продвижения являлась долина р. Оби, во-первых, эта водная артерия связывала население лесостепных районов юга с таежным севером, во-вторых, движение проходило в экологических условиях, сходных с местами прежнего обитания.

В настоящее время в Алтайском Приобье керамика с крестово-фигурным штампом встречена как на поселенческих, так и на погребальных объектах переходного времени от бронзового века к железнному и степень представленности разная. От нескольких фрагментов — поселения Бобровка, Обские Плесы-I, Крестьянка, Костенкова Избушка, Усть-Чумышская Пристань-I, городище Солонцы III, Елунинское Культурное Место, Бобровский грунтовый могильник, могильник Ближние Елюаны VII, до более крупных серий — поселения Мыльниково, Аллак III и Ближние Елбаны I. География распространения керамики

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов» (рук. А. П. Деревянко)

с крестово-штампованным орнаментом связана с Обской речной системой и Приобским лесным массивом. Поселения идут полосой вдоль поймы р. Оби и по кромке боровых террас, от границ Новосибирской области (Аллак-III) и до верховьев р. Бии (Солонцы-III).

Обращает внимание, что большинство памятников с крестовой керамикой на Верхней Оби находятся на правом берегу реки и ее притоков, то есть в зоне приобского бора. На левом берегу пункт Крестьянка находится в ленточном бору, а городище Солонцы III в системе бийского приречного бора. Поселения чаще всего расположены на елбанах в обской пойме: Аллак III, Ближние Елбаны I, Усть-Чумышская Пристань I или на границе поймы и леса: Бобровка, Обские Плесы I, Мыльниково. Хозяйство населения переходного времени характеризуется как многоотраслевое, с преобладанием скотоводства и большой долей земледелия, охоты и рыболовства.

«Крестовая» керамика Алтайского Приобья отражает процесс проникновения групп северного таежного населения на юг, в самом конце эпохи бронзы. Мигранты осваивали ту экологическую нишу, которая наиболее подходила их традиционному хозяйственному укладу. Это выразилось в распространении памятников в узкой полосе обской поймы и в увеличении доли охоты и рыболовства в хозяйстве. Отмечу, что северное влияние в этот период было незначительным и кратковременным, проникновение носило эпизодический характер, и местные позднебронзовые традиции быстро ассимилировали пришельцев.

D. V. PAPIN

THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE “NORTHERN” COMPONENT IN THE FORMATION OF THE POPULATION OF THE FOREST-STEPPE ALTAI OB REGION AT THE END OF THE BRONZE AGE

The end of the Bronze Age in the south of Western Siberia was marked by the intensification of migration processes, which followed two distinct vectors – the southern and the northern. While the former was related to the traditions of the “steppe Bronze” population, the latter was associated with the forest-taiga population of the lower reaches of the Ob River. The penetration of northern groups of migrants occurred from the north to the south up to the Altai mountain system, but was limited by the valley of the Ob River. The influence of the new tradition on the territory of the Altai Ob region was vivid, but short-lived, the “cross” stamp easily fitted into the local traditional ornamental scheme of ceramic vessels without disturbing or changing it. This phenomenon was limited to the period of the Final Bronze Age – the transition from the Bronze to the Iron Age, and, apparently, it was dissolved in the environment of the local “post-Irmen” population.

Dmitry V. Papin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS; Altai State University (Russia, Novosibirsk; Barnaul)

E-mail: papindv@mail.ru

О. Е. ПОШЕХОНОВА, С. Н. СКОЧИНА, А. А. ПИЛЬКИНА, Е. Н. ДУБОВЦЕВА

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ПЯКУПУР 3*

Работа посвящена комплексному анализу материалов, полученных при исследовании энеолитического слоя поселения Пякупур 3, расположенного в северо-таежной зоне Западной Сибири. В ходе

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FWRZ-2021-0006 и бюджетной темы НИОКТР № 124032100052-6

исследования проанализирован уникальный комплекс керамики, рассмотрены технология изготовления и орнаментация посуды. В результате зафиксирована близость пякупурской керамики к лесотундровым и тундровым материалам из Западной Сибири, а не к комплексам северо-таежной ясунской культуры или древностям из средней тайги. В результате комплексного анализа каменного инвентаря были определены основные характеристики и функциональное назначение орудий из камня, использовавшихся на энеолитическом этапе существования поселения. Несмотря на слабую представительство в пякупурской выборке морфологически выделенных орудий, каменный инвентарь все же соотносится с кругом памятников «кварцево-сланцевой» индустрии, распространенной в таежной зоне Западной Сибири.

Пошехонова Ольга Евгеньевна — ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Скочина Светлана Николаевна — к.и.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Пилькина Анна Андреевна — ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: an-na241@mail.ru

Дубовцева Екатерина Николаевна — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: ket1980@yandex.ru

Материалом для исследования послужила коллекция предметов энеолитического времени, полученная в ходе исследования поселения Пякупур 3 (Пуровский район ЯНАО, верхнее течение р. Пякупур). Находки происходят из раскопа 1 (828 кв. м), в котором кроме них были обнаружены предметы раннебронзового времени. Раннебронзовая керамика (последняя четверть III — начало II тыс. до н. э.), значительно отличавшаяся по морфологии от энеолитической, залегала исключительно в юго-западной части раскопа. Результаты планиграфического анализа распределения керамики позволили предположить, что поселок в эпоху энеолита существовал на всей поверхности мыса, а в раннюю бронзу люди жили только на самой стрелке.

На «энеолитическом» северо-восточном участке раскопа было изучено семь небольших ям и пять прокалов, остатки жилищ не обнаружены. Из двух прокалов получены радиоуглеродные даты, позволяющие отнести выделенный комплекс ко второй половине IV тыс. до н. э. Коллекция керамики состоит из 38 сосудов из раскопов 2008 и 2018 гг. Отдельные сосуды поселения Пякупур 3 находят параллели в атымьинской и волвончинской, елизаветинской, а также барсовогорской керамике. В первую очередь это проявляется в морфологии и орнаментации сосудов: в наличии малых и нестандартных форм, в том числе ладьевидных, в использовании гребенчатых орнаментов в технике шагания и штампования, в применении гладких штампов для нанесения наколов/оттисков и в единичных орнаментальных мотивах. Однако большинство перечисленных черт были широко распространены в таежной зоне и носят, скорее всего, стадийный характер. Гораздо больше сходных признаков анализируемая керамика имеет с комплексами северо-таежной и тундровой зон Западной Сибири.

Например, значительным сходством обладают пякупурские орнаменты и узоры на посуде памятников Горный Самотнел 1, Салехард 1 и 5, Вары-Хадьта II и Усть-Васьеган 1. Это разреженность орнамента, широкое применение гладкого прямого штампа, штампа

«гладкая скобочка» (арочка, дуговидный) и стиль сотового геометризма. Такие мотивы, как крест из оттисков, имеют точные аналогии на стоянке Салехард 1; сгруппированные наколы, которые образуют разные фигуры, — на Усть-Васьегане 1, Вары-Хадыте II и Салехарде 1, а ромбы из оттисков гладкой скобочки встречаются на всех перечисленных памятниках лесотундровой и тундровой зон. С более северными памятниками поселение Пякупур 3 также сближает отсутствие в орнаментации ямок, являющихся обязательным элементом для керамики ясунской культуры [Пошехонова, Пилькина, Дубовцева, 2022].

Для исследования каменной индустрии энеолитического периода обитания на поселении была сформирована выборка из 195 находок. Орудийный набор довольно беден, однако демонстрирует практически все элементы хозяйственно-производственного цикла, происходившего на поселении. Камнеобработка была обеспечена отбойниками-ретуше-рами, наковальнями и абразивами. Охотничье вооружение представлено двухсторонне обработанными наконечниками стрел, разделка добычи велась ножами для резания мяса/рыбы, обработка шкуры — скребками. В деревообработке использовались резчики и скобели и, возможно, долотовидные изделия, в том числе применявшиеся для обработки твердых органических материалов (кость?). Соотнесение особенностей каменной индустрии поселения Пякупур 3 и энеолитических памятников Западной Сибири демонстрирует как сходство, так и определенное своеобразие, на что указывают как близкие, так и территориально удаленные аналогии.

Небольшую, но выразительную специфическую группу представляют резчики на отщепках из кремня и сколах кварца, а также долотовидные орудия, близкие по типу к *pièce esquillées*, что определяется как своеобразие каменной индустрии поселения. Некоторые аналогии наличию в коллекции этих типов орудий мы видим в материалах энеолитических памятников Амня IA, II и Каскинская гора 3, расположенных в бассейне р. Казым в Нижнем Приобье. Культурная принадлежность этих поселений в настоящее время до конца не определена и является дискуссионной, так как их керамические материалы одни исследователи соотносят с пернашорской традицией, другие относят к ясунской энеолитической культуре. Обнаруженный шлифованный иволистный сланцевый наконечник имеет обширные аналогии в неолитических и энеолитических памятниках, расположенных в таежной и тундровой зонах Западной Сибири [Пошехонова, Скочина, 2024].

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы. Энеолитическая керамика поселения Пякупур 3, обладающая значительным своеобразием, больше похожа на посуду лесотундровых и тундровых поселений, а не на комплексы северотаежной ясунской культуры или древности средней тайги Западной Сибири. Это позволяет предположить некое культурное родство между племенами, проживавшими на этих отдаленных друг от друга территориях. Однако хронологически Пякупур 3 предшествует памятникам Горный Самотнел 1, Салехард 1, Усть-Васьеган 1 и более позднему, но все же энеолитическому поселению Вары-Хадыга II. Скудность источниковой базы с территории бассейнов рек Пур и Таз пока не позволяет ответить на множество вопросов, вытекающих из данного утверждения.

Анализ каменного инвентаря выявил как характерные черты, вписывающиеся в рамки «кварцево-сланцевой индустрии», так и его своеобразие, выраженное в наличии специфических типов изделий (резчиков и долотовидных изделий). Культурная принадлежность каменного инвентаря не определена, так как характер каменной индустрии и анализ

керамики поселения демонстрирует как сходство с материалами многих энеолитических памятников севера Западной Сибири, так и особенности, которые в настоящее время трудно культурно идентифицировать.

Библиографический список

- Пошехонова О. Е., Пилькина А. А., Дубовцева Е. Н. Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3 (север Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 14–28.
- Скочина С. Н., Пошехонова О. Е. Каменный инвентарь энеолитического комплекса поселения Пякупур 3 (северотаежная зона Западной Сибири) // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 1. С. 124–139.

O. E. POSHEKHONOVA, S. N. SKOCHINA, A. A. PILKINA, E. N. DUBOVOTSEVA

ENEOLITHIC COMPLEX OF PYAKUPUR 3 SETTLEMENT

The paper presents the outcomes of a comprehensive analysis of materials obtained during the study of the Eneolithic level of Pyakupur 3 settlement located in the north taiga zone of Western Siberia. In the course of the study, we examined a unique pottery complex, including the manufacturing technology and ornamentation patterns. As a result, we recorded the affinity of Pyakupur pottery to the forest-tundra and tundra materials from Western Siberia, rather than to the complexes of the North Taiga Yasun culture or the antiquities from the middle taiga region. Also, as a result of a comprehensive analysis of stone inventory, we determined the main characteristics and functionality of stone tools used at the Eneolithic stage of the settlement's existence. Despite the weak representativeness of morphologically isolated tools in the Pyakupur sample, the stone inventory still correlated with the group of sites of the "quartz-slate" industry common in the taiga zone of Western Siberia.

Olga E. Poshekhonova – Federal Research Center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Svetlana N. Skochina – Candidate of Historical Sciences, Federal Research Center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Anna A. Pilkina – Federal Research Center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: an-na241@mail.ru

Ekaterina N. Dubovtseva – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ket1980@yandex.ru

С. Н. СКОЧИНА

АБРАЗИВЫ РАННЕБРОНЗОВОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ПЯКУПУР 3 (ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)*

Сырьевая база севера Западной Сибири обусловила значительное развитие шлифовальной техники обработки камня на археологических памятниках, существовавших в период мезолита — бронзы.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FWRZ-2021-0006

Большой спектр инструментария из камня различной степени зернистости свидетельствует о том, что абразивная техника в регионе достигла высокого уровня и, возможно, способствовала созданию искусственных абразивов — керамических оселков. Раскрытие в ходе функционального анализа информационного потенциала изделий абразивного комплекса свидетельствует об их использовании в обработке орудий из камня, кости и в частности металла, что особенно важно для определения специфики каменной индустрии поселений, существовавших в период внедрения металлических изделий.

Скочина Светлана Николаевна — к.и.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)
E-mail: sveta_skochina@mail.ru

На археологических памятниках севера Западной Сибири, каменная индустрия которых определяется как «кварцево-сланцевая» довольно часто абразивный комплекс является одним из самых внушительных [Косинская, 2010; 2014]. В первую очередь это связано с особенностями сырьевой базы этой территории, где наиболее доступными помимо кварца, являлись сланец и песчаник, обладающий отличными абразивными свойствами, применяемыми в сфере производства шлифованных орудий. Широкий ассортимент всевозможных терочных плит, шлифовальных плиток и брусков из осадочных горных пород различной степени зернистости свидетельствует о том, что абразивная техника достигла высокого уровня с региональной специфической чертой, выраженной в присутствии в этих комплексах керамических оселков.

Разнообразный состав абразивов на таежных поселениях является нормой, однако необходимо отметить, что их функциональная нагрузка не достаточно хорошо дифференцирована. Ответы на вопросы, в каких еще операциях помимо массовой обработки каменных орудий использовались абразивы, почему применяются оселки из керамики, характеризующиеся слабыми абразивными свойствами, раскрыты недостаточно. Еще одной актуальной темой является определение специфики каменной индустрии поселений, существовавших в период внедрения металлических изделий, в материалах которых фиксируется их отсутствие, однако выявление инвентаря связанного с их изготовлением и обработкой может косвенно свидетельствовать о наличии признаков металлопроизводства или металлообработки.

В нашей работе функциональному анализу подверглись абразивы раннебронзового времени поселения Пякупур 3, располагавшегося на северном склоне Сибирских Увалов, в верхнем течении р. Пякупур. Исходным сырьем для абразивов служили плитки и гальки из песчаников, разделяющихся на крупнозернистые 1,1–2 мм, мелкозернистые 0,2–1 мм, слабо/тонкозернистые 0,05–0,1 мм, реже использовались плитки сланца, сколы кварца и специально подготовленные изделия из обожженной глины. Морфологически в составе абразивных инструментов выделены пилы, пассивные терочные плиты размерами до 15 см, небольшие плитки и оселки, использовавшиеся в ходе ручной доводки шлифовкой поверхности изделий. Отмеченные типы инструментов указывают на их принадлежность к таким этапам шлифовальных работ как распил, предварительное и чистовое шлифование, финишная обработка и полировка, заточка. В ходе трасологического анализа были зафиксированы дифференцированные следы сработанности на рабочих поверхностях связанные с обработкой изделий из камня и кости. В работах, связанных с камнем, использовались пилы, пассивные и мобильные абразивы, костяные изделия подвергались

формообразованию с помощью оселков и плиток. Кроме того, в коллекции фиксируется наличие в составе абразивного комплекса инструментов, использовавшихся в обработке металлических изделий, также представленных плитками и оселками. Помимо продольной истертости обнаруженные следы по металлу на рабочих поверхностях абразивов имеют не значительную насыщенность, в виде разрозненных пятен металлического блеска и длинных одиночных иногда прерывистых линий заполировки, что, скорее всего, связано с их эпизодическим использованием или в финишной доводке поверхности орудий до гладкого состояния либо для заточки лезвий. Изделий, связанных с растиранием/дроблением растительных материалов, не зафиксировано. Образовывающиеся в ходе шлифовальных работ крупные обломки и различные сколы часто реутилизировались в качестве наковален, отбойников, пилок по камню и скребков по шкуре.

Материалы поселения по результатам радиоуглеродного анализа отнесены к последней четверти III — началу II тыс. до н. э., керамический комплекс связывается с периодом ранней бронзы [Пошехонова, Скочина, 2012; Пошехонова, Пилькина, Дубовцева, 2022]. В целом каменный инвентарь соотносится с «кварцево-сланцевой» индустрией, с четкой связью по морфологическим признакам кремневой группы орудий с самусько-сейминским горизонтом Западносибирского региона и имеет параллели с материалами поселений Пяку-то I, Сугмутен-ягун IV, могильника Товкуртлор 3 и др. [Косинская, 2010; 2014; Стефанов, 2006]. Выделенный представительный ассортимент инструментов абразивного комплекса демонстрирует нам хороший информационный потенциал, для определения специфики каменной индустрии поселения Пякупур 3, связанный с обработкой не только орудий из камня и кости, но и металлических изделий.

Библиографический список

- Косинская Л. Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы. С. 47–60.
- Косинская Л. Л. Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе // Археология Арктики. 2014. Вып. 2. С. 58–79.
- Пошехонова О. Е., Пилькина А. А., Дубовцева Е. Н. Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3 (север Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 14–28.
- Пошехонова О. Е., Скочина С. Н. Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северотаежной зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 31–41.
- Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Российская археология. 2006. № 1. С. 44–58.

S. N. SKOCHINA

ABRASIVES OF THE EARLY BRONZE AGE COMPLEX OF PYAKUPUR 3 SETTLEMENT (USE-WEAR ANALYSIS)

The raw material base of the north of Western Siberia led to the significant development of grinding techniques for stone working in archaeological sites that existed during the Mesolithic — Bronze Age. A wide range of tools made of stone of various degrees of abrasive grit indicated that the abrasive technology in the region reached a high level and may have contributed to the creation of artificial abrasives — ceramic hones. The disclosure of the information potential of the abrasive complex items in the course of functional analysis suggested their use in the working of tools made of stone, bone, and, in particular, metal, which

is particularly important for determining the specifics of the stone industry of settlements that existed during the introduction of metal products.

Svetlana N. Skochina — Candidate of Historical Sciences, Federal Research Center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Н. В. СОЛДАТКИН

НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА АНАЛОГИЙ УКРЕПЛЕННЫМ ПОСЕЛЕНИЯМ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА

Рассматриваются ключевые направления поиска археологических, этнографических и исторических аналогий. Среди археологических поселенческих памятников наибольшие признаки сходства обнаруживаются с территориально отдаленными укрепленными поселениями и «длинными домами» Юго-Восточной и Центральной Европы, и с архитектурными традициями скотоводов степи-лесостепи Восточной Европы, имеющими также взаимосвязь по культуре, территории, хронологии. Среди этнографических и исторических примеров значимые соответствия отмечены в структурах укрепленных военизированных поселений разных типов, эпох и народов, и в жилищно-хозяйственных постройках оседлых скотоводов. Обоснованный анализ аналогий может выступать составной частью системы научных доказательств, способствовать выдвиганию вероятностных выводов и гипотез о появлении и функционировании модели укрепленных поселений синташтинско-петровского типа.

Солдаткин Николай Викторович — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

Аналогия — термин, обозначающий сходство нетождественных объектов, также, рассуждение по аналогии — это метод недедуктивного логического рассуждения, заключающийся в вероятностном выводе о присутствии признака некоторому объекту на основании его сходства с другими объектами (перенос признака). В археологических исследованиях к поиску аналогий обращаются часто: для включения изучаемого объекта в группу подобных ему — аналогов — с уже известными характеристиками, а также для выдвигания возможных интерпретационных гипотез [Клейн, 2013, с. 25–74]. Основные условия, повышающие вероятность выводов по аналогии: разнообразие и значимость сравниваемых и общих признаков, наличие связи между общими и переносимым признаками, анализ наряду с общими чертами существенных различий. Корректное обращение к аналогиям может быть эффективной частью более разветвленной системы научной аргументации.

Для укрепленных поселений синташтинско-петровского типа можно выделить основные направления поиска аналогий: среди археологических памятников — для обнаружения схожих/родственных объектов, которые могут указать на истоки появления такой архитектурной модели, и среди этнографических, исторических примеров — для выдвигания гипотез об особенностях ее функционирования.

В историографии основные поиски археологических аналогий традиционно были ориентированы на весьма отдаленные от Урало-Казахстанских степей территории. Предлагались версии сравнения с памятниками Средней и Передней Азии: БМАК,

городищами раннего железного века Хорезма, популярны сопоставления с «анатолийской поселенческой схемой», особенно с поселением Демирчиуйюк [Григорьев, 2015, с. 21–44]. Значительные признаки сходства обнаруживаются в архитектуре земледельцев-скотоводов Юго-Восточной и Центральной Европы энеолита-бронзового века: округлые и прямоугольные укрепленные поселения похожих форм, размеров, планировок, строительных приемов; каркасно-столбовые комбинированные жилищно-хозяйственные постройки («длинные дома») [Кузьмина, 1994, с. 67–105]; традиция сооружения колодцев. Признать прямую связь отдаленных аналогий с синташтинско-петровскими поселениями мешают факторы территориального и хронологического разрыва, возможность конвергентного происхождения и только внешнего подобия многих признаков, отличие материальной культуры в целом.

Истоки основных составляющих материальной культуры синташтинских древностей находятся в памятниках скотоводов степи-лесостепи Восточной Европы. Варианты стационарных жилищ и поселений, укрепленных поселений известны здесь начиная с энеолита и на протяжении всей эпохи бронзы. Наибольшая концентрация поселенческих памятников фиксируется в лесостепи и северной степи — зонах с более оседлыми формами ведения скотоводства (пример среднедонской катакомбной культуры). Скотоводы западного фланга степной зоны (ямной и катакомбной культурно-исторической общности) имели устойчивые связи с земледельцами-скотоводами Балкано-Карпатского, Причерноморского регионов, что могло сопровождаться и трансляциями архитектурных традиций. В конце III тыс. до н. э., в период распада Циркумпонтийской металлургической провинции, климатических изменений и масштабных миграций [Мимоход и др., 2022], на пространствах евразийских степей-лесостепей появляются разнотипные поселенческие памятники с признаками укреплений (помимо самих синташтинско-петровских): Ливенцовско-Каратаевская «крепость», вольско-лбищенские поселения на «естественно защищенных» высоких мысах, абашевские поселки со следами укреплений. В это же время в Волго-Уралье с запада продвигаются коллективы посткатакомбных групп и абашевской культурно-исторической общности (при фиксации некоторого миграционного импульса из Центральной, Юго-Восточной Европы и Кавказа [Мимоход и др., 2022]) — наиболее вероятные главные компоненты сложения синкретической синташтинской культуры. Для уральской и доно-волжской абашевских культур известны и стационарные поселения со следами укреплений, и большие каркасно-столбовые дома, устойчива традиция размещения поселков на низких прибрежных участках [Горбунов, 1992, с. 49–91], обнаружен пример планировки поселения из ряда расположенных вплотную жилищ. В поселенческих памятниках скотоводов восточноевропейской степи-лесостепи бронзового века представлены либо потенциально возможны все ключевые элементы на первый взгляд сильно от них отличающейся модели укрепленных поселений синташтинско-петровского типа.

Среди этнографических и исторических аналогий наиболее распространены сопоставления с имеющими оборонительные функции, военизированными поселениями [Кузьмина, 1994, с. 69–73]. Регулярная компактная планировка, замкнутые линии укреплений, стандартизированная внутренняя застройка синташтинско-петровских городищ обладают широкими и значимыми признаками сходства с укрепленными поселениями разных типов, эпох, территорий: римский каструм, скандинавский борг, крепости западных славян, китайские тулоу, всевозможные укрепленные деревни, остроги, форты, «городки».

Также интересны сравнения с мобильными полевыми сооружениями из составленных по периметру повозок: лагеря и таборы степных кочевников, казаков, американских пионеров, буров, вагенбурги гуситов [Кузьмина, 1994, с. 71]. Отрицание оборонительной составляющей архитектуры синташтинско-петровских городищ на основании их «невыгодного» ландшафтного расположения может быть оспорено аналогиями разнообразных видов укрепленных поселений, занимающих в том числе и относительно низкие прибрежные участки в случае их важности для хозяйственной деятельности.

Вместе с тем, укрепленные поселения синташтинско-петровского типа не были специализированными крепостями в чистом виде, и еще одним, важнейшим для понимания их сути направлением поиска аналогий являются жилищно-хозяйственные постройки оседлых скотоводов. На уровне изучения поселений существенны параллели с кыстау, аулами, поселками народов урало-казахстанских степей, интересны совпадения со структурами укрепленных деревень скотоводов африканских саванн (бомы, краали). На уровне жилищ, а точнее, жилищно-хозяйственно-производственных строений, аналогиями выступают «дома-стойла» Европы, «дома-усадыбы» и традиционные жилища урало-казахстанских скотоводов, — все это комбинированные сооружения для проживания людей, размещения части скота, различных производственных занятий.

Библиографический список

- Горбунов В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
 Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Челябинск, 2015.
 Клейн Л. С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Донецк, 2013. Кн. 2.
 Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
 Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В. Палеоэкология — культурогенез — металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней — начале поздней бронзы // Российская археология. 2022. № 1. С. 24–38.

N. V. SOLDATKIN

DIRECTIONS FOR THE SEARCH FOR ANALOGIES TO THE FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE SINTASHTA-PETROVSKY TYPE

The paper examines the key directions for the search for archaeological, ethnographic and historical analogies. Within the group of archaeological settlement sites, the greatest signs of similarity are found with the geographically remote fortified settlements and “long houses” of the South Eastern and Central Europe, and with the architectural traditions of pastoralists of the steppe-forest-steppe of Eastern Europe, which also demonstrate similarities in culture, territory, and chronology. In the group of ethnographic and historical cases, significant correspondences are noted in the structures of fortified paramilitary settlements of different types, eras and peoples, and in the housing and economic buildings of sedentary pastoralists. An informed analysis of analogies may constitute an integral part of the system of scientific evidence; contribute to formulation of probabilistic conclusions and hypotheses about the origination and functioning of the model of fortified settlements of the Sintashta-Petrovsky type.

Nikolai V. Soldatkin — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
 E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

А. В. ФОМИЧЕВ

НОМЕНКЛАТУРА ОРУДИЙ ТРУДА АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА И МУГОДЖАР ПО МАТЕРИАЛАМ НАХОДОК ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ*

Один из очагов металлургии алакульской культуры сформировался в позднем бронзовом веке в пределах Южного Урала и Мугоджар. На памятниках алакульской культуры найдены многочисленные свидетельства развития металлургии, одной из категорий которых являются литейные формы. Находки литейных форм с негативами для отливки орудий труда сделаны на 11 памятниках региона. Основными типами орудий труда являлись топоры, двулезвийные ножи, слабоизогнутые серпы, тесла и долота. Перечень изделий соответствует набору металлических орудий алакульского очага металлургии.

Фомичев Александр Викторович — к.и.н., Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета (Россия, Орск)
E-mail: homabrut1987@gmail.com

В позднем бронзовом веке в пределах Южного Урала и Мугоджар функционировал очаг металлургии алакульской культуры. Одними из свидетельств, отражающими набор производимого металлического инвентаря, являются литейные формы.

В настоящее время среди памятников алакульской культуры Южного Урала и Мугоджар известно 11 пунктов, где были найдены литейные формы и их фрагменты с негативами для отливки орудий труда. Всего известно о 17 литейных формах с 24 негативами: топоров (2 негатива), ножей (6 негативов), серпов (9 негативов), тесел и долот (7 негативов).

Находка формы для отливки безушкового кельта с арочной фаской и валиком по краю была сделана на поселении Чебаркуль III. Фрагмент формы с негативом лезвийной части вислообушного топора был обнаружен на поселении Большая Березовая-2 [Алаева, 2014, рис. 1–16; 2017, с. 21].

Целые формы и фрагменты с негативами для отливки двулезвийных ножей были обнаружены при исследовании поселений Чернореченское I, Кипель, Мирный IV, Шандаша I, Чебаркуль III и курган 4 могильника Ак-Мулла I [Алаева, 2014, рис. 1–2; Археология Южного Урала..., рис. 2.13–2; Кузьмина, с. 10; Сальников, 1957, рис. 8; Стоколос, 1972, с. 32; Чемякин, 1974, рис. 2–7].

Всего известны две полных формы для отливки серпов: случайная находка у станции Кундравинская (пять негативов) и из поселения Тарангул (три негатива). Фрагмент происходит с поселения Чернореченское I [Аванесова, 1991, рис. 18–24; Байтлеу, Калиева, Искаков, 2021, с. 204; Стоколос, 1972, с. 32].

Наиболее разнообразными по морфологии негативов являются формы для теслообразных и долотообразных орудий. Негатив для отливки плоского тесла прямоугольной формы был вырезан на одной из сторон формы с поселения Тарангул [Байтлеу, Калиева, Искаков, 2021, с. 204]. Двустворчатая форма и фрагмент для отливки долот с разомкнутой втулкой были найдены на поселениях Олаир и Чебаркуль III [Алаева, 2014, рис. 1–4; Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 46, 2, 3]. Негативы для отливок стамесок с расширяющимся

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье» (рук. Н. Л. Моргунова)

лезвием представлены на формах с поселений Олаир, Алексеевское, Чебаркуль III и у ст. Кундравинской [Аванесова, 1991, рис. 18–24; Алаева, 2014, рис. 1–2; Евдокимов, 1975, рис. 6, 3; Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 46, 4].

Номенклатура типов изделий, негативы которых были обнаружены на литейных формах, соответствует набору оружия и орудий труда алакульского очага металлургии, сформировавшегося в пределах Евразийской металлургической провинции [Бочкарев, 2013, рис. 2].

Формы для отливки вислообушных топоров и кельтов можно отнести к категории оружия, но памятники алакульской эпохи не несут милитаризированный характер, поселения неукрепленные, а в погребальной практике отсутствуют следы воинских культов. Все это не исключало возможности возникновения конфликтов, одним из немногих примеров которых являются материалы с поселения Коркино I [Чемякин, 2015].

Сферой применения таких типов орудий труда как тесла и долота, а также топоры и ножи могла стать деревообработка. Для степных поселений Южного Урала эпохи бронзы сохранилось немного свидетельств этого рода занятий, но материалы с поселения Каменный Амбар свидетельствуют об устойчивом владении навыками работы с деревом [Корякова, Молчанов, 2020].

Находки литейных форм с негативами для отливки серпов напрямую связаны с особенностями организации скотоводческого хозяйства. В. В. Ткачев указывал на необходимость отливки серпов, в связи с существовавшей потребностью заготовки корма для скота [Ткачев, 2019, с. 267].

Библиографический список

- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
- Алаева И. П. Литейные формы алакульской культуры Зауралья (вопросы отражения уровня развития металлопроизводства // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. 1. С. 520–524.
- Алаева И. П. Поселение бронзового века Чебаркуль-III // Краеведческий сборник Чебаркульского района: сборник краеведческих работ. Челябинск, 2017. С. 19–25.
- Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.
- Байтлеу Д. А., Калиева Ж. С., Исаков А. Ш. Результаты археологических исследований поселения Тарангул в 2021 г. (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований». Алматы, 2021. Т. 1. С. 198–206.
- Бочкарев В. С. Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10. С. 75–83.
- Евдокимов В. В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // Советская археология. 1975. № 4. С. 163–172.
- Корякова Л. Н., Молчанов И. В. Деревообработка у населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам поселения Каменный Амбар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 17–30.
- Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Южноуральской экспедиции за 1966 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3427.
- Сальников К. В. Кипельское селище // Советская археология. 1957. Т. 27. С. 193–208.
- Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- Сунгатов Ф. А., Бахшиев И. И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа, 2008.
- Ткачев В. В. Серпы и молоты в погребальных комплексах позднего бронзового века южных отрогов Уральских гор // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в

контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб, 2019. Т. 2. С. 266–268.

Чемякин Ю. П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015. С. 169–176.

Чемякин Ю. П. Поселение бронзового века Мирный IV // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 50–55.

A. V. FOMICHEV

ASSORTMENT OF THE ALAKUL CULTURE OF THE SOUTHERN URALS AND THE MUGODZHAR RANGE TOOLS BASED ON THE FINDS OF FOUNDRY MOLDS

One of the centers of metallurgy of the Alakul culture was formed in the late Bronze Age within the Southern Urals and the Mugodzhar Range. Numerous evidences of the development of metallurgy have been found in the sites of the Alakul culture, one of the categories of which were the foundry molds. Molds with the negatives for casting tools were found in 11 sites of the region. Main types of tools represented included axes, double-bladed knives, slightly curved sickles, adzes and chisels. The list of products corresponded to a set of metal tools of the Alakul center of metallurgy.

Alexander V. Fomichev – Candidate of Historical Sciences, The Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch) of Orenburg State University (Russia, Orsk)

E-mail: homabrut1987@gmail.com

Е. Г. ШАЛАХОВ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕ «ЭКСПЕДИЦИИ» НОСИТЕЛЕЙ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ БРОНЗ В СЕВЕРНЫЕ ШИРОТЫ

Эпонимные памятники сейминско-турбинского транскультурного феномена расположены в лесной зоне Поволжья и Приуралья. Вещевые комплексы Сейминского некрополя и могильника Турбино I до сих пор вызывают неподдельный интерес у исследователей эпохи палеометалла Западной Сибири, Урала и Восточной Европы. Миграционные пути сейминско-турбинских группировок также хорошо изучены. На значительном удалении от основной «магистральной» сейминско-турбинских популяций находится грунтовый могильник Товкуртлор 3, открытый в Нижнем Приобье. Изученный В. И. Стефановым памятник, первоначально отнесенный к местной приказымской культуре, дал серию каменных наконечников стрел турбинского типа и бронзовый ножскобель, имеющий прямые аналогии в комплексах базовых памятников сейминско-турбинского феномена. Поразительно сходство глиняной фигурки эквида из товкуртлорского захоронения с известными образцами сейминско-турбинской металлопластики. Возможно, «экспедиция» воинственного клана в северные широты связана с поиском союзников, способных воспринять некоторые традиции носителей сейминско-турбинских бронз.

Шалахов Евгений Геннадьевич – ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» (Россия, Юрино)

E-mail: shalahof@yandex.ru

Изучение миграционных путей древнейших кочевых популяций Северной Евразии напрямую связано с таким явлением как сейминско-турбинский транскультурный феномен. Эпонимные памятники этого феномена, зародившегося в Южной Сибири и Центральной Азии, расположены в лесной зоне Восточной Европы [Черных, 2013, с. 270; Черных,

Кузьминых, 1989, с. 6]. С открытием могильника Товкуртлор 3 в Нижнем Приобье у исследователей сейминско-турбинских древностей возник интерес и к северному вектору движения номадов эпохи бронзы.

Грунтовый могильник Товкуртлор 3 стал известен благодаря раскопкам В. И. Стефанова на р. Казым (правый приток р. Обь) в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа [Стефанов, 2006, с. 44]. Всего изучено 13 могил эпохи бронзы, в одной из которых найден нож-скобель разряда НК-24 (по классификации, предложенной в свое время Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых) [1989, с. 105, 106]. Кроме медно-бронзового ножа в могилах собрана значительная коллекция артефактов из камня.

Товкуртлорский комплекс каменных предметов включает наконечники стрел треугольной формы из кремня и кварцито-песчаника (10 экз.), плоский нож-вкладыш из кварцито-песчаника, кремневые скребки подтреугольной формы (10 экз.), нуклеус, отбойник-абразив, подвеску из шиферного сланца, плоские гальки-гладилки из разных пород камня и массу кремневых и кварцевых отщепов [Стефанов, 2006, с. 53–54]. Наличие в могилах 3, 5 и 11 Товкуртлорского некрополя, функционировавшего в бронзовом веке, наконечников треугольной и подтреугольной формы с усеченным основанием [Стефанов, 2006, с. 56], по В. И. Стефанову, маркирует присутствие какой-то пришлой сейминско-турбинской группы, хоронившей здесь своих воинов.

Типолого-морфологическая характеристика метательных орудий из товкуртлорских захоронений и их аналоги в базовых памятниках типа Сейма-Турбино (Усть-Ветлуга, Решное и др.) [Стефанов, 2006, с. 53; Шалахов, 2018, с. 279] практически полностью исключают местное (приказымское) происхождение наконечников. Любопытно, что В. И. Стефанов, интерпретирующий Товкуртлор 3 в целом как памятник приказымской культуры эпохи палеометалла, пишет об импорте каменного (кремневого) сырья для изготовления наконечников из очень отдаленных районов [2006, с. 54]. Возможно, сырье для товкуртлорских наконечников происходит из Приуралья, Волго-Камья или даже Предволжья (Юльялы).

Кремневые комплексы западносибирского могильника Товкуртлор 3 и средневожского (восточноевропейского) Усть-Ветлужского могильника почти тождественны. Например, кремневые наконечники могильников Товкуртлор 3 и Усть-Ветлуги объединяет и цвет кремневого сырья. Товкуртлорские наконечники окрашены, как пишет В. И. Стефанов, «в серый, светло-серый, коричневый и розоватые тона» [2006, с. 53]. Эти же тона окраски кремня отмечены мной примерно у 70 % наконечников с Усть-Ветлуги.

Кроме того, в погребениях указанных памятников есть все признаки наличия колчаных наборов, отмеченных ранее в Турбинском могильнике. Товкуртлорский колчаный набор из могилы № 5 содержал пять экземпляров наконечников стрел турбинского типа [Стефанов, 2006, с. 45].

Еще одна важная находка обнаружена в товкуртлорской могиле 3. Это предмет не-утилитарного назначения — миниатюрная орнаментированная фигурка животного из глины, которая своей иконографией напоминает эквида, отлитого на навершии рукояти сейминско-турбинского бронзового ножа-кинжала, поднятого в Казахском Прииртышье [Мерц, 2006, с. 674]. Товкуртлорский эквид вполне соотносится с типом лошадей, весьма приспособленных к дальним переходам. Глядя на стилизованное изображение лошади из товкуртлорского погребения, легко представить то, каким способом

добирались до берегов р. Казым и территории Нижнего Приобья древние «экспедиционеры».

Вряд ли носители сейминско-турбинского металла и кремня пришли к берегам р. Казым как завоеватели. Поиском удобных пастбищ этот поход тоже назвать трудно. Что же заставило сейминцев и турбинцев начать покорение северных широт? Ответ на этот вопрос следует искать в той культуртрегерской роли, которую взяли на себя «Чингизовы провозвестники» (так справедливо назвал воинственных пришельцев из глубин Азии видный российский археолог Е. Н. Черных [2013, с. 269; 2009, с. 264]). Вместе с инновационными приемами работы с металлом — использование оловянных бронз, сейминско-турбинские литейщики принесли в Западную Сибирь, включая северо-таежную зону этого региона, новые погребальные обряды (кремация и кенотаф) и новые идеологические концепты, изменившие в дальнейшем стратегию развития энеолитических культур Крайнего Севера. Очевидно, что территория распространения приказымской культуры стала для небольшого сейминско-турбинского клана своего рода «экспериментальной площадкой», где могли происходить интеграционные процессы, едва уловимые в археологическом плане.

Библиографический список

- Мерц В. К. Новая находка наверхия сейминско-турбинского ножа из Восточного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. Т. 2, № 4-1. С. 673–678.
- Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Российская археология. 2006. № 1. С. 44–58.
- Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М., 2009.
- Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М., 2013. Т. 1.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Шалахов Е. Г. Товкуртлорский кремль: к вопросу об аналогиях // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 278–280.

E. G. SHALAKHOV

ON THE SUBJECT OF THE REASON FOR THE “EXPEDITION” OF THE SEIMIN-TURBINO BRONZES POPULATION TO NORTHERN LATITUDES

The eponymous sites of the Seimin-Turbino transcultural phenomenon were located in the forest zone of the Volga region and the Urals. The material complexes of the Seimin necropolis and the Turbino I burial ground still arouse genuine interest among researchers of the paleometal age of Western Siberia, the Urals and Eastern Europe. The migration routes of the Seimin-Turbino groups are also well studied. The Tovkurtlor 3 earth burial site was discovered in the Lower Ob region, at a considerable distance from the main “highway” of the Seimin-Turbino populations. The studied by V. I. Stefanov site was originally attributed to the local Kazym culture. It produced a series of stone arrowheads of the Turbino type and a bronze knife-scraper, which had direct analogies in the complexes of the reference sites of the Seimin-Turbino phenomenon. The clay equid figurine from the Tovkurtlor burial had a striking similarity with the well-known samples of the Seimin-Turbino metal plastic art. It is quite possible that the “expedition” of a militant clan to the northern latitudes was connected with the search for allies who were able to assimilate some traditions of the Seimin-Turbino bronzes population.

Evgeny G. Shalakhov – GBUK RME “Zamok Sheremeteva” (Russia, Yurino)

E-mail: shalahof@yandex.ru

В. Я. ШУМКИН

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ ПЕРИОДА РАННЕГО МЕТАЛЛА (ЭПОХА БРОНЗЫ)*

Несмотря на определенную деградацию материальной культуры в начальный период заселения и освоения северо-западной окраины Арктической Европы из-за смены сырьевой базы для производства орудий и проблемы с адаптацией в условиях побережья Северного Ледовитого океана, древнее население сумело сохранить свои творческие навыки и мировоззренческие представления. Это выражается в продолжении традиции своих палеолитических предков, у которых нанесение на скальные поверхности символов и изображений зверя, основных источников существования (и почитаемых тотемов?) являлось наглядным «удвоением мира». Очевидно, мировоззренческие основы сохраняются значительно дольше, чем материальные достижения. Вероятно, они имели сплачивающую для коллективов функцию и способствовали выработке адаптационных стратегий в новом для них мире. По крайней мере, основной массив петроглифов Канозера и Поноя (Чальмн-Варрэ), относящийся к эпохе раннего металла (1800–900 лет до н. э.) подтверждают это предположение, а выбитые персонажи и особенно хорошо продуманные и построенные композиции, запечатленные на скалах Лапландии, свидетельствуют о зарождении мифологических представлений.

Шумкин Владимир Яковлевич — к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: shumkinv@yandex.ru

С возникновением способности изобразительно удваивать мир, по крайней мере в позднем палеолите, человеческое сообщество уже не расставалось с такой художественной потребностью. Поэтому достигнув арктического побережья северо-западной Европы, человек не преминул оставить на норвежских скалах крупные (до 6 м) контурные, выполненные шлифовкой линий изображения медведей, китов, лосей, оленей древностью около 11–10 тыс. лет [Gjerde, 2010]. Без сомнения, были и другие проявления изобразительной деятельности того времени, как и последующих эпох, на иных материалах: коже, дереве, кости, но они не сохранились. На нашей территории нет образцов такой древности (даже на таком стойком «полотне», как скалы). Невероятной удачей здесь было нахождение [Shumkin, 1990, с. 53–67] уцелевших от воздействия столь губительного Хроноса писаниц Пяйва-галереи на полуострове Рыбачий, датированных поздним мезолитом (около 6 тыс. лет до н. э.). Мало сохранившихся образцов духовной культуры осталось и от неолита (5000–1800 лет до н. э.), однако появляется керамика, новый материал для приложения своих художественно-символических воплощений в виде богатого геометрического орнамента [Шумкин, Лихачев, 2022, с. 64–85], а в самом конце этого периода появляются первые изображения на петроглифических комплексах Поноя [Шумкин, 1973; Колпаков, Шумкин, Мурашкин, 2018] и Канозера [Колпаков, Шумкин, 2012].

Но истинный расцвет всех видов художественного творчества происходит в эпоху раннего металла (бронзовый век). Двойное название этого периода (1800–900 лет до н. э.) приводится поскольку оба термина равноправно используется в археологической литературе.

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-001)

Подробную историю такого состояния уже дал Е. М. Колпаков [2020, с. 77–88], но название эпоха раннего металла до сих пор применяется отечественными и зарубежными археологами, занимающимися изучением древних культур Севера.

Может быть, пришло время, поскольку классическая система трех веков стала раздвигаться в конце неолита и затем соединяться в век железа, отказаться от понятия «эпоха раннего металла», и отнести ее к бронзовому веку в рамках археологической периодизации [Колпаков, 2020, с. 77],

Как показывает история человечества уровень развития материальной и духовной культуры не всегда «шел нога в ногу», но в отношении этого периода произошло полное совпадение. Специализированная охота на морского зверя давала обильный достаток продуктов питания, способствовала укрупнению и сплоченности приморских коллективов, чтобы вести подобный вид [Шумкин, 2016, с. 117–139] деятельности, обеспечивала оседлый образ жизни в круглогодичных крупных углубленных жилищах.

Основная масса изображений грандиозного (более 1400 фигур в 18 группах на трех островах и одной прибрежной скале) петроглифического комплекса Канозера в южной части Кольского полуострова, который наряду с такими величественными ансамблями, как Альта, Немфорсен, Винген, Выг и Онего, относятся к самым крупным собраниям наскального творчества «охотничьей традиции» Фенноскандии датируется именно этим временем. На Канозере практически во всех группах представлены изображения многочисленных лодок, зверей (больше всего семейства оленьих — лосей и оленей), антропоморфов (людей в разных позах и даже в звериных образах), лапотоногих, следов (лыж, зверей, человека), реже фигур птиц, рыб, змей, есть композиции, в том числе связанные с морской и сухопутной охотой. Но помимо общих черт, изображения каждого острова имеют определенное своеобразие. Так на острове Еловый хоть и доминирует подобная тематика, но здесь еще присутствует и значительное количество знаков, чашечных углублений и сложных орнаментальных геометрических фигур, таких как так называемые колеса, кресты, стилизованные морды медведей. Все это не единичные фигуры, так как встречаются они и на других скальных поверхностях Канозера, а некоторые даже и на других памятниках северной Фенноскандии.

Понойские петроглифы (Чальмн-Варрэ, около 300 изображений на 10 отдельных камнях) расположены в иной ландшафтной ситуации, созданы родственным приморскому населением, но выбравшего иной хозяйственно-культурный тип жизнеобеспечения. В Чальмн-Варрэ все антропоморфы изображены в фас, тогда как представители семейства оленьих переданы профилем. При этом показаны две, три или четыре ноги. Представлены только лоси, собаки и одно изображение змеи. Любопытно, что здесь вообще отсутствуют любые сцены охоты. Зато уникальной является композиция рождения зооморфа женщиной, что находит аналогии не в наскальном искусстве, а в саамской мифологии. Его можно связать с легендой о Мяндаше — человеке-олене, который по одной из версий рожден женщиной или важенькой в обличье женщины.

А вот традиция нанесения геометрического орнамента на тело сосудов заметно деградирует. Декор наносится уже иногда лишь вдоль венчиков в виде неглубоких оттисков мелкозубой гребенки, прочерченных, продавленных, параллельных или пересекающихся линий, округлых мелких вдавлений.

Зато геометрические орнаменты очень широко представлены на изделиях из кости и рога на памятниках мурманского побережья Кольского полуострова [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 3–17], где сохранилась благодаря особым природным условиям, а именно: наличие слоя морских раковин [Колпаков и др., 2019], или антропогенным факторам (присутствие в культурном слое массы жира, образовавшегося в результате длительного проживания охотников на морского зверя), приведшим к сохранению органики (на поселениях Маяк 2, Завалишина 5, в жилищах Дроздовка 3, Харловка 1.6). Изделия из органических материалов с этих памятников часто украшены различными сложными геометрическими символами. Однако более часты простые орнаментальные мотивы. В целом же орнамент древнего населения Кольского полуострова настолько сильно геометризирован, что почти ни по одному из имеющихся изображений невозможно определить объект/предмет подражания.

Если изображения фигуративного пласта, оставленные нашими предками, еще как-то находят отклик у специалистов, издателей, читателей, то отношение к знакам, геометрическим фигурам более прохладно, а они в жизни древних людей, несомненно, значили не менее, чем другие, и были частью их символических представлений. Исследователи первобытного искусства уже не сомневаются, что простые знаковые формы изображений появлялись практически одновременно с фигуративными образами. Это хорошо сочетается с утверждением выдающегося американского культуролога и антрополога Л. Уайта: «все цивилизации и возникали, и сохранялись только благодаря использованию символов. Именно символ преобразует младенца *Homo sapiens* в «человеческое существо» [Уайт, 2004, с. 34]. То есть, по Уайту, истинное человеческое поведение и его осознанная деятельность в целом начинается именно с использования символов, благодаря которым и произошло окончательное выделение человека из животной среды.

Библиографический список

- Колпаков Е. М. Понятие «эпоха раннего металла» в археологии Северной Европы // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 2. С. 77–88.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. Искусство России. СПб., 2012.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб., 2018.
- Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я. Кольский Оленеостровский могильник (1925–2013). Вологда, 2019.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Уайт Л. Избранное: наука о культуре. М., 2004.
- Шумкин В. Я. Отчет о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40.
- Шумкин В. Я. Морской зверобойный промысел населения Северной Фенноскандии эпохи раннего металла как эмбриональный вид производящего хозяйства // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 117–139.
- Шумкин В. Я., Лихачев В. А. Геометрические формы в творчестве древнего населения Кольского полуострова // *Camera praehistorica*. 2022. № 2 (9). С. 64–85.
- Gjerde J. M. Rock Art and Land-landscape: Studies of Stone Age Rock Art from Northern Fennoscandia: PhD. dis. Tromsø, 2010.
- Shumkin V. Ya. The rock art of Russian Lapland // *Fennoscandia Archaeologica* VII. Helsinki, 1990. P. 53–67.

V. Ya. SHUMKIN

THE MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE OF THE ANCIENT POPULATION OF RUSSIAN LAPLAND OF THE EARLY METAL PERIOD (THE BRONZE AGE)

Despite a certain degradation of material culture in the initial period of colonization and the development of the northwestern outskirts of Arctic Europe due to a change in the raw material base for the production of tools, and problems with adaptation to the conditions of the Arctic Ocean coast in the distant times; the ancient population managed to preserve their creative skills and belief systems. This was reflected in the continuation of the tradition of their Paleolithic ancestors, for whom drawing of symbols and images of beasts, the main sources of existence (and the revered totems?) on rock surfaces was a visual “duplication of the world”. Apparently, the ideological foundations were preserved much longer than the material achievements. They probably played a rallying function for the groups and contributed to the development of adaptation strategies in a new environment. At least, the main array of petroglyphs of Kanozero and Ponoï (Chalmn-Varre), dating back to the Early Metal Age (1800–900 BC) confirmed this assumption, and the carved characters and especially the well thought out and constructed compositions imprinted on the rocks of Lapland indicated the birth of mythological ideas.

Vladimir Ya. Shumkin – Candidate of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: shumkinv@yandex.ru

СЕВЕР ЕВРАЗИИ В СКИФО-
САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

NORTH OF EURASIA IN THE SCYTHIAN-
SARMATIAN ERA

В. А. БОРЗУНОВ

ИСЕТСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ*

Исетская культура — оригинальное образование лесного Зауралья IX/VIII–III вв. до н. э., материалы которого ошибочно включаются в состав иткульской культуры. Исетская культура сформировалась на основе скотоводческих племен бархатовской культуры периода поздней бронзы Нижнего Притоболья, продвинувшихся на восточный склон Уральских гор в поисках месторождений меди, и пришлых с севера охотников-рыболовов гамаюнской культуры. Население исетской культуры занималось рыболовством, охотой, разведением крупного и мелкого рогатого скота, а также вело обменную торговлю иткульской медью и изделиями из нее с окружающими и более удаленными лесными и степными племенами.

Борзунов Виктор Александрович — к.и.н., Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)
E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Исетская культура выделена в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Е. М. Берс как общество металлургов раннего железного века горно-лесного Зауралья [1963]. Практически аналогичное образование — иткульскую культуру — по материалам раскопок поселений на севере Челябинской и юге Свердловской областей охарактеризовал К. В. Сальников. В списке иткульских памятников значились и исетские [Сальников, 1962]. Г. В. Бельтикова включила исетские поселения и керамику («второй иткульский тип») в состав единой иткульской культуры, сформировавшейся из кланов металлургов, выделившихся из среды позднебронзовых межовских общин. На базе иткульской культуры в VII–III вв. до н. э. функционировал Зауральский (Иткульский) очаг цветной металлургии, обеспечивавший цветным металлом и изделиями из него (наконечники стрел и др.) окрестные и более удаленные племена, в том числе савромато-сарматские и ананьинские [Бельтикова, 2005].

Особенностью памятников горно-лесного Зауралья является практически полное отсутствие стратифицированных объектов. Культурные слои малой мощности (10–50 см), залегающие на вершинах гор, скал, «каменных палаток», коренных мысов и берегов рек, а также под ними и по краям подпруженных водоемов, содержат в перемешанном состоянии разновременные артефакты. Это стало причиной ошибок при характеристике зауральских культур.

В том числе в состав иткульского комплекса были включены керамика, орудия и украшения принципиально иной культуры — исетской (в новой трактовке). Она возникла раньше иткульской, на базе скотоводческих общин финала эпохи бронзы бархатовской культуры Нижнего Притоболья и охотников-рыболовов пришедшей гамаюнской культуры. Последние являлись потомками населения лозьвинской культуры бассейна Конды и атлымской Нижнего Приобья.

Известно около 90 памятников с исетской керамикой. Их ориентировочная хронология: IX/VIII–III вв. до н. э. Самые ранние исетские поселки открыты на берегах озер Шигирского и Исетского, в верховьях Исети (Скворцовская гора V, Мыс Толстик, Шаманиха, Шанаиха, СУГРЭС, Коптяки 5 и др.), низовьях Пышмы и Нижнем Притоболье. В последнем районе

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № FEUZ-2023-0018

группы исетского населения, наряду с выходцами из бассейна Конды, Сургутского Приобья и Тоболо-Иртышья, стали основой формирования юртоборской культуры IX/VIII–VI вв. до н. э.

С VII в. до н. э. исетские общины вступили в тесные контакты с кланами иткульских металлургов. Население исетской культуры проживало главным образом в небольших селищах по берегам озер и рек. Отдельные исетские группы (женщины) входили в состав жителей иткульских укреплений.

Открыты два исетских святилища с ритуальными погребениями. На вершине «каменной палатки» Южный Шихан близ оз. Шайтанского, в углистом слое между гранитными блоками, найден раздавленный и обожженный череп пожилой женщины со следами налобной повязки, украшенной медными колесовидными дисками и петелькой-застежкой. Рядом, под валуном, находился медный птицевидный идол. Выше лежали «толстостенная» чаша, выпиленная из черепа человека, страдавшего серьезным заболеванием, а также две мелкие медные бляшки-пуговицы, три каменных скребка и пест. Ниже по склону обнаружены раздробленные кости двух кремнированных на стороне людей. В восточной части шихана, обращенной к озеру, рассеяны мелкие кальцинированные кости еще одного человека [Сериков, 2013, с. 150–152, 180, 191, рис. 191]. На памятнике Скворцовская гора V раскопан погребальный комплекс в виде навала камней с металлическими вещами (птицевидные отливки, петельчатые бляхи, наконечники копий, стрелы, украшения) над двумя неглубокими подовальными могилами, выкопанными в скальном грунте. Черепа и кости верхней части скелетов фрагментированы и смещены. Это предполагает кремацию умерших на стороне и ритуальное использование огня. Все изделия грубо отлиты из оловянно-мышьяковистой бронзы, не характерной для продукции иткульских металлургов [Чаиркина, 2011, с. 125–161].

Исетские изделия изготовлены из кости, глины, камня и цветного металла, сходны с иткульскими и отчасти гамаюнскими. Вероятна принадлежность к ним некоторых медных птицевидных идолов, близких культовым отливкам лесного Приуралья и Западной Сибири. Исетская керамика представлена круглодонными горшками с резко отогнутыми наружу и утолщенными изнутри шейками, а также выпуклыми плечиками (гамаюнское и бархатовское наследие). В глине сосудов присутствует зауральская примесь толченого талька. Орнаменты включают пояски ямок (гамаюнская черта) и декоры, выполненные мелкозубчатыми штампами (зауральская и притобольская традиции), имитирующими оттиски прокатанного гамаюнского глиняного штампа.

Хозяйство исетских племен комплексное: рыболовство, охота в основном на диких копытных, разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Цветная металлургия и металлообработка весьма скромны. В летний сезон исетские группы доставляли в городища иткульских металлургов продовольствие в обмен на медь. Судя по широкому распространению исетской и сходной с ней керамики — от рр. Камы и Белой до Кондинской низменности и Барабинской лесостепи — носители иткульской культуры выступали основными посредниками в обменной торговле иткульской медью. Тогда как иткульских поселений с посудой «первого типа» и производственными емкостями нет за пределами горно-лесного Зауралья.

В IV–III вв. до н. э. гамаюнские и исетские коллективы вошли в состав общин иткульской культуры.

Библиографический список

- Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.
- Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
- Сальников К. В. Иткульская культура (к вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки Челябинского областного краеведческого музея. Челябинск, 1962. Вып. 1. С. 21–46.
- Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013.
- Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург, 2011.

V. A. BORZUNOV

ISET CULTURE OF THE EARLY IRON AGE FOREST TRANS-URALS

The Iset culture was an original formation of the 9th/8th — 3rd centuries BC forest Trans-Urals, the materials of which have been often mistakenly attributed as the Itkul culture. The basis for the Iset culture formation was the Late Bronze Age Barkhatov culture of the Lower Tobol region pastoral tribes that advanced to the eastern slopes of the Ural Mountains in search of copper deposits; and the hunters and fishermen of the Gamayun culture who came to the area from the north. The Iset culture population was engaged in fishing, hunting, bovine cattle and small ruminants breeding, as well as exchange trade in Itkul copper and copper goods with the neighboring and the more remote forest and steppe tribes.

Viktor A. Borzunov — Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: victor.borzunov@mail.ru

А. П. БОРОДОВСКИЙ

**РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ ГОРОДИЩ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ
(ГОРНАЯ ДОЛИНА НИЖНЕЙ КАТУНИ)**

В научный оборот вводится серия радиоуглеродных дат, полученных из ряда городищ (Чултуков Лог-9, Манжерок-3, Барангол-5) горной долины нижней Катунь на Северном Алтае. Образцы для радиоуглеродного датирования были получены как для самих фортификационных сооружений (ров), так и культурного слоя этих укрепленных поселений, включая жилища и межжилищное пространство. Территориальная близость исследованных памятников, их различная типология (мысовые и террасные городища), а также корреляция традиционных и естественнонаучных методов датирования открывают очень широкие перспективы для определения реального времени существования этих укрепленных объектов. В связи с этим следует подчеркнуть, что такие данные позволяют реконструировать общую историческую динамику формирования в эпоху палеометалла целого укрепленного микрорайона на Северном Алтае. Это в конечном итоге позволит выявить ранние укрепления, возникшие еще в «скифское» время, и более поздние городища хунно-сяньбийского времени.

Бородовский Андрей Павлович — д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Для Северного Алтая в районе горной долины нижней Катунь (Майминский район Республики Алтай) выявлена группа городищ (Черемшанка, Чултуков Лог-9, Манжерок-3,

Барангол-5), датирующихся на основании археологических материалов в рамках широкого хронологического интервала с VII–II вв. до н. э. до первой половины I тыс. н. э. [Соёнов В. И., Константинов, Соёнов Д. В., 2011; Бородовский, Бородовская, 2013; Соёнов В. И., Соёнов Д. В., Константинов, 2016]. Типологически эти укрепленные поселенческие комплексы относятся к мысовым и террасным городищам [Дьякова, 2009, с. 32]. Такие особенности напрямую связаны не только с их систематизацией, но и различиями в сроках бытования укрепленных площадок на мысах и террасах. Для установления хронологии городищ любого типа, как правило, используются археологические данные, полученные с их поселенческих площадок, а не из их земляных оборонительных сооружений. Однако при этом так же не всегда учитывается, что на поселенческих площадках городищ археологический материал часто находится уже в перемещенном и переотложенном состоянии, далеко не всегда однозначно коррелирующийся с немногочисленными находками из внешних оборонительных конструкций. К этому следует добавить еще факты многослойности культурных отложений на многих городищах. В этой связи не менее важно и то, что для каждого городища следует выделять несколько периодов его существования. Среди них: начальный («догородищенский»), основной («городищенский»), реликтовый («постгородищенский») периоды [Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 10, 11, 257, 258].

К мысовым городищам горной долины нижней Катунь относится Чултуков Лог-9. Наличие рва на этом памятнике было подтверждено геофизическими исследованиями. На площадке этого объекта под культурным слоем эпохи палеометалла обнаружены следы косторезной площадки, радиоуглеродная датировка (Gr-56940) которой позволяет отнести ее к периоду 45 тыс. л. н. [Бородовский и др., 2015, с. 203]. Серия радиоуглеродных датировок (MKL-1911; MKL-1912; MKL-1917; MKL-2533; MKL-2534), полученных в ходе исследования различных участков Чултукова Лога-9, позволили получить даты, укладываемые в основном в хронологический интервал со 120 до 600 гг. н. э. [Borodovskiy, Olechak, 2012; Oleszczak et al., 2018]. Один образец (MKL-1912), полученный с основной площадки памятника, относится к более раннему времени (рубеж I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Тем не менее два образца горелого дерева (MKL-3426 и MKL-3427), изъятые непосредственно из заполнения рва, имели более узкую дату с 400 по 617 гг. н. э. Таким образом, для Чултукова Лога-9 достаточно наглядно представлены два периода его существования — «догородищенский» и «городищенский».

Еще одним мысовым городищем является Барангол-5. Радиоуглеродная датировка (Poz-41679, 1545 ± 30 л. н. cal BP) кости с этого памятника, относящаяся к 433–587 гг. н. э., свидетельствует о синхронности мысовых площадок ряда городищ на территории горной долины нижней Катунь, относящихся к первой половине I тыс. н. э.

Другое городище Манжерок-3 по своим топографическим и фортификационным характеристикам относится к террасным городищам. На огражденной площадке городища основной вещественный материал представлен фрагментами керамических сосудов, относящихся к первой половине I тыс. н. э. Тем не менее на территории городища найдено несколько фрагментов, относящихся к афанасьевской культуре. Однако эти находки единичны и локализованы только в юго-восточной части территории объекта, что имеет отношение к «догородищенскому» периоду существования этого объекта. Из предметов скифского времени на городище Манжерок-3 был обнаружен каменный оселок с отверстием для подвешивания. Аналогичный предмет обнаружен в некрополе Усть-Алеус-3

на севере Верхнего Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 77, 145, табл. XV, 14]. Этот некрополь датируется VI–V вв. до н. э. Присутствие на городище Манжерок-3 каменного оселка, относящегося к середине I тыс. до н. э., коррелируется с радиоуглеродной датой (MKL-1914, 2610 ± 80 л. н. $935\text{--}485$ cal BP), полученной по кости со дна внешнего рва этого городища.

Синхронизация городищ горной долины нижней Катунь по радиоуглеродным данным отражает историческую динамику развития этой территории на протяжении длительно-го хронологического периода (с середины I тыс. до н. э. до первой половины I тыс. н. э.). Корреляция радиоуглеродных датировок с нижнекатунских городищ, наряду с аналогиями в предметном комплексе (керамика, украшения, поясная фурнитура) позволяют реконструировать особенности освоения жизненного пространства Северного Алтая древними группами населения с комплексной экономикой [Zanina et al., 2021] в эпоху палеометалла. Такие данные так же имеют важное значение при выявлении региональных особенностей исторического развития фортификации на территории различных регионов Западной Сибири.

Библиографический список

- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013.
- Бородовский А. П., Деев Е. В., Зольников Д. И., Олещак Л., Кузьмин С. Я., ван дер Плихт Й., Кромпец М. Геолого-археологическое исследование высоких террас горной долины нижней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. 21. С. 201–205.
- Дьякова О. В. Военное зодчество центрального Сихотэ-Алиня. М., 2009.
- Соёнов В. И., Константинов Н. А., Соёнов Д. В. Особенности топографии и хронологии городищ Алтая и северных предгорий // Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск, 2011. С. 252–260.
- Соёнов В. И., Соёнов Д. В., Константинов Н. А. Древние городища Алтая. Горно-Алтайск, 2016.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большещеченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Чижевский А. А., Хисяметдинова А. А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 6–277.
- Borodovskiy A. P., Olechak L. Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time // Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie. Krakow, 2012. Vol. 4. P. 97–112.
- Oleszczak Ł., Borodovskiy A. P., Michalczewski K., Pokutta D. A. Chultukov log 9 – a settlement from the xiongnu-xianbei-rouran period in the northern ALTAI // Eurasian Prehistory. 2018. № 14 (1–2). P. 153–178.
- Zanina O. G., Tur S. S., Svyatko S. V., Soenov V. I., Borodovskiy A. P. Plant food in the diet of the Early Iron Age Altai pastoralists: evidence from dental calculus and grinding stone // Journal of Archaeological Science. 2021. Vol. 35. P. 1–14.

A. P. BORODOVSKY

RADIOCARBON DATING OF NORTH ALTAI HILLFORTS (THE LOWER KATUN MOUNTAIN VALLEY)

The paper is the publication of a series of radiocarbon dates obtained from a number of hillforts (Chultukov Log-9, Manzherok-3, and Barangol-5) in the Lower Katun mountain valley in the North Altai. Samples

for radiocarbon dating were obtained both for the fortification structures (a moat) and the cultural level of these fortified settlements, including the houses and inter-house spaces. The territorial proximity of the researched sites, their different typology (cape and terraced hillforts), as well as the correlation of the traditional and scientific dating techniques open up broad prospects for establishing the real time of the existence of these fortified settlements. In this regard, it should be emphasized that these data make it possible to reconstruct the general historical dynamics of the formation of extensive fortified micro-district in the Northern Altai during the paleometal age. This will eventually contribute to the discovery of both early fortifications built already in the “Scythian” time and the later hillforts of the Hun-Xianbei era.

Andrey P. Borodovsky – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Н. Н. ГОЛОВЧЕНКО

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ОДЕЖДЫ МОГИЛЬНИКА МАСЛЯХА-1 В СОБРАНИИ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ АЛТГПУ

Доклад посвящен обобщению сведений о результатах исследований в 1979 и 1982 гг. А. П. Уманским и В. А. Могильниковым курганов III–II вв. до н. э. у с. Масляха Крутихинского района Алтайского края. Особое внимание отводится материалам предметного комплекса одежды, полученным в ходе изысканий на курганной группе Масляха-1 и хранящимся в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета. В ходе исследования автор отмечает малочисленность и фрагментарность сохранившегося предметного комплекса одежды, отсутствие среди находок изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Эти наблюдения позволяют прийти к выводу о низкой экономической состоятельности населения, оставившего данный могильник, и сложности социальной обстановки, в условиях которой он создавался.

Головченко Николай Николаевич – к.и.н., Алтайский государственный педагогический университет (Россия, Барнаул)

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

В 1979 и 1982 гг. Крутихинский отряд Среднеазиатско-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А. П. Уманского и В. А. Могильникова проводил работы на курганной группе в районе с. Масляха, на которую в свое время обратил внимание еще Н. М. Ядринцев. Курганные группы Масляха-1 и Масляха-2 по количеству погребений скифского времени (105) и составу вещевого комплекса (более 240 предметов) являются одним из самых крупных и представительных на территории Верхнего Приобья объектов историко-культурного наследия конца I тыс. до н. э.

Погребальный инвентарь некрополя представлен предметами вооружения (железные кинжал и наконечник копья, костяные черешковые наконечники стрел), орудиями труда (железные ножи, костяные проколки, керамические пряслица), большим количеством керамических сосудов и предметным комплексом одежды [Уманский, 1979; Могильников, Уманский, 1992, с. 69–93; Памятники истории и культуры..., 1990, с. 77–78; Уманский, 1992].

Большая часть выявленных в ходе обозначенных изысканий артефактов хранится в Барнауле, в собраниях Историко-краеведческого музея Алтайского государственного

педагогического университета и Алтайского государственного краеведческого музея (всего несколько сосудов), за исключением антропологических материалов [Рыкун, 1997, с. 75–82].

Предметный комплекс одежды могильника Масляха-1 представлен находками конгломерата ткани и кожи, бронзовыми восьмерковидными сережками, элементами мужской и женской поясной фурнитуры.

Находки тканей происходят из погребения 14 кургана 3 Масляхи-1 и были выявлены под тазовыми костями погребенного. Обнаруженные фрагменты с пригоревшей к ним органикой зафиксированы *in situ*. Сопроводительный комплекс находок представлен отдельными элементами поясного набора. Органолептическое и микроскопическое обследование материала позволили выявить в его текстуре шерстяные волокна, что в целом соотносится с нашими представлениями о развитии ткачества на территории юга Западной Сибири в эпоху раннего железа. Данные фрагменты ткани имеют полотняное плетение и крайне неоднородную фактуру (вследствие плохой сохранности). Выявить кромки, позволяющие определить систему основных и уточных нитей, не удалось. Толщина нитей в образцах почти одинакова. Аналогии таким полотняным тканям выявлены в ряде археологических памятников юга Западной Сибири и Северной Азии.

Бронзовые восьмерковидные серьги с могильника Масляха-1 также находят массу аналогий среди элементов мужских и женских украшений евразийских степей эпохи раннего железа. К сожалению, все они лишены подвесок, что, может быть, отражает какие-то особенности эстетического восприятия декора костюма, облачающего покойного древним населением региона.

Элементы поясной фурнитуры представлены отдельными зачастую фрагментированными изделиями – костяными и бронзовыми пронизками, крючьями, обломком пряжки.

Металлические поясные крючья, происходящие с могильника Масляха-1 типологически довольно однородны, представлены изделиями без щитка, изготовленными из равномерно утолщенного прута с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации. Данный тип крючьев является самым многочисленным в синхронных памятниках Верхнего Приобья. Функционально крючья интерпретируются исследователями либо как устройство для подвешивания колчанного набора, либо как застежка пояса.

В совокупности весь имеющийся предметный комплекс одежды фрагментарен и малочислен, что, вероятно, объясняется экономической состоятельностью коллектива, оставившего некрополь. Особое внимание обращает на себя отсутствие в анализируемых материалах изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. В. А. Могильников и А. П. Уманский отнесли памятник к поздней стадии развития каменной (кочкинской) культуры, датировав его III–II вв. до н. э. Они обратили внимание на то, что в погребальном обряде и керамике прослеживаются черты, свойственные саргатской культуре. По их предположению, в Барабинской лесостепи произошло смешение саргатского и больше-реченского населения, которое затем, возможно, под давлением кулайцев переместилось в лесостепное Приобье и Кулунду, подвергнувшись здесь сильному сакскому влиянию с юго-запада. Однако вопросы культурной интерпретации памятников Верхнего Приобья эпохи раннего железа традиционно дискуссионны. Очевидно, не последнюю роль в их разрешении будет играть и анализ предметного комплекса одежды.

Библиографический список

- Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93.
- Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990.
- Рыкун М. П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 75–82.
- Уманский А. П. ...И курганы заговорят // Обская новь. 1979. 17 июля. № 85 (2407).
- Уманский А. П. Некоторые итоги раскопок курганного могильника Масляха I, открытого Н. М. Ядринцевым в 1878 году // Научная конференция памяти Николая Михайловича Ядринцева. Омск, 1992. С. 21–25.

N. N. GOLOVCHENKO

MASLYAKHA-1 GARMENTS MATERIAL COMPLEX IN THE COLLECTIONS OF THE ALTSPU REGIONAL HISTORY MUSEUM

The paper sums up the findings of A. P. Umansky's and V. A. Mogilnikov's 1979 and 1982 excavations of the 3rd – 2nd centuries BC mounds near Maslyakha village in the Krutikhin district of the Altai region. Particular attention was paid to the materials of the garments complex obtained in the course of research of the group of mounds Maslyakha-1 from the collection of the Regional History Museum of the Altai State Pedagogical University. In the course of the study, the author noted the scarcity and fragmentary nature of the preserved garments material complex, and the lack in the assemblage of any items made in the Scythian-Siberian animal style. These observations may suggest the low economic status of the population who left this burial ground, and the complexity of the social situation of the time.

Nikolay N. Golovchenko – Candidate of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University (Russia, Barnaul)

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Н. С. ЕФРЕМОВА, Л. Н. МЫЛЬНИКОВА

ЖЕРНОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ*

Доклад посвящен семантическому анализу детали погребального обряда, зафиксированной при исследовании элитного кургана саргатской культуры могильника Тартас-2 (Новосибирская область). Верхняя часть жерновов, округлая каменная створка с отверстием в центре, была помещена в курганную насыпь вблизи от центрального погребения. Аналогичные примеры помещения различных видов зернотерок в погребения и поминально-жертвенные комплексы известны во многих культурах не только на территории Западной Сибири, но и на Кавказе, в Причерноморье, в Казахстане и бытуют в широком хронологическом диапазоне. В докладе рассматриваются варианты интерпретации данного факта, поскольку присутствие в погребальном обряде кочевых культур элементов, тяготеющих по своей функциональной направленности к земледельческому вектору экономики, представляется явлением уникальным.

Ефремова Наталья Сергеевна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: ens77@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)» (рук. Л. Н. Мыльникова)

Мыльникова Людмила Николаевна — д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

Феномен обнаружения жерновов и функционально близких к ним орудий в погребальных комплексах кочевников известны на территории Северной Азии с эпохи ранней бронзы. Так в европейской части нашей страны массивные зернотерки отмечены уже со времени бытования катакомбной культуры [Наглер, 2000, с. 107]. Восточнее подобные находки имели место в инвентаре афанасьевской и окуневской культур [Молодин, Бородовский, 1994, с. 72], позднее — в материалах раннескифских могильников Алтая, Тувы, Кузнецкой котловины и т. д. [Михайлов, 1999, с. 132].

Источниковую базу пополнила находка, сделанная при исследовании могильника Тартас-2, относящегося к саргатской культуре (Новосибирская область). В насыпи кургана № 7 была обнаружена верхняя часть каменных жерновов [Мыльникова и др., 2023, с. 165]. Орудие залегало в насыпи кургана на глубине около 0,5 м от современной дневной поверхности. Небольшой фрагмент другой зернотерки найден также на западной периферии насыпи.

На территории Барабинской лесостепи уже известны жернова ручной мельницы, связанные с погребальными памятниками. Так подобный артефакт обнаружен близ п. Здвинск на оконечности Сивковой Гривы, вблизи от кургана эпохи раннего железа, полы которого подвергались систематической распахке; по-видимому, находка имеет к данному памятнику непосредственное отношение [Молодин, Тельпухов, Парцингер, 2003, с. 448]. Однако в закрытом комплексе на территории Обь-Иртышского междуречья артефакт обнаружен впервые. Для саргатского погребального обряда Барабинской лесостепи подобное явление представляется достаточно необычным. Для сравнения — южнее, в раннескифских курганах Алтая, эти орудия встречаются довольно часто, в том числе и в рамках одного памятника: жернова и обломки зернотерок могли быть найдены сразу в нескольких курганах [Суразаков, Тишкин, 2007].

Анализ источников позволил выделить два варианта погребального обряда: помещение рассматриваемых орудий непосредственно в могильную яму или присутствие в насыпи кургана, вне погребальной камеры. Оба варианта размещения артефактов выявлены в ирменских могильниках Кузнецкой котловины [Ковалевский, 2023]. Учитывая сложную структуру погребального обряда, не исключено, что семантика ритуала в таких случаях будет отличаться.

Само орудие также могло интерпретироваться неоднозначно, как с утилитарной, так и с культовой точки зрения.

В первом случае жернов являлся исключительно бытовым сопроводительным инвентарем, помещаемым в погребение для обеспечения умершему «комфортного существования» в загробном мире. Этим могут объясняться варианты обнаружения в погребальном комплексе артефактов, имеющих дефекты, вплоть до помещения в могилу лишь части изделия.

Во втором случае орудие представляло собой определенный сакральный символ, связанный, например, с земледелием и, в соответствии с земледельческими циклами, со смертью, возрождением, плодородием и жизнью [см.: Молодин, Бородовский, 1994]. Зафиксированы

и другие варианты использования подобных артефактов в погребальном обряде, нашедшие проявление, в частности, в ритуальной практике сарматов Центрального Кавказа, на средневековых могильниках осетин и т. д. [Наглер, 2000, с. 110].

Интересная аналогия деталям ритуала захоронения обнаруживается и в Большом Салбыкском кургане, где рядом с одной из угловых стел был погребен человек, умерший насильственной смертью. Вблизи скелета найден нижний жернов ручной мельницы, частично поврежденный [Михайлов, 1999, с. 133]. Интересно то, что рядом с обнаруженным в Тартасском кургане жерновом в насыпи располагалось коллективное захоронение принесенных в жертву людей — как минимум, шести человек [Мыльникова, Молодин и др., 2023, с. 738–740]. Существовала ли сакральная взаимосвязь в подобной локализации — по единичным случаям сказать пока затруднительно.

Присутствие в погребальном обряде кочевых культур элементов, тяготеющих по своей функциональной направленности к земледельческому вектору экономики, представляется явлением уникальным и нуждается в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

- Ковалевский С. А. О назначении ирменских каменных ручных мельниц // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2023. Вып. 3. С. 116–120.
- Михайлов Ю. И. Семантика зернотерок и пестов в погребальных и ритуальных комплексах IX–VII вв. до н. э. Саяно-Алтайского нагорья // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 132–134.
- Молодин В. И., Бородовский А. П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. 1994. № 4. С. 72–79.
- Молодин В. И., Тельпухов Н. И., Парцингер Г. Жернова из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 447–448.
- Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Молодин В. И., Ефремова Н. С., Дураков И. А. К изучению погребальной практики элитных курганов саргатской культуры Барабинской лесостепи (сопроводительные комплексы животных в кургане № 7 могильника Тартас-2) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. Барнаул, 2023. С. 163–172.
- Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Ненахов Д. А., Кобелева Л. С., Дядьков П. Г., Позднякова О. А., Васильев С. К., Ненахова Ю. Н., Селин Д. В., Нестерова М. С., Кравцова А. С., Харитонов Р. М., Попова Б. С., Бобин Д. Н., Некраш А. А., Титова А. В., Чикишева Т. А., Мыльников В. П. Начало исследования элитного кургана № 7 саргатской культуры на памятнике Тартас-2 в Барабинской лесостепи. Геофизические исследования и элементы обрядовой практики // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2023. Т. 29. С. 735–742.
- Наглер А. О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 107–111.
- Суразаков А. С., Гишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007.

N. S. EFREMOVA, L. N. MYLNIKOVA

MILLSTONES IN BURIAL COMPLEXES: SEMANTIC STUDY

The subject of the paper is the semantic analysis of the burial tradition registered in the course of the study of an elite Sargat culture mound from the burial ground Tartas-2 (Novosibirsk region). The upper part of the millstones, a rounded stone casement with a hole in the center, was placed in a burial mound near the central interment. Similar examples of placing various types of grain grinders in the interments and

the memorial and sacrificial complexes occurred in many cultures not only in Western Siberia, but also in the Caucasus, the Black Sea region, and Kazakhstan, and existed within a wide chronological range. The paper examines various interpretation options, since the presence in the funeral rites of nomadic cultures of the elements more characteristic in their functional orientation for the agricultural vector of the economy appears to be a rather unique phenomenon.

Natalia S. Efremova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: ens77@mail.ru

Ludmila N. Mylnikova – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

О. Ю. ЗИМИНА

КУЛЬТУРЫ И КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА БРОНЗОВОГО — РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ЗАУРАЛЬЯ*

В работе рассматриваются комплексы рубежа бронзового — железного веков Зауралья (гамаюнская, иткульская) и долины р. Тобол (восточный вариант иткульской культуры) и их отдельные характеристики. Высказывается согласие с необходимостью возвращения к исходным дефинициям и разделением материалов иткульской культуры на «иткульскую» и «исетскую». Однако последняя требует уточнения круга уральских памятников и основных признаков. Высказаны возражения против предлагаемого В. А. Борзуновым выделения комплексов восточного локального варианта иткульской культуры Притоболья в отдельную «юртоборскую культуру».

Зимина Оксана Юрьевна — к.и.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: o_winter@mail.ru

Рубеж бронзового — железного веков и начало раннего железного века в Зауралье характеризуют гамаюнская и иткульская культуры [Борзунов, 1992; Бельтикова, 1977]. В долине р. Тобол было обосновано выделение восточного варианта иткульской культуры переходного от бронзы к железу времени [Зимина, Зах, 2009].

В последнее время появился ряд работ, в которых исследователи разделяют материалы иткульской культуры на иткульскую и исетскую, обосновывая возвращение к исходным дефинициям [Викторова, 2008, с. 89–90; Борзунов, 2014; 2019]. Суть проблемы, по мнению В. А. Борзунова, заключается в неверном определении составляющих иткульской культуры, и, как следствие, ошибочное истолкование материалов Притоболья и выделение их в «восточный вариант иткульской культуры» [2023, с. 65, 67]. Исходным, как считает В. А. Борзунов, является ошибочное объединение Г. В. Бельтиковой в рамках иткульской культуры, на базе которой в горно-лесном Зауралье функционировал Зауральский (иткульский) очаг металлургии [Бельтикова, 2005], двух керамических типов — I и II [Бельтикова, 1977, с. 120; Борзунов, 2023, с. 65].

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № FWRZ-2021-0006

Первый тип иткульской керамики восходит к выделенной К. В. Сальниковым на Южном Урале иткульской культуре [1961], второй — к исетской культуре Среднего Зауралья, выделенной Е. М. Берс [1963]. Иткульская и исетская керамика (I и II иткульские типы) отличаются. Иткульские сосуды имеют единую толщину стенки во всех точках корпуса, кроме дна, исетские — в большинстве случаев имеют утолщение в перегибе шейки. Оба типа сосудов украшены в верхней трети (шейка, переходная зона, плечико) при помощи гребенчатого штампа. На исетских сосудах орнаментация более плотная и доминируют узоры из взаимопроникающих зон, на иткульских — более разреженная и простая, чаще из рядов оттисков штампа, но взаимопроникающие фигуры тоже встречаются. На шейках сосудов исетского типа при переходе к плечико нанесен двоянный ряд ямок в шахматном порядке, на иткульских — ломаная линия, цепочка треугольных вдавлений, иногда подковообразные или круглые ямки. Оба типа содержат включения талька в тесте, только в исетских сосудах они менее обильны [Бельтикова, 1977, с. 120–124]. Визуально различия обоих типов очевидны, однако не менее очевидна и их взаимосвязь, стабильная взаимовстречаемость на памятниках Урала и совпадение ареалов [Борзунов, 2023, с. 64, рис. 1].

Более чем за полувековую историю с момента выделения исетской культуры, она так и не приобрела отчетливых характеристик. Остаются неопределенными тип и планировка поселений, домостроительство, погребальный обряд, оружейный набор. На Урале известны всего несколько из исследованных памятников, на которых выборка иткульского II (исетского) типа керамики превышает выборку иткульского I типа [Корона, 1995].

Однозначно связывать облик «исетской» посуды с результатом взаимодействия бархатовских и гамаюнских традиций сложно, поскольку определять городища позднего бронзового века Притоболья (Красногорское, Коловское) в качестве бархатовско-гамаюнских [Борзунов, 2023, с. 64, рис. 1] неверно. На первом — небольшое количество гамаюнской керамики фиксирует контакты населения, на втором гамаюнская керамика не выявлена [Матвеев, Аношко, 2009, с. 337, 338]. Небольшие группы сосудов в коллекциях Усть-Утяк 1 и Миасского городищ Зауралья демонстрируют смешение бархатовско-гамаюнских черт, однако, они имеют мало общего с типичными сосудами иткульского II (исетского) облика.

Возвращаясь к исходным дефинициям, можно согласиться с В. А. Борзуновым, что на памятниках переходного времени от бронзового к раннему железному веку в Притоболье присутствует посуда именно исетского облика. Тот факт, что в долине р. Тобол выделены «чистые» комплексы исетской керамики, не смешанные с другими керамическими типами и связанные с определенным типом поселений — городищами с круговой планировкой, подтверждает существование исетского культурного образования. Тальковая примесь в тесте и шамоте керамических изделий Притоболья определенно указывает на Урал как исходную территорию, а полученные на поселениях Притоболья радиоуглеродные даты позволяют говорить о более ранних начальных датах исетских комплексов Зауралья, возможно, VIII или IX вв. до н. э., по сравнению с нижним пределом — VII в. до н. э., определенным Г. В. Бельтиковой для памятников иткульской культуры [2005, с. 186]. Однако определение керамических комплексов притобольских городищ «восточного варианта иткульской культуры» как «исетских» делает нелогичным выделение этого круга памятников, насчитывающего сейчас 43 городища, в отдельную «юртоборскую» культуру, что предлагает В. А. Борзунов [2023, с. 67]. В тоже время полный перечень уральских поселений

исетской культуры и их характеристики на сегодняшний день не представлены, требуются дополнительные исследования [Борзунов, 2014, с. 227].

Библиографический список

- Бельтикова Г. В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.
- Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
- Борзунов В. А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы. Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 212–245.
- Борзунов В. А. Еще раз о проблемных и казусных ситуациях при характеристике культур раннего железного века лесного Зауралья // XVI Бадеровские чтения. Пермь, 2023. С. 63–68.
- Борзунов В. А. О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // Российская археология. 2019. № 3. С. 131–146.
- Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992.
- Викторова В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железа) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2008. № 2. С. 79–93.
- Зими́на О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск, 2009.
- Корона Н. В. Керамика иткульской культуры. Дипломная работа // Архив АКА УрГУ. 1995.
- Матвеев А. В., Аношко О. М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009.
- Сальников К. В. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 48–52.

O. Yu. ZIMINA

CULTURES AND COMPLEXES OF THE TURN OF THE BRONZE AND THE EARLY IRON AGES OF THE TRANS-URALS

The paper studies the complexes of the turn of the Bronze and the Iron Ages in the Trans-Urals (the Gamayun and the Itkul), and the Tobol valley (the eastern variant of the Itkul culture), and their individual characteristics. The author agrees with the idea of the need to return to the original definitions and the split of the materials of the Itkul culture into Itkul proper and the Iset cultures. However, the latter requires certain clarification of the group of the Ural sites and the main attributes. The author also raised objections against allocation of complexes of the eastern local variant of the Itkul culture of the Tobol region into a separate “Yurtobor culture” as was suggested by V. A. Borzunov.

Oksana Yu. Zimina – Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)
E-mail: o_winter@mail.ru

К. Г. КАРАЧАРОВ

СИБИРСКИЕ БРОХИ ИЛИ БОЕВЫЕ СКВИРКЛЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Работа посвящена двум ранее не рассматривавшимся типам укреплений раннего железного века (васюганского этапа кулайской археологической культуры), выявленным в восточной части

Сургутской низины в Западной Сибири. Это дома-башни и дома с башнями, археологизированную форму которых кратко можно охарактеризовать как «сквирклы» и «восьмерки». Форма и размеры сближают их с подобными укреплениями из других регионов планеты. Рассматривается топография и планиграфия размещения этих малых укреплений.

Карачаров Константин Геннадьевич – индивидуальный предприниматель (Россия, Екатеринбург)
E-mail: mail@karacharov.ru

Феномен городищ лесной зоны Западной Сибири всегда привлекал внимание исследователей. Наиболее сконцентрировано эта тема представлена в работах В. А. Борзунова. Им в том или ином виде обобщалась информация об оборонительных сооружениях, проводилась их классификация.

Не являются исключением и городища раннего железного века. Казалось, что ничто не могло ускользнуть от пытливого взора исследователя. Однако, занимаясь выделением индикаторных культурно-хронологических признаков, выраженных в рельефе археологизированных сооружений, наша группа столкнулась с тем, что в публикациях, посвященных военному делу рассматриваемой территории и выстроенных им типологических схемах, мы не обнаружили по меньшей мере два типа укреплений раннего железного века (кулайской археологической культуры), с которыми, я уверен, сталкивались многие исследователи, проводившие разведки и раскопки. Обратив внимание исследователей на представляемые типы укреплений и призвано настоящее сообщение.

Речь здесь пойдет о домах-башнях и домах с башнями. Не следует путать их с «укрепленными жилищами» из типологии В. А. Борзунова, где этим термином обычно обозначаются отдельные постройки, обнесенные оборонительной стеной. Справедливости ради, следует сказать, что дома-укрепления все же отмечены В. А. Борзуновым, но для эпох энеолита и бронзы. Он выделил эти малые оборонительные сооружения во «второй тип» и отметил, что они «привязаны к защищенным местам – мысам и краям террас». Реконструировал он их не как башни, а как своеобразные блокгаузы (в рассматриваемом контексте это не имеет принципиального значения) [Борзунов, 1999, с. 9; 2015; Борзунов и др., 2008; 2011]. Однако дома-укрепления раннего железного века ускользнули от его внимания.

Городища в форме сквиркла (остатки домов-башен)

Самое раннее свидетельство о городищах-сквирклах раннего железного века удалось найти в отчете А. П. Зыкова о полевых работах 1981 г. – это городище Кучиминское XVII, расположенное в Сайгатинском урочище недалеко от Сургута [Зыков, 1982].

Позже, начиная с 1995 г., остатки домов-башен и вместе с ними остатки домов с башнями стали фиксироваться исследователями в бассейне р. Аган. Однако это не означает, что подобные городища не выявлялись в других местах. Сложилось убеждение, что причиной тому были в том числе неготовность исследователей воспринимать такие городища и легкомысленный подход к топографической съемке, когда фиксировались только те формы рельефа, которые в сознании разведчика складывались в «логичную» понятную ему картинку. Например, в 2002 г. в бассейне р. Тромъёган было выявлено городище Тат-Ягун LXXXII. По большинству признаков – размерам, форме и разрывам в линии рва – это описываемый нами дом-башня, однако из-за невысокого

качества топографической съемки и описания полной уверенности в этом нет [Поплевин, Бочкарев, Гусев, 2002, с. 313].

Дома-башни — характерны для раннего этапа кулайской археологической культуры. Остатки этих сооружений в плане имеют форму сквиркла (квадратокруга). Размеры колеблются в пределах 12 × 12 до 25 × 25 м (от рва до рва). Это площадки, по краю которых фиксируется вал (подсыпка стен), а с внешней стороны — ров. Характерной особенностью этих городищ является то, что оборона имеет разрывы со всех четырех сторон на месте входов. Следует отметить, что несмотря на то, что ров рассматриваемых сооружений встроено в систему обороны, самостоятельно он вряд ли выполнял оборонительную функцию. Скорее всего, ров выкапывался ради грунта, которым присыпалось основание стен относительно высокого сооружения для придания ему большей устойчивости.

Во всех случаях дома-башни занимали центральное, точнее, доминирующее положение на поселениях, при этом, в отличие от малых укреплений эпохи энеолита и бронзы «привязки к защищенным местам» не прослеживается. Напротив, чаще всего они находятся на отдалении от краев террас и мысов.

«Кулайские боевые сквирклы» удивительным образом близки по времени и размерам шотландским брохам. Все реконструкции функциональных особенностей брохов с небольшими оговорками вполне применимы и для них.

В отличие от шотландских брохов рассматриваемые сибирские укрепления имели входы с четырех сторон, что позволяет связать с культовой функцией данных сооружений. Однако в условиях осады немногочисленными противниками, такая конструкция позволяла эффективно контратаковать, имея возможность покинуть укрепление с любой из четырех сторон. Что совершенно естественно, ведь подобные крепости вряд ли могли выдержать сколько-нибудь длительную осаду.

Дома-башни раннего железного века не уникальны. Как самостоятельные оборонительные или оборонительно-жилые сооружения башни существовали у разных народов и в разные эпохи. Это, кроме шотландских брохов, например, и одиночные нураге на Сардинии и башни Кавказа.

Остатки домов с башнями

Наряду с остатками одиночных башен практически в том же ареале встречаются остатки сооружений, которые можно реконструировать как не имеющие котлованов невысокие постройки-«блокгаузы» с пристроенными к ним башнями. Если говорить точнее, то сооружения этого типа отмечены в основном в бассейне р. Аган, и лишь одно обнаружено в Сайгатинском урочище близ Сургута. В обиходе эти сооружения получили наименование «восьмерки».

Самый ранний глазомерный чертеж остатков дома с башней нашелся в отчете А. П. Зыкова о работах 1982 г. у деревни Сайгатина — это постройка № 7 на селище Остяцкий Живец II [Зыков, 1983]. Этот объект был раскопан в 2013 г. Однако выбранная методика не позволила получить хоть какое-то представления о конструкции сооружения [Матвеева, 2015]. В распоряжении сейчас имеется только глазомерный рисунок А. П. Зыкова и набор предметов, которые подтверждают отнесение построек этого типа к раннему (васюганскому) этапу кулайской культуры.

Башни укреплений этого типа миниатюрнее, и в плане, как правило, имели заметно меньшую площадь, чем площадь «блокгаузов» — их размеры колеблются от 5 × 5 до

10 × 10 м. В отличие от классических городищ-сквирклов, они имеют вход только со стороны «блокгаузов». Обычно и их форма в плане не столь идеальна, хотя ее все еще можно отнести к суперэллипсам.

В одном случае зафиксирован переходный тип, когда к «классической» башне-сквирклу было пристроено меньшее по площади сооружение (городище Нёх-Урий 36.10). Что говорит в пользу генетической связи двух описанных типов.

Нельзя исключать связь башен, пристроенных к домам, с дальнейшей эволюцией укреплений, которая на поздней стадии кулайской культуры привела к встраиванию башен в линии оборонительных стен [Данилов, 2012; Борзунов, 2014].

Таблица 1

СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

№	Наименование	Местоположение
Сквирклы		
1	Городище Кучиминское XVII	Сайгатинское урочище, р. Обь, окрестности г. Surgut
2	Тат-Ягун LXXXII, городище	Бассейн р. Тромъёган
3	Мохтикъёган 9, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
4	Мохтикъёган 20, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
5	Мохтикъёган 29, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
6	Поселение Нивагальское 3/1 (Нивагальское 3), постройка 1	Правобережье среднего течения р. Аган
7	Поселение Нивагальское 3/3 (Нивагальское 3), постройка 1	Правобережье среднего течения р. Аган
8	Нивагальское 39, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
9	Нёх-Урий 36.2, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
10	Нёх-Урий 36.3, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
Переходный тип – «Сквиркл с присторем»		
	Нёх-Урий 36.10, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
Восьмерки		
1	Остяцкий Живец II, селище, постройка 7	Сайгатинское урочище, р. Обь, окрестности г. Surgut
2	Нёх-Урий 5.5, городище	Правобережье среднего течения р. Аган

Таблица 1 (окончание)

№	Наименование	Местоположение
3	Нёх-Урий 8.2, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
4	Нёх-Урий 12.6, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
5	Нёх-Урий 13.2, городище	Правобережье среднего течения р. Аган
6	Покачевский Урий 9.2, селище, постройка 1	Правобережье среднего течения р. Аган
7	Покачевский Урий 9.3, селище, постройка 3	Правобережье среднего течения р. Аган
8	Мохтикьёган 11, селище, постройка 14	Правобережье среднего течения р. Аган
9	Поселение Нивагальское 3/3 (Нивагальское 3), постройка 5	Правобережье среднего течения р. Аган

Вызывает некоторое недоумение, что остатки оборонительных сооружений рассматриваемых типов не отмечены на Барсовой Горе, где значительное количество археологических памятников было снято вполне профессионально. Не выявлены они и в левобережной части Среднеобской низменности. В этой связи можно выдвинуть предположение, что в кулайскую эпоху традиция малых башенных укреплений была характерна лишь для восточной части Сургутской низины, где среднее течение р. Аган находилось в центре или было близко к центру ее распространения, в то время как центральная часть Сургутской низины — на периферии.

Библиографический список

- Борзунов В. А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Российская археология. 1999. № 4. С. 5–23.
- Борзунов В. А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 12. С. 380–415.
- Борзунов В. А. Древнее оборонное зодчество таежного населения Западной Сибири (энеолит, начало и середина бронзового века) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2015. Вып. 13. С. 72–116.
- Борзунов В. А., Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Юдина Е. А. Охранные раскопки укрепленного жилища и селища Барсова Гора II/22 в окрестностях г. Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 120–123.
- Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 255–310.
- Данилов Е. А. Укрепления с бастионами в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 122–136.

- Зыков А. П. Отчет о разведке в зоне строительства объединения «Сургуттрансгаз» в Сургутском районе Тюменской области (1981 г.). Свердловск, 1982 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8428.
- Зыков А. П. Отчет об археологической разведке у деревни Сайгатино в Сургутском районе Тюменской области летом 1982 года. Свердловск, 1983 // Архив ИА РАН. Р-1. № 10097.
- Матвеева Н. П. Остяцкий Живец-II и проблема интерпретации памятников северной тайги // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник. Тюмень, 2015. Вып. 7. С. 36–57.
- Поплевин С. А., Бочкарев Д. В., Гусев С. А. О рекогносцировочном обследовании древностей р. Тлятыгун в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1. С. 307–315.

K. G. KARACHAROV

SIBERIAN BROCHS AND WAR SQUIRCLES OF THE EARLY IRON AGE IN WESTERN SIBERIA

The paper studies the two previously not considered types of fortifications of the Early Iron Age (the Vasyugan stage of the Kulai archaeological culture), discovered in the eastern part of the Surgut lowland in Western Siberia. These were the tower houses and houses with towers, the archaeologized form of which may be briefly described as “squirkles” and “eights”. The forms and dimensions indicated their proximity to other similar structures in other parts of the world. The author examined the topography and planigraphy of these small fortifications placement.

Konstantin G. Karacharov – Individual entrepreneur (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mail@karacharov.ru

А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ

ПРИМОРСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ КАМЧАТКИ*

Рассмотрена проблема появления и развития приморских культур Северной Камчатки. Обсуждены вопросы происхождения, локализации и хронологии древних приморских стоянок этого района. Начало приморской адаптации, вероятно, начинается в раннем неолите. Наиболее древним памятником морских зверобоев является стоянка Усть-Палана (I тыс. до н. э.). Происхождение обитателей этого поселения, возможно, связано с появлением эскоалеутских групп на этом участке побережья и образованием метисного населения. Во второй половине I тыс. н. э. на северо-западном побережье распространяется группа памятников Теви (один из ранних вариантов древнекоряжской культуры). Группа тигильских памятников (конец I тыс. — II тыс. н. э.), вероятно, принадлежит смешанному ительмено-коряжскому населению. Большинство коряжских поселений Северо-Западной Камчатки относится к началу II тыс. н. э. Для Северной Камчатки присущ менее развитый уровень приморской адаптации, что связано с комплексным характером экономики ее обитателей.

Лебединцев Александр Иванович — к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)

Email: lebedintsev@neisri.ru

Северная Камчатка была, вероятно, местом оживленных культурных контактов между населением Камчатки, Северного Приохотья и Чукотки. Неолит Северной Камчатки не

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (рук. А. И. Лебединцев)

имеет четких критериев. В материалах стоянок Северной и Западной Камчатки отмечается влияние токаревской и древнеберингоморской культур.

Наиболее древним памятником Северной Камчатки является стоянка Мыс Андреевский I (устье р. Тигиль), которая отнесена к финальному этапу раннего неолита и определена V тыс. до н. э. [Пономаренко, 2011]. Стоянка расположена на морской террасе. К раннему неолиту отнесены на восточном побережье Камчатки стоянки Оссора и Тымлат [Пономаренко, 2000, с. 40]. Эти стоянки свидетельствуют о выходе неолитического населения к побережью, но данные о приморской охоте и собирательстве в это время отсутствуют.

Стоянка Усть-Палана находится на северо-западном побережье Камчатки [Васильевский, 1973]. Расположена она на склоне древней террасы. В культурном слое выявлены напластования раковин моллюсков и костей ластоногих. Каменный материал стоянки близок орудиям токаревской культуры Северного Приохотья [Лебединцев, 1990]. Происхождение обитателей этого поселения, возможно, связано с появлением эскоалеутских групп на этом участке побережья [Лебединцев, 2020].

На северо-западном побережье выделяются памятники типа Теви (вторая половина I тыс. н. э.), имеющие аналоги в древнеиттельменской и древнекорякской культурах, ряд элементов характерен для древнеэскимосской, древнеалеутской и охотской культур. Датировки по раковинам моллюсков имеют завышение возраста за счет резервуарного эффекта, который для этого региона составляет 550 лет [Пономаренко, 2014]. С учетом этого стоянки, скорее всего, можно датировать второй половиной I тыс. н. э. Относятся они к развитой культуре морских зверобоев. Происхождение и культурная принадлежность памятников типа Теви дискуссионны [Пономаренко, 2000; 2002; Пташинский, 2002].

На северо-восточном побережье Камчатки выделена ивашкинская культура [Пономаренко, 2010]. Стоянки располагаются в районе Карагинского залива, датируются серединой II тыс. н. э. и определяются, вероятно, как локальный вариант древнекорякской культуры. Примечательным для этих стоянок является круглодонная керамика, орнаментированная оттисками торца трубчатой кости (вдавления в виде кружков), а также краем торца («ногтевидные»).

На Северо-Западной Камчатке выделена тигильская культура (конец I тыс. — II тыс. н. э.) [Пономаренко, 2011]. Каменные орудия близки инвентарю других стоянок Северной Камчатки и сопредельных территорий. Керамика представлена сосудами с налепными валиками. Налепные рассеченные валики особенно характерны для урильской и польцевской культур Приамурья. Керамика с валиками имеется на стоянках раннего железного века Приохотья к югу от р. Кухтуй в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. [Лебединцев, 1990]. В древнекорякской культуре налепные рассеченные валики появляются во второй половине I тыс. н. э. [Васильевский, 1971]. На Камчатке текстильная и гладкостенная керамика на стоянках севернее долины р. Анадырка также орнаментировалась налепными треугольными валиками. Вполне возможно, что традиция оформления сосудов налепными валиками могла появиться в результате влияния древнекорякской культуры Северного Приохотья, а не поздних культур Чукотки, где налепных валиков нет ни на стоянках I тыс. до н. э., ни в поздних памятниках I тыс. н. э. [Диков, 1979].

Древнекорякские стоянки обнаружены на полуострове Тайгонос и в устье р. Пенжина. На восточном побережье Камчатки они датируются XIII–XV вв. н. э., а граница их расселения

определяется по горному массиву полуострова Озерной. На западном побережье граница между коряками и ительменами проходила в районе рек Кульки и Коврана, а сами стоянки относятся к началу II тыс. н. э. [Диков, 1979]. В материалах приморских древнекорякских памятников Северной Камчатки II тыс. н. э. отмечается пунукское влияние, которое осуществлялось через Северо-Западное Берингоморье.

Для Северной Камчатки присущ менее развитый уровень приморской адаптации, что связано с комплексным характером экономики.

Библиографический список

- Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
 Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.
 Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.
 Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л., 1990.
 Лебединцев А. И. Проблема происхождения палеоэскимосских культур и появления их стоянок на Северо-Востоке России // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2020. № 1. С. 117–127.
 Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.
 Пономаренко А. К. Рецензия на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А. В. Пташинского «Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тыс. н. э.)» // Краеведческие записки КОКМ. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 215–225.
 Пономаренко А. К. Археологические памятники Северо-Восточной Камчатки (ивашкинская культура) // Мустье Забайкалья, загадочный дог и другие древности Тихоокеанских стран. Владивосток, 2010. С. 237–275.
 Пономаренко А. К. К вопросу о периодизации древних культур Северной Камчатки // Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток, 2011. С. 171–183.
 Пономаренко А. К. Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток, 2014.
 Пташинский А. В. Культура охотников на морского зверя Северо-Восточного побережья Охотского моря (I–II тыс. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

A. I. LEBEDINTSEV

MARITIME CULTURES OF NORTHERN KAMCHATKA

The subject of the paper is the problem of the emergence and development of the maritime cultures of Northern Kamchatka. The author discussed issues of the origin, localization and chronology of the ancient seaside sites of this area. The early seaside adaptation probably started in the Early Neolithic. The oldest sea-mammals hunters' site was the Ust-Palana occupation site (1st millennium BC). The origin of the inhabitants of that settlement was probably connected with the appearance of the Eskimo-Aleut groups on this part of the coast and the formation of a mixed population. In the second half of the 1st millennium AD there appeared a group of Tevi archaeological sites (one of the early variants of the ancient Koryak culture) along the northwestern coast. The group of the Tigil sites (late 1st millennium – 2nd millennium AD) probably belonged to a mixed Itelmen-Koryak population. Most of the Koryak settlements in Northwestern Kamchatka dated back to the beginning of the 2nd millennium AD. Northern Kamchatka was characterized by a less marked maritime adaptation, which was related to a more varied economy of the population.

Alexander I. Lebedintsev — Candidate of Historical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)
 E-mail: lebedintsev@neisri.ru

Л. Н. МЫЛЬНИКОВА

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (КУРГАН № 51,
МОГИЛЬНИК УСТЬ-ТАРТАССКИЕ КУРГАНЫ, БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)***

Представлено место керамических сосудов в погребальном обряде носителей традиций саргатской культуры на основе исследования технологии изготовления посуды из кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы в Барабинской лесостепи. Проведенный спектр бинокулярной микроскопии и физико-химических анализов керамики, направленный на изучение состава исходного сырья, рецептов формовочных масс, качества обжига, показывает смешанный характер гончарных традиций при принятии их населением как «своих».

Мыльникова Людмила Николаевна – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: L.mylnikova@yandex.ru

В полевом сезоне 2022 г. проведены исследования элитного кургана № 51 саргатской культуры могильника Усть-Тартасские курганы [Мыльникова и др., 2022]. Из насыпи и 22 погребений выявлены 32 сосуда из глины (из насыпи – 4 ед., из погребений – 28 ед.). Радиоуглеродное датирование (24 даты) показало наличие двух временных фаз освоения сакрального пространства и выявило непродолжительный временной интервал использования кургана. Байесовское KDE-моделирование хронологии подтверждает кратковременное использование кургана в диапазоне между III и I вв. до н. э. [Мыльникова и др., в печати].

Участие сосудов в погребальном обряде носителей традиций саргатской культуры отмечено исследователями [см., напр.: Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994; Матвеев, Матвеева, 1991; Полосьмак, 1987]. Обрядовая практика населения, оставившего курган № 51, предполагала определенный спектр приемов ритуального использования керамической посуды. Сосуды встречены:

1. в насыпи кургана отдельными объектами (найлены лежащими или стоящими на дне);
2. в захоронениях в насыпи кургана;
3. над могильными ямами;
4. в заполнении могильных ям;
5. в могилах мужчин, женщин, детей. В не ограбленных мужских захоронениях зафиксировано по два сосуда, в женских – по три. Выявлены у головы и у ног погребенных, стоящими на доньшке. В детских – по одному у ног.

Керамический комплекс прошел изучение методами естественных наук для получения объективной информации **о технологии изготовления изделий**.

На основе результатов рентгенофазового и петрографического анализов выявлено использование гончарами двух групп исходного сырья. Одна группа объединяет в себе образцы, в исходном сырье которых выявлены темноклетчатые минералы (амфиболы и

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)» (рук. Л. Н. Мыльникова). Петрографический анализ выполнен А. Л. Максимовой (Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск), термический анализ выполнен к.тех.н. З. А. Федоровой (Институт катализа СО РАН, Новосибирск)

пироксены). Другая группа представлена алевроитом и его разновидностями, сложена слюдястым пелитовым материалом и силикатными минералами: кварц, калиевый полевой шпат и плагиоклаз. Но сосуды из разного исходного сырья могли быть изготовлены на основе одного рецепта формовочных масс.

Бинокулярная микроскопия и петрография зафиксировали рецепты формовочных масс: Глина + Шамот; Глина + Шамот + Органика_{навоз КРС, МРС}; Глина + Шамот + Органический раствор; Глина + Песок + Органика_{навоз КРС, МРС}; Глина + Песок + Шамот + Органический раствор; Глина + Песок + Шамот + Органика. Плюс один образец с рецептом Глина + Шамот + Органический раствор + Шерсть. При этом установлено, что в могилах, в которых установлено более одного сосуда, они имели разные рецепты формовочных масс.

Термический анализ выявил преобладание изделий среднего качества, наличие керамики качественно обожженной, и обожженной не качественно. Показательно, что сосуды разного качества находились в одном погребении [Мыльникова, в печати].

Анализ керамической коллекции показывает, что в основе ее формирования лежат смешанные традиции. Но населением сосуды воспринимались как «свои».

Библиографический список

- Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
 Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
 Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
 Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 104–139.
 Мыльникова Л. Н. Качество обжига керамики саргатской культуры: по материалам кургана № 51 Усть-Тартасского могильника (Бараба). Томск, 2024. (В печати).
 Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Кудинова М. А., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Селин Д. В., Борзых К. А., Бобин Д. Н., Кравцова А. С., Некраш А. А., Попова Б. С., Титова А. А., Харитонов Р. М., Швецова Е. С. Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2022. Т. 28. С. 647–655.
 Мыльникова Л. Н., Пархомчук Е. В., Молодин В. И., Меньшанов П. Н., Бабина К. А., Ненахов Д. А., Чикишева Т. А. Радиоуглеродная хронология и данные изотопного анализа объектов кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. (В печати).
 Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.

L. N. MYLNIKOVA

THE SARGAT CULTURE CERAMICS COMPLEX: THE RESULTS OF THE TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS (MOUND 51, BURIAL GROUND UST-TARTASS MOUNDS, BARABINO FOREST-STEPPE)

The paper describes the place of ceramic vessels in the funeral rites of the Sargat culture population traditions on the basis of the study of pottery manufacturing techniques from the burial mound 51 of the Ust-Tartass burial mounds in the Barabino forest-steppe. The results of a range of binocular microscopy and physico-chemical analyses of ceramics, aimed at studying the composition of raw materials, the molding compounds compositions, and firing quality, indicated the existence of a mix of different pottery traditions as a result of their acceptance by the population as “their own”.

Ludmila N. Mylnikova — Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

В. В. ОВСЯННИКОВ

НАПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЙ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В СКИФО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

Лесостепное Предуралье представляет собой регион с четкими ландшафтными границами по северной и восточной сторонам, открытой границей с запада — со стороны заволжской лесостепи и относительно нешироким проходом с юга — со стороны степного бассейна р. Урал. Река Белая, протекающая через лесостепь в меридиональном направлении, выступает системообразующим элементом в скифо-сарматское время. Миграции в этот период, в отличие от предыдущей эпохи бронзы и последующей — Средневековья, принимают меридиональный характер. Осью миграционных потоков, как с северным, так и с южным вектором выступает русло Белой. Оно же на протяжении всей эпохи является границей между оседлым и кочевым населением. Данная ситуация в регионе характерна исключительно для скифо-сарматского времени.

Овсянников Владимир Владиславович — к.и.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского ФИЦ РАН (Россия, Уфа)
E-mail: atliural@yandex.ru

Лесостепное Предуралье представляет собой регион с четкими ландшафтными границами на востоке (предгорья Урала) и на севере (лесное Прикамье). На западе предуральская лесостепь сливается с заволжской лесостепной полосой, не имея четкой границы. На юге — между восточными отрогами Бутульбинско-Белебеевской возвышенности и долиной реки Белой имеется узкий «степной язык», доходящий до ее низовьев.

Внутренним структурирующим и коммуникационным фактором региона выступает р. Белая, которая пересекает эту территорию в меридиональном направлении. На севере низовья Белой сливаются с лесным Прикамьем, а на юге — верхнее течение реки с горно-лесной зоной. Левобережье Белой — в ландшафтном отношении южная подзона лесостепи, непосредственно смыкающаяся на юге со степным Приуральем (бассейном р. Урал). Правобережье — северная лесостепная подзона, смыкающаяся на севере с лесной, а на юге — с горно-лесной зонами [Савельев, 2011, с. 14, 15, 17–20; 2017, с. 115–117].

В предшествовавшие периоды эпохи бронзы эта территория в культурно-историческом аспекте представляла собой гомогенную область. В развитый бронзовый век лесостепное Предуралье целиком входило в восточную периферию сначала абашевской, затем срубной культурно-исторических областей. Направление миграционных потоков в этот период фиксируется в основном в широтном направлении с запада на восток [Епимахов, 2010, с. 19–21].

После ухода из данного региона создателей культур периода поздней бронзы, начиная с рубежа II и I тысячелетий до н. э., основными направлениями миграций в регионе становятся меридиональные. Уже в период финальной бронзы фиксируется продвижение из горно-лесной зоны Зауралья межовских групп, а из лесной зоны Нижнего Прикамья — маклашеевского населения. Осью этого движения становится долина Белой.

Эта тенденция продолжается и в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). Различные группы оседлого прикамского населения из лесостепной (постмаклашеевское) и лесной (ерзовское и носители сложношнуровой керамики) зон постепенно продвигаются на юг вдоль русла Белой, преимущественно по правому берегу. При этом происходит процесс ассимиляции и вытеснения предшествующих групп мигрантов дальше на юг по руслу реки. Наиболее далеко продвинувшееся население в результате вытесняется в верхнее течение Белой, в горно-лесной тупиковый район, где в качестве реликта доживают до V–IV вв. до н. э. [Овсянников, 2017; Савельев, 2017].

К рубежу V–IV вв. до н. э. на основе различных групп мигрантов в среднем течении Белой формируется новое образование – кара-абызская культура. С этого момента миграционная активность с севера ослабевает и одновременно прекращается расширение ареала оседлого населения в лесостепной зоне Предуралья. В этот же период в степной зоне Приуралья формируется крупное объединение кочевников на основе памятников филипповского типа. С этого момента проникновение кочевников в южную подзону лесостепи Предуралья из спорадического становится системным. Если оседлое население двигалось с севера на юг по правобережью Белой, то встречное движение кочевников – по левобережью. В результате этих миграционных потоков в лесостепной зоне устанавливаются тесные контакты оседлых и кочевых групп [Савельев, Яблонский, 2014].

В IV–II вв. до н. э. в связи с аридизацией климата часть кочевого населения переселяется на правый (лесостепной) берег Белой и активизирует тем самым обратное движение оседлого населения на север вдоль русла Белой. При этом оседлое население занимает свою нишу на правобережной северной подзоне лесостепи, а кочевое – на левобережной южной подзоне. Белая в этот период является границей между кочевым и оседлым населением [Овсянников, 2023].

В позднесарматское время (III–IV вв. н. э.) подобный сценарий повторяется. В бассейне Белой практически «сталкиваются» два миграционных потока: мазунинские группы, движущиеся вдоль русла Белой с севера из Прикамья, и позднесарматские – переселившиеся из степной зоны на лесостепное правобережье Белой и движущиеся с юга. Переселения позднесарматского времени стали последним «всплеском» меридиональных миграций в регионе. Белая теряет свое значение как ось для миграционных потоков. Уже в этот период фиксируется появление новых пришельцев с запада, оставивших памятники тураевского типа, а позднее из поволжской лесостепи в регион проникают носители именьковской и турбаслинской традиций.

В раннем Средневековье культурная гомогенность лесостепной зоны Предуралья восстанавливается. На протяжении всего Средневековья этот регион становится западной периферией угорского мира [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009]. Миграции этого периода принимают широтный характер, но с иным вектором, нежели в эпоху бронзы.

Таким образом, миграции скифо-сарматского периода в лесостепном Предуралье выглядят неким аномальным явлением по сравнению с подобными процессами в эпоху бронзы и Средневековья.

Библиографический список

- Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
 Епимахов А. В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.

- Овсянников В. В. Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 70–88.
- Овсянников В. В. Взаимодействие кочевого и оседлого населения в лесостепи Предуралья в сарматский период // Археология евразийских степей. 2023. № 2. С. 296–309.
- Савельев Н. С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир. СПб., 2011. С. 11–24.
- Савельев Н. С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н. э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.
- Савельев Н. С., Яблонский Л. Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань, 2014. С. 478–504. (Сер.: Археология евразийских степей; вып. 20).

V. V. OVSYANNIKOV

MIGRATIONS VECTOR IN THE FOREST-STEPPE CIS-URALS IN THE SCYTHIAN-SARMATIAN ERA

The forest-steppe Cis-Urals is a region with clear landscape boundaries along the northern and the eastern sides, open border in the west, from the side of the Volga forest-steppe; and a relatively narrow passage in the south, from the side of the steppe basin of the Ural River. The Belaya River, flowing across the forest-steppe in the meridional direction, acted as a system-forming element in the Scythian-Sarmatian period. Migrations during this period, unlike the previous Bronze Age and the subsequent Middle Ages, followed a meridional pattern. The axis of migration flows, both in the northern and the southern directions, was the Belaya riverbed. It also formed the boundary between the sedentary and nomadic populations throughout the whole period. This situation in the region was unique to the Scythian-Sarmatian period.

Vladimir V. Ovsyannikov – Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: atliural@yandex.ru

К. С. ОКОРОКОВ, С. В. СИРОТИН, Д. С. БОГАЧУК

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДОСПЕХИ ИЗ МЕЖКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА НЕКРОПОЛЯ ФИЛИППОВКА 1 В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

В докладе рассматриваются два металлических доспеха из жертвенного комплекса, найденного в 2010 г. в межкурганном пространстве вблизи кургана 1 могильника Филипповка 1. Оба предмета были вывернуты наизнанку, что частично повредило их составные части, стянуты ремнями, и помещены в неглубокую овальную яму. Прочий инвентарь отсутствовал. Оба доспеха имеют оригинальную конструкцию и не имеют полных аналогий среди подобных предметов защитного вооружения у ранних кочевников Южного Урала. Ламеллярный доспех набран из нескольких рядов прямоугольных железных пластин, скрепленных бронзовыми стяжками. Комбинированный железно-бронзовый доспех состоит из нескольких панелей различной формы, окантованных кожаной каймой, пришитой через отверстия на кромке каждого элемента.

Окороков Константин Сергеевич – Институт археологии РАН (Россия, Москва)
E-mail: okorokov.arx@mail.ru

Сиротин Сергей Викторович – к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва)
E-mail: sirotinsv70@mail.ru

Богачук Дарья Сергеевна – Институт археологии РАН (Россия, Москва)
E-mail: BogachukDS@iaran.ru

В комплект вооружения кочевой знати, помимо элементов наступательного вооружения, входили также отдельные виды доспехов. К настоящему времени в комплексах ранних кочевников Южного Урала известно около 20 находок пластинчатых и чешуйчатых панцирей (костяных, металлических, комбинированных) и два металлических шлема [Васильев, Пшеничнюк, 1994; Васильев, 2001; Мещеряков, 2011; Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013; Сиротин, Огороков, 2020; Сиротин, Богачук, Огороков, 2023].

Подавляющее количество находок сделано при исследовании некрополей кочевой знати в комплексах второй половины IV в. до н. э. Филипповка 1, Филипповка 2, Переволочан 1, Высокая Могила – Студеникин Мар. В Филипповских курганах металлические и костяные доспехи найдены в большинстве своем в центральных дромосных могилах (курган 3, 7, 9, 10, 28, 29) [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013]. Кроме того, железный чешуйчатый доспех был найден во впускном погребении кургана 4 [Яблонский, 2013]. Фрагменты железного чешуйчатого доспеха также были найдены в центральных дромосных погребениях некрополей Филипповка 2 (курган 1), Переволочан 1 (кургане 10), группы «Богатырские могилки» некрополя Высокая Могила – Студеникин Мар (курган 5) [Яблонский, 2014; Пшеничнюк, 1995; Сиротин, Огороков, 2020].

Уникальная находка двух металлических доспехов происходит из жертвенного комплекса близ кургана 1. Жертвенный комплекс находился к юго-востоку от кургана 1, в 70 или 140 м от насыпи [Мещеряков, 2011, с. 298; Яблонский, 2013, с. 222]. В яме овальной формы размерами 0,88 × 0,94 м и глубиной около 0,4 м от уровня современной дневной поверхности найдены два чешуйчатых доспеха, уложенные параллельно друг другу. Предметы были уложены изнаночной стороной кверху, боковые части подвернуты под лицевую сторону и находились на дне ямы. При этом некоторые пластины и набранные из них элементы были согнуты, что позволяет предположить целенаправленное повреждение доспехов.

Первый доспех состоит из железных пластин (общие размеры 65 × 35 см). По своей конструкции относится к типу ламеллярных доспехов. Видимая часть собрана из десяти рядов подвижно соединенных друг с другом поперечных полос. Каждая полоса набрана из вертикально поставленных пластин подпрямоугольной формы размером 10 × 2 см, плотно скрепленных друг с другом бронзовыми стяжками через отверстия в длинных сторонах. Полосы окантованы кожаной каймой, прикрепленной нитью из органического материала через парные отверстия на концах каждой пластины. На обеих сторонах пластин зафиксированы следы кожи. Первый ряд доспеха набран из пластин длиной немногим меньше половины всего доспеха. Следующие восемь рядов имеют одинаковые параметры и последовательно заходят друг на друга. Десятый ряд скреплен встык с девятым.

Второй доспех комбинированный, из бронзовых и железных пластин (более 1600 шт.). Общие размеры 71 × 28 см. Он собран из разрозненных частей – панелей различной формы, подвижных относительно друг друга. Каждый элемент через круглые отверстия по краям окантован кожаной каймой, прикрепленной нитью из органического материала. На внутренних сторонах панелей сохранился кожаный тлен. Каждая панель набрана рядами бронзовых пластин различных типов, неподвижно скрепленных с железными треугольными пластинами бронзовыми и железными стяжками через боковые отверстия, пробитые с лицевой стороны. Бронзовые пластины имеют две основные формы – треугольные (4–9 × 2,5 см), находящиеся в нижней части каждой панели, и каплевидные

(4–15 × 1,5–2,5 см), с некоторыми вариациями абриса и размеров. Железные пластины имеют треугольную форму и направлены основанием вверх, позволяя бронзовым пластинам крепиться строго вертикально, что создает ритмический рисунок из чередующихся разнонаправленных треугольников и капель. Пластины со специфической формой, расположенные по краям панелей и имеющие дополнительные отверстия для крепления каймы в основном вырезаны из каплевидных заготовок, в некоторых случаях на них видны следы инструментов в виде зубрин. На некоторых пластинах имеются крупные отверстия, сделанные пятигранным пробойником. По низу доспеха находилась полоса из железных пластин подпрямоугольной формы размером 6,5 × 2,2 см, скрепленных друг с другом тонким шнуром из органического материала через отверстия по периметру.

Примечательны четыре вертикальные панели прямоугольной формы размером 26,5 × 9,2 см, две панели с округло-срезанным краем размером 17 × 12 см, а также панель размером 17 × 16 см из шести рядов миниатюрных пластин длиной около 4 см. Основная часть корпусной защиты представляет собой сочетание пластин различного размера, набранных четырьмя рядами. Вероятно, в районе позвоночника находились вытянутые каплевидные пластины длиной до 15 см.

Поверх длинных пластин железного доспеха и между доспехами в их средней части находились парами четыре бронзовых кольца диаметром 3,1–3,4 см и сечением 0,5–0,7 см. Форма сечения — неправильный шестиугольник. По всей видимости, эти предметы не имеют отношения к конструкции доспехов и являются деталью специфической разновидности ремней с двойным кольцом, которыми были стянуты доспехи для хранения или переноски.

Находки доспехов в межкурганном пространстве элитного некрополя Филипповка 1 еще раз подтверждают тезис о богатом наборе вооружения южноуральской кочевой знати IV в. до н. э.

Многочисленные находки предметов конского снаряжения, элементов вооружения и других категорий инвентаря [Яблонский, 2013; Яблонский и др., 2023] свидетельствуют о сложной системе культовых представлений номадов и активном использовании межкурганного пространства в качестве сакральной территории для совершения различных постпогребальных обрядов и жертвенных приношений.

Библиографический список

- Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в V–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001.
- Васильев В. Н., Пшеничнюк А. Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н. э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994. С. 116–136.
- Мещеряков Д. В. Воинские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Ростов н/Д, 2011. Вып. 3. С. 152–154.
- Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012.
- Сиротин С. В., Огороков К. С. Костяные и металлические доспехи кочевников Южного Урала (по материалам некрополей Переволочан I, Филипповка 1, 2, Высокая Могила — Студеникин Мар) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара, 2020. Т. 2. С. 111–113.

- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окорок К. С. Воинский комплекс с элементами защитного вооружения раннепрохоровского времени из южного Приуралья // Сборник материалов VII Всероссийской археологической конференции. Астрахань, 2023. С. 87–92.
- Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М., 2013. Кн. 1.
- Яблонский Л. Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение) // Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана, 2014. С. 88–93.
- Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. Каталог коллекции. М., 2023. Кн. 2.

K. S. OKOROKOV, S. V. SIROTIN, D. S. BOGACHUK

METAL ARMOR FROM THE INTER-MOUND SPACE OF FILIPPOVKA 1 NECROPOLIS IN THE SOUTHERN CIS-URALS

The paper examines two metal armor pieces from a sacrificial complex found in 2010 in the inter-mound space near mound 1 of Filippovka 1 burial ground. Both items were turned inside out, which partially damaged their component parts, strapped together with belts, and placed in a shallow oval pit. There were no accompanying grave goods. Both armor pieces were of an original design with no complete analogues among similar protective armor items of the early nomads of the Southern Urals. The lamellar armor was made up of several rows of rectangular iron plates fastened with bronze ties. The combined iron-bronze armor consisted of several panels of various shapes, edged with a leather border sewn through holes along the edges of each element.

Konstantin S. Okorokov – Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: okorokov.arx@mail.ru

Sergey V. Sirotin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: sirotinsv70@mail.ru

Daria S. Bogachuk – Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: BogachukDS@iaran.ru

Э. И. ОРУДЖОВ

ВЯТСКО-ВЕТЛУЖСКАЯ КУЛЬТУРА. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

В докладе приводятся основные версии генезиса вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области в рамках миграционного процесса I тыс. до н. э., тесно связанные с распространением орнаментальных композиций на керамической посуде, состоящих из ямочно-гребенчато-шнуровых отрисков орнамента, а также характерным для ананьинской посуды валико-воротничковым оформлением верхней части сосуда. Особая роль в процессе образования вятско-ветлужской культуры отводится Европейскому Северо-Востоку. На основании сравнительно-типологического анализа керамики определена новая миграционная концепция распространения данной культуры за пределы ее основной территории локализации – бассейн рр. Вятки и Ветлуги. В рамках этой концепции обозначены три основных направления миграции носителей вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области: северо-восточное (Европейский Северо-Восток), северное (север Кировской и Архангельская область) и северо-западное (Юго-Западное Прибеломорье).

Оруджов Эдуард Игоревич – к.и.н., Институт археологии АН РТ (Россия, Казань)

E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

Ананьинская культурно-историческая область (АКИО) занимает практически весь восток и северо-восток европейской части России [Чижевский, 2017, с. 197]. Ее существование укладывается в три основных периода: ранний (I) период — IX — первая четверть/первая половина VII вв. до н. э., средний (II) — вторая четверть/вторая половина VII–V вв. до н. э., поздний (III) — IV–III вв. до н. э. [Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102].

В пределах АКИО выделяется четыре археологические культуры: постмаклашеевская, аозинско-ахмыловская, вятско-ветлужская и культура шнуровой керамики, материальная культура которых содержит как много общего, так и существенные различия, позволяющие выделять их в качестве самостоятельных культур ананьинского мира.

Вятско-ветлужская культура (ВВК) по территории своего распространения является наиболее обширной. Основная область ее локализации — это бассейн рр. Вятки и Ветлуги.

Миграционные процессы, связанные с носителями ВВК, отражаются в особенностях распространения орнаментальных композиций на керамической посуде. Как предшествующие, так и современные исследователи за основу сложения ВВК берут формирование гребенчато-шнурового комплекса керамики.

На процесс генезиса данной культуры, на сегодняшний день, существует три основные точки зрения:

1. Сложение ВВК происходит на территории Пермского Прикамья, где носители лебязской культуры позднебронзового века испытывают на себе влияние со стороны, классической ананьинской культуры со сложншнуровой орнаментацией в оформлении сосудов [Марков, 2007, с. 57].

2. Территория Европейского Северо-Востока (ЕСВ) является основной областью распространения керамических сосудов, тождественных по своему оформлению вятско-ветлужской керамике [Канивец, 1974; Черных, Чижевский, 2021, с. 217].

Именно с территории Камы, по мнению В. Н. Маркова, носители культур с гребенчато-шнуровой керамикой в VI в. заселяют бассейны рр. Вятки и Ветлуги [2007, с. 56].

3. Участие в формировании вятско-ветулжской культуры ранее здесь поселившегося населения постмаклашеевской культуры АКИО [Черных, Чижевский, 2021, с. 217].

По своей сути ни одна из точек зрения не отрицает влияния на генезис вятско-ветлужской культуры северо-приуральского компонента, который связан с лебязскими, либо постлебязскими орнаментальными традициями в оформлении керамических сосудов.

Однако миграционные процессы, связанные с носителями ВВК АКИО, не ограничиваются Вяткой и Ветлугой, но и в процессе ее дальнейшего развития распространяются за пределы этой территории на север, северо-восток и северо-запад.

Анализ керамического комплекса средне- и нижневятских ананьинских городищ, основанный на изменении покрытия орнаментального поля, сочетании или присутствии тех или иных элементов орнамента, рельефного оформления горловины сосуда (валик-воротничок) позволяет распределить керамику ВВК по хронологическим периодам АКИО на всем протяжении ее существования. Результаты анализа позволили автору доклада выдвинуть гипотезу о тесном культурном взаимодействии, либо о миграции носителей ВВК в северном, северо-восточном и северо-западном направлении.

1. О северном направлении (север Кировской и Архангельская область) информации, к сожалению, недостаточно. Смею предположить, что это связано с отсутствием полевой и аналитической работы в области изучения раннего железного века в данных регионах.

2. Северо-восточное направление (ЕСВ) ранее уже упоминалось в связи с генезисом ВВК, однако, общие тенденции в развитии керамики на протяжении всего периода развития АКЮ позволяют говорить и о тесных контактах между населением данных регионов и в более позднее время [Канивец, 1974, с. 129–138].

3. Северо-западное (Прибеломорье). В качестве основной версии проникновения на данную территорию ананьинского населения — это теория о путях миграции населения с ЕСВ в северо-западном направлении [Васкул, Ашихмина, 2021, с. 286] и с территории Верхнего Поволжья [Жульников, 2008, с. 41]. Однако общая концепция оформления отдельных комплексов керамической посуды ВВК и Прибеломорья позволяет вести речь еще об одном пути проникновения ананьинской культуры на территорию Прибеломорья — это вятско-ветлужский.

Таким образом, существование общих традиций изготовления и оформления посуды на протяжении всего развития АКЮ, позволяет смело говорить о культурных контактах населения Вятки и Ветлуги с более северными соседями, либо о миграции части населения ВВК на север.

Библиографический список

- Васкул И. О., Ашихмина Л. И. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // *Археология Волго-Уралья*. Казань, 2021. Т. 3: Ранний железный век. С. 242–287.
- Жульников А. М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // *Российская археология*. 2008. № 4. С. 34–42.
- Канивец В. И. Печерское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.
- Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // *Поволжская археология*. 2014. № 3. С. 101–124.
- Марков В. Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007.
- Черных Е. М., Чижевский А. А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // *Археология Волго-Уралья*. Казань, 2021. Т. 3: Ранний железный век. С. 217–241.
- Чижевский А. А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 4. С. 196–256.

E. I. ORUJOV

VYATKA-VETLUGA CULTURE. MIGRATION PROCESSES IN THE ANANJIN CULTURAL AND HISTORICAL REGION

The paper outlines the main versions of the genesis of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananjin cultural and historical region within the context of migration processes of the 1st millennium BC, which appeared to be closely related to the spread of the ornamental compositions on pottery consisting of pit-comb-cord impressions, as well as the characteristic for the Ananjin pottery cylinder-collar design of the upper part of the vessels. It is believed that the European Northeast influence played a particular role in the formation of the Vyatka-Vetluga culture. Based on the comparative typological analysis of ceramics, the author proposed a new migration concept for the spread of this culture beyond its main localization territory, i. e. the basin of the rivers Vyatka and Vetluga. According to this concept, the author indicated three main migration vectors of the Vyatka-Vetluga culture population of the Ananjin cultural and historical region — the northeastern (the European Northeast), the northern (north of the Kirov and the Arkhangelsk regions), and the northwestern (the southwestern White Sea region).

Eduard I. Orujov — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan)
E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

М. Л. ПЕРЕСКОКОВ, Д. А. ЯКИМОВА, П. С. КОЗЬЯКОВА

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОМПЛЕКСЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
КАЛА-УРЫН В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ**

В ходе разведочных работ 2022 г. был обследован комплекс памятников раннего железного века Кала-Урын в Пермском Прикамье. Выявлено селище Кала-Урын III. В ходе работ на городище Кала-Урын зафиксировано антропогенное разрушение значительной площади памятника тяжелой техникой вдоль склонов городища. На разрушенной части был собран подъемный материал. Выявлено 23 разрушенных объекта (галечниковые подсыпки очагов, пятна прокала и скопление костей), которые можно интерпретировать как остатки жилых и хозяйственных построек. Каждая находка и объект фиксировалась при помощи GNSS приемника. В результате проведенных работ была выполнена 3D-реконструкция городища с выявленными и зафиксированными объектами на разрушенной территории, проведено датирование объектов и планиграфический анализ.

Перескоков Михаил Львович — к.и.н., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

E-mail: pereskokoff@yandex.ru

Якимова Дарья Алексеевна — Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

E-mail: dollif55@gmail.com

Козьякова Полина Сергеевна — Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

E-mail: p.kozyakova@yandex.ru

Летом 2022 г. отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета под руководством Д. А. Якимовой были проведены разведочные работы на территории комплекса археологических памятников Кала-Урын. Комплекс включает городище, курганно-грунтовый могильник и три селища.

Городище Кала-Урын, селища Кала-Урын I и Кала-Урын II расположены на правом берегу р. Нижняя Мулянка, в 2,4–2,6 км к юго-юго-востоку от д. Баш-Култаево в пригороде г. Пермь. Селища вплотную примыкают к городищу: первое с юго-восточной стороны, второе — с северной. В ходе проведенных ранее исследований городище Кала-Урын I и селище Кала-Урын I были датированы IV в. до н. э. — V вв. н. э., второе селище — I–V вв. н. э. [Перескоков, 2018; 2017].

Могильник Кала-Урын расположен на левом берегу р. Нижняя Мулянка, в 0,4 км к северо-западу от городища и отделен от группы поселений поймой и течением р. Нижняя Мулянка. Предварительная датировка могильника установлена в рамках конца IV–VI вв. н. э. Исследования могильника в 2017 г. выявили на его площадке комплекс предметов, относящихся к поселению позднего этапа ананьинской культуры V–III вв. до н. э. [Перескоков, 2021].

Селище Кала-Урын III было выявлено в ходе данной разведки, предварительно датируется в широких границах V в. до н. э. — V в. н. э., располагается на левом берегу р. Н. Мулянка, напротив городища, к югу от могильника. Новые данные существенно дополняют топографию всего комплекса поселений.

При обследовании городища установлено, что памятник был подвержен антропогенному разрушению. Производившаяся весной 2022 г. расчистка трассы высоковольтной ЛЭП, проходящей по территории памятника, затронула всю площадку городища. Важно

отметить, что в отличие от предыдущих санитарных расчисток, проводимых ручным методом с применением бензопил, эта была проведена с применением тяжелой техники. Вся растительность, в основном, располагавшаяся на западном и восточном склонах городища, была скрыта бульдозерами вниз по склону вместе со значительной частью культурного слоя на прилегающих к краям площадки участках. Общая площадь разрушения составила около 3 000 кв. м.

В следствии выявленных нарушений в ходе работ 2022 г., помимо выполнения основных задач, произведен сбор подъемного материала с последующей фиксацией каждой находки при помощи GNSS приемника (135 предметов) на разрушенной территории памятника. Таким же способом зафиксированы все выявленные на разрушенной части объекты: 18 галечниковых подсыпок, включавших углистые прослойки и прокал, четыре очажных пятна из прокаленной глины и золы, одно скопление костей. Все выявленные объекты на основе имеющихся данных можно интерпретировать как остатки жилых и хозяйственных построек.

Собранный вещевой материал представляет характерный для памятника набор вещей: костяные наконечники стрел, каменные песты-терочники, зернотерки, оселки и единичные металлические изделия. Большинство находок составляет керамика. Материал систематизирован и представлен в виде таблицы, включающей данные о месте находки в трехмерном пространстве координат, а также основных атрибутах (культурная принадлежность, датировка). Керамический материал был обработан по методике, предложенной М. Л. Перескоковым и Д. А. Якимовой [2021; 2023], проанализирован в контексте керамических комплексов близлежащих памятников бассейна р. Нижняя Мулянка, а также бассейна р. Сытва и Тулва, что позволило определить его локальную специфику.

На основе полученных данных создана 3D-модель памятника в программном пакете ArcGIS 10.5. Первоначально была реконструирована поверхность памятника на основе уточненных данных, построена растровая цифровая модель поверхности. Данные по выявленным объектам и находкам были представлены в виде облака точек, что позволило реконструировать и продатировать выявленные объекты, провести их планиграфический анализ, представить расположение объектов позднеананьинского и гляденовского времени на разрушенных участках памятника.

Библиографический список

- Перескоков М. Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 1 (36). С. 84–97.
- Перескоков М. Л. Комплексное исследование группы памятников раннего железного века Кала-Урын в пригороде г. Перми // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2018. С. 238–240.
- Перескоков М. Л. Группа предметов позднего этапа ананьинской культуры с комплекса памятников Кала-Урын (по материалам раскопок 2013–2017 гг.) // Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии. Пермь, 2021. С. 143–152.
- Перескоков М. Л., Якимова Д. А. Опыт статистического и пространственного анализа керамики Гляденовского костища (по материалам раскопок 2015–2018 годов): первые результаты // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 175–190.
- Перескоков М. Л., Якимова Д. А. Некоторые аспекты методики обработки и описания керамики раннего железного века Прикамья // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 268–280.

M. L. PERESKOKOV, D. A. YAKIMOVA, P. S. KOZJYAKOVA

**NEW DATA ON THE EARLY IRON AGE KALA-URYN SITES COMPLEX
IN THE PERM KAMA REGION**

In the course of the 2022 reconnaissance survey, we studied the Early Iron Age Kala-Uryn sites complex in the Perm Kama region. One of the discovered sites was Kala-Uryn III. During the work on the Kala-Uryn hillfort, the authors registered an anthropogenic destruction of a significant part of the site by heavy machinery along the hillfort slopes. Scatter from the destroyed part was collected. Twenty-three destroyed objects were identified (pebble fireplace fills, burnt soil spots and an accumulation of bones), which could be interpreted as the remains of the residential and economic buildings. Each find and object were recorded using a GNSS set. As a result of the survey, we made a 3D-reconstruction of the hillfort including the identified and registered objects in the destroyed territory, performed their dating and planigraphic analysis.

Mikhail L. Pereskokov – Candidate of Historical Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: pereskokoff@yandex.ru

Daria A. Yakimova – Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: dollif55@gmail.com

Polina S. Kozjyakova – Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: p.kozyakova@yandex.ru

И. В. САЛЬНИКОВА

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
БРОНЗОВОЙ ЧАШИ С СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ***

В ходе работы приполярного этнографического отряда в 2023 г. обнаружена бронзовая чаша на средневековом городище Усть-Нёл в устье реки Ялбынья (ХМАО – Югра). Центр дна чаши имеет конусообразный полый выступ, обрамленный двумя рядами выступающих ребристых валиков. Одна из стенок чаши с внутренней стороны украшена граффити в виде плывущей рыбки. Подобное декорирование сближает чашу с дисками и зеркалами раннего железного века, широко распространенных на территории Евразии. Они изготовлены из высокооловянистой бронзы методомковки. Для определения химического состава чаши были проведены РФА – исследование поверхностного слоя, рентгенография предмета. В результате определен высокий процент олова в сплаве и технология изготовления чаши – ковка. Второй этап исследования – метод площадного сканирования фрагмента изделия. В итоге получен средний показатель олова 20–22%. Такой химический состав дает основание сделать предположительный вывод, о том, что чаша изготовлена из колокольной бронзы, которая обладает акустическим эффектом, следовательно, это музыкальная ритуальная чаша, близкая к буддийским целительным чашам Юго-Восточной Азии.

Сальникова Ирина Владимировна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: salnikovair52@gmail.com

Маршрут приполярного этнографического отряда (рук. д.и.н. А. В. Бауло) ежегодно включает посещение археологического памятника – раннесредневекового городища Ус-Нёл.

* Исследование выполнено в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН: «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства» (FWZG-2022-0005)

Он расположен в устье пересыхающей р. Ялбынъя, Березовский район ХМАО – Югры. Городище было зафиксировано Н. Л. Гондатти, обследовано в 1948 г. В. Н. Чернецовым [Талицкая, 1953, с. 264]. Современные границы объекта трудно определить, высокий берег, который ежегодно осыпается, прибрежная песчаная полоса, усеянная керамикой зеленогорского типа. Памятник VI–VII вв., но, по сути, он является многослойным, в предыдущие годы там были обнаружены изделия из бронзы раннего железного века: антропоморфные фигуры, диски с граффити [Бауло, 2009, с. 59–64, 234, 236, 237] и клады предметов культового характера [Бауло, 2011, с. 98]. Это место мифологизировано еще с XIX в. и имеет статус священного [Там же, с. 99, 100].

На берегу под корнем сосны, на обрушенной части берега в обвале обнаружена редкая находка – бронзовая чаша. Она была перевернута дном вверх, засыпана песком, виден был только верхний край. Изделие имеет полусферическую форму, диаметр по венчику 14,26 см, высота 3,3 см, толщина стенок 0,2 см. Особенностью чаши является наличие конического полого выступа диаметром 1,5 см, высотой 0,6 см с неглубокой лункой посередине, он расположен в центре, на дне с внешней стороны. Конус окружен двумя рядами валиков. Ближний едва заметен, внешний – гранчатый, диаметром 5,3 см, шириной 1,11 см. В верхней части стенки чаши имеется просверленное отверстие диаметром 0,3 см, следы прижизненного подновления – заплата из металла другого состава в виде пластины, переходящей на тыльную сторону. На рентгенографии предмета видна трещина в стенке. Видимо для того, чтобы изделие не разрушалось дальше, и был произведен его ремонт. С оборотной стороны чаши в центре, окружность диаметром 1 см с обратным конусом посередине, окруженная желобом. В верхней части внутренней стороны чаши острым предметом процарапано изображение рыбы, плывущей против солнца. Рыба изображена в профиль, виден один боковой плавник, тремя наклонными линиями обозначен спинной плавник, показаны жабры, раздвоенный хвост.

Точной аналогии чаши пока не найдено, но оформление дна чаши сближает ее с «индийскими» зеркалами – погремушками из погребений Южного Урала и Горного Алтая [Сальникова, Шульга, 2023, с. 847]. Наличие граффити наталкивает на аналогии с зеркалами и дисками раннего железа, обнаруженными в культовых комплексах или в составе кладов на Урале и в Западной Сибири [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002; Федорова, Гусев, Подосенова, 2016; Бауло, Белогай, 2020]. Находки чаш – редкое явление на этой территории, одна из них, по свидетельству владельца, называлась «приносящей счастье в дом или звонкой чашей, потому что при ударе издавала звук. Она была найдена давно в составе клада из семи чаш» [Бауло, 2009, с. 38].

Исследователи отмечали, что эта группа предметов создана из высокооловянистой бронзы методом горячейковки [Равич, 2004; 2006; 2012; Равич, Шемаханская, 1987; Шемаханская, 2008]. Для определения элементного состава сплава чаши использован метод рентгенофлуоресцентного (РФА) анализа поверхностного слоя. Второй способ – энергодисперсионный анализ площадного сканирования на сканирующем микроскопе с ЭДС отдельного фрагмента изделия. Исследование провел А. В. Вишневецкий (к.геол.-мин.н.) – директор Центрального Сибирского геологического музея Института геологии и минералогии СО РАН. В результате РФА показал, что основными компонентами сплава чаши являются медь и олово, диапазон концентраций олова 27–41 %, что может быть связано с разной степенью коррозии металла [Сальникова, 2023, с. 840, 841]. Энергодисперсионный анализ уточнил

состав сплава. Он показал, что материал, из которого изготовлена чаша, представляет собой Sn-Cu сплав, подвергшийся глубокому процессу окисления. Средний состав показывает следующее содержание основных элементов: 31 % Cu, 27 % Sn, 2,9 % Si, 2,2 % Fe, 0,6 % Pb по 0,3 % S и As. Около 26 % составляет кислород. Сумма определенных элементов в среднем составляет 86 %, что указывает на высокую гидратированность образца. Необходимо учесть то, что, скорее всего, исходный сплав потерял часть меди в процессе окисления, на что указывают наличие малахита на некоторых участках поверхности. Следовательно, предполагается, что изначальное содержание олова в сплаве было ниже, но не менее 20 %. Металлографическое исследование показало присутствие α -фазы с содержанием олова 11–14 % и участки, где зафиксировано содержание до 24 % олова, то есть состав близкий к β -фазе.

Наши результаты исследования согласуются с выводами вышеперечисленных исследователей. Чаша изготовлена из высокооловянистой бронзы методом горячейковки из ранее отлитой заготовки. Технология изготовления чаши аналогична способу изготовления зеркал и дисков. Необходимо подчеркнуть, что бронзовый сплав с содержанием олова 20–22 % называют колокольной бронзой, он обладает акустическими особенностями, и с глубокой древности использовался для создания поющих или музыкальных чаш в Юго-Восточной Азии [Jabłońska et al., 2019]. Таким образом, чашу, обнаруженную на городище Ус-Нёл следует отнести к кругу сакральных предметов, таких же как зеркала, диски и чаши с подобным оформлением (выступающий конус, валики). Вероятно, это культовый буддийский предмет, изготовленный в Юго-Восточной Азии. По аналогии с этими объектами она может быть датирована II–I вв. до н. э.

Библиографический список

- Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск, 2011.
- Бауло А. В. Сокровища Священной реки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1. С. 95–100.
- Бауло А. В., Белогой О. И. Казымский клад. Новосибирск, 2020.
- Колокольная бронза // Markmet. Металлургия: образование, работа, бизнес. URL: https://markmet.ru/statya_po_metallurgii/kolokolnaya-bronza-statya (дата обращения: 14.03.2024).
- Приступа О. И., Стародумов Д. О., Яковлев Я. А. Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. Томск, 2002.
- Равич И. Г. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры. Памяти Л. А. Лелекова. М., 2004. С. 67–76.
- Равич И. Г. Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2006. Вып. 220. С. 42–51.
- Равич И. Г. Состав и технология изготовления редких форм зеркал из погребений ранних кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). М., 2012. Т. 1. С. 247–252.
- Равич И. Г., Шемаханская М. С. Химикотехнологическое исследование изделий из медных сплавов, найденных на поселении Актепе II // Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987. С. 144–147.
- Сальникова И. В. К вопросу о технологии изготовления ритуальной чаши из Ялбынья (Северная Сосьва), результаты исследования элементного состава сплава // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2023. Т. 29. С. 838–844.
- Сальникова И. В., Шульга П. И. Бронзовая чаша с конусом из Нижнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2023. Т. 29. С. 844–850.

- Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 242–357. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Федорова Н. В., Гусев А. В., Подосенова Ю. А. Горноknязевский клад. Калининград, 2016.
- Шемаханская М. С. Феномен высокооловянистой бронзовой посуды от древности до наших дней // Исследования в консервации культурного наследия: материалы международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию ГосНИИР. М., 2008. Вып. 2. С. 291–299.
- Jabłońska M., Maciąg T., Nowak M., Rzychoń T., Czerny M., Kowalczyk K. Thermal and structural analysis of high-tin bronze of chemical composition corresponding to the composition of the singing bowl // Journal of Thermal Analysis and Colorimetry. 2019. Vol. 137. P. 735–741.

I. V. SALNIKOVA

PRELIMINARY RESULTS OF THE CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY OF A BRONZE BOWL FROM THE NORTHERN SOSVA

In the course of the work of the circumpolar ethnographic team in 2023, a bronze bowl was discovered in the medieval hillfort of Ust-Nel at the mouth of the Yalbynya River (KhMAO – Yugra). The center of the bottom of the bowl had a conical hollow protrusion framed with two rows of protruding ribbed cylinders. One of the walls of the bowl on the inside was decorated with graffiti in the form of a swimming fish. This type of decoration suggested a similarity to the Early Iron Age disks and mirrors quite common in the territory in Eurasia. They were made of high-tin bronze by forging. To determine the chemical composition of the bowl, we performed an XRF – an examination of the surface layer and an X-ray of the item. As a result, we identified a high percentage of tin content in the alloy, and the bowl manufacturing technique, i. e. forging. The second stage of the study was plane scanning of the bowl's fragment. As a result, we obtained an average tin content of 20–22%. This chemical composition gave reasons to draw a tentative conclusion that the bowl was made from bell bronze, which had an acoustic effect; therefore, it was a musical ritual bowl similar to the Buddhist healing bowls of the Southeast Asia.

Irina V. Salnikova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Д. В. СЕЛИН, А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, П. С. ГРЕБЕНЮК

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ГОНЧАРСТВУ ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧИНИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА И СТОЯНКИ НА М. ШМИДТА)*

Выполнен технико-технологический анализ керамики памятников древнеберингоморской культуры Чукотки — Чинийского могильника и стоянки на м. Шмидта. Для изготовления посуды население, оставившее могильник, использовало ожелезненные слабо запесоченные глины; зафиксировано до пяти рецептов формовочных масс. Было установлено, что отдельные участки памятника использовались тремя группами носителей древнеберингоморской культуры с различными гончарными традициями. Анализ керамики со стоянки на м. Шмидта продемонстрировал использование ожелезненных глин двух подвидов с разным количеством естественного песка. Определено пять рецептов формовочной массы — три несмешанных и два смешанных. Была установлена неоднородность гончарных традиций у населения стоянки. Выявленные двухкомпонентные рецепты

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (рук. А. И. Лебединцев)

формовочной массы образовались в результате смешения гончарных навыков у носителей разных традиций составления несмешанных рецептов.

Селин Дмитрий Вадимович — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: selin@epage.ru

Лебединцев Александр Иванович — к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)

E-mail: lebedintsev@neisri.ru

Федорченко Александр Юрьевич — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Гребенюк Павел Сергеевич — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Древнеберингоморская культура (200 г. до н. э. — 700 г. н. э.) — одна из ярких неоэскимосских традиций, которая распространялась на арктическом побережье Чукотки от о-ва св. Лаврентьева до о-ва Шалаурова [Диков, 1977; 1979]. Одним из ценнейших категорий артефактов, позволяющих анализировать быт и культуру этой общности, выступает керамика. Исследование гончарных традиций древнеберингоморской культуры играет важную роль в понимании социально-экономического развития, торговых связей и взаимодействия различных народов на северо-востоке Сибири в период от II в. до н. э. до VI–VIII вв. н. э. Предметом работы послужила керамика двух памятников древнеберингоморской культуры, изученных Н. Н. Диковым в 1960–1970-х гг. — из землянки (4 изд.) и 22 погребений (23 изд.) Чинийского могильника и стоянки на м. Шмидта (14 изд.). Для указанных материалов был проведен технико-технологический анализ по методике, разработанной А. А. Бобринским [1978; 1999].

Установлено, что при изготовлении посуды из Чинийского могильника гончары применяли, преимущественно, ожелезненные слабозапесоченные глины. В землянке зафиксировано два рецепта формовочной массы, на могильнике — пять. Конструирование полого тела выполнено лоскутным налепом, предположительно, на форме-основе. Для придания формы применялась выбивка гладкой или рельефной колотушкой. Поверхности обрабатывались механическим заглаживанием. Обжиг части сосудов проходил при температурах каления глины в течение очень короткого или короткого промежутка времени, что подтверждается остаточной пластичностью. Другие сосуды обжигались более длительное время и не сохранили остаточной пластичности. В результате исследования было установлено, что различные участки Чинийского могильника использовались, как минимум, тремя группами носителей древнеберингоморской культуры с разными гончарными традициями [Селин и др., в печати].

Анализ керамики со стоянки на м. Шмидта показал, что гончары использовали ожелезненные глины двух подвидов с разным количеством естественного песка. Определено пять рецептов формовочной массы, в которые входят три несмешанных — глина + песок (7 изд.); глина + шерсть (3 изд.); глина + органический раствор (2 изд.). Два рецепта являлись смешанными — глина + песок + органический раствор (1 изд.); глина + песок + шерсть (1 изд.).

Сосуды изготавливались на форме-основе, дополнительно форма придавалась при помощи выбивки. Поверхности посуды были обработаны механическим заглаживанием твердым гладким орудием и/или пальцами. Обжиг проходил при температурах выше каления глины, вероятно, в кострищах или очагах. В результате была установлена неоднородность гончарных традиций населения стоянки. Выявленные два двухкомпонентных рецепта формовочной массы образовались в результате смешения приспособительных гончарных навыков у носителей разных традиций составления несмешанных рецептов. Это указывает на начало процессов культурной интеграции носителей разных гончарных навыков [Селин и др., 2024].

Таким образом, исследованная керамика вписывается в общие гончарные традиции, которые были ранее выявлены исследователями для древнеберингоморской культуры. Искусственные добавки шерсти, песка и органики были установлены в посуде Эквенского могильника, поселений Баранова мыса, Кивак и Эквен. Использование форм-основ определено для материалов других памятников Чукотки – поселений Кивак, Эквен, Пайпельгак, Наукан и Эквенском могильнике [см., напр.: Понкратова, 2001; Лопатин, 2012; Gelbert-Miermon, 2006; Орехов, 2020]. Однако в изученной нами керамике не определено случаев использования перьев птиц и формовки сосудов из одного комка глины или в форме-емкости.

Библиографический список

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.
- Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. М., 1977.
- Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Лопатин Н. В. О древнеэскимосском гончарстве (по материалам поселения Пайпельгак) // Вехи на мысах. К 80-летию С. А. Арутюнова. М., 2012. С. 60–69.
- Орехов А. А. Керамика древнеберингоморского жилища древнеэскимосского поселения Кивак (Чукотский полуостров) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 26, № 1. С. 83–97.
- Понкратова И. Ю. Гончарство Северо-Востока Азии и сопредельных территорий: общее и особенное // Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н. Н. Дикова. Магадан, 2001. С. 133–146.
- Селин Д. В., Лебединцев А. И., Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю. Керамика древнеберингоморской культуры со стоянки возле утеса Кожевникова (мыс Шмидта): особенности технологии // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 2. С. 161–172.
- Селин Д. В., Лебединцев А. И., Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю. Гончарные традиции носителей древнеберингоморской культуры на Чукотском полуострове (по материалам Чинийского могильника) // Вестник археологии, этнографии и антропологии. (В печати).
- Gelbert-Miermon A. Pottery from the Bluff at the Ekven Settlement // Archaeology in Northeast Asia on the Pathway to Bering Strait. Eugene, 2006. P. 162–191.

D. V. SELIN, A. I. LEBEDINTSEV, A. Yu. FEDORCHENKO, P. S. GREBENYUK

NEW DATA ON POTTERY OF THE OLD BERING SEA CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHINI BURIAL GROUND AND THE OCCUPATION SITE ON SCHMIDT CAPE)

The authors performed a technical and technological analysis of the ceramics of the sites of the Old Bering Sea culture of Chukotka – the Chini burial ground and the occupation site on Schmidt cape. The population that left the burial ground used slightly sanded natural iron clays for their pottery; up to five different

molding compounds compositions were recorded. It was established that separate sections of the site were used by three groups of the Old Bering Sea culture population with different pottery traditions. The analysis of ceramics from the occupation site on Schmidt cape demonstrated the use of natural iron clays of two subgroups with different amounts of natural sand in them. Five different compositions of molding compounds were identified – three non-mixed and two mixed. We noticed the lack of uniformity of pottery traditions among the site's population. The identified two-component molding compound formulations were a result of mixing pottery skills between the groups with different traditions of making the non-mixed compositions.

Dmitrii V. Selin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: selin@epage.ru

Alexander I. Lebedintsev – Candidate of Historical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)

E-mail: lebedintsev@neisri.ru

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Pavel S. Grebenyuk – N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Д. В. СЕЛИН

ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА У НОСИТЕЛЕЙ НОВОСИБИРСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ И ПОСЕЛЕНИЙ)*

Проведен мультидисциплинарный анализ керамики новосибирского варианта кулайской культурно-исторической общности с двух городищ, поселения и могильника. Установлено, что для производства посуды использовались ожелезненные глины. Искусственные добавки разнообразны, зафиксированы несмешанные и смешанные рецепты формовочной массы. Полое тело сосудов изготавливалось лоскутным налепом, предположительно, на форме-основе. Форма могла дополнительно придаваться выбивкой внешней поверхности гладкой колотушкой. Поверхности обработаны заглаживанием различными приспособлениями. Обжиг мог выполняться в восстановительной и восстановительно-окислительной среде в кострищах и/или очагах. Сопоставление глин, использовавшихся для производства посуды с Каменного Мыса и Дубровинского Борка-3, показало их различие в минеральном составе. Это свидетельствует о том, что сосуды из могильника и с городища изготавливались из разных глин. Термический анализ продемонстрировал неоднородность в интенсивности обжига посуды на разных памятниках.

Селин Дмитрий Вадимович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: selin@epage.ru

Изучение кулайской культурно-исторической общности (далее – КИО) является важным аспектом исследования истории и культуры древних народов Сибири. Эта общность

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01192 «Межкультурные коммуникации в раннем железном веке таежной зоны Западной Сибири по данным анализа гончарных традиций» (рук. Д. В. Селин)

существовала в эпоху раннего железа и оставила множество поселений, городищ, серию могильников. Самой массовой категорией находок на указанных типах памятников являются фрагменты керамической посуды.

Проведен анализ керамики новосибирского варианта кулайской КИО с могильника Каменный Мыс, городищ Дубровинский Борок-3, Дубровинский Борок-4, поселение Ордынское-9 [Троицкая, 1979]. Были использованы различные методы: технико-технологический, петрографический, рентгенографический фазовый и термический анализы. Техничко-технологический анализ проводился по методике, предложенной А. А. Бобринским [1978; 1999].

Установлено, что для производства посуды из погребений могильника Каменный Мыс использовалась ожелезненная глина средней пластичности, которая могла быть предварительно обработана. Наиболее распространенным рецептом формовочной массы является несмешанная глина + дресва, который составляет 68 % от общего числа образцов. Так же выявлены следующие рецепты: глина + дресва + шамот (14 %); глина + шамот (10 %); глина + шамот + органический раствор (2 %); глина + дресва + шамот + органический раствор (4 %); глина + органический раствор (2 %). Полое тело создавалась с использованием лоскутов. Обработка поверхностей производилась путем заглаживания. Обжиг керамики, вероятно, производился в кострах и/или очагах [Селин, 2021].

На городищах Дубровинский Борок-3, Дубровинский Борок-4 и поселении Ордынское-9 исходным пластичным сырьем для производства посуды служили ожелезненные глины. На разных поселениях сырье могло добываться из двух (Дубровинский Борок-3, Дубровинский Борок-4) или трех выходов (Ордынское-9). Всего на этих памятниках выявлено девять рецептов формовочных масс, в которые входит три несмешанных рецепта с добавками шамота, дресвы или органического раствора, и шесть смешанных. Полое тело сосудов изготавливалось лоскутным налепом, предположительно, на форме-основе (Дубровинский Борок-3, Дубровинский Борок-4). Форма могла дополнительно придаваться выбивкой внешней поверхности гладкой колотушкой (Дубровинский Борок-3). Поверхности обработаны заглаживанием различными приспособлениями. Обжиг мог выполняться в восстановительной и восстановительно-окислительной среде [Селин, 2022].

Проведен петрографический и рентгенографический фазовый анализы керамики КИО с могильника Каменный Мыс и городища Дубровинский Борок-3. Определено, что глина, используемая для создания керамики, добывалась внутри одного гранитоидного массива. Различия в составе глины могут быть связаны со стадиями кристаллизации этого массива. Сопоставление глин, использовавшихся для производства посуды с Каменного Мыса и Дубровинского Борка-3, показало их различие в минеральном составе. Это свидетельствует о том, что сосуды из могильника и с городища изготавливались из разных глин [Селин, Максимова, Федорова, 2024].

Выполненный термический анализ сосудов из могильника Каменный Мыс, городища Дубровинский Борок-3, Дубровинский Борок-4, поселение Ордынское-9 продемонстрировал, что изделия с Дубровинского Борка-3 могли обжигаться при менее высокой температуре и/или менее длительно, чем посуда с могильника. На поселении Ордынское-9 прослеживается существование двух серий, которые имеют различия в интенсивности обжига [Там же], что может косвенно свидетельствовать о существовании двух различающихся традиций обжига керамики на этом поселении.

Библиографический список

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.
- Селин Д. В. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 86–96.
- Селин Д. В. Поселенческая керамика кулайской культурно-исторической общности в Новосибирском Приобье: особенности технологии // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 146–160.
- Селин Д. В., Максимова А. А., Федорова З. А. Гончарные традиции носителей новосибирского варианта кулайской культурно-исторической общности (по данным комплексного междисциплинарного анализа) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52, № 1. С. 70–79.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

D. V. SELIN

POTTERY PRODUCTION TECHNIQUE OF THE NOVOSIBIRSK VARIANT OF THE KULAI CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY POPULATION (BASED ON VARIOUS BURIAL GROUNDS AND SETTLEMENTS MATERIALS)

The authors performed a multidisciplinary analysis of ceramics of the Novosibirsk variant of the Kulai cultural and historical community from two hillforts, a settlement and a burial ground. It was established that the population used natural iron clays for pottery production. We recorded a variety of artificial additives, as well as non-mixed and mixed molding compounds compositions. The hollow body of the vessels was made by patchwork stick on technique, presumably on an underlying mold. The shape could be additionally adjusted by knocking out the outer surface with a smooth mallet. The surfaces were smoothed with various accessories. The baking could be performed in a reducing and reducing-oxidizing environment in the fire pits and/or fireplaces. Comparison of clays used for pottery production in Kamenny Cape and Dubrovinsky Borok-3 demonstrated a difference in mineral composition. This indicated that the vessels from the burial ground and from the hillfort were made from different clays. The thermal analysis produced a non-uniformity in the baking intensity of pottery from different sites.

Dmitrii V. Selin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: selin@epage.ru

С. В. СИРОТИН

ПАМЯТНИКИ ФИЛИППОВСКОГО КРУГА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Культура ранних кочевников Южного Урала в VI–IV вв. до н. э. формировалась на основе нескольких миграционных компонентов. В результате их взаимодействия к IV в. до н. э. складывается крупное кочевое объединение, погребальные комплексы которого имеют специфический обряд, характерную архитектуру и планиграфию, определенный вещевой набор. В географическом отношении памятники расположены в степной полосе Южного Приуралья, а также в степной части Южного Зауралья вдоль восточных предгорий. Выделяется три центра, в которых расположены основные некрополи южно-уральского кочевое объединения. Данная группа комплексов IV – начала III в. до н. э. маркирует особый этап культуры ранних кочевников Южного Урала и выделяется в качестве памятников филипповского круга.

Сиротин Сергей Викторович — к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва)
E-mail: sirotinsv70@mail.ru

В конце V — начале IV в. до н. э. в культуре ранних кочевников Южного Урала происходят активные трансформационные процессы. Исследователями неоднократно отмечалась сложная этнокультурная картина в южно-уральских степях середины I тыс. до н. э. в связи с расселением здесь в конце VI–V в. до н. э. мигрантов, которые имели разные исходные территории, специфические особенности погребального обряда и облик материальной культуры.

Анализ археологического материала позволяет выделить три основных этнокультурных компонента, которые стали основой формирования культурных традиций южно-уральских кочевников середины I тыс. до н. э.: мугоджарский, восточно-приаральский и «блومنфельдский» [Савельев, 2019; Яблонский и др., 2023].

В результате взаимодействия этих групп в IV в. до н. э. оформляется особая группа памятников, которая иллюстрирует складывание кочевого объединения, занимавшего обширные территории бассейна среднего и верхнего течения р. Урал, включая степные пространства Южного Приуралья и Южного Зауралья. Апогея своего могущества кочевое объединение достигает к середине IV в. до н. э. [Яблонский и др., 2023].

В качестве основного некрополя социальной верхушки данной группы исследователи единодушно называют могильник Филипповка 1, расположенный в левобережье р. Урал на водоразделе Урало-Илекского междуречья. на культурное своеобразие материалов Филипповки 1 Исследователи неоднократно обращали внимание [Зуев, 1998; Савельев, 2023; Яблонский, 2017; Яблонский и др., 2023]. Вне зависимости от различных подходов о роли Филипповских курганов в культурной и военно-политической истории южно-уральских кочевников исследователями признаются ведущие позиции в культурных процессах степной полосы Южного Урала IV в. до н. э. кочевой группы, некрополи которой были расположены в Урало-Илекском междуречье. По сути, некрополи, расположенные в данном микрорайоне, составляли особый локус, который можно определять как Урало-Илекский центр (некрополи Филипповка 1, 2, Высокая Могила — Студеникин мар, Покровка, Мечет-Сай и др.). Помимо этого, складывается еще два центра южно-уральских кочевых объединений [Савельев, 2019; 2023; Сиротин, 2017; Яблонский и др., 2023].

Они локализируются в районах Восточного Оренбуржья, Челябинской области и Казахстана (Урало-Орский центр) с некрополями Новый Кумак, Новоорский и др., а также в Юго-Восточной, Восточной Башкирии, Челябинской области (Урало-Сакмарский центр) с некрополями Переволочан 1, Ивановские 1 курганы, некрополи и курганы в окрестностях с. Яковлевка, Сибайские курганы, Темир, Большой Климовский и др. Данные центры, уступали в военно-политическом отношении илекской группе, однако они также были включены в орбиту стремительных изменений, связанных с переформатированием основных культурных стереотипов южно-уральских кочевников.

Анализ комплексов в контексте их культурной и хронологической атрибуции дает веские основания для выделения памятников филипповского круга ранних кочевников на Южном Урале [Савельев, 2023; Сиротин, 2017; Сиротин, Богачук, Окороков, 2020; Яблонский и др., 2023]. Критериями для выделения и основными диагностирующими индикаторами данного круга памятников является следующий комплекс признаков. Погребальный обряд характеризуется наличием крупных насыпей курганов, сложной архитектурой (кольцевые валики,

деревянные конструкции, насыпь из дерновых блоков, применение огненных практик); сложной организацией подкурганного пространства (коллективные и индивидуальные обширные могильные ямы, чаще всего дромосного типа, захоронения лошадей, многочисленные жертвенные комплексы, подземные ходы и т. д.); наличием дополнительных захоронений за пределами кольцевых валиков в подбойных, катакомбных погребениях, а также в ямах с заплечиками и с диагональным расположением костяков. В сопроводительном инвентаре выделяется характерный воинский набор (производные формы скифского облика, мечи переходного типа, синдо-меотские мечи, колчаные крючки отдельных типов, наконечники копий в комплекте со втоками, многочисленные колчаные наборы, орнаментированные наконечники стрел, элементы защитного вооружения и др.); конское снаряжение скифского облика с многочисленным присутствием северокавказских и донских предметов; характерные формы местной лепной керамической традиции и наличие привозной хорезмийской (в основном) и северокавказской керамики; бронзовые зеркала (так называемые музыкальные зеркала, зеркала типа 5.3, зеркала типа Темир); характерный звериный стиль и наличие большого количества деревянной ритуальной посуды; наличие бронзовых котлов и ковшей; наличие импортов ахеменидского круга, а также северокавказских, северо-причерноморских, донских и алтайских импортов и их подражаний; наличие специфических наборов в женских погребениях (трубочки-вилочки, чаши из панциря черепахи, инструменты для татуировки (?), отдельные типы жертвенников-алтариков, характерные наборы бус и т. д.).

Обращает на себя внимание хронологическая позиция опорных комплексов, имеющих в своей основе дромосные погребения, специфический погребальный обряд и характерные вещевые наборы. Как правило, их хронология определяется временем середины IV – началом III в. до н. э. [Сиротин, Богачук, Окороков, 2020; Сиротин, 2021]. Именно к середине IV в. до н. э. окончательно складывается комплекс памятников филипповского круга. Верхней хронологической границей этого комплекса является рубеж IV–III в. до н. э. И хотя отдельные инерционные репликаты, вероятно, продолжают бытовать в первые десятилетия III в. до н. э., однако большие курганы, имеющие сложную архитектуру и дромосные многоактные склепы, уже не возводятся.

Практическое отсутствие подобных комплексов в конце VI – середине V в. до н. э. не позволяет растягивать хронологию памятников филипповского круга в контексте эволюционной теории существования единой культуры ранних кочевников Южного Урала с конца VI в. до н. э. Очевидно, что в лице памятников филипповского круга мы имеем особый культурный феномен, сложившийся к середине IV в. до н. э. на основе достаточно пестрой этнокультурной картины VI–V вв. до н. э., и который был очень слабо связан (за исключением его отдельных обрядовых элементов) с последующими комплексами классического раннесарматского облика.

Определяющими факторами его формирования стало культурное взаимодействие как минимум трех этнокультурных компонентов, которые нашли свое выражение в сохранении своих этнографических традиций в погребальных комплексах некрополей, а также военно-политические события, связанные с крушением империи Ахеменидов и резкого изменения военно-политического баланса на ее границах.

Библиографический список

Зуев В. Ю. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н. э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Славяне. Хазары. Древняя Русь. СПб., 1998. С. 45–50.

- Савельев Н. С. Южный Урал в I тыс. до н. э. — особая контактная зона на крайнем востоке ойкумены // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 35–50.
- Савельев Н. С. Филипповский некрополь и «филипповский» мир Южного Урала середины I тыс. до н. э. // Сокровища сарматских вождей. Древности середины I тыс. до н. э. из Филипповских курганов на Южном Урале. М., 2023. С. 36–42.
- Сиротин С. В. Памятники V–IV вв. до н. э. Зауральской Башкирии в контексте трансформации культуры ранних кочевников Южного Урала // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. 2. С. 56–60.
- Сиротин С. В. Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала: вопросы хронологии // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 1. С. 160–168.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Огороков К. С. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья: материалы Круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения» (к юбилею д.и.н. М. Г. Мошковой). М., 2020. С. 203–217.
- Яблонский Л. Т. На востоке скифской ойкумены. М., 2017.
- Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. Каталог коллекции. М., 2023. Кн. 2.

S. V. SIROTIN

FILIPPOV GROUP SITES IN THE SOUTH URALS: IDENTIFICATION CRITERIA, CHRONOLOGY AND CULTURAL ATTRIBUTION

The culture of the early nomads of the Southern Urals in the 6th–4th centuries BC was formed based on several migration components. As a result of their interaction, by the 4th century BC, a large nomadic association was formed, the burial complexes of which had a specific funeral tradition, characteristic architecture and planigraphy, and a certain grave goods set. Geographically, the sites were located in the steppe zone of the Southern Cis-Urals, as well as in the steppe part of the Southern Trans-Urals along the eastern foothills. We identified three centers with the main necropolises of the Southern Urals nomadic association. This group of complexes of the 4th – early 3rd centuries BC marked a specific stage in the culture of the early nomads of the Southern Urals and formed a Filippov group of archaeological sites.

Sergey V. Sirotin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: sirotinsv70@mail.ru

B. ХОРВАТ

БРОНЗОВЫЕ НАВЕРШИЯ ИЗ КАМЕРЫ №26Б КУРГАНА АРЖАН-1*

Доклад посвящен представлению результатов раскопок камеры № 26б в северо-восточном секторе кургана Аржан-1 (Республика Тыва). При расчистке верхнего венца камеры была найдена пара уздечных наборов, содержащих бронзовое навершие с изображением горного барана, в северной и южной стене и еще одно навершие в середине камеры. Другая пара комплекта изделий лежала у останков черепов лошадей на уровне первого венца, в западной стене камеры. Примечательно, что скелеты коней лежали на дне, но черепа и детали узды отдельно захоронены над уровнем пола, между венцами. Одни исследователи сравнили навершия с Алтайскими, Казахстанскими, Кавказскими и переднеазиатскими аналогиями, рассматривая их деталями

* Автор выражает глубокую и сердечную благодарность с.н.с. Государственного Эрмитажа К. В. Чугуну за доступ к цветным фотографиям, данным и возможность опубликования изделий.

колесниц. Однако другие ученые подходили к вопросу более осторожно в отношении назначения предметов и не относили их к деталям узды. Навершие изображают две породы горных баранов, отражающих черты культуры Уланзурх-Тэвш и поздний, переходный характер тэвшских артефактов.

Хорват Вероника — Центр археологических исследований, Институт изучения Венгерской нации (Венгрия, Будапешт)

E-mail: arzhan1.1989@gmail.com

В 1973 г. в северо-восточном секторе кургана Аржан-1 (Турано-Уюкская котловина, Республика Тыва, Россия) было проведено открытие широкого прохода между камерами № 26 и № 28, перегороденный по середине концами бревен западной стены камеры № 28 на две части. Маленькая называется камерой № 26а, а большая — камерой № 26б. После снятия потолка камеры № 26б [Грязнов, № 5579а, с. 48–50], в ходе расчистки верхних слоев, найдена пара бронзовых псалиев, имеющих три отверстия в одной плоскости. Центральные отверстия кольцевидные, от которых внешние отверстия находятся не на одинаковом расстоянии. Встречаются еще бронзовые удила с кольцевидными внешними концами и стержнями, украшенными квадратными выступами на одной стороне [Грязнов, № 5579а, с. 53], и бронзовое навершие (высотой 11 см) с изображением в виде горного барана и с квадратной конической втулкой (длиной 4,5 см, диаметром 1,6–2 см), имеющим отверстие для закрепления и петельку на левой стороне [Грязнов, № 5579а, с. 87].

В процессе расчистки уровня второго венца, в середине камеры № 26б найдено другое бронзовое навершие с изображением в виде горного барана, оформленное таким же образом (высотой 10,3 см), как предыдущий предмет. Однако петелька припаяна на правой стороне втулки (длиной 4,3 см, диаметром 1,6–2 см) [Грязнов, № 5579а, с. 88].

Третье навершие (высотой 8,3 см) с изображением в виде горного барана имеет короткую овальную втулку (длиной 2 см, диаметром 3 см) [Грязнов, № 5579а, с. 86]. Оно найдено в северной стене, между первой и второй венцами вместе с останками черепа лошади, бронзовыми псалиями выше представленного типа, бронзовыми удилами, имеющими кольцевидные внешние окончания [Грязнов, № 5579а, с. 53, 64].

При расчистке уровня первого венца, у западной стены камеры № 26б, найдены останки черепов и шейные позвончики трех лошадей. Среди них, у черепа первого животного, лежали бронзовые удила с гладкими стержнями и стремевидными внешними кольцами, подвески из клыка кабана [Грязнов, № 5579а, с. 68, 72, 73]. Здесь же находилось и бронзовое навершие с изображением в виде горного барана (высотой 10,7 см), имеющее круглую втулку (длиной 5,2 см, диаметром 2,3–4 см) с квадратным отверстием для крепления [Грязнов, № 5579а, с. 90].

Рядом с первой лошадью, у останков челюсти второй лошади, обнаружены бронзовые удила со стремевидными внешними кольцами, украшения головного ремня из клыка кабана [Грязнов, № 5579а, с. 75] и еще бронзовое навершие с изображением в виде горного барана [Грязнов, № 5579а, с. 89] такого же стиля, как у первой лошади.

При изучении контекста и находок можно прийти к следующим выводам. В камере № 26б теоретически захоронены целые скелеты лошадей, но, предполагается, что черепа

отсекали от шеи, и клали во время погребального ритуала** у северной и западной стенок, между первым и вторым венцами вместе с уздечным набором приблизительно на высоту около 80 см [Грязнов, 1980, с. 36]. Либо детали узды найдены на втором венце под потолком. М. П. Грязнов отметил в отчете [Грязнов, № 5579, с. 5], что камеры, вероятно, грабителями не потревожены, но, под неравномерным давлением ряда бревен кости лошадей и сопроводительный инвентарь переместились, а размещенные не на полу камеры впоследствии имели плохую сохранность. Д. Г. Савинов [1992, с. 111] также обратил внимание на эту особенность. Черепа лошадей и конское снаряжение не зафиксированы ни разу на дне камеры [Грязнов, № 5579а, с. 68, 72, 73].

В ходе описания изделий оказалось, что четыре из пяти наверший по одному войдет в состав уздечного комплекта. Пара изделий, найденных в слое под потолком, к центру камеры № 26б оказываются тождественными по форме, поэтому предполагается их производство в одной мастерской. То же самое можно предположить по поводу двух других наверший, уложенных между первым и вторым венцами, в западной стене камеры № 26б. По мнению М. П. Грязнова [1980, с. 49], изделия не могут иметь прямого отношения к узде.

В отличие от него, К. А. Акишев и А. К. Акишев [1978, с. 57] считали подобные навершия и изображения зверей деталями колесниц. Д. Г. Савинов [2002, с. 65] не смог точно определить их назначение, хотя допускал возможные связи с захоронениями колесниц. П. И. Шульга [2008, с. 48–50] рассматривал уздечные комплекты камеры №26б, в том числе навершия из Алтая, Казахстана, и некоторые типы Северного Кавказа, как части дышлового повозок. Исследователь обратил внимание на вопрос использования наверший с боковой петлей, либо с бубенцами, а также отметил отличия в оформлении и назначении этих изделий. Он предположил, что они могли быть частями конского снаряжения, не относящимися к деталям узды. Вслед за выводами К. А. и А. К. Акишевых и П. И. Шульги, Н. Ю. Смирнов [2012, с. 425] подтвердил гипотезу, согласно которой аржанские навершия могли принадлежать к упряжи колесниц. Н. Ю. Смирнов [2012, с. 426] интерпретировал особенное расположение пары наверший с петелькой на стороне, лежавших на втором венце бревен, как попытку воспроизведения колесничной упряжки без размещения колесницы и ее деталей. По его мнению, первый ряд бревен над конями могли символизировать ярмо. Таким образом, исследователь обошел вопрос об отсутствии следов и частей повозки в камере, не уделив внимание вероятной причине жертвоприношения коней и расположенных над уровнем пола черепов вместе с конским снаряжением.

М. П. Грязнов [1980, с. 49] интерпретировал изображенные на втулках парнокопытных млекопитающих горными баранами. По мнению Д. Г. Савинова [2002, с. 64], образы баранов стилистически продолжают традиции «карасукских» бронз. Однако ни он, ни Э. А. Новгородова [1989, с. 138] точно не разделяли фигурки горного козла «карасукского» облика Монголии от аржанских баранов. К. В. Чугунов [2021, с. 648] искал истоки происхождения звериного стиля раннескифского времени среди изображений животных с круглыми глазами культуры Уланзурх-Тэвш, предположив участие в этом генезисе традиции изваяний монголо-забайкальского типа. С учетом этого, исследователь

** При обработке захоронений лошадей была проведена консультация с венгерским коллегой Гезой Сабо об археологических и этнографических аспектах ритуальных захоронений и жертвоприношений лошадей. Автор выражает ему сердечную благодарность.

рассматривал фигурки баранов на аржанских находках как поздний, переходный тип тевшских изделий.

Что касается поздних признаков, стоит выделить шестигранную трактовку глаз и более тонкие рога животных на навершиях, лежавших под потолком, в центре камеры. На остальных трех изделиях травоядные млекопитающие изображены с круглыми глазами и более крепкими, мощными рогами. Последние изображают алтайских баранов/аргалов. Их место проживания раньше распространялось на территории Монгольского и Гобийского Алтая, отдельных хребтов и массивов Восточного Казахстана, Юго-Восточного Алтая, Юго-Западной Тувы и Монголии.

Библиографический список

- Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Грязнов М. П. Отчет о раскопках кургана Аржан-1 в Туве в 1973–1974 гг. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 5579.
- Грязнов М. П. Аржан-1. Фото и чертежи раскопок 1973 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 5579а.
- Грязнов М. П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.
- Савинов Д. Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии // Северная Евразия от древности до средневековья: тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992.
- Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
- Смирнов Н. Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012.
- Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008.
- Чугунов К. В. Стиль Тэвш, оленные камни Монголии и нуклеарный звериный стиль // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. К 80-летию профессора Д. Г. Савинова. СПб., 2021.

V. KHORVAT

BRONZE POMMELS FROM CHAMBER 26B OF ARZHAN-1 MOUND

The paper is a presentation of the results of the excavations of chamber 26b in the northeastern sector of the Arzhan-1 mound. When clearing the upper timber set of the chamber, a pair of bridle sets containing a bronze pommel with the image of a mountain ram were found in the north and south walls and another pommel in the middle of the chamber. Another pair of bridle sets lay near the remains of horse skulls at the level of the first timber set, in the western wall of the chamber. It is interesting that the skeletons of the horses lay at the bottom, but the skulls and the details of the bridle were buried separately above the floor level, between the timber sets. Some researchers compared the pommels with the Altai, Kazakh, Caucasian and the Western Asian analogues, interpreting them as the details of chariots. However, other scholars approached the issue more cautiously with regard to the objects functionality, and did not attribute them as the parts of the bridle. The pommels represented two species of the mountain rams, reflecting the features of the Ulanzurkh-Tevsh culture and the late, transitional character of the Tevsh artifacts.

Veronika Khorvat – Research Centre for Archaeology, Institute of Hungarian Research (Hungary, Budapest)
E-mail: arzhan1.1989@gmail.com

В. ХОРВАТ

БРОНЗОВЫЕ КИНЖАЛЫ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ В НАЧАЛЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЗАПАДНЫЕ ВЛИЯНИЯ

Во второй половине XIX в. и в 1950-х гг. обнаружены и выявлены формы клинкового оружия на Алтае, оформленные под западным культурным влиянием. В результате исследований бронзовых кинжалов так называемого нурманбетского типа установлена связь населения степного Алтая, раннесакского времени Казахстана и ананьинской культуры Южного Приуралья. При изучении «карасукских» типов предгорного и Горного Алтая ученые сопоставили бронзовые кинжалы и мечи с приобскими и «предтагарскими» типами. В то же время оформление рукоятки и перекрестия оружия показывают сильное сходство с биметаллическими кинжалами и мечами Восточной и Центральной Европы. Все-таки происхождение, культурная принадлежность и хронология алтайских типов все еще вызывает вопросы. По мнению одних археологов, их можно считать «переходными карасукско-майемирскими». Согласно другой версии, группы из восточно-евразийских степей участвовали в переднеазиатских походах со своими алтайскими типами, которые стали одним из прототипов (наряду с северо-кавказскими кинжалами и мечами) акинаков раннего скифского периода.

Хорват Вероника — Центр археологических исследований, Институт изучения Венгерской нации (Венгрия, Будапешт)
E-mail: arzhan1.1989@gmail.com

В 1956 г. М. П. Грязнов опубликовал бронзовые кинжалы ранних кочевников с территории Северного Казахстана и Алтайского края. Один был найден в районе г. Змеиногорска [Грязнов, 1956, с. 11, рис. 3, 4], аналогии ему зафиксированы у с. Песчаное близ г. Павлодар [Там же, рис. 3, 1] и у с. Мариинское близ г. Кокшетау [Там же, рис. 3, 2]. Подобные типы кинжалов из бронзы известны также из могилы с Ананьинского могильника [Збруева, 1952, с. 101, табл. XXI, 1] и из могилы 1 Котловского могильника [Там же, табл. XXI, 2] из Южного Приуралья. Кинжалы имеют широкое перекрестие и относительно широкие рукоятки, иногда украшенные воллотами, так называемыми бегущими волнами.

Через 20 лет Н. Л. Членова впервые собрала и систематизировала так называемые карасукские кинжалы эпохи финальной бронзы и начала железного века евразийских степей, в том числе лесостепного Алтая [Членова, 1976, с. 38–42]. Она упомянула бронзовый кинжал из г. Бийск, изготовленный целиком из бронзы [Там же, с. 40, табл. 6, 6]. Оружие оформлено с плоской рукояткой, украшенной выпуклым спиральным орнаментом с одной стороны, и уплощенной фигуркой стоящего козла на навершии рукоятки. Исследователь предположила близкое сходство изображения травоядного животного со стилем минусинским и майемирским, а спиральные орнаменты встречаются на кинжалах так называемого Кабардино-Пятигорского типа. Подобный тип по форме перекрестия и рукоятки, но без орнамента обнаружен недалеко от с. Келей [Там же, табл. 6, 7]. Клинок оформлен как у раннетагарских кинжалов, а перекрестие и рукоятка показывают сходство с восточно- и центрально-европейскими кинжалами. Н. Л. Членова обратила внимание на отличия формы ручки и перекрестья кинжала, случайно найденного у ст. Тальменское [Там же, табл. 6, 8]. По ее мнению, изделия близки к характеристикам «предтагарских» кинжалов Минусинской котловины, однако на навершиях рукояток кинжалов указанного типа шляпки встречаются реже.

При изучении кинжала-меча из кургана у с. Катунское [Членова, 1976, с. 40, табл. 6, 9; см. также: Тишкин, Папин, 1998, с. 179–180, рис. 1], Н. Л. Членова также отметила сходство с предтагарскими кинжалами. В то же время по форме навершия, ручки и перекрестья она выявила аналогичные биметаллические экземпляры предскифского времени юга Восточной Европы. К ним относятся два других бронзовых кинжала из Лаптева лога и Шебалинского района. Однако определить их культурную принадлежность проблематично, потому что помимо тагарских черт есть и «карасукские» [Членова, 1976, с. 40, табл. 6, 10, 11]. Таким образом, исследовательница пришла к выводу, что их можно считать «переходными карасукско-майемирскими» [Там же, с. 41].

В начале 1980-х гг. Н. Л. Членова снова свела данные о кинжалах Восточного Казахстана и Алтайского края. Кроме опубликованного М. П. Грязновым клинкового оружия включен еще один подобный бронзовый кинжал из кургана 1 могильника Нурманбет IV, к западу от г. Павлодар. Он датирован по трехлопастным черешковым наконечникам стрелы VII–VI вв. до н. э. [Маргулан и др., 1966, с. 343–344, рис. 38; 66; Членова, 1981, с. 7, рис. 3, 1–5]. Исследователь полагала, что кинжалы так называемого нурманбетского типа по оформлению рукоятки восходят не к киммерийским, а к карасукским находкам. Исходя из распространения кинжалов в Прииртышье и в прилегающих регионах степной зоны Евразии, Н. Л. Членова сближала приуральские кинжалы с иртышскими аналогиями. На кинжалах из Мариинска и Змеиногорска впервые выявлено появление сердцевидной и бабочковидной форм перекрестий [Членова, 1981, с. 11]. Инвентарь из Змеиногорска снова опубликован В. Б. Бородаевым в 1986 г., но датирован VI — началом V вв. до н. э. [Бородаев, 1986, с. 95–96].

В то же время появилось сообщение о бронзовом кинжале из Чарского района Семипалатинской области, который по размерам, пропорциям и деталям показывает сильное сходство с кинжалом, случайно найденным у Лаптева лога. Н. Л. Членова его сопоставила не только с минусинскими, но и с восточно-европейскими биметаллическими кинжалами. На основе этого датировала чарский инвентарь VII в. до н. э. [Членова, 1982, с. 36–37, рис. 2, 1].

Опираясь на выводы Н. Л. Членовой, приведенные в 1976 г., М. П. Грязнов [1983, с. 9, рис. 5, 3–8] также отметил северо-кавказские аналогии бронзового кинжала, обнаруженного у г. Бийск, и длинных бронзовых кинжалов с грибовидным навершием рукоятки и прямым перекрестьем при перечислении памятников северо-западного лесостепного и Горного Алтая.

В 1994 г., при изучении древностей эпохи финальной бронзы Западной Сибири (к северу от Омска) Н. Л. Членова выделила фрагмент бронзового кинжала с параллельным клинком и перекрестьем из городища Инберень-VI [Членова, 1994, с. 65–66, рис. 8–9, 19]. По форме и близким аналогиям, найденным у г. Бийска и у с. Катунское, она определила предмет как поздний вариант кинжалов карасукского типа. Кроме того, предположила, что кинжал был более развитой формой по сравнению с алтайскими экземплярами, поэтому датировала его не ранее VII–VI вв. до н. э.

Г. Е. Иванов в своей диссертации изучил развитие оружия дальнего и ближнего боя лесостепного Обь-Иртышья, в том числе кинжалы VIII–VII вв. до н. э. [Иванов, 1995, с. 17–18]. Он отметил, что клинковое оружие из Об-Иртышского междуречья менее распространено в Минусинской котловине, даже определил предгорье Алтая местом его возникновения. Учитывая отличие в военной тактике ранних тагарских племен, по форме, сечению клинка, рукоятки и перекрестья, исследователь предположил, что это клинковое оружие

более близко восточно-европейским биметаллическим кинжалам и мечам предскифского времени. Выявление общих черт и присутствие аналогий на Северном Кавказе, в Южном Приуралье и Зауралье уже в VIII — первой половине VII в. до н. э. могут указывать на то, что рассмотренные алтайские кинжалы и мечи вряд ли могли самостоятельно сформироваться и развиваться до заимствования кавказских влияний.

В 1997 г. обнаружен бронзовый кинжал в одной из ограбленных центральных могил кургана, на ребрах умершего, в могильнике Усть-Иша V, у с. Суртайка [Скопинцева, 1998, с. 122–123, рис. 1, 15]. Кинжал двухлезвийный, в середине клинка нет нервюры. На плоской грибовидной рукоятке и симметричном перекрестии отмечены шесть отверстий для крепления ручки из органического материала. Автор отметила, что подобного типа кинжалы неизвестны на территории лесостепного Алтая. Однако варианты с плоским клинком как местные верхнеобские атрибуты встречаются в Завьяловском районе [Иванов, 2005, с. 73, рис. 1, 1], недалеко от с. Петухи Ключевского района [Там же, рис. 1, 2], отнесены Г. Е. Ивановым ко второй половине VIII–VII вв. до н. э. [Там же, с. 76]. Такой же клинок имеет кинжал из случайной находки у с. Чингисы на Обском море, датированный VII–VI вв. до н. э. [Троицкая, 1972, с. 8, рис. 1, о]. Причем следует упомянуть железный кинжал с золотой инкрустацией из погребения женщины в могиле 5 кургана Аржан-2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 63–64, табл. 61; 76, 1а–б]. Рукоятка изготовлена из золота, а клинок из железа, инкрустирован золотом. Тяжелая рукоятка состоит из двух заклепкой и припаянной части. Сооружение могилы 5 кургана Аржан-2 датируется по радиоуглеродным данным серединой — концом VII в. до н. э. [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 175–177]. В этой связи стоит обратить внимание на аналогичные железные кинжалы с крепленной рукояткой, обнаруженные севернее Кавказа [Reinhold, 2007, taf. 17; 18, 7], в долинах Большого Кавказа, к примеру из погребения № 130 могильника Тли [Техов, 1980, с. 231–232, рис. 12]. Главным образом, они распространены в Закавказье [Пиотровский, 1950, рис. 18; Трапш, 1970, с. 109–110, табл. V; Reinhold, 2007, taf. 17; 18, 5; Reinhold, 2007, taf. 17; Papuashvili et al., 2022, tabl. 83, 14; tabl. 92, 33, 35, 38]. Несмотря на дискуссионность хронологии памятников Грузии, можно констатировать, что могильники, содержащие рассмотренный тип кинжала, датируются приблизительно VIII — серединой VII в. до н. э. [см.: Скаков, 2005, с. 20–22], тогда как появление указанных кинжалов в Закавказье раньше было отнесено к началу VII в. до н. э. [Трапш, 1970, с. 131].

Библиографический список

- Бородаев В. Б. Находки из Змеиногорска и его окрестностей, опубликованном в Археологическом Атласе 1877 г. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Тезисы докладов и конференции. Барнаул, 1986. С. 94–98.
- Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // Краткие сообщения Института археологии. 1956. Вып. 61. С. 8–16.
- Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 3–18.
- Збруева А. В. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1952. Т. 5: История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху.
- Иванов Г. Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы — раннем железном веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995.
- Иванов Г. Е. Два бронзовых кинжала раннескифского времени из степного Алтая // Западная и Южная Сибирь. Барнаул, 2005. С. 72–76.

- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. I. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Арм. ССР и Государственного Эрмитажа 1939–1949 гг. Ереван, 1950. (Археологические раскопки в Армении; № 1).
- Скаков А. Ю. К изучению хронологии Колхидской культуры // Российская археология. 2005. № 3. С. 16–26.
- Скопинцева Г. В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. 9. С. 120–124.
- Техов В. Б. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Глийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 219–257.
- Тишкин А. А., Папин Д. В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции 2–3 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 179–182.
- Трапш М. М. Труды: в 4 т. Сухум, 1970. Т. 1: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.
- Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье в VII–IV вв. до н. э. // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972. Вып. 38. С. 3–35.
- Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.
- Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4–42.
- Членова Н. Л. Четыре древних кинжала из Казахстана // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 34–40.
- Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994.
- Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск, 2017.
- Papuashvili R., Gikia L., Kobalia N., Papuashvili I. Ergeta (Nekropolis). Tbilisi; Zugdidi, 2022.
- Reinhold S. Die Spätbronze und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen, Universität Forschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn, 2007. B. 144.

V. KHORVAT

BRONZE DAGGERS REFLECTING WESTERN INFLUENCES IN THE FOOTHILLS OF THE ALTAI IN THE EARLY SCYTHIAN PERIOD

In the second half of the 19th century, and in the 1950s, the researchers discovered and described the type of the Altai bladed weapons, the shape of which indicated a Western cultural influence. As a result of the study of bronze daggers of the so-called Nurmanbet type, a connection has been established between the population of the steppe Altai, the Early Saka period of Kazakhstan and the Ananyin culture of the Southern Urals. While studying the “Karasuk” types of the foothills and the Mountain Altai, the researchers compared the bronze daggers and swords with the Ob region and the “pre-Tagar” types. At the same time, the design of the handle and guard of the weapon demonstrated pronounced similarities with the bimetallic daggers and swords of Eastern and Central Europe. Nevertheless, the origin, cultural affiliation and chronology of the Altai types is still debatable. According to some archaeologists, they can be considered “transitional Karasuk-Mayemir”, while according to another version, the groups from the East Eurasian steppes participated in the West Asian campaigns with their Altai types, which became one of the prototypes (along with the North Caucasian daggers and swords) of the akinaks of the early Scythian period.

Veronika Khorvat – Research Centre for Archaeology, Institute of Hungarian Research (Hungary, Budapest)
E-mail: arzhan1.1989@gmail.com

Ю. П. ЧЕМЯКИН

И СНОВА ОБ УСТЬ-ПОЛУЕ*

Городище Усть-Полуй и усть-полуйская культура с момента открытия привлекали к себе повышенное внимание. В. Н. Чернецов различал в культуре два компонента: арктический охотничье-рыболовческий и степной, связанный с миграцией на север Сибири нового этнического элемента с юга. Работы уральских археологов в 1970–1990-х гг. в Нижнем Приобье, в том числе на Усть-Полуе, позволили пересмотреть эту концепцию. Выяснились разновременность и разнокультурность материалов городища. Новые раскопки под руководством Н. В. Федоровой привели ее к выводам о существовании общности культуры населения таежного и лесотундрового регионов Западной Сибири и невозможности выделять особую усть-полуйскую культуру на материалах одноименного городища. С другой стороны, она выдвинула тезис о «трех революциях Усть-Полуя» — экономической, социальной и символической. Остается неясным в этом случае, кто же тогда осуществил «три революции Усть-Полуя»?

Чемякин Юрий Петрович — к.и.н., Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)
E-mail: yury-che@yandex.ru

Прошло чуть больше 90 лет с момента открытия (1932 г.) В. С. Адриановым городища раннего железного века на полярном круте Усть-Полуй. В 1935–1936 гг. на нем были проведены раскопки, показавшие уникальность этого памятника. Но его судьба, как и самого В. С. Адрианова, печальная — в декабре 1936 г. он был репрессирован и расстрелян, а документация второго года раскопок не сохранилась. Подробная история полевых работ и их дальнейшей интерпретации, в первую очередь В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, дана в статьях Н. В. Федоровой и А. С. Гусева [Гусев, Федорова, 2012; Федорова, 2017a]. В. Н. Чернецов в 1940-х гг. выделил усть-полуйскую культуру, различая в ней два компонента: арктический охотничье-рыболовческий и степной, связанный с появлением в северо-западной Сибири нового этнического элемента с юга [Чернецов, 1953a; 1953б]. Материалы, полученные уральскими археологами при раскопках в Нижнем Приобье, включая само Усть-Полуйское городище, позволили иначе взглянуть на проблему. Выяснилась неоднородность коллекции, а значит, и разновременность культурного слоя на памятнике. Кроме средневекового комплекса, соотносимого с керамикой типа бичевник (1-я группа, по В. И. Мошинской [1953]), в составе 2-й группы (по В. И. Мошинской) есть более ранняя посуда — перегребнинского типа. Основная же керамическая коллекция вполне соответствует характеристике кулайской посуды. Современные работы на городище под руководством Н. В. Федоровой привели к новым открытиям, позволили переосмыслить ряд прежних положений. Появилась серия прекрасных публикаций, посвященных этому уникальному памятнику. Опубликованы частично результаты раскопок 1993–1995 и 2006–2015 гг., выявленные комплексы, выполнена типология вещевого инвентаря, представлены аргументы в пользу трактовки памятника как сакрально-производственного центра, предложены новые интерпретации предметов изобразительной деятельности, реконструированы связи аборигенного населения с окружающим миром, его включенность в мировые процессы, уточнена датировка памятника. Основание городища/сакрально-производственного центра Усть-Полуй, по данным дендрохронологии,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00650 «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы — раннего железного века Сургутского Приобья» (рук. Ю. П. Чемякин)

относится к середине I в. до н. э. [Федорова, 2000, с. 7]. Правда, сегодня констатируется, что сакрально-производственный центр «функционировал без видимых перерывов в течении III в. до н. э. — II в. н. э.» [Гусев, Федорова, 2017, с. 64]. Н. В. Федорова задает вопрос: «случайно ли основание сначала древнего святилища, впоследствии сакрально-производственного центра именно в это время (похолодания. — Ю. Ч.)? Не было ли это также вынужденной мерой, своего рода ответом на природные вызовы?» И отвечает: «перестройка экономики, и социальные новации, бесспорно, были этим ответом» [Федорова, Гусев, 2019а, с. 201].

Изучая Усть-Полуй, Н. В. Федорова с коллегами пришла к следующим выводам: «во-первых, существование некоей общности культуры населения таежного и лесотундрового регионов Западной Сибири является очевидным фактом. Во-вторых, представляется *бесспорным невозможность выделять особую усть-полуйскую культуру* (выделено мной. — Ю. Ч.), пусть даже в рамках этой общности, на основании одного хорошо исследованного памятника, тем более, учитывая его абсолютную нестандартность и широкий, в том числе и географически, круг посещений» [Федорова, Гусев, 2019б, с. 34]. С другой стороны, ими же выдвинут тезис о «трех революциях Усть-Полуя» — экономической, социальной и символической [Федорова, Гусев, 2019а]. Под первой подразумевается появление производящего хозяйства в виде оленеводства, под второй — выделение специфической группы людей, скорее всего, воинской прослойки в обществе. Лучше всего хозяйственные и социальные новации фиксируются при анализе кодов культуры Усть-Полуя, отразивших в себе «революцию символов» — девять из десяти знаков зооморфного кода, выделенных Н. В. Федоровой [2017б], появились в усть-полуйское время. В них отразились не только культовые действия (напр., принесение оленя в жертву), но и некие общественные процессы, нарастающая агрессивность общества. Об этом же свидетельствуют парадные доспехи и предметы вооружения. Н. В. Федорова высказала предположение, что создание столь мощного сакрального центра было таким же ответом на природные вызовы, сконцентрировавшем в себе все три революции Усть-Полуя.

Однако дискуссии о характере памятника не прекратились, а иногда даже приобрели еще большую остроту. В чем же причина этого? Вызывает недоумение отсутствие до сих пор публикаций сводного плана раскопов с обнаруженными объектами, стратиграфии городища, результатов обработки керамического комплекса, корреляции залегания разных типов посуды с выявленными комплексами. Мы не исключаем, что, по крайней мере, часть так называемых культовых комплексов (из дерева и бересты) окажется покрытиями полов в наземных жилищах. Их круглая или овальная форма может отражать появление чумов, от которых, по словам Н. В. Федоровой, практически ничего не остается. Нет ответа на вопрос (и даже постановки вопроса), где проживали люди, пришедшие на Усть-Полуй для совершения каких-то священнодействий, ритуалов или производственных процессов? С какой культурой (культурами) они связаны? Где памятники аборигенов, перешедших к оленеводству? Или возникновение оленеводства связано только с группой служителей культа на Усть-Полуе? Интересен тезис о появлении статусных вещей как отражении социальной дифференциации общества. Но какого общества? Где то местное население, совершившее три революции и основавшее «сначала древнее святилище, впоследствии сакрально-производственный центр (Усть-Полуй. — Ю. Ч.)?» Увлечение же изобразительной деятельностью «усть-полуйцев», сакральной составляющей памятника в отрыве от анализа массового материала привело к представлению о невозможности «выделять особую усть-полуйскую культуру». Но кто же тогда осуществил «три революции Усть-Полуя»?

Библиографический список

- Гусев А. В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард, 2012.
- Гусев А. В., Федорова Н. В. Морфология древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4, т. 1. С. 19–64.
- Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953б. С. 107–120. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Федорова Н. В. История изучения археологического памятника Усть-Полуй. Историография раннего железного века Западной Сибири: усть-полуйская и кулайская проблемы // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017а. Вып. 4, т. 1. С. 7–18.
- Федорова Н. В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017б. Вып. 4, т. 2. С. 104–126.
- Федорова Н. В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3. С. 4–12.
- Федорова Н. В., Гусев А. В. Три революции Усть-Полуя // Кунсткамера. 2019а. Вып. 1 (3). С. 196–204.
- Федорова Н. В., Гусев А. В. Кулайская проблема: история и современное состояние // *Universum Humanitarium*. 2019б. № 1. С. 20–37.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953а. С. 66–68. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953б. С. 221–241. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).

Yu. P. CHEMYAKIN

ONCE AGAIN ABOUT THE UST-POLUI

The Ust-Polui hillfort and the Ust-Polui culture attracted significant attention from the moment of their discovery. V. N. Chernetsov distinguished two components in the culture: the Arctic hunting and fishing; and the steppe one, associated with the migration of a new ethnic element from the south to the North of Siberia. The work of Ural archaeologists in the 1970s and 1990s in the Lower Ob region, including in Ust-Polui, gave reasons to review this concept. It became obvious that the materials of the hillfort were not synchronous and belonged to different cultures. New excavations supervised by N. V. Fedorova led to the conclusions about the existence a common culture of the populations of the taiga and the forest-tundra regions of Western Siberia and the impossibility to single out a particular Ust-Polui culture based on the materials of the hillfort of the same name. On the other hand, she put forward an idea of the “three revolutions of Ust-Polui” — the economic, the social and the symbolic. In this case it is still not clear who then carried out the “three revolutions of Ust-Polui”?

Yury P. Chemyakin — Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: yury-che@yandex.ru

С. В. ШАРАПОВА, М. А. ГРАЧЕВ, А. А. ПЕРЕВОЗЧИКОВА, А. С. ЯКИМОВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ: НОВОПОКРОВКА X

Доклад знакомит с предварительными результатами междисциплинарного исследования кургана Новопокровка X в Среднем Прииртышье. Параметры кургана, местоположение относительно «царских», вещевого комплекс и обрядность позволяют рассматривать его в категории дружинных. Почвенный анализ и археологические данные свидетельствуют, что в процессе функционирования

курган подновлялся. В кургане, оконтуренном незамкнутым ровиком, обнаружено четыре погребения (из них три — неграбленных), из которых происходят костные останки разной степени сохранности от восьми индивидов (трое детей и пять разнополых взрослых). Захоронения совершались в период V–IV вв. до н. э. — рубеж эр; определена их последовательность.

Шарапова Светлана Владимировна — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

Грачев Максим Александрович — Омский государственный педагогический университет (Россия, Омск)

E-mail: grachevma@archeonow.ru

Перевозчикова Алла Александровна — НИИ и Музей антропологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

E-mail: allarevik@gmail.com

Якимов Артём Сергеевич — к.г.н., Институт криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: yakimov_artem@mail.ru

Для раннего железного века Среднее Прииртышье признано ключевым регионом как в истории населения саргатской культуры [Могильников, 1970], так и для понимания культурно-исторических процессов степного пояса Евразии. В то же время в археологии саргатской культуры все еще сохраняются определенные проблемы, вызванные трудностями работы со старыми коллекциями и отсутствием их публикаций, существующими расхождениями относительно датировки отдельных комплексов и категорий инвентаря, особенностей погребального обряда и т. п. Между тем нереализованный информационный потенциал полученных ранее материалов может быть преодолен с учетом данных новых раскопок.

С 2019 г. Западносибирский отряд ИИиА УрО РАН совместно с ОмГПУ проводит масштабные полевые работы на правом берегу Иртыша (Горьковский р-н Омской обл.). В фокусе проекта — курганные могильники в окрестностях с. Новопокровка. Благодаря хорошей изученности этой местности сплошным разведочным обследованием можно утверждать, что археологические памятники расположены компактно и образуют равномерное скопление объектов с видимыми границами. Внутри него наблюдается определенная пространственная организация (или иерархия) разных по величине и количеству насыпей, вызывающая закономерное стремление оценить и/или предпринять попытку объяснить наблюдаемые отличия. Раскопки проводились на расположенном вблизи «царских» кургане Новопокровка 16, а также находящихся на удалении могильниках Новопокровка 13 и 17, кургане Новопокровка X. Для трех из четырех раскопанных объектов установлена принадлежность к саргатской культуре [Шарапова и др., 2023; Шарапова, 2023], результаты исследований вводятся в научный оборот [Шарапова и др., 2023; Kiseleva et al., 2023].

В 2022–2023 гг. раскопками изучен курган Новопокровка X, занимавший равнинный участок коренного берега Иртыша. Благодаря удовлетворительной сохранности (курган не распахан и не подвергся значительному антропогенному разрушению) и максимально возможному междисциплинарному охвату, удалось получить ценную информацию о погребальной обрядности, вещевом комплексе, среде обитания, патологическом статусе группы и т. д. Поскольку анализ и научное осмысление материалов не завершены,

в докладе для обсуждения будут представлены предварительные результаты их комплексного изучения, в том числе не вошедшие в публикацию.

В четырех погребениях кургана, оконтуренного прерывистым ровиком, согласно антропологическому обследованию, были захоронены восемь человек. Из них трое (подросток 10–13 лет, ребенок 0–5 мес., ♀ 25–35 лет) связаны с периферийными могилами (погребения 2–4 соответственно). Эти погребения неграбленные, разной глубины; их расположение демонстрирует признаки планировочной структуры. Некоторые элементы обряда и сопроводительный инвентарь допускают их археологическую синхронность. Наиболее выразительные находки связаны с этой группой захоронений и представлены бронзовым котлом, украшениями из стекла и цветного металла, керамической и костяной утварью. Несмотря на многократные ограбления, размеры и сохранность центральной могилы (погребение 1) исключают вероятность парных/коллективных захоронений. Анализ помертных разрушений, комплектность и условия обнаружения разрозненных скелетных останков (как вне погребального контекста, так и в нем) весьма осторожно позволяют предположить, что в могильную яму последовательно вводились индивидуальные захоронения пяти индивидов разного пола и возраста (♂ > 45 лет → вероятно ♀ > 25 лет → вероятно ♂ > 20 лет (?) → ♂ 20–35 лет → подросток 7–12 лет). Первые нарушения происходили задолго до бугровщиков. Остатки хронологически разнородного инвентаря включают предметы обихода и воинской амуниции, изготовленные из металла и кости.

Почвенными исследованиями установлено, что курганная насыпь имеет двухслойное строение, каждый из слоев фиксируется в качестве самостоятельного горизонта. Состав и мощность гумусового материала погребенной почвы, искусственное понижение уровня материка за пределами ровика позволяют заключить, что для сооружения и подновления насыпи использовался дерново-гумусовый материал, нарезаемый здесь же. Отсутствие выкида вокруг периферийных погребений свидетельствует в пользу того, что они совершались в уже существующий курган.

На основании результатов спорово-пыльцевого анализа проб из разных контекстов реконструируются березовые леса и участки лугово-степных сообществ, что согласуется с данными морфологического строения почвенных профилей кургана и фоновых разрезов. Образцы из носовых пазух (♂ 20–35 лет) так же содержат сторевшие пыльцевые зерна, фитолиты злаков, следы обожженной коры деревьев и трав, однако их точная причина на данном этапе не установлена. При схожих соотношениях доминантов в нагаре из котла высока доля пыльцы злаков.

Доступный палеоантропологический материал разной комплектности. Для неповрежденных погребений 2 и 4 допускается отсроченный характер захоронения, связанный с сезонным фактором и/или намерением похоронить в данном кургане; для этих индивидов определены преднамеренная деформация черепов и слабая выраженность эмалево-гипоплазии. На костях взрослых обнаружены патологии, вызванные активной верховой ездой. На ключицах мужских скелетов наблюдается отрицательный рельеф, который связывают с профессиональным комплексом патологических изменений, указывающих на стрельбу из лука. Кариес не выявлен.

В основе хроностратиграфии кургана — анализ почв, коллекции, планиграфии исследованных объектов. По некоторым косвенным признакам захоронения незрелых как на периферии кургана, так и в центре могут быть археологически синхронными. Вещевой

комплекс и обряд с определенной долей вероятности позволяют допустить, что некрополь начал формироваться не ранее V–IV вв. до н. э. и существовал до рубежа эр.

Библиографический список

- Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 172–190.
- Шарапова С. В., Бачура О. П., Грачев М. А., Карапетян М. К., Киселева Д. В., Косинцев П. А., Костомаров В. М., Окунева Т. Г., Шагалов Е. С., Якимов А. С. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник, 2023. Т. 22, № 2. С. 65–96.
- Шарапова С. В. Отчет о раскопках кургана Новопокровка X и кургана 10 в составе могильника Новопокровка-17 в Горьковском районе Омской области в 2023 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Б/н.
- Kiseleva D. V., Chervyakovskaya M. V., Chervyakovskiy V. S., Okuneva T. G., Soloshenko N. G., Bulatov V. A., Grachev M. A., Karapetian M. K., Sharapova S. V., Shagalov E. S. Assessment of Diagenetic Transformations in Bioapatite for the Determination of the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ Isotope Ratio: A Case Study on an Early Iron Age Human Tooth from the Sargat Culture // Journal of Analytical Chemistry, 2023. Vol. 78, no. 12. P. 1642–1650.

S. V. SHARAPOVA, M. A. GRACHEV, A. A. PEREVOZCHIKOVA, A. S. YAKIMOV

NEW STUDIES OF THE SARGAT CULTURE MOUNDS IN THE MIDDLE IRTYSH REGION: NOVOPOKROVKA X

The report introduces the preliminary results of interdisciplinary study of Novopokrovka X mound in the Middle Irtysh region. The parameters of the mound, its location relative to the “royal” ones, the material complex and the ritual make it possible to place it within the category of the military burials. The soil analysis and the archaeological data indicated that the mound was refurbished during the period of its functioning. Within the mound delineated by a shallow ditch, we found four interments (three of them were non-looted), from which originated bone remains of eight individuals (three children and five adults of different sexes) of varying degrees of preservation. The burials were made in the period of the 5th–4th centuries BC – the turn of the eras; their sequence has been determined.

Svetlana V. Sharapova – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

Maxim A. Grachev – Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk)

E-mail: grachevma@archeonow.ru

Alla A. Perevozchikova – Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: allarevik@gmail.com

Artem S. Yakimov – Candidate of Geographical Sciences, Earth Cryosphere Institute, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: yakimov_artem@mail.ru

СЕВЕР ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ И СРЕДНИЕ ВЕКА

NORTH OF EURASIA DURING
THE ERA OF THE GREAT MIGRATION
OF PEOPLES AND THE MIDDLE AGES

А. Л. БЕЛИЦКАЯ, К. С. СМИРНОВ

ФРАГМЕНТЫ КОЛЬЧУГ НА ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

В научный оборот вводятся первые результаты исследования предметов защитного снаряжения, представленных фрагментами кольчуг, найденных на памятниках позднего железного века (вторая половина I тыс. н. э.) европейского Северо-Востока. В настоящее время известно 10 памятников, в инвентаре которых можно выделить 12 экземпляров кольчуг. Их появление в регионе, заселенном немногочисленными группами охотников-рыболовов, связано с проникновением из Прикамья групп мигрантов с развитой воинской культурой, оставивших курганные могильники V–VII вв. н. э. Интерпретация наличия кольчуг на поселенческих памятниках и грунтовом могильнике, не связанных с переселенцами из Прикамья, более сложна. Возможно, это маркер культурных контактов пришлого населения с группами местного — позднегладеновского и бичевнишского. Кольчуги представлены, за одним исключением, разорванными фрагментами, на могильниках они находились в погребениях взрослых и сопровождалась другими воинскими атрибутами. Изготовлены из круглой в сечении или расплюсченной проволоки, плетение «4 в 1». Внешний диаметр колец варьирует в пределах 0,7–1,2 см. Среди достаточно устойчивого массива находок техникой изготовления колец отличается фрагмент, найденный на Адаке, что связано, скорее всего, с более поздним его происхождением и принадлежностью к эпохе Средневековья. Все остальные памятники принадлежат позднему этапу эпохи Великого переселения народов. Однако и среди них есть локальные отличия, в частности, сечение проволоки и диаметр колец, вероятно, связанные с разными источниками продвижения мигрантов — с территории ломоватовской и неволинской культур верхнего Прикамья.

Белицкая Анастасия Леонидовна — Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар)

E-mail: belitskaia522@yandex.ru

Смирнов Константин Сергеевич — Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

E-mail: konstantin_smirnov_2000@bk.ru

Комплекс наступательных боевых средств можно разделить на две группы: профессиональное вооружение и «универсальные» предметы. Первые предназначались непосредственно для использования в военных столкновениях, тогда как универсальные могли использоваться и в быту. Наступательное вооружение представлено фрагментами мечей, кинжалами, должными ножами, наконечниками копий и стрел, боевыми топорами, которые следует рассматривать как предметы импорта, попавшие на территорию европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) во время Великого переселения народов вместе с иноэтничными милитаризованными группами населения, оставившими курганные могильники.

Наибольшее число предметов наступательного вооружения (12) было обнаружено на самом крупном, Боргангёльском, могильнике, 8 — на Веслянском I, 4 — на Сэбысьском, 3 — на Шойнаягском, 2 — на Вомынъягском, по одному на Эжольском и Юванаягском могильниках.

Все *мечи* фрагментированы, из-за чего невозможно сделать вывод об их размерах. Выделяется 5 экз. на Веслянском I, Боргангёльском, Вомынъягском и Шойнаягском могильниках. В могильной яме они располагались справа от погребённого, в районе нижней части тела, у ног.

Выделено два типа, отличающихся количеством лезвий, строением клинка меча и его переходом к рукояти.

Тип 1. Двухлезвийный с переходом от клинка к хвостовику под тупым углом, при котором основание клинка имеет подтреугольную форму и линзовидное поперечное сечение. Представлен один экземпляр на Борганьёльском могильнике.

Переход от клинка к хвостовику под тупым углом исключал возможность использования металлического перекрестия. Вероятно, для защиты руки или опоры использовалась деревянная рукоять с расширением, или кожаная обмотка рукояти [Малых, 2012, с. 187]. Такой тип мечей был широко распространен в III–IV вв. н. э. в Верхнем и Среднем Прикамье. Исследователи связывают его с представителями позднесарматской культуры, которые принесли мечи с подтреугольным основанием клинка на эту территорию. Аналогичные мечи можно найти в погребении 171 Тураевского могильника [Голдина, Бернц, 2010, с. 44] и погребении 129 Тарасовского могильника [Голдина, 2003, с. 47].

Тип 2. Однолезвийный, с клиновидным поперечным сечением. Представлен двумя фрагментами из погребений Веслянского I и Шойнаягского могильников.

Еще 2 фрагмента из Борганьёльского и Вомыньягского могильников не подлежат отнесению к какому-то типу из-за сохранности.

Общее количество *кинжалов* курганных некрополей ЕСВ — 12. На Борганьёльском могильнике найдено 4 экз., 3 — на Веслянском, 2 — на Сэбысьском, по одному на Эжольском, Юванаягском, Вомыньягском могильниках. Кинжалы располагались также как и мечи, преимущественно, с правой стороны от погребенного, у ног.

По способу перехода от клинка к рукояти, можно выделить два типа.

Тип 1. Двухлезвийный, переход от черешка к лезвию имеет два плавных выступа, прямое, равномерно сужающееся к острию клинка лезвие. Представлен фрагментами из Эжольского и Борганьёльского могильников.

Схожие кинжалы найдены в погребениях позднесарматской культуры: V/I Вербовского I и XXXIX/I Первомайского VII курганных могильников второй половины II — первой половины III вв. н. э. [Мамонтов, 2018, с. 156], в погребении 65 Тураевского I могильника [Голдина, Бернц, 2010, с. 223].

Тип 2. Однолезвийный с клиновидным поперечным сечением. Переход от рукояти к лезвию имеет один плавный выступ. Найдено 3 экз.: на Вомыньягском, Веслянском I и Юванаягском могильниках.

Аналогичные кинжалы обнаружены в Волго-Донском междуречье, в погребении XIV/3 Первомайского VII [Мамонтов, 2018, с. 156] и погребениях № 128, 131, 268 Тураевского I могильника [Голдина, Бернц, 2010, с. 357].

Еще 3 экземпляра из раскопок Борганьёльского могильника не подлежат отнесению к какому-то типу из-за сохранности.

На Юванаягском, Сэбысьском и Борганьёльском некрополях найдены рукояти кинжалов. Первая, размерами 2,3 × 9 см, прямоугольной формы с небольшим расширением у середины, которое предназначалось, вероятнее всего, для удобства хвата. Вторая иная — верх рукояти шириной 30 мм закруглен, переход к основанию — под прямым углом с обеих сторон, размеры рукояти 2–3 × 12 см. Декор третьей оформлен в виде геометрических фигур. Между третьей и четвертой линиями проходит ряд из десяти треугольников. Между четвертой и пятой линиями еще один — из семнадцати точек. Перпендикулярно

основанию наверхия расположены три линии, соединяющие основание наверхия с верхней линией.

В курганных могильниках ЕСВ найдено три фрагмента дольных ножей: на Боргань-ельском, Шойнаягском и Сэбысьском некрополях. В историографии за ними закрепилось название «ножи харинского типа» по этапу ломоватовской культуры, хотя справедливо отмечено, что к этой категории относятся четыре типа предметов с разной функциональной принадлежностью. Наличие дола обусловлено как необходимостью улучшения боевых качеств, так и декоративными причинами [Мингалев, 2006, с. 112–113].

Оружие найдено, преимущественно, в анатомическом порядке, как носилось при жизни, в погребениях взрослых, вероятнее всего, мужчин. Это небольшое по численности сообщество через территорию Верхнего Прикамья проникает на ЕСВ, принеся с собой не характерную для местного населения воинскую атрибутику. По способу размещения в погребении и ряду аналогий изделия имеют корни в сарматской воинской традиции. Небольшое количество мечей может свидетельствовать о высокой стоимости, что, в свою очередь, говорит о высоком социальном статусе владельца. Кинжалы, напротив, являются одной из наиболее многочисленных находок в курганных могильниках ЕСВ.

Библиографический список

- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. 2.
 Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск, 2010. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 17).
 Малых О. О. К вопросу о типологии длинноклинкового оружия Прикамья II–VII вв. н. э. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2012. № 8. С. 183–189.
 Мамонтов В. И. К вопросу об оружии ближнего боя сарматов // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. № 3. С. 153–158.
 Мингалев В. В. Дольные ножи // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2006. С. 112–119.

A. L. BELITSKAYA, K. S. SMIRNOV

FRAGMENTS OF CHAIN MAILS IN THE LATE IRON AGE SITES OF THE EUROPEAN NORTHEAST

The paper is the first publication of preliminary results of the study of protective armor represented by fragments of chain mails found in the late Iron Age sites (the second half of the 1st millennium AD) in the European Northeast. At present, we have information about ten sites, in the inventory of which it was possible to identify pieces of twelve chain mails. Their appearance in the region inhabited by small groups of hunters and fishermen was associated with the penetration of groups of migrants with a developed military culture from the Kama region, who left several 5th–7th centuries AD burial mounds. Interpretation of the presence of chain mails in the settlement sites and earth interments not associated with the migrants from the Kama region appears more complicated. This fact could serve as a marker of cultural contacts between the migrant population and the local groups, i. e. the Late Glyadenovo and the Bichevniki groups. The chain mails were represented, with one exception, by torn fragments, in the burial grounds they were found in the adults' interments and were accompanied by other military attributes. They were made of round or flattened wire, "4 in 1" weave. The outer diameter of the rings varied within the range of 0.7–1.2 cm. Within a fairly stable array of the finds, there was one fragment from the Adak region with a different ring-making technique, which was most likely due to its later origin and belonging to the Middle Ages period. All other sites were dated as the late stage of the Great

Migration of Peoples period. However, in that group of sites there were also some local differences, in particular, in the cross section of the wire and the rings diameter, which was probably related to different origins of the migrant groups, i. e. from the territories of the Lomovatovo and Nevolino cultures of the Upper Kama region.

Anastasia L. Belitskaya – Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)

E-mail: belitskaia522@yandex.ru

Konstantin S. Smirnov – Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

E-mail: konstantin_smirnov_2000@bk.ru

К. В. БИРЮЛЕВА

КЕРАМИКА ПЕРВОГО БОЯРКИНСКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

В докладе представлены результаты анализа сосудов первого бояркинского типа, обнаруженных на комплексе Проспихинская Шивера-IV, в слое поселения раннего железного века – Средневековья. Для керамики характерны простая закрытая форма; украшение верхней части тонкими налепными валиками, преимущественно гладкими; нанесение на плоскость венчика желобка, который либо украшался наколами, либо покрывался налепом. Немногочисленные аналогии этой керамике известны на ряде поселений региона, однако все они обнаружены в культурных слоях, датированных широким диапазоном дат. Первый бояркинский тип керамики выделен Л. П. Хлобыстиным на памятниках Таймырского Заполярья, где датирован второй половиной I тыс. – первыми веками II тыс. н. э. В Нижнем Приангарье датировка типа не может быть на данный момент определена уже, чем I тыс. н. э. В заключении отмечается своеобразие керамики первого бояркинского типа в многообразии тонковаликовой посуды региона.

Бирюлева Ксения Викторовна – Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск)

E-mail: KBiryuleva@sfu-kras.ru

На протяжении I тыс. н. э. в тайге Средней Сибири активно развивается традиция украшения керамических сосудов тонкими валиками. Развиваясь повсеместно, данная «мода» приводит к формированию в отдельных регионах специфических керамических типов, отличающихся между собой технологическими приемами изготовления и орнаментирования, формой и особенностями декора. Выделение устойчивых типов, определение их хронологической и территориальной дислокации дает возможность установить внутреннюю эволюцию развития традиции, и, как следствие, стать источником для изучения миграционных процессов и культурных контактов в регионе.

Большая часть выделенных типов локальна и редко распространяется на значительные территории. Так, сосуды усть-ковинского типа известны преимущественно на территории Нижнего Приангарья. Сосуды язаевского типа встречаются как в тайге Среднего Енисея, так и на Нижней Ангаре. Вместе с тем, северные границы ареала керамических типов до сих пор остаются не определены, что связано со слабой археологической изученностью территории. В этой связи несомненный интерес представляет на памятниках Нижнего Приангарья керамических сосудов первого бояркинского типа, выделенных Л. П. Хлобыстиным на территории Таймырского Заполярья.

Горшки первого бояркинского типа обнаружены исследователем на стоянках в долинах рек Хеты и Пясины. Сосуды первого бояркинского типа относятся, по мнению исследователя, к восточносибирской керамической традиции. От близкого усть-половинского типа их отличает митровидная форма, использование в орнаментации преимущественно нерасщепленных, треугольных в сечении, налепных валиков, а также особый прием оформления венчика, когда по плоскости вдоль среза наносился желобок, который затем заполнялся глиной, и по получившемуся налепу наносились неглубокие насечки [Хлобыстин, 1998, с. 127–128].

Во втором культурном слое комплекса Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье обнаружено девять сосудов 1-го бояркинского типа. Памятник располагался на правом берегу р. Ангары, в 1 км выше устья р. Коды, и сейчас затоплен водами Богучанского водохранилища. Второй культурный слой содержал нерасщепленные материалы раннего железного века и Средневековья, в числе которых большую часть составляли находки фрагментов керамики.

Рассматриваемые сосуды, относимые к первому бояркинскому типу, представлены небольшим количеством фрагментов, по которым возможно представить только профилировку верхней части емкостей. Все сосуды простой закрытой формы. В паре случаев устье их слегка профилировано, что связано, скорее, с технологическими особенностями формовки, нежели чем с намерением оформить шейку. Венчик у восьми сосудов прямой в сечении, у одного — приостренный. Орнамент из горизонтальных валиков покрывает верхнюю часть формы. На восьми сосудах валики гладкие, у одного — расщепленные насечками. На одном сосуде отмечена неорнаментированная зона шириной 2 см между рядами валиков. Характерная особенность оформления венчика в виде параллельного краям венчика желобка, описанная Л. П. Хлобыстиным на таймырской керамике, отмечена на всех сосудах коллекции. У одного сосуда изначально прямой в сечении венчик в результате оформления желобка был скошен, образовав приостренный край. Дальнейшее декорирование венчика могло оформляться двумя способами. Либо поверх желобка наносились параллельные наколы (6 экз.), либо — треугольный налеп, который мог дополнительно украшаться рядами насечек (3 экз.). В целом, для сосудов коллекции характерно единообразие форм и декоративных элементов, позволяющих рассматривать их в рамках керамического типа.

Хронологические рамки существования этой керамики основаны на косвенных признаках и не могут быть на имеющемся материале определены однозначно. Сосуды памятников Таймырского Заполярья датированы Л. П. Хлобыстиным второй половиной I тыс. — первыми веками II тыс. н. э. [Хлобыстин, 1998, с. 129], однако датировка их основана на эволюции керамических типов, без привязки к закрытым либо узко датированным комплексам. На других памятниках Нижнего Приангарья известны несколько горшков этого типа, представленные небольшими фрагментами венчиков и стенок сосудов. Все они обнаружены на поселениях в компрессионных культурных слоях, датированных в широком хронологическом диапазоне [Деревянко и др., 2015]. Эта же ситуация характерна для второго культурного слоя комплекса Проспихинская Шивера-IV. Единственная косвенная хронологическая привязка обнаружена на стоянке Итомиура, где сосуд рассматриваемого типа [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, рис. 4.5] обнаружен в рамках металлургического комплекса III–IV вв. н. э. [Мандрыка, Сенотрусова, 2014,

с. 115]. В целом, горшки первого бояркинского типа для Нижнего Приангарья пока невозможно датировать уже, чем периодом существования тонковаликовой керамической традиции — I тыс. н. э.

В заключении хотелось бы отметить особое место сосудов первого бояркинского типа в многообразии тонковаликовой керамики I тыс. н. э. региона Нижнего Приангарья. Особенности форм, орнаментальные композиции, технические приемы, характерные для типа, отличны как от керамики язаевского и усть-ковинского типов, сформировавшихся в регионе, так и для сосудов айканского типа, формирование которого связано с отрогами Восточного Саяна и южной границей Енисейского кряжа. Это же касается и отличий в структуре глинистого сырья и составе формовочных масс — для сосудов первого бояркинского типа характерна запесоченная ожелезненная глина и двухкомпонентный состав формовочных масс (глина + органический раствор) [Титова, 2013, с. 86–87].

Более полное изучение керамики первого бояркинского типа на территории Нижнего Приангарья, а также сравнение коллекций с материалами Таймырского Заполярья позволят раскрыть новые данные о характере и взаимовлиянии народов, живших на территории Енисейской Сибири в прошлом.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск, 2015.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 63–81.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Сыродутные горны Нижней Ангары: некоторые итоги изучения // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 110–121.
- Титова Ю. А. Технологические аспекты изготовления валиковой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2013. Вып. 6. С. 86–89.
- Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.

K. V. BIRYULEVA

CERAMICS OF THE FIRST BOYARKINO TYPE IN THE TERRITORY OF LOWER ANGARA REGION

The author presents the results of the study of the first Boyarkino type vessels found at the Prospikhinskaya Shivera-IV complex, in the Early Iron Age — the Middle Ages settlement level. The pottery had simple closed shape; decoration the upper part with thin plastic, mostly smooth, collars as; a groove on the rim surface either decorated with strokes or covered with plastic elements. A few vessels analogous to this pottery were found in a number of other settlements in the region, but all of them were found in the cultural levels with a wide range of dates. The first Boyarkino type ceramics was isolated by L. P. Khlobystin in the Taimyr Arctic sites, where it was dated as the second half of the 1st millennium — the first centuries of the 2nd millennium AD. At present, in the Lower Angara region, the dating of the type cannot be narrowed down more accurately than the 1st millennium AD. In conclusion, the author noted the uniqueness of the first Boyarkino type ceramics within a wide group of the thin-cylinder pottery of the region.

Ksenia V. Biryuleva — Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk)
E-mail: KBiryuleva@sfu-kras.ru

Р. И. БРАВИНА, Д. М. ПЕТРОВ, А. Н. ПРОКОПЬЕВА, Л. Ф. ИВАНОВА

**ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЯКУТСКОГО РОДОНАЧАЛЬНИКА
МАЗАРЫ БОЗЕКОВА (XVII — НАЧАЛО XVIII В.)**

Мазары Бозеков — одна из ярких исторических фигур Якутии XVII в. Крупное надмогильное сооружение, воздвигнутое на месте его погребения, сохранялось до начала XX в. в родовом могильнике тыгынидов — потомков «якутского царя» Тыгын Дархана — исторической личности конца XVI — первой трети XVII вв. В 1933 г. экспедиция Якутского музея произвела целенаправленные раскопки могилы Мазары, в результате которых было изъято 18 предметов. Коллекция сохранилась в фондах Якутского музея лишь частично, многие вещи считаются утраченными. В 2023 г. экспедиция Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в ходе разведочных работ обнаружила предполагаемую могилу Мазары Бозекова. В шурфе было обнаружено еще несколько артефактов, дополняющих предметный комплекс погребения, в том числе эмалированная пуговица-подвеска, послужившая основой для идентификации памятника. В ходе архивного поиска обнаружены другие необходимые для определения предметов из могилы свидетельства.

Бравина Розалия Иннокентьевна — д.и.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: bravinari@bk.ru

Петров Денис Михайлович — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: dbyrkyngaev@gmail.com

Прокопьева Александра Николаевна — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: sendiele@gmail.com

Иванова Лидия Федотовна — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: choicedream686@mail.ru

Кангаласский князец Мазары Бозеков являлся одним из самых влиятельных якутских тойонов XVII в. Он приходился внуком знаменитому Тыгын Дархану, его отец, Бозеко, был казнен как один из руководителей восстания 1642 г. Став родоначальником кангаласских якутов, Мазары последовательно проводил политику сотрудничества с казачьими властями. Известен Мазары прежде всего своими поездками в 1676 и 1680 гг. в Москву вместе с другими крупными якутскими тойонами для встреч с царем Федором Алексеевичем [Иванов, 2017, с. 6–30]. В результате этих поездок князцы добились прав на судебную деятельность и участие в сборе ясака, закрепили свое социальное положение и личные привилегии. Скончался Мазары в 1703 г. в преклонном возрасте.

Захоронение Мазары Бозекова интересно тем, что является одним из самых старинных погребальных памятников в Якутии, который можно привязать к конкретной исторической личности. Кроме этого, оно может послужить и как важный источник знаний по процессу интеграции якутской элиты в Русское государство, отразившегося в числе всего прочего и на материальной культуре якутского народа. Раздача казаками «подарочных товаров» была одним из распространенных методов установления связей с коренными жителями в ходе присоединения Сибири. В случае с Мазары Бозековым мы имеем дело с человеком, который был «обласкан» на самом высоком уровне, что предполагает наличие в предметном комплексе его захоронения весьма престижных и редких для Якутии XVII в. вещей.

Первое исследование погребения Мазары Бозекова было проведено в 1933 г. экспедицией Якутского областного музея [Новгородов, 1933], где указывается местность Тюекэй Быраана. В полевых документах говорится, что на вершине сопки располагалось большое двойное надмогильное сооружение. Саркофаг был обнаружен на глубине около 60 см. Внутримогильные конструкции состояли из саркофага и гроба, каждый из которых был покрыт берестой. Гроб состоял из двух отсеков: правая для человека и левая для сопроводительного инвентаря. В протоколе раскопок приведен список предметов, изъятых из могилы: «круглая пластинка; кусок бархата; шелковый тонкий шнур; кусок шелковой материи; 3 пуговицы и 3 запонки; остатки от металлического пояса; остатки от трусиков; запасная обувь с бисерным орнаментом; простая копченая обувь; колчан для стрел; стрелы 18 штук; батас; копьё; остатки лука; три перстня; костяная рукоятка ножа с ободком из металла с эмалевой инкрустацией; железный котел; симир; части седла со сквозным орнаментом» [Описания археологических раскопок..., 1933]. Никаких данных об изъятых антропологических материалах не приводится ни в дневниках и протоколах, ни в инвентарной книге музея.

В начале лета 2023 г. состоялся предварительный выезд на местность, где глава наслега Е. В. Исаков указал на местонахождение могил, раскопанных в 1933 г. Эта информация была передана ему от Потапа Николаевича Кузьмина, который будучи тринадцатилетним подростком принимал участие в этих раскопках [Исаков..., 2023]. В августе 2023 г. на местности Истээх Быраан (современное название) проведены разведочные работы, в ходе которых было выявлено пять западин. Поверх одной из них заложен разведочный шурф. В шурфе выявлено ранее раскопанное захоронение размером 300 × 180 см. Основные скопления остатков деревянных конструкций были вдоль южной и северной стенки ямы, на восточной стенке часто встречались остатки железных уголков, предположительно от гроба или саркофага. В юго-западном секторе шурфа найдены позвонки, плюсневые и предплюсневые кости человека. В ходе дальнейшей зачистки обнаружены ребра и зубы, расположенные хаотично. Весь собранный антропологический материал не может быть составлен в полный скелет человека, что говорит о том, что предыдущие исследователи постарались изъять весь костяк погребенного. Помимо антропологического материала обнаружены элементы конского снаряжения, пуговицы, железный нож и обрывки берестяных пластин.

В рукописном фонде Якутского научного центра СО РАН обнаружены фотографии и карандашные зарисовки авторов раскопок 1933 г. [Раскопки..., 1933]. Эти источники помогли в идентификации неатрибутированных предметов из фондов Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Е. М. Ярославского как происходящих из могилы Мазары Бозекова.

Библиографический список

- Иванов В. Н. Представители якутского народа на приеме у русского царя (1676 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 6–30.
- Исаков Егор Васильевич, 1960 г. р., глава СП «Жерский наслег» Хангаласского улуса РС (Я). Запись А. Н. Прокопьевой, 2023 г.
- Новгородов И. Д. Дневник археологических раскопок. 1 июня 1933 — 10 августа 1933 // Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Р1413. Оп. 1. Ед. хр. 2. 33 л.
- Описания археологических раскопок на территории Западно-Кангаласского района. 31 июля — 14 августа 1933 // НА РС(Я). Р1407. Оп. 1. Ед. хр. 28. 24 л.

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

Раскопки 1933 г. в Западно-Кангаласском улусе и сравнительный материал // Рукописный фонд
Архива СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 28. 18 л.

R. I. BRAVINA, D. M. PETROV, A. N. PROKOPIEVA, L. F. IVANOVA

MATERIAL COMPLEX FROM THE BURIAL OF THE YAKUT ANCESTOR MAZARY BOZEKOV (THE 17TH — EARLY 18TH CENTURY)

Mazary Bozekov was one of the brightest historical figures of Yakutia in the 17th century. A large gravestone structure erected at the place of his burial was preserved until the beginning of the 20th century in the ancestral burial ground of the Tygynids, the descendants of the “Yakut tsar” Tygyn Darkhan, an historical figure of the late 16th — first third of the 17th centuries. In 1933, the expedition of the Yakut Museum excavated the grave of Mazary, as a result of which 18 items were extracted. Only part of the assemblage was preserved in the funds of the Yakut Museum, many items were considered lost. During the 2023 reconnaissance survey, the expedition of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS discovered an interment that presumably was the Mazary Bozekov’s grave. Several more artifacts were found in the test pit, complementing the interment’s material complex, including an enameled pendant button, which served as the basis for the identification of the interment. In the course of the archival search, other evidence necessary for the identification of the items from the grave was found.

Rosalia I. Bravina — Doctor of Historical Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (Russia, Yakutsk)

E-mail: bravinari@bk.ru

Denis M. Petrov — Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (Russia, Yakutsk)

E-mail: dbyrkyngaev@gmail.com

Alexandra N. Prokopiieva — Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (Russia, Yakutsk)

E-mail: sendiele@gmail.com

Lidia F. Ivanova — Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (Russia, Yakutsk)

E-mail: choicedream686@mail.ru

Н. Г. БРЮХОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОГРАБЛЕНИЯ МОГИЛЬНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ)*

Доклад посвящен теме потревоженных (нарушенных) древних погребений. На примере трех разновременных средневековых могильников с территории Пермского Предуралья (Пермский край) автор пытается найти сходные и различные черты, характеризующие современное состояние памятников. Во всех описываемых могильниках фиксируются вкопы, совершенные позднее времени существования некрополя и разрушившие большое количество погребений. Во время раскопок отмечены кости людей, фрагменты керамики и предметов в междумогильном пространстве, разбитые и перемешанные кости в погребениях, отсутствие того количества вещей, которое наблюдается

* Работа выполнена по теме госзадания «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала», регистрационный № 124021500047-2 и за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека» (рук. Е. Л. Лычагина)

в нетронутых могилах, и т. д. Собранные факты реконструируют следы вмешательства людей в целостность могильной ямы, как свидетельства ограбления могильников.

Брюхова Наталья Геннадьевна — Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Россия, Пермь)

E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

За несколько веков после совершения захоронения с погребением происходят различные трансформации под влиянием природных или антропогенных факторов.

Современные археологи, занимающиеся раскопками древних некрополей, часто сталкиваются со следами нарушения целостности погребения другими людьми, а иногда неоднократного вскрытия могильной ямы. В современной зарубежной литературе такое явление называется *reopening graves* — открытие или вскрытие могил: «По всей Европе археологи раннего средневековья уже давно признали значительное количество могил, отображающих доказательства преднамеренного беспокойства после захоронения скелетов и артефактов» [Klevnäs et al., 2021, p. 1005].

В январе 2015 г. в г. Челябинске состоялся Всероссийский круглый стол «Археология древних ограблений и символических погребений». Одним из важных результатов собрания можно считать уточнение терминологии в отношении таких объектов: «В качестве наиболее адекватной и точной альтернативы предложен термин “потревоженные погребения”, соответствующий термину англоязычной археологии “disturbed burial”». Понятие «потревоженные (нарушенные) погребения» предлагается, как наиболее нейтральное, «поскольку не указывает на неизвестные исследователям мотивы вторжения» [Епимахов, Куприянова, 2015, с. 116]. Существующие проблемы фиксации и интерпретации потревоженных погребений отмечены и изложены в резолюции круглого стола. Возможности решения указанных проблем выражены в рекомендациях по работе с нарушенными погребальными комплексами [Яценко, Килуновская, 2016, с. 11–13]. Большое внимание в предложениях коллег уделяется полевой фиксации материалов.

Автор доклада много лет участвует в раскопках могильников, как археолог и как антрополог. И хорошо понимает важность детального освещения всех особенностей памятника сразу в полевых условиях. Нарушенное погребение требует пристального внимания и учета его специфичности на каждом этапе фиксации, расчистки ямы и сбора материала.

Коллеги рекомендуют употреблять термин «ограбленные погребения» только в случае, когда мотивы материальной наживы можно доказать полевыми материалами [Епимахов, Куприянова, 2015, с. 116]. Постараемся представить факты ограбления средневековых погребений на примере раскопок конкретных могильников с территории Пермского края.

Большое количество древних некрополей Пермского Предуралья нарушены грабительскими раскопками. Еще в 1897 г. Ф. А. Теплоухов писал: «В местах, заселенных некогда Пермскою чудью, несмотря на обилие вещественных памятников разного рода... не найдены до настоящего времени нетронутые могилы этого народа» [Теплоухов, 1897, с. 131–132].

Для описания свидетельств ограбления были выбраны могильники, в раскопках которых автор принимал участие, фиксировал состояние могильной ямы и составлял антропологические описания костных останков. В этот список попали Митинская курганная группа IV–VI вв. н. э., Демёнковский I могильник VII–IX вв. н. э., Плотниковский могильник XIII–XV вв. н. э.

Это памятники разных хронологических периодов и характеристик (курганный и грунтовые), что должно помочь найти схожие и различные черты в следах вторжения в погребения.

Митинский и Демёнковский могильники находятся в полях, которые долгое время подвергались распахке, Плотниковский могильник располагается на склоне залесенного холма, где нет следов пахоты.

При раскопках некрополей обнаружены общие черты. Очертания ям выглядели, как бесформенные темные пятна. В слоях междумогильного пространства находились отдельные кости людей и животных, фрагменты керамики, целые предметы или их части. В заполнении погребений встречаются углистые прослойки. При расчистке погребений большинство из них оказались нарушенными, с частично или полностью перевернутыми костяками. Кости людей в ямах располагались скоплениями компактными или разреженными, залегали на разной глубине, многие из них разбиты и фрагментированы. В некоторых могилах сохранились части скелета с ненарушенным анатомическим порядком. В ряде погребений обнаружены элементы скелета из соседних погребений. Количество вещей в потревоженных погребениях значительно меньше, чем в ненарушенных, при этом есть кости, окрашенные в интенсивный зеленый цвет там, где предметы отсутствуют.

Также есть и существенные различия в характеристике памятников. Самый поздний из могильников – Плотниковский, практически не имеет не разрушенных погребений, тогда, как раскопки самого раннего – Митинского курганного обнаружили лишь часть погребений, подвергшихся вмешательству. На Демёнковском могильнике встречаются погребения, сохранившие свою целостность, но в меньшем количестве, чем на более раннем Митинском. Очертания могил на Плотниковском некрополе наблюдаются визуально в виде отчетливых рядов западин, на двух других могильниках погребения на поверхности площадки не фиксируются. Вкопы в погребения Плотниковского могильника в большинстве случаев совпадают с первоначальными очертаниями ямы, на других могильниках вкопы имеют другую геометрию, отличную от изначальной ямы и иногда даже не совпадают по направлению условной оси. На Демёнковском могильнике зафиксированы две огромные ямы практически прямоугольной формы со сторонами более 2 м и глубиной от фиксации около 0,5 м. Ямы почти пустые, с парой фрагментов человеческих костей. На костях из погребений Плотниковского могильника отмечены следы от ударов острого, треугольного в сечении инструмента вроде кирки. В засыпи одной из ям этого же памятника было обнаружено доннышко штофа, изготовленного методом выдувания, возможно, оставленного скудельниками.

Таким образом выводы об ограблениях погребений уже после истлевания мягких тканей покойного сделаны на основании следующих признаков: отсутствие такого же количества вещей, что и в непотревоженных погребениях; наличие костей, окрашенных в зеленый цвет при отсутствии самих предметов; грубое обращение со скелетами (выброшенные и разбитые кости); наличие в могильных ямах вещей, более позднего времени, чем существование могильника; значительных масштабов разрушения некрополей.

Библиографический список

Епимахов А. В., Куприянова Е. В. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 3. С. 115–118.

- Теплоухов Ф. А. Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1897. Вып. 3. С. 131–151.
- Яценко С. А., Килуновская М. Е. Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб., 2016. С. –14. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. 46).
- Klevnäs A., Aspöck E., Noterman A., Van Haperen M., Zintl S. Reopening graves in the early Middle Ages: From local practice to European phenomenon // *Antiquity*. 2021. Vol. 95, iss. 382. P. 1005–1026.

N. G. BRYUKHOVA

**ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF GRAVE ROBBERIES
(ON THE MATERIALS OF MEDIEVAL SITES OF THE PERM CIS-URALS)**

The subject of the study was the problem of disturbed (damaged) ancient interments. Using the example of three asynchronous medieval burial grounds from the territory of the Perm Cis-Urals (the Perm region), the author examined the similar and different features characterizing the current state of the archaeological sites. In all the described burial grounds, there were signs of illicit excavations committed later than the time of the necropolis existence that destroyed a large number of the interments. During the excavations, the researchers observed human bones, fragments of ceramics and material items in the inter-grave areas, broken and mixed bones in the interments, as well as much lesser number of grave goods than in the untouched graves, etc. The collected facts reconstructed the traces of human interference in the integrity of the grave pits as the evidence of the burial grounds robbery.

Natalya G. Bryukhova – Institute for Humanistic Studies, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)

E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

С. П. ГРУШИН

**КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ УРОЧИЩЕ БАЛЧИКОВА 2, 3 В СЕВЕРНОМ АЛТАЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ***

Археологические исследования на курганных могильниках Урочище Балчикова 2, 3 в Северном Алтае были проведены в 2000 г. и продолжены в 2023 г. В ходе работ были выявлены объекты и материалы раннескифского, пазырыкского и тюркского времени. Визуально на территории памятника зафиксировано более 40 курганов, которые составляют два типа планиграфических групп. Цепочки объектов, ориентированные по линии юго-запад – северо-восток, по аналогии с планиграфией раскопанных могильников в долине Сентелека можно связать с пазырыкской принадлежностью. Вторая группа цепочек, ориентированная по линии юго-восток – северо-запад, может датироваться тюркским временем. Об этом свидетельствуют раскопанные курганы этого периода на территории могильника. Верифицировать выявленные планиграфические закономерности могильника Урочище Балчикова 2, 3 могут позволить геомагнитные исследования и непосредственные раскопки.

Грушин Сергей Петрович – д.и.н., Алтайский государственный университет (Россия Барнаул)

E-mail: gsp142@mail.ru

* Работа выполнена в рамках госзадания по проекту «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000)

Археологический комплекс Урочище Балчикова 2, 3 расположен на левом берегу р. Сентелек, на второй надпойменной террасе, в 3,4 км к юго-западу выше по течению реки от с. Сентелек Чарышского района Алтайского края. Получил известность, так как на нем расположен самый северный «элитный» курган пазырькской культуры. Курган и несколько каменных стел зафиксированы в 1991 г. П. И. Шульгой. Позднее на памятнике в период с 1991 по 2000 гг. была частично зачищена насыпь «элитного» кургана, раскопан и восстановлен ряд из 19 каменных стел к востоку от кургана. Исследовано пять средневековых курганов к северу-востоку от «элитного» [Шульга, Демин, 2021, с. 90–96].

В ходе работ в 2023 г. Международной археологической экспедиции Алтайского государственного университета раскопаны три кургана, два из которых оказались без погребения, один — с неграбленным захоронением человека в сопровождении лошади и барана VIII–IX вв. Кроме археологических раскопок в программу археологического изучения в прошедший полевой сезон входило обследование некрополя с целью определения его границ, составления топоплана. Исследования показали, что памятники Урочище Балчикова 2, 3 представляют собой один крупный могильник площадью около 25 гектар. Граница между памятниками условна. П. И. Шульга к памятнику Урочище Балчикова 3 отнес южную группу, включающую «царский» курган и окружающие его объекты. Памятник Урочище Балчикова 2 — курганы к северу и востоку от «царского» кургана. Границей между памятниками выступает небольшой лог, протянувшийся по линии северо-запад — юго-восток.

В 2023 г. визуально зафиксировано более 40 курганов. Часть курганных насыпей интенсивно распахиваются и в настоящее время, они представлены небольшими вытянутыми по линии распашки всхолмлениями высотой до 0,5 м со встречающимися камнями. Наиболее крупные объекты, высотой до 1,2 м — опахиваются, на некоторых из них по центру фиксируются грабительские ямы. Несомненно, что большая часть насыпей распахана или скрыта под слоем гумуса, мощность которого на этой террасе достигает до 1,5 м. С учетом этого, общее количество курганов на некрополе может достигать более 100 объектов.

Визуально фиксируемые курганы, а также раскопанные объекты были нанесены на топооснову, что позволило выявить некоторые особенности планиграфии могильника и особенности его формирования. Анализ показал, что курганы на могильном поле образуют несколько планиграфических групп в виде цепочек. Количество курганов в цепочках различно, от 2 до 7 объектов. По их направленности можно выделить два типа. Первый составляют цепочки, вытянутые по линии северо-восток — юго-запад, вдоль реки. Второй — цепочки, вытянутые по линии северо-запад — юго-восток, перпендикулярно реке. Исходя из планиграфии уже раскопанных курганов на могильнике, можно сделать определенные предположения о культурно-хронологической принадлежности визуально фиксируемых насыпей, составляющих планиграфические группы.

Исследованные средневековые курганы № 2–10, 12 составляют две планиграфические группы из трех и шести объектов, вытянутых по линии северо-запад — юго-восток. Такая ориентировка цепочек прослежена как минимум еще в пяти случаях. Можно предположить, что они относятся к раннесредневековому периоду. Аналогичное расположение и ориентация цепочек курганов отмечается для тюркских памятников Центрального Алтая [Кубарев, 2005, с. 12–13].

Как уже отмечалось выше, в настоящий момент времени на памятниках Урочище Балчикова 2 и 3 раскопаны только средневековые курганы, пазырькская принадлежность

«элитного» кургана документирована П. И. Шульгой, конструктивными особенностями объекта [Шульга, Демин, 2021, с. 90–96]. Не смотря на большую зачищенную площадь курганной насыпи и околокурганного пространства, находок пазырыкской культуры обнаружено не было. Тем не менее, цепочки курганов, вытянутые по линии юго-запад – северо-восток, могут быть связаны со скифским временем. Именно такую ориентировку отражают планиграфические группы раскопанных пазырыкских курганов в долине Сентелека. Так, на противоположном берегу реки от могильника Урочище Балчикова 3 исследован памятник Покровский Лог 5, на котором пазырыкские курганы располагались по линии юго-запад – северо-восток [Шульга, Демин, 2021, рис. 21]. Аналогичное расположение зафиксировано на могильнике Усть Теплая [Грушин, Шульга, Фрибус, 2022, с. 173–175].

«Пазырыкские» цепочки курганов на могильном поле тяготеют к западной и центральной части памятника, «тюркские» – к центральной и восточной части. «Пазырыкский» некрополь развивался, вероятно, с юго-востока на северо-запад. Цепочка с «элитным» курганом в этом случае наиболее ранняя. Тюркский некрополь формировался с запада на восток, в определенном смысле пристраиваясь к визуально наблюдаемым в тот период времени более ранним курганам раннего железного века.

В заключении отметим, что реальная планиграфическая ситуация может оказаться гораздо сложнее. Так, с могильника Урочище Балчикова 3 происходит «оленный камень», обнаруженный на пашне, и, очевидно, смещенный со своего первоначального местоположения [Шульга, Демин, 2021, с. 45], поэтому часть курганов могут относиться к этому культурно-хронологическому комплексу, не исключено, что под мощным гумусированным слоем могут находиться и более ранние курганы, например, афанасьевской культуры, которые в большом количестве исследованы в регионе, в том числе в долине Сентелека. Несомненно, что верифицировать выявленные планиграфические закономерности могильника Урочище Балчикова 3 и 2 могут позволить геомагнитные исследования и раскопки.

Библиографический список

- Грушин С. П., Шульга П. И., Фрибус А. В. Некоторые итоги и перспективы исследования памятника Усть-Теплая в Северном Алтае // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск, 2022. С. 173–175.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
- Шульга П. И., Демин М. А. Курганы Сентелека. Новосибирск, 2021.

S. P. GRUSHIN

BURIAL MOUNDS OF UROCHISHCHE BALCHIKOVA 2, 3 IN THE NORTHERN ALTAI: SOME PLANOGRAPHIC SINGULARITIES OF FORMATION

Archaeological research on the burial mounds of Urochishche Balchikova 2, 3 in the Northern Altai was conducted in 2000 and continued in 2023. During the excavations, we discovered objects and materials of the Early Scythian, Pazyryk and the Turkic periods. Visually, more than 40 mounds have been recorded in the territory of the site that make up two types of the planographic groups. The chains of objects oriented along the southwest – northeast line, by analogy with the planography of the excavated burial grounds in the Sentelek valley, could be associated with the Pazyryk period. The second group of chains, oriented along the southeast – northwest line, may date back to the Turkic time. This was evidenced by the excavated mounds of this period in the territory of the burial ground. Geomagnetic studies and

direct excavations can verify the identified planographic patterns of the Urochishche Balchikova 3 and 2 burial grounds.

Sergey P. Grushin – Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)
E-mail: gsp142@mail.ru

Г. К. ДАНИЛОВ Д. В. ГЕРАСИМОВ, С. Л. ВАРТАНЯН, В. И. ЦЫГАНКОВА

«КУЧЕРОГИ» — АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН АРКТИКИ. ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ТРАДИЦИИ

«Архитектурные» формы в виде трехмерных сложений, в которых парные рога северного оленя использованы как основной конструктивный элемент, получили широкое распространение в этно-археологическом ландшафте арктической и субарктической областей Евразии. Этот феномен, имеющий широкую, но прерывистую географию, служит неотъемлемым элементом культурной мозаики от глубокой древности и до наших дней. Несмотря на яркость форм, обсуждаемый тип памятников можно отнести к слабо изученным. В докладе делается попытка обобщить литературные данные (по Кольскому полуострову, Западной Сибири) и полевые материалы, собранные на Чукотке.

Данилов Глеб Константинович – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: gleb.danilov.spb@gmail.com

Герасимов Дмитрий Владимирович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: dger@kunstkamera.ru

Вартанян Сергей Левонович – к.г.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)
E-mail: sergey-vartanyan@mail.ru

Цыганкова Валерия Игоревна – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан)
E-mail: tsigankova.valeriya@mail.ru

«Архитектурные» формы в виде трехмерных сложений, в которых парные рога северного оленя использованы как основной конструктивный элемент, получили широкое распространение в этно-археологическом ландшафте арктической и субарктической областей Евразии. Этот феномен, имеющий широкую, но прерывистую географию, служит неотъемлемым элементом культурной мозаики от глубокой древности и до наших дней. Несмотря на яркость форм, обсуждаемый тип памятников можно отнести к слабо изученным. Эта публикация – попытка обобщить литературные данные (по Кольскому полуострову, Западной Сибири) и полевые материалы авторов, собранные на Чукотке.

На протяжении XVIII–XX вв. святилища, построенные из рогов оленя на территории России, в основном отмечались в трех регионах: на Кольском полуострове, севере Западной Сибири и на крайнем Северо-Востоке Азии. Сохранившиеся объекты схожи по своей морфологии – парные рога образуют объемное сложение конической или шарообразной формы. Полнота источниковедческой базы разнится: наиболее ранние упоминания о «кучерогах» относятся к северу Ямала и острову Колгуев [Барышев, 2011], позднее описаны

схожие сооружения на Кольском Севере и Чукотке [Богораз, 1939; Чарнолуский, 1966]. Сохранность объектов и контекста сильно различны. Наиболее полноценно (на сколько это возможно) конструкции сохранились в зоне вечной мерзлоты с наименьшим хозяйственным освоением — в тундрах Чукотки. Святилища Западной Сибири претерпели волну разрушений, связанную с христианизацией ненецкого населения в XIX в. Памятники (рога, сложенные в кучу), известные по этнографическим источникам на Кольском полуострове и отождествляемые с саамским этносом, не сохранились до наших дней, как и сама традиция. При всем этническом разнообразии рассматриваемые территории объединены культурными параллелями: исчезновением охоты на дикого оленя как основной формы хозяйства и появлением позднейшей адаптации — оленеводства.

Относительно слабая изученность полярных регионов (особенно восточных территорий), создание и существование обсуждаемых объектов вне поселенческого контекста наложили свой отпечаток. На сегодняшний день изучение таких памятников ограничено этнографическими описаниями, незначительными археологическими раскопками на материковой и островной частях Западной Сибири и на Чукотке. Авторы исследований, основываясь на типологии найденных предметов и оперируя письменными источниками, датируют археологические комплексы, включающие сложения из рогов, в интервале конец I тыс. н. э. — современность [Барышев, 2011; Диков, 1993]. Отдельно стоит отметить отсутствие определений абсолютного возраста, полученных непосредственно по остеологическому материалу конструкций и органике из культурного слоя.

Проведенные в 2011–2021 гг. исследования на западной Чукотке выявили серию разных по своей морфологии объектов, сложенных из рога. Это позволило создать первичную классификацию, выделив основные типы конструкций. С применением ГИС технологий был проведен анализ геоморфологической и пространственной привязки сооружений. Наиболее распространенную группу памятников составили «кучероги» — шарообразные сложения, где парные рога оленя уложены особым способом «в замок», при этом нижний ярус часто бывает придавлен камнями. Среди материала постройки изредка встречаются рога лося. Рядом можно обнаружить предметы быта, фрагменты древесины, черепа хищников. Количество задействованных для постройки пар рогов варьирует от десятков до сотен. Иную группу сложений составляют рога, свободно уложенные на субстрат в горизонтальной плоскости ветвями вверх и иногда дополнительно придавленные камнями. Силуэты таких кладок различаются своей формой, размерами и сохранностью. Среди зафиксированных конструкций некоторые имеют архаичный облик, когда ветви рогов сохранились лишь в виде незначительных остатков, выступающих между элементами кладки. На исследованной территории было выявлено семь ритуальных куч рогов оленя. Во всех случаях они ассоциированы с другими объектами разных типов. Наиболее внушительное и знаменитое святилище Тынмай было описано в конце XIX в. В. Г. Богоразом, а позже обследовано В. С. Тарховым и Н. Н. Диковым [Диков, 1977]. Сооружение находится на берегу Малого Чаунского пролива, на западном побережье острова Айон. Занимает центральное положение на мысовидном выступе термоэрозионного вреза временного водотока. Конструкция представляет из себя асимметричную полусферу. Диаметр постройки составляет около 8 м, а высота достигает 2,5 м.

Для ряда конструкций типа «кучерог», связываемых исследователями с чукотским этносом, были получены первые радиоуглеродные датировки, укладываемые в интервал

V в. н. э. — современность. Для сложенных, выполненных в плоскости на субстрате, предполагаются более широкие хронологические рамки: II тыс. до н. э. — X в. н. э. Можно предположить, что на протяжении второй половины I тыс. н. э. на территории Западной Чукотки происходит смена этносов.

Выявленная схожесть традиций складывать рога определенным образом на обособленных территориях обширных арктических пространств позволяет провести некоторые параллели. По всей видимости эта вариация конструкций — финальная стадия феномена роговой «архитектуры», зародившаяся на переходе от охоты на дикого оленя к его одомашниванию. Этнографические данные о предпочтении использования рогов дикаря для подношения к святилищам схожего типа также указывают на древние корни традиции. Полученные результаты дают возможность наметить тонкий пунктир в понимании региональных этнокультурных трансформаций, изучении механизмов и определении хронологических рамок становления выпаса оленя как основной формы хозяйства в тундровой и лесотундровой зоне Евразии.

Библиографический список

- Барышев И. Б. Языческие святилища острова Вайгач. М., 2011.
 Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. 2: Религия.
 Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977.
 Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993.
 Чарнолуцкий В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин, 1966. Вып. 11. С. 301–315.

G. K. DANILOV D. V. GERASIMOV, S. L. VARTANYAN, V. I. TSYGANKOVA

ANTLER HEAPS — THE ARCHITECTURAL PHENOMENON OF THE ARCTIC. TIME, SPACE, TRADITIONS

“Architectural” structures in the form of three-dimensional piles, in which paired reindeer antlers were used as the main structural element, have been well known in the ethno-archaeological landscape of the Arctic and subarctic regions of Eurasia. This phenomenon, with an extensive, although discontinuous geography, has been an integral element of the cultural mosaic from the ancient times to the present day. Despite its visual distinction, this type of sites still belongs to the group of poorly studied objects. The paper is an attempt at summarizing the available publications (on the Kola Peninsula, Western Siberia) and the field materials collected in Chukotka.

Gleb K. Danilov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: gleb.danilov.spb@gmail.com

Dmitry V. Gerasimov — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: dger@kunstkamera.ru

Sergey L. Vartanyan — Candidate of Geographical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)

E-mail: sergey-vartanyan@mail.ru

Valeriya I. Tsygankova — N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan)

E-mail: tsigankova.valeriya@mail.ru

О. В. ДЬЯКОВА

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ МОХЭСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА РАЗДОЛЬНОЙ В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ

В докладе на основе полевых и архивных источников предлагается картирование, классификация и датировка северо-западной группы мохэских памятников бассейна р. Раздольной в Южном Приморье, которая является связующей водной артерией Маньчжурии и Приморья. Мохэские памятники представлены тремя типами: селища (поселение), городища и могильники. Появление на мохэских памятниках железных ножей с прямой спинкой и керамики польцевского типа указывают не только на раннюю датировку мохэских памятников, но и на внедрение в мохэскую культуру польцевцев. Датировются мохэские памятники по ^{14}C V в. н. э.

Дьякова Ольга Васильевна — д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

E-mail: emelianova49@mail.ru

Появление мохэской культуры на Дальнем Востоке, являющейся праматерью тунгусо-маньчжурских этносов, связано с эпохой Великого переселения народов. Северо-западная группа памятников расположена в верхней части бассейна Раздольной, представлена семью объектами: Константиновское-1 поселение; Константиновское-2 селище; Константиновское селище; Таловское укрепление (Новогеоргиевка 2); Городище Синельниково-1; Укрепление Новогеоргиевка 3; Могильник Чернятино-5.

Выделяется тремя типами памятников: селища (поселение), городища и могильники. Селища (поселение) — по площади крупные, по характеру постоянные, по геофизике долинные, приречные. Стратиграфия многослойных поселений фиксирует их периодизационное положение мохэского слоя между кроуновским (VIII в. до н. э. — III в. н. э.) и бохайским (VII–X вв.). Датировка по ^{14}C мохэского жилища № 5 Константиновского-1 поселения дает дату не ранее 460 г. н. э. Городища по геоморфологической характеристике относятся к мысовому типу, по форме — дугообразные; по площади — малые; по планиграфии — простые, нетеррасированные; без «запретного» города; по фортификации — с валом и рвом; по функциональному назначению — жилое. По фортификационным традициям (мысовое) и наличию в слое лепных мохэских сосудов (категория I, тип 1) соответствует найфельдской группе мохэской культуры и датировются по ^{14}C не ранее 440 г. Могильник один (Чернятино-5) с ямными захоронениями, датировается по ^{14}C не ранее 430 г. Наличие в мохэских комплексах амфоровидных сосудов и сосудов с косым устьем, происхождение которых связано с керамикой Восточной Цзинь (317–371 гг.), Суй (589–618 гг.), культурой тунжэнь, позволяет утверждать, что северо-западная часть бассейна р. Раздольной, приграничная с Китаем, была заселена мохэсками к концу первой трети V в. Керамический комплекс по орнаментике соответствует найфельдскому варианту мохэской культуры, содержавшего польцевскую и мохэскую традиции. Появление на мохэских памятниках железных ножей с прямой спинкой польцевского типа так же указывает не только на раннюю датировку памятников, но и на внедрение в мохэскую культуру польцевцев. Следует отметить, что поселения, городища и могильники представляли собой англомерат и каждому объекту отводилась конкретная роль. Территория защищалась и контролировалась мысовыми укреплениями.

O. V. DYAKOVA

CLASSIFICATION AND CHRONOLOGY OF THE NORTHWESTERN GROUP OF MOHE SITES OF RAZDOLNAYA BASIN IN THE SOUTHERN PRIMORYE

Based on the field and archival sources, the author presents the mapping, classification and dating of archaeological sites of the northwestern group of Mohe sites in the basin of the Razdolnaya River in Southern Primorye that served as the connecting waterway between Manchuria and Primorye. Mohe sites were represented by three types, including villages (settlements), hillforts and burial grounds. The occurrence of straight-backed iron knives and Poltsevskaya-type pottery in Mohe sites indicated both the early dating of Mohe sites, and the introduction of Poltsevskaya population into the Mohe culture. According to ^{14}C dates the Mohe sites belonged to the 5th century AD.

Olga V. Dyakova – Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the RAS (Russia, Vladivostok)

E-mail: emelianova49@mail.ru

В. М. ДЪЯКОНОВ

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕДВЕЖЬИХ ОСТРОВОВ (ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ АРКТИКА)

Первые следы присутствия человека на Медвежьих островах относятся к неоплейстоцену. В I–II тыс. н. э. они были заселены носителями древнеберингоморской культуры и других культур неозскимосской традиции, оставившими здесь жилища-полуземлянки, а также разнообразный археологический материал и фаунистические остатки. В XVII–XIX вв. острова стали объектом внимания российских властей, геодезистов, промышленников и полярных исследователей. Свой вклад в повторное открытие островов внесли Я. Вятка, Я. Пермяков, И. Вилегин, Ф. Амосов, И. Леонтьев, И. Лысов, А. Пушкарёв, Ф. П. Врангель и др. С 1933 по 1995 гг. на Четырёхстолбовом острове функционировала советская полярная станция, сотрудники которой провели любительские раскопки некоторых древнеозскимосских жилищ. Полученные материалы были опубликованы Н. А. Береговой и В. М. Раушенбах. В 1995 г. здесь же работали археологи под руководством Ю. А. Мочанова. Рекогносцировочные работы, проведенные якутскими археологами в 2021 г., показали высокую научную перспективность дальнейших исследований этих необитаемых ныне арктических морских островов, являвшихся базовыми в освоении бескрайних просторов Высокоширотной Арктики.

Дьяконов Виктор Михайлович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: arkh_muz@mail.ru

Медвежьи острова – архипелаг необитаемых ныне арктических островов, расположенных в Восточно-Сибирском море, имеющих захватывающую по своей динамике историю освоения. Архипелаг включает шесть островов, удаленных от материка приблизительно на 50–100 км: Крестовский, Леонтьева, Пушкарёва, Андреева, Лысова и Четырёхстолбовой.

Первые следы присутствия человека здесь в виде каменного наконечника типа чиндадн относятся к неоплейстоцену, когда эти острова еще были частью Западной Берингии. Острия типа чиндадн характерны культуре Ненана на Аляске, что является одной из наиболее характерных аналогий материальных комплексов верхнего палеолита Азии и Америки [Питулько, 2019, с. 125].

Обособившись в голоцене в качестве морского архипелага, тем не менее, эти острова по-прежнему привлекали людей. Яркой страницей истории островов стал эпизод их заселения представителями древнеберингоморской культуры, как минимум, в первых веках нашей эры, а далее носителями других культур неозскимосской традиции. Они оставили здесь многочисленные следы в виде полуподземных жилищ, построенных из бревен плавникового дерева, каменных плит и пластов дерна.

Судя по письменным источникам, начиная с XVII в. происходило постепенное повторное открытие Медвежьих островов, сначала русскими казаками-мореходами, промышленниками и купцами, затем в XVIII в. геодезистами, которые нанесли их на карту Российской империи, и полярными исследователями в XVIII — начале XX вв. С самого начала всеми ими отмечалось, что на островах имеются заброшенные жилища, строения и другие следы пребывания там неведомых людей, которых ассоциировали с легендарными шелагами или анкалами (онкилонами).

Фердинанд Врангель и его спутники, побывавшие в 1820 г. на Медвежьих островах, нашли на них, кроме остатков старых жилищ, старое весло с двумя лопастями, два санных полоза, несколько оленьих рогов и человеческие кости [Береговая, 1954, с. 289–290].

В 1912 г. Медвежьи острова были исследованы в рамках Гидрографической экспедиции 1910–1915 гг. на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». На Четырёхстолбовом и Крестовском были обнаружены свидетельства присутствия людей: остатки юрт, полусгнившие лыжи, кусок выделанной оленьей шкуры и фрагмент ножа или резца с железным лезвием [Бурькин, 2017, с. 67].

В 1925 г. возле Четырёхстолбового острова прошла зимовка шхуны «Мод» норвежской экспедиции под командованием Оскара Вистинга. Члены экспедиции, между прочим, нашли остатки жилищ, представлявших холмики с провалом посередине, по три на западной и южной сторонах острова. Близ южных холмиков было разбросано много тюленьих костей, черепков глиняной посуды, несколько обломков каменных ножей, два наконечника копья из камня и два наконечника гарпунов из моржовой кости [Свердруп, 1930, с. 211–212].

С 1933 по 1995 гг. на Четырёхстолбовом острове функционировала постоянно действующая советская полярная станция. Сотрудники станции А. М. Сырчин и Н. В. Андреев провели здесь любительские раскопки некоторых древнеэскимосских землянок, коллекции материалов из которых, переданные в Эрмитаж и Государственный исторический музей, опубликованы Н. А. Береговой [1954] и В. М. Раушенбах [1969].

В 1995 г. на острове Четырёхстолбовый провела разведочные работы Приленская археологическая экспедиция Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук Республики Саха (Якутия) под руководством Ю. А. Мочанова. Сотрудникам экспедиции удалось обнаружить там материал, относящийся к каменному веку (каменные наконечник стрелы и острие типа чиндадн), а также провести небольшие раскопки некоторых жилищ. Эти материалы до сих пор не опубликованы, хотя данные локации (Четырёхстолбовой I–VI) попали на карту археологических памятников Северо-Восточной Азии, обследованных Приленской археологической экспедицией [Мочанов, 2010, рис. 10].

В 2020 г. территория архипелага Медвежьих островов была включена в состав государственного природного заповедника «Медвежьи острова», созданного как структурное подразделение национального парка «Ленские столбы». В 2021 г. силами сотрудников

Института биологических проблем криолитозоны СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия), национального парка «Ленские столбы», государственного природного заповедника «Медвежьего острова» на территории заповедника проведена комплексная экспедиция. Археологические рекогносцировочные работы были сосредоточены на Четырёхстолбовом острове — самом отдаленном от суши, где было зафиксировано девять жилищ древнеэскимосских культур полуземляночного типа с разнообразным археологическим материалом, а также фаунистическими остатками. Среди находок — множество фрагментов керамики, каменные шлифованные орудия, костяные и деревянные предметы, фрагменты костей и обрезки шкур морских млекопитающих, белых медведей, собак и песцов [Дьяконов, Ягловский, 2021].

Медвежий остров, начиная с охотников на мамонтов и морских арктических зверобоев, заканчивая полярными исследователями и мореходами Северного морского пути, являлись базовыми в освоении бескрайних просторов Высокоширотной Арктики.

Библиографический список

- Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырёхстолбовом // Советская археология. 1954. Вып. 20. С. 288–312.
- Бурыйкин А. А. Проблемы этнографического изучения и задачи археологических исследований следов пребывания коренных жителей побережья Северного Ледовитого океана на Медвежьих островах // Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири. Тюмень, 2017. С. 65–68.
- Дьяконов В. М., Ягловский А. С. Результаты рекогносцировочных работ на территории архипелага Медвежий остров в Восточно-Сибирской Арктике в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 414–418.
- Мочанов Ю. А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России). Якутск, 2010. Т. 1.
- Питулько В. В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб., 2019. С. 103–136.
- Раушенбах В. М. Новые находки на Четырёхстолбовом острове. М., 1969. (Труды Государственного исторического музея; вып. 35).
- Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Л., 1930.

V. M. DYAKONOV

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE BEAR ISLANDS (EAST SIBERIAN ARCTIC)

The first traces of human presence on the Bear Islands date back to Neo-Pleistocene. In the 1st – 2nd millennium AD, they were inhabited by the Old Bering Sea and other cultural groups of the Neo-Eskimo tradition, who left some semi-pithouses, as well as a variety of archaeological material and faunal remains. In the 17th – 19th centuries, the islands fell into the sphere of interest of the Russian authorities, surveyors, industrialists and polar explorers. Several explorers contributed to the rediscovery of the islands, including Ya. Vyatka, Y. Permyakov, I. Vilegin, F. Amosov, I. Leontiev, I. Lysov, A. Pushkarev, F. P. Wrangel et al. From 1933 to 1995, a Soviet polar station operated on Chetyrehstolbovy Island, whose staff conducted amateur excavations of some ancient Eskimo dwellings. The obtained materials were published by A. Beregovaya and V. M. Rauschenbach. In 1995, the same area was excavated by archaeological expedition

supervised by Yu. A. Mochanov. The reconnaissance survey carried out by the Yakut archaeologists in 2021 showed the high research value of further excavations on these currently uninhabited Arctic sea islands, which served as the basis for colonization of the vast expanses of the High-latitude Arctic.

Viktor M. Dyakonov – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: arkh_muz@mail.ru

К. К. ЕРМАКОВА, О. В. КАРДАШ

«СВЯЩЕННАЯ КЕДРОВАЯ РОЩА» — МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (IV–VIII ВВ.) В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ

На севере Западной Сибири известно не более десятка могильников эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв.). Погребальный инвентарь на изученных памятниках достаточно слаб, а погребения индивидов высокого социального статуса исчисляются единицами. Однако в ходе археологических исследований могильника «Священная кедровая роща», было обнаружено 62 погребения с останками 70 индивидов, 76 % из которых принадлежат индивидам высокого социального статуса, отличающиеся представительным и разнообразным вещевым комплексом, включающим предметы и керамику различных археологических культур Среднего и Нижнего Приобья.

Ермакова Ксения Кирилловна – Сургутский государственный университет; АНО «Институт археологии Севера» (Россия, Сургут; Нефтеюганск)

E-mail: xeniya954@mail.ru

Кардаш Олег Викторович – к.и.н., Сургутский государственный университет; АНО «Институт археологии Севера»; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

На севере Западной Сибири погребальных памятников эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв.) известны единицы, а стационарными раскопками исследовано около пяти. Наиболее известен могильник Рёлка. В 1950–1970-е гг. было изучено 56 погребений. Из них половина не содержали инвентаря, или ограничивались сосудом. К погребениям высокого социального статуса относятся четыре. Близ Тюмени изучался синхронный Козловский могильник. При его раскопках в 1950–1960-е гг. и в 2000-е гг. было изучено 76 погребений. К условно элитным захоронениям можно отнести шесть, но маркирующий статус предмет присутствовал в единственном экземпляре.

Также к раскопанным могильникам этого периода относятся Зеленый Яр, Барсовский V [Зыков, 2012], Усть-Тара VII, могильник Бухта Находка 2. При изучении в каждом вскрыто не более 20 захоронений. Их объединяет малая глубина, берестяной саркофаг, а также наличие сосуда у головы или ног.

В 2013 г. начаты исследования археологического ансамбля «Священная кедровая роща», включающего поселение Кинтусовское 13 (II–I тыс. до н. э.), могильник Священная кедровая роща (середина IV – начало VIII вв.) и святилище Сотэм-тэ-ики (XII–XIII – середина XX вв.). Раскопки памятника с перерывами продолжаются по сей день. В результате раскопок выявлено 62 погребения с останками 70 индивидов, связанный с ними поминальный комплекс, а также святилище, возникшее на месте захоронений [Кардаш, 2017; 2019; Гайдакова, 2019].

Половозрастной состав: определялся на основании погребального инвентаря и одонтологических материалов [Слепченко, Слепцова, 2019]. Из 70 человек удалось определить пол у 38 индивидов: 25 погребений являются женскими и 13 — мужскими. Возраст удалось определить у 36 индивидов: 12 погребений в возрастных рамках 0–12 лет, 15 погребений индивидов 12–24 лет и 9 погребений с индивидами старше 24 лет, максимальный зафиксированный возраст — 35–50 лет.

Имущественный статус: 76 % погребений (53 индивида) высокостатусные. Выделяются три группы: вождеские захоронения (оружие, ременные гарнитуры и шейно-грудные украшения) — 32; воинская элита — 8 (оружие без шейно-грудных украшений); элитные погребения (головные украшения) — 13. Остальные 17 (24 %) — общинные (керамический сосуд, нож и иногда — малые бронзовые украшения).

Погребальный обряд: могильник расположен в прибрежной зоне озера Сырковый Сор. Выделяются четыре группы погребений с устойчивой ориентировкой: первая по оси юг-восток — северо-запад, ногами к озеру; вторая группа, включающая наиболее богатые захоронения северо-восток — юго-запад; третья группа — строго по оси север — юг, головой на юг; четвертая группа — запад — восток. Погребения имеют глубину 0,2–0,4 м и не выраженные очертания. Тело в меховом костюме с украшениями (при наличии) укладывалось в полный рост в берестяной саркофаг. В голове или ногах — круглодонный сосуд, диаметром не более 15 см. Зафиксировано несколько индивидов с «мертвыми путями» — ногами связанными поясными ремнями.

Поминальный комплекс: составляют кострища, а также наконечники стрел, ножи, керамика и украшения. Всего было обнаружено 40 наконечников, часть была воткнута в землю. Близ «жреческого» погребения были найдены две драхмы персидского шаха династии Сасанидов — Хосрова II Парвиза (594–595 и 617–618 гг.), рядом с погребением жены вождя был найден комплекс украшений из бронзы и стеклянных бус. Все предметы поминального комплекса были закопаны.

Культурно-хронологическая принадлежность могильника определена на основании радиоуглеродного датирования образцов из 12 погребений [Нестеров, 2019]. Временной интервал функционирования могильника обоснован датами 352 ± 25 и 382 ± 35 гг., то есть серединой — концом IV в.; верхняя дата — 617–618 (монета) и 683 ± 35 гг. В целом можно определить, что могильник функционировал со второй половины (конца?) IV в. до рубежа VII–VIII вв., или начала VIII в.

На основании сравнительно-типологического анализа керамическая посуда и ряд предметов уверенно идентифицируются с *карымским* (IV–V вв. или вторая половина IV — начало VI вв.), *зеленогорским* (VI — начало VII вв.), *релкинским* (конец VI — VII вв.) и *кучиминским* (VIII–IX вв.) этапами *обь-иртышской* культурно-исторической общности.

В соответствии с общей европейской периодизацией интервал с середины IV по начало VIII вв. соотносится с финалом позднего *латена* или началом вторжения *гуннов* (до 476 г.) и раннему Средневековью (с 486 г.) до финала *Великого переселения народа* — расселения славян. Соотнесение с понятием раннее Средневековье (до XII в.) в контексте европейской периодизации не кажется очевидным.

С конца VI в. в составе погребального инвентаря увеличивается количество предметов персидского и тюркского происхождения. Представляется логичным формировать периодизацию археологических памятников народов *обь-иртышской* культурно-исторической

общности в период с середины IV в. по начало VIII в., в соответствии с событиями *Великой степи* — образованию империи гуннов (около 209–469 гг.) и образованию раннего (около 552–603 гг.) и позднего (около 682–742 гг.) Тюркских каганатов.

Результаты раскопок могильника Священная кедровая роща полноценно еще не введены в научный оборот. На сегодня это один из крупнейших памятников эпохи Великого переселения народов, отличающийся наиболее представительным вещевым комплексом. Учитывая исследования синхронных могильников, отметим, что представленный памятник можно считать базовым для анализа и оценки исторических процессов, периодизации археологических культур и народов Севера Западной Сибири.

Библиографический список

- Гайдакова З. Г. Отчет о НИР «Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия ансамбля “Священная кедровая роща” в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2019 году». Нефтеюганск, 2020.
- Зыков А. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Кардаш О. В. Отчет о НИР «Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия “Могильник “Священная кедровая роща” в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 году». Нефтеюганск, 2017.
- Кардаш О. В. Отчет о НИР «Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия ансамбля «Священная кедровая роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 году». Нефтеюганск, 2019.
- Нестеров Е. М. Научно-технический отчет «Радиоуглеродное датирование образцов из археологических памятников Ансамбль “Священная Кедровая Роща”, городище Каюково 2» (заключительный). СПб., 2019.
- Слепченко С. М., Слепцова А. В. Отчет о научно-исследовательской работе по обработке антропологического материала из могильника «Священная кедровая роща». Раскопки 2016–2018 годов. Тюмень, 2019.

К. К. ERMAKOVA, O. V. KARDASH

“SACRED CEDAR GROVE” — BURIAL GROUND OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES PERIOD (THE 4TH–8TH CENTURIES) IN THE REGIONAL PERIODIZATION CONTEXT

In the north of Western Siberia, there are no more than a dozen known burial grounds of the Great Migration of Peoples (the 4th–7th centuries) period. The grave goods composition from the studied sites is quite poor, and interments of the high social status individuals are exceptionally rare. However, during the excavations of the “Sacred Cedar Grove” burial ground, we discovered 62 interments with the remains of 70 individuals, 76 % of which belonged to the individuals of high social status, with a representative and diverse material complex, including artifacts and ceramics of various archaeological cultures of the Middle and the Lower Ob region.

Ksenia K. Ermakova — Surgut State University; ANO “Institute of Archaeology of the North” (Russia, Surgut; Nefteyugansk)

E-mail: xeniya954@mail.ru

Oleg V. Kardash — Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; ANO “Institute of Archaeology of the North”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

М. В. ЖИТКОВА

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ОЧЕЛЬЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 456
САЙГАТИНСКОГО IV МОГИЛЬНИКА**

В работе представлена попытка культурно-хронологической атрибуции очелья из погребения № 456 Сайгатинского IV могильника, расположенного в окрестностях г. Сургута. Очелье представляет собой узкую тонкую медную пластину с отверстиями на концах, декорированную растительным и плетеным орнаментом. Оно выполнено в технике ковки, гравировки, серебрения, контурного золочения элементов орнамента и фонового чернения. До недавнего времени предметы этого круга было принято относить к Волжской Булгарии золотоордынского периода. Изделий, выполненных в рассматриваемом стиле и технике, в самой Волжской Булгарии не встречается. Прототипы в русских и аналогии в пермских материалах с высокой долей вероятности позволяют отнести рассматриваемое очелье к изделиям Перми. Множественные, хорошо датированные монетами клады с территории Восточной Европы, в том числе европейской России, содержащие изделия, выполненные в наиболее близкой технике с практически идентичными декоративными элементами, позволяют предполагать наиболее вероятным периодом бытования очелья из погребения № 456 последнюю четверть XIV–XV вв. Состав инвентаря погребения также подтверждает эту датировку.

Житкова Майя Валерьевна – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: mayacw@mail.ru

В 2022 г. во время раскопок могильника Сайгатинский IV в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в погребении № 456 найдены останки ребенка, умершего в возрасте 3–4 лет. Череп охватывало очелье. Кроме него вдоль костей обеих рук парами лежали лапчатые и условно зооморфные подвески. По одной зооморфной подвеске обнаружено рядом с черепом и в области груди. В районе тазовых костей найдены ихтиоморфная и еще одна зооморфная подвески. В ногах находился небольшой железный наконечник стрелы.

Очелье было сильно фрагментировано. Реставрация проведена в Реставрационной мастерской Свердловского областного краеведческого музея О. П. Ченченковой.

Украшение имеет вид полосы, сужающейся на концах. Ширина в средней части – 2,3 см, на концах – 1,2 см. Диаметр охвата очелья 16–18 см. Концы очелья закруглены и имеют отверстия для завязок. В одном отверстии сохранился фрагмент растительной нити.

Очелье выполнено из медной полосы в технике ковки, гравировки, серебрения, контурного золочения элементов орнамента и фонового чернения. Орнамент нанесен острым инструментом (резцом) приемом, оставлявшим зубчатую линию. Для укладки черни на орнаментальных полях на месте фона был выбран неглубокий лоток. Золочение декорированного участка пластины, вероятно, выполнялось амальгамой с кисти до укладки черни. На это указывает то, что в углубленных линиях золоченого рисунка также фиксируется чернь. На позолоченных участках видны технологические продольные царапины, возможно, это следы удаления излишне растекшейся черни. В последнюю очередь на очелье медными шпеньками были закреплены позолоченные полусферические накладки.

Декор составляют четыре орнаментальные зоны, разделенные полусферами. Всего было пять полусфер, из которых сохранились только три. Ось симметрии орнаментальной композиции проходит по центральной полусфере. Прилегающие к ней орнаментальные

поля заполнены парой параллельных горизонтальных плетеных элементов. Дальние от центральной оси поля заполнены стилизованным растительным декором с S-видным раппортом. По краям очелья вдоль декорированной зоны проведены зубчатая линия и по самому краю — слабо выраженный желобок.

Известно четыре наиболее близких по технике и стилю очелья: два целых изделия и фрагмент еще одного. Все они, в отличие от рассматриваемого, выполнены из серебра. Самое известное — очелье с изображением лодок и людей в центральной части изделия найдено на Иртыше, сейчас хранится в Эрмитаже. Еще одно, с изображением рыб в центральной части, происходит из неизвестного комплекса, поступило в фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского. Фрагмент очелья с плетеным орнаментом и желобками вдоль орнаментального поля был найден во время обследования Сайгатинского I святилища в 2000 г., передан в Сургутский художественный музей. Наиболее близкий аналог нашему очелью найден во время раскопок могильника Сайгатинский III в погребении № 31 [Зыков и др., 1994, с. 113]. Техника исполнения и композиция схожи — в центре очелья «четырёхчастная плетенка», по бокам — полосы растительного орнамента, замыкает схему по краям свободная «трехчастная плетенка». По краям очелья, на всем протяжении орнаментального поля, прочеканены и позолочены желобки. Фон поля зачернен. Орнаментальные зоны отделены друг от друга четырьмя позолоченными полусферами.

До недавнего времени практически все предметы, выполненные в стиле, в котором изготовлены очелья, было принято относить к Волжской Булгарии золотоордынского периода. Среди исследователей бытовало мнение об исключительном ремесленном и торговом доминировании Волжской Булгарии в обширном регионе Большого Урала. Ремесленным центрам не только Прикамья, но и Перми было принято отказывать в самостоятельности (под Пермью здесь понимается регион, включавший Пермь Вычегодскую и Пермь Великую). Практически все ювелирные изделия в филигранной технике, технике ниелло и золочения, датируемые позже X в. приписывались Волжской Булгарии. К. А. Руденко представил существующие противоречия, обратив внимание не только на несоответствие предлагаемым датировкам и атрибуции предметов, но и принципиальные различия в технологии изготовления, декоре, персонажах и сюжетах пермских и болгарских изделий [Карачаров, 2016, с. 274; Руденко, 2005–2006, с. 91–107]. Связь с русскими центрами и формирование самостоятельного Пермского ювелирного центра обосновывалась К. Г. Карачаровым в статье «О серебре Закамском» [2016, с. 274–284].

Русский «след» подтверждает тот факт, что рассматриваемые очелья (венчики), находят наиболее близкие прототипы именно в русских материалах [Левашева, 1968, с. 91–97]. Например, коллекция из венчиков (43 экз.), имеющих вид тонкой металлической ленты, найдены во время раскопок курганов XI–XIII вв. в Вологодской области, в Гатчинском районе Ленинградской области. Из могильников Новгородской земли, оставленных русским населением XI–XII вв., известно 13 подобных изделий. Серебряные венчики в виде тонкой ленты-пластины разной ширины встречались в раскопанных А. В. Уваровым курганах Владимирской области. Известны подобные изделия в Поволжье, в Ярославской области и в Подмосковье.

Для датировки очелий рассматриваемого типа ключевым является комплекс погребения 31 Сайгатинского III могильника. Первоначальная датировка этого погребения

основывалась на мнении М. Г. Крамаровского, отнесшего чашу из этого погребения к Среднеордынскому периоду – вторая половина (конец) XIII – первая половина XIV в. [2001, с. 93–107; Золотая Орда..., 2019, с. 472–473]. Не вдаваясь в критику предложенной датировки чаши, отметим, что некоторые серебряные украшения из погребения находят аналогии в технике и декоре предметов из множества хорошо датированных монетами кладов с территории Восточной Европы, в том числе европейской России последней четверти XIV–XV вв. [Даркевич, Соболева, 1973, с. 83–95; Саввов, 2015, с. 118–125].

Проводя линию эволюции очелий, отметим, что в отличие от приведенных выше аналогий (очелье из могильника Сайгатинский III, фрагмент очелья со святилища Сайгатинское I, а также очелий с изображением лодок/людей и рыб в центральной части), очелье из погребения № 456 Сайгатинского IV могильника выполнено небрежнее, из недорогого металла, а окантовывающий декор желобок лишь обозначен. Не вызывает сомнений, что это изделие является производным. Хотя это может и не говорить о более позднем происхождении, а может свидетельствовать, например, об изготовлении в какой-либо из периферийных мастерских.

На относительно позднюю дату указывает и то, что в сопроводительном инвентаре погребения имеются условно зооморфные бронзовые украшения, крайняя степень стилизации которых стерла животные признаки в угоду декоративизма – их стилизация заметно сильнее, чем у аналогичных предметов из погребения 31 Сайгатинского III могильника. Судя по материалам относительно хорошо датированных памятников, например, городищ Частухинский Урий [Кардаш, Визгалов, 2015, с. 253] и Надымский городок [Кардаш, 2009, с. 208], такие украшения бытовали еще в XVI в. и, возможно, даже в начале XVII вв.

Верхнюю хронологическую границу XVI в. отсекают находки очелий других, более поздних типов, нижняя граница датировки которых не исключает их бытование в XV в., например, очелье из погребения 195 могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, с. 80] или очелье из могильника Эсский Остров [Зыков, Кокшаров, 2002, с. 36–39], индикаторным признаком этих очелий является наличие подвесок. Очелья этого типа с небольшими вариациями «доживают» до XIX в. и даже встречаются в этнографических материалах XX в.

Проведенный анализ позволяет с высокой степенью уверенности говорить, что рассматриваемое очелье из погребения № 456 Сайгатинского IV могильника изготовлено в одном из Пермских ремесленных центров, наиболее вероятное время изготовления укладывается в период от последней четверти XIV в. до XV в.

Библиографический список

- Даркевич В. П., Соболева Н. А. О датировке литовских монет с надписью «печать» (по материалам Шанчайского клада) // Советская археология. 1973. № 1. С. 83–95.
- Золотая Орда и Причерноморье: уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М., 2019.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Эсский остров. Из предыстории русского «Взятия Сибири» // Родина: специальный выпуск. 2002. С. 36–39.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний уральского университета. Екатеринбург, 1994.
- Карачаров К. Г. О серебре Закамском // Седьмые Берсовские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2016. С. 274–284.
- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

- Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2-х т. Екатеринбург, 2015. Т. 1: Археологические исследования.
- Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Левашева В. П. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 91–97.
- Руденко К. А. К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. С. 91–107.
- Саввов Р. Новая классификация древнейших монет Великого княжества литовского // Pieniądza Propaganda Wspólne dziedzictwo Europy Studia i Materiały Białoruś-Bułgaria-Czechy-Litwa-Łotwa-Mołdawia-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina. Augustów; Warszawa, 2015. С. 118–125.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

M. V. ZHITKOVA

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF A DIADEM FROM INTERMENT NO. 456 OF SAIGATINO IV BURIAL GROUND

The paper presents an attempt at the cultural and chronological attribution of a diadem from interment No. 456 of Saigatino IV burial ground located in the vicinity of Surgut. The diadem was a narrow thin copper plate with holes at the ends, decorated with floral and woven ornaments. It was made with the technique of forging, engraving, silver-plating, contour gilding of the ornamental elements and background black finish. Until recently, the artifacts of this group were traditionally attributed to Volga Bulgaria of the Golden Horde period. However, no items made in the same style and technique were ever found in Volga Bulgaria itself. The existence of prototypes in the Russian, and similar items in the Perm materials suggested, with a high degree of probability, the Perm origin of the diadem under study. Numerous and well-dated with coins hoards from the territory of Eastern Europe, including the European part of Russia, containing items made in a very similar technique with almost identical decorative elements, make it possible to assume the most likely period of the use of the diadem from burial No. 456 as the last quarter of the 14th–15th centuries. The grave goods composition of the interment also confirmed this dating.

Maya V. Zhitkova — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: mayacw@mail.ru

Н. М. ЗИНЯКОВ, О. Е. ПОШЕХОНОВА

ВООРУЖЕНИЕ ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ В XVII–XIX ВВ. МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Доклад посвящен металлографическому исследованию предметов вооружения, обнаруженных в могильнике Кикки-Акки XVII–XIX вв., с целью реконструкции технологии их производства. Установлено, что производством вооружения из черного металла занимались профессиональные мастера. В качестве исходного сырья кузнецы использовали сыродутные крицы без специальной дополнительной обработки, состоявшие из неравномерно науглероженной стали, реже — железа или смеси того и другого. Основу технологии производства предметов вооружения составляли операции свободнойковки металла в горячем состоянии. При этом основное внимание уделялось отделке внешних форм изделий без использования сложных технологических схем. Производственный

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

процесс, как правило, проходил при оптимальной температуре нагрева. В целом, предметы вооружения, не обладая высоким качеством, соответствовали техническим условиям его применения.

Зиняков Николай Максимович — д.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово)
E-mail: nmzinyakov@rambler.ru

Пошехонова Ольга Евгеньевна — ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень)
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

В качестве материалов для исследования использованы предметы вооружения, изготовленные из железа и железоуглеродистых сплавов, обнаруженные в могильнике Кикки-Акки (Красноселькупский р-н ЯНАО, верхнее течение р. Таз). Изученная коллекция состоит из наконечников стрел (108 экз.), наконечников копий (2 экз.) и наконечников пальм (2 экз.). Самую многочисленную и репрезентативную группу вооружения составляют наконечники стрел. В качестве исходного сырья при их производстве использован металл, полученный непосредственно в ходе сыродутного металлургического процесса — сырцовая сталь и простое железо. Обнаруженная доэвтектоидная высокоуглеродистая сталь у 10 % находок с концентрацией углерода 0,6–0,8 % может быть отнесена к вышеописанной категории металла, получение которого вполне возможно при определенных физико-химических условиях работы сыродутного горна. В производстве наконечников стрел кузнецы использовали следующие технологические схемы: 1) цельноостальные изделия (79 %); 2) цельножелезные (16 %); 3) из «пакетного» металла (3,7 %); 4) сварка железа и стали (1 экз. — 0,9 %).

Основу производственной технологии составлялаковка металла в горячем состоянии, при помощи которой наконечникам придавали необходимую форму. Форма, размеры и вес изделий отличаются большим разнообразием. Обращает на себя внимание тонкая обработка отдельных деталей поковок, присущая им симметричность — все это свойственно основной массе археологических находок. Только в двух случаях наконечники изготовлены достаточно небрежно. Анализ изученного материала свидетельствует, что подавляющее большинство наконечников стрел произведено кузнецами-профессионалами с использованием необходимого оборудования, профессиональных навыков и рациональной температуры. Последнее объективно отражено в микроструктуре металла.

Сварные конструкции среди рассматриваемой категории находок немногочисленны (4,6 %). Учитывая хаотичный характер расположения и чередования отдельных пластин в пакете, можно сделать заключение о непреднамеренном (технологически обусловленном) характере кузнечной сварки.

В качестве дополнительной операции, увеличивавшей твердость металла, отмечено применение мягкой закалки. Доля термообработанных изделий составляет 21 %. Микроструктура термообработанных изделий — сорбит, реже — бейнит.

Микроструктурными анализами установлено, что наконечники копий откованы из низкоуглеродистой сырцовой стали, в структуре которой фиксируются отдельные зоны простого железа (структура феррита). Так как копья имели относительно большие размеры, то использование сырцовой стали в качестве исходного сырья для их производства вполне обеспечивало необходимую твердость режущих граней и достаточную продольную упругость при боковых (изгибающих) нагрузках в процессе эксплуатации.

Технология изготовления наконечников палым была не очень сложной. Основой производства являлась свободная кузнечная ковка неравномерно науглероженного железа, с помощью которой формировалось лезвие и черешок рукояти. Из дополнительных операций, улучшавших рабочие качества оружия, отмечено использование термической обработки (мягкой закалки). Заточка лезвий готовых изделий осуществлялась с правой стороны. Лезвие украшалось тонкими резными линиями и медной аппликацией. Выявленные особенности заточки лезвий, ленточный орнамент, выполненный резьбой и медными прямоугольными накладками, присущи якутскому металлообрабатывающему производству [Серошевский, 1896, с. 396]. Это позволяет отождествлять изученные экземпляры с продукцией якутских мастеров. Еще одним аргументом в пользу высказанного положения являются свидетельства Г. Ф. Миллера, изложенные им при описании якутов: «Якуты, которые плавят железо, умеют также выковывать из него всякие предметы... Их изделия изготавливаются в таком большом изобилии, что могут снабжать ими и далеко живущие народы» [Миллер, 2009, с. 285].

Сравнение полученных данных по металлопроизводству верхнетазовских селькупов XVII–XIX вв. с материалами Нарымского Приобья (исконной территории расселения селькупов) XIV–XVII вв. свидетельствует об определенной преемственности в сфере производства предметов вооружения, выразившейся в сохранении номенклатуры целого ряда наконечников стрел, применении идентичных технологических приемов обработки изделий и использовании металлургических полуфабрикатов без дополнительной специальной обработки. Однако у северных селькупов были распространены некоторые новые типы наконечников стрел: спиралевидные, фигурнолистные и копьевидные. Северным селькупам присуще больше вариантов развилчатых срезней, а также для них характерны более массивные и более разнообразные боеголовковые наконечники стрел. Нововведением можно считать эпизодическое использование пакетных заготовок, более широкое распространение термической обработки в виде мягкой закалки и исчезновение из практики производства твердой закалки. Отмеченные изменения отражают общие процессы экономического развития социума таежных охотников и рыболовов, появление отношений товарного обмена, усиление влияния русского населения, поставлявшего селькупам качественную металлопродукцию ремесленного, а затем и заводского производства.

Проведенные металлографические исследования предметов вооружения верхнетазовских селькупов позволяют сделать следующие выводы. Предметы вооружения играли важную роль в обыденной жизни и погребальном обряде тазовских селькупов рассматриваемого периода. Производством вооружения из черного металла занимались профессиональные мастера, обладавшие необходимыми эмпирическими знаниями и набором инструментов. В качестве исходного сырья кузнецы использовали сыродутные крицы, состоявшие из неравномерно науглероженной стали, реже — железа или смеси того и другого. Основу технологии изготовления предметов вооружения составляли операции свободнойковки металла в горячем состоянии. Структура металла свидетельствует, что обработка изделий производилась, как правило, при оптимальной температуре, без пережога или недогрева. Из дополнительных операций, направленных на улучшение рабочих свойств изделий, селькупским кузнецам была известна мягкая закалка стали. В целом, предметы вооружения, не обладая высоким качеством, соответствовали техническим условиям их применения.

Библиографический список

Мишлер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. 1.

N. M. ZINYAKOV, O. E. POSHEKHONOVA

UPPER TAZ SELKUPS WEAPONS IN THE 17TH–19TH CENTURIES METALLOGRAPHIC STUDY

The report presents a metallographic study of weapons found in the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries, with the purpose of reconstructing the technology of their production. It has been established that ferrous metal weapons were made by professional craftsmen. As the raw material the blacksmiths used the charcoal hearth blooms without any specialized additional treatment, the composition of which was unevenly carbonized steel, less often iron, or a mixture of both. The basis of the technology for the production of weaponry was free forging of metal in a hot state. At the same time, main attention was paid to finishing the exterior shapes of products without using any complex technological solutions. The production process, as a rule, occurred at an optimal heating temperature. In general, the weapons, while not of high quality, were suitable for the technical conditions of their use.

Nikolay M. Zinyakov – Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo)

E-mail: nmzinyakov@rambler.ru

Olga E. Poshekhonova – Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the Problems of Northern Development (Russia, Tyumen)

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

А. П. ЗЫКОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ТУПИК В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Самая первая концепция средневековой нижнеобской археологической культуры, единой для всего севера Западной Сибири была опубликована в 1957 г. На юге и юго-востоке Западной Сибири были выделены потчевашская и рёлкинская культуры, поставившие под сомнение нижнеобскую культуру В. Н. Чернецова с ее периодизацией. Этот наступивший в 1970–1980-е гг. кризис в изучении средневековой археологии Западной Сибири в 1987 г. был закреплен В. А. Могильниковым. В 1991 г. вышла статья группы уральских археологов, скорректировавшая периодизацию В. Н. Чернецова, в 2006–2012 гг. — статьи и монография А. П. Зыкова, реабилитировавшего нижнеобскую культуру второй половины IV–XII вв. и выделившего сайгатинскую культуру XIII–XVI вв. севера Западной Сибири.

Зыков Алексей Павлович — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Впервые целостная концепция археологической периодизации памятников эпохи Средневековья севера Западной Сибири была опубликована В. Н. Чернецовым [1957, с. 136–245]. Он обобщил материалы предшественников дореволюционных археологов конца XIX — начала XX в., собственных археологических разведок, сборов и раскопок 1930–1950-х гг. и представил их в виде нижнеобской археологической культуры, единой для всего севера Западной Сибири. Объединяющим фактором стали выявленные им эволюционные изменения в форме и фигурно-штамповой орнаментации лепных керамических сосудов,

продолжающих линию развития керамики усть-полуйской культуры конца раннего железного века. Для средневековой нижеобской культуры В. Н. Чернецов предлагал выделить периодизационные этапы: ярсалинский II–III вв., карымский IV–V вв., оронтурский VI–IX вв. и кинтусовский X–XIII вв.

Концепция средневековой истории Западной Сибири В. Н. Чернецова была привлекательной, сказывалась его блестящая подготовка как лингвиста и этнографа. Великолепна была его идея расчленения культуры на периодизационные этапы по эволюции крайне изменчивой и богато украшенной северной средневековой керамики. Однако к моменту завершения периодизации археологических материалов еще отсутствовали надежные хронологические обоснования, появившиеся лишь через 10–20 лет.

Главная ошибка в средневековой периодизации, предложенной В. Н. Чернецовым, заключалась в неверно понятой им стратиграфии поселения Зелёная Горка близ г. Салехарда, на основании которой он датировал доусть-полуйским временем зеленогорскую керамику, отнес ее к самому началу раннего железного века [1953, с. 63–71]. Вторая ошибка заключалась в выстраивании последовательности этапов нижеобской культуры по стратиграфии слоев обследованного им в 1934 г. городища Усть-Толт (Карымского). Самую позднюю керамику третьего типа он назвал оронтурской, по которой и выделил оронтурский этап VI–IX вв. Позднее выяснилось, что оронтурский тип керамики в Западной Сибири надежно датируется концом X–XI вв.

В 1960-е гг. В. Ф. Генинг и Л. А. Чиндина выделили потчевашскую культуру VI–VIII вв. в Тобольском и Омском Прииртышье и рёлкинскую культуру VI–IX вв. в Томско-Нарымском Приобье. Они поставили под сомнение северную периодизацию В. Н. Чернецова, ссылаясь лишь на непохожесть его оронтурского этапа; происхождение раннесредневековых культур юга и юго-востока видели в местных культурах конца раннего железного века.

Особенно убедительна была версия рёлкинской культуры Л. А. Чиндиной, считавшей ее прямым продолжением кулайской культуры [1977; 1991]. Потчевашской культуре посвящен ряд статей [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 102–127; Генинг, Зданович, 1987, с. 119–133; Генинг и др., 1970, с. 202–228], в которых, однако, предполагалось, что эта культура была лишь частью огромной общности культур фигурно-штамповой и гребенчатой орнаментации всей Западной Сибири [Генинг, Зданович, 1987, с. 130].

Концепции В. Ф. Генинга и Л. А. Чиндиной были приняты западносибирскими археологами Тюмени, Тобольска, Омска, Новосибирска и Томска. В 1970–1980-е гг. средневековая археология в Западной Сибири вступила в эпоху кризиса, который нашел отражение в главе «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири», подготовленной В. А. Могильниковым в коллективной монографии «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (1987). В ней была признана обоснованность выделения рёлкинской культуры VI–IX вв., потчевашской культуры VI–IX вв. и усть-ишимской культуры X–XIII вв. юго-востока и юга Западной Сибири. Однако для северных материалов он сохранил периодизацию В. Н. Чернецова, но уже не упоминал нижеобскую культуру, а ее последние этапы преобразовал в оронтурский VI–IX вв. и кинтусовский X–XIII вв. типы памятников [Могильников, 1987, с. 163–235].

В 1970–1980-е гг. археологи Уральского государственного университета (г. Свердловск) проводили раскопки двух крупнейших скоплений средневековых поселений, городищ, могильников и святилищ: с 1971 г. на Барсовой Горе, с 1981 г. у деревни Сайгатино. Первым обобщающим результатом этих масштабных исследований стала статья 1991 г. группы

уральских археологов (Н. В. Фёдоровой, В. М. Морозова, Л. М. Тереховой, А. П. Зыкова) [Фёдорова и др., 1991, с. 126–145]. Изложена новая модернизированная, исправленная и дополненная чернецовская средневековая периодизация памятников Сургутского Приобья от III–IV до XVI вв., состоящая из пяти этапов: карымского, зеленогорского, кучиминского, кинтусовского и сайгатинского, которые были эволюционными ступенями объ-иртышской культурно-исторической общности. Вместе с тем исследователи выступили против необоснованно выделяемых культур южной тайги и лесостепи Западной Сибири: потчевашской, усть-ишимской и рёлкинской. Опираясь на огромный массив изменчивой во времени лепной круглодонной керамической посуды, декорированной разнообразными фигурными штампами, полученный из раскопок однослойных поселений и городищ Барсовой Горы и Сайгатино, уральским археологам удалось получить доказательную дробную периодизационную шкалу эволюции керамики. Она без каких-либо существенных лакунов охватывала весь период раннего Средневековья от конца кулайской культуры раннего железного века в III в. до массового выхода из сферы бытового употребления лепной керамической посуды на рубеже XII–XIII вв. и начала относительно «бескерамического» сайгатинского этапа XIII–XVI вв. Эта шкала эволюции лепной поселенческой керамики двух близко расположенных археологических урочищ опиралась на неплохую хронологию широко исследованных здесь же средневековых могильников [Фёдорова и др., 1991, с. 126–145].

К. Г. Карачаров предложил модернизировать средневековую периодизацию уральских археологов, переименовать ее этапы в отдельные археологические культуры, добавив вслед за Л. П. Хлобыстиным к ним вожпайскую культуру конца IX–X вв. [Хлобыстин, 1993, с. 19–27], помещенную между кучиминской и кинтусовской культурами [Карачаров, 2006, с. 135–149; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 9–66].

А. П. Зыков в более поздних работах полностью реабилитировал нижнеобскую культуру раннего Средневековья почти по концепции В. Н. Чернецова, но заполнил ее новой модернизированной периодизацией второй половины IV – XII вв. [Зыков, 2006а, с. 33–58; 2006б, с. 109–124]. В монографии 2012 г. обстоятельно описана объ-иртышская культурно-историческая общность, нижнеобская культура второй половины IV–XII вв., впервые выделена и подробно описана сайгатинская культура XIII–XVI вв. с ее двумя локальными вариантами (сайгатинским и эмдерским). Значительное место в этой монографии занимают археологические памятники нового времени конца XVI – начала XX вв. [Зыков, 2012].

Кризис 1970–1980-х гг. в изучении средневековой археологии Западной Сибири был следствием недостаточности источниковой базы. Но после выхода коллективной статьи уральских археологов 1991 г., статей и монографии А. П. Зыкова с подробным изложением откорректированной чернецовской средневековой периодизации, выстроенной на базе анализа огромных раскопанных материалов второй половины IV – XVI вв. Сургутского Приобья, не замечать эту точку зрения недальновидно [История Сибири, 2019, с. 291]. В результате появляются парадоксальные коллективные монографии, в которых соседствуют главы, созданные А. П. Зыковым с описанием нижнеобской культуры, и главы об отдельных от нее подчевашской, усть-ишимской и рёлкинской культур, созданные А. С. Зеленковым, А. В. Новиковым и А. А. Адамовым [Зыков, 2022, с. 7–41; 2024, с. 110–147].

Объем средневекового археологического материала постоянно растет, так или иначе нужно будет определять его культурную принадлежность и датировки, то есть искать выход из историографического тупика.

Библиографический список

- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 102–127.
- Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачёвский могильник на реке Ишим — памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 119–133.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Фёдорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 202–228.
- Зыков А. П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: материалы региональной научно-практической конференции, г. Советский, 3–6 октября 2005 г. Екатеринбург, 2006а. С. 33–58.
- Зыков А. П. Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2006б. С. 109–124.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Зыков А. П. Таёжное Приобье в раннем Средневековье во второй половине IV–IX в. // Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень, 2022. С. 7–41.
- Зыков А. П. Север Западной Сибири XI–XVI вв. // Академическая история Югры. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 2: Югра в XI–XVI веках. С. 110–147.
- История Сибири. Новосибирск, 2019. Т. 2: Железный век и средневековье.
- Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 135–149.
- Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 163–235. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья).
- Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 19–27.
- Челякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 9–66.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 7–71. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35).
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. М., 1957. С. 136–245. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 58).
- Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977.
- Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991.

A. P. ZYKOV

CURRENT DEAD END IN THE STUDY OF MEDIEVAL ARCHAEOLOGY IN WESTERN SIBERIA

The very first concept of the existence of medieval Lower Ob archaeological culture, common for the entire north of Western Siberia, was published in 1957. In the south and the southeast of Western Siberia, the Potchevash and the Relkin cultures were identified, which questioned the V. N. Chernetsov's description of the Lower Ob culture with its periodization. The 1970s and 1980s crisis in the study of medieval archaeology of Western Siberia was further aggravated in 1987 by V. A. Mogilnikov. In 1991, a group of the Ural archaeologists published an article, where they corrected the V. N. Chernetsov's periodization,

and in 2006–2012 the articles and a monograph by A. P. Zykov, rehabilitated the Lower Ob culture of the second half of the 4th–12th centuries and identified the Saigatino culture of the 13th–16th centuries in the north of Western Siberia.

Aleksey P. Zykov – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: a.p.zykov@mail.ru

А. П. ЗЫКОВ, С. Ф. КОКШАРОВ, Е. А. ЯКОВЛЕВА

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТАЛ I В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ

Рассматриваются материалы поселения Тал I, расположенного в южной части Нижнего Приобья, на территории ХМАО – Югры Тюменской области. Оно находится на р. Емьёган, левом притоке р. Ендырь. С изучения этого памятника в 1992–1993 гг. начались многолетние исследования екатеринбургских археологов в бассейне р. Ендырь. С поселением связаны остатки двух разновременных жилищ, относящихся к кинтусовскому и сайгатинскому этапам Средневековья. Мощность средневековых слоев и большое количество находок свидетельствуют о долговременном характере археологического памятника, обитатели которого были заняты рыбной ловлей, охотой на млекопитающих и птиц, а также литейным делом и кузнечеством. Приведены основания для отнесения поселения Тал I к числу памятников средневекового «княжества» Эмдер, известного по средневековому эпосу южных хантов.

Зыков Алексей Павлович – к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Кокшаров Сергей Федорович – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: serg.koksharov@mail.ru

Яковлева Евфимия Алексеевна – Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: yakovleva-evfimiya@mail.ru

Поселение Тал I расположено в 14,3 км к северо-западу от пос. Пальяново в Октябрьском районе ХМАО – Югры Тюменской области. Оно занимает участок левой надпойменной террасы р. Емьёган, впадающей слева в р. Ендырь. Напротив памятника находится устье р. Тал. В июле 1993 г. здесь заложены два раскопа общей площадью 68 кв. м. Максимальная мощность культурного слоя составила ~1 м.

В ходе исследований в раскопе I обнаружены остатки двух жилищ, с которыми связан почти весь полученный археологический материал и фаунистические остатки. Судя по стратиграфии, сооружения связаны с разновременными средневековыми слоями. К сожалению, полные параметры обеих построек не известны, поскольку их очертания выходили за пределы изученной площади. Можно лишь констатировать, что они имели углубленные котлованы, ориентированные по линии северо-восток – юго-запад, выходы, обращенные в сторону реки (на юго-запад), очаги-кострища внутри помещений, а также прерывистые канавки, оставшиеся от дощатой обшивки основания стен. В заполнении раннего жилища 1 много углей, а в позднем жилище 2 – горелых плах, что также указывает на гибель обеих построек при пожарах.

С жилищем 1 связаны керамика рачёвской группы кинтусовского этапа Средневековья (114 сосудов, выделенных по венчикам и шейкам), сопутствующие ей культовая керамическая пластика и льячки, изделия из металлов и фаунистические остатки. Исходя из аналогий перечисленным находкам, встреченным на других памятниках таежного Обь-Иртышья, эта постройка может быть датирована концом XI–XII вв. [Фёдорова и др., 1991, с. 137–141, рис. 3.А; Чемякин, Карачаров, 2002, с. 57–60, рис. 18; Зыков, 2012, с. 94] и синхронизирована со 2 строительным горизонтом (с. г.) городка Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 17–19, рис. 28, 4–9; 29–30; 39, 2, 4, 6–15, 18].

Жилище 2, возведенное над впадиной первой постройки, возникло как раз в посткинтусовское время или на сайгатинском этапе Средневековья. Стратиграфическая ситуация, прослеженная при раскопках, сближает Тал I с городком Эмдер. На нем также фиксировалось перекрытие кинтусовских построек сайгатинскими, которые распределялись по семи с. г. Не исключено, что с изученным объектом связана часть вещей из черного и цветных металлов, но они не пригодны для определения возраста из-за широкого диапазона бытования. Для датировки жилища 2 можно обратиться к остаткам очажной конструкции. Если учесть, что в нем был открытый очаг-кострище, а не печь-каменка и не чувал, характерные для 8 и 9-го (последнего) с. г. городка Эмдер, датируемые XV–XVI вв. [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 36, 41, 46, 48, 50, 202, рис. 17–24; 2002, с. 79; 2003, с. 118, 120, 122, ил. 4–6], то оно функционировало в посткинтусовское время: со второй половины XII – XIV вв. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 60, 64, 65] или в XIII–XIV вв. [Зыков, 2012, с. 100].

Мощность культурного слоя, разновременные средневековые жилища и количество находок свидетельствуют о долговременности поселения Тал I. Его обитатели занимались не только рыбной ловлей, промыслом животных, но и варкой железа, на что указывают железные шлаки и куски глиняной обмазки. Таким образом, мастера-кричники работали не только в пределах средневековых городков, таких как Эмдер, где выявлены остатки кузниц [Зыков, Кокшаров, 2003, с. 114–116, ил. 3; 2012, с. 111–113, рис. 6–7], но и за их пределами, в неукрепленных поселках.

Есть все основания для отнесения изученного поселения к числу памятников средневекового «княжества» Эмдер, известного по средневековому эпосу южных хантов [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 30–35], которое правильнее определить как вариант военного вожества [Кокшаров, 2006, с. 142; Мартынова, 2023]. Согласно письменным источникам, оно утратило независимость в XVI в., когда «Емдырская волость» вошла в состав другого нижеобского «княжества» — Коды [Бахрушин, 1935, с. 41].

Библиографический список

- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.
 Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
 Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Северная Троя: от легенды до точки на карте // Родина. 2000. № 5. С. 30–35.
 Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
 Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // Российская археология. 2002. № 2. С. 67–80.
 Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // ХМАО в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2003. Вып. 1. С. 110–136.

- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Легенды и были городка Эмдер. К 20-летию археологического открытия памятника // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. 2012. № 4 (42). С. 108–115.
- Кокшаров С. Ф. К 70-летию выхода книг С. В. Бахрушина и В. Н. Чернецова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. 2: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие. Материалы международного симпозиума. С. 129–147.
- Мартынова Е. П. Княжества и князья обских угров через призму политогенеза // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 73–86.
- Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002. С. 5–74.

A. P. ZYKOV, S. F. KOKSHAROV, E. A. YAKOVLEVA

MEDIEVAL SETTLEMENT TAL I IN THE LOWER OB REGION

The authors studied the materials of Tal I settlement located in the southern part of the Lower Ob region, in the territory of the KhMAO – Urga in the Tyumen region. It was located on the Emyegan River, a left tributary of the Endyr River. The study of this site in 1992–1993 gave a start to the long-term research by Ekaterinburg archaeologists in the Endyr River basin. The remains of two asynchronous dwellings associated with the settlement belonged to the Kintusovo and the Saigatino stages of the Middle Ages period. The thickness of the medieval levels and the large number of finds indicated the long-term nature of the archaeological site, whose inhabitants were engaged in fishing, hunting mammals and birds, as well as foundry and blacksmithing. The authors provided reasons for classifying Tal I settlement as one of the sites of the medieval “principality” of Emdar, known from the medieval epic of the southern Khanty.

Aleksey P. Zykov – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Sergey F. Koksharov – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: serg.koksharov@mail.ru

Evfimiya A. Yakovleva – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: yakovleva-evfimiya@mail.ru

А. А. ИВАНОВ

РИТУАЛЬНЫЕ КУБКИ ЧОРОНЫ В ЯКУТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

В докладе рассматриваются ритуальные кубки чороны. Всего обнаружено 29 погребений с ними. Приведены статистические данные о выявленных чоронах в погребениях. Наибольшее количество этих предметов обнаружено в Центральной Якутии, на Западе и Севере они встречаются реже. Чороны встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Единжды чорон обнаружен в погребениях коней. Известно несколько случаев, когда чороны фиксировались в погребениях известных людей. Они в основном встречаются в грунтовых погребениях. Существует два типа этих изделий: чороны на поддоне и на трех ножках. Затронуты идеологические представления якутов, связанные с чоронами. Отмечены особенности погребального обряда якутов.

Иванов Артем Анатольевич — Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия); Алтайский государственный университет (Россия, Якутск; Барнаул)
E-mail: Ivanov.artem8@mail.ru

Материальная культура якутов имеет многогранное проявление, органично сочетаясь с характерным образом жизни северных скотоводов. Она включает богатые традиции и элементы, присущие автохтонной северной культуре, а также влияние южных стилей. Это ярко проявляется в погребально-поминальной практике якутов, которая является одним из наиболее консервативных элементов духовной сферы.

На территории Якутии обнаружено около 500 якутских погребений с различной погребальной посудой, включая изделия из дерева, кожи, бересты, металла, керамики, фаянса и фарфора, которые использовались при захоронении.

В докладе представлены материалы по изучению деревянных кубковидных сосудов — чорон, которые используются якутами для питья кумыса в религиозных и ритуальных церемониях. При исследовании мы нашли чороны в 29 погребениях, что составляет примерно 6 % от общего числа погребений.

Легендарный персонаж Элэй стал героем-просветителем у якутов, обучив их приготовлению кумыса — забродившего молока кобылицы. Он организовал праздник ысыах, который включал благодарность духам и призыв к их милосердию. Элэй помогал увеличивать поголовье скота и создавал особые сосуды для питья кумыса, известные как чороны [Мир древних якутов..., 2012, с. 173].

На сегодняшний день чорон стал объектом особого поклонения у якутского народа, ибо он символизирует вечность и божественное происхождение, переданное им от предков. Для каждого якута чорон является бесценным сокровищем [Чорон — история и современность, 2014, с. 6].

По верованиям якутов, «нечистые» люди не должны пить из чорона до первого грохота летнего грома, который «отгонял абаасы», ни участвовать в летнем празднике «ысыах» [Мир древних якутов..., 2012, с. 48].

Наибольшее количество погребений с чоронами обнаружено в Центральной Якутии — в Чурапчинском улусе выявлено 6 погребений (Сайылык Эбэ, Элэмэстээх 2, Хомустаах Бетюгюттэ, Алаас Эбэ, Тонгус Эбэ 2, Тиит Бапшыт), в Мегино-Кангаласском — 5 (Абалаах, могила Тангара Мэнигэ, Ампаардаах 1, Ампаардаах 2, Ампаардаах 3), в Хангаласском — 4 (Эбэ Ана, Истээх 1, Истээх 2, Ус Сэргэ 1), в Таттинском — 3 (Улахан Алаас, Кыыс Чаарбыт, могила Чаган Этюка), в Усть-Алданском — 2 (Тунах Сайылык, могила Суор Бугдука), в Намском — 1 (Бестях). В Вилуйской группе улусов случаи, когда чороны выступают в качестве погребального инвентаря, зафиксированы четыре раза: в Сунтарском улусе — 2 (Кубалаах 1, Кубалаах 2), по одному разу в Нюрбинском (Ынах-Сысыы 2) и Верхневилуйском — (Бёрё). На севере Якутии погребения с чоронами обнаружены только в Верхоянском улусе (Ыарыылаах, Бахтах 3, Кердюген, Сордонгноох).

В мужских погребениях чороны зафиксированы 18 раз (около 59 %) (Истээх 1 и 2, Абалаах, могила Тангара Мэнигэ, Тунах Сайылык, Ампаардаах 3, Элэмэстээх, Хомустаах Бетюгюттэ, Алаас Эбэ, Тонгус Эбэ, Кубалаах 2, Улахан Алаас, Тиит Бапшыт, Бахтах 3, Кердюген, Кыыс Чаарбыт, Бестях, могила Чаган Этюка, Эбэ Ана, могила Суор Бугдука), в женских — 11 (около 38 %) (Ампаардаах 1 и 2, Кубалаах 1, Бёрё, Ыарыылаах, Сордонгноох,

Ус Сэргэ 1). Единственный случай, когда чорон сопровождал не человека, зафиксирован в погребении четырех коней – Ынах-Сысыы 2.

И. В. Константинов утверждал, что все предметы погребального инвентаря являются предметами личного пользования и с покойником клали только те предметы, которыми он пользовался при жизни единолично [Константинов, 1971, с. 89]. Каждый человек при жизни должен был иметь, по крайней мере, один чорон, с которым он мог обратиться к духам, наполнив его кумысом [Мир древних якутов..., 2012, с. 43]. При этом стоит отметить, что в выявленных погребениях не всегда оказывается чорон. Однако в нескольких случаях чорон обнаруживался в погребениях известных людей, таких как Мазары Бозеков (Истэх 1), Тангара Мэнигэ, Чаган Этюк, Суор Бугдук (Тунах Сайылык), Урагас (Бёрё).

Рассматриваемый вид посуды характерен для грунтовых погребений. Однако известны случаи, когда чороны зафиксированы в арангасных (воздушных) погребениях – арангас родоначальницы Урагас в Верхневиллойском улусе (Бёрё), а также грунтовое погребение Тунах Сайылык является перезахоронением с арангаса.

Чороны из погребений представлены цельными сосудами, исключение составляют чороны из Тунах Сайылык и Сордонгноох (половинка чорона) [Маак, 1994, с. 276].

Выделяется два типа чоронов: на поддоне (рукояти, трансформировавшейся позднее в поддон – ножку), и сосуды на трех ножках. Раньше считалось, что чороны на трех ножках появляются гораздо позднее, нежели чороны с поддонами. Исследования Саха-французской археологической экспедиции показали, что погребения Улахан Алаас и Тиит Баппыт относятся к XV–XVII вв. [Мир древних якутов..., 2012, с. 43, 96].

Чороны на трех ножках обнаружены в погребениях Сайылык-Эбэ, Кубалаах 1 и 2, Тиит Баппыт, Ыарыылаах, Кыыс Чаарбыт. Во всех остальных случаях чороны имеют поддон.

По генезису чоронов написана статья А. Н. Алексеева «О происхождении якутских чоронов». В ней автор на примере орнаментальных мотивов чорона и керамики сравнивает их по структуре и этимологии [Алексеев, 2015, с. 56].

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют говорить о чороне в погребениях, как о неординарной традиции в погребальном обряде якутов, которая в основном отмечена в мужских и женских грунтовых погребениях с трупоположением в Центральной Якутии. Редкое использование чоронов в качестве сопроводительного инвентаря может быть объяснено мировоззренческими представлениями якутов о их сакральности.

Библиографический список

- Алексеев А. Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 55–61.
- Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск, 1971.
- Маак Р. К. Виллойский округ Якутской области. М., 1994.
- Мир древних якутов опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск, 2012.
- Чорон – история и современность. Якутск, 2014.

A. A. IVANOV

RITUAL CHORON CUPS IN THE YAKUT BURIALS

The report examines the ritual choron cups. A total of 29 burials with the cups have been discovered. The author provided statistical data on the identified chorons in the interments. The largest number of these

items has been found in Central Yakutia, they are less common in the West and North of the area. The chorons occur in both the male and the female interments. Once, a choron was found in a horse burial. There are several known instances when the chorons were recorded in the burials of the famous people. They are mainly found in earth interments. There are two types of these cups – chorons on a coaster and chorons on three legs. The author mentioned the ideological ideas of the Yakuts related to the chorons, as well as the specific features of the Yakut funeral rites.

Artem A. Ivanov – Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia); Altai State University (Russia, Yakutsk; Barnaul)
E-mail: Ivanov.artem8@mail.ru

Е. П. КАЗАКОВ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ (К 100-ЛЕТИЮ В. Ф. ГЕНИНГА)

Представлены воспоминания о выдающемся советском археологе Владимире Федоровиче Генинге, ставшем, в период своей работы в г. Казани, научным руководителем автора доклада. В последующие годы, после переезда в другие города, В. Ф. Генинг совместно с автором, советскими и венгерскими коллегами участвовал в научных дискуссиях на конференциях в Будапеште, Казани и других городах. Ученик в своих работах продолжал развивать идеи Учителя, в частности об участии в формировании средневековых культур Урало-Поволжья самодийского (предков селькупов и др.) населения, что отмечается в данном докладе.

Казakov Евгений Петрович – д.и.н., Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (Россия, Казань)
E-mail: epkaz@mail.ru

Владимир Федорович Генинг прошел нелегкий трудовой и жизненный путь. В возрасте восемнадцати лет он, как «советский немец», был мобилизован на строительство железной дороги – рокадной транспортной магистрали, которая в канун Сталинградской битвы сооружалась по правому берегу р. Волги, между Казанью и Ульяновском.

Он работал в гг. Пермь, Ижевск, Казань, Киев. В казанский период, после поступления в аспирантуру Института языка, литературы и истории при Казанском филиале АН СССР (научный руководитель Н. Ф. Калинин), это был уже состоявшийся ученый, лидер, сформировавший вокруг себя объединение молодых и увлеченных своим делом специалистов. В. Ф. Генинг всегда стремился быстро связать полученные в полевых работах материалы с их интерпретацией: уже в 1959 г., он опубликовал свои концепции оценок культур Прикамья в эпоху железа [Генинг, 1959, с. 167–220].

Не знаю почему, быть может, замечая мой непосредственный интерес к археологии, Владимир Федорович выделял меня. В 1959–1962 гг., на раскопках могильников Качка, Кушнаренковского, Тураевского, Большетарханского и др., он оставлял меня руководить раскопками в те периоды, когда был занят работами на других объектах [Казakov, 2022, с. 160–171]. В 1962 г., Владимир Федорович обязал меня, только что поступившего на первый курс Казанского государственного университета, подготовить раздел по керамике и включил в число авторов публикации по новому, открытому тогда памятнику – некрополю у с. Именьково [Генинг и др., 1962].

Когда В. Ф. Генинг переезжал в г. Свердловск, он приглашал меня уехать вместе с ним. Однако в это время я уже работал по проблематике Вожской Болгарии, и потому отказался.

Переезд моего Учителя на Урал тогда, считаю, был большой ошибкой. Совершенно верно полагая, что культуры к западу от Урала оставлены мигрантами из Зауралья, он полагал найти истоки этих культур в данном регионе. Сплотившиеся в нелегком пути миграций и на новых территориях, эти пришельцы образовали новые общности — культуры Приуралья с заметными изменениями в политике предгосударственного уровня, что через одно–два поколения привело к формированию всей этнокультурной специфики региона.

Тесное взаимодействие и общение с Владимиром Федоровичем у меня продолжалось и после его переезда. В Урало-Поволжье тогда наблюдался расцвет, своеобразный бум археологической науки: археологи региона открыли значительное количество новых памятников, уникальные материалы которых сразу же вызвали обширные дискуссии. Встречаясь с венгерскими коллегами — И. Фодором, И. Эрдели и др., на конференциях в Казани, Будапеште и других городах, я всегда говорил Владимиру Федоровичу, что нам очень не хватает его. В то время, видимо, и самому ему было нелегко: в своих письмах он предлагал мне переехать в Киев, чтобы участвовать в составлении свода рядовых скифских погребений.

В начале ноября 1993 г. я узнал о смерти Владимира Федоровича, а через несколько дней получил от него письмо, в котором он, в обычной своей спокойной манере, рассказывал о работе; я не знал тогда, что и думать. Лишь позднее мне сообщили, что письмо было послано через несколько дней после его смерти.

Величие этого человека еще многие годы будут освещать его многочисленные ученики — археологи Урало-Поволжья: достаточно сказать, что открытые им и выделенные в качестве самостоятельных еще 60 лет назад культуры, такие как азелинская, именьковская, кушнаренковская и др. [Генинг, 1959, с. 167–220; 1964, с. 111–129] до сих пор служат для специалистов четким рабочим инструментом при определении этнокультурных комплексов новых памятников.

Хочу лишь коснуться темы, которую в свое время начал развивать В. Ф. Генинг: это проблема оставления кушнаренковской культуры. В 1978 г. В. Ф. Генинг прислал мне статью на венгерском языке [Gening, 1978, с. 260–263] с написанным им лично переводом на русский. В нем он писал: «...новые исследованные материалы керамики этого типа, привезённые нами ещё в 60-х гг., позволяют прийти к выводу, что данный тип сосудов восходит к сибирским прототипам, где подобная керамика широко распространена и может быть связана с предками самодийцев, а не угорских народов» [Генинг, с. 5].

Эта точка зрения подтверждается и новыми материалами: кушнаренковская посуда кринкообразной формы, а также круглодонная горшковидная керамика, и вместе с ней — караякуповская с ямочным орнаментом, — имеют тесные связи в древностях самодийских памятников [Чиндина, 1977, рис. 23; и др.]. Новые формы эта посуда находит в новых районах, где самодийцы — селькупы и пр. — контактировали с сарматами [Арсланова, 1980, с. 81, рис. 2, 3].

Войдя в состав *Magna Hungaria* в качестве северных конфедератов, самодийцы оставили характерную кушнаренковскую и караякуповскую посуду в регионе Среднего Поволжья. Это население, не ушедшее в соответствующий исторический период вместе с мадьярами на запад, а вступившее в союз с Волжской Болгарией, располагалось к востоку от нее, о чем свидетельствуют материалы типичных некрополей этой территории — Большетиганского, XII Измерского и др. Входя, все теснее, в контакт с населением Волжской Болгарии, подвергаясь ассимиляции ее населением, самодийцы все более теряли черты своей этнокультурной специфики: во многих захоронениях Танкеевского могильника отмечена

огрубленная, в поздних вариантах, кушнаренковская посуда, которую большинство исследователей продолжало относить к уграм [Казаков, 2007, с. 31–45]. Несомненно, одно из названий этого народа отмечено в списке племен в отчете Ибн-Фадлана от 922 г.

Уникальное научное наследие Владимира Федоровича Генинга, несомненно, будет оставаться актуальным для грядущих поколений исследователей древностей Урало-Поволжья.

Библиографический список

- Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980. С. 79–104.
- Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Казань, 1959. № 2. С. 167–220.
- Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 111–129.
- Генинг В. Ф. Magna Hungaria и археологические источники (замечания к концепции Е. А. Халиковой). (Рукописный текст).
- Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1962.
- Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.
- Казаков Е. П. Взгляд в прошлое // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 160–171.
- Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977.
- Gening V. F. Magna Hungarica és a régészeti emlékeanyag (Megjegyzések E. A. Halikova elgondolásához) // Archeológiai Értesítő. 1978. 105. köt./2. sz. O. 260–263.

E. P. KAZAKOV

IN MEMORY OF THE TEACHER (COMMEMORATING THE 100TH ANNIVERSARY OF V. F. GENING)

The report presents memoirs of the outstanding Soviet archaeologist Vladimir Fedorovich Gening, who became, during his work in Kazan, the research supervisor of the author. In later years, after moving to other cities, V. F. Gening, together with the author, the Soviet and the Hungarian colleagues, participated in academic discussions at conferences in Budapest, Kazan and other cities. In his works, the student continued to develop the ideas of the teacher, in particular about the participation of the Samoyed (ancestors of the Selkups, etc.) population in the formation of medieval cultures of the Ural-Volga region.

Evgeniy P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan)
E-mail: epkaz@mail.ru

A. В. КЕНИГ, С. А. ПИЛИПЕНКО

БЕРЕСТА И БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ГОРОДИЩА ШЕРКАЛЫ 1

Береста — верхний слой березовой коры. Общеизвестно, что уникальные свойства бересты позволили с древнейших времен широко использовать ее на огромных пространствах Северной Евразии в качестве особого материала в строительстве, изготовлении лодок, домашней утвари, художественных поделок, как материал для письма (берестяные грамоты) и т. д. К сожалению, этот огромный пласт материальной культуры очень редко доходит до археологов. В докладе впервые представлена краткая характеристика археологической коллекции бересты и берестяных изделий, полученных в результате археологических раскопок городища Шеркалы 1, в период с 2018 по 2023 гг. За это время обнаружено и обработано около 300 находок из бересты различной степени сохранности. Выделено

11 основных категории берестяных изделий: перекрытия полов и крыш, берестяные сосуды различных типов (туеса, куженьки, сосуды комбинированной конструкции), ножны, подкладки под ноги на лыжи, детали обуви, куклы, воропы, люлька, заплата. Памятник городище Шеркалы 1 является уникальным объектом археологии, в культурных слоях которого сохранилось большое количество органических артефактов, в том числе из бересты. Очевидно, что для населения Нижнего Приобья береста являлась универсальным материалом, широко применяемым в быту и хозяйстве.

Кениг Александр Владимирович — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: akenig@bk.ru

Пилипенко Сергей Алексеевич — Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия, Новосибирск)

E-mail: pilipenkosergej@mail.ru

Городище Шеркалы 1 — уникальный археологический памятник на территории Нижнего Приобья, в слоях которого хорошо сохранились изделия из бересты. Самые ранние находки из этого материала относятся к эпохе раннего железного века [Пархимович, 2017, с. 103].

Административно памятник расположен в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в 1,5 км на северо-запад от поселка Шеркалы. Географически — на территории Нижнего Приобья, на правом берегу р. Обь, в устье р. Шеркалка.

Первые археологические исследования на этом памятнике начались в 1978–1983 гг., под руководством В. М. Морозова. Однако из-за отсутствия финансирования были прерваны, а коллекции не подвергались полноценной научной обработке. Опубликована лишь часть материалов. В 2018 г. работы возобновлены под руководством А. В. Кенига [Кениг и др., 2020, с. 192].

За период раскопок 2018–2023 гг. получено около 300 единиц изделий и фрагментов из бересты. Предварительный анализ позволяет выделить как минимум 11 категорий предметов: перекрытия полов и крыш, берестяные сосуды различных типов (туеса, куженьки, сосуды комбинированной конструкции), ножны, подкладки под ноги на лыжи, детали обуви, куклы, воропы, люлька и т. д. Ниже приведем краткую характеристику различных категорий предметов.

Берестяные перекрытия крыши и пола. Одной из основных категорий инвентаря являются фрагменты и целые листы секций от берестяных полотнищ — тисок. Берестяные тиски использовались как в качестве перекрытия кровли, так и для полового покрытия. Кровельные полотна набирались полосами из прямоугольных листов рисунком чечевичек поперек полотна. Размеры листов в пределах 54 × 45 см. Листы сшивались боковинами в ленты по 5–6 штук и скреплялись вдоль краев узкими до 5 см берестяными лентами с обшивкой через край. Из таких полос сшивают большое полотно внахлест по принципу черепицы, верхняя лента перекрывает нижнюю. Иногда края украшают серией швов, образующих орнамент. При покрытии полов использовали как цельные сшитые тиски, так и ровно уложенные листы прямоугольной формы внахлест, но без признаков прошивания.

Берестяные сосуды. Самая многочисленная категория находок 169 экземпляров. Можно выделить несколько разновидностей: туеса (большой, средний и малый), куженьки и короба. Выделяется и комбинированный тип сосудов, сочетающий в себе конструктивные детали различных берестяных изделий. Встречаются орнаментированные экземпляры.

Орнамент выполнен в основном в технике скобления по заранее затемненному фону. Есть фрагменты берестяных изделий со штриховкой.

Ножны из бересты. Обнаружено 3 экземпляра берестяных ножен. Все три экземпляра изготовлены по одной технологии — вложение двух одинаковых деталей одна в другую с последующим изгибом заготовок вдоль продольной оси. При этом оба листа были ориентированы перпендикулярно рисунком чечевичек коры по отношению друг к другу, для придания прочности корпусу. Затем, шилом или иглой проделывались отверстия вдоль обрезанных краев заготовок. Вдоль обрезанного края прокладывалась берестяная полоска или продольная палочка, которая выполняла роль ребра жесткости. На одном из трех ножен нанесен орнамент [Кардаш, 2011, с. 23].

Одной из интересных находок из бересты являются *куклы*. Всего обнаружено 5 изделий: 3 целые и 2 заготовки. Технология изготовления достаточно простая. Из бересты нарезались плоские ленты одной длины. Из одной из них, формировалась голова, путем скатывания ленты в плотный рулончик. Затем рулончик укладывался посередине стопки из 3–5 лент, которые складывались пополам, зажимая заготовку головы с двух сторон. После чего еще одной берестяной лентой шириной до 1 см перетягивали головку куклы у основания, а кончики лент загибали в нужном порядке. Загибы имитировали как части тела: руки и ноги, так и детали одежды.

Интересно, что эта технология дошла до наших дней и используется населением современной деревни Шеркалы, на занятиях по рукоделию среди местных детей.

Люлька была изготовлена из цельного листа толстой бересты размером 55 × 43 см. Листу была придана форма овала. Основная часть колыбели изготовлена по технологии берестяных сосудов прямоугольной формы — куженок. Боковые стенки подняты вверх на 10–12 см, а из торцевых стенок на 13 см вверх поднята только одна, у изголовья. Для ее изготовления были разрезаны на 13 см боковые участки люльки, после чего торцовый участок был поднят вверх, выступающие углы прижаты к продольным стенкам и пришиты. На месте противоположной торцевой части (в ногах) была ровная площадка, которая под воздействием изгиба самой люльки приобрела U-образную форму, став продолжением дна люльки. Под линией предполагаемого изгиба второй торцевой части были проделаны поперечные отверстия от продевания широкого ремня шириной до 1 см, скорее всего, для подвешивания. Лист укреплен по периметру толстым прутом. Такое сочетание крепления прута по периметру и вертикально-направленного ремня в задней части люльки позволяет предполагать наличие крепления переднего ремня в голове люльки за деревянный обод. Прикрепив ремни таким образом, люлька получает две стабильные точки подвешивания, традиционно сходящиеся на крюке [Лукина, 1985, с. 82].

Вороп — гигиенический пояс. Данный тип изделия относится к единичным находкам. Изготовлен из берестяного листа, рисунком чечевичек коры вдоль листа, снятого пластовым методом. Деталь выкроена ножом. Лист был выварен, что подтверждает темная пигментация листа. Вороп сохранился не полностью, но сохранил свою основную часть, в виде овальной части размером 9,5 × 14 см, длина сохранившейся части составляла 7 × 2,5 см. Общая длина изделия 21 × 9,5 см.

Аналогии изделию, найденному в культурных слоях городища Шеркалы 1, можно найти среди этнографических коллекций XIX — начала XX вв., Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, археологических коллекций Надымского городка и

Бухты Находка, а также в погребальных комплексах [Кардаш, 2011, с. 251; Лукина, 1985, с. 155; Мурашко, Кренке, 2001, с. 49; Руденко, 1914, с. 47].

Детали обуви. В числе единичных находок из бересты был обнаружен берестяной подпятник. Аналогичные подпятники известны в конструкции сапог кочевников юга Западной Сибири XIII–XIV вв. [Басандайка, 1947, с. 112; Малиновский, 1985, с. 117; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 150]. Использование бересты для изготовления деталей обуви сохранилось у ряда народов Сибири до этнографического времени (шорцы, томские и барабинские татары) [Малиновский, 1985, с. 117; Шорцы, 1999, с. 110].

Подножные подставки на лыжи (?). Три берестяных изделия различной формы, размером в пределах 24 × 11 см, состоящие из трех слоев бересты, предварительно отнесены к подставкам под обувь на лыжах. Аналогии широко встречаются среди обских угров.

Заплатки. Одной из необычных находок являются берестяные заплатки разного размера и назначения. Они обнаружены на стенках сосудов, на секциях тисок и в виде «отпечатков» отверстий вокруг каких-либо повреждений с отверстиями по краям повреждения. В настоящее время нами отобрано 18 шт. единиц заплаток.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что памятник городище Шеркалы 1 является уникальным объектом археологии, в культурных слоях которого сохранилось большое количество органических артефактов, в том числе из бересты. Для средневекового населения Нижнего Приобья береста являлась универсальным материалом, широко применяемым в быту и хозяйстве.

Библиографический список

- Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. (Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева; т. 98).
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2011.
- Кениг А. В., Зайцева Е. А., Родионова А. В., Пархимович С. Г., Липс С. А. Городище Шеркалы 1: страницы истории и новые открытия // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 188–197.
- Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985.
- Малиновский В. Б. К вопросу реконструкции позднесредневековой обуви по материалам Барабинской лесостепи // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1985. С. 117–124.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневекового. Новосибирск, 1990.
- Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М., 2001.
- Пархимович С. Г. Орнаментированные берестяные изделия раннего железного века с городища Шеркалы 1/2 (к проблеме этнической интерпретации кулайской культуры) // Археология и история Северо-Западной Сибири. Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. Вып. 6. С. 103–126.
- Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. 2. С. 35–56.
- Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Кемерово, 1999. Ч. 4: Одежда и украшения.

A. V. KENIG, S. A. PILIPENKO

BIRCH BARK AND BIRCH BARK ITEMS FROM SHERKALY 1 SETTLEMENT

Birch bark is the top layer of a birch rind. It is well known that owing to its unique properties birch bark was widely used since antiquity in the vast expanses of Northern Eurasia as a special material in con-

struction, manufacture of boats, household items, various artifacts, as a material for writing (birch bark letters), etc. Unfortunately, the archaeologists very rarely have a chance to examine this huge stratum of material culture. The report is the first presentation of a brief description of the archaeological assemblage of birch bark and birch bark items obtained as a result of 2018–2023 archaeological excavations of Sherkaly 1 settlement. In the course of excavations, the team discovered and studied about 300 birch bark items of varying degrees of preservation. Eleven main categories of birch bark items have been identified, including flooring and roof covering, birch bark vessels of various types (covered and uncovered boxes, and mixed design vessels), scabbards, footpads for skis, shoe parts, dolls, sanitary pad belts, cradles, and patches. Sherkaly 1 settlement is a unique archaeological site, in the cultural levels of which there was a large number of well-preserved organic artifacts, including birch bark items. It is obvious that for the population of the Lower Ob region, birch bark was a universal material widely used in everyday life and the economic activities.

Alexander V. Kenig – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: akenig@bk.ru

Sergey A. Pilipenko – Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia, Novosibirsk)

E-mail: pilipenkosergej@mail.ru

A. B. КОРОТАЕВ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КОБЫЛИХА В 2022–2023 ГГ.

В докладе освещаются результаты раскопок городища Кобылиха — одного из немногих памятников тундровой зоны Европейского Северо-Востока с сохранившимся культурным слоем и оборонительными сооружениями. В ходе работ практически полностью изучена площадка городища, получены новые сведения о средневековом населении долины нижнего течения р. Печоры, существенно пополнена база данных по естественно-научным исследованиям. Комплекс материалов позволяет говорить о городище как об укрепленном, постоянно обитаемом поселении, занимавшем выгодное географическое положение, хозяйство населения которого было основано на охотничьем промысле. На относительно высоком уровне находилась и металлообработка.

Коротаев Алексей Васильевич — Музейное объединение Ненецкого автономного округа (Россия, Нарьян-Мар)

E-mail: Akorotaev777@yandex.ru

Археологическим отрядом Музейного объединения Ненецкого автономного округа продолжено исследование городища Кобылиха, расположенного в юго-западной части озера Городецкое (долина р. Печоры, западная часть Большеземельской тундры). Памятник открыт И. Б. Барышевым в 2001 г. и представляет собой укрепленное валом и рвом поселение на возвышенном участке береговой террасы. Он существенно поврежден процессами водной эрозии, в настоящее время сохранилась площадка подовальной формы размером около 50 × 20 м, что составляет порядка трети от первоначальной, имевшей, вероятно, форму, приближенную к окружности. Вал высотой до 0,5 м, ров глубиной до 0,5 м и шириной до 1,5 м упираются концами в береговой склон и окружают площадку дугой [Барышев, 2010, с. 217].

Площадь раскопов 2022–2023 гг. составила 60 кв. м. Культурный слой памятника средней мощностью около 40 см представлен темноокрашенным гумусированным песком.

Выявлено шесть объектов. Пять из них — обгоревшие остатки деревянных конструкций в виде отдельных плах, скоплений обугленной древесины и углистой массы. Максимальные размеры до 3 м в длину и 1,5 м в ширину. К длинным плахам, линия продольной ориентировки которых (запад-северо-запад — юго-юго-восток) для всех объектов фактически совпадает, перпендикулярно примыкают более короткие фрагменты древесины. Вероятно, часть объектов была единым целым, о чем свидетельствует углистая масса и фрагменты древесины в пространстве между ними. К сожалению, плохая сохранность не позволяет сделать достоверных выводов об их конструктивных особенностях и назначении. Предположительно, некоторые из объектов были частью настила (помоста).

Еще один объект — скопление размером примерно 80 × 60 см и мощностью до 20 см, в котором найдено более 600 сырых костей животных. Часть памятника, где выявлено это скопление, насыщена костями и может быть сопоставлена с хозяйственно-бытовой зоной городища.

Обнаружено 2413 находок. Наиболее многочисленны (1806 находок) сырые и обработанные кости животных. Костяные изделия немногочисленны, среди них — фрагмент рога с изображением головы, предположительно, медведя, стилизованное изображение лосиной (?) головы, лопаточка с заостренным концом и насечками на боковых сторонах рукоятки, ложка. Часть костей имеют надрезы, оставленные при разделке туш.

Фрагменты керамической посуды составляют менее 10 % находок (83 орнаментированных и 151 неорнаментированный фрагмент). Орнамент керамики в общем виде — ямочно-гребенчатый. Выделено три формально-типологических группы:

- фрагменты украшены ямками в основании шейки; на венчике оттисками гребенчатого штампа орнаментирован его торец;
- украшены ямками и наклонными, вертикальными, горизонтальными оттисками гребенчатого штампа;
- керамика также украшена ямками, гребенчатым штампом, но к орнаментации добавляются и фигурные, в том числе, гребенчатые оттиски, например, ромбовидные.

Сосуды имеют прямые и отогнутые наружу шейки. Венчики и торцы как округлые, так и уплощенные, скошенные наружу. К сожалению, ни один из фрагментов не позволяет полно и достоверно реконструировать форму сосуда. В глиняное тесто примешивалась древесина.

От лепной посуды местного происхождения отличается один фрагмент неорнаментированной гончарной керамики с выраженной профилировкой и тщательно заглаженный, предположительно датированный XIII–XIV вв. С учетом происхождения ряда индивидуальных находок, происхождение аналогичной керамики может быть связано с Новгородскими землями.

Среди металлических изделий (всего 51 предмет).

— Спиралеконечная фибула с треугольным сечением дуги (по классификации М. В. Седовой). Аналогичные изделия датируются, в основном, X–XI вв. и встречены, в том числе в материалах Новгорода [Седова, 1987, с. 84–86].

- Круглая привеска с поперечным заклёпанным ушком для крепления.
- Привеска к шумящему украшению с фрагментом цепочки.
- Боевой наконечник стрелы с удлинённым насадом. Имеет уплощенное поперечное сечение и достаточно слабо выраженный упор, что может быть связано с его сильной коррозией. Предположительно сопоставлен с наконечниками 17-го типа, по А. И. Соловьёву,

известными, в частности, по материалам Западной Сибири с конца I тыс. н. э. [Соловьёв, 1987, с. 38].

– Две железные пластины, вероятно, заготовки, предназначенные для дальнейшей обработки.

– Железный нож и два фрагмента лезвий.

– Фрагменты котлов в виде пластинок цветного металла.

– Железные стержни, клинышки и др.

Прочие находки представлены фрагментами тиглей, шлаками, кусками обожженной глины, кремневыми изделиями, преимущественно сколами.

Определена видовая принадлежность 1 558 костей, из которых 553 принадлежали минимум 47 особям северного оленя; 137 костей – 24 особям бобра, представлены кости песка, куницы, лося, белухи, зайца, водоплавающих птиц, рыб, крупного рогатого скота, свиньи и др. [Косинцев, Лаптева, 2022, с. 4; Косинцев, 2023, с. 7]. Таким образом, охота велась преимущественно на северного оленя, однако, круг промысловых животных включал подавляющее большинство представителей местной фауны. Кости крупного рогатого скота и свиньи могут рассматриваться как еще одно свидетельство внешних контактов.

Получены данные о местной металлообработке. На памятнике могли существовать два типа металлургических сооружений, наземных горнов: простой, в котором шлак скапливался на чашеобразном полу печи, и более совершенный с выпуском шлака. Сырцевая база пока не до конца ясна, но, вероятно, связана с рудными выходами Тимана, Северного Урала и местными окисными рудами Большеземельской тундры [Мурыгин, Астахова, 2022, с. 40].

Радиоуглеродный анализ восьми образцов угля и шести образцов кости позволил датировать памятник периодом VII–XIII вв. [Бурова, Семенцов, Ришко, 2022, с. 20–22; 2023, с. 18–19], что не противоречит датировкам индивидуальных находок. Примечательно, что образцы кости дают в целом более ранние даты, а угля – поздние, что подтверждает, выдвинутое А. М. Мурыгиным, проводившим раскопки городища в 2019 г., предположение о наличии на памятнике двух культурно-хронологических горизонтов [Мурыгин, 2019, с. 24].

Городище Кобылиха наряду с Ортинским городищем, городищем и святилищем на р. Гнилке, поселением Югорская сопка и рядом других, входит в ареал этно-территориальной группы эпохи позднего железа, локализованной, преимущественно в долине нижнего течения р. Печоры – Новоборского (нижнепечорского) культурного типа. Эти памятники выделены, в том числе по керамическому материалу, отличающемуся от одновременных им керамических комплексов, выявленных в более глубоких тундровых районах. Аналогии керамики позволяют предположить контакты с культурами угорской или самодийской этнокультурной принадлежности обширного региона Нижней Оби, Ямала и Печоры. Возможно, именно население памятников Новоборского типа известно по летописным источникам как «печера» [Мурыгин, 2019, с. 24–25].

Библиографический список

- Барышев И. Б. Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2010. Т. 1. С. 216–230.
- Бурова Н. Д., Семенцов А. А., Ришко С. А. Научно-технический отчет по договору 270/11/2022 от 07.11.2022 г. о проведении научно-исследовательских работ на тему: «Проведение анализов на радиоуглеродное датирование 12 органических образцов, полученных в ходе археологического исследования памятника “городище Кобылиха” в Большеземельской тундре (Ненецкий

- автономный округ)». СПб., 2022 // Научный архив Музейного объединения Ненецкого автономного округа (НА МО НАО). Б/н.
- Бурова Н. Д., Семенцов А. А., Ришко С. А. Научно-технический отчет по договору 56-07-2023 от 17.07.2023 г. о проведении научно-исследовательских работ на тему: «Проведение анализов на радиоуглеродное датирование 4 (четырёх) органических образцов, полученных в ходе археологического исследования памятника в 2023 году “городище Кобылиха” в Большеземельской тундре (Ненецкий автономный округ)». СПб., 2023 // НА МО НАО. Б/н.
- Косинцев П. А., Лаптева Е. Г. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Естественнонаучные исследования в рамках комплексных работ по изучению археологического памятника «городище Кобылиха» (итоговый). Договор № /47/26526/ от 04.10.2022 г. Екатеринбург, 2022 // НА МО НАО. Б/н.
- Косинцев П. А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Естественнонаучные исследования в рамках комплексных работ по изучению археологического памятника “Городище Кобылиха”» (итоговый). Договор № 66/26594 от 13.09.2023 г. Екатеринбург, 2023 г. // НА МО НАО. Б/н.
- Мурыгин А. М., Астахова И. С. Шлаки из раскопок археологического памятника – городище Кобылиха (Ненецкий автономный округ) // Вестник геонаук. 2022. № 3 (327). С. 31–41.
- Мурыгин А. М. Отчет по итогам научно-исследовательских спасательных археологических исследований (раскопок) на объекте культурного наследия «городище Кобылиха» в р-не Городецкого озера (Большеземельская тундра) в Ненецком автономном округе по Договору № 2019.83643 от 14 марта 2019 г. с историко-культурным и ландшафтным музеем-заповедником «Пустозерск» (г. Нарьян-Мар) в 2019 г. (Открытый лист № 0086-2019). Сыктывкар, 2019. 89 л. На правах рукописи.
- Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Соловьёв А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.

A. V. KOROTAEV

2022–2023 EXCAVATIONS OF KOPYLIKHA HILLFORT

Kopylikha hillfort is one of the few archaeological sites of the tundra zone of the European Northeast with preserved cultural level and defensive structures. In the course of excavations, we have almost completely studied the area of the settlement, obtained new information about the medieval population of the valley of the lower reaches of the Pechora River, and significantly updated the database on the natural science research findings. The complex of materials allows describing the hillfort as a fortified, permanently inhabited settlement, which occupied an advantageous geographical position, and the economy of the population of which was based on hunting. Metalworking was also at a relatively high level.

Alexey V. Korotaev – Museum Association of the Nenets Autonomous Okrug (Russia, Naryan-Mar)
E-mail: Akorotaev777@yandex.ru

Н. Б. КРЫЛАСОВА

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОТЛЫ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В период родановской археологической культуры (XII–XV вв.) на территории современного Пермского края произошли существенные изменения в облике керамической посуды, что, в частности, выразилось в расширении ассортимента форм сосудов. Среди новых форм выделяются керамические котлы – объемные сосуды цилиндрической или усечено-конической формы с наибольшим расширением в придонной части тулова, с уплощенным дном. Они снабжались двумя лепными ушками для крепления железной дужки, при помощи которой котел подвешивали над огнем. Новая форма сосудов, а вместе с ней и новый способ приготовления пищи являются культурным

заимствованием. Несомненно, исходным образцом для них послужили медные котлы, которые являлись элементом престижа и, по-видимому, имели сакральное значение. Эти же качества сохранили и керамические котлы, судя по тому, что они не являлись массовыми, а в могильниках сопровождали мужские захоронения со статусными вещами.

Крыласова Наталья Борисовна — д.и.н., Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Россия, Пермь)

E-mail: n.krylasova@mail.ru

По современным представлениям, на рубеже XI–XII вв. в Пермском Предуралье произошла трансформация археологических культур — на смену ломоватовской пришла родановская культура (XII–XV вв.) [Белавин, Крыласова, 2016, с. 28–41]. Керамические традиции в плане выбора исходного сырья, примесей, особенностей формовки, обработки и обжига посуды существенных изменений не получили, но произошла смена орнаментации, сосуды приобрели уплощенное или плоское дно, часто стали снабжаться ручками, расширился ассортимент форм сосудов, что, вероятно, отражает изменения в кулинарных традициях.

В частности, с XII в. распространились глиняные котлы. Причиной их появления было подражание престижным и удобным в использовании металлическим котлам, которые стали массово производиться в конце XI–XII вв. [Руденко, 2000, с. 47, 56–57].

На поселениях и могильниках Пермского Предуралья встречено довольно много реконструируемых форм котлов и их фрагментов — ушек, железных дужек. Полные формы реконструированы по материалам Антыбарского, Телячий Брод, Агафоновского II могильников, Саломатовского и Рождественского городищ. Фрагменты котлов известны на Родановом, Кудымкарском, Саломатовском, Рождественском, Городищенском городищах, Телячий Брод, Антыбарском, Агафоновском II могильниках [Крыласова, 2007, с. 42, рис. 10].

Керамические котлы родановской культуры — это объемные сосуды цилиндрической или усечено-конической формы с наибольшим расширением в придонной части тулова, со слабо отогнутым или прямым венчиком, плавно переходящим в тулово, иногда со слабо выраженной шейкой, с уплощенным дном. Диаметр по венчику составлял 20–30 см, котлы с поселений имели объем около 7 л, из погребений — 4–5 л.

Характерной особенностью котлов является наличие двух полукруглых ушек, поднимающихся выше венчика сосуда. В ушках крепились железные дужки, аналогичные дужкам медных котлов. Форма ушек имеет два основных типа.

1. Наиболее распространенными являлись вертикальные петлевидные уплощенные ушки, которые возвышались над венчиком и вылепливались в процессе формирования верхней части сосуда. Округлое отверстие в ушке вырезалось в сырой глине. Обычно толщина ушка в 2–3 раза превосходит толщину венчика, очевидно для того, чтобы они могли выдержать не только значительную тяжесть самого сосуда, но и его содержимого. Простые полукруглые петли, вертикально поднимающиеся над венчиком, иногда имеют небольшой отгиб наружу. У котла из погребения 113 Антыбарского могильника под ушками имелись «чашечки», куда помещались петли железной дужки.

Чаще всего ушки котлов не имели дополнительного оформления, только на одном сосуде из могильника Телячий Брод край ушка был украшен насечками. Лишь для материалов Рождественского городища характерно оформление ушек котлов налепными

валиками, которые обрамляют ушко и завершаются двумя параллельными валиками, рельефно выступающими на стенках сосудов. На одном фрагменте наклепной валик оформлен резным орнаментом в виде «елочки».

2. Котлы с наружной горизонтальной петлей-ушком — отдельно вылепленная петля крепилась ниже венчика сосуда наподобие петельчатой ручки, только горизонтально. Единичные находки таких котлов представлены на Саломатовском городище.

Котлы обычно не орнаментировались, лишь в отдельных случаях на них встречается орнамент в виде наклонных отпечатков гребенчатого штампа (Саломатовское городище, могильник Телячий Брод) [Крыласова, 2023, рис. 12–13].

Появление котлов свидетельствует о новом способе приготовления пищи не в традиционном горшке, установленном непосредственно в очаге или на поду печи, а в емкости, подвешенной над огнем.

Пермское Предуралье не единственный регион, где известны керамические котлы.

Среди исследователей утвердилась точка зрения, что в Волжской Булгарии глиняные котлы появились у оседающих групп кочевого населения, и бытовали короткое время — при переходе к оседлому быту [Кокорина, 2004, с. 34]. Но вместе с тем, котлы известны и в XVIII этнокультурной группе керамики, которая датируется золотоордынским временем. Происхождение этой керамики у болгар Т. А. Хлебникова связывала с финно-угорскими городищами Пермского Предуралья, например Кудымкарским и Анюшкар, и чепецкими городищами, такими как Иднакар и Шудьякар. Наличие ее в слоях XIII — начала XV вв. на болгарских памятниках свидетельствует, по ее мнению, о существовании тесных связей населения Пермского Предуралья с Золотой Ордой [Хлебникова, 1988, с. 37–38, рис. 21, 10–11].

Известны и отдельные находки керамических котлов на территориях к востоку от Урала, появление которых, очевидно, связано с переселением отдельных групп прикамского населения за Урал.

В итоге можно утверждать, что керамические котлы являлись хоть и не очень массовым, но узнаваемым элементом родановской археологической культуры. Здесь они появились самостоятельно под влиянием престижной металлической посуды. Престижность и, возможно, сакральность этой формы посуды (о чем свидетельствует помещение керамических котлов в статусные мужские погребения) способствовала ее распространению не только в пределах родановской культуры, но и на тех территориях, куда, предположительно, переселялись ее носители в период какого-то катаклизма, приведшего к стремительному сокращению населения после XIII в.

Библиографический список

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.
- Кокорина Н. А. Керамические котлы Волжской Булгарии X–XIII веков // Краткие сообщения Института археологии. 2004. № 217. С. 34–45.
- Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007.
- Крыласова Н. Б. Керамическая посуда средневековых археологических культур Пермского края: учебное пособие. Пермь, 2023.
- Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань, 2000.

Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 7–102.

N. B. KRYLASOVA

CERAMIC POTS OF THE RODANOV CULTURE

During the period of the Rodanov archaeological culture (the 12th–15th centuries), significant changes occurred in the appearance of ceramic pottery in the territory of the modern Perm region, in particular, in the expansion of the variety of shapes of the vessels. A noticeable type of the new forms was represented by ceramic pots, large vessels of cylindrical or truncated-conical shape with the greatest expansion in the bottom part of the body, and with flattened bottom. They were equipped with two molded lugs for attaching an iron tug, by which the pot was suspended over the fire. The new shape of the vessels, and with it a new way of cooking, was a cultural borrowing. Undoubtedly, the initial model for them were the copper pots, which were an element of prestige and, apparently, had a sacred meaning. Ceramic pots retained the same qualities, judging by the fact that they were not mass-produced, and in the burial grounds they accompanied male interments containing the high status items.

Natalia B. Krylasova — Doctor of Historical Sciences, Institute for Humanistic Studies, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)
E-mail: n.krylasova@mail.ru

Г. В. КУБАРЕВ

КАМЕННЫЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗВАЯНИЯ ЧУЖЕЗЕМЦЕВ-ИНОПЛЕМЕННОКОВ НА АЛТАЕ И В СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

Доклад посвящен такому феномену как каменные изваяния чужеземцев-иноплеменников в среде тюркоязычных племен Алтая и сопредельных регионов. Благодаря антропологическому типу, особенностям костюма, наличию рунических надписей или тамг на том или ином изваянии, появляется возможность выделить скульптуры чужеземцев среди большого количества раннесредневековых изваяний. Это свидетельствует о мобильности представителей аристократии и военачальников разных племен (иногда, целых групп населения) в эпоху раннего Средневековья на территории Южной Сибири и Центральной Азии, когда, будучи союзниками, они полностью инкорпорировались в иноплеменную среду. Каменные изваяния, согласно обычаю большинства тюркоязычных племен, могли быть изготовлены даже для представителей тех народностей, у которых такая традиция отсутствовала вовсе — например, для согдийцев и кыргызов.

Кубарев Глеб Владимирович — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Как правило, раннесредневековые каменные изваяния (за исключением кимако-кыпчакских и уйгурских) на всей территории Центральной Азии и Южной Сибири именуются древнетюркскими и приписываются тюркам-туغو. Однако такой подход представляется излишне упрощенным и не соответствующим действительности, хотя бы потому, что в китайских письменных источниках упоминаются многочисленные телеские племена, обитавшие к северу от тюрков. Не исключено, что в будущем удастся выделить группы

скульптур и связать их с теми или иными племенами. Так, на мой взгляд, большая часть раннесредневековых древностей Алтая, включая каменные изваяния и оградки, должна принадлежать карлукам.

В лицах подавляющего большинства алтайских раннесредневековых изваяний угадываются монголоидные и, возможно, смешанные монголоидно-европеоидные черты: широкие лица с выступающими скулами, узкий, незначительно выступающий нос. Однако лица двух изваяний производят полное впечатление того, что перед нами европеоиды. Обе скульптуры обнаружены в одном и том же поминальном комплексе в местности Кеме-Кечу, в долине р. Аргут, в Южном Алтае. Кроме собственно европеоидных черт лица их объединяет между собой очень необычные для алтайских изваяний элементы костюма — глухая, без воротника, но с окантовкой верхняя одежда и головной убор, отдаленно напоминающий чалму (?) с рельефными валиками. Скорей всего, эти два изваяния выполнены одним и тем же мастером с небольшим временным интервалом. Больше всего по элементам костюма и европеоидным чертам лиц эти два изваяния соответствуют согдийцам. Абсолютно идентичная верхняя одежда воспроизведена на согдийце с барельефа саркофага из могилы согдийского *сабао* (торгового и дипломатического представителя) по имени Аньцзя, исследованной в городе Чаньянь. Такой же кафтан, а также наборный пояс с кинжалом и сумочкой изображены и на согдийцах в настенных росписях Пенджикента конца VII — начала VIII вв. Хорошо известно, что согдийцы в качестве торговцев и советников тюрков поселялись на исконно кочевых территориях, основывали свои колонии-поселения и, в том числе на территории Западной, Центральной и Внутренней Монголии. Из китайских источников известно, что среди простодушных и недальновидных тюрков проживало много коварных и хитрых ху (согдийцев), которые научают и направляют тюрков. Если эти два изваяния воспроизводят согдийцев, то необходимо признать, что они были полностью инкорпорированы в среду кочевников, и по их обычаю им была возведена поминальная оградка и изготовлены реалистичные изваяния. Поражает факт того, что эти два изваяния расположены в труднодоступном урочище Алтая.

Другим, редким примером воспроизведения согдийца, по-видимому, является каменная скульптура из аймака Завхан в Северо-Западной Монголии [Яценко, 2013, с. 425, рис. 10]. По справедливому мнению С. А. Яценко, черты лица, прическа в виде завитых спереди волос и ожерелье с бусинами на груди выдает в этом персонаже мужчину-согдийца.

Еще одним ярким примером скульптуры чужеземца является так называемый Тесинский богатырь, установленный первоначально на левом берегу Енисея, в междуречье Теси и Ербы в Хакасии. Это изваяние мужчины с сосудом в обеих руках, на спине которого в три строки нанесена руноподобная надпись. Невозможно не согласиться с Д. Г. Савиновым и И. В. Тункиной, которые интерпретировали это изваяние как скульптуру знатного тюркеша, занимавшего высокое положение в социальной иерархии государства енисейских кыргызов [Савинов, Тункина, 2018, с. 48]. *Terminus post quem* для этого мемориала является 711 год — дата похода тюрков под предводительством Тоньюкука и Могиляня через Саяны [Там же]. Подобную интерпретацию подтверждает перевод надписи на изваянии, посвященной знатному тюркешу. Он мог быть советником или военным предводителем тюркешей, входивших в антитюркскую коалицию и включавших кроме них кыргызов и карлуков. Необходимо отметить, что изготовление статуарных изображений вообще не было характерно для кыргызов.

Тем интереснее представляется изваяние из местности Харар-Тей, в Южной Туве, прилегающей к району оз. Убсу-Нур в Монголии [Кубарев В. Д., Кубарев Г. В., 2013, с. 69]. Тот факт, что это статуарное изображение выполнено в честь кыргыза подтверждается тем, что на каждой из его четырех граней выбита одна и та же так называемая четырехдужная тамга кыргызов. Любопытно, что изваяние было установлено на восток, но как таковая поминальная ограда отсутствовала. Однако согласно тюркской традиции, на восток от изваяния отходил длинный ряд балбалов. Учитывая то, что в эпоху «кыргызского великодержавия» (после 840 года) Тува становится второй после Минусинской котловины родиной для кыргызов, подобное изваяние кыргыза как результат смешения местного и пришлого населения и их традиций, не должен удивлять.

Таким образом, благодаря антропологическому типу, особенностям костюма, наличию рунических надписей, либо тамг на том или ином изваянии, появляется возможность выделить скульптуры чужеземцев среди большого количества раннесредневековых каменных изваяний. Это свидетельствует о мобильности представителей аристократии и военачальников разных племен в эпоху раннего Средневековья на территории Южной Сибири и Центральной Азии, которые, будучи союзниками или советниками, полностью инкорпорировались в иноплеменную среду. Каменные изваяния согласно обычаю большинства тюркоязычных племен могли быть изготовлены даже для представителей тех народностей, у которых такая традиция отсутствовала вовсе — например, для согдийцев и кыргызов.

Библиографический список

- Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2013.
- Савинов Д. Г., Тункина И. В. «Тесинский богатырь»: возвращение к оригиналу // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2018. № 6. С. 29–51.
- Яценко С. А. Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях // *Тюркологический сборник 2011-2012 гг. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств*. М., 2013. С. 413–431.

G. V. KUBAREV

EARLY MIDDLE AGE STONE SCULPTURED IMAGES OF FOREIGNERS IN THE ALTAI AND THE NEIGHBORING REGIONS

The subject of the study was a phenomenon of stone sculptured images of foreigners in the territories of Turkic-speaking tribes of Altai and the neighboring regions. The sculptured images of foreigners stand out in a large group of early medieval statues due to their anthropological type, the specifics of the costume, and the presence of runic inscriptions on some of the sculptured images. This is an evidence of mobility of the representatives of aristocracy and military leaders of different tribes (sometimes entire groups of the population) in the Early Middle Ages in the territory of Southern Siberia and Central Asia, when, as allies, they were completely incorporated into a foreign environment. Stone statues, according to the custom of most Turkic-speaking tribes, could be made even for the representatives of ethnic groups for which that tradition was completely alien, e. g. for the Sogdians and the Kyrgyz.

Gleb V. Kubarev — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Н. П. МАТВЕЕВА, Е. А. ТРЕТЬЯКОВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЛЕСОСТЕПНЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДИЩ***

Авторы ставят вопрос о разных функциях средневековых западносибирских городищ, рассматривая материалы раскопок разных лет на Усть-Терсюкском городище на р. Исеть, существовавшем в IV–XIII вв. Объект интерпретирован как ремесленный центр с жилыми и хозяйственными участками, разобранными сырודутными печами, кузнечными площадками и углежогными ямами. Аргументами являются свидетельства разных периодов обитания, перестройки оборонительных линий, следы их штурмов, типологические и радиоуглеродные датировки предметов, специфичность инвентаря, шлаки, обмазка печей, кузнечный брак, железный и медный лом для переплавки.

Матвеева Наталья Петровна – д.и.н., Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Третьяков Евгений Алексеевич – Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

E-mail: gor-tom@mail.ru

Планировка, длительность обитания и демографическая емкость укрепленных поселений лесостепи Западной Сибири пока не изучались. Вместе с тем ряд объектов, например, Усть-Терсюкское, позволяют ставить проблему оценки роли городищ, исходя из особенностей жилой среды и фортификации [Рафикова, Берлина, 2014; Матвеева и др., 2022; Матвеева, 2023; Матвеева, Сотников, 2024].

Усть-Терсюкское городище имеет площадь в 6,5 тыс. кв. м и селище. Поселок возник в IV–V вв. на мысу Исети, который был эскарпирован и обнесен частоколом по периметру. Потом частокол был снят, в VI–IX вв. сделаны валы и рвы на двух площадках. Вал потом досыпали и надстроили бревенчатой стеной до 2,5 м, ров шириной 3 м отнесли в напольную сторону, берму увеличили до 5,5 м. В XII–XIII вв. были вдвое усилены поперечные линии на каждой площадке. Каждый эпизод строительства документирован следами штурма [Матвеева и др., в печати].

На жилой площадке бакальским населением были построены малые срубные жилища с чувалами и обширными подпольями, вокруг которых обнаружены следы металлопроизводства. Прокалы от очагов диаметром 0,5 м вне построек представляются остатками кузнечных площадок на открытом воздухе, где проводились предварительный обжиг руды, скальвание шлаков с остывших криц, вторичная обработка железа и переплавка медного лома в тиглях. В находках были железный трехлопастной черешковый с кольцевым упором наконечник стрелы второй четверти I тыс. н. э., бронзовая псевдопряжка с V-образной рамкой VII–VIII вв., шилья железные, язычок бронзовой пряжки, муфта бронзовая, капля бронзы, бронзовый прут, железное тесло с несомкнутой втулкой, черешковые короткие ножи.

В деревянных наземных строениях обнаружены глинобитные печи: прямоугольные размером около 1,5 × 0,7–0,8 м. Они принадлежали к юдинскому периоду обитания, впущены во вторичное заполнение заброшенных бакальских жилищ, слой вокруг насыщен рудой, железными вещами и браком. Много ям размерами от 1,3 × 1 м до 2,5 × 3 м глубиной от 0,5 до 0,8 м имели прокаленный грунт, уголь, бытовой мусор в заполнении, с

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00215 «Оборонительная архитектура западносибирских городищ раннего средневековья» (рук. Н. П. Матвеева)

большинством из них рядом находились столбы. Полагаем, что это рабочие места около разобранных горнов с углежогными ямами, известными по Рачевской металлургической площадке в Прииртыше [Зыков, 1986]. В слое вокруг них найдены железные шлаки, кольчужное кольцо диаметром 1,3 см, язычок железной пряжки, пластинки лома от котелков, сконструированных заклепками и швом «в зубец», железные проволоочки, плоские стерженьки, кольцевидные и дуговидные обломки изделий, по-видимому, кузнечный брак, остря — лом для перековки. Аналогии обнаруживаются в лесном Зауралье на Туманском укрепленном поселении, городище Евра-25, Рачевском комплексе [Зыков, 2008; 2011], городище Черепаниха-2 [Чикунова, Якимов, 2012]. Находки говорят об обеспечении хозяйства и военных действий местным инвентарем. Престижные вещи из меди и бронзы относятся к категориям, известным на соседних территориях, и являются импортными. На поселении производились их ремонт, переплавка в другие изделия.

Пребывание бакальского населения здесь было всесезонным [Матвеева и др., в печати]. Оседлости требовал высокий уровень специализации в черной металлургии из-за стационарных условий работы, сложных сооружений, общей длительности операций по добыче, подготовке сырья и топлива, инструментов и приспособлений [Завьялов, Терехова, 2021, с. 136]. Вместе с тем, состав стада и кратковременность обитания на многих бакальских поселениях говорят о подвижном скотоводстве и функциональном разнообразии деятельности отдельных коллективов [Матвеева и др., 2022, с. 62–64]. На Усть-Терсюкском жили ремесленники. Рядовой характер их благосостояния не вызывает сомнения, так как ни кладов, ни тайников с готовой продукцией не оказалось. Возможно, они содержались в кладовых на цитадели, что требуется проверить дальнейшими раскопками.

Развитие ассортимента, детализация форм орудий по функциям в юдинский период, производство проволоки и приток импортных изделий установлены на Папском [Матвеева и др., 2020, с. 43], Черепанихе-2 [Чикунова, Якимов, 2012, рис. 5]. Следует отметить чрезвычайно трудоемкое и специфичное производство кольчужных доспехов на Усть-Терсюкском городище. Длительность использования его, Черепанихи-2, Боровиковского и других городищ, отличающихся насыщенностью культурного слоя продуктами металлургии и металлообработки, требует уточнения. Относительно высокая защищенность специализированных поселений металлургов может быть обусловлена привилегированным положением мастеров по металлу и ценностью производимых ими продуктов в западносибирских обществах.

Библиографический список

- Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Археометаллография: новый взгляд на старые проблемы истории железной индустрии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2021. Вып. 5. С. 129–143.
- Зыков А. П. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачёвского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 123–130.
- Зыков А. П. Находки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 131–140.
- Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Матвеева Н. П., Сотников В. А. О характере зауральских городищ эпохи раннего средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2. 2024. С. 84–97. DOI: 10.20874/2071-0437-2024-65-2-7

- Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Овчинников И. Ю. Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 31–48. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48
- Матвеева Н. П. Об оборонительных сооружениях бакальской культуры (по материалам Старо-Лыбаевского-1 городища, лесостепное Зауралье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 114–124. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-3-114-124
- Матвеева Н. П., Зыков А. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Алексеева Е. А., Клима Л., Кулешов В. С. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень, 2022.
- Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н., Третьяков Е. А., Якимов А. С. Фортификации Усть-Терсюкского городища эпохи раннего средневековья // Уфимский археологический вестник. В печати.
- Рафикова Т. Н., Берлина С. В. Фортификации городища Ласточкино Гнездо-1 эпохи средневековья: к проблеме культурных контактов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.
- Чикунова И. Ю., Якимов А. С. Городище Черепаниха-2: к вопросу об определении статуса // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 31–41.

N. P. MATVEEVA, E. A. TRET'YAKOV

SOCIO-ECONOMIC ROLE OF FOREST-STEPPE MEDIEVAL WEST-SIBERIAN HILLFORTS

The authors raise the question about different functions of West Siberian medieval hillforts, based on the study of different year's excavations materials at the Ust-Tersyuk hillfort on the Iset River, which existed in the 4th–13th centuries. The object is interpreted as a crafts center with residential and production areas, pulled down bloomery furnaces, smithy platforms and charcoal pits. The arguments in favor of this interpretation are the evidences of different periods of habitation, rebuilding of defense lines, traces of their assaults, typological and radiocarbon dating of objects, specificity of the inventory, slags, furnace lining, blacksmithing rejects, iron and copper scrap for melting.

Natalia P. Matveeva — Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Evgeny A. Tret'yakov — Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: gor-tom@mail.ru

В. И. МОЛОДИН, Л. Н. МЫЛЬНИКОВА, А. С. ПИЛИПЕНКО, Д. В. СЕЛИН

КЫШТОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СИНКРЕТИЗМ АВТОХТОННЫХ И ПРИШЛЫХ ТРАДИЦИЙ*

Представлены итоги мультидисциплинарного подхода к изучению материалов кыштовской культуры позднего Средневековья. Выявлены культурные и палеогенетические доминанты взаимодействия автохтонного (угорского) населения. Индикатором культуры является керамика. В результате комплексного исследования сосудов показано, что посуда кыштовской культуры отличается круглодонной и плоскодонной формой, традиционной технологией и зональной орнаментацией. На завершающей стадии культуры, с приходом с запада славянского этноса наблюдается появление плоскодонных сосудов, выполненных с использованием гончарного круга, а также наличие в ре-

* Работа выполнена в рамках «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

цепках формовочных масс органики в виде навоза мелкого рогатого скота. Исследование мтДНК свидетельствует о сходстве митохондриального генофонда поздних кыштовцев с современными угорскими группами Западной Сибири при несомненном влиянии южных компонентов, связанных с сибирскими тюркоязычными группами (сибирские татары).

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Мыльникова Людмила Николаевна – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

Пилипенко Александр Сергеевич – к.б.н., Институт цитологии и генетики СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: alexpil@mail.ru

Селин Дмитрий Вадимович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: selin@epage.ru

Памятники кыштовской культуры позднего Средневековья расположены в лесостепной – южно-таежной части Западной Сибири, на стыке тюркского и угорского миров. Культура выделена В. И. Молодиным [1987] на материалах серии монографически исследованных могильников (Кыштовка-1, Кыштовка-2) [Там же] и грандиозного святилища (Сопка-2) [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021]. Дальнейшие исследования позволили наметить четыре этапа в ее развитии на протяжении не менее восьми столетий [Молодин, Соловьев, 2012; 2019]. Истоки культуры уходят в эпоху раннего железа и связаны с белоярской культурой Сургутского Приобья [Молодин, 2017].

Индикатором культуры является керамика, для которой проведен технико-технологический анализ с применением методов естественных наук. Выявлена демонстрация устойчивых технологических и орнаментальных традиций, сохраняющихся на протяжении всего времени существования. Посуда кыштовской культуры отличается круглодонной и плоскодонной формой, традиционной технологией и зональной орнаментацией. На завершающей стадии культуры, с приходом с запада славянского этноса наблюдается появление новых форм сосудов (плоскодонных), выполненных с использованием гончарного круга [Молодин, 1979] и особой добавки в формовочную массу в виде навоза мелкого рогатого скота. Западное (славянское) влияние на автохтонную, в основе – угорскую – культуру проявляется и в инвентаре (монеты и западноевропейские счетные жетоны, перстни, проушные железные топоры).

На более раннем этапе (XII–XVI вв.) угорская атрибутика и проявления ритуальной практики подвергались воздействию южных, степных импульсов, связанных с древнетюркским миром, что нашло отражение в присутствии в комплексах предметов, характерных для сrostкинской культуры, а также иранского зеркала [Молодин, 1979] и железных кувшинов.

Одним из важнейших направлений междисциплинарного исследования на данный момент является анализ генофонда носителей кыштовской культуры. Для этого сформирована диахронная выборка из нескольких могильников, относящихся к различным этапам ее развития (могильники Кыштовка-1, 2, Сопка-2, Усть-Изес-1). Результаты, полученные

на уровне митохондриальной ДНК (мтДНК) для наиболее репрезентативной серии из могильника Кыштовка-2, относящейся к заключительному (кыштовскому) этапу (XVII–XVIII вв. н. э.), свидетельствуют о наибольшем сходстве митохондриального генофонда поздних кыштовцев с современными угорскими группами Западной Сибири при несомненном влиянии более южных компонентов, связанных с сибирскими тюркоязычными группами (сибирские татары). В настоящее время выполняется диахронный анализ мтДНК с целью реконструкции динамики формирования генетической структуры населения на предшествующих этапах существования кыштовской культуры, а также аналогичный анализ на уровне мужского генофонда. Это позволит верифицировать и детализировать предварительные реконструкции, полученные на уровне митохондриального генофонда.

Таким образом, мультидисциплинарный подход к пониманию кыштовской культуры позволяет проследить культурные и палеогенетические доминанты взаимодействия автохтонного (угорского) населения.

Библиографический список

- Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979.
- Молодин В. И. Угорские памятники эпохи позднего Средневековья в Обь-Иртышской лесостепи. Кыштовская культура // XVII Всесоюзная фино-угорская конференция. 2: Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение. Устинов, 1987. С. 54–56.
- Молодин В. И. Кыштовская культура — южный анклав угров в эпоху Средневековья (Иртышское правобережье) // I Международная конференция «Археология Арктики». Салехард, 19–22 ноября 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 94–97.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. Новосибирск, 2021.
- Молодин В. И., Соловьев А. И. Кыштовская культура: вариативность погребальной практики и обрядов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 197–210.
- Молодин В. И., Соловьев А. И. Кыштовская культура // История Сибири. Железный век и Средневековье. Новосибирск, 2019. Т. 2. С. 381–384.

V. I. MOLODIN, L. N. MYLNIKOVA, A. S. PILIPENKO, D. V. SELIN

KYSHTOVO CULTURE OF THE LATE MIDDLE AGES PERIOD IN WESTERN SIBERIA: SYNCRETISM OF THE AUTOCHTHONOUS AND MIGRANT POPULATION TRADITIONS

The report presents the results of a multidisciplinary research of the materials of the Kyshtovo culture of the late Middle Ages. The authors revealed the cultural and paleogenetic dominants of the contacts between the autochthonous (Ugric) and other groups of population. Pottery was used as an indicator of cultural attribution. As a result of a comprehensive study of vessels, it was shown that the Kyshtovo culture pottery was characterized by round-bottomed and flat-bottomed shapes, traditional technology and zonal ornamentation. At the final stage of the culture, with the arrival of the Slavic groups from the West, we noted the appearance of flat-bottomed vessels made with the use of a potter's wheel, as well as the presence of organic components in molding compositions in the form of small ruminants manure. The mtDNA study indicated the similarity of the mitochondrial gene pool of the late Kyshtovo population with the modern Ugric groups of Western Siberia, with the undoubted influence of the southern components associated with the Siberian Turkic-speaking groups (the Siberian Tatars).

Vyacheslav I. Molodin — Academician of the RAS, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Ludmila N. Mylnikova — Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

Alexander S. Pilipenko — Candidate of Biological Sciences, Institute of Cytology and Genetics, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: alexpil@mail.ru

Dmitrii V. Selin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: selin@epage.ru

К. В. МОРЯХИНА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ АВЕРИНСКОГО II И АВЕРИНСКОГО I СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Доклад посвящен сравнительному анализу погребального обряда поздней части Аверинского II (погребения X–XI вв.) и Аверинского I (XII–XIV вв.) могильников, границы которых примыкают к друг другу. Памятники расположены на правом берегу р. Камы в Афанасьевском районе Кировской области. На памятниках отмечены различия в способе захоронения, а также в размерах и конструкциях погребальных ям. Для Аверинского II могильника характерна биобрядность захоронения с преобладанием кремации, на Аверинском I могильнике все захоронения выполнены по обряду ингумации. Отличается и погребальный инвентарь. Различия отмечены по форме и орнаментации керамики. Также на памятниках совершенно разные типы украшения, что заметно по поясным пряжкам, подвескам и височным кольцам.

Моряхина Кристина Викторовна — к.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)

E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аверинские могильники расположены на краю коренной террасы правого берега р. Камы, в 100 м к юго-востоку от д. Харино Афанасьевского района Кировской области. Аверинский I могильник фактически примыкает своим восточным краем к Аверинскому II (к его западной поздней части). Аверинский II могильник имеет широкую датировку — VI–XI вв., Аверинский I датируется XII–XIV вв. [Голдина, Кананин, 1989, с. 124, 125]. Возникает закономерный вопрос: можно ли говорить о культурном единстве этих памятников? Ранее был проведен статистический анализ памятников В. А. Кананиным, который показал степень близости 65,4 % [Там же, рис. 36]. В докладе, в отличие от предшествующей работы, сравниваться будут материалы только поздней части (X–XI вв.) Аверинского II и Аверинского I могильников. Стоит отметить, что этот вопрос актуален в рамках споров о датировке ломоватовской и родановской культур [Белавин, Крыласова, 2016; Голдина, 2016]. Если исходить из концепции В. А. Оборина, Р. Д. Голдиной, то поздняя часть Аверинского II (погребения X–XI вв.) и Аверинский I относятся к родановской культуре. В погребальном обряде Аверинского II могильника отмечены устойчивые черты на протяжении всего времени существования, и в IX в. не отмечено никаких серьезных изменений [Моряхина, 2024].

На Аверинском II могильнике к X–XI вв. отнесено 25 погребений [Голдина, Кананин, 1989, рис. 66], на Аверинском I всего изучено 26.

Анализ погребального обряда показывает, что на памятниках существенно различаются способы захоронения и конструкции ям. На Аверинском II могильнике 60 % захоронений совершены по обряду кремации, на Аверинском I — все по обряду игумации. На Аверинском II могильнике погребальные ямы преимущественно средние (40 %) и большие (48 %), зафиксированы в редких случаях конструкции в виде ниш (4 %) и уступов (12 %). На Аверинском I могильнике больших ям нет, почти все среднего размера (96,2 %), конструктивные особенности ям не выявлены. Угли и кости животных в заполнении ям чаще встречаются на Аверинском II могильнике (88 % и 40 % соответственно), чем на Аверинском I (61,5 % и 23,1 % соответственно). На Аверинском II могильнике погребенного могли заворачивать в бересту (12 %) или укладывать на настил (12 %) или в гробовище (4 %), в одном случае индивид был уложен на настил и сверху укрыт берестой. На Аверинском I могильнике обнаружены только следы настила (7,69 %).

Отличается и погребальный инвентарь на памятниках. На Аверинском II могильнике всего в двух погребениях отсутствует керамика, в остальных обнаружены либо целые сосуды (в 52 %) или фрагменты (в 88 %). На Аверинском I могильнике всего в 26,9 % погребений была керамика, из них 7,7 % — целые сосуды, 19,2 % — фрагменты керамики. Керамика на этих памятниках отличается внешне: на керамике из Аверинского II могильника более изогнутая шейка, венчик всегда отогнут, орнамент разнообразен (шнуровой, гребенчатый, ямочный) [Голдина, Кананин, 1989, рис. 42–43], на Аверинском I могильнике у половины керамики венчик не отогнут, большинство фрагментов не орнаментировано, в редких случаях орнаментированы насечками [Там же, рис. 44].

Среди украшений на Аверинском II могильнике преобладают подвески (в 52 % погребений) и бусы (в 68 % погребений), на Аверинском I — поясные пряжки (38,4 %) и бусы (34,6 %). Различия в украшениях заметны не только в количестве, но и в распространенных типах изделий. На Аверинском II могильнике в погребениях X–XI вв. обнаружены пряжки с приостренным концом задней пластины и шарнирные [Там же, рис. 47, 3; рис. 48, 4]. Подвески этого времени представлены умбонovidными шумящими, арочными шумящими с изображением медведя, подвески-костыльки, кольцеобразные [Там же, рис. 51, 11; рис. 52, 20, 27, 29; рис. 53, 4, 12]. Из височных колец встречаются гроздевидные, с привесками в виде капель, повешенных на цепочках [Там же, рис. 45, 13, 20, 22]. Представленный набор украшений весьма типичный для позднемоноватовских памятников, изделия имеют местное происхождение. На Аверинском I могильнике найдены рамчатые пряжки овальной или прямоугольной формы [Там же, рис. 65, 1–4, 8]. Для памятника характерны плоские подвески-медальоны круглой или ромбической формы, височные кольца в виде знака вопроса [Там же, рис. 64, 1, 8, 9]. Такие височные кольца датируются XIII–XIV вв. и, вероятно, являются импортными [Подосенова, 2009, с. 118]. На Аверинском I могильнике обнаружены ракушки каури.

Предметы вооружения и орудия труда, обнаруженные на памятниках, во многом схожие: стрелы, топоры, ножи, кресала, пряслица. На Аверинском II могильнике, помимо этого, в погребениях X–XI вв. обнаружены элементы конской сбруи (удила, стремяна), деревообрабатывающий инструментарий (скобель), рыболовный крючок.

Таким образом, в погребальном обряде Аверинского II и Аверинского I могильников заметны различия как в самих чертах обряда (в первую очередь это способ захоронения, конструкция и размер погребальной ямы), так и в сопровождающем материале. На Аверинском I могильнике материал более скудный, что заметно по количеству украшений,

керамики и ее орнаментации. Различия в обряде могут быть связаны со сменой культур, что, в свою очередь, могло быть обусловлено культурными влияниями извне или с оттоком одного населения и приходом нового населения на данную территорию. Последнюю теорию выдвинули А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова на основе анализа всех средневековых памятников Пермского Предуралья [Белавин, Крыласова, 2016]. Стоит еще раз подчеркнуть, что изменения в погребальном обряде на Аверинских могильниках выявлены на рубеже XI–XII вв., когда перестает существовать один памятник, и начинает функционировать новый.

Библиографический список

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (32). С. 28–41.
 Голдина Р. Д. К итогам дискуссии «Угры в Предуралье» // Российская археология. 2016. № 2. С. 102–119.
 Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург, 1989.
 Моряхина К. В. Хронологические особенности погребального обряда Аверинского II могильника // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 305–317.
 Подосенова Ю. А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

K. V. MORYAKHINA

ON THE ISSUE OF CULTURAL UNITY OF AVERINY II AND AVERINY I MEDIEVAL BURIAL GROUNDS OF THE PERM CIS-URALS

The subject of the study was a comparative analysis of the funeral rite of the late part of Averiny II (the 10th–11th centuries interments) and the adjacent Averiny I (the 12th–14th centuries) burial grounds. The sites were located on the right bank of the Kama River in the Afanasyev district of the Kirov region. We noted the differences in the method of burial, as well as in the size and designs of burial pits. The Averiny II burial ground was characterized by bi-ritual funeral practices with a predominance of cremation, while in the Averiny I burial ground all interments were the inhumation type burials. The grave goods also differed. We noted the differences in the shape and ornamentation of the pottery. There were also completely different types of jewelry in the interments, which was apparent in belt buckles, pendants and temple rings.

Kristina V. Moryakhina – Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia)
 E-mail: kmoryaxina@mail.ru

A. M. МУРЫГИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НОВОБОРСКОГО ТИПА НА НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ (СЕРЕДИНА I — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.)

Анализ археологических источников эпохи железа из Субарктической и Арктической зоны северо-востока Европы позволил выделить на нижней Печоре локальную группу археологических памятников новоборского типа. Определены соответствующие им археологические комплексы середины I — первой половины II тыс. н. э. На протяжении всего своего существования по традициям керамического производства они значительно отличались от бытовавших в одно время с ними археологических памятников субарктического типа, расположенных в континентальной тундре. В число основных дифференцирующих признаков новоборской группы населения входили

особенности естественно-географической среды обитания и природно-ресурсного потенциала, сформировавшими специфику хозяйственного уклада.

Мурыгин Александр Михайлович — к.и.н., Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Россия Сыктывкар)
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

Археологические источники позволили выделить на территории тундры северо-востока Европы и прилегающих районов северной тайги не менее двух этнокультурных образований. Жизненный уклад первого из них, археологически представленного керамикой *субарктического типа* [Мурыгин, 2016, рис. 2–7], был адаптирован к обитанию большей частью в континентальных районах Большеземельской и Ямальской тундр и на их прибрежно-береговых участках и островах (о. Вайгач). Археологические памятники второго располагались, главным образом, в долине Заполярной Печоры. Они документированы археологическими памятниками V–XIII вв. н. э. *новоборского типа* [Там же, рис. 10, 11] — городища Новый Бор I–IV, Ортинское, Кобылиха, Гнилка городище и святилище, поселения Денисовский Шар, Коткино I и Югорская сопка. Культурные остатки памятников, наиболее ранним из которых является поселение Югорская сопка, фиксируют появление на нижней Печоре новой традиции. Основным компонентом ее формирования являлись коллективы, проникшие на Крайний Север из районов угро-самодийского ареала обитания.

Для области распространения археологических памятников новоборского типа характерны территориально-хозяйственные антропогенные комплексы и соответствующие им археологические микрорайоны (АМР) [Мурыгин, 2023]. Здесь относительно хорошо изучены новоборский (городища Новый Бор I–IV) и городецкий АМР (городище Кобылиха, городище и святилище Гнилка, поселение Югорская сопка).

Способ деятельности новоборского населения определяли в значительной степени особенности естественно-географической среды обитания в высоких широтах и природно-ресурсный потенциал низовий р. Печоры. Основным объектом охоты для нижнепечорских коллективов на протяжении всей эпохи Средневековья был северный олень. В культурном слое памятников определены также кости лося, медведя, бобра, зайца, лисицы, соболя, утки, глухаря, налима, нерпы. Разнообразие видов промысловой деятельности значительно повышало устойчивость системы жизнеобеспечения населения. В состав жертвенных животных на святилище Гнилка, кроме промысловых видов, входили свинья и домашняя собака. Кости собаки найдены также на городище Кобылиха.

Целый ряд находок на поселении Югорская сопка свидетельствуют о развитии уже на раннем этапе местной металлургии и металлообработки цветных и черных металлов. На поселении выделяется производственная зона, где были сосредоточены остатки сооружений для получения железа из болотных руд в его, видимо, архаичном виде — варкой на открытых кострах с глиняными вымостками или в примитивных сырдутных горнах.

Использование местных железистых руд не прерывалось на протяжении последующих столетий. На городище Кобылиха выявлены остатки двух домниц, шлаки, крицы, кузнечные изделия, а также орудия бронзолитейного производства. Остатки железодельного (шлаки и фрагменты крицы) и бронзолитейного производства (обломки керамических тиглей) обнаружены на городище Гнилка. На Ортинском городище расчищена

постройка с остатками горна, железными шлаками, фрагментами тиглей и кузнечными щипцами. Следы железоделательного производства выявлены на городищах Новый Бор I–IV. Результаты археоминералогических исследований отходов металлургического производства, изделий из черного и цветных металлов из раскопок поселений Югорская сопка, Денисовский Шар и городища Кобылиха [Астахова, Мурыгин, 2022; Мурыгин, Астахова, 2022; Астахова, Мурыгин, Коротаев, 2023; Murygin, Astakhova, 2023], свидетельствуют об аналогичных схемах металлургии железа, распространенных по всей территории обитания новоборских коллективов. Металлургическое производство имело небольшие объемы. Источником сырья для цветной металлургии могли служить медистые окисные руды с месторождений Урала и Тимана и вторичная переплавка утилизированных импортных украшений и предметов быта.

Независимо от географического положения, общим условием при выборе участка местности с концентрацией мест обитания в археологических микрорайонах являлась, прежде всего, совокупность благоприятных факторов естественной среды обитания, достаточных для устойчивого существования коллективов в данном месте на определенном отрезке времени. Однако в зависимости от конкретных обстоятельств могли возникать особые ситуации, требующие сосредоточения коллективов на той или иной ограниченной территории. Так, специфической чертой средневековых АМР нижней Печоры является их размещение на удалении от основного русла реки — на русловых протоках и прилегающих озерах, соединенных с главной речной артерией небольшими водотоками. Для памятников новоборского типа характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка), наличие укреплений в виде валов и рвов (Гнилка, Кобылиха, Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). Находки фрагментов древнерусской керамики на поселениях новоборского типа XII–XIII вв. н. э. (Кобылиха, Новый Бор III) предполагает присутствие в среде местного населения ее носителей, а позднее — в XIII–XIV вв. н. э., возможно, основание ими постоянных мест обитания (селище Новый Бор).

Библиографический список

- Астахова И. С., Мурыгин А. М. Металлические предметы из раскопок городища Кобылиха (Ненецкий автономный округ) // Геоархеология и археологическая минералогия-2022. Миасс; Челябинск, 2022. С. 169–174.
- Астахова И. С., Мурыгин А. М., Коротаев А. В. Кузнечные предметы из раскопок археологического памятника городище Кобылиха (Ненецкий автономный округ) // Материалы Годичного собрания РМО «Минералого-геохимические исследования для решения проблем петро- и рудогенеза, выявления новых видов минерального сырья и их рационального использования» и Федоровской сессии 2023. СПб., 2023. С. 217–218.
- Мурыгин А. М. Арктический регион крайнего северо-востока европейской части России в эпоху средневековья // Археология Арктики: сборник. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 183–203.
- Мурыгин А. М. Особенности заселения нижней Печоры в позднем железном веке (середина I — первая половина II тысячелетия н. э.) // II Лавёровские чтения. Арктика: актуальные проблемы и вызовы: сборник научных материалов, г. Архангельск, 13–17 ноября 2023 г. Архангельск, 2023. С. 955–959.
- Мурыгин А. А., Астахова И. С. Шлаки из раскопок археологического памятника городище Кобылиха (Ненецкий автономный округ) // Вестник геонаук. 2022. № 3. С. 31–41.
- Murygin A., Astakhova I. Experience of microprobe research of archaeological items from the excavations of the Yugorskaya Sopka settlement (Nenets Autonomous Area) // Lecture Notes in Networks and Systems. Cham, 2023. Vol. 574. P. 2125–2133.

A. M. MURYGIN

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE NOVOBOR TYPE ON THE LOWER PECHORA (MID 1ST — FIRST HALF OF THE 2ND MILLENNIUM AD)

The study of the Iron Age archaeological sources from the Subarctic and Arctic zones of northeastern Europe made it possible to identify a local group of archaeological sites of the Novobor type on the lower Pechora region. The authors described the corresponding archaeological complexes of the middle of the 1st — the first half of the 2nd millennium AD. Throughout the whole period of their existence, they differed significantly in the pottery traditions from the synchronous subarctic archaeological sites in the continental tundra. The main differentiating traits of the Novobor population group included the characteristics of the natural geographical habitat and the natural resource potential, which influenced the specifics of their economy.

Alexander M. Murygin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

Е. М. ОРЛОВА, Л. С. ШУМИЛОВСКИХ, М. Л. ПЕРЕСКОКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ПЕРМСКОМ ПРИУРАЛЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Предполагается, что изменение природно-климатических условий повлияло на социально-экономические процессы, происходившие в I тыс. н. э. на территории Прикамья. С целью проверки гипотезы был проведен археоботанический анализ. Отобраны пробы из культурных слоев с пяти памятников эпохи раннего железного века и Великого переселения народов. Результаты исследования дополнили данные о специфике хозяйственно-культурного типа местного населения Приуралья.

Орлова Елизавета Михайловна — Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
E-mail: orlihaliza@gmail.com

Шумиловских Людмила Сергеевна — PhD, Dr. rer. nat., Гёттингенский университет им. Георга Августа; Томский государственный университет (Германия, Геттинген; Россия, Томск)
E-mail: shumilovskikh@gmail.com

Перескоков Михаил Львович — к.и.н., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
E-mail: pereskokoff@yandex.ru

В I тыс. н. э. на территории Пермского Приуралья существовало несколько археологических культур раннего железного века — гляденовская и сформировавшиеся на ее основе под влиянием внешних факторов неволинская на юге и ломоватовская на севере в период раннего Средневековья. В этот период происходили изменения в культурных традициях и в экономическом развитии региона, на что влияли внутренние факторы — изменение количества населения, хозяйственно-культурного типа, а также внешние миграционные процессы (появление пришлого степного населения), трансформация окружающей среды (смена климата, изменение природных ландшафтов). Предположительно, перемены в экологических условиях проживания человека спровоцировали серьезные социально-эко-

номические изменения в обществе, значительные миграции [Перескоков и др., 2020, с. 85]. Но археологические данные не дают полное представление о происходивших изменениях.

Для воссоздания полноценной реконструкции контекста социально-экономических процессов проведены палеоботанические исследования, в ходе которых отобраны образцы из культурных слоев памятников гляденовской и неволинской культур, расположенных на территории Пермского края. Пробы отбирались из разных объектов — хозяйственных ям, валов, ров, курганных канавок. Суммарное количество составляет 24 образца объемом 72 л. Обугленные археоботанические останки получены с помощью флотационной машины. Идентификация высушенных останков была произведена с помощью стереомикроскопа с увеличением до 40× с помощью коллекций семян, справочных материалов [Cappers, Bekker, Jans, 2006, p. 130].

Памятники располагаются на тулвинской (Бардымское V и Кудашевское I городища), черновской (Черновское I городище) и сылвенской (Калашниковский могильник и поселение) племенных территориях гляденовской культуры [Перескоков, 2018, с. 108], а также Чашинское III селище (неволинская культура). Культурные слои Кудашевского I и Бардымского V городищ характеризуются как черный рыхлый суглинок. Макроостатки представлены культурными злаками (15 %) — пшеницей двузернянкой, ячменем обыкновенным, овсом посевным; среди сорных растений (14 %) распространенными являются манжетка, марь белая, подмаренник ложный и настоящий, горец вьюнковый, лютик ползучий, звездчатка водная, чина луговая; также были выявлены костянки малины обыкновенной, бузины красной (5 %) и хвоя ели и пихты (1 %). Слои Черновского I городища представлены черным рыхлым суглинком с углем, керамикой, костями животных. Из зерновых культур (40 %) также встречаются пшеница мягкая и спельта; помимо распространенных сорных видов (31 %) найдены семена осоки, льнянки, щавеля кислого и воробьиного, дремы двудомной, конопли посевной, а также земляники лесной (5 %) и могоара. На Калашниковском могильнике и поселении культурные слои представлены темными и светло-серыми суглинками [Перескоков, 2022, с. 85]. На Чашинском III селище залегает черный рыхлый суглинок [Якимова, 2022, с. 46]. Выявлено незначительное количество остатков растений на этих памятниках — культурные злаки (5 %) обнаружены только на селище, к рудеральным видам (13 %) отнесены иван-чай узколистый и горчица полевая.

Растительный материал на всех изученных памятниках был небольшим, что связано с маленькой выборкой проб. Видовой состав как культурных, так и сорных растений очень схож по большинству встречающихся экземпляров. Основными посевными культурами были пшеница двузернянка и ячмень обыкновенный, тогда как рост спельты на Черновском I городище подтверждается находкой колосовидной вилки, вероятно, также выращивались пшеница мягкая и овес посевной. Несмотря на немногочисленность, эти таксоны указывают на местную агротехнику посева яровых злаков. Предположительно, разнообразие встречающихся второстепенных злаковых культур в разных микрорегионах гляденовского времени можно объяснить влиянием пришлого степного населения, так как находок зерна овса, спельты и пшеницы мягкой не было зафиксировано на территории Пермского Приуралья ранее гляденовского времени [Перескоков, 2018, с. 27]. Семена конопли и могоара, найденные на Черновском I городище, могли попасть вместе с кочевыми группами. Практически однотипный набор

* Подсчитано от общего количества найденных остатков на каждом памятнике.

рудеральных растений указывает на произрастание этих видов вблизи поселений и служит маркером антропогенного воздействия на окружающую среду. Постоянное присутствие костянок плодовых растений говорит о практике собирательства и употребления их в пищу.

Результаты археоботанического анализа пяти поселений предоставили новые материалы, обогатив базу данных по палеоэкологии эпохи раннего железного века в Прикамье. Растительные комплексы хорошо соотносятся с информацией пыльцевых колонок, полученных из торфяных отложений Пальтинского, Уинского болот и озера Круглого, находящихся вблизи исследуемых поселений [Shumilovskikh et al., 2021, p. 4076]. Пыльцевые данные подтверждают высокое антропогенное воздействие на растительный покров, присутствие рудеральных видов и сельскохозяйственных культур в периоды гляденовской и неволинской культур. Археоботанические данные дополняют информацию о социально-экономических процессах, происходивших в первом тысячелетии на территории Пермского Приуралья. Несмотря на существенные культурные и миграционные изменения, хозяйственно-культурный тип оставался прежним, существовало развитое скотоводство с небольшой долей земледелия, предположительно, являвшегося подсечно-огневым. Стоит отметить, что пшеница двузернянка, спельта и ячмень возделывались на протяжении многих веков. Возможно, они стали типичными культивируемыми растениями в лесной зоне [Орлова, Шумиловских, Перескоков, 2023, с. 190].

Библиографический список

- Орлова Е. М., Шумиловских Л. С., Перескоков М. Л. Земледелие у населения мулянской племенной территории в эпоху раннего железного века // XVI Бадеровские чтения, Пермь, 2023. С. 187–191.
- Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018.
- Перескоков М. Л. Отчет о проведении археологических раскопок на территориях объектов культурного наследия федерального значения «Черновское I, городище» в Краснокамском районе, «Гляденовское костыше» в Пермском районе, «Калашниково I, могильник» в Кунгурском районе Пермского края в 2020 г. // Архив Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета. Пермь, 2022.
- Перескоков М. Л., Шумиловских Л. С., Санников П. Ю., Мингалев В. В., Мингалева М. К., Козьякова П. С. Адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде Приуралья в раннем железном веке и эпоху Великого переселения народов: первые результаты и перспективы исследования // Экология древних и традиционных обществ: материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Тюмень, 2020. Вып. 6. С. 84–87.
- Якимова Д. А. Отчет об археологической разведке в Бардымском, Осинском и Уинском районах Пермского края в 2020 г. // Архив Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета. Пермь, 2022.
- Cappers R. T. J., Bekker R. M., Jans J. E. A. Digitale Zadenatlas van Nederland: Digital Seed Atlas of the Netherlands. Eelde, 2006.
- Shumilovskikh L., Sannikov P., Efimik E., Shestakov I., Mingalev V. Long-term ecology and conservation of the Kungur forest-steppe (pre-Urals, Russia): case study Spasskaya Gora // Biodiversity and Conservation. 2021. Vol. 30. P. 4061–4087.

E. M. ORLOVA, L. S. SHUMILOVSKIKH, M. L. PERESKOKOV

NEW DATA ON AGRICULTURE IN THE PERM CIS-URALS IN THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES PERIOD (ACCORDING TO PALEOBOTANICAL DATA)

It is assumed that the change in natural and climatic conditions influenced the socio-economic processes that took place in the 1st millennium AD in the territory of the Kama region. In order to test the hypothesis,

we conducted an archaeobotanical study. Samples were taken from the cultural levels of five archaeological sites of the Early Iron Age and the Great Migration of Peoples period. The results of the study supplemented the data on the specifics of the economic and cultural type of the local population of the Urals.

Elizaveta M. Orlova – Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: orlihaliza@gmail.com

Lyudmila S. Shumilovskikh – PhD, Dr. rer. nat., Georg-August-University of Göttingen; Tomsk State University (Germany, Göttingen; Russia, Tomsk)

E-mail: shumilovskikh@gmail.com

Mikhail L. Pereskokov – Candidate of Historical Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: pereskokoff@yandex.ru

Ю. А. ПОДОСЁНОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ «СЕРЕБРЯНЫЕ» КЛАДЫ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Всестороннее изучение средневековых кладов Пермского Предуралья требует более глубоко анализа подобного рода находок. Работа с опубликованными и архивными материалами позволила сделать предварительные выводы. Собрана информация о 36 кладах и 28 местонахождениях изделий из драгоценных металлов. По составу выделены монетные клады, клады с украшениями, клады торевтики, клады смешанные. Среди них можно выделить и клады производственного назначения. Отдельные клады имеют «сомнительный» характер и являются, скорее всего, материалами разграбленных в XIX – начале XX вв. погребальных памятников. Период сокрытия кладов и местонахождений – с VII по XIII вв. Выявленные проблемы на этапе «архивного» изучения показывают вектор дальнейших исследований.

Подосёнова Юлия Александровна – к.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)

E-mail: podosenka@yandex.ru

Поиск источников серебра в направлении изучения прикамского ювелирного ремесла, а также феномена «серебра Закамского» предопределил необходимость исследования кладов, обнаруженных на территории Пермского Предуралья (ломоватовская и родановская археологические культуры) и включающих изделия из драгоценных металлов. По опубликованным и архивным материалам восстановлена информация о 36 кладах, состав которых позволяет выделить следующие условные типы:

– монетные: Аниковский [Марков, 1910, с. 35], Чердынский [Гростьянский, Чернышов, 2019, с. 393–423], Усольский [Гомзин, Воронцов, 2019, с. 55–67], Горбуновский [Леймус, Ширинкин, с. 70–88], Бондюжский [Калинин, Кулешов, 2018, с. 127–132];

– клады украшений: Лёкмартовский [Головчанский, Мельничук, Скорнякова, 2013, с. 133–143], Редикарский (1909 г.) [Шаблавина, 2016, с. 350], Вильгортский (1927 г.) [Талицкий,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека» (рук. Е. Л. Лычагина)

1941, с. 47–54], Романовский [Генинг, 1956, с. 159–162], Мальцевский (1901 г.) [Голдина, 1985, с. 198];

– клады из предметов торевтики: Слудкинский [Даркевич, 1976, с. 19–20], Гутовский [Там же, с. 21–22], Архангельский (1859 г.) [Голдина, 1985, с. 197], Климовский [Даркевич, 1976, с. 23], Тебеньковский [Голдина, 1985, с. 198], Квать-Пелевский [Там же, с. 199], Мало-Долдырский [Там же, с. 200], Мартыновский [Даркевич, 1976, с. 33], Афанасьевский [Там же, с. 33];

– клады смешанные (состоящие и/или из предметов торевтики, гривен и их фрагментов, украшений, обломков серебряных изделий, слитков): Оношатский [Там же, с. 20], Мальцевский II (1878 г.) [Там же, с. 23], Ковинский [Там же, с. 19], Пешнигорт I [Голдина, 1985, с. 198], Редикарский I [Даркевич, 1976, с. 25], Калгановский [Теплоухов, 1895, с. 9–14], Вереинский [Там же, с. 5–9], Ямской [Голдина, 1985, с. 190], Губдорский [Даркевич, 1976, с. 30–31], Урынский [Голдина, 1985, с. 205], Томызский [Там же, с. 208], Чупинский (экспозиция Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова), Ташкинский [Теплоухов, 1895, с. 7–9], Аниковский (1909 г.) [Даркевич, 1976, с. 28–30], Чигироб (1914 г.) [Там же, с. 32], Мало-Шакшерский [Там же, с. 32], Волгинский [Подосенова, 2023, с. 72–81].

Также отдельную группу составляют 28 местонахождений изделий (блюда, чаши, кувшины, подносы, кружки и т. д.): Ильинское [Голдина, 1985, с. 195], Луковское [Там же, с. 196], Майкорское [Там же, с. 196], Ручевское [Там же, с. 197], Пешнигорт II [Там же, с. 199], Половодово [Там же, с. 199], Григоровское [Там же, с. 199], Клепиковское [Там же, с. 200], Вильгорт (1925 г.) [Чагин, 2013, с. 48], Камгорт [Там же, с. 49], территория Пермской губернии (10 изд.) [Даркевич, 1976, с. 40–43], Кытманское [Там же, с. 36], Лысьвенское [Там же, с. 25], Мало-Аниковское [Там же, с. 30], Губдор [Там же, с. 31], Керчевское [Голдина, 1985, с. 200], Вишерское [Там же, с. 201], Сыпучинское [Даркевич, 1976, с. 32], Кайгородское [Там же, с. 33].

В целом, период сокрытия кладов и местонахождений VII–XIII вв. (преимущественно VIII–XII вв.). Среди монетных и смешанных, большую группу составляют клады, в составе которых нередко встречаются предметы «производственного» характера: разрезанные и аккуратно сложенные пластины, фрагменты блюд, разрубленные монеты, слитки, гривны с отметками для разрубания или их фрагменты (например, Бондюжский, Усольский, Чердынский 2007 г., Волгинский, Чигироб 1914 г. и т. д.). Часто предметы торевтики являлись «кубышкой» для накоплений (например, Редикарский клад). Клады и отдельные местонахождения с торевтикой могли носить как накопительный или сырьевой характер, так и иметь определенное культовое значение (например, Слудкинский, Мало-Аниковский). Клады с украшениями, деталями костюмных комплексов характерны для периода XI–XIII вв., однако их не так много. Среди них отчетливо фиксируются клады «сомнительного» происхождения, включающие не только изделия из драгоценных, но и массовые украшения, выполненные из цветных металлов. Вероятнее всего — это материалы разgrabленных погребений, представленных как клад (Редикарский 1909 г., Мальцевский 1901 г.).

Выводы, представленные в обобщенном виде, имеют предварительный характер. При работе выявилось не мало проблемных сторон — от неправильной атрибуции изделий и соответственно некорректной датировки кладов до противоречий между опубликованными и архивными материалами (отличие по составу, месту обнаружения и хранения и т. д.). Однако выявленные проблемы весьма четко показывают пути и направления дальнейших исследований.

Библиографический список

- Генинг В. Ф. Романовский клад // Краткие сообщения Института археологии. 1956. Вып. 62. С. 159–162.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф., Скорнякова С. В. Лёкмартовский клад средневековых изделий из Северного Прикамья // Культурные связи населения европейского северо-востока в древности и в средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 133–143.
- Гомзин А. А., Воронцов М. В. Усольский клад куфических монет // Поволжская археология. 2019. Вып. 4 (30). С. 65–57.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- Калинин В. А., Кулешов В. С. Бондюжский клад куфических дирхамов начала X в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. 14. С. 127–132.
- Леймус И., Ширинкин П. С. Волжско-булгарский монетный клад начала X в. // Культурный код. 2023. № 2. С. 70–88.
- Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.
- Подосенова Ю. А. Волгинский клад эпохи средневековья из Пермской губернии // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2023. № 3. С. 72–81.
- Талицкий М. В. К этногенезу коми-пермяков // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 47–54.
- Тешлоухов Ф. А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. Пермь, 1895.
- Тростьянский О. В., Чернышов К. М. Клад европейских монет конца XII в. из Северного Прикамья // Эпоха викингов в восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. СПб., 2019. С. 393–423.
- Чагин Г. Н. Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций. Пермь, 2013.
- Шаблафина Е. А. В загадочной стране Вису: население Пермского Предуралья и меховая торговля в раннем средневековье // Путешествие Ибн-Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М., 2016. С. 348–388.

Ju. A. PODOSENOVA

MEDIEVAL “SILVER” HOARDS OF THE PERM CIS-URALS: TENTATIVE FINDINGS SUMMARY

A comprehensive study of the medieval hoards of the Perm Cis-Urals requires a deeper analysis of this type of finds. The study of the published and archived materials made it possible to draw preliminary conclusions. We collected information on 36 hoards and 28 locations of the precious metal items. According to their composition, we divided the array into the coin hoards, hoards with jewelry, hoards of turetics, and mixed hoards. In addition, there were also some production purpose hoards. Some hoards had a “dubious” character and were, most likely, the materials from the looted in the 19th – early 20th centuries. The period of hiding the hoards and locations was from the 7th to the 13th centuries. The problems identified at the stage of the “archival” study indicated the further research vector.

Julia A. Podosenova – Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: podosenka@yandex.ru

А. Н. ПРОКОПЬЕВА, Д. М. ПЕТРОВ, В. В. СЫРОВАТСКИЙ, С. В. БАРАНОВА, А. А. ЧЕРНОСОСОВ, С. В. ШНАЙДЕР

АНАЛИЗ КОЖАНОЙ ОСНОВЫ ЯКУТСКИХ ПОЯСОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ XVIII В.)

В докладе рассматриваются перспективы и отдельный опыт изучения древних кожаных изделий или сохранившихся остатков от них. Наибольшее число находок из органических материалов обнаружено в Якутии. Отдельное внимание уделяется найденным поясам, поскольку они несут

важные характеристики, отражая статус, половую идентификация погребенного. Пояса зафиксированы на ряде погребений, датирующихся XV–XVIII вв. В выборку попали пояса из мужских и женских погребений Центральной, Северной и Вилюйской групп Якутии. Проведен ZooMS анализ, который позволил определить животных, шкуры которых использовались для изготовления поясов.

Прокопьева Александра Николаевна – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: sendiele@gmail.com

Петров Денис Михайлович – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: dbyrkyngaev@gmail.com

Сыроватский Владислав Владимирович – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск)

E-mail: syrovatskiy123@gmail.com

Баранова Светлана Владимировна – Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: swb@niboch.nsc.ru

Чернонос Александр Анатольевич – Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru

Шнайдер Светлана Владимировна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: sveta.shnyder@gmail.com

Пояса являются неотъемлемой частью костюма многих народов Евразии и могли выполнять функцию социального маркера не только исходя из декора, но и материала изготовления. Кожаные пояса разных типов в якутских погребениях XVII–XVIII вв. встречаются чаще в мужских захоронениях и, судя по контекстуальному анализу, являются показателями высокого социального статуса погребенных. В женском костюме могут фигурировать два вида пояса: надеваемый поверх верхней плечевой одежды и так называемый пояс стыдливости, являющийся конструктивной частью натазников.

В данной работе был проведен анализ материалов, из которых изготовлены пояса из погребений Вилюйской зоны, Центральной и Северной Якутии. Четыре пояса является наборными, два – элементами натазников.

Мужское погребение Качели было обнаружено в южной части долины Туймаада в Центральной Якутии. На основе типологического анализа и результатов радиоуглеродного датирования, проведенного по костям человека, погребение датировано XV–XVI вв. Пояс из толстой кожи, с нашитыми к нему литыми ажурными металлическими бляшками округлой формы, был надет на покойного поверх верхнего слоя плечевой одежды. Фиксация пояса производилась посредством простого подвязывания двойного ремешка к безязычковой пряжке. По бокам к поясу подвешивались нож и другие элементы.

Погребение Кулусуннах было исследовано в Сунтарском районе (Вилюйский регион). По совокупным признакам памятник датирован XVIII в. Относительно сохранившийся наборный пояс был зафиксирован на теле. Сделанные из медного сплава пластинчатые бляхи крепились посредством штифтовки по всей длине пояса. К боковым округлым

бляхам с выступами крепились кольца-коннекторы для подвеса ножа и поясной сумки. Кожаная основа пояса состоит из двух слоев разной толщины.

Погребение шамана Юрюнг Мыран IV открыто в Мегино-Кангаласском районе (Центральная Якутия) и по типологическому анализу сопроводительного инвентаря датировано XVIII в. Пояс был надет поверх пальто и набедренников *бэлэчи*, застегивался в двух местах: кожаный ремешок, прикрепленный к внутренней поверхности пояса на правой стороне, застегивался на одночастную рамочную пряжку с язычком, закрепленном на левом конце пояса; у левого бока завязывался кожаным ремешком, вставленным между бляшкой и основанием пояса слева, и правым кончиком пояса. Поверхность пояса украшена сплошными накладными металлическими бляшками. К нижним краям бляшек, расположенных по бокам, прикреплены литые металлические кольца для подвеса. На левой стороне к этим кольцам привязана кожаная сумочка. Основа пояса из плотной толстой кожи в один слой.

Погребение Тенкя I обнаружено в Сунтарском районе. Из погребения извлечено два пояса. Первый был надет под шубой, поверх плечевой одежды. Пояс составной, изготовлен из шести прямоугольных кусков замши, соединенных между собой металлическими кольцами-коннекторами. Каждый сегмент украшен пятью бляшками-пуговицами на ножке. Пояс, как и пояс с Юрюнг Мыран IV, с двойной застежкой: левый конец сходиллся с ремешком на изнанке правой стороны пояса, правый конец застегивался с кожаным ремешком на рамочную пряжку. Кожаная основа пояса изготовлена из толстой замши, края обшиты тонкой кожей. Второй пояс является конструктивной частью натазников, его оборачивали вокруг таза и завязывали спереди встык [Петрова, Заболоцкая, 2013, с. 18]. Похожие пояса довольно часто встречаются в женских погребениях Якутии. Плотная кожаная основа была расшита мелким бисером трех цветов и крупными белыми бусинами. Аналогичный пояс был обнаружен на теле женщины в парном погребении Тысагастах в Верхоянском районе РС(Я) (Северная Якутия).

Этнографические материалы свидетельствуют, что для изготовления одежды использовалась шкура домашних и диких животных [Гаврильева, 1998, с. 73–74]. Из крестцовой части крупа коня изготавливали черненую кожу (*хара саары*), из телячьих и жеребьих шкур получали тонкую замшу для натальной одежды. Особенно ценными, благодаря своим качествам, считались оленья и лосиная кожа, из которых изготавливали замшу. При этом из шкуры оленя получали мягкую и тонкую ровдугу (*сарыы*), а из лосиной шкуры толстую и прочную, но податливую замшу (*тунэ*) [Гаврильева, 1998, с. 76]. Для особенной прочности оленью, лосиную и скотскую кожу подвергали дымлению. Такая кожа приобретала красивый золотисто-коричневый оттенок.

В силу сохранности провести идентификацию использовавшихся типов шкур методами макро- и микроскопических наблюдений не представляется возможным. Поэтому было принято решение о проведении ZooMS-анализа (Zooarchaeology by Mass Spectrometry analysis) сохранившейся кожи семи поясов. Проанализирован один образец из Качелей, два из погребения Кулусуннах, один из Тенкя I, три из Юрюнг Мыран IV.

ZooMS-анализ основан на выделении и определении пептидов коллагена при помощи ионизации вещества на масс-спектрометре. Полученные результаты позволяют идентифицировать таксономическую принадлежность находок из кости и кожи.

В результате проведенного ZooMS-анализа удалось идентифицировать пять образцов из семи, для них удалось зафиксировать более шести пептидов. Полученные результаты

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

позволили установить, шкуры каких животных использовались для пошива образцов. Они будут детально представлены в отдельной статье.

Библиографический список

Гаврильева Р. С. Одежда народа Саха конца XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1998.

Петрова С. И., Заболоцкая З. М. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск, 2013.

A. N. PROKOPIEVA, D. M. PETROV, V. V. SYROVATSKY, S. V. BARANOVA, A. A. CHERNONOSOV,
S. V. SCHNEIDER

A STUDY OF THE LEATHER BASE OF THE YAKUT BELTS (ON THE MATERIALS FROM THE 18TH CENTURY BURIALS)

The report examines the prospects and individual case studies of ancient leather items or their preserved remnants. The largest number of finds of organic materials were discovered in Yakutia. Special attention was paid to the finds of belts, as they carried important characteristics, reflecting the status and gender identification of the buried individuals. Belts were recorded in a number of interments dating back to the 15th–18th centuries. The sample included belts from male and female interments of the Central, Northern and the Vilyui groups of Yakutia. The authors performed ZoomS analysis, which allowed identification of the animals whose skins were used for the belts making.

Alexandra N. Prokopiieva – Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (Russia, Yakutsk)

E-mail: sendiele@gmail.com

Denis M. Petrov – Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (Russia, Yakutsk)

E-mail: dbyrkyngaev@gmail.com

Vladislav V. Syrovatsky – Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (Russia, Yakutsk)

E-mail: syrovatskiy123@gmail.com

Svetlana V. Baranova – Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: swb@niboch.nsc.ru

Alexander A. Chernonosov – Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru

Svetlana V. Schneider – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

С. Г. РОСЛЯКОВ

КУЛЬТОВОЕ МЕСТО ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ВЕРХНЕЙ ОБИ

В докладе представлены материалы исследования средневекового слоя археологического памятника Верх-Сузун-10 из Верхнего Приобья. В пахотном слое обнаружено более 130 изделий бронзовой культовой пластики, а также предметы быта, украшения и детали конской упряжи. В результате анализа исследованный объект отнесен к такому типу археологических памятников, как куль-

товое место. Дана классификация коллекции найденных предметов, представлены их аналогии, определена культурная принадлежность и датировка памятника. Культовое место Верх-Сузун-10 отнесено к периоду VII–IX вв. верхнеобской культуры.

Росляков Сергей Георгиевич – к.и.н., Новосибирский государственный краеведческий музей (Новосибирск, Россия)
E-mail: serggeorg1962@gmail.com

В 2017 г. археологическим отрядом Новосибирского краеведческого музея у с. Верх-Сузун Сузунского района Новосибирской области открыт новый археологический памятник – Верх-Сузун-10. Памятник находится на лугу, на оконечности небольшого мысовидного выступа надпойменной террасы правого берега р. Слезянка. В результате раскопок и сборов в пахотном слое получен разнообразный материал ирменской культуры эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н. э.) и собрание бронзовых и железных изделий эпохи раннего Средневековья (VI–IX вв.).

Предметы эпохи Средневековья распределены на территории мысовидного выступа террасы и на пологом склоне террасы к северу от мыса на площади 150 × 60 м шестью скоплениями. Площадь каждого скопления варьируется от 3 × 3 до 4 × 4 м. Предметы залегали на разной глубине, от 1 до 20 см от уровня дневной поверхности в слое залежи. Все предметы находились в разрозненном состоянии. В результате раскопок каких-либо иных артефактов (остатков конструкций, кострищ, керамической посуды, костей человека и животных), связанных с представляемым комплексом, не выявлено.

Всего найдено 173 предмета. Все изделия по функциональному назначению делятся на четыре категории: предметы быта, украшения и детали поясной гарнитуры, детали конской упряжи, предметы религиозного культа. Предметы культа представляют наиболее многочисленную категорию находок (150 изделий). Формально эти предметы можно разделить на четыре группы: плоские подвески геометрической формы, объемные зооморфные подвески, амулеты, плоские антропоморфные и зооморфные изображения.

Группа 1. Плоские геометрические подвески представлены двумя типами изделий. Первый тип – подвески округлой формы. Второй тип – подвеска овальной формы.

Группа 2. Объемные зооморфные подвески представлены двумя типами бронзовых изделий с деталями для подвешивания или нанизывания на шнурок. Тип 1. Подвеска в виде объемной полой фигуры медведя. В центре хребта медведя расположено отверстие для подвешивания. Тип 2. Пронизка в виде объемной полой фигуры медведя. Верх изделия снабжен трубкой, предназначенной для нанизывания на шнур. Голова повернута налево и показана анфас. На обратной стороне головы рельефом показан лицевой диск совы или филина.

Группа 3. Амулеты представлены двумя типами изделий. Первый тип – изделие в виде миниатюрной рамки эллипсовидной формы с прямым основанием. Внутри рамки от основания к передней части отходит длинный плоский стержень. Второй тип амулетов составной. Он включает тонкую плоскую бляшку дисковидной формы, согнутую пополам и образующую полость, и вложение в нее. В центре диска пробито небольшое отверстие, вдоль края располагается цепочка отверстий. В полость помещена стопка из четырех плоских профильных фигурок водоплавающих птиц четырех размеров. Птицы изображены в профиль правой стороной. Передан образ водоплавающей птицы, возможно, утки. Все фигурки у края спины в основании шеи имеют сквозное отверстие. Вероятно, изначально бляшка и фигурки птиц через отверстия были соединены шнурком.

Группа 4. Плоские антропоморфные и зооморфные изображения. Всего найдено 139 целых предметов и обломков. Фигурки по сюжетным особенностям изображений делятся на четыре типа: антропоморфные, зооморфные, синкретические, смешанные. Тип 1. Антропоморфные. Выделено два подтипа: 1) одиночные и 2) групповые. 1) Одиночные подразделяются на три вида: а) изображение стоящего человека анфас; б) изображение стоящего человека анфас, помещенного в рамку; в) рельефное изображение на плоскости пластины стоящего человека анфас. 2) Групповые — изображение стоящего человека анфас в обрамлении двух человеческих фигур в профиль, обращенных лицом к центральной фигуре. Тип 2. Зооморфные изображения. Делятся на два подтипа: 1) изображение животных и 2) изображение птиц. Первый подтип подразделяется на два вида: а) изображение стоящего или идущего на четырех ногах медведя в профиль; б) изображение, скорее всего, копытного животного в профиль. Второй подтип представлен двумя видами: а) изображение хищной птицы с развернутыми крыльями анфас; б) одностороннее изображение водоплавающей птицы в профиль. Тип 3. Синкретические изображения включают три подтипа: 1) изображение стоящего человека с крыльями вместо рук анфас; 2) изображение стоящего человека с крыльями вместо рук анфас, помещенного в рамку; 3) фигурка хищной птицы с развернутыми крыльями анфас с изображением «личины» на груди птицы. Тип 4. Смешанные образы представлены тремя подтипами: 1) изображение всадника на коне в профиль; 2) изображение всадника на звере в профиль; 3) изображение стоящего человека анфас с профильными фигурами птиц, сидящими на его плечах. Фигурки всадника на звере подразделяются на два вида: а) всадник на медведе; б) всадник на волке.

Основная часть изделий эпохи Средневековья на памятнике Верх-Сузун-10 (антропоморфные и зооморфные изображения) относится к предметам культа. Культовый характер подобных изделий отмечался всеми авторами, исследовавшими художественную металлическую пластику Западной Сибири [Троицкая, Новиков, 1998, с. 74–75; Беликова, Плетнева, 1983, с. 111–114; Чиндина, 1991, с. 101–102].

Наиболее близкие аналогии представленным предметам находятся в материалах верхнеобской и рёлкинской археологических культур VI–IX вв. Верхнего и Среднего Приобья, а также Кузнецкой котловины [Илюшин, 1999; Троицкая, Новиков, 1998; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010; Беликова, Плетнева, 1983; Чиндина, 1991]. Часть предметов (нож, детали конской упряжи, зооморфные пронизки) датируется в более узком диапазоне VIII–IX вв. Предварительно средневековый слой памятника Верх-Сузун-10 можно датировать VII–VIII вв., возможно IX в. и отнести к верхнеобской культуре.

Состав находок, большая часть которых имеет культовый характер, позволяет отнести средневековый пласт памятника к такому типу археологических объектов, как *культовое место*. Аналогий этому виду памятников на территории Западной Сибири эпохи Средневековья не известно. Возможно, подобным статусом обладал Васюганский клад [Могильников, 1964]. Аналогичные скопления предметов, но более ранней эпохи обнаружены в Сургутском Приобье [Кардаш, 2008]. Места таких скоплений исследователями определяются, как ритуальный комплекс или святилище (жертвенное место) [Кардаш, 2008, с. 208; Фёдорова, 2018, с. 93]. Возможно, как предполагал по отношению к пермским «кладам» В. Н. Чернецов, а затем В. Д. Викторова, мы имеем дело с местами хранения изображений покойников или захоронения душ умерших [Чернецов, 1959, с. 156; Викторова, 2017, с. 179]. Гипотетически это может быть место «утилизации» изо-

бражений духов, вышедших из употребления. Еще одним вариантом культового места у с. Верх-Сузун может быть святилище типа священных мест обских утров [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 137–142].

Библиографический список

- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск, 1983.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С. Вагановский курганный могильник IX в. н. э. Кемерово, 2010.
- Викторова В. Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург, 2017.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начало XX в. Новосибирск, 1986.
- Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999.
- Кардаш О. В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озёрах // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Surgut, 2008. С. 207–218.
- Могильников В. А. Васюганский клад // Советская археология. 1964. № 2. С. 227–231.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Чернецов В. Н. Представления о душе у обских утров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 117–156. (Труды Института этнографии. Новая серия; т. 51).
- Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991.
- Фёдорова Н. В. Западносибирские клады в контексте исторического развития территории (ранний железный век–средневековье) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. 14. С. 88–113.

S. G. ROSLYAKOV

SACRED PLACE OF THE EARLY MIDDLE AGES ON THE UPPER OB RIVER

The report presents the materials of the study of the medieval level of the archaeological site Verh-Suzun-10 in the Upper Ob region. More than 130 items of bronze religious plastic art objects, as well as household items, jewelry and details of horse harness were found in the arable level. As a result of the analysis, the studied object was classified as the sacred place type of archaeological sites. The authors provided classification of the finds assemblage, including references to the analogous items, as well as the cultural affiliation and the dating of the site. The sacred place Verh-Suzun-10 was referred to the 7th–9th centuries period of the Upper Ob culture.

Sergey G. Roslyakov – Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State Museum of Local History (Russia, Novosibirsk)

E-mail: serggeorg1962@gmail.com

Н. Г. СВАТКОВА

ТРЕХБУСИННЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА. ГЕНЕЗИС, РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРИОБЬЕ В XIII–XIV ВВ. РЕКОНСТРУКЦИЯ

В процессе изучения комплексов украшений из средневековых погребений на территории Югры, поставлен вопрос появления и распространения необычного украшения — трехбусинных височных колец. Каким образом подобное украшение появилось на этих территориях? Возможно

ли было его создание в Приобье и Приуралье? Проведены эксперименты по изготовлению художественных реконструкций украшений.

Сваткова Наталья Германовна – Центр народных художественных промыслов и ремесел (Россия, Ханты-Мансийск)

E-mail: natalia_mega@mail.ru

Первые височные кольца были самыми простыми, из железных прутков квадратного или круглого сечения, позже – со скрученными концами или перекрученные в виде спирали. В Средние века украшения изменялись и усложнялись, стали изготавливаться более утонченными и красивыми. Уровень мастерства при изготовлении украшений повышался.

По данным информационно-справочной системы по коллекциям (ИСС КАМИС), на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры обнаружено 158 височных колец. Из них 28 экземпляров одно-, двух- и многобусинные и 17 – трехбусинные височные кольца. Наибольшее количество (11 экз.) трехбусинных височных колец обнаружено на территории Сургутского района. Они хранятся в Музее Природы и Человека г. Ханты-Мансийска (2 шт.) и в Сургутском художественном музее (9 шт.). Два кольца находятся в Историко-художественном музейном комплексе г. Нефтеюганска (Городище Кинтусовское). По одному кольцу находится в Березовском районном краеведческом музее, Музее истории и этнографии г. Югорска (Эсский остров), в могильнике Усть-Балык и Киньяминском II могильнике.

Находки датируются XII–XVI вв. и, предположительно, являются изделиями мастеров Волжской Булгарии, Предуралья, Западной Сибири, Прикамья, Среднего и Верхнего Поволжья. Украшения изготовлены из серебра, выполнены в сложнейшей сканно-зерновой технике, что свидетельствует о высоком уровне мастерства и художественного вкуса их создателей, наличие у них сложнейшего инструментария и оборудованной мастерской.

Исследователи предполагают, что некоторые предметы из комплексов украшений изготавливались мастерами Волжской Булгарии и были привезены на территории Западной Сибири в результате культурного и товарного обмена. В Приуралье и Приобье при раскопках городищ и поселений обнаружены многочисленные находки кузнечно-литейных мастерских, в которых присутствует различный инструментарий для изготовления украшений и предметов быта (лячки, формы для литья, молотки, щипцы и другие инструменты). В этот период шло формирование различных ювелирных школ в Приуралье, которые занимались изготовлением украшений, перенимая опыт мастеров из Волжской Булгарии и ювелирных школ Руси. Есть предположения, что болгарские мастера-ремесленники переселялись на данные территории, набирали учеников из местного населения.

Источники говорят о том, что первые образцы с одной бусиной известны по находкам среди древних украшений Ирана. Серьги с одной и тремя бусинами имели распространение в Римское время, в I–III вв., что отражено на Фаюмских портретах. В Средние века бусинные височные кольца получили большое распространение на территории Руси, носили название «усерязь», что в переводе со скандинавского означает – серьга, височ-

ное кольцо, подвеска. Украшение составлялось из различных бусин, как из металла, так и из стекла, коралла, драгоценных камней и жемчуга. По бусинам из металла можно было определить место происхождения украшения. Бусины округлой формы, украшенные ажурной вязью, многочисленными отверстиями, спиральями и поясками из тонкой сканной проволоки, шариками зерни, а так же каркасные бусины и в виде узелков, имеют славянские корни, а височные кольца с бусинами желудеобразной и вытянутой формы, обильно обсыпанные зернью в виде орнамента из пирамидок и треугольников, несколькими поясками скани, фигурками птиц и животных по центру, привесками на цепочках — это примеры болгарской ювелирной школы [Комова, Приступа, 2012, с. 8–11; Рябцева, 2005, с. 210–234].

Украшения поражают своей необычностью и красотой, сложнейшей техникой изготовления, необычностью ношения, которая практически утрачена в современное время. Достаточно было нанизать на дужку несколько бусин из стекла, жемчуга, бусин из драгоценных металлов, украшенных тонкой ажурной вязью и зернью, подвесить несколько в ряд, и они уже смотрелись богато и роскошно. Удобство было и во множестве вариантов ношения: в волосах на висках, на головных уборах, очельях и венцах, в виде серег, нашивок на одежду; подвешивались на гривны и бусы, как подвески.

Нами проведен эксперимент — разработка и выполнение художественной реконструкции украшений. Для реконструкции были выбраны аналоги: кольцо из погребения 2 «а» Киньяминского II могильника и пара трехбусинных височных колец из погребения 31 могильника Сайгатинский III [Бубновене, Сваткова, 2020, с. 11–20; Семенова, 2008, с. 82–83].

Височные кольца были изучены визуально, причем кольцо из погребения 2 «а» Киньяминского II могильника имеет только краткое описание и не четкую графическую реконструкцию В. И. Семеновой [Семёнова, 2001, с. 81–82, 270–271; Семенова, 2008, с. 82–83]. Височные кольца из погребения 31 могильника Сайгатинского III изучены по фотографиям из каталога «Серебро Древней Югры» [Комова, Приступа, 2012, с. 83–88] и путем визуального изучения подлинных аналогов в экспозиции Музея Природы и Человека в г. Ханты-Мансийске.

Мастер-реконструктор выстраивает «виртуальную пространственную модель» с помощью чертежа и рисунка, сопоставляя размеры каждой детали, элемента. Составляется поэтапный технологический план выполнения реконструкции. Затем выполняется практическая часть реконструкции: изготовление дрота-основы в виде кольца, трех бусин из полусфер, шариков зерни и сканной проволоки. Все детали аккуратно спаиваются, бусины нанизываются на основу, украшение покрывается чернью и полируется. Реконструкции находятся в выставочном пространстве Центра ремесел г. Ханты-Мансийска [Бубновене, Сваткова, 2020, с. 11–20; Сваткова, 2022].

Библиографический список

- Бубновене О. Д., Сваткова Н. Г. Реконструкция украшений могильника Киньяминский II // Искусство Евразии. 2020. № 4 (19). С. 11–20.
- Комова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры: каталог. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2012.
- Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005. С. 210–234.
- Сваткова Н. Г. Художественная реконструкция средневекового угорского ювелирного убора из могильника Киньяминский II // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2022. № 1 (6). С. 58–61.

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

Семёнова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

Семенова В. И. Накосные украшения из погребений Киняминских могильников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 81–86.

N. G. SVATKOVA

THREE-BEAD TEMPLE RINGS. GENESIS, DISTRIBUTION IN THE OB REGION IN THE 13TH–14TH CENTURIES. RECONSTRUCTION

In the process of studying the jewelry complexes from medieval interments in the territory of Yugra, the authors raised a question about the appearance and distribution of unusual jewelry, i. e. the three-bead temple rings in the area. How did this type of decoration appear in these territories? Was it possible that it was created in the Ob region and the Urals? The authors performed an experimental artistic reconstruction of this type of jewelry production.

Natalia G. Svatkova – Center of Folk Arts and Crafts (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: natalia_mega@mail.ru

Н. Г. СВАТКОВА

УКРАШЕНИЯ ГОЛОВЫ И ВОЛОС ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА КИНЯМИНСКИЙ II ПО МАТЕРИАЛАМ В. И. СЕМЕНОВОЙ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Доклад посвящен вопросу изучения и воссоздания украшений головы и волос из металла, обнаруженных в погребениях могильника Киняминский II. Проведен анализ музейных коллекций РФ и экспериментальная художественная реконструкция четырех комплексов украшений из металла.

Сваткова Наталья Германовна – Центр народных художественных промыслов и ремесел (Россия, Ханты-Мансийск)

E-mail: natalia_mega@mail.ru

Изучая комплексы украшений из металла в погребениях и археологических комплексах на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, был поставлен вопрос о происхождении и распространении некоторых видов украшений на данных территориях в Средние века. Наиболее интересными были находки из погребений 2 «а», 2 «б», 15 и 19 могильника Киняминский II (деревня Кинямино, Нефтеюганский район) [Семенова, 2008, с. 81–86]. В составе четырех комплексов находятся украшения для головы и волос, накосные украшения. Каждый комплекс отличается от других, но все украшения соответствуют принятым в те времена представлениям о миропорядке и микрокосмосе, неся в себе определенные семантические значения о защите женщины, ее головы, волос, ее четырех душ и душ ее детей. С давних времен украшения предназначались для оберега молодых женщин – продолжательниц Рода, нуждающихся в особой защите и покровительстве. Подвижные элементы украшения были тяжеловесны, поверхность полировалась до зеркального блеска, подчеркивая характерные свойства металла – блеск, шум и звук [Бауло, 2004; Бубновене, Сваткова, 2020].

Состав комплексов украшений могильника Киняминский II. Погребение 2 «а»: височное трехбусинное кольцо; украшение, состоящее из трех пятичастных трубчатых пронизок (височное, подбородочное или перемычка-обойма, соединявшая собою косы сзади, пере-

кинутая вперед в ходе обряда погребения). Пара поясных крестовидных накладок, пара шумящих арочных подвесок, шесть подвесок-колбочек (застежек).

Погребение 2 «б»: наkosное украшение из шести трубчатых пронизей, четырех лапчатых подвесок; двух пар лапчатых подвесок и трубчатых двухчастных пронизей по левой стороне.

Погребение 15: наkosное украшение из четырех крупных крестовидных накладок, пары шумящих подвесок, пары зооморфных пронизок и одной трубчатой пронизи со вздутиями.

Погребение 19: наkosное украшение, сложносоставное из двух подвесок-колбочек, четырех трубчатых пронизей со вздутиями, восьми подвесок-лунниц, бусины-пронизи, шумящей арочной подвески, двух пар привесок.

В ходе изучения комплексов, поставлен вопрос о происхождении украшений, месте их изготовления и бытования. По мнению Е. П. Казакова, в Средние века в политической, культурной и экономической жизни средневековой Европы заметную роль играли пришлые финно-угорские племена [Казаков, 2000–2001, с. 7–24]. Из многочисленных источников известно, что северные и восточные финно-угорские племена были большими мастерами в металлообработке и кузнечном деле. Начиная с X в. получило мощное развитие ювелирное искусство Волжской Булгарии. Ремесленники, многие из которых являлись уграми по происхождению, наладили массовое производство сложносоставных сканно-зерненных украшений и литья. В XI–XII вв. складывается болгаро-камская школа ювелиров, а после монгольского нашествия, в XIII в., появилась пермская школа, перенявшая практически все элементы ювелирных техник Волжской Булгарии более раннего периода и ювелирных школ Руси, ставшая основным поставщиком ювелирных изделий Предуралья и Приобья. Таким образом к XV в. сформировалось свое западносибирское направление ювелирного искусства [Казаков, 2000–2001, с. 7–24]. На территориях Приобья известны массовые находки кузнечных и литейных мастерских с наличием инструментария для металлообработки и литья. На основании этих исследований, можно предположить, что некоторые украшения из погребений Киняминского II могильника, могли быть изготовлены как мастерами пермской школы, так и мастерами, проживавшими в городищах и поселениях Приобья. Некоторые украшения, такие как крупные пятичастные трубчатые пронизи, крупные крестовидные накладки и мелкие крестовидные накладки с петлей, один из видов лапчатых подвесок, лунницы с замкнутыми концами, подвески-колбочки и привески, обнаружены только в погребениях Киняминского могильника и некоторых погребениях Западной Сибири, что подтверждает теорию о местном изготовлении данных видов украшений.

Проведена экспериментальная художественная реконструкция каждого украшения, для более глубокого понимания самобытной культуры того времени, женского костюмного комплекса тех времен на территории Приобья. Комплексы украшений находятся в выставочном пространстве Центра ремесел г. Ханты-Мансийска.

Реконструкция производилась с применением следующих ювелирных и кузнечных техник: выколотка, волочение, скань, зернь, гнутье, пайка, чернение. В ходе работы технические решения получились комбинированными, что дало возможность показать воздушность, легкость, красоту, утонченность и изящность каждого украшения, богатство всего комплекса украшений в целом. Это говорит о том, что в древние времена, украшения

изготавливались высококвалифицированными мастерами — ювелирами в высокотехнологичных центрах.

Результаты исследования значимы в контексте изучения этнокультурных процессов, формирования традиций народного искусства, развития традиционных ювелирных и кузнечных техник, развития реконструкторского движения, способствуют возрождению культуры нашей страны и народов, проживающих на ее обширной территории.

Библиографический список

- Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004.
Бубновене О. Д., Сваткова Н. Г. Реконструкция украшений могильника Киньяминский II // Искусство Евразии. 2020. № 4 (19). С. 11–20.
Казаков Е. П. О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum Eurasial Medii Aevi. 2000–2001. № 11. С. 7–24.
Семенова В. И. Накосные украшения из погребений Киньяминских могильников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 81–86.

N. G. SVATKOVA

HEAD AND HAIR DECORATIONS FROM INTERMENTS OF KINYAMINO II BURIAL GROUND BASED ON THE MATERIALS OF V. I. SEMENOVA EXPERIMENTAL RECONSTRUCTION

The subject of the report is the study and reconstruction of metal head and hair ornaments found in the interments of Kinyamino II burial ground. The author performed an analysis of the museum collections of the Russian Federation and the experimental artistic reconstruction of four complexes of metal jewelry.

Natalia G. Svatkova — Center of Folk Arts and Crafts (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: natalia_mega@mail.ru

П. О. СЕНОТРУСОВА

НАХОДКИ ПОДВЕСОК «ЗАПАДНОСИБИРСКОГО» ОБЛИКА В ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

В начале II тыс. н. э. на территории Енисейской Сибири увеличивается число предметов западносибирского импорта, представленных преимущественно украшениями. Среди них выделяется два типа подвесок. Это плоские колесовидные изделия и шумящие арочные подвески с выпуклым шариком в центре основы. Часть материалов происходит из сборов и хранится в музейных коллекциях. Украшения найдены в Нижнем Приангарье на могильнике Проспихинская Шивера-IV и в Хакасско-Минусинской котловине. Для Енисейской Сибири время бытования подвесок этих типов можно ограничить XIII–XIV вв. Увеличение числа западносибирского импорта в Средней Сибири связано с проникновением новых групп населения в таежную зону Западной Сибири и усложнением системы экономических связей на территории Северной Азии, в которую было активно включено енисейское и ангарское население.

Сенотрусова Полина Олеговна — к.и.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск)
E-mail: polllina1987@rambler.ru

На основании археологических материалов, начиная с финала раннего железного века и вплоть до начала II тыс. н. э., прослеживаются устойчивые культурные контакты меж-

ду населением Западной и Енисейской Сибири. В качестве маркеров взаимоотношений между группами населения выступают предметы импорта, чаще всего это бронзовые украшения, элементы поясной гарнитуры, предметы культового литья. Поскольку наиболее крупные некрополи I – начала II тыс. н. э. изучены в долине Ангары (Пинчуга-6, Усть-Кова, Проспихинская Шивера-IV) основной акцент в исследованиях уделялся именно этому региону. В то же время в музейных фондах хранятся материалы, позволяющие расширить географию направлений межкультурной коммуникации в период развитого Средневековья.

Одной из категорий предметов западносибирского импорта являются бронзовые подвески. В Енисейской Сибири они известны как в закрытых комплексах, так и в музейных коллекциях.

Первый тип украшений – плоские колесовидные подвески с выпуклым центром, от которого отходит шесть или восемь овальных лучей, украшенных тонкими линиями и псевдосканью. В Енисейской Сибири одна такая подвеска найдена в погребении № 85 могильника Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье, комплекс датирован XIII в. [Мандрыка, Сенотрусова, 2022, с. 211]. Схожая подвеска, но с шестью лучами и почти без декора хранится в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова (инв. № А-8680). Предмет найден на горе Изых в Алтайском районе республики Хакасия. Аналогичная подвеска присутствует также в фондах Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А. И. Кытманова (инв. № КП4375 А161). Предмет поступил в музей в 1958 г., точное место сборов пока не установлено.

В Западной Сибири аналогичные подвески найдены в погребении монгольского времени Басандайского курганного могильника в Томском Приобье и могильнике XV–XVI вв. Крючное-6 на Таре. Исследователи отмечают, что появление этих подвесок обусловлено общим культурным импульсом и, возможно, связано с работой одного ремесленного центра, выпускавшего эти изделия [Молодин и др., 2012, с. 86].

Вторая группа представлена арочными шумящими подвесками с одним шариком в центре основы, который окружен объемными поясками, расположенными по спирали или просто по кругу. В нижней части основы расположены три петли, к которым крепятся бубенчики на цепочках. Три подобных подвески найдены на могильнике Проспихинская Шивера-IV в нижнем течении Ангары. Две из них отмечены в погребениях монгольского времени, еще одна – в межмогильном пространстве некрополя.

Две аналогичные подвески происходят с территории юга Енисейской Сибири. Они хранятся в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова, обе поступили в музей до 1904 г. и контекст находок утерян. Первая подвеска (инв. № МКМ ОФ 9024) найдена у с. Верхний Суэтук, в настоящее время это Каратузский район Красноярского края. О втором изделии (инв. № МКМ ОФ 9025) известно только то, что оно происходит из Минусинского округа.

В Западной Сибири шумящие подвески такого типа зафиксированы на памятниках эпохи развитого Средневековья в лесном Прииртышье, Нижнем и Верхнем Приобье, Причулымье и т. д. [Мандрыка, Сенотрусова, 2022, с. 212]. Территория формирования шумящих украшений связана с Верхним Поволжьем [Вострокнутов, 2020, с. 149]. Подвески, аналогичные найденным в Енисейской Сибири, появляются как отдельный тип украшений

в Пермском Предуралье и бытуют здесь в пределах XII–XIII вв. н. э. [Вострокнутов, 2020, с. 57]. В Западной Сибири свидетельства местного производства таких шумящих подвесок зафиксированы на Тазовской ювелирной мастерской. Комплекс датируется концом XII – началом XIV вв., а его появление обусловлено проникновением на север Западной Сибири населения с европейского Северо-Востока [Визгалов, Кардаш, Коноваленко, 2018, с. 447].

Таким образом, на территории Енисейской Сибири в XII–XIV вв. распространяются некоторые украшения, характерные для западносибирского населения этого периода, включая и вышеописанные подвески. По имеющимся материалам можно говорить, что основными районами распространения этих украшений являются Нижнее Приангарья и Хакасско-Минусинская котловина. Скорее всего, это связано с тем, что это наиболее изученные в археологическом отношении территории Енисейской Сибири. В будущем следует ожидать подобных находок и в других частях региона. Вероятно, увеличение числа западносибирского импорта в бассейне Енисея и Ангары связано с проникновением новых групп населения в таежную зону Западной Сибири в первой трети II тыс. н. э. и усложнением системы экономических связей на территории Северной Азии.

Библиографический список

- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В. Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков в низовье реки Таз // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2-х частях. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 436–460.
- Вострокнутов А. В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV века нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. СПб., 2020.
- Мандрька П. В., Сенотрусова П. О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре. Новосибирск, 2022. (Труды Богучанской археологической экспедиции; т. 3).
- Молодин В. И., Новиков А. В., Поздняков Д. В., Соловьев А. И. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск, 2012.

P. O. SENOTRUSOVA

FINDS OF “WEST SIBERIAN” APPEARANCE PENDANTS IN THE YENISEI SIBERIA

At the beginning of the 2nd millennium AD, there was a significant increase of the number of imported West Siberian items, mostly jewelry, in the territory of the Yenisei Siberia. Two types of pendants stand out in this group of imported goods. These are the flat, wheel-shaped items and the jingling arched pendants with a convex ball in the center of the base. Some of the materials come from random scatter and are kept in the museum collections. The jewelry was found in the Lower Angara region at the Prospikhinskaya Shivera-IV burial ground and in the Khakass-Minusinsk basin. For the Yenisei Siberia, the time of existence of these types of pendants may be limited to the 13th–14th centuries. The increase in the number of West Siberian imports in Central Siberia was associated with the penetration of new population groups into the taiga zone of Western Siberia and the complication of the system of economic contacts in Northern Asia, in which the Yenisei and the Angara population was actively involved.

Polina O. Senotrusova – Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk)
E-mail: polllina1987@rambler.ru

Н. Н. СЕРЕГИН, С. С. МАТРЕНИН

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ПРЕДТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ*

В докладе представлены результаты изучения предметов вооружения, обнаруженных в ходе раскопок некрополя предтюркского времени на памятнике Чобурак-I. Этот могильник расположен в Чемальском районе Республики Алтай, исследован экспедицией Алтайского государственного университета. В погребениях обнаружен многочисленный комплекс находок, включавший сложносоставные луки (восемь комплектов роговых накладок), свыше 80 железных наконечников стрел, три меча, шесть боевых ножей и одну панцирную пластину. Установлено, что комплекс вооружения кочевников, оставивших группу курганов булан-кобинской культуры второй половины IV в. н. э. на комплексе Чобурак-I, по своему разнообразию и уровню развития не уступал воинским арсеналам сяньби, а также других групп номадов Центральной и Северной Азии в предтюркское время.

Серегин Николай Николаевич — д.и.н., Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич — к.и.н., Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)
E-mail: matrenins@mail.ru

Материалы раскопок погребальных комплексов Алтая эпохи Великого переселения народов показывают большое значение военного дела в системе жизнеобеспечения населения булан-кобинской культуры. Высокий уровень милитаризации кочевников нашел отражение в целом ряде показателей, среди которых отметим зафиксированные свидетельства боевого травматизма, а также распространение кенотафов. В большинстве мужских захоронений этого времени обнаружены различные наборы предметов вооружения, демонстрирующие прижизненный статус умершего в воинской иерархии. Важные материалы, позволяющие обратиться к различным аспектам военной деятельности населения Алтая в предтюркское время, получены в ходе раскопок комплекса Чобурак-I, расположенного на правом берегу р. Катунь, в Чемальском районе Республики Алтай. В результате работ экспедиции Алтайского государственного университета на памятнике исследован некрополь булан-кобинской культуры второй половины IV в. н. э. [Серегин и др., 2023]. В большинстве изученных объектов зафиксированы непотревоженные захоронения мужчин с представительным составом инвентаря.

Полученная в ходе раскопок коллекция предметов вооружения из некрополя Чобурак-I включает сложносоставные луки (восемь комплектов роговых накладок), свыше 80 железных наконечников стрел, три меча, шесть боевых ножей и одну панцирную пластину. Морфологический анализ и классификация этих находок позволили выделить типы изделий. Полученные результаты были сопоставлены с известными материалами из археологических комплексов последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. Центральной и Северной Азии, что позволяет определить относительную хронологию предметов. Так, изучение сложносоставных луков показало, что информативным

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование» (рук. Н. Н. Серегин)

признаком для их датировки является наличие срединных боковых накладок дуговидной формы удлинённых пропорций. Похожие экземпляры, а также образцы «переходных» форм получили распространение у сяньби Восточного Забайкалья в конце I — начале III в. н. э., у народов Средней Азии и Южного Приуралья во второй половине II — III в. н. э., а также у «кокэльцев» Тувы во второй половине III — IV вв. н. э. На Алтае луки с таким элементом кибити относятся ко II–V вв. н. э. [Горбунов, 2006, с. 15]. Показательной также является срединная двусоставная тыльная накладка, имеющая лопаточковидные окончания, аналогии которой на Алтае представлены в погребениях III–V вв. н. э. [Тетерин, 2004, рис. 1, 2; Горбунов, 2006, рис. 3, 11; и др.].

Железные наконечники стрел из погребений некрополя Чобурак-I демонстрируют высокую степень варибельности таких изделий, очевидно, связанную как с определенным функциональным назначением предметов, так и с влиянием разных военных традиций. Количественно преобладают наконечники, характерные для второй четверти I тыс. н. э. Отметим малочисленность экземпляров, появившихся на Алтае в хуннское время. Установлено, что среди разных модификаций боевых наконечников стрел доминировали экземпляры с кольцевым упором, характерные для колчаных наборов «булан-кобинцев» второй половины III — V вв. н. э.

С учетом имеющихся археологических источников, мечи из курганов № 30 и 30а памятника Чобурак-I, снабженные полусегментовидным окончанием клинка без перекрестия и навершия, представляется возможным датировать не ранее середины IV в. н. э. В булан-кобинской культуре похожие экземпляры оружия с гладкой рукоятью найдены в погребениях предтюрокского времени [Горбунов, 2006, с. 59, 111; Соенов, 2017, с. 120]. Сохранившийся фрагментарно однолезвийный меч из кургана № 38, имеющий слегка выгнутую спинку и наклонный в сторону лезвия чрен, также относится к образцам, появившимся в воинском арсенале населения Алтая не ранее IV в. н. э. Зафиксированные у некоторых мечей железные детали ножен в виде витых восьмерковидных звеньев от цепочек относятся к показательным элементам снаряжения «булан-кобинцев» IV–V вв. н. э. [Матренин, 2017, с. 17–25]. Все боевые ножи из могильника Чобурак-I с характерными особенностями оформления (треугольный в поперечном сечении клинок, остроугольное окончание острия, прямая либо наклонная рукоять без перекрестия и навершия) появились на Алтае под влиянием позднехуннской или раннесяньбийской военной традиций и стали самым распространенным средством ведения рукопашного боя у «булан-кобинцев» во II–V вв. н. э. [Серегин и др., 2022, с. 58–59].

Найденная в женском захоронении из кургана № 33 некрополя Чобурак-I железная панцирная пластина от ламеллярного доспеха, имеющая семь крепежных отверстий по «периметру», связана с раннесяньбийским комплексом оборонительного вооружения. В паноплии воинов IV–V вв. н. э. пластины такой формы и пропорций использовались, по-видимому, для набора бармиц шлемов. Присутствие панцирной пластины в погребении молодой женщины представляется возможным интерпретировать как подношение-оберег.

В целом, комплекс вооружения кочевников, оставивших группу курганов булан-кобинской культуры на комплексе Чобурак-I, был ориентирован на эффективное противостояние с хорошо защищенным противником и соответствовал средней коннице и, возможно, тяжеловооруженной пехоте. По своему разнообразию и уровню развития изученный

набор предметов не уступал воинским арсеналам сяньби, а также других групп номадов Центральной и Северной Азии в претюркское время.

Библиографический список

- Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул, 2006. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие).
- Матренин С. С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Новосибирск, 2017.
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., Уманский А. П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул, 2022.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., Тишкин А. А., Паршикова Т. С. Алтай в претюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул, 2023.
- Соенов В. И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. № 8. С. 117–142.
- Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

N. N. SEREGIN, S. S. MATRENIN

SOME ASPECTS OF STUDYING THE WEAPONS COMPLEX OF THE ALTAI POPULATION OF THE PRE-TURKIC PERIOD

The paper presents the findings of the study of weapons discovered during the excavations of the pre-Turkic necropolis at Choburak-I burial site. This burial ground was located in the Chermal district of the Altai Republic, and was excavated by the expedition of the Altai State University. The interments contained a large complex of finds, including composite bows (eight sets of horn plates), over 80 iron arrowheads, three swords, six combat knives and one armor plate. It was established that the weapons complex of the nomads who left the group of mounds of the Bulan-Kobin culture of the second half of the 4th century AD at the Choburak-I complex was not inferior in its diversity and complexity to the military arsenals of the Xianbei, as well as other groups of nomads of the Central and Northern Asia in the pre-Turkic period.

Nikolay N. Seregin – Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Sergey S. Matrenin – Candidate of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: matrenins@mail.ru

A. B. СЛЕПЦОВА

СИНХРОННЫЕ И ДИАХРОННЫЕ ПОПУЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ*

В докладе на основе исследования синхронных и диахронных популяционных связей населения нижнего Притоболья переходного периода от раннего железного века к Средневековью проанализированы одонтометрические характеристики постоянных моляров верхней и нижней челюстей. Для проверки гипотез о возможных миграциях для статистического анализа привлечены суммарные группы различных регионов: карымского типа и поччевашской культуры Прииртышья,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01779 «Тюркский компонент в отражении материальной культуры населения Западной Сибири эпохи раннего средневековья» (рук. А. С. Зеленков)

группы Сургутского Приобья раннего и развитого Средневековья, верхнеобской и потчевашской культур Новосибирского Приобья, рёлкинской культуры Томского Приобья (и серии раннего железного века (саргатская, гороховская, кашинская и кулайская культуры)). Полученные результаты позволяют предположить, что в антропологическом составе группы переходного периода из Нижнего Притоболья доминирующим выступал саргатский, а не мигрантный компонент.

Слепцова Анастасия Викторовна – ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера; Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)
E-mail: sleptsova_1993@mail.ru

Грандиозные передвижения кочевников в степной зоне Евразии в эпоху Великого переселения народов вызвали трансформацию этнокультурных ареалов многих областей. На территории Нижнего Притоболья исследовано несколько ключевых могильников этого времени. По данным археологии, население, оставившее эти некрополи весьма разнородно, не наблюдается единства даже внутри групп [Матвеева, 2016]. В захоронениях был обнаружен бакальский, карымский, кушнаренковский, «ипкульский» и др. археологический материал [Матвеева, 2016; Чикунова, 2013]. При разработке культурно-генетических схем для этой территории в раннем Средневековье, археологи отводят большую роль миграционным процессам. Базовым элементом, на основе которого формировалось «бакальское» население, исследователи видят саргатские племена, кроме того, выделено несколько суперстратных компонентов: среднеазиатский (гуннский?), северный карымский и приуральский кушнаренковский [Матвеева, 2016; Рафикова, 2011].

Проводилось исследование краниометрических характеристик населения, оставившего могильники в Нижнем Притоболье в конце III–VI вв. н. э., в результате которого предположена миграция групп из таежной полосы на юг в III–VI вв. н. э. [Пошехонова, Слепцова, 2017]. Однако из-за распространения у населения Нижнего Притоболья переходного периода обычая искусственной деформации черепа, достигающей в отдельных могильниках 75 % от общего числа [Слепцова, 2016], в работе проанализированы размеры только лицевого отдела черепа. Исследование распространения одонтологических характеристик показало преемственность антропологического состава с группами предшествующего периода этой территории – сериями саргатской культуры [Sleptsova, 2021].

В данной работе для проверки гипотезы о миграции населения таежных регионов проанализированы одонтометрические характеристики групп раннего железного века, раннего и развитого Средневековья нескольких регионов Западной Сибири (табл. 1). В общей сложности проанализированы размерные характеристики зубов 630 индивидов.

Результаты статистического сопоставления методом главных компонент (табл. 2) позволили уточнить полученные ранее выводы. Серия переходного периода из Нижнего Притоболья сближается с группами раннего железного века (в особенности с выборками саргатской и кашинской культур из Приишимья). Таким образом, можно предположить, что в антропологическом составе группы переходного периода из Нижнего Притоболья доминирующим выступал саргатский, а не мигрантный компонент.

Таблица 1

ПРОДОЛЬНЫЕ (MD M1) И ПОПЕРЕЧНЫЕ (VL M1) ДИАМЕТРЫ КОРОНОК ПОСТОЯННЫХ МОЛЯРОВ ГРУПП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА, РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

№ ц/п	Территория	Культурная принадлежность	Могильники	Верхняя челюсть						Нижняя челюсть					
				MD M1*	VL M1**	MD M2	VL M2	MD M1	VL M1	MD M2	VL M2	MD M1	VL M1	MD M2	VL M2
1	Приоболье	Конец III – VI вв.	Устюг-1, Ревда 5, Ипкуль, Козлов Мыс	10,25	11,54	9,72	11,51	10,63	10,89	10,46	10,56				
2	Прииртышье	Карымский тип	Алексеевка 51а, Красноярский-IV, Усть-Тара VII	10,27	11,71	9,92	10,87	10,85	10,26	9,9	9,91				
3		Потчевашская культура	Окунево 3, Лихачевский	10,26	10,7	9,7	10,76	11	9,64	10	9,41				
4	4	Зеленогорский тип	Священная Кедровая Роща	10,38	10,98	9,1	10,72	10,41	10,69	9,84	10,17				
5				X-XIV вв.	Сайгатинский 1	10,29	11,23	9,61	10,97	10,72	10,37	10,05	10,01		
6	Среднее Приобье	VII-XI и XIV вв.	Сайгатинский 3	10,29	11,23	9,61	10,97	10,72	10,37	10,05	10,01				
7				XII-XV вв.	Сайгатинский 4	10,29	11,23	9,61	10,97	10,61	10,69	9,57	10,46		
8	8	VIII-XV вв. н. э.	могильники Барсовой Горы	10,29	11,23	9,61	10,97	10,71	10,42	9,98	10,08				
9				X-XX вв.	Усть-Балык	10,29	11,23	9,61	10,97	10,68	10,50	9,78	10,36		
10	Новосибирское Приобье	Верхнеобская культура	Красный Яр 1, Высокий Борок, Ближние Елбаны, Юрт-Акбалык 8	10,14	10,76	9,63	10,74	10,51	9,76	9,96	9,32				
11				Потчевашская культура	Чулым-2	10,58	10,57	9,88	11,05	11,45	10,07	10,1	10,31		
12	Томское Приобье	Релкинская культура	Релка, Тимирязевское 1, 2	10,18	11,15	9,67	11,26	10,72	10,02	10,22	10,01				
13	Приоболье	Саргатская культура		10,69	11,20	9,89	11,16	10,94	10,44	10,15	10,13				
14	Приишимье			10,30	11,09	9,76	11,12	10,81	10,46	10,32	10,13				
15	Прииртышье			10,48	11,31	9,67	11,18	10,98	10,37	10,02	9,94				
16	Бараба			10,42	10,99	9,83	10,64	11,41	10,46	10,09	9,96				
17	Зауралье и Тоболо-Исетье	Гороховская культура	Гороховская культура	10,70	10,94	9,62	11,12	10,88	10,16	10,22	9,66				
18	Приишимье	Кашинская культура	Абатский 3	10,23	11,28	9,94	11,17	10,87	10,46	10,27	10,21				
19	Новосибирское Приобье	Кулайская культура	Каменный Мыс	9,89	10,69	9,78	11,11	10,96	10,39	10,13	10,03				

* – мезио-дистальный диаметр первого постоянного моляра

** – вестибуло-лингвальный диаметр первого постоянного моляра

НАГРУЗКИ НА ПЕРВУЮ И ВТОРУЮ ГЛАВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

	ГК 1	ГК 2
MD M1	0,24	0,58
MD M1	0,80	-0,16
VL M2	0,31	0,63
VL M2	0,53	0,13
MD M1	0,10	0,87
MD M1	0,72	-0,27
VL M2	0,67	0,04
VL M2	0,85	-0,24

Библиографический список

- Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень, 2016.
- Пошехонова О. Е., Слепцова А. В. Население Нижнего Притоболья в переходное время от раннего железного века к средневековью по данным краниологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. Вып. 4 (39). С. 90–103.
- Рафикова Т. Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011.
- Слепцова А. В. Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи Великого переселения народов // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Тюмень, 2016. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1. С. 57–60.
- Чикунова И. Ю. Ипкульский могильник: вариации погребальной практики // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 240–243.
- Sleptsova A. V. Non-metric dental trait variation among Western Siberian forest-steppe populations in the Great Migration period // Bulletin of the International Association for Paleodontology. 2021. Vol. 15, no. 2. P. 66–76.

A. V. SLEPTSOVA

SYNCHRONOUS AND DIACHRONIC POPULATION CONTACTS IN THE LOWER TOBOL REGION DURING THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES PERIOD

The paper analyzes the odontometric characteristics of permanent molars of the upper and the lower jaws based on the study of synchronous and diachronic population contacts in the Lower Tobol region during the transition period from the Early Iron Age to the Middle Ages. To test the hypotheses about possible migrations, the statistical analysis was performed on aggregated groups from various regions, including the Karym type and the Potchevash culture of the Irtysh region, the groups of the Surgut Ob region of the early and the mature Middle Ages, the Upper Ob and the Potchevash cultures of the Novosibirsk Ob region, the Relkin culture of the Tomsk Ob region (and the Early Iron Age series (the Sargat, the Gorokhovo, the Kashino and the Kulai cultures)). The obtained results suggested that the Sargat, rather than the migrant component, was the dominant component in the anthropological composition of the transition group from the Lower Tobol region.

Anastasia V. Sleptsova — Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the Problems of Northern Development; Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: sleptsova_1993@mail.ru

С. М. СЛЕПЧЕНКО, Т. В. ЛОБАНОВА, О. В. КАРДАШ, Г. В. АЛЯМКИН

АРХЕОПАРАЗИТОЛОГИЯ И ПАТОЭКОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ БУХТА НАХОДКА В XIII В. НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Бухта Находка — место жительства северных самодийцев, остается одним из немногих археологически и археопаразитологически изученных памятников на севере Западной Сибири. Ряд факторов осложняет исследовательскую работу в регионе, поэтому дополнительное изучение известных памятников может предоставить ценные данные. В докладе представлены результаты исследования проб грунта из культурного слоя, отобранного из сооружений средневекового могильника Бухта Находка. В изученных пробах удалось обнаружить шесть типов яиц паразитов животных и человека. Уровень контаминации и видовой состав паразитов различались в зависимости от места отбора. Анализ результатов исследования в археологическом и историческом контекстах позволил реконструировать некоторые пищевые привычки населения Бухты Находки в XIII в. и связанные аспекты жизнедеятельности, а также возможные маршруты миграций и торговли с близлежащими поселениями.

Слепченко Сергей Михайлович — к.б.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера; Сургутский государственный университет (Россия, Тюмень; Сургут)

E-mail: s_slepchenko@list.ru

Лобанова Татьяна Владимировна — Институт экологии растений и животных УрО РАН; Сургутский государственный университет (Россия, Екатеринбург; Сургут)

E-mail: lota_64@mail.ru

Кардаш Олег Викторович — к.и.н., Сургутский государственный университет; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Новосибирск)

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Алямкин Георгий Викторович — ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень)

E-mail: alyamkin.egor@yandex.ru

Несмотря на ряд недавно опубликованных исследований археологических памятников [Сивкова, Косинцев, Клабуков, 2022, с. 93–95; Slepchenko, Reinhard, 2018, p. 39–44; Slepchenko et al., 2019, p. 791–799], археопаразитологические данные по Западной Сибири остаются ограниченными. Это отчасти связано с трудностями проведения археологических экспедиций в суровых условиях Крайнего Севера, а также с малочисленностью и кочевым характером древнего населения региона. При этом благодаря длительному периоду низких температур в местах длительного обитания человека формируется мерзлый культурный слой, богатый органическими материалами [Slepchenko et al., 2019, p. 791–799; Slepchenko et al., p. 102–108].

Наиболее изученные долговременные памятники оставлены древним населением Ямала, которое относилось к общности северных самодийцев [Bagashev, Slepchenko, Kardash, 2018, p. 6–14]. Среди них — единственное поселение с доказанной связью с могильником — Бухта Находка, относящееся к XII–XIII вв. [Кардаш, Гайдакова, 2020, с. 43–58]. В 2019 г. было проведено археопаразитологическое и палеоботаническое исследование образцов грунта с поверхности крестцов и кишечного содержимого одной мумии ребенка, полученных при раскопках могильника Бухта Находка 2, связанного с поселением [Slepchenko et al., 2019, p. 791–799]. Однако из-за небольшого размера выборки невозможно было полностью охарактеризовать паразитарный спектр населения.

Данное исследование направлено на получение новой информации и дополнение данных о питании, здоровье и контактах древнего населения на основе представительной выборки проб культурного слоя поселения Бухта Находка. Для археопаразитологического исследования отобраны образцы из построек и культурных слоев поселения, собранные во время раскопок в 2008 и 2014 гг. Критерием отбора служила визуально хорошая сохранность органической составляющей. Микроскопия прошедших лабораторную обработку образцов показала наличие шести типов яиц кишечных паразитов, которые были идентифицированы на основе морфологических и морфометрических характеристик.

Во всех без исключения образцах обнаружены яйца рода *Dibothriocephalus*, что подтверждает выводы предыдущего исследования могильника о существенной роли в питании населения сырой и недостаточно термически обработанной рыбы в качестве адаптации к условиям жизни на Крайнем Севере. В восьми образцах обнаружены яйца, отнесенные к семейству Opisthorchiidae. Сопоставление с палеоихтиологическими данными [Гимранов, Лобанова, 2015, с. 330–332] позволило исключить из видового состава промысловых рыб городища карповых, которые являются главным источником заражения трематодами семейства Opisthorchiidae. Присутствие яиц паразитов этого семейства могло быть обусловлено перемещением населения на территории Обь-Иртышского и/или Надымского бассейнов, где могло произойти заражение через питание карповыми. Возможность контакта с населением на этих территориях предполагает пересмотр ранних выводов об изоляции населения Бухты Находки, согласно которым, отсутствие яиц Opisthorchiidae у людей, погребенных в могильнике Бухта Находка, может указывать на частично или полностью потерянную связь с населением Обь-Иртышского бассейна.

Источником яиц *Dibothriocephalus* и Opisthorchiidae могли быть и собаки, которых кормили сырой рыбой. В сезонных поселениях коренного населения Западной Сибири происходило массовое накопление и смешение экскрементов человека и животных в закрытом пространстве, а рацион человека и собаки в зимнее время был сходен и основан на белковой пище, что затрудняет идентификацию фекального материала. Обнаружение единичного копролита собаки подтверждено наличием в нем яиц трематод *Alaria alata*, паразитирующих в кишечнике хищных. Яйца нематод *Capillaria boehmi* и *Capillaria aerophila* так же указывают на присутствие фекального материала собак в культурном слое.

Обнаружены яйца цестод семейства Taeniidae. Учитывая, что мясо свиней и крупного рогатого скота на Крайнем Севере употребляли в основном русские поселенцы, можно отнести эти яйца к *Taenia saginata*, паразитирующей на северных оленях, составляющих основу рациона населения Бухта Находка. Только в оболочках мозга этого животного гельминт созревает до инвазионной стадии, а употребление мяса оленей в пищу даже в сыром виде безопасно [Копуаев et al., 2017, p. 2030–2037]. Население употребляло мозг в сыром виде и, учитывая ценность продукта, источником яиц являлись люди, а не собаки.

Анализ результатов археопаразитологического исследования в зависимости от локализации отбора образцов показал, что санитарное состояние поселения Бухта Находка было сложным. Наличие яиц паразитов как внутри жилых помещений, так и за его пределами говорит о значительном паразитарном обсеменении территории, как внутри строения, так и за его пределами. Наличие яиц, источником которых, вероятно, являлись собаки, в галереях построек, позволяет предположить их свободный доступ в жилые помещения и

возможное проживание в его галереях, особенно в зимнее время. Отсутствие яиц собачьих паразитов, вероятно, говорит о том, что собакам был ограничен доступ только в центральные жилые помещения около очага или эти помещения периодически очищались.

В контексте специфических условий Крайнего Севера Западной Сибири дополнительные археопаразитологические исследования доступных памятников могут предоставить новые данные о древних паразитофагах, что может обогатить наши представления об образе жизни древнего населения.

Библиографический список

- Гимранов Д. О., Лобанова Т. В. Рыболовство населения городища Бухта Находка и Надымского городка (по результатам раскопок 2012–2013 гг.) // IV Северный археологический конгресс: материалы, 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 330–332.
- Кардаш О. В., Гайдакова З. Г. Торговые связи населения Крайнего Севера в XI–XIV веках // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 43–58.
- Сивкова Т. Н., Косинцев П. А., Клабуков А. С. Копролиты собак (*Canis familiaris* L., 1758) из раскопок поселения Ярте VI // Археология Арктики: тезисы докладов II Международной конференции, Салехард, 14–19 марта 2022 года. Салехард, 2022. С. 93–95.
- Bagashev A. N., Slepchenko S. M., Kardash O. V. The Materials for Craniology of the Northern Samodians // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2018. Vol. 23, no. 4. P. 6–14. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.1
- Konyaev S. V., Nakao M., Ito A., Lavikainen A. History of *Taenia saginata* tapeworms in northern Russia // Emerging Infectious Diseases. 2017. Vol. 23, no. 12. P. 2030–2037. DOI: 10.3201/eid2312.162101
- Slepchenko S., Kardash O., Ivanov S., Afonin A., Shin D. H., Hong J. H. The Bucht-Nakhodka 2 burial ground: Results of archaeoparasitological and macro-remains investigations of samples from the burial grounds of the 6th–13th century CE on the Yamal Peninsula in Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 23. P. 791–799.
- Slepchenko S. M., Lobanova T. V., Vizgalov G. P., Ivanov S. N., Rakultseva D. S. Archaeoparasitological data and pathoecology of the town of Mangazeya in Western Siberia in the 17th century // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. Vol. 35. P. 102–108.
- Slepchenko S., Reinhard K. Paleoparasitology and pathoecology in Russia: Investigations and perspectives // International journal of paleopathology. 2018. Vol. 22. P. 39–44.

S. M. SLEPCHENKO, T. V. LOBANOVA, G. V. KARDASH, G. V. ALYAMKIN

ARCHAEOPARASITOLOGY AND PATHOECOLOGY OF MEDIEVAL SETTLEMENT NAKHODKA BAY IN THE 13TH CENTURY IN THE FAR NORTH OF WESTERN SIBERIA

Nakhodka Bay, the place of residence of the northern Samoyeds, remains one of the few archaeologically and archaeoparasitologically studied sites in the north of Western Siberia. A number of factors complicated the research work in the region; therefore, the additional study of the well-known sites can provide valuable data. The report presents the results of the study of soil samples from the cultural level, taken from the structures of the medieval burial ground Nakhodka Bay. Six types of eggs of animal and human parasites were found in the studied samples. The level of contamination and the species composition of the parasites varied depending on the place of sampling. The analysis of the research results in the archaeological and historical contexts made it possible to reconstruct some of the dietary habits and related aspects of life of the population of Nakhodka Bay in the 13th century, as well as the possible routes of migration and trade with the nearby settlements.

Sergey M. Slepchenko — Candidate of Biological Sciences, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the Problems of Northern Development; Surgut State University (Russia, Tyumen; Surgut)
E-mail: s_slepchenko@list.ru

Tatyana V. Lobanova – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS; Surgut State University (Russia, Ekaterinburg; Surgut)

E-mail: lota_64@mail.ru

Oleg V. Kardash – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Novosibirsk)

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Georgi V. Alyamkin – Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the Problems of Northern Development (Russia, Tyumen)

E-mail: alyamkin.egor@yandex.ru

А. Р. СМЕРТИН

ДРЕВНЕРУССКИЙ ИМПУЛЬС В ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ (ПО ДАННЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)*

В период развитого Средневековья территорию верхнего Прикамья населяли народы финно-угорской языковой группы, носители родановской культуры (XII – начало XV вв.). С XII в. происходит смена хозяйственно-культурного типа, которая включает переход к пашенной форме земледелия. Среди земледельческих орудий, помимо мотыг, появляются ральники (более 240 экз.), ограниченно распространяются серпы и косы-горбуши (более 20 предметов). В дополнение темы о пашенном земледелии произведен технологический анализ (металлография) железных орудий труда. Мотыги и ральники были цельнометаллическими (из железа или стали). Серпы и косы-горбуши преимущественно производились по схеме наварки стального лезвия на железную основу (7 из 10 экз.). Эта технология распространяется в Древней Руси после XII в. на орудиях для уборки урожая и ножах. Это позволяет подтвердить выводы о проникновении русских переселенцев на Верхнюю Каму только после XII в.

Смертин Андрей Романович – Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)

E-mail: arsmertin@mail.ru

В Верхнем Прикамье в развитом Средневековье проживали народы финно-угорской языковой группы, объединяемые в родановскую культуру (XII – начало XV вв.). Именно с XII в. в земледелии Прикамья происходит переворот. Появляются новые орудия труда, свидетельствующие о распространении пашенного земледелия [Сарапулов, 2019, с. 114; Сарапулов, 2015, с. 125]. Среди орудий известны наконечники для обработки почвы (мотыги, ральники) и инструменты для уборки урожая (серпы и косы-горбуши). Ранее, А. Н. Сарапулов сообщал о 243 известных ральников и около 20 серпов и кос-горбуш [Сарапулов, 2019, с. 111–112].

В дополнение предыдущих работ произведено технологическое исследование железных орудий.** Три родановских изделия ранее изучено В. И. Завьяловым [2005, с. 229, 237, 239], два – А. П. Зыковым [1987, с. 153]. Общая выборка составляет 16 анализов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека» (рук. Е. Л. Лычагина)

** Выражаем благодарность В. И. Завьялову за научное консультирование и возможность использования базы лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Исследованная *мотыга* происходит с городища Анюшкар, относится к категории втульчатых с длинной рабочей частью (тип 1, по А. Н. Сарапулову) [Сарапулов, 2015, с. 49]. Изделие произведено целиком из стального листа, трубища отсечена зубилом, загнута во втулку (ан. 13938). Подобные орудия с соседних памятников чепецкой культуры преимущественно были цементированными (4 из 6 экз.) [Завьялов, 2005, с. 144, 145]. В Волжской Булгарии преобладали пакетированные и цельножелезные ручные пахотные орудия [Семькин, 2015, с. 121].

Изученные *ральники* имеют выраженные относительно лопасти плечики (отдел I, группа I, подгруппа 2, по А. Н. Сарапулову) [Сарапулов, 2015, с. 144, 145]. Всего изучено пять ральников из материалов городищ Анюшкар, Купрос и могильника Антыбары. Все ральники изготовлены из листа простого или фосфористого железа (ан. 750–751, 13709, 13958, 14397). Способ формовки аналогичен мотыгам. Все изделия имели множество шлаков, так как крупные заготовки было сложнее проковывать. Открытым остается вопрос, почему в русле перехода к высшей — пашенной форме земледелия, пахотные орудия плохо проковывались и не снабжались более продвинутыми схемами изготовления. Ральники соседних племен чепецкой культуры с городищ Иднакар и Вестьякар ковались из железа или сырцово-стали [Завьялов, 2005, с. 144, 145]. Наральники городов Волжской Булгарии имели цементированное или пакетированное лезвие [Семькин, 2015, с. 121], так называемые лемехи древнерусских городищ ковались из железа, иногда с усилением стальной или железной полосой [Колчин, 1953, с. 87].

Серпы и косы-горбуши исследованы в количестве 10 экз. и происходят с городищ Шудьякар, Роданово, Анюшкар и могильника Агафоново II. Распространение орудий для сбора урожая связано, вероятно, с проникновением в верховья Камы русского населения, так как на Нижней Каме еще в именьковский период, а далее и во времена Волжской Булгарии данные категории были широко распространены [Сарапулов, 2015, с. 85]. Изделия имели С-видную рабочую часть.

Технологически *серпы* изготовлены преимущественно по схеме косой и V-образной наварки стальной полосы на железное тело изделия с последующей закалкой (ан. 14444–14446), единожды встречен случай пакетирования (ан. 3196). *Косы* тоже чаще всего имели косую и V-образную наварку стального лезвия на железную основу с дальнейшей закалкой (ан. 5876, 14441–14443), в единичных случаях встречены пакетирование с закалкой (ан. 4230) и сварка (ан. 3197). Всего 8 из 10 орудий были закалены, а 7 из 10 имели технологию наварки (70 %).

На соседних памятниках чепецкой культуры 6 из 12 серпов и кос имели наварное лезвие (50 %) [Завьялов, 2005, с. 144]. По данным Б. А. Колчина, в Древней Руси этот показатель составлял 60 % [Колчин, 1953, с. 91, 97–98], а в княжестве Рязанском 6 из 8 кос (75 %) имели наварное лезвие [Завьялов, Терехова, 2013, с. 65, 119, 129, 138]. В Волжской Булгарии, напротив, была популярна технология сварки: 3 из 12 предметов — 25 % при единичной встречаемости иных технологий [Семькин, 2015, с. 121]. Древнерусские же косы и серпы из выборки Б. А. Колчина связаны в основном с XI–XII вв., когда на Руси еще весомое место занимают простые технологии и трехслойный пакет, а уже после XII в. на клинках преобладает наварка [Колчин, 1953, с. 99; Завьялов, Терехова, 2015, с. 29].

Преобладание наварной технологии в Прикамье в XII–XV вв. может говорить о подтверждении предположения А. Н. Сарапулова, что распространение орудий для сбора урожая в Прикамье связано, главным образом, с приходом русского населения после XII в.

Появление земледелия в Прикамье А. Н. Сарапулов связывал с южнорусским влиянием посредством Волжской Булгарии, либо напрямую с булгарами [Сарапулов, 2015, с. 126]. Технологически подтверждается только русское влияние на земледелие.

Библиографический список

- Завьялов В. И. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск, 2005.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М., 2013.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Феномен «трёхслойной технологии» (высокие технологии в средневековье) // Исторический формат. 2015. № 4 (4). С. 21–32.
- Зыков А. П. Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тыс. н. э. (по материалам родановских и сылвенских памятников) // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987. С. 145–155.
- Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). М., 1953. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 32).
- Сарапулов А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь, 2015.
- Сарапулов А. Н. Еще раз об использовании железных серпов и кос-горбуш средневековым населением Верхнего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2019. № 15. С. 111–116.
- Семькин Ю. А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Казань, 2015. (Археология евразийских степей; вып. 21).

A. R. SMERTIN

THE ANCIENT RUSSIAN IMPULSE IN THE UPPER KAMA REGION AGRICULTURE (ACCORDING TO THE TECHNOLOGICAL STUDY OF FORGED PRODUCTS)

During the mature Middle Ages, the territory of the Upper Kama region was inhabited by the peoples of the Finno-Ugric linguistic group, representing the Rodan culture (the 12th – early 15th centuries). Since the 12th century, there was a change in the economic and cultural type, which included the transition to the arable form of agriculture. The range of agricultural implements expanded, including, in addition to hoes, numerous plows (over 240 pieces), and a limited number of sickles and scythes (more than 20 items). In development of the arable agriculture topic, the author performed a technological study (metallography) of the iron tools. The hoes and plows were all-metal (made of iron or steel). Sickles and scythes were typically made by welding a steel blade onto an iron base (7 out of 10 items). This technique became common in ancient Russia after the 12th century for the making of harvesting tools and knives. This fact confirms the conclusions about the penetration of the Russian immigrants into the upper Kama region only after the 12th century.

Andrey R. Smertin – Perm State National Research University; Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: arsmertin@mail.ru

Т. Н. СОБОЛЬНИКОВА, А. В. СУРКОВА (КУЗИНА)

ГОРОДИЩА-ХОЛМЫ БАССЕЙНА Р. КОНДЫ

Среди древностей Конды есть категория памятников, природа происхождения которых остается загадкой для археологов. Это городища-холмы. Мнения исследователей относительно их культур-

но-хронологической атрибуции и функционального назначения расходятся. В настоящий момент в границах Кондинской низменности открыто более 20 подобных объектов. В докладе проводится анализ и обобщение имеющихся археологических данных по локализации кондинских городищ-холмов, их топографической приуроченности и планиграфии, а также исследовательских гипотез относительно датировки, типологии, назначения; представлений о них в традиционной культуре.

Собольникова Татьяна Николаевна – к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: sobtn@mail.ru

Суркова (Кузина) Алёна Васильевна – Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: alekuzina@gmail.com

Самые ранние сведения о городищах-холмах Конды содержатся в источниках XVIII–XIX вв. [Инфантьевъ, 1910, с. 63–64; Северо-Западная Сибирь..., 2006, с. 171; Патканов, 1891, с. 15]. Так Г. Ф. Миллер описывает один из нижнекондинских городков: «...на открытом болоте, находится холм, который кажется насыпанным, и на этом холме видны следы бывшего остяцкого укрепления» [Северо-Западная Сибирь..., 2006, с. 171].

При составлении археологической карты Тобольского округа С. К. Патканов отмечал: «...слово “курган”, “сопка”, “бугор” означает у крестьян и не только настоящие курганы, но и городища, и естественные возвышенности». Среди критериев, по которым можно установить «подлинность» городища, исследователь указывает наличие рвов и валов, а также «слова tura, gala у татар, vog, voš (город) у остяков и us, uš у вогульцев, присоединённые к собственным именам или к прилагательным» [Дело Императорской археологической комиссии..., 1888, л. 15].

В 1930-х гг. 5 «круглых городищ» в среднем и верхнем течении Конды зафиксированы С. Г. Бочем [1937, с. 163–164]. В. Н. Чернецов, работавший здесь в эти же годы, в полевом дневнике отмечает: «кондинские городища, как правило, отличаются своей конструкцией от сосвинских тем, что устроены не на мысах, а в виде курганообразных возвышений» [Источники по этнографии..., 1987, с. 170].

В настоящее время на Конде известно 21 городище-холм, сведения о 16 из них получены из отчетов и публикаций, пять – выявлены авторами, включая упоминаемый выше городок Г. Ф. Миллера, известный по хантыйским легендам как Вош-ега-вош [Собольникова, Кузина, 2020, с. 369–379]. Кроме того, два городища – Высокая Гора 1 и Ушенья 1 (Хардавош, Картауш) – это единственные «осыпные городки», отмеченные С. У. Ремезовым на Конде в «Чертёжной книге Сибири» [Цеменков, 2014, с. 76; Каменский, Жирных, 2006, с. 229–235].

Своеобразный облик и планиграфия данных памятников вызывала у археологов затруднения в однозначном определении их типологии. Большая часть исследователей относила их к городищам, дополняя уточняющими словами – городище-холм, круглое городище, городище-святилище. Некоторые отмечали их как курганы, хотя при этом не относили к погребальным объектам [Стефанова, 1981, с. 107–108; Сладкова, 1987, с. 7].

В пространственном отношении городища-холмы локализируются следующим образом: 13 находятся в левобережье, 8 – в правобережье; в верхнем течении Конды – 8 городищ, в среднем – 6, в нижнем – 7. Подавляющее большинство из них приурочены к низовьям притоков Конды. В плане ландшафтного расположения памятники тяготеют к краям береговых террас и мысам до 5 м высотой. В пределах отдельных урочищ обычно находится

по одному городищу-холму. Исключениями являются городища Ершовое 1 и 2, Евра 1 и 10, расположенные на расстоянии 618–680 м друг от друга.

По визуальным характеристикам и планиграфическим особенностям памятники представляют собой площадки округлой или подовальной формы высотой до 10 м, размеры их в среднем составляют 15–25 м по верху и 35–40 м по основанию. По периметру или с нескольких сторон городища-холмы оконтурены рвом, рвом-валом, в единичных случаях визуальных признаков оборонительных сооружений нет (Вош-ега-вош, Циплох 3, Чёртова Гора). У большинства на площадках расположены впадины (от 1 до 6), в двух случаях встречены наземные площадки. На прилегающей территории археологизированные объекты зафиксированы только у двух памятников (Большая Умыгья 36, Ягатка 3).

Раскопками исследовалось три городища — Карым 1, Чёртова гора, Большая Умыгья 36. Для остальных датировочные материалы (в основном керамика) получены в процессе сборов и шурфовки. Исходя из полученных данных можно констатировать, что большинство городищ-холмов представляют собой многослойные памятники. Материалы одного периода (XIII–XVI вв.) получены на трех городищах (Вош-ега-вош, Усть-Пуштинское и Ушенья 1), которые, с учетом имеющихся письменных и фольклорных источников, интерпретируются как угорские городки [Каменский, Жирных, 2006, с. 235].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что сделать конкретные выводы относительно кондинских городищ-холмов, природы их происхождения, функции и культурно-хронологической принадлежности в настоящее время не представляется возможным. Сходные параметры и характеристики наводят на мысль о том, что они относятся к какой-то единой традиции (этнокультурной?). С другой стороны, артефакты, полученные на них, относятся к разным периодам времени — от неолита до Средневековья. К сожалению, материалы раскопок не позволяют внести ясность в понимание природы происхождения городищ-холмов, поскольку их верхние слои к началу работ были значительно разрушены [Сладкова, 2004, с. 16; Кокшаров, 2011, с. 77–78].

В связи с отсутствием полноценных археологических источников, акцент исследователей в осмыслении данных памятников сместился на обсуждение вопросов относительно их функционального назначения. Наиболее распространена версия о том, что они являлись святилищами, в основе ее лежат этнографические сведения о почитании городищ-холмов коренным населением Конды [Боч, 1937, с. 158; Кокшаров, 2011, с. 74, 76–78]. В фольклоре южных хантов два городка-холма — Ушенья 1 (Харда-вош, Картауш) и Вош-ега-вош — фигурируют как княжеские, военные городки [Патканов, 1891, с. 69–70].

При обследовании в 2019 г. городища Большая Сага 47 на его площадке были собраны ошлакованные фрагменты глины, возможно, связанные с литьём металла. Это позволяет выдвинуть ещё одну версию о функциональном назначении городищ-холмов в качестве производственных центров.

Библиографический список

- Боч С. Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1937. С. 149–165.
- Дело Императорской археологической комиссии «О раскопках г. Патканова в Тобольском округе» // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. 1888. 54 с.
- Инфантьев П. П. Путешествие въ страну вогуловъ. СПб., 1910.

- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
- Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Изучение позднесредневековых городков Западной Сибири: история одного исследования // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. 2: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие: материалы международного симпозиума. С. 229–237.
- Кокшаров С. Ф. Археологические памятники первой половины II тыс. в бассейне р. Конда // Форум «Идель – Алтай»: материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Казань, 2011. С. 73–80. (Археология евразийских степей; вып. 13).
- Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006.
- Сладкова Л. Н. Отчет об археологической разведке в Кондинском и Уватском районах Тюменской области в 1986 г. Тобольск, 1987 // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р-1. № 11454.
- Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чёртова гора в Кондинском районе ХМАО Тюменской области, произведённых летом 2004 г.: в 2-х кн. Тобольск, 2004 // Архив Автономного учреждения «Центр охраны культурного наследия». Инв. 5085. Д. 840а, б.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Легендарные городки Нижней Конды: продолжение археологических поисков // Вестник Угроведения. 2020. Т. 10, № 2. С. 369–379.
- Стефанова Н. К. Отчет об археологических исследованиях в Кондинском районе Тюменской области летом 1980 г. Свердловск, 1981 // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 8040.
- Цеменков А. Е. Проект «Обоснование достопримечательного места «Высокая гора» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Екатеринбург, 2014.

T. N. SOBOLNIKOVA, A. V. SURKOVA (KUZINA)

THE HILLFORT MOUNDS OF THE KONDA RIVER BASIN

Among the Konda antiquities, there is a category of sites, the nature of the origin of which remains a mystery to the archaeologists. These are the hillfort-mounds. The opinions of the researchers regarding their cultural and chronological attribution and functional purpose differ. At the moment, more than 20 such objects have been discovered within the boundaries of the Konda lowland. The report provides an analysis and a summary of the available archaeological data on the localization of the Konda hillfort-mounds, their topographic reference and planography, as well as research hypotheses regarding the dating, the typology, the purpose and the representations of them in the traditional culture.

Tatyana N. Sobolnikova – Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: sobtn@mail.ru

Alena V. Surkova (Kuzina) – Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: alekuzina@gmail.com

А. А. ТКАЧЕВ, К. Г. ГЮРДЖОЯН, Ал. Ал. ТКАЧЕВ

КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ СВЯТИЛИЩА ГАЗ-САЛЕ 2

На протяжении всей человеческой истории святилища и сакральные центры играли особую роль в жизни людей. Поклонение богам и божественным силам сопровождалось обрядами и

жертвоприношениями. Помимо этого, святилища являлись местом объединения древнего населения, где происходил обмен знаниями и передавались культурные традиции. В докладе представлены результаты исследования древнего святилища Газ-Сале 2, расположенного в Тазовском районе ЯНАО. Исследование святилища позволило глубже понять роль сакральных центров в жизни населения бассейна р. Таз. Найденный инвентарь — обломки медных котлов, железный топор, фарфоровая посуда, глиняные грузила, нож производства мануфактуры Федора Михайловича Варыпаева — датируются различными историческими периодами. Изучение обнаруженных находок сакрального центра указывает на его возникновение еще в период Средневековья и продолжение функционирования до настоящего времени.

Ткачев Александр Александрович — д.и.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН; Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень)

E-mail: sever626@mail.ru

Гюрджоян Катя Гнеловна — Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

E-mail: gyurdzhoyankatya@mail.ru

Ткачев Александр Александрович — к.и.н., Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

Жертвенное место Газ-Сале 2 было открыто в 2005 г. в процессе обследования земель, отводимых под хозяйственное освоение [Прищенко, 2007; 2011]. В 2013 г. осмотрено, а в 2014 г. исследовано сотрудниками Тазовской археологической экспедиции Института проблем освоения Севера СО РАН [Ткачев, 2014, с. 19–20]. Памятник, представляющий собой овальный холм размерами 150 × 110 м с двумя вершинами, расположен в 12 км юго-восточнее пос. Тазовский и в 2,5 км к северо-западу от с. Газ-Сале в восточной части урочища Мамеев мыс на высокой левобережной террасе р. Таз, возвышающейся над поверхностью воды в реке на 32–34 м. Значительная часть жертвенного места изрыта грабительскими ямами и разрушена последующей водно-ветровой эрозией.

В процессе проведения работ заложен раскоп площадью 326 кв. м, позволивший частично исследовать котлован постройки, окружавший его ровик, две сохранившиеся канавки и восемь жертвенных ям. Изученные конструкции позволяют предварительно реконструировать внешний облик святилища и проводившихся на нем обрядов. В центре холма располагалась постройка площадью 56 кв. м, представляющая прямоугольный балаган с наклонными стенами, плоской крышей и входом в юго-восточном углу. Вероятно, она носила сезонный характер и использовалась для проведения религиозных обрядов в теплое время года, так как следов отопительных конструкций не было зафиксировано. С внешней стороны помещение и прямоугольный дворик перед входом были окружены ровиком глубиной 10–12 см, ограничивающим сакральное пространство. На ровных площадках у подножия восточного и южного склонов холма устанавливались чумы, в которых размещались люди, прибывшие на ритуальный праздник. В ровике и на прилегающих к нему участках в неглубоких ямках совершались жертвоприношения: в жертву приносили оленей, мясо туш съедали, а головы животных, отдельные кости и вещи клали в ямки и посыпали древесным углем. На этом месте обнаружены обломки металлической и фарфоровой посуды и предметы быта (топоры, ножи, гвозди, грузила).

По особенностям конструкций и найденному инвентарю можно заключить, что сакральные центры, появившиеся еще в эпоху средневековья, продолжали функционировать вплоть до недавнего прошлого. Так, обломки клепаных медных котлов, активно поступающих за Урал с XII в., сходны с изделиями, найденными на средневековых комплексах Западной Сибири [Гусев Ал. В., Святова, 2020, с. 250–255; Кардаш, 2011, с. 31–32; Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021, с. 108; Семенова, 2008, с. 183; Гюрджоян, 2023, с. 150]. Железный топор близок к изделиям XVIII–XIX вв. [Зиняков, Пошехонова, 2020, с. 66–67], аналоги обнаруженной фарфоровой посуды использовались в XIX – начале XX вв. [Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 123], глиняные грузила фактически полностью идентичны применяемым и сегодня ненецкими рыбаками для утяжеления сетей. Интересен нож, обнаруженный на одном из выдувов: на ручке с обеих сторон в прямоугольной рамке указана дата – 1894, на лезвии ножа два клейма, к сожалению, из-за коррозии с точностью идентифицировать их не удалось, однако на втором клейме отчетливо прослеживаются контуры восьмиконечного креста и видна часть надписи «...ПРАВИТЕЛСТВОМЪ». Аналогичные ножи производились на фабрике Федора Михайловича Варыпаева – владельца сталелесарного производства, изготавливавшего лучшие в России ножи разных сортов, замки и холодное оружие, а также хирургические инструменты [Село Павлово, 1872, с. 3], именно столовый нож был самым массовым изделием варыпаевской мануфактуры во второй половине XIX в.

До настоящего времени местные охотники и рыбаки, проплывая по реке мимо жертвенного холма, нередко останавливаются напротив устья ручья Нум-хибья-сихэри для совершения жертвоприношения местообитанию духов.

Библиографический список

- Гусев Ал. В., Святова Е. О. Могильники у поселка Зеленый Яр. Омск, 2020.
- Гюрджоян К. Г. Котел в культуре средневекового населения севера Западной Сибири // LV Урал-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2023 г.): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ижевск, 2023. С. 149–151.
- Зиняков Н. М., Пошехонова О. Е. Кузнечные изделия русских ремесленников XVII–XIX вв. у верхнетазовских селькупов (по материалам могильника Кикки-Акки): технологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 65–76.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка. Нефтеюганск, 2011.
- Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Сургут, 2021. Вып. 19.
- Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 116–124.
- Прищенко С. В. Отчет о НИР «О разведке памятников археологии экспедиции Омского ГПУ в 2007 году в Пуровском, Приуральском, Тазовском, Красноселькупском районах ЯНАО». Омск, 2007 // Фонды Тазовского районного краеведческого музея. Инвентарный номер 1090.
- Прищенко С. В. Отчет о НИР «О пешеходной разведывательной экспедиции ур. Мамеев Мыс». Омск, 2011 // Фонды Тазовского районного краеведческого музея. Инвентарный номер 2170.
- Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 17 июля. № 180. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/85735-180-17-iyulya#mode/inspect/page/3/zoom/9> (дата обращения: 10.03.2024).
- Семенова В. И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень, 2008.

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

Ткачев А. А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2014 году. Тюмень, 2014 // Архив Института проблем освоения Севера СО РАН.

A. A. TKACHEV, K. G. GURJOYAN, AI. AI. TKACHEV

CULTURAL ATTRIBUTION OF GAZ-SALE 2 SANCTUARY

Throughout the human history, sanctuaries and sacred centers played a special role in the people's lives. Worship of gods and divine powers was accompanied by rituals and sacrifices. In addition, the sanctuaries were a place of unification of the ancient population, where knowledge was exchanged and the cultural traditions shared. The report presents the results of a study of ancient sanctuary Gaz-Sale 2, located in the Taz district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The study of the sanctuary contributed to a deeper understanding of the role of sacred centers in the life of the population of the Taz River basin. The discovered inventory, including fragments of copper pots, an iron axe, porcelain tableware, clay sinkers, a knife produced by the manufactory of Fyodor Mikhailovich Varypaev, dated back to various historical periods. The study of the finds from the sacred center indicated that it began its existence already in the Middle Ages and continued functioning to the present day.

Alexander A. Tkachev – Doctor of Historical Sciences, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the Problems of Northern Development (Russia, Tyumen)
E-mail: sever626@mail.ru

Katya G. Gyurdzhoyan – Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: gyurdzhoyankatya@mail.ru

Alexander A. Tkachev – Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

P. M. ХАРИТОНОВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ» ЛУКОВ ЯКУТИИ*

В докладе представлен анализ проблем, связанных с изучением сложных луков «центральноазиатского» типа Якутии. Под этим термином понимаются конструкции сложных луков, которые формировались в материальной культуре кочевого населения внутренних районов Азии и обладают схожими усиливающими и укрепляющими элементами (фронтальные накладки из кости и рога, сухожильные оклейки). Наличие таких луков у населения Якутии подтверждается находками археологов. В контексте изучения данных изделий выделяются следующие проблемы: генезис конструкций, принадлежность к местному или импортному производству, классификация и эволюция изделий, связь и взаимовлияние «северной» традиции. Решение этих проблем видится в дальнейшем накоплении источниковой базы и ее комплексном изучении, анализе археологического и исторического контекста, а также межкультурных взаимодействий.

Харитонов Роман Михайлович – Институт археологии и этнографии СО РАН; Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Новосибирск; Магадан)
E-mail: tengeri_ashina@list.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (рук. А. И. Лебединцев)

Одна из наиболее эффективных форм сложного лука представлена «центральноазиатским типом». Этот термин ввел А. П. Окладников для характеристики общности конструкций сложных луков, применяемых населением Восточной Сибири этнографической современности наряду с простыми [Окладников, 1950, с. 224]. Сейчас под «центральноазиатским типом» правильнее обобщенно понимать конструкции, которые формировались в культуре кочевого населения внутренних районов Азии. Исходя из доступного сырья, древние мастера применяли для усиления изделий накладку из рога и сухожилия животных, которые выполняли основную работу в конструкции. Кибити могли составлять из нескольких деталей. Эффективность «центральноазиатского типа» обеспечила его распространение далеко за пределами Центральной Азии — такие изделия типичны для Кореи, Индии, Турции, Восточной Европы и т. д.

Относительно «центральноазиатского» можно выделить «северный» сложный лук, который формировался в культурных традициях таежного и тундрового населения Азии. Такие луки отличны большим количеством дерева, которое и выполняло основную рабочую функцию. Кибить могла комбинироваться из различных пород, составлялась из нескольких деталей. Мастера могли использовать сухожильные шнуры и китовый ус, а также элементы из рога и кости, однако они играли роль дополнительных усилений.

В последнее время была актуализирована тема применения «центральноазиатских» сложных луков у населения Якутии. Ф. Ф. Васильев не нашел прямых вещественных доказательств применения «центральноазиатских» луков, однако, утверждал, что возможность их использования исключать нельзя [Васильев, 1995, с. 62]. Применение «центральноазиатских» луков населением Якутии было обосновано на материалах археологических комплексов. Это предметы из Сергеляхского погребения (XV–XVI вв.) [Бравина и др., 2016, с. 95–96], Тойбохойского музея (XVII в.) [Бравина, Дьяконов, 2020], погребения Юрюнг-Мыран-III (XVII — начало XVIII в.) [Новгородов, 2023]. Приведенные данные позволяют ставить вопросы о происхождении и бытовании этих предметов.

Одной из основных проблем остается генезис конструкций. Набор накладок выявленных луков может быть генетически связан с прибайкальскими изделиями монгольского времени (усть-талькинская культура XII–XIV вв.), некоторые аналогии можно встретить в Забайкалье (аргадинское погребение XVII в.). Это, однако, не позволяет однозначно связать якутские образцы с местным или импортным производством, поскольку, с одной стороны, возможно сложение местного производства под влиянием тюрко-монгольского культурного компонента Прибайкалья, с другой, — нельзя исключать возможность импорта изделий из Забайкалья и Прибайкалья.

Возможен импорт сложных луков на территорию Якутии и с более южных районов. Г. Ф. Миллер писал: «Якутские тунгусы покупают их во время своих охотничьих путешествий в верховья реки Зеи от тамошних тунгусов, подвластных Китаю, а затем перепродают якутам...» [Миллер, 2009, с. 298].

Классификация предметов весьма проблематична [Новгородов, 2023, с. 171], общим же является применение фронтальных накладок, в числе которых срединная веслообразная, характеризующая луки «монгольского типа». При этом в «центральноазиатских» луках Якутии встречаются элементы, более характерные для «северных» конструкций. В наборах накладок наблюдается некоторая вариативность, которая может отражать некоторые

эволюционные закономерности. Например, у «сергеляхского» образца отсутствуют длинные концевые вкладыши, у «тойбохойского» имеются концевые боковые накладки, у лука Юрюнг-Мыран-III имеются концевые вкладыши.

Интересна связь «северных» и «центральноазиатских» луков, проявляющаяся во влиянии одной традиции на другую. Показательно сравнение двух луков из Иркутского областного краеведческого музея: ИОКМ 1271/4 («северный» якутский лук, поступление 1890 г.) и ИОКМ ВС 6209/165 (оригинальный «центральноазиатский» лук без информации). Оба лука украшены комбинацией параллельных линий и штриховки на бересте, имеют схожее оформление концевых зон жесткости — с проходящими через всю длину негнущихся концов вкладышами с торцевыми вырезами для тетивы, выполненными, однако, из разных материалов. При этом луки различны по геометрии и размерам, основным усиливающим элементам.

По остальным конструктивным элементам ИОКМ ВС 6209/165 схож с «тойбохойским» луком, и, вероятнее всего, представляет пример еще одного «центральноазиатского» лука Якутии, однако, уверенно говорить об этом нельзя из-за малочисленности описанных экземпляров.

Для решения поставленных вопросов необходимо дальнейшее комплексное изучение сложных луков Якутии. Тема видится актуальной для понимания эволюции якутского оружия, межкультурных взаимодействий, а также влияния и адаптации центральноазиатских тенденций в культуре северных народов.

Библиографический список

- Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н., Петров Д. М., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.
- Бравина Р. И., Дьяконов В. М. Якутский сложносоставной лук из фондов Тойбохойского музея // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 99–106.
- Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009.
- Новгородов А. П. Якутские луки центральноазиатского типа // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук — археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». Новосибирск, 2023. С. 170–171.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950.

R. M. KHARITONOV

MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDYING THE “CENTRAL ASIAN” BOWS OF YAKUTIA

The report presents an analysis of the problems related to the study of composite bows of the “Central Asian” type in Yakutia. This term refers to the composite bows designs that formed in the material culture of the nomadic population of the interior regions of Asia and had similar reinforcing and strengthening elements (frontal bone and horn plates, and tendon lining). The use of such bows by the population of Yakutia is confirmed by the findings of archaeologists. In the context of studying these items, the following problems are highlighted: the genesis of the design, the local or imported production, the classification and the evolution of bows, the connection with and the influence of the “northern” tradition. The solution to these problems is seen in further accumulation of the source base

and its comprehensive study, the analysis of the archaeological and historical context, as well as the intercultural contacts.

Roman M. Kharitonov — Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS; N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk; Magadan)

E-mail: tengeri_ashina@list.ru

М. М. ШАХНОВИЧ, И. К. РЕШЕТОВА

ПОГРЕБЕНИЕ В ЦЕРКВИ КАНДАЛАКШСКОГО МОНАСТЫРЯ: К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ЗАХОРОНЕНИЙ В ХРАМАХ РУССКОГО СЕВЕРА В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В 2013 г. проведены раскопки в алтаре монастырской церкви Рождества Богородицы в г. Кандалакша (Мурманская область). В южной части раскопа находилось двойное погребение мужчин 45–55 и 35–45 лет, тела которых лежали друг на друге в одной яме. Единственная находка — железный гвоздь и небольшие остатки деревянной конструкции. Анализ планиграфии расположения костяков, их анатомическая целостность и ненарушенность, характер засыпки ямы позволяют считать, что тела были захоронены с временным интервалом, при отсутствии ситуации их перезахоронения из другого места. Погребение анонимно, но можно предположить, что это были монахи Кандалакшского монастыря, имевшие высокий статус в местной общине, возможно, один из них был местночтимым святым. Датировка верхнего погребенного — середина XVII в.

Шахнович Марк Михайлович — к.и.н., Центр гуманитарных проблем Баренц региона, ФИЦ Кольский научный центр РАН (Россия, Апатиты)

E-mail: marksuk62@mail.ru

Решетова Ирина Константиновна — к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва)

E-mail: reshetovairina@yandex.ru

Рождественский Кандалакшский монастырь — это древнейшая обитель Русской Лапландии, основанная в первой трети XVI в. Он располагался на левом берегу р. Нива при впадении ее в Белое море. В XVI–XVII вв. монастырь имел обширное хозяйство и многочисленную братию. Уже на начальном этапе его истории были построен храм Рождества Пречистой Богородицы. По секуляризационной реформе Екатерины II в 1764 г. монастырь был упразднен и более не возрождался. От разобранной в 1942 г. церкви сохранился только каменный фундамент постройки 1865 г.

В 2013 и 2015 гг. на месте алтаря церкви проведены небольшие раскопки (47 кв. м). Выявлен хорошо сохранившийся культурный слой XVII–XIX вв., состоящий преимущественно из слоя пожаров, мощностью до 1,15 м и некоторые объекты, бытовавшие в подклети церкви: каменная кладка под Царскими вратами, валунное сложение под Престолом, остатки сгоревшего деревянного пола и бревенчатой алтарной преграды. В южной части алтарного пространства, в высокой подклети церкви найдено двойное погребение — два костяка хорошей сохранности, лежащие друг на друге в одной могильной яме.

Общее описание. Поверхностное оформление места могилы (камни, остатки столба или «гробнички» и т. п.), не прослежено. Не исключено, что возможная деревянная

«надстройка» была уничтожена пожаром. Могильная яма стала «читаться» на уровне 0,45 м от современной дневной поверхности (с. д. п.), как пятно насыщенного черного углистого песка размерами 1,8×0,7 м. Форма ее стандартная — в плане подпрямоугольная, со скругленными углами, стенки отвесные, с небольшим сужением при углублении, ровное дно. Она прорезала угольный слой пожара и была незначительно заглублена (на 0,12 м) в материковый крупнозернистый светло-желтый песок без камней.

Следы от деревянного сооружения, предназначенного для укладки тел умерших, сохранились минимально: у верхнего погребенного вдоль стенок могильной ямы наблюдаются тонкие полоски древесного тлена темно-коричневого цвета (толщиной 0,7–1 см), предположительно от боковых вертикально поставленных досок. Около черепа верхнего костяка найдена единственная находка — лежавший горизонтально, небольшой кованый гвоздь с квадратной шляпкой и остатками древесины.

Погребенные — мужчины, 45–55 лет — верхний и 35–45 лет — нижний. Костяки лежали в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Верхнее погребение не нарушает нижнее, аккуратно располагаясь поверх него. Слой песка между ними минимален — 2 см. Руки погребенных согнуты в локтях и положены друг на друга на животе, левая поверх правой (верхний) и в области тазовых костей, правая кисть на левой (нижний).

Погребение ориентировано точно по продольной оси здания церкви и в целом вписывается в его планировочную структуру. Анализ планиграфии расположения костяков, их анатомическая целостность и ненарушенность, характер засыпки ямы позволяют считать, что тела были захоронены с некоторым временным интервалом, при отсутствии ситуации их перезахоронения из другого места. Радиоуглеродный возраст фрагмента кости верхнего погребенного — 246 ± 25 BP (SPb 1067). Калиброванный календарный возраст приходится на два интервала: 1632–1673 гг. (63,4 %) — 1644–1665 гг. (54,7 %). Для нижнего индивида пока данных нет.

Исследования изотопного состава костной ткани обоих индивидуумов с целью палеодиетологических реконструкций демонстрируют показатели, сравнимые со средневековыми сериями из В. Новгорода и Смоленска. А также пищевую модель — смешанную диету, с высоким содержанием белкового компонента. Отметим, что эти значения далеки от «лесной» пищевой модели. Вероятно, белковый компонент привнесен использованием в пищу сельскохозяйственных животных и морских рыб.

Показатели для периода детства верхнего погребенного (зуб) и последних лет его жизни значительно отличаются, но соотносятся со значениями из материалов В. Новгорода, и можно предположить, что он был выходцем с этой территории, что дает повод для дальнейших исторических реконструкций.

Рассмотрим несколько важных признаков этого погребения, позволяющих расширить блок информации об этих захороненных.

Местоположение погребения. Наиболее почетные места для захоронений мирян локализовались в пространстве церквей в их западной части, прежде всего, в юго-западном углу, у южной стены, в притворе. Для умерших статусных монашествующих порядок был другим. В XV–XVII вв., на Русском Севере существовало устойчивое правило первоначально погребать основателей монастырей и первых игуменов вне монастырского храма, около юго-восточного угла алтаря, у южной стены дьяконника. В последующем,

после обретения останков праведников или решения о переносе их внутрь здания церкви, раки для церковного почитания устанавливали в предалтарной зоне: перед солеёй, перед стеной иконостаса или перед входом в дьяконник. Мощи особо значимых для монашеской общины персон помещали в боковой части алтаря около южной стены церкви. Такая же ситуация – погребение в «престижном» месте алтарного пространства, наблюдается и в нашем случае.

Совместное погребение. Разновременная укладка умерших «стопкой» в одну могилу – это распространенный вариант православного погребения на сельских некрополях вплоть до современности. В церкви на Монастырском Наволоке отсутствует ситуация недостаточности свободного для погребений места. В границах раскопанного участка встречено только еще одно захоронение, уже под молельным пространством, скорее всего, новорожденного младенца.

Кроме стандартных рядных индивидуальных могил в крупных монастырях существовали общие братские могилы, где гробы в яму укладывали в несколько рядов. Были и отдельные захоронения, характер которых определялся распространенной практикой предсмертных завещаний иноков о месте и способе их погребения. Духовное распоряжение часто основывалось на традиции «небрежительного» посмертного отношения к своим останкам или на желании быть похороненным с духовным наставником.

Анонимность погребения. Нередки случаи, когда местонахождение на монастырских усадьбах могил даже известных старцев – основателей общерусских обителей, быстро забывалось и терялось, и уже через несколько десятилетий никто из братии не мог точно указать место их упокоения. Возможно, это следствие монашеской традиции бытовавшей на севере России: окончание земного пути инока, какой бы иерархический пост он не занимал при жизни, не отмечалось мемориальной и престижной атрибутикой.

По нашему мнению, погребение в южной части алтаря – это честь, которой были удостоены персоны, бывшие насельниками Кандалакшского монастыря и имевшие высокую степень значимости в монашеской общине. Наиболее «статусным» следует считать «нижнего» похороненного. Не исключено, что он может быть местночтимым святым. Захоронение совершено по нормам, существовавшим в монастырях Русского Севера в XVI–XVII вв.

M. M. SHAKHNOVICH, I. K. RESHETOVA

**INTERMENT IN THE CHURCH OF THE KANDALAKSHA MONASTERY:
ON THE ISSUE OF TOPOGRAPHY OF BURIALS IN THE RUSSIAN NORTH CHURCHES
IN THE LATE MIDDLE AGES PERIOD**

In 2013, excavations were carried out in the altar of the monastery church of the Nativity of the Virgin in Kandalaksha (Murmansk region). In the southern part of the excavation there was a double burial of men of 45–55 and 35–45 years old, whose bodies lay on top of each other in the same pit. The only finds were an iron nail and small remains of a wooden structure. The analysis of the planography of the bones location, their anatomical integrity and undisturbed state, the nature of the filling of the pit allow assuming that the bodies were buried with a certain time interval, in the absence of a situation of their reburial from another location. The grave was anonymous, but it can be assumed that these were the monks of the Kandalaksha monastery who had a high status in the local community; perhaps

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

one of them was a locally venerated saint. The dating of the upper buried body was the middle of the 17th century.

Mark M. Shakhnovich – Candidate of Historical Sciences, Barents Centre of the Humanities, Federal Research Center “Kola Science Center” (Russia, Apatity)

E-mail: marksuk62@mail.ru

Irina K. Reshetova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: reshetovairina@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ
УРБАНИСТИКА СЕВЕРА XI–XIX ВВ.

ARCHAEOLOGY OF THE ARCTIC STATES:
HISTORICAL URBANISM OF THE NORTH
OF THE 11TH–19TH CENTURIES

Л. И. АГАФОНОВ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА:
ПРОБЛЕМЫ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Дендрохронологические методы исследования уверенно вошли в практику истории и археологии. На Европейской территории России и в Сибири междисциплинарные исследования привели к результатам, которые ранее были недоступны или не обеспечивали высокую точность определения дат возникновения историко-археологических памятников и объектов. Сотрудничество археологов и дендрохронологов дает, порой, уникальные результаты исследований. В настоящее время регион Среднего Урала остается «в тени» подобных работ. Оцениваются возможности использования историко-археологической древесины региона для построения длительных древесно-кольцевых хронологий, которые могут стать инструментом междисциплинарных исследований. Такие хронологии позволят достаточно точно датировать артефакты из дерева, а также выполнять региональные реконструкции погодно-климатических условий.

Агафонов Леонид Иванович — д.б.н., Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: lagafonov@ipae.uran.ru

Использование дендрохронологии как метода естественнонаучных исследований в истории и археологии позволяет понять исторические процессы и основные закономерности взаимодействия природы и общества, реконструировать и оценивать влияние меняющихся условий природной среды на исторические процессы в различном масштабе времени [Büntgen et al., 2011], получать точные календарные даты постройки различных деревянных объектов — от исторических зданий до археологических объектов [Мыглан и др., 2023; Слюсаренко, Гаркуша, 2023], и многое другое. Междисциплинарный подход расширяет возможности использования и интерпретации получаемых результатов для всех дисциплин и областей знаний [Деревянко, Молодин, Шуньков, 2016]. В дендрохронологических исследованиях историко-археологическая древесина используется для построения древесно-кольцевых хронологий, которые необходимы для максимально точной датировки и хронологизации историко-археологического материала. Основы этого направления были заложены Б. А. Колчиным и Н. Б. Черных при археологических работах в Великом Новгороде в 1950-х гг. [Колчин, 1963; Колчин, Черных, 1977; Черных, 1996].

Дендрохронологические методы активно используются в России, особенно в Сибири и на Европейской территории России. Однако территория Урала, как одного из важных «перекрестков» в истории России, остается пока несколько в стороне от такого рода исследований.

Основная цель наших исследований на начальном этапе состоит в построении длительных, до 300–500 лет, уральских хронологий, как универсального инструмента для междисциплинарных исследований в гуманитарных и естественно-научных областях знаний.

Для Среднего Урала существует сложность в построении «мастер-хронологии», то есть надежно датированной и обеспеченной достаточным числом повторностей (20–25 деревьев) хронологии по живым деревьям длительностью 250–300 лет, которая необходима как основа. Проблема построения мастер-хронологии связана с развитием металлургического производства за прошедшие 250–300 лет, а также экстенсивными лесозаготовками в XX в., которые кардинально изменили структуру лесов Среднего Урала, что привело к исчезновению старовозрастных древостоев.

Существует проблема построения общей для всей территории мастер-хронологии, обусловленная региональными геоморфологическими и климатическими особенностями территории. В зоне «комфортного» роста деревьев, к которым относится Средний Урал, отсутствует единый климатически выраженный фактор, который определяет величину прироста годичных колец деревьев на всей территории региона. К тому же накладывается большое разнообразие геоморфологических условий Урала, что также обуславливает провинциальные различия в формировании годичных колец деревьев. В связи с этим появляется необходимость создания провинциальных мастер-хронологий, характерных для определенных геоклиматических провинций.

Тем не менее, определенные результаты работы получены. Выполнена предварительная датировка древесины из археологических раскопок в историческом центре Екатеринбурга (Воеводина, 23). На историческом месте основания города, для объекта «сруб» получены даты постройки 1729–1748 гг. Для части деревянной конструкции на набережной «парка Нурова» получена дата 1831 г. В рамках работ по обеспечению сохранности объектов археологического наследия «Культурный слой города Екатеринбурга XVIII – начало XX вв. по улице Сони Морозовой, 180» получены даты для сохранившихся нижних венцов постройки, опирающихся на каменный фундамент. Дата закладки (или возможного обновления) нижних венцов строения укладывается в период 1903–1908 гг. Получены даты для объекта культурного наследия регионального значения «Дом купца А. В. Бородина, 1881 год, архитектор М. Л. Реутов» по адресу ул. Ленина, 17а. Датировки выполнены для хозяйственных построек и дата их возведения относится к началу XX в. – около 1905–1907 гг. Выполнена датировка здания по адресу ул. Карла Либкнехта, 29, принадлежит Уральскому государственному архитектурно-художественному университету. Вероятное время постройки здания – 1880-е гг.

К проблеме определения дат исторических построек в Екатеринбурге можно отнести вопрос происхождения древесины. Вероятно, не всегда в строительстве (особенно в позднее время – конец XIX – начало XX в.) использовалась местная древесина, а завозилась с других, достаточно удаленных территорий. В таких случаях это обстоятельство обуславливает трудности определения дат постройки, поскольку, как уже сообщалось выше, могут проявляться провинциальные особенности роста деревьев, отличные от окрестностей Екатеринбурга, и это обстоятельство снижает достоверность выполняемых датировок.

Однако перспективы построения длительных древесно-кольцевых мастер-хронологий для Среднего Урала вполне оптимистичны. Вся используемая для датировок историческая и археологическая древесина работает на построение и удлинение мастер-хронологий. Особенно ценна древесина из построек XVII–XVIII вв. Это территория г. Верхотурья и с. Меркушино, всех поселений, связанных с началом строительства железодельных заводов на Среднем Урале, старые поселения на «Государевой дороге» по р. Туре, на рр. Лозьве и Пельме. Очень перспективным направлением является полуископаемая древесина из торфяников. Поскольку возраст некоторых уральских торфяников от 5–7 до 10–11 тыс. л. (возраст Шигирского идола), то сохранившаяся в их толще древесина *in situ* может стать самой длительной древесно-кольцевой хронологией для датировки артефактов из археологических раскопок.

Надеемся, что начатые в регионе работы по построению длительных хронологий на основе живых деревьев, исторической и археологической древесины позволят получить

универсальный инструмент для датирования и новые знания в области междисциплинарных исследований.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В. Междисциплинарные исследования в археологии Северной Азии // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2016. № 3 (91). С. 34–46.
- Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1963. Т. 3: Новые методы в археологии. С. 6–103. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 117).
- Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
- Мыглан В. С., Визгалов Г. П., Жарников З. Ю., Баринов В. В., Петрова Е. Н., Тайник А. В., Филатова М. О. Новые страницы истории Березово: дендрохронологическое исследование // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 91–117. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-7-91-117
- Слюсаренко И. Ю., Гаркуша Ю. Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 204–235. DOI: 10.17223/2312461X/41/12
- Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.
- Büntgen U., Tegel W., Nicolussi K., McCormick M., Frank D., Trouet V., Kaplan J. O., Herzig F., Heussner K.-U., Wanner H., Luterbacher J., Espe J. 2500 Years of European Climate Variability and Human Susceptibility // Science. 2011. Vol. 331 (6017). P. 578–582. DOI: 10.1126/science.1197175

L. I. AGAFONOV

HISTORICAL DENDROCHRONOLOGY OF THE MIDDLE URALS: PROBLEMS, FIRST RESULTS AND PROSPECTS

Dendrochronological studies have become an integral part of historical and archaeological research toolkit. Interdisciplinary research both in the European part of Russia and in Siberia proved to be quite successful and significantly improved the accuracy of dating historical and archaeological sites and objects. The results of collaboration between the archaeologists and dendrochronologists are often unique. Currently, the region of the Middle Urals still remains “in the shadow” of this trend. The author evaluates the possibilities of using the historical and archaeological wood of the region for building long-term tree-ring chronologies, which may serve as a tool for interdisciplinary research. These chronologies may be used for fairly accurate dating of wooden artifacts, as well as for the regional reconstructions of weather and climatic conditions.

Leonid I. Agafonov – Doctor of Biological Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: lagafonov@ipae.uran.ru

М. Ю. БАРАНОВ

ТИПЫ ЗИМНЕГО ТРАНСПОРТА ОБСКИХ ОСТЯКОВ XVIII–XIX ВВ.

В докладе представлены результаты раскопок поселения «Чебыково 1» – зимнего хантыйского поселения, функционировавшего в качестве постоянного двора, расположенного на зимнем пути Самаровского яма и связывавшего Европейскую Россию с городами Тобольского Севера. В ходе охранных раскопок 2016–2022 гг. найдены детали нарт разных типов, датированные XVIII–XIX вв. Представлена типология находок, проведено сравнение с известными типами нарт, бытовавших

на сопредельных территориях. Результаты археологических исследований позволяют проводить реконструкции хозяйственных структур и этнокультурных традиций населения края.

Баранов Максим Юрьевич — ООО «НПО «Северная археология — 1» (Россия, Нефтеюганск)
E-mail: baranovm73@inbox.ru

Охранные раскопки абортинного поселения Чебыково 1 проводились в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры с 2016 по 2022 г. экспедицией НПО «Северная археология — 1» под руководством М. Ю. Баранова и И. С. Чарусовой. За пять лет на площади 11 300 кв. м исследованы остатки 207 сооружений: каркасных и срубных жилищ; хозяйственных построек с глинобитными очагами в котлованах; крытых дворов с наборными стенами из жердей и плетневых конструкций; загонов для содержания скота; ям-ледников для хранения припасов; ям-жертвенников. Материалы раскопок датированы в интервале от XVII до конца XIX вв. Населенный пункт функционировал в качестве постоянного двора на трассе Самаровского яма, связывавшего Европейскую Россию с городами Тобольского Севера.

В это время в припойменных районах рек Оби и Иртыша складывается приречно-таежный хозяйственный комплекс, связанный с оседлостью, подводной повинностью, товарным рыболовством, промыслом дичи и мелкого зверя, собирательством. В среднем течении долина р. Обь обладает колоссальными размерами. Пойменные ландшафты являются важнейшим в Евразии очагом размножения водоплавающих птиц, мелководные озера служат местом нерестилища рыб различных пород. В отдалении от русла располагаются ленточные сосновые боры с оптимальным режимом охоты. В этом многообразии ландшафтов складывались своеобразные хозяйственные навыки, происходили широкие заимствования в среде приобских остяков и пришлого русского населения.

На основании археологических источников известно, что в Новое время в хозяйстве приобских остяков доминировало использование лошадей. Об этом свидетельствует найденное конское снаряжение, металлические и кожаные детали упряжи, фрагменты войлочных попон. Деталей оленьей упряжи в коллекциях не выявлено. Археозоологические материалы поселения показывают, что доля останков северного оленя составляет 10–13 %, доля костей лошади достигает 23 %, выявлены случаи использования ездовых собак.

При раскопках обнаружены детали зимних саней трех типов. Для выяснения их облика необходимо обращение к образцам тяглового транспорта, сложившимся в среде абортинного и пришлого населения.

Тип 1. Фрагменты нартенных полозьев со сквозными отверстиями под наклонные стояки — копылья, установленные косо с наклоном внутрь, обломки нащепов — верхних боковых продольных брусьев, соединяющих верхние концы копыльев, спинка от оленьих нарт. Эти детали хорошо соотносятся с поздними этнографическими образцами косокопыльных нарт самодийского типа Северо-Западной Сибири. В археологических коллекциях абортинного Надымского городка хорошо представлены ездовые олени нарты данного типа.

Тип 2. Копылья от низких прямокопыльных саней длиной 20–25 см. Судя по размерам, высота посадки кузова саней не превышала 15 см. По форме копылья отчасти сходны с деталями русских конных саней, но обладают значительно меньшими размерами. На этом основании мы соотносим эти детали с малыми ручными или собачьими нартами.

Ближайшую аналогию мы находим в охотничьих прямокопыльных нартах Европейского Северо-Востока. Полозья загнуты только спереди, высота копыльев до 40 см, посередине высоты противостоящие копылья соединялись поперечинами — вязами, на которые крепился настил из досок. В зависимости от удаленности охотничьих угодий применялись нарты размером от 2,5 до 5 м. Практиковалось припряжение собак в помощь охотнику для перетаскивания ручных нарт.

Некоторые аналогии нашим находкам можно увидеть в коллекциях русского городища Мангазея, где обнаружены детали собачьих или ручных нарт с низко закрепленным кузовом, тонкими полозьями и прямо поставленными короткими копыльями. При этом очевидно, что мангазейские нарты по ряду признаков конструктивно сходны одновременно с нартами Европейского Северо-Востока и нартами самодийского типа.

Исследователями отмечалась близость конструкции собачьих нарт русских старожилков и различных групп коренного населения Западной Сибири, а также сходство с восточно-сибирскими нартами, высказывались предположения о восприятии русскими идеи упряжного собаководства у населения северо-востока Европы с дальнейшей ее трансформацией.

Тип 3. Детали грузовых прямокопыльных массивных нарт. Полозья слабо загнуты в передней части, отличаются значительной массивностью и небрежностью отделки по сравнению с аборигенными образцами. Копылья вертикальные, их форма отчасти сходна с деталями русских конных саней, однако, обладают более удлиненными и изящными пропорциями.

Основным видом зимнего гужевого транспорта русского населения в Европейской России служили одноконные сани-дровни, состоявшие из двух массивных деревянных полозьев, круто загнутых в передней части. Сверху в полозья вбивали короткие вертикальные копылья, на которые насаживали два продольных бруса. Обе стороны связывали толстыми перевитыми прутьями, настилали дощатый пол. Сходные по конструкции сани-розвальни отличались наличием гибких жердей — отводин, привязанных спереди к головкам, а сзади широко разведенных для увеличения площади саней и предохранения от опрокидывания.

Сравнивая третий тип с вышеописанными этнографическими образцами, нельзя говорить о полном сходстве конструкции ни с аборигенными нартами, ни с русскими санями. Несколько проясняет ситуацию сообщение сотрудника Тобольского музея Л. Р. Шульца, побывавшего в 1911 г. на р. Салым. Он описывает бытовавшие у салымских остяков конные нарты, напоминающие русские сани с кузовом на очень высоких копыльях и без отводин. На одной из фотографий экспедиции изображены конные нарты из юрт Сивохребских Нарымской волости Тобольского уезда. В основании нарт находились два массивных деревянных полоза, круто загнутых в передней части, в которые врезаны вертикальные удлиненные копылья, в нижней части связанные толстыми перевитыми прутьями. Форма копыльев и конструктивное решение сближает конную нарту с русскими санями-дровнями. Грузовой кузов сшит вицей из тонкой колотой доски, боковая деталь выполнена из нижней прикорневой части хвойного дерева. Сходную технологию практикуют приуральские ханты, когда при строительстве нарты боковые части изготавливают из ствола лиственницы с корнем. Подобные конные нарты могли использоваться только на магистральных укатанных дорогах в качестве грузовых саней, и они не годились для езды по глубокому снегу.

Различия природных ландшафтов и подвижный образ жизни обусловили бытование различных типов транспортных средств. Так, косокопильные нарты самодийского типа применимы для езды на значительные дистанции. Малые собачьи/ручные прямокопильные нарты весьма удобны на охоте при передвижении по тайге. Конные прямокопильные нарты с массивными полозьями могли использоваться при гужевых перевозках, когда ямская дорога проходила по замерзшим обским протокам, где торосы и наледь являются обычным делом.

Таким образом, мы можем предполагать, что многообразие поздних образцов зимнего транспорта аборигенов Средней Оби формируются на базе местного оленеводства, испытывавшего влияние культуры северо-самодийского населения, русской санной лошадиной запряжки и традиций упряжного собаководства Европейского Северо-Востока.

M. Yu. BARANOV

TYPES OF WINTER TRANSPORT OF THE OB OSTYAKS OF THE 18TH–19TH CENTURIES

The report presents the results of excavations of Chebykovo 1 settlement, a winter Khanty settlement that functioned as a coaching inn on Samarovsky Yam winter route, and connected the European Russia with the cities of Tobolsk North. In the course of 2016–2022 salvage excavations, we found details of sleds of various types dated as the 18th–19th century. The paper presents the typology of the finds, and a comparison with the known types of sleds that existed in the neighboring territories. The results of archaeological research make it possible to reconstruct the economic structures and ethnocultural traditions of the region's population.

Maksim Yu. Baranov – LLC “SPA “Northern Archaeology – 1” (Russia, Nefteyugansk)

E-mail: baranovm73@inbox.ru

Е. А. ГИРЧЕНКО, Г. П. ВИЗГАЛОВ

ТОРГОВЛЯ ПУШНИНОЙ В КИТАЕ ЭПОХИ ЦИН*

Документы Дворцового управления Нэйуфу периода династии Цин точно фиксируют все торговые операции, производимые по нуждам двора, в том числе, и количество закупаемой пушнины, ее цен и происхождения. В цинское время, за исключением трех периодов, когда торговля была запрещена, основные операции по закупке шкурок пушных зверей происходили через Кяхту. Наиболее распространенными категориями товаров были шкурки белки, песца, горностая, рыжей и серой лисы, норки. Для императорской одежды закупались самые мягкие части шкурок норки и лис, например, из подмышечной области, а также с брюшка или подбородка животного. В документах фигурируют места происхождения наиболее ценных шкурок – Березова, Сургута, Новой Мангазеи, Якутска и других. Перевод и сравнение русских и китайских документов позволят уточнить объемы торговли конкретных категорий товаров, предпочтения жителей Пекина в разные периоды и объемы закупок императорского двора.

Гирченко Екатерина Александровна – к.и.н., Сургутский государственный университет; АНО «Институт археологии Севера»; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-1800624 «Историческая урбанистика русских городов Севера Сибири: Березов» (рук. Г. П. Визгалов)

Визгалов Георгий Петрович – к.и.н., Сургутский государственный университет; ООО «НПО «Северная археология – 1», Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Сургут; Нефтеюганск; Новосибирск)

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Пятая статья Нерчинского договора, заключенного между Русским царством и Империей Цин на 28-го году правления императора Айсиньгоро Сюанье, правившим под девизом «Канси» (1689 г.), разрешила торговлю двух сторон и закрепляла свободу перемещения всем людям с проезжими грамотами. До 1762 г. русские отправляли в Китай только государственные торговые караваны, которые возглавлял доверенный купец. Поездка русской официальной деловой делегации в Пекин обходилась довольно дорого, специальное жалованье выплачивалось за два года вперед, предполагались подарки императору и чиновникам, а также транспортные расходы.

До 1721 г. китайские купцы покупали меховые изделия у российских государевых караванов. Однако постепенно объем нелегальной торговли через Кулунь (Урга, современный Улан-Батор) стал в четыре–пять раз больше, чем в Пекине, а цены на меховые изделия были дешевле: «В Пекине слишком много пушнины. Их привозят с севера, из Монголии и Маньчжурии вместе с другими европейскими товарами, а на юге доставляют иностранными кораблями в Гуанчжоу или Фуцзянь» [Лай Хуэйминь, 2003, с. 101]. В «Сборнике дипломатических документов России и Китая» записано, что в 1722 г. казна богдыхана (Канси) уже была полна норковых шкурок [Э-Чжун лянго вайцзяо..., 1982, с. 126]. Единственным выходом было открытие возможности частной торговли, что и было сделано в 1727 г., а в 1762 г. Екатерина II запретила деятельность казенных караванов и провозгласила полную свободу торговли в Кяхте, в том числе и пушниной. В результате объем торговли через Кяхту, в 1761 г. составлявший 1011 067 руб., в 1800 г. увеличился до 8383 846 руб. В 1768–1785 гг. меха, вывозимые русскими купцами через Кяхту, составляли 85 % всех товаров, а в 1792–1800 гг. – 70–75 %. Кяхтинская торговля обеспечивала российскому правительству значительные налоговые поступления, а пошлины составляли 20–38 % общих таможенных доходов Русского государства [Ван Шаопин, 1990].

При дворе для императорской семьи шили меховую одежду, используя только самые мягкие части шкурок норок и лис, например, из подмышечной области, а также с брюшка или подбородка животного. Император Цяньлун отправлял чиновников Дворцового управления в Кяхту для покупки пушнины не менее 11 раз [Лай Хуэйминь, 2003, с. 103]. Знаменитая семья Фань из Шаньси во времена династии Цин была самыми влиятельными «торговцами от имени императора». Семья владела предприятиями соляной промышленности, добычи меди и лесозаготовки. Фань Цинчжу, один из членов семьи Фань, приезжал в Кяхту закупать пушнину регулярно. На 26-м году правления императора Цяньлуна (1761 г.) Фань Цинчжу и Лю Баочжэнь были по императорскому указу отправлены в Кяхту для закупки шкурок для императорской одежды. Император Цяньлун придавал большое значение цене и тратам на нужды двора, поэтому велел предоставить отчет о купленном общем количестве, цене за единицу, цене на аналогичные товары в Пекине и т. д.

В Пекине периода царствования императора Цяньлуна особенно высоко ценились шкурки норки серебристо-серого цвета с более темным оттенком подпуши. Помимо

цельных шкурок продавались также меха, например, со спинки животного, ног, хвоста, брюшка и шеи, последние стоили дороже, хвост стоил дешевле всего.

Шкурки белок занимали первое место в торговле Кяхты: ежегодно в Китай продавалось от 2 до 4 миллионов. Среди всех видов пойманные в верховьях Оби считались самыми ценными, особенно пепельно-серые с белым брюхом. Более дорогим был мех горноста́я серебристо-голубого цвета (ежегодно продавались 140 000–400 000 шкурок). В рекомендациях Дворцового управления значилось, что наиболее качественные — Илецкий, Ишинский и Барабинский горноста́и. Далее следует горноста́й, пойманный в лесах между Томском и Красноярском, и чуть дешевле — горноста́й, пойманный между Красноярском и Иркутском.

Мех голубого песка (серебристой лисы) поступал в империю Цин из Якутска или других северных регионов, например, Новой Мангазеи. Этот мех был востребован разных цветов, но самым ценным был белый или белый с голубым оттенком. Экспорт песцовых шкурок всех видов в период с 1768 по 1785 гг. колебался от 15 000 до 50 000 шкур в год, с пиком в 72 084 шкуры в 1777 г.

Цвет меха лисы варьировался от темно-красного, коричнево-красного, черного до серого. Коричнево-черные и черные шкурки были самыми дорогими, обычный ценовой диапазон составлял от 4 до 180 рублей, но идеальная шкура по цвету и однородности меха могла достигать до 600–1 000 рублей. В документах указано, что якутские лисьи шкуры продавали по 5–10 рублей, шкурки из Новой Мангазеи — по 15–30 рублей, из Сургута — по 40–100 рублей, самые дорогие и качественные поступали из Березова — по 600–1 000 рублей.

В кяхтинской торговле норка — один из самых дорогих мехов. Лучшие товары происходили родом из Восточной Сибири, а именно из Якутска, Нерчинска, а также из Приамурья и Камчатки. Цена сибирских шкурок составляла 25–50 рублей, лучшие, якутские, стоили 60–70 рублей. В 1870-х гг. через Кяхту в Китай экспортировались 6 000–16 000 шкурок норки.

Таким образом, сохранившиеся документы позволяют сравнить цены на товары с российскими источниками, а также уточнить объемы торговли конкретных категорий товаров, предпочтения жителей Пекина в разные периоды и объемы закупок императорского двора.

Библиографический список

- Ван Шаопин. Чжун-Э Цякэту маои [Кяхтинская торговля Китая России] // Шэжуэй кэсюэ чжаньсянь [Передовая социальных наук]. 1990. № 3. С. 182–186. (На кит. яз.).
- Лай Хуэйминь. Цин Цяньлун чао Нэйуфу дэ пихо маймай юй. Цзинчэн шишан [Торговля мехом и столичная мода во времена императора династии Цин Цяньлуна] // Гугун сюэшу цзикань [Ежеквартальный научный журнал Императорского музея]. 2003. Т. 21, № 1. С. 101–134. (На кит. яз.).
- Э-Чжун лянгю вайцзяо вэньсянь хуэйбянь [Сборник дипломатических документов между Россией и Китаем]. Пекин, 1982. (На кит. яз.).

E. A. GIRCHENKO, G. P. VIZGALOV

FUR TRADE IN QING CHINA

The documents of the Imperial Household Department (Neiwufu) of the Qing Dynasty accurately recorded all trade operations of the inner palace, including the amount of furs purchased, the goods prices and origin. In Qing times, with the exception of three periods when trade was prohibited, most of the fur game skins trade was done through Kyakhta. The most common categories of goods were the skins of squirrel, arctic fox, ermine, red and gray fox, and mink. For the Emperor's clothing, the softest parts of mink and fox skins were purchased, for example, from the armpit area, as well as from the belly or chin of the

animal. The records indicated places of origin of the most valuable skins, e. g. Berezov, Surgut, Novaya Mangazeya, Yakutsk and others. Translation and comparison of the Russian and Chinese documents will make it possible to get better understanding of the volume of trade in specific categories of goods, the preferences of Beijing residents in different periods, and the volume of purchases by the imperial court.

Ekaterina A. Girchenko – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; ANO “Institute of Archaeology of the North”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Georgiy P. Vizgalov – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University; LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Surgut; Nefteyugansk; Novosibirsk)

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ан. В. ГУСЕВ, Н. В. ПЕРЦЕВ, А. В. ПЛЕХАНОВ, А. Н. САБАРОВ

ПОЛУЙСКИЙ ГОРОДОК ПО ИСТОРИЧЕСКИМ, КАРТОГРАФИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Доклад освещает результаты натурного обследования левого берега р. Полуи, проведенного с целью поиска зафиксированного С. У. Ремезовым Полуского городка. Ранее было установлено, что перекрестный анализ Ремезовского наследия с данными Г. Ф. Миллера позволяют наметить перспективные участки для проведения археологических исследований. Искомый объект расположен в низовьях р. Полуи, на его левом берегу. Долгое время эта зона считалась малоперспективной для поиска археологических памятников. Разбор источников и анализ микротопонимики района исследований позволил выявить несколько локаций с возможным месторасположением памятника, анализ пространственных данных с помощью ГИС подтвердила ранее высказанные предположения. В 2021 г. во время натурных обследований памятник был обнаружен, что указывает на возможность использования выбранных для археологического поиска подходов.

Гусев Андрей Васильевич – Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард)

E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Перцев Никита Викторович – Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского (Россия, Салехард)

E-mail: pertsev1991@yandex.ru

Плеханов Андрей Владимирович – Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард)

E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Сабаров Александр Николаевич – Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Россия, Ханты-Мансийск)

E-mail: sabarov79@gmail.com

Позднесредневековые городки Нижнего Приобья не раз привлекали внимание исследователей Сибирских древностей. Интерес к ним спровоцирован как уникальными условиями археологизации материалов, так и возможностью применения комплексного анализа на основе различных источников, в том числе актовых и картографических материалов. Однако далеко не все указанные в источниках городки в настоящее время локализованы: на территории ЯНАО из всего многообразия идентифицированы лишь пять, и только три из них – Полуийский мысовой (Носовой), Надымский и Войкарский исследованы. Белым

пятном на археологической карте долгое время оставалось левобережье реки Полууй, хотя здесь С. У. Ремезовым в нижнем течении отмечено два городка [Хорографическая чертежная книга С. У. Ремезова, 2011, л. 116]. Настоящее исследование является результатом работы по выявлению одного из обозначенных сибирским картографом пунктов — Полууйского городка.

Ранее нами уже был проведен анализ всех доступных авторам источников [Перцев, 2022], поэтому остановимся лишь на принципиальных моментах. Подробное описание территории содержится в Хорографической чертежной книги. На коренной террасе левого берега р. Полууй обозначены городки «Гындин», где «собирают ясак», и «Полуйский». Данные С. У. Ремезова существенно дополняются информацией, полученной Г. Ф. Миллером [Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах..., 2006, с. 129]. По его данным, на южном берегу Полуя некогда располагался Полуйский городок, или по-остяцки, *Pul-wasch*. Анализ микротопонимики описанной местности позволил выявить гидроним Васьёган (*Wasch* с хант. город; *Jugan* с хант. река) на левом берегу Полуя. Интересно, что исходя из расстояний, данных Г. Ф. Миллером, именно в устье этой реки должен располагаться Полуйский городок.

В целях апробации неразрушающих, дистанционных методов поиска объектов, представляющих интерес для археологической науки, совокупно с анализом документальных и картографических источников, был использован метод дешифровки и анализа общедоступных снимков ДЗЗ (дистанционное зондирование Земли). В качестве основной цифровой модели использованы спутниковые снимки поверхности земного шара, выполненные Environmental Systems Research Institute (ESRI), которые были проанализированы при помощи программных модулей ГИС ESRI. В результате применения модуля был построен ГРИД данных в виде цифровой модели высот. В частности, данная модель позволила выявить среди естественного ландшафта возвышенность антропогенного характера. Кроме того, данный участок исследования в качестве опыта был проанализирован с помощью общедоступных инструментов сельскохозяйственного мониторинга Farmers Edge, что показало высокий уровень вегетации растительности, отличной от произрастающей в лесотундре.

Натурные обследования района были проведены в 2021 г. Ан. В. Гусевым и А. В. Плехановым. На правом берегу р. Васьёган, впадающей слева в протоку Лаймуламъеган, было зафиксировано поселение. Участок этот граничит с руслом р. Большой Полууй, являясь его левой коренной террасой. Памятник расположен на расстоянии 31 км (по прямой) к юго-востоку от г. Салехарда, в 10 км к северо-западу от пос. Зеленый Яр.

Памятник расположен на останце, представляет собой возвышенный мысовой выступ с площадкой, ограниченный с запада излучиной р. Васьёган, с севера — пойменной ложбиной, с востока — равнинным участком коренной террасы, с юга — пойменной ложбиной. Размеры верхней площадки 55 × 20 м, форма — вытянутая по оси юго-запад — северо-восток. Высота площадки от уреза воды в реке составляет порядка 10–12 м. Северный и южный склоны довольно крутые, хорошо задернованные. На высотных отметках 8–9 м от уреза воды, в рельефе прослеживаются некое подобие П-образного наклонного выступа, обращенного к излучине р. Васьёган. Средняя часть площадки достаточно ровная, остатков каких-либо объектов в виде впадин или выраженных площадок на ней визуально не прослеживается.

Поверхность площадки, а также склоны поросли очень густой злаковой растительностью, что свидетельствует о наличии тут мощного слоя гумуса и следов человеческой деятельности.

В трех археологических шурфах был обнаружен культурный слой, представленный древесной щепой, содержащей остатки деревянных конструкций, артефакты, пищевые остатки в виде костей животных.

В шурфе № 2 у юго-западного угла обнаружена рукоятка из дерева. Она имеет уплощенную в сечении форму и расширяющееся наверху, противоположный конец оформлен клиновидным срезом. По своим внешним параметрам данная рукоятка может ассоциироваться с орудием для выбивания снега из меховой одежды, имеющим близкие по форме рукоятки с наверхиями.

Таким образом, применение исторических источников и микротопонимики округа позволяют определить перспективные для археологического изучения локации и выявить ранее не известные объекты культурного наследия, ассоциируемые с зафиксированными в источниках поселениями.

Библиографический список

- Перцев Н. В. Левобережье реки Полуй в перспективе археологических исследований: к постановке проблемы // Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2022. С. 55–56.
- Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006.
- Хорографическая чертежная книга С. У. Ремезова. Тобольск, 2011. Т. 1. (Факсимильное издание).

An. V. GUSEV, N. V. PERTSEV, A. V. PLEKHANOV, A. N. SABAROV

POLUI HILLFORT ACCORDING TO HISTORICAL, CARTOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL DATA

The report highlights the results of a full-scale survey of the left bank of the Polui River in search of the Polui town mentioned by S. U. Remezov. Previously, it was established that the cross-analysis of the Remezov heritage with the data of G. F. Miller made it possible to identify most promising areas for archaeological research. The sought-for object was located in the lower reaches of the Polui River, on its left bank. For a long time, this area was considered of little promise for the search for any archaeological sites. The study of sources and the analysis of microtoponymy of the research area resulted in identification of several promising locations in terms of archaeological site existence, and the analysis of spatial data using GIS confirmed the previously made assumptions. In 2021 during the field surveys, the site was discovered, which confirmed the viability of using the chosen approach for the search for archaeological sites.

Andrey V. Gusev – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard)

E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Nikita V. Pertsev – Yamalo-Nenets Okrug Museum and Exhibition Complex named after I. S. Shemanovskiy (Russia, Salekhard)

E-mail: pertsev1991@yandex.ru

Andrey V. Plekhanov – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard)

E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Alexander N. Sabarov – State Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: sabarov79@gmail.com

З. Ю. ЖАРНИКОВ, В. С. МЫГЛАН, М. О. ФИЛАТОВА

**НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ТАРСКОГО УЕЗДА
(ПО ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)***

Дендрохронологические исследования в Тарском Прииртышье проводятся с 2015 г. За это время была получена серия датировок исторических построек конца XVIII — начала XX вв., а также объектов археологии в г. Тара, д. Ананьино и Бергамакского острога XVII — первой половины XVIII вв. В докладе приводятся результаты дендрохронологического анализа археологизированных конструкций, полученных в ходе раскопок 2018–2020 гг. в г. Тара и, расположенной рядом д. Ананьино. Полученные результаты позволили скорректировать время активной застройки в д. Ананьино (1660–1670 гг.). Получена датировка конструкции, являющейся частью оборонительной системы Тарской крепости, построенной по время активного столкновения с Калмыцкими войсками (конец 1620 — начало 1630-х гг.). В ходе проведения работ получена серия дат для Тарского городища (первая половина — середина XVII в.). Итогом проделанной работы стала построенная 671-летняя древесно-кольцевая хронология TARA.

Жарников Захар Юрьевич — к.и.н., Сибирский федеральный университет; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Красноярск; Новосибирск)

E-mail: zaharil@yandex.ru

Мыглан Владимир Станиславович — д.и.н., Сибирский федеральный университет; Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Красноярск; Новосибирск)

E-mail: v.myglan@gmail.com

Филатова Майя Олеговна — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: mayasidorova12@gmail.com

С 2015 г. сотрудниками Сибирской дендрохронологической лаборатории Сибирского федерального университета и лаборатории PaleoData Института археологии и этнографии СО РАН на границе лесостепной и южно-таежной зон Омской области проводятся работы по дендрохронологическому исследованию культурного наследия русских селений XVII — начала XX вв. За этот период была установлена дата архитектурных сооружений 15 строений, к примеру, таких уникальных объектов, как дома по ул. Михаила Ульянова, 73 (1773 г.) и 66 (1813 г., к сожалению, снесен собственником), а также перекрытый каменного особняка Нерпина-Немчинова (1797 г.) [Филатова и др., 2020, с. 166–175]. Полученный результат, во-первых, позволил провести культурно-хронологическую реконструкцию архитектурных традиций на данной территории. Во-вторых, благодаря построенной 500-летней древесно-кольцевой хронологии, была осуществлена датировка археологизированных останков сооружений XVII–XVIII с раскопок г. Тара, д. Ананьино и Бергамакского острога [Сидорова и др., 2019, с. 134–144]. Установлено, что такие конструкции как «Тарская усадьба» и «Тарская крепость» относятся к допоздному (до 1669 г.) периоду. В деревне Ананьино установлены одни из старейших сельских русских конструкций Сибири, а также получены достаточно условные даты

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10118 «Цифровая дендрохронология: новейшие методики пробоподготовки и датирования археологической древесины и углей бореальной зоны Евразии» (рук. М. О. Филатова); Авторы выражают благодарность археологам С. Ф. Татаурову и Л. В. Татауровой за предоставленную коллекцию археологической древесины

Бергамакского острога (начало XVII – первая половина XVIII в.). Помимо данных фактических результатов, была построена древесно-кольцевая хронология TARA протяженностью в 546 лет, что на тот момент являлось рекордным показателем для подобной климатической зоны.

В рамках данной работы приводится информация по датированию конструкций, собранных в ходе раскопок 2018–2020 гг. С раскопок д. Ананьино датировано 14 образцов, половина дат которых пришлась на период с начала 1660-х до начала 1670-х гг. Полученный результат существенно сузил хронологические рамки относительно имеющихся ранее датировок благодаря хорошей сохранности материалов, возраст которых позволял их надежно датировать.

По материалам раскопок г. Тара особый интерес вызывают образцы с останков башни, обнаруженной при раскопе Тарской крепости. Исследованные спилы не отличались значительным количеством колец (49 в среднем), диаметром и хорошей сохранностью. Тем не менее, измерения 18 серий с данного объекта показали высокую согласованность прироста (обобщенный межсерийный коэффициент корреляции составил 0,55). Полученные даты периферийных колец пришлись на одно время – 1630–1631 гг. Полученная датировка хорошо согласуется со временем, когда в Тарском уезде шла активная военная фаза сражений с отрядами калмыков и подавления восстания татар, когда дело доходило до осады Тары [Миллер, 2000, с. 113–124]. В это же время (1629 г.) вследствие удара молнии произошел пожар, отчего крепость сильно пострадала, а две башни были перестроены [Там же, с. 77, 685].

Помимо данного объекта датировано еще 10 серий других объектов. Полученные даты ложатся в интервал от конца XVI в. до середины XVII в., в основном 1630–1640 гг. Среди данных датировок выделяется один образец длительностью в 265 лет, наиболее позднее кольцо которого датировано 1618 г. Благодаря данному спилу, региональная ДКХ TARA была продлена в глубину веков до 1353 г. (общая протяженность составила 671 год), что, на сегодняшний день, для лесостепной-южнотаежной зоны Сибири является максимальным показателем.

На сегодняшний день проводится работа по созданию длительной (671 год) цифровой многопараметрической региональной ДКХ TARA по самой передовой дендрохронологической методике [Методики обработки и измерения...]. Данный информационный ресурс позволит проводить датировки наиболее ранних объектов русского времени и поселений местных народов XIV–XVI вв., а также создает базу для реконструкции социо-климатических процессов на этой территории.

Библиографический список

- Методики обработки и измерения // Сибирская дендрохронологическая лаборатория. URL: <https://www.sibdendro.com/obrabotka-materiala> (дата обращения: 15.03.2024).
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.
- Сидорова М. О., Жарников З. Ю., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Мыглан В. С. Дендрохронологическое датирование археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. 2019. № 2. С. 134–144.
- Филатова М. О., Жарников З. Ю., Майничева А. Ю., Мыглан В. С. Комплексный анализ архитектурного наследия г. Тара (Омская область) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 166–175.

Z. Yu. ZHARNIKOV, V. S. MYGLAN, M. O. FILATOVA

**NEW PAGES OF THE HISTORY OF THE TARA PROVINCE
(BASED ON DENDROCHRONOLOGICAL DATA)**

Dendrochronological studies in the Tara Irtysh region have been in progress since 2015. During that time, we obtained a series of dates for historical buildings of the late 18th – early 20th centuries, as well as for several archaeological objects in Tara, Ananyino village and Bergamak stockade of the 17th – first half of the 18th centuries. The report presents the results of dendrochronological analysis of archaeologized structures obtained during the 2018–2020 excavations in Tara and the nearby Ananyino village. The obtained results allowed to adjusting the dates for the period of active construction in Anaynino village (1660–1670). We also obtained the dating for a structure that formed a part of the defense system of the Tara fortress, built during the period of active confrontation with the Kalmyk troops (late 1620s – early 1630s). In the process of study we obtained a series of dates for the Tara settlement (the first half – the middle of the 17th century). The outcome of the work was the 671-year-long TARA tree-ring chronology.

Zakhar Yu. Zharnikov – Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Krasnoyarsk; Novosibirsk)

E-mail: zaxari1@yandex.ru

Vladimir S. Myglan – Doctor of Historical Sciences, Siberian Federal University; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Krasnoyarsk; Novosibirsk)

E-mail: v.myglan@gmail.com

Maya O. Filatova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: mayasidorova12@gmail.com

О. М. КОРОНА, Е. Г. ЛАПТЕВА, Т. В. ЛОБАНОВА, Г. П. ВИЗГАЛОВ

**АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ РУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА БЕРЁЗОВА В XVII–XVIII ВВ.**

Обобщены результаты карпологического и спорово-пыльцевого анализов образцов культурного слоя посадской части г. Берёзова – одного из первых городов русского населения на севере Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Основной фон археоботанического материала создают палино- и макроостатки древесных и травянистых растений местной флоры, которые относятся к разнообразным эколого-ценотическим группам и имеют разную хозяйственную значимость для человека. В небольшом количестве встречены остатки импортируемых культурных растений, вероятно, привезенных из южных земледельческих районов Западной Сибири, – овса и хмеля. Выяснилось, что вместе с зерновыми были завезены семена и плоды разнообразных сорных растений. Установлено, что все разнообразие растительных ресурсов окрестностей жители использовали как строительный материал и включали в свой пищевой рацион и в кормовую базу для домашних животных.

Корона Ольга Михайловна – Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: korona@ipae.uran.ru

Лаптева Елена Георгиевна – к.г.н., Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Лобанова Татьяна Владимировна — Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: lota_64@mail.ru

Визгалов Георгий Петрович — к.и.н., ООО «НПО «Северная археология — 1» (Россия, Нефтеюганск)

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Берёзов — один из старейших русских городов на севере Западной Сибири и первый на территории Югры (Ханты-Мансийский АО), основанный в 1593 г. Из-за недостаточного снабжения берёзовские служилые люди, наряду с представителями других сословных групп, на всем протяжении XVII–XVIII вв. вели активную хозяйственную деятельность. Результаты археоботанического изучения 28 образцов, отобранных как из разных хронологических ярусов «культурного слоя» (с конца XVI в. до середины XVIII — начала XIX вв.), так и в разных точках по площади раскопа, позволяют охарактеризовать вовлеченность окрестного разнообразия растительных ресурсов в хозяйственный уклад населения городка того времени.

Согласно археологическим исследованиям, «культурный слой» в местах отбора образцов для археоботанического исследования характеризовался высокой насыщенностью навоза, который хорошо визуализировался при раскопках [Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022, с. 52]. Высокое содержание навоза в грунте подтверждается обилием аскоспор грибов сем. Sordariaceae в большинстве палиноспектров изученных образцов. Представители данной таксономической группы являются преимущественно облигатными копротрофами, которые в процессе своей жизнедеятельности используют органические вещества из экскрементов животных, в основном травоядных. Насыщенность отложений навозом является следствием содержания на территории посада города домашних животных — крупного рогатого скота, лошади и свиней. Северный олень тоже играл существенную роль в хозяйстве населения городка, что подтверждается археозоологическими исследованиями [Бачура и др., 2020, с. 61].

В ходе изучения образцов из «культурного слоя» были определены шесть таксонов деревьев и кустарников, причем только сосна сибирская и ель в значительном количестве в ряде образцов. В группе местных дикорастущих пищевых растений — морошка, брусника и кедр — обильны, а водяника, княженика, черемуха — единичны. Большинство обнаруженных остатков принадлежат травянистым растениям водно-болотной экологическо-ценотической группы с преобладанием видов злаковых и осоковых: канареечник тростниковидный и осоки, в том числе осока острая и водяная. Они вместе с другими дикорастущими злаками и некоторыми луговыми растениями образуют группу дикорастущих кормовых растений. Пыльца и макроостатки луговых травянистых растений, которые являются маркерами использования заготовленных кормов или выпаса, представлены в образцах в единичном количестве. Следует отметить, что наиболее обильны среди них пыльца, плоды и семена сорных растений, которые случайным образом попали в корм. Эти растения либо были съедены животными при выпасе вблизи человеческого жилья, на пустырях, залежах и вдоль дорог, либо их плоды и семена попали с зерновыми культурами при фуражной подкормке животных, в частности овсом, совместно с которым они произрастали и были завезены.

Исследования показали, что с началом XVII в. (до 1650 г.) связано появление культурных и культивируемых растений: пыльцы группы Cerealia, зерновок овса, плодов хмеля

и конопли. Овес, вероятно, являлся основной зерновой культурой в рационе питания населения г. Берёзова с момента основания вплоть до середины XVIII — начала XIX в., поскольку макроостатки других зерновых культур не были обнаружены ни в настоящем исследовании, ни ранее [Корона, Лобанова, 2020, с. 174–176]. Его, как часть фуража, использовали в холодное время года при откорме животных на мясо или усиленном питании, например, в случае тяжелой работы, которую выполняли лошади. Сложность использования овса в качестве фуражного зерна заключалась в том, что экстремальные природные условия не позволяли населению Берёзова заниматься земледелием. Овес доставляли из южных земледельческих районов Западной Сибири. Завозили плохо очищенное зерно, к тому же засоренное плодами и семенами различных сорных растений (гречишка вьюнковая, жерушник болотный, бородавник обыкновенный и др.), основной ареал которых приурочен к южным территориям Западной Сибири, и эти сорняки даже в настоящее время практически не встречаются на территории ХМАО — Югры. Так, и плоды конопли могли случайным образом попасть на территорию городка во время транспортировки зерна, так как они обнаружены в единичном количестве в образцах, датированных концом XVII — первой половиной XVIII в. Хмель доставляли в виде высушенных соплодий (шишек), содержащих семена. При использовании в хлебопечении, пивоварении шишки погружали в жидкий продукт для придания особых свойств, а после использования целиком удаляли из конечного продукта и выбрасывали. Следует отметить находки фрагментов скорлупы орехов лещины, которые завозились из европейской части России [Корона, Лобанова, 2020, с. 174–176].

Таким образом, в окрестностях г. Берёзова произрастали темнохвойные северо-таежные леса преимущественно из сосны сибирской (кедра) и ели с примесью березы и лиственницы, по берегам рек и ручьев встречались заросли черемухи и ивы. В окрестностях поселения были распространены естественные луговые и болотные растительные сообщества, которые подвергались антропогенной нагрузке в окрестностях поселения. Население городка активно использовало растительные ресурсы окружающих естественных лесных, луговых и болотных угодий. Собирали ягоды дикорастущих пищевых растений. Хвойные породы, преимущественно сосну сибирскую, жители использовали в строительных работах, а ее плоды (кедровые орехи) употребляли в пищу. Суровые климатические условия и особенности расположения г. Берёзова не позволяли жителям заниматься пашенным земледелием. Зерно овса для питания людей и животных, шишки хмеля как сырье для хлебопечения и пивоварения доставляли из южных земледельческих районов Западной Сибири. Вместе с семенами культурных растений случайно завозились плоды и семена сорных растений.

Библиографический список

- Бачура О. П., Лобанова Т. В., Визгалов Г. П., Мартынович Н. В., Гимранов Д. О. Хозяйственная деятельность населения посада города Березова в XVII–XVIII веках (по остеологическим материалам из раскопа 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 53–64.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. Вып. 20.
- Корона О. М., Лобанова Т. В. Результаты исследования растительных макроостатков из культурного слоя посадской части города Берёзова (XVII–XVIII вв.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 173–180.

O. M. KORONA, E. G. LAPTEVA, T. V. LOBANOVA, G. P. VIZGALOV

ARCHAEOBOTANICAL EVIDENCE OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE TOWN OF BEREZOV IN THE 17TH–18TH CENTURIES

The study sums up the results of carpological and spore-pollen analyses of the cultural level samples from the residential part of Berezov, one of the first Russian towns in the north of Western Siberia in the 17th–18th centuries. Most of the archaeobotanical background was formed by palino- and macrofossils of arboreous and herbaceous plants of the local flora, which belonged to various ecological and cenotic groups and had different economic significance for humans. Remnants of imported cultivated plants, probably brought from the southern agricultural regions of Western Siberia, such as oats and hop, were found in small quantities. Apparently, the seeds and fruits of various weeds were imported along with the cereals. It was established that the residents used all available plant resources of the surrounding area as a building material and included it in their diet and in the feed base for domestic animals.

Olga M. Korona – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: korona@ipae.uran.ru

Elena G. Lapteva – Candidate of Geographical Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Tatyana V. Lobanova – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: lota_64@mail.ru

Georgiy P. Vizgalov – Candidate of Historical Sciences, LLC “SPA “Northern Archaeology – 1” (Russia, Nefteyugansk)
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

П. А. КОСИНЦЕВ

АРХЕОЗООЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Археозоологические исследования стали составной частью изучения культурных слоев исторических поселений на Урале и в Сибири. Изучены археозоологические коллекции из памятников русского (семь городских поселений и пять сельских поселений) и коренного (шесть поселений, три святилища, один могильник) населения Западной Сибири. Для этих памятников описаны видовой состав, состав элементов скелетов отдельных видов, возрастной состав забитых животных, сделаны реконструкции структуры «мясного» питания населения. Для некоторых поселений описаны породные особенности домашних животных и их патологии, проведена реконструкция промысловой деятельности населения.

Косинцев Павел Андреевич – к.б.н., Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Сбор и изучение археозоологических коллекций из памятников Нового времени (XVIII – начало XX вв.) только начинаются. Задачи археозоологических исследований археологических объектов этого времени остаются те же, что при изучении памятников более ранних исторических периодов, аналогичны и проблемы, возникающие при их изучении. Это определение типа хозяйства (производящее или присваивающее); структуры «мясного» питания; характеристика зоотехнии и промысловой деятельности (охота, рыболовство);

описание способов разделки и утилизации туш животных; не утилитарное использование животных. Эти данные необходимы при изучении адаптации человеческих коллективов к изменениям природной и социальной сред, взаимодействия сельского и городского, пришлого и аборигенного населения, характеристике культурных особенностей разных групп населения и ряда других.

Археозоологические исследования исторических памятников имеют свою специфику. С одной стороны, имеется большой массив письменных источников о скотоводстве и промысловой деятельности, торговле мясом и его потреблении в XVIII–XX вв. Это позволяет в общем виде решить часть задач, сформулированных выше. Но письменные источники освещают далеко не все аспекты животноводства этого времени. Например, обычно нет данных о структуре потребления мяса в разных районах городов. Для сельских поселений русских и поселений коренного населения такие данные отсутствуют. Археозоологические данные позволяют решить эти задачи. В ряде случаев по архивным документам точно известно, кто проживал в конкретной постройке. Это позволяет персонифицировать результаты археозоологических исследований.

Исследование памятников русского населения

Памятники русского населения исторического времени представлены поселениями и кладбищами, но археозоологические материалы найдены только на поселениях. Первое их изучение проведено в начале 1990-х гг. (г. Тюмень и Челябинск, материалы не опубликованы). Первые масштабные археозоологические исследования проведены по материалам из раскопок г. Верхотурья в 1996 г. [Косинцев, Подопригора, 1998]. С начала 2000-х гг. начинается рост объемов археологических исследований исторических поселений Урала и Западной Сибири и связанный с ним рост археозоологических исследований. Это в первую очередь касается поселений русских. Изучены археозоологические коллекции из раскопок городов Верхотурья [Косинцев, Подопригора, 1998], Томского кремля, Березова [Визгалов и др., 2013], Тобольска, Кургана, Тары [Бондарев, Тататурова, Тататуров, 2020], Енисейска [Клементьев, Лысенко, Мартынович, 2016], сел Старотуруханское [Визгалов и др., 2013], Обдорское [Там же], Изюк I и Ананьино I [Бондарев, Тататурова, Тататуров, 2020], селища Церковенское [Визгалов и др., 2013].

Одним из наиболее полно изученных в этом отношении населенных пунктов является исторический центр г. Екатеринбурга. Здесь изучены коллекции семи участков [Бачура, Лобанова, 2017; Рассадников, 2019]. Установлено, что все участки различаются или по соотношению домашних копытных, или по соотношению частей скелета или по возрастному составу животных. Общим для всех участков является доминирование домашних копытных (крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинья, лошадь), среди которых преобладают остатки крупного рогатого скота.

В последнее время появляются исследования, посвященные не только статистическому анализу результатов изучения археозоологических коллекций, но и зоотехническим проблемам животноводства. В частности, начаты работы по изучению породных особенностей домашних кур, собак, крупного рогатого скота.

Исследование памятников коренного населения. Памятники коренного населения исторического времени представлены поселениями, святилищами и могильниками. Исследования археозоологических коллекций из них началось в начале 1980-х гг. с

изучения материалов из святилищ Барсова гора I/6 и Ермаково I [Косинцев, 1985]. В начале 1990-х гг. изучены археозоологические материалы из поселения Каксинская гора I [Визгалов и др., 2013], в начале 2000-х гг. — из стоянок Коматы 2 и Коматысь 2 [Визгалов и др., 2013], селища Пяку-то 1 [Визгалов и др., 2013], городища Усть-Войкар 1 (верхний слой) [Визгалов и др., 2013], в конце 2010-х гг. — из поселений Бала 1, могильника Кикки-Акки, святилища Сотэм-тэ-ики.

В настоящее время в Западной Сибири археозоологические исследования русских поселений Нового времени проведены в значительно большем объеме, чем памятников коренного населения. Большая часть археозоологических работ посвящена описанию видового состава, состава элементов скелетов отдельных видов, характеристике возрастной структуры забитых животных, реконструкции структуры «мясного» питания населения. Работ, посвященных изучению породных особенностей домашних животных и их болезней, реконструкции зоотехнических приемов их содержания и разведения, особенностей утилизации туш, а так же реконструкциям промысловой деятельности, пока не много. Но перспективы их выполнения весьма обширны. Несомненно, археозоологические данные позволят уточнить историю русского и коренного населения Западной Сибири в Новое время.

Библиографический список

- Бачура О. П., Лобанова Т. В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX веках // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 363–368.
- Бондарев А. А., Тататуrowa Л. В., Тататуров С. Ф. Животноводство и охота в экономике русских Тарского Прииртышья: опыт сравнительного исследования города и деревни // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2020. Вып. 6. С. 292–295.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.
- Клементьев А. М., Лысенко Д. Н., Мартынович Н. В. Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII–XIX вв.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Т. 2. С. 240–248.
- Косинцев П. А. Костные остатки из средневековых святилищ Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 76–78.
- Косинцев П. А., Подопригора И. Н. Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурье. Екатеринбург, 1998. С. 81–91.
- Рассадников А. Ю. Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 75–85. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-075-085

P. A. KOSINTSEV

ARCHAEOZOLOGY OF HISTORICAL SETTLEMENTS IN THE URAL AND WEST SIBERIA

Archaeozoological research has become an integral part of the study of the cultural levels of historical settlements in the Urals and Siberia. The author studied archaeozoological assemblages from the sites of the Russian (seven urban and five rural settlements) and the indigenous (six settlements, three sanctuaries, and one burial ground) populations of Western Siberia. The author described the species composition, the composition of the skeletal elements of individual species, the age composition of slaughtered animals from those sites, and performed reconstructions of the structure of the “meat” diet of the population. For some settlements, the breed characteristics of domestic animals and their

pathology were described, and the reconstruction of the hunting activities of the population performed.

Pavel A. Kosintsev – Candidate of Biological Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Е. А. КУРЛАЕВ

ПОИСКИ И ДОБЫЧА СЕРЕБРА НА УРАЛЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

В докладе представлены факты, свидетельствующие о наличии серебра на Урале в полиметаллических рудах, и добыче его в эпохи Средневековья и Нового времени. О существовании у русского населения месторождений серебра упоминается в средневековых источниках. В это время в уральском регионе были, по крайней мере, два известных центра получения серебра – в районе р. Печоры и источник летописного «серебра закамского» на Северном Урале, которые к XVII в. истощились. В XV–XVII вв. отмечена активность геологоразведочных экспедиций по поиску серебряной руды вдоль побережья Ледовитого океана и на Урале, а с XVIII в. серебро стали извлекать из небогатых руд за счет внедрения промышленных технологий. В связи с фактом выплавки уральского серебра обращая внимание на вероятность использования средневековыми ювелирами местного металла.

Курлаев Евгений Анатольевич – к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: evgeniikurlaev@yandex.ru

Фактов, подтверждающих наличие серебра в горных породах Урала, в научной литературе не приводилось, а появление серебряных изделий в археологических коллекциях средневековых памятников ученые связывали с торговыми операциями. С монетами и серебряной утварью археологи и историки отождествляли и летописное «серебро закамское», упоминающееся в летописях в качестве дани. Археолог А. М. Белавин уверял, что в Прикамье и на Урале в Средневековье не было серебряных рудников и все древнее уральское серебро – привозное [Белавин, 2014, с. 96–103].

Данные, опубликованные в коллективной монографии, свидетельствуют о наличие большого количества серебра в уральских рудах. В 1754 г. серебро впервые отделили из золота в Уральской золотосплавочной лаборатории, а в 1880 г. получили 68 пудов (1114 кг) серебра. Максимальное количество добытого серебра из меди зафиксировано в 1912 г. и составило 666 пудов (10 909 кг) [Рукоуев, Курлаев, Шумкин, 2020, с. 294–300]. В то время Урал занимал первое место в России по добыче драгоценного металла.

По оценке геологов, серебро в самородном виде встречается редко, но источником получения золота и серебра могут быть руды цветных металлов. Наибольшее значение приобрела попутная добыча золота и серебра из медных, медно-никелевых и свинцово-цинковых руд.

О существовании у русского населения месторождений серебра упоминается в средневековых источниках. В начале XIV в. знаменитый венецианский путешественник Марко Поло (1254–1324 гг.) писал о добыче серебра русскими: «Много у них серебряных руд: добывают они много серебра». [Чтения в Императорском Обществе..., 1862, с. 215–348]. Об

источниках серебра в стране Русь повествовал берберский путешественник Ибн Батута (1304–1377 гг.) и арабский историк Ибн аль-Варди (середина XV в.).

Освоение территории реки Печоры и Полярного Урала связано с неоднократными и многочисленными военными походами для сбора дани сначала новгородцами, позже Москвой. При этом в русских летописях неоднократно упоминалось «серебро закамское» («закаменское»). В 1993 г. новгородские воеводы требовали от народа югры меха и серебро [Курлаев, 1997, с. 102–117]. В 1332 г. московский князь Иван I Калита требовал серебро уже у новгородцев. Новгородцы откупались от завоевателей огромным количеством металла. Так, литовский князь Витовт получил от них 60 пудов серебра (983 кг). [Карамзин, 1817, с. 386]. Очевидно, что некое «закамское серебро» в XII в. принадлежало югре, а в XIV в. уже контролировалось новгородцами. В 1478 г. Новгород потерял независимость и перешел под власть Москвы.

В XV–XVII вв. отмечена активность геологоразведочных экспедиций по поиску серебряной руды вдоль побережья Ледовитого океана и на Урале. В 1491 г. по приказу московского царя Ивана III в район месторождения полиметаллической руды на р. Цильме притоке Печоры была послана крупная геологоразведочная экспедиция для поиска и добычи серебра из медной руды. Н. М. Карамзин писал: «И с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра; имели и золотые деньги, или медали российские [Карамзин, 1998, с. 506]. В 1499 г. русская рать под предводительством С. Курбского окончательно уничтожила основного противника на Урале — народ югру. Позднее наличие меди, серебра и золота на Печоре подтвердили геологи А. А. Чернов и И. П. Бартнев.

Поиски продолжились и в XVII в. В 1617 г. рудознатец Я. Литвинов описал районы древних рудников: «...дельвали в старину серебро в вогуличах..., а до туда, до вогулич 320 верст... (предположительно легендарное «серебро закамское». — Е. К.); дельвали серебро в старину в Печерах» (вышеуказанное месторождение на р. Цильме. — Е. К.) [РГАДА. Ф. 365. 1618 г. № 1. Л. 12, 14, 15]. Возможно, с этим источником серебряной руды связано распространение серебряных гривен глазовского типа в бассейне р. Вятки на памятниках поломской (VI–IX вв. н. э.) и чепецкой культур (X–XIII вв. н. э.), обеспечение драгоценным металлом болгарских ювелиров.

В 1663 г. из Чердыни послали экспедицию на Северный Урал «в вогуличи» «за Поманенную гору, меж Вагран озером на болото». По опытам медная руда из этого района содержала 0,2 % серебра. Память о поисках сохранилась в названиях «серебряный рудник» и «серебряный утес». К моменту прихода русских на Урал рудники истощились, и добыча серебра стала экономически невыгодной.

Спустя столетие заводчик М. Походяшин построил неподалеку Петропавловский медеплавильный завод (современный г. Сервероуральск). В образцах медной руды шести рудников содержалось 0,07 % серебра, но для промышленной добычи в то время, требовалось не менее 0,18 % серебра в меди. Тем не менее, в 1770-е гг. часть серебряистой меди отправили на Петербургский монетный двор, а 2000 пудов серебряистой меди с содержанием серебра 0,13 % вывезли для очистки на Колывань (Алтай). С начала XVII в. поиски серебряной руды велись в Прикамье, по р. Чусовой и ее притокам Усьве и Серебрянке. В верховьях р. Чусовой в 1720-е гг. действовал Подволошный серебросвинцовый рудник. В 1760-е гг. начинали разработку Санарского серебросвинцового рудника на Южном Урале.

В Средневековье в уральском регионе были, по крайней мере, два известных центра получения серебра — в районе р. Печоры и источник летописного «серебра закамского»

на Северном Урале. К XVII в. рудники истощились, но с XVIII в. серебро стали извлекать из небогатых руд за счет промышленных технологий. Учитывая существование источников серебряистой меди, обращаю внимание на добычу серебряносодержащих руд в Средневековье и Новое время на Урале. А также на наличие серебра в изделиях из бронзы и меди в серебре, как признака местного производства, которое потребует в качестве доказательства и анализ химического состава артефактов.

Библиографический список

- Белавин А. М. Тайны «закамского» серебра // Наука в России. 2014. № 4. С. 96–103.
 Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998. Кн. 2, т. 4–6.
 Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 5.
 Курлаев Е. А. Летописная «югра» исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Уральский исторический вестник. 1997. № 4. С. 102–117.
 РГАДА. Ф. 365. 1618 г. № 1.
 Рукосуев Е. Ю., Курлаев Е. А., Шумкин Г. Н. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII – начале XX века: благородные металлы. Екатеринбург, 2020.
 Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1862. Апрель–Июнь. Книга вторая.

E. A. KURLAEV

SILVER PROSPECTING AND MINING IN THE URALS IN THE MIDDLE AGES AND THE MODERN TIME

The paper presents the facts indicating the existence of silver in polymetallic ores in the Urals, and the silver mining during the Middle Ages and the Modern time. Various medieval sources mentioned that the Russian population had access to local silver deposits. At that time, there were at least two well-known silver production centers in the Ural region, in the area of the Pechora River, and another one, mentioned in the chronicles as “Over the Kama Silver” in the Northern Urals, both of which had been exhausted by the 17th century. In the 15th–17th centuries various geologic parties actively explored the Arctic Ocean coast and the northern Urals for silver ore, and since the 17th century silver extraction from poor ores continued due to the introduction of new technologies. The author draws attention to the likelihood of the use of local metal by medieval jewelers based on the proven facts of silver smelting in the Urals.

Eugeny A. Kurlaev – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia)
 E-mail: evgeniikurlaev@yandex.ru

С. А. МЫЗНИКОВ

СЕЛИЩЕ МОХТИКЪЁГАН 15 — ПАМЯТНИК XIX В. НА Р. АГАН (НА СТЫКЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

Представлены материалы раскопок селища Мохтикъёган 15, которое расположено на правом берегу р. Аган, около г. Покачи. Раскопки площадью 200 кв. м проводились в 2007 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1». Изучены остатки жилища-полуземлянки. Вещественный комплекс включает: железные котлы, наконечники и формы для отливки пуль, гвозди, швейные иглы, фрагмент пилы, свинцовые пули и дробь, бронзовое украшение-нашивки, монеты времени Николая I, медный нательный крестик, обручальное кольцо, грузила-«кибасы», осколки фарфора и бутылок. Osteологические находки в подавляющем большинстве соотносятся с северным оленем, несколько

косточек принадлежат белке, зайцу, глухарю, росомaxe. Селище датируется второй половиной XIX в. По материалам раскопок прослеживаются ряд черт домостроения, быта, обряда аганских хантов.

Мызников Сергей Анатольевич – ООО «НПО Поэнгурр» (Россия, Екатеринбург)
E-mail: myznikov@bk.ru

Селище Мохтикъёган 15 находится в Нижневарттовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 20,3 км к западу-юго-западу от г. Покачи. Памятник выявлен в 2006 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» в ходе проведения обследования участков под строительство хозяйственных объектов Территориально-производственного предприятия «Покачевнефтегаз» ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» [Данилова, 2006, с. 29–30, рис. 13, л. 1, 3]. На поверхности была зафиксирована подпрямоугольная впадина 3,4 × 3,5 м глубиной 0,3 м с обваловкой шириной 1,4–2,5 м, высотой 0,2–0,5 м. Она ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. С северо-восточной и юго-западной сторон к объекту примыкают пять овальных ям размерами 0,4–0,9 × 0,9 × 2,4 м, глубиной 0,1–0,4 м. На территории селища собран подъемный материал: литой бронзовый перстень с гравировкой «П. Б.», железная прямоугольная пластина 2,43 × 2,72 × 0,16 см, свинцовая округлая пуля диаметром 1,25 см. На основании подъемного материала памятник был датирован Новым временем.

Селище расположено в правобережье среднего течения р. Аган, в 1,9 км к северо-востоку от русла. Оно удалено от края коренной террасы (от старицы р. Аган) на 210 м. Растительность на территории памятника представлена сосновым редколесьем, в местах разрушений и по краю террасы – сосново-кедровым мелколесьем с примесью березы. Почвенный покров северо-западной части памятника разрушен при строительстве трубопровода.

В 2007 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством С. А. Мызникова на селище проведены спасательные раскопки площадью 200 кв. м [2007], так как при планируемых строительных работах селищу грозило уничтожение. Изучены остатки жилища-полуземлянки, а также окружающее пространство.

В начале работ под дерном найдено два десятка предметов, в том числе два грузила-«кибаса» (каменное и глиняное дисковидной формы), осколки бутылок и кости.

На верхних уровнях фиксации, сразу после снятия дерна, обнажились очертания желто-коричневого переотложенного песка – выкид из котлована постройки. Постройка ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Зафиксированы остатки деревянных конструкций 4,6 × 5 м из трухлявых бревен диаметром 18–24 см. Венцы были срублены «в чашку».

Ниже, на уровне 0,4–0,5 м от современной поверхности, внутреннее пространство сруба включало в себя остатки нар, углубленную часть постройки в виде прямоугольного котлована 2,9 × 1,7 м, остатки печи-чувала размером 1,7 × 1,5 м, контуры и фрагменты двух несущих столбов, остатки деревянных конструкций в виде древесной трухи.

Каркас чувала в виде обрешетки из вертикальных прутьев диаметром 3–6 см был обмазан глиной. Внутри чувала зафиксирован очажный слой с примесью небольших комков глины. В слоях, относящихся к чувалу, найдены мелкие фрагменты фарфоровой и стеклянной посуды, кусочки металла.

В северо-западной части постройки в древесном тлене нар найден наконечник самострела (?). Под нарами обнаружены три железных котла, заглубленные в материковый песок на 6–12 см. Каждый котел был взят «единым монолитом» с землей. При проведении расчистки и реставрации в камеральных условиях на дне котла 1 обнаружены три свинцовые пули, на дне второго котла — три монеты достоинством в одну копейку. Среди артефактов, найденных в заполнении котлована постройки: медный нательный крестик, обручальное кольцо, металлическая основа пуговицы (?), свинцовые пули и дробь, две формы для отливки пуль, гвозди, швейные иглы, фрагмент пилы, бронзовое украшение-нашивка (?).

На уровне 0,55–0,6 м от современной поверхности зафиксирован пол, низ заглубленной части постройки. В заполнении котлована найдено 180 предметов из стекла, фарфора, камня, металла, глины, бересты и кости.

С северо-восточной и юго-западной сторон к объекту примыкают пять ям. В заполнении ям преобладал серо-коричневый и коричневый песок. В ямах 1 (2 × 3,5 м), 2 (1 × 1,7 м), 3 (1,2 × 3,3 м), 4 (0,7 × 0,7 м) найдены рога и кости северного оленя. Ямы 3–6 сверху имели общие очертания размером 3 × 4,3 м. В яме 3 найдены две двухкопеечные монеты 1847 г. Сузунского монетного двора и 1829 г. Екатеринбургского монетного двора. В яме 5 — остатки берестяных пошлавков.

В коллекции присутствует много вещей и фрагментов железных изделий, в том числе нож, наперстки, наконечники, швейные иглы, гвозди. Фарфоровая посуда представлена осколками тарелок, чашек, блюдец. На большинстве осколков присутствует роспись. Клейм производителей не отмечено. Из стеклянных изделий выделяются бусины и бисер (синие и белые). Бусины округлые диаметром 5–7 мм. Есть «двойные» бусины. Бисер округлый диаметром 2 мм. Найдено много фрагментов бутылок из темного стекла, донце небольшого флакона из прозрачного стекла, осколки плоского оконного (?) стекла. Каменные артефакты представлены ружейными кремнями, шлифовальными камнями.

В ямах 1–6, 24 найдено много костей животных. Из 105 остеологических находок подавляющая часть принадлежит северному оленю. Есть несколько фрагментов костей зайца, белки, глухаря, росомахи. Примечательно, что за чувалом найдены остатки семи черепов: белка, заяц, млекопитающие (неопределимые фрагменты), а также орешек черемухи. Лопатки северного оленя встречены только в заполнении котлована. В яме 2 — кость росомахи. Черепа северного оленя найдены в яме 1, яме 3, и, по-видимому, неопределимые фрагменты черепа — за чувалом. В коллекции присутствуют четыре кости со следами обработки.

По материалам раскопок прослеживаются ряд черт домостроения, быта, обряда, отмеченных в этнографических исследованиях [Перевалова, Карачаров, 2006]. Например, использование котлов как части строительной жертвы, или конструкция и планировка мых-кота у аганских хантов подкрепляются материалами раскопок селища Мохтикьёган 15, которое функционировало во второй половине XIX в.

Библиографический список

Данилова Е. Н. Отчет о научно-исследовательской работе. Историко-культурное обследование объектов обустройства месторождений нефти на Южно-Покачевском, Нонг-Ёганском и Северо-Нивагальском лицензионных участках в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2006 году. Нефтеюганск, 2006.

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

Мызников С. А. Охранные археологические раскопки селище Мохтикъёган 15 в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского АО в 2007 году. Нефтеюганск, 2007.

Узенков В. В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. М., 1995.

Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.

S. A. MYZNIKOV

МОХТИКЪЕГАН 15 SETTLEMENT — 19TH CENTURY SITE ON THE AGAN RIVER (AT THE JUNCTION OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY)

The paper presents the materials of the excavations of Mokhtikyegan 15 settlement located on the right bank of the Agan River, near the town of Pokachi. The expedition of LLC "SPA "Northern Archaeology – 1" excavated an area of 200 sq. m in 2007. The remains of a semi-pithouse type structure have been studied. The material complex included several iron kettles, tips and molds for casting bullets, nails, sewing needles, a saw fragment, lead bullets and shot, a bronze patch decoration, coins of the time of Nicholas I, a copper pendant cross, an engagement ring, "kibasa" sinkers, and sherds of porcelain and bottles. Vast majority of osteological findings correlated with reindeer, several small bones belonged to a squirrel, a hare, a wood grouse, and a wolverine. The settlement was dated as the second half of the 19th century. The materials of the excavations allowed tracing certain characteristics of house building, everyday life, and the rites of the Agan Khanty.

Sergey A. Myznikov – LLC "SPA "Poengurr" (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: myznikov@bk.ru

В. В. НИКОЛАЕВ

ФАКТОР ГОРОДА В СТАНОВЛЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ СИБИРСКИХ КОРЕННЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КУМАНДИНЦЕВ)

В начале XVII в. коренное население Северного Алтая было объясачено; начинается формирование городской сети. В начале XVIII в. был построен Бикатунский острог (будущий г. Бийск), произошло полное подчинение кумандинских татар Российской империи и разделение Кумандинской волости на Нижне- и Верхне-Кумандинскую волости. Построенная крепость стала фактором безопасного развития коренного населения региона и установления межэтнического диалога. В начале XIX в. из города начинается администрирование сельской округи, принимается «Устав об управлении инородцев», образовывается Алтайская духовная миссия. В конце XIX в. оформляется кумандинская идентичность. Этноним фиксируется в архивных документах, в научной литературе, в административных проектах миссии. По материалам Всероссийской переписи 1917 г. в Нижне-Кумандинской волости этноним «кумандинцы» охватывал 27,4 % коренного населения, в Озеро-Куреевской — 33,3 % и в Сузопской — 45,1 %. Город посредством администрирования создал новую этническую реальность, включающую как ассимиляционные процессы, так и консолидационные.

Николаев Василий Владимирович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

В начале XVII в. первые представители российской администрации достигают Северного Алтая и объясачивают местных жителей. Первые упоминания Кумандинской волости в

документах относится к 1628 г. [Потапов, 1969, с. 104; Самаев, 1991, с. 60]. В это же время в западносибирском макрорегионе началось формирование городской сети. В 1604 и 1618 гг. были возведены Томский город и Кузнецкий острог [Шерстова, 2005, с. 93]. На протяжении XVII в. из далекого Кузнецка эпизодически на территорию Северного Алтая прибывали сборщики ясака, конкурировавшие с соседними этнополитическими силами региона.

В начале XVIII в. произошел ряд взаимосвязанных событий: строительство Бикатунского острога (будущий г. Бийск), полное подчинение кумандинских татар Российской империи [Потапов, 1953, с. 118–119] и разделение Кумандинской волости на Нижне- и Верхне-Кумандинскую волости [Потапов, 1969, с. 108]. Построенная крепость стала фактором безопасного развития коренного населения региона, его стабилизации, укрепления коммуникации, как среди аборигенов, так и с пришлым населением. Появляются оседлые поселения коренного населения близ крепости [Славнин, Шерстова, 2008, с. 16]. В то же время Кольвано-Кузнецкая крепостная линия актуализировала этническую границу, этническое самосознание, обусловила появление маргинальных групп. Скорее всего, до середины XIX в. население региона так и не сложилось в единую общность. Исследователями отмечалась полиэтнотимичность населения и его разнородность [Потапов, 1969; Славнин, Шерстова, 2008].

В начале XIX в. из города начинается администрирование сельской округи. В 1804 г. была образована Томская губерния, в которой были выделены Бийский и Кузнецкий округа (с 1898 г. уезды). Верхне- и Нижне-Кумандинская волости Бийского уезда становятся ядром формирующегося кумандинского народа, притягивая в свою орбиту автохтонов Кузнецкого уезда. В 1822 г. принят «Устав об управлении инородцев», зафиксировавший автономию аборигенных этнических групп. Разработанный М. М. Сперанским «Устав» кодифицировал опыт межэтнического взаимодействия в Сибири.

Административно-территориальные преобразования начала XIX в. заложили основы формирования народов Алтая и Шории, разделив близкородственные в этнокультурном плане этнические общности между Кузнецким и Бийским округами. Делением были заданы векторы миграционной активности коренного населения и интенсивность межэтнических контактов.

Город продолжал притягивать коренное население; нарастали процессы ассимиляции и аккультурации. Уже в 1782 г. из 382 душ мужского пола Нижне-Кумандинской волости 69 проживало в населенных пунктах совместно с пришлым населением [Славнин, Шерстова, 2008, с. 17]. В дальнейшем маргиналы, освоившие культуру пришлого населения, но не утратившие связь с культурой коренных сообществ, расселялись вглубь черни, расширяя влияние города.

Влияние города усилилось с открытием в 1828 г. Алтайской духовной миссии. Деятельность миссионеров способствовала как ассимиляции, так и интеграции «инородцев» Северного Алтая в этносоциальные, социокультурные и экономические структуры региона. Опорой миссионеров стало обрусевшее население, крещенное в конце XVIII в. Одним из первых было создано Макарьевское отделение, включавшее большую часть территории современного расселения кумандинцев. Прозелитская политика миссии опиралась на создание миссионерских селений: Кабыжак (1855 г.), Ташта (1854 г.), Макарьевск (1854 г.), Кылташ (1856 г.) и др. [Сатлаев, 1974, с. 21; Томские епархиальные ведомости, 1899, с. 15].

В 1854 г. была открыта миссионерская школа в с. Макарьевском, в 1883 г. — в с. Ташта [ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 18. Л. 19об.; Д. 156. Л. 5об., 6].

Деятельность миссии определяла течение этнических процессов в регионе. При всех сложностях христианизации именно миссионерские поселения и крупные смешанные в этническом плане населенные пункты становились центрами этнокультурных контактов [Томские епархиальные ведомости, 1898, с. 14–16].

Проекты Алтайской духовной миссии по администрированию отражали последствия проводимой политики в регионе, закономерным результатом которой стало оформление кумандинской идентичности. Так, в 1886 г. руководство миссии предлагало, в частности, объединение Тогульской 2 половины, Верхне- и Нижне-Кумандинских волостей в один административный субъект: Кумандинскую волость [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 658. Л. 15–15об.]. Именно в эти годы появляются работы В. И. Вербицкого и В. В. Радлова, в которых были выделены кумандинцы. Появился термин «северные алтайцы» [Вербицкий, 1993, с. 21; Радлов, 1989, с. 92–93]. В начале XX в. в ходе землеустройства в регионе коренное население 28 айлов Кондомо-Итиберской, Кондомо-Елейской, Нижне- и Верхне-Кумандинской волостей согласилось на выделение общего надела [Назаров, 2001, с. 225–226]. Изменилось и административное деление в регионе. По материалам Всероссийской переписи 1917 г. в Нижне-Кумандинской волости этноним «кумандинцы» охватывал 27,4 % коренного населения, в Озеро-Куреевской — 33,3 % и в Сузопской — 45,1 % [Николаев, 2018, с. 35–36].

Город, явивший изначально стабильность и безопасность близлежащему населению, в последующем посредством администрирования создал новую этническую реальность, включающую как ассимиляционные процессы, так и консолидационные. В частности, оформился кумандинский народ.

Библиографический список

- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993.
ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 18.
ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 156.
ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 658.
Назаров И. И. Землеустроительные работы и хозяйство кумандинцев в начале XX века // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2001. С. 224–230.
Николаев В. В. Этнодемографическая и этносоциальная характеристика коренного населения предгорий Северного Алтая: по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. Новосибирск, 2018.
Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969.
Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.
Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединение к России. Горно-Алтайск, 1991.
Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974.
Славнин В. Д., Шерстова Л. И. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 5–124.
Томские епархиальные ведомости. 1898. № 15.
Томские епархиальные ведомости. 1899. № 10.
Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005.

V. V. NIKOLAEV

THE URBAN FACTOR IN THE FORMATION OF IDENTITIES OF THE SIBERIAN INDIGENOUS COMMUNITIES (THE KUMANDINS CASE)

At the beginning of the century, a tribute in furs was imposed on the indigenous population of Northern Altai; at the same time the formation of an urban network began. In the beginning of the 17th century the Bikatunsky stockade (the would be city of Biysk) was built followed with an absolute subjection of the Kumandin Tatars to the Russian Empire and the split of the Kumandin administrative district into the Lower and the Upper Kumandin districts. The fortress became a factor in the safe development of the indigenous population of the region and the beginning of interethnic dialog. At the beginning of the 19th century the town assumed the functions of rural neighborhood administration, the “Statute for the Administration of the Non-Russians” was adopted, and the Altai Ecclesiastical Mission was established. The Kumandin ethnic identity formed by the end of the 19th century. The ethnonym was recorded in archival documents, in academic publications, and in the administrative projects of the Mission. According to the materials of the national population censuses of 1917, in the Nizhne-Kumandin district the ethnonym “Kumandin” covered 27.4% of the indigenous population, in Ozero-Kureevskaya district – 33.3%, and in Suzop district – 45.1% of the population. The town, by means of administration, created a new ethnic reality, including both the assimilation and the consolidation processes.

Vasily V. Nikolaev – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

С. Г. ПАРХИМОВИЧ

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДОМОВЫХ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVI — XVIII ВВ.

В 2002–2021 гг. в ходе раскопок русских городищ конца XVI – XVIII вв. на Сибирском Севере экспедициями «НПО «Северная археология – 1» была собрана обширная коллекция резных стилизованных фигурок коников и антропоморфных фигур, олицетворявших разные ипостаси домовых – духов-охранителей дома, его жителей и домашней живности от враждебных нечистых сил. Эти фигуры были выполнены в соответствии с древнерусскими (новгородскими) иконографическими канонами, что свидетельствует о преемственности северорусских традиций в культурной среде русских сибиряков. Фигурки использовались в качестве строительных жертв и символических охранителей дома. Настоящий расцвет данной традиции пришелся на XVII в.

Пархимович Сергей Григорьевич – ООО «НПО «Северная археология – 1» (Россия, Тюмень)
E-mail: par18@yandex.ru

Важную роль в домашней обрядово-магической практике русского населения играли реликтовые языческие представления о домовых – духах-охранителях дома, усадьбы. Домовые «проживали» рядом с реальными жителями дома как его незримые «хозяева». Их регулярно «кормили», одаривали, старались не раздражать неправильными поступками. Согласно поверьям, домовый (дворовой, «хлевник», «амбарник») – дух-охранитель, покровитель семьи и домашней живности. Он мог проявляться в антропоморфном (старик) и зооморфном (кошка, собака, конь и т. д.) обликах.

Почитание домовых проявлялось уже на стадии закладки дома, когда в его основание помещались головы или тела жертвенных животных, души которых становились мифологическими хозяевами-покровителями дома, обеспечивая его магическую защиту от враждебной нечистой силы [Криничная, 2004, с. 99–100; Байбурин, 1983, с. 61–71].

В ходе раскопок Новгорода Великого в слоях X — начала XIV вв. была собрана коллекция антропоморфных деревянных скульптурок. По мнению Б. А. Колчина, все они выполнены по строгому канону и изображают языческих духов-покровителей, защитников от злых сил, то есть домовых [Колчин, 1971, с. 41–44; рис. 16, 10; 17; табл. 33–35, 42, 1–2, 4]. Там же была собрана и коллекция из 45 коников — небольших резных скульптурок из дерева, отнесенная Б. А. Колчиным к категории игрушек [Там же, с. 47–50; рис. 19; табл. 38, 39, 40, 1–6]. Это утверждение справедливо лишь для 18 из них, вырезанных относительно реалистично — с соблюдением пропорций частей тел, с ногами, иногда с хвостом, седлами и уздечками, а в 10 случаях — с отверстиями для осей с колесиками. Остальные фигурки отличаются предельной стилизацией — детально вырезанными головами на мощных шеех и условно переданными треугольными и прямоугольными туловами без ног и хвостов. Стилистически они очень близки или почти идентичны изображениям стационарных архитектурных резных скульптур XIX–XX вв.

Резные погрудные фигуры коней с детально изображенными головами на мощных шеех, петухов, уток и гусей, венчали концы «коньков» (охлупней) на вершинах двускатных крыш «куриц» — жердях, служивших для удержания теса крыш и «потоков»-желобов для отвода дождевой воды. Головы коней вырезались и на концах причелин, а также и внутри избы — на концах спинок «коников» (лавок в «мужском углу»), шестках у печи и даже на боковых дощечках божниц [Криничная, 2004, с. 99–100; рис. 11–14]. Магический характер этих фигур, их связь с образом домового подтверждает поговорка «Курица и конь на крыше — в избе тише» [Байбурин, 1983, с. 90].

В архитектурном убранстве традиционного русского дома проявился и антропоморфный образ домового: в северорусских деревнях XIX — начала XX вв. схематичные фигурки «мужичков» и «стариков» вырезались на стамиках (стержнях, крепившихся на коньках-охлупнях), балясинах и столбах в основании въездов на поветь [Криничная, 2004, с. 109].

Новые материалы, проливающие свет на предназначение зооморфных и антропоморфных фигурок, были получены в 2002–2021 гг. экспедициями ООО «НПО «Северная археология — 1» на трех городищах конца XVI — XVIII вв. на Сибирском Севере: Мангазейском на р. Таз, Березовском на р. Северная Сосьва в низовьях Оби и Старотуруханском в низовье Енисея. В ходе раскопок на них были собраны 67 коников (65 деревянных, кожаный и литой свинцовый) и 5 антропоморфных фигурок.

Коники. Лишь одна мангазейская фигурка, изготовленная из коры лиственницы, обладала признаками игрушки — у нее были вырезаны ноги и просверлено отверстие для оси с колесиками. Остальные, различавшиеся нюансами форм, были выполнены в том же стиле, что и «стационарные» архитектурные кони и безногие коники-«полуфигуры» Новгорода.

Около четверти от общего числа сибирских коников были использованы в качестве «закладных» строительных жертв, став эквивалентом «кровавых» ритуальных приношений и демонстрируя конскую ипостась домового. Они укладывались в основание печи, под завалинки, под пол (у стен, в углы и у порогов изб и амбаров). В нескольких случаях жертвенные коники сопровождалась режущее-колошцими предметами, огарками восковых

свеч, зайцем, а однажды были уложены в берестяную коробку. В двух случаях рядом с ними стояли медные чашечки для их «кормления». Остальные коники, найденные в руинах построек и рядом с ними, очевидно, «проживали» в усадьбах совместно с их реальными обитателями, обеспечивая им надежную защиту от проникновения в дом враждебных нечистых сил.

Антропоморфные фигурки домовых, залежавшие в слоях XVII в. на посаде Березовского городища, — первые находки такого рода на русских поселениях Сибири. Четыре из них представляли собою небольшие обрезки веток (стволов?), на одном конце которых глубокими боковыми вырезами были оформлены головы: надбровные дуги, щеки, подбородок. Нетронутыми выступами были переданы лоб и нос. Одно из этих изображений было вырезано на рукоятке шила, что объясняет и наглядно иллюстрирует обряд переселения домового, зафиксированный в 1930 г. в подмосковной деревне, где домового в виде шила (!) торжественно перевозили из старого дома в новый в старом лапте [Байбурин, 1983, с. 109].

Все четыре миниатюрные фигурки выполнены в той же лаконичной и предельно стилизованной манере, что и некоторые новгородские домовые X — начала XIV вв. [Колчин, 1971, с. 42–44; рис. 17, 7; табл. 34, 2]. Функционально близки им и так называемый поморские панки — хранившиеся за иконами деревянные фигурки, символизировавшие предков-охранителей [Криничная, 2004, с. 109, 110, 134; рис. 28; Бабаянц, 1977, с. 105–117].

Пятое березовское изображение домового отличается оригинальностью: на массивном (длина — 66 см) обручке лопасти весла сквозными прорезями показаны круглые глаза и широко раскрытый рот. Эта фигура стояла в углу скотного двора и представляла, вероятно, домового-«хлевника», охранявшего домашнюю скотину.

В целом, обширная коллекция коников и антропоморфных изображений домовых, собранная на городищах Сибирского Севера, наглядно демонстрирует преемственность древнерусских изобразительных традиций в культурной среде русских сибиряков. Эти традиции, судя по количеству изображений, пережили в XVII в. настоящий расцвет, а в течение XVIII в. были переданы забвению.

Библиографический список

- Бабаянц Г. Н. Поморские куклы-«панки» // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 105–117.
 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
 Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-55).
 Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М., 2004.

S. G. PARKHIMOVICH

IMAGES OF HOUSE SPIRITS IN THE CULTURE OF THE RUSSIAN POPULATION OF NORTHERN SIBERIA IN THE LATE 16TH — 18TH CENTURIES

In 2002–2021, during the excavations of the Russian settlements of the late 16th — 18th centuries in the Siberian North, the expeditions of LLC “SPA “Northern Archaeology — 1” collected an extensive assemblage of carved stylized figurines of horses and anthropomorphic figures personifying various hypostases of house spirits - spirits-guardians of the house, its inhabitants and domestic animals from hostile evil spirits. The figurines were made in accordance with the Old Russian (Novgorod) iconographic canons, which indicated the continuity of the North Russian traditions in the cultural environment of the Russian

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

Siberians. The figurines were used as construction sacrifices and symbolic guardians of the house. The peak of this tradition occurred in the 17th century.

Sergey G. Parkhimovich – LLC “SPA “Northern Archaeology – 1” (Russia, Nefteyugansk)
E-mail: par18@yandex.ru

Е. Н. СОЛОВЬЁВА

ПРЕДМЕТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ ИЗ КОСТИ В АРСЕНАЛЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯКУТСКА XVIII — НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2020 Г. И 2023 Г.)

В последние годы активизировались археологические исследования в исторической части города Якутска, на протяжении нескольких столетий игравшего роль культурного центра Якутского края и ставшего местом формирования городской гигиенической субкультуры. В полевые сезоны 2020 и 2023 гг. были выполнены площадные раскопки на улицах Ярославского и Чернышевского, с самого начала основания города входивших в городскую селитебную зону. В ходе исследований выявлены костяные гребни, зубные щетки и маникюрные инструменты, составлявшие гигиенический арсенал горожан XVIII — начала XX вв., что подтверждает существование определенных гигиенических норм и правил у городского населения того времени.

Соловьёва Елена Николаевна — Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия) (Россия, Якутск)
E-mail: lenasolo05@mail.ru

Вопросы индивидуальной гигиены, а также предметы, связанные с ней, одна из малоизученных научных проблем в отечественной науке.

Вплоть до XVIII в. основу гигиенической практики в России составляла народная гигиена в виде обычаев, нравов, традиций, направленных на охрану здоровья и передающихся из поколения в поколение. В XVIII в. телесная чистота воспринималась уже как одно из обязательных условий сохранения здоровья [Коростелев, 1996]. Поддержанию телесной чистоты служили не только средства, но и предметы индивидуальной гигиены, такие как гребни для волос, копоушки, мочалки, зеркала и др., со временем их ассортимент расширялся.

Исторические сведения о гигиеническом поведении жителей города Якутска XVIII — начала XX вв. практически отсутствуют. В связи с этим, предметы индивидуальной гигиены, обнаруженные в ходе археологических раскопок, имеют важное значение для изучения городской гигиенической субкультуры Якутска.

Предметы для ухода за волосами (46 экз.) составляют наиболее многочисленную группу предметов индивидуальной гигиены и представлены гребнями из бивня мамонта.

Односторонние гребни (20 экз.) представлены 16 завершенными гребнями и 4 заготовками. Выявлены гребни с высокой и низкой спинкой. Один из гребней имеет шпеньки для крепления откидывающегося футляра, футляр не сохранился.

Двусторонние цельные гребни с крупными и мелкими зубьями (26 экз.) составляют более многочисленную группу. Гребни имеют простую прямую спинку, как правило, украшенную с обеих сторон прочерченным линейным орнаментом, представляющим комбинацию из одинарных и парных продольных линий. Исключение составляют гребень

с дополнительным декорированием в виде сквозного биконического отверстия по центру и расположенной вокруг него с обеих сторон композиции из неглубоких высверленных «точек» и гребень с богато декорированной резным орнаментом спинкой.

Часть гребней может быть отнесена к материалам XVIII в., остальные к XIX — началу XX в. Подобные находки получили распространение в Сибири с XVII в. и связаны с пришлым русским населением [Артемьев, 2005, с. 260–261]. На территории Якутии они обнаружены в Алазейском, Стадухинском и Зашиверском острогах, Оленёкском зимовье [Алексеев, 1996; Окладников и др., 1977; Старков, 2014].

Возможно, со временем из этой группы будут выделены гребни для ухода за усами и бородой. В настоящее время критерии подобного выделения не ясны.

Предметы для ухода за полостью рта (6 экз.) представлены цельновырезанными костяными зубными щетками. Щетина не сохранилась. По размерам щетки можно разделить на две группы.

Большие щетки (2 экз.) имеют широкую и длинную рабочую часть (головку) подпрямоугольной формы с округлым краем. Несквозные отверстия для щетины расположены в четыре ряда, в торцовой части имеется по четыре отверстия для фиксации щетины. Шейка, соединяющая головку и рукоять, плавно сужается в середине и расширяется в местах соединения.

Малые щетки (4 экз.) имеют более узкую и короткую рабочую часть (головку) подпрямоугольной (2 экз.) и подовальной (2 экз.) формы. Отверстия для щетины расположены в три ряда, в торцовых частях имеется по три отверстия для фиксации щетины. Шейка, как и у больших щеток, плавно сужается в середине и расширяется в местах соединений.

Две щетки имеют декоративное оформление рукояток. На рукоятке одной из щеток зафиксирован фрагмент циркульного орнамента. Рукоятка другой щетки с обеих сторон украшена прочерченным геометрическим орнаментом в виде вытянутого почти на всю длину рукояти прямоугольника, поделенного на три сегмента, средний из которых заполнен косой прочерченной сеткой.

Костяные зубные щетки встречаются реже, чем гребни, так как щетки привычного для нас облика появились значительно позже и реже использовались в быту. Костяные щетки обнаруживаются в археологических материалах XIX — начала XX в. практически по всей России. В Сибири подобные изделия обнаружены, например, в Красноярске [Комарова, 2020, рис. 3, 2]. На территории Якутии костяные зубные щетки обнаружены только при раскопках на территории Якутска.

Инструменты для гигиены рук (3 экз.) представлены двумя костяными маникюрными инструментами и щеткой для ногтей. Маникюрные инструменты в виде узких удлиненных прямоугольных пластин с двумя фигурными окончаниями и отверстиями для крепления щетины в средней части, представляют собой комбинированные инструменты, сочетающие пушер, кюретку и маникюрную щетку для ухода за ногтевыми пластинами. Один из инструментов цельновырезанный, второй составной, насадка-пушер утрачена, но сохранился шпенок, с помощью которого она крепилась. Как правило, подобные инструменты входили в состав маникюрного набора-несессера, наряду с ножницами, щипчиками, пилками и др.

Костяная щетка похожа на зубную с тремя рядами отверстий для щетины, но идентифицирована как маникюрная на основании соотношения длины головки и рукояти. По мнению некоторых исследователей, щетки, длина рукояти которых примерно равна

длине головки, относятся к маникюрным [Cubitt, 2019]. Головка щетки украшена двумя рядами сквозных круглых отверстий, по пять отверстий в каждом ряду. Обнаруженные маникюрные приборы следует отнести к концу XIX — началу XX в.

Входившие в гигиенический арсенал горожан XVIII — начала XX вв. предметы индивидуальной гигиены свидетельствуют о существовании определенных гигиенических норм и правил у городского населения Якутска относительно соблюдения телесной чистоты как условия сохранения здоровья.

Библиографический список

- Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
- Артемьев А. Р. О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 260–267.
- Комарова О. С. Новобазарная площадь в Красноярске по данным археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Омск; Сургут, 2021. Т. 2. С. 38–42.
- Коростелев Н. Б. Четыре периода в истории отечественной гигиены // Гигиена и санитария. 1996. № 4. С. 45–48.
- Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск древнерусский заполярный город. М., 1977.
- Старков В. Ф. Раскопки Оленёкского зимовья XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1.
- Cubitt R. S. An early type of post-medieval toothbrush // Post-Medieval Archaeology. 2019. No. 3 (53). P. 298–301.

E. N. SOLOVYOVA

BONE PERSONAL HYGIENE ITEMS IN THE INVENTORY OF THE URBAN POPULATION OF YAKUTSK OF THE 18TH — EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF 2020 AND 2023 ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS)

In recent years, archaeological research in the historical part of the city of Yakutsk has intensified. For several centuries the city played the role of a cultural center of the Yakut Territory and became the place of origin of the urban hygienic subculture. During the field seasons of 2020 and 2023, areal excavations were carried out on Yaroslavsky and Chernyshevsky streets, which were part of the urban residential zone from the day of the foundation of the city. The research revealed bone combs, toothbrushes and manicure tools that made up the hygienic sets of the citizens of the 18th — early 20th centuries, which confirmed the existence of certain hygienic norms and rules followed by the urban population of that time.

Elena N. Solovyova — Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia) (Russia, Yakutsk)

E-mail: lenasolo05@mail.ru

И. В. ФРОЛОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК В СУРГУТЕ В 2023 Г.

В ходе охранных археологических раскопок на участке замены городских теплосетей в границах культурного слоя Сургута в 2023 г. выявлен участок городского кладбища при Рождественской церкви. Получен вещевой погребальный комплекс XVII–XIX вв. и материалы для антропологических исследований.

Фролов Иван Викторович — ООО «НПО «Северная археология — 1» (Россия, Нефтеюганск)
E-mail: arqueolog@mail.ru

Культурный слой Сургута поставлен на государственный учет и охрану как выявленный объект археологии постановлением Правительства ХМАО — Югры в 2013 г. [Постановление Правительства ХМАО — Югры «О включении в единый государственный реестр...», 2013]. Это стало результатом исследований 2008–2012 гг., инициированных Сургутским краеведческим музеем. После общественных обсуждений и дискуссий, культурный слой Сургута получил статус достопримечательного места регионального значения. В 2015 г. приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры утверждены границы достопримечательного места, предмет охраны и требования к осуществлению деятельности на его территории [Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры «Об утверждении границ...», 2015]. В 2017 г. границы территории достопримечательного места регионального значения «Культурный слой города Сургута» внесены в Единый государственный кадастр [Вершинин, Визгалов, 2020, с. 112–131; Корчагин, 2008, с. 9–13; Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю., с. 215–223; Святлов, 2013, с. 5–6; Селянина, 2022, с. 12–17; Фролов, 2023, с. 105–110].

В период с 2019 по 2020 гг. в границах достопримечательного места проведены разведки с целью разработки мероприятий по обеспечению сохранности культурного слоя Сургута на участках замены городских коммуникаций. Под руководством сотрудников Историко-культурного научно-производственного центра «Барсова Гора» А. А. Рудя и П. Р. Сташкина была заложена серия шурфов. В большинстве случаев констатировано значительное повреждение культурного слоя, в ряде случаев полная его утрата в следствии строительных работ конца XX — начала XXI в. В одном из шурфов А. А. Рудем зафиксированы сохранившиеся погребения. С целью полного изучения погребений, они были законсервированы до проведения полномасштабных археологических работ [Кардаш, 2020, с. 8–39; Рудь, 2020, с. 36–46; Фролов, 2023, с. 108–110; Чибиряк, 2019а, с. 11–40; 2019б, с. 9–24].

В 2023 г. на участке замены теплосетей во дворе школы № 18 по адресу Просвещения, 17 отрядом ООО «НПО «Северная археология — 1» под руководством И. В. Фролова проведены охранные раскопки. Общая площадь раскопа составила 789,5 кв. м.

На подготовительном этапе, по материалам архивных исследований, установлено, что участок проведения раскопок приходится на место бытования городского кладбища при Рождественской церкви. Известно, что кладбище функционировало до начала XX в. Уже в это время местные жители отмечали необходимость переноса городского кладбища на новое место по причине высокой плотности погребений. Время возникновения Рождественской церкви и кладбища при нем по имеющимся письменным и картографическим источникам установить не удалось. Отметим и расхождение в вопросе атрибуции посвящения самой кладбищенской церкви. По воспоминаниям П. П. Пугно, примыкающие к кладбищу (участку проведения работ) улицы именовались «Богородицкая» (с западной стороны) и «Кладбищенская» (с южной стороны) [Пугно]. По свидетельству других старожилов и материалам Тобольского архива около сургутского городского кладбища находилась церковь Рождества Богородицы [Письмо..., 2024].

В ходе раскопок 2023 г. установлено, что культурный слой на участке проведения работ в значительной части поврежден, а местами полностью уничтожен хозяйственными

работами 1986–1995 гг. на 76 % площади раскопа. В северной части раскопа не только культурный слой, но и материк затронут строительством тепловой камеры. После демонтажа тепловой камеры, материк зафиксирован на глубине 6 м от дневной поверхности. При контроле техногенного слоя найдено несколько человеческих костей, включая фрагменты черепа. Это указывает на существование погребений на этом участке работ в прошлом. Восточная часть раскопа затронула котлован подземных гаражей, углубленных в материк более чем на 8 м от дневной поверхности. Граница заполнения котлована четко видна в планиграфии раскопа. В южной части раскопа зафиксирована нетронутая погребенная дневная поверхность. Удалось зафиксировать южную границы распространения кладбища в сторону жилого многоэтажного дома по адресу ул. Просвещения, 17. Нашло свое подтверждение существование на месте ул. Просвещения более ранней, обозначенной на плане 1917 г. как «Кладбищенская». Наличие нетронутых растительного покрова и подзола позволяют утверждать существование незастроенной улицы вдоль южной границы кладбища и в более раннее время.

Несмотря на значительные повреждения, на 24 % площади раскопа сохранился фрагмент исторического городского кладбища в центральной части раскопа, уходящей в западный профиль. Всего на сохранившемся участке кладбища выявлено 56 могильных сооружений разной степени сохранности. Погребения совершены друг над другом в 6 стратиграфических ярусах.

Зафиксированы несколько разных типов гробовых конструкций, что позволяет проследить их эволюцию. Среди погребений выделена группа, где фиксируется использование бересты. В некоторых случаях погребенных укладывали в гроб предварительно обернув берестой, реже встречаются погребения, обернутые берестой без гробовых сооружений. В одном случае мы зафиксировали остатки традиционного женского костюма обских угров: две пуговицы в районе шеи и фрагменты крестовидных свинцовых нашивок декора. В одном мужском погребении обнаружены останки человека без одной ноги. Вместо ноги в погребение уложен деревянный костыль. Пока не ясно, является ли это фактом протезирования, или символического восполнения утраты. В одном погребении под головой умершего обнаружены остатки птичьего крыла, специально положенного.

За период с 2008 по 2020 гг. в археологическом материале Сургута не был найден ни один предмет личного благочестия (нательный крест, иконка и т. п.). На раскопе 2023 г. собрана коллекция из 16 крестов, включая один католический (протестантский?). Несмотря на неудовлетворительную сохранность органических материалов в песчаных грунтах, удалось получить внушительную подборку образцов тканей (45–50 экземпляров). По предварительным данным, среди тканей присутствуют два вида шелка, несколько видов шерстяной ткани и небольшое количество тканей из волокон растительного происхождения (крапива или конопля). Зафиксированы следы окрашивания тканей, края и шитья.

Площадные раскопки остаются единственным эффективным способом получения новой достоверной исторической информации о прошлом Сургута и его жителей.

Библиографический список

Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута XVII в. // Северный регион: наука, образование культура. Сургут, 2020. Вып. 1 (45). С. 112–131.

- Кардаш О. В. Акт государственной историко-культурной экспертизы Раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Культурный слой Сургута» в рамках строительства объекта: «Тепломагистраль № 6 от котельной № 3 по ул. Майская, Гагарина от котельной № 3 – 5ТК1Б – 6ТК14 – 5ТК13. участок от 6ТК14 до 5ТК13» в г. Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» № 20-16/К от 26.12.2020 // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/f3b/Akt-GIKE-_20_16K_Razd_GTS_KS-Surguta_Tepl6_sign.pdf (дата обращения: 09.03.2024).
- Корчагин П. А. Раскопки в историческом центре Сургута в 2008 году // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Материалы II научно-практической конференции. Сургут, 2008. С. 9–13.
- Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю. О поисках Сургута «погребенного» в Сургуте современном // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 21–223.
- Письмо исх. № СКМ-01-206/4 от 15.02.2024.
- Постановление Правительства ХМАО – Югры «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 14.11.2013 № 480-п.
- Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры «Об утверждении границ, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Культурный слой Сургута» от 25.02.2015 № 1-нп.
- Пugno П. П. Схема. Сургут 1917 г. (со старыми названиями улиц) // Сургутский краеведческий музей. СКМ НВ-898.
- Рудь А. А. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологическая разведка в Сургутском районе ХМАО – Югры, проведенная в 2019». Сургут, 2020. Кн. 2.
- Святлов В. Н. Отчет о проведении археологических раскопок ОКН регионального значения «Исторический культурный слой г. Сургута» в г. Сургут ХМАО – Югра в 2012 г. Екатеринбург; Сургут, 2013.
- Селянина М. Ю. Проблемы сохранения достопримечательного места в городской среде // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «VIII Бальчиковские чтения» (г. Сургут, 8–9 декабря 2020 г.). Сургут, 2022. С. 12–17.
- Фролов И. В. История археологического изучения города Сургута // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М., 2023. С. 105–110.
- Чибирик В. Э. Акт государственной историко-культурной экспертизы Раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательного места «Культурный слой Сургута» в рамках проекта: «Тепломагистраль № 6 от 6ТК14 до ЦТП-65. Участок от 6ТК14 до ЦТП-65», г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» № 02-19/Ч от 29.07.2019а // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/20b/Akt-GIKE-_02_19_CH_Razdel_TSTP-65_sign.pdf (дата обращения: 09.03.2024).
- Чибирик В. Э. Акт государственной историко-культурной экспертизы раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательного места «Культурный слой Сургута» в рамках проекта: «Комплекс сетей тепловодоснабжения от ЦТП-66 в мкр. 10. Участок сетей тепловодоснабжения от ТК-7 до ввода в ж. д. ул. Просвещения, 17», г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» № 03-19/Ч от 29.07.2019б // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://nasledie.admhmao.ru/upload/>

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

iblock/5a4/6esnceonq8txlixue4yb2h5078146vat/Akt_GIKE_03_19_CH_Razdel_TSTP_66_sign_s-podpisyami_.pdf (дата обращения: 09.03.2024).

I. V. FROLOV

PRELIMINARY RESULTS OF 2023 SALVAGE EXCAVATIONS IN SURGUT

During the 2023 salvage archaeological excavations in the area of replacement of the city heating networks within the boundaries of the cultural level of Surgut, we found a section of the city's Nativity Church cemetery. The team obtained a 17th–19th centuries burial complex and materials for anthropological research.

Ivan V. Frolov – LLC “SPA “Northern Archaeology – 1” (Russia, Nefteyugansk)

E-mail: arqueolog@mail.ru

Л. В. ШЕСТАКОВА

ТКАЧЕСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIII–XIX ВВ.

В докладе рассмотрено развитие ткачества на территории Западной Сибири в период XIII–XIX вв. Представлена информация о сырье, ткацких станках и структуре вырабатываемых тканей. Археологические текстильные материалы позволили определить разнообразные техники ткачества, характерные для жителей Сибирского региона.

Шестакова Лариса Владимировна – Центр народных художественных промыслов и ремесел (Россия, Урай)

E-mail: super.shkola-remesel@yandex.ru

В Сибири ткачество было известно с древности и развивалось постепенно в соответствии с этапами становления ткацкого производства. Подтверждением наличия древнего ткачества на территории Сибири являются свидетельства изготовления тканей из шерсти и растительного сырья на вертикальном ткацком станке II–I тыс. до н. э. На базе заимствованной технологии на территории Западной Сибири сформировалась собственная ткацкая традиция, адаптированная к местному растительному сырью. Западносибирское ткачество развивалось аналогично финно-угорскому ткачеству Восточной Европы. Древнему населению Сибири в различные хронологические периоды были известны способы обработки самого разного сырья, а также техники ткачества на вертикальном и горизонтальном станках. По предположению ученых, на территории Западной Сибири в бронзовом и раннем железном веках технология изготовления тканого текстиля была воспринята местным населением от переселенцев, принесших культурные традиции других народов [Глушкова, 2002, с. 120].

Традиции изготовления текстиля среди населения Сибири были связаны не только с распространенными видами сырья – растительным или шерстяным, но и с особенностями их хозяйственных занятий. Получению шерстяной пряжи и нитей из растительных материалов предшествовала обработка сырья, в зависимости от которой планировались свойства и тонина нитей. Растительным сырьем для получения нитей являлись крапива, дикая конопля (кендырь), позже – лен, культурная конопля. Крапива являлась наиболее

распространенным растительным сырьем для развития ткачества. Обработка волокон дикорастущих травянистых растений имела в Сибири узколокальное распространение и встречалась у некоторых групп западносибирских татар, угров, шорцев, северных алтайцев. Остяки и вогулы из крапивных нитей ткали полотна, из которых шили рубахи [Сосновский, 1934, с. 42–43].

Для изготовления тканей из растительного сырья применяли традицию изготовления однонаправленно крученых нитей Z-крутка или S-крутка. Для основы использовали более тонкие, ровные и круче свитые нити. Изменения в тонине нитей основы и утка наблюдаются с эпохи раннего железного века. В средние века прослеживается разное направление кручения нитей в утке S-крутка, в основе Z-крутка, при этом, параметры нитей оставались прежние. Такая направленность кручения нитей из растительного сырья просуществовала недолго и закончилась в XVII–XVIII вв. [Глушкова, 2002, с. 72–74].

Шерстяные ткани появились на территории Западной Сибири со второй половины II тыс. до н. э., что связывают с распространением андроновской культуры. Широкое распространение шерстяные ткани получили в эпоху раннего железного века (кулайская, саргатская археологические культуры). В Средневековье в Сибири появились суконные ткани и вместе с ними пришла традиция изготовления шерстяных тканей полотняного переплетения с разнонаправленной круткой нитей в основе и утке. Для северных районов Западной Сибири шерстяные ткани являлись «импортом». В изготовлении сукна для получения ровного полотна и однородного плотного настила использовали нити одинаковой тонины, но разного направления крутки. Для быстрого получения полотна, в процессе ткачества применяли более толстый уток. Такая традиция ткачества прослеживается с глубокой древности и до начала XX в. [Глушкова, 2002, с. 74].

В эпоху бронзы на территории юга Западной Сибири существовал развитый центр древнего ткачества. Основным типом ткацких приспособлений являлся вертикальный ткацкий станок. Археологический текстиль, обнаруженный на территории Западной Сибири до XIII–XIV вв., был изготовлен на вертикальном ткацком станке. На нем же выработывали саржевые ткани по традиционной технологии еще в XVI–XVII вв. в Томско-Нарымском Приобье и на Чульме.

В XV–XVI вв. на смену вертикальному пришел горизонтальный ткацкий станок усовершенствованного типа, на котором изготовляли ткани полотняного переплетения. Одним из наиболее изученных является хантыйский ткацкий станок, описанный в записях многих путешественников и исследователей Сибири в XVIII–XIX вв. Подробно рассмотрен в работах У. Т. Сирелиуса и А. А. Попова [Попов, 1955, с. 122–124]. Принципы устройства и работы станка аналогичны реконструированному русскому ткацкому станку X–XIII вв. Аналогичные станки встречаются у юго-западных татар Сибири, финно-угорских народов (чуваша, марийцы) [Там же, с. 125; Сирелиус, 2001, с. 38]. В XVIII–XIX вв. на горизонтальном станке остяки и вогулы изготавливали крапивные и конопляные полотна, которые использовали для пошива рубах, украшенных вышивкой из цветных шерстяных нитей.

Растительные ткани полотняного переплетения на территории Западной Сибири были известны с эпохи раннего железного века, включая андроновское время, их изготавливали вплоть до конца XIX — начала XX в. Они имели простой характер переплетения, при этом обладали разным соотношением плотности по основе и утку.

В эпоху бронзового и раннего железного веков шерстяные ткани полотняного переплетения имели одинаково скрученные нити Z-кручением и практически одинаковой тонины. Для текстиля эпохи бронзы характерна почти одинаковая плотность по основе и утку. С XIII–XIV вв. появляются шерстяные ткани полотняного переплетения с разнонаправленно скрученными нитями основы и утка Z и S кручения. Эта традиция в изготовлении шерстяных тканей сохранилась до XVII–XVIII вв.

Традиция изготовления саржевых тканей из шерсти сохранились на протяжении почти двух тысячелетий. В X–XIV вв. изготавливали текстиль с одинаково направленной Z-крутки нити в основе и утке. В XV–XVII вв. в производстве шерстяных тканей саржевого переплетения сохранились многие характерные особенности, которые можно считать традиционными для этого вида текстиля. Саржевые ткани из растительного сырья выработывали из толстых нитей, которые по своей функциональности были не особо практичны. Толстые, рыхлые и тяжелые ткани, имели небольшую плотность, и были легко продуваемы, в отличие от шерстяных тканей аналогичной структуры.

Ткани репсового переплетения имели характерную особенность — в полотне ткани не видна одна из структур нитей (уточная или основная в зависимости от того, плотность которых из них преобладает). Репсовое переплетение из растительного сырья преобладало в ранний железный век и Средневековье.

Производство суконных тканей на территории Западной Сибири было широко распространено в позднем Средневековье и до XIX в. Большое количество суконных тканей обнаружено на территории Сургутского и Томско-Нарымского Приобья. Для изготовления сукна применяли способ полотняного переплетения нитей. С XIII–XIV вв. и до XIX в. на территории Западной Сибири преобладали суконные ткани фабричного и ремесленного изготовления, с разнонаправленной круткой нитей в основе и утке. Суконные ткани саржевого переплетения встречались гораздо реже. В материалах XVI–XVII вв. традиционный саржевый текстиль получил новое качество — настил [Глушкова, 2002, с. 97]. На территорию Западной Сибири суконные ткани могли быть импортированы из Новгорода, хотя возможно и их местное изготовление, особенно в XVII в. В отдаленных районах Сибири в XV–XVI вв. преобладало местное изготовление (копирование) суконных тканей. Сукно оказалось материалом, максимально приспособленным для одежды на севере. В условиях сурового климата оно обладало хорошими теплозащитными свойствами. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что предпочтительнее были фабричные суконные ткани более высокого качества [Глушкова, 2002, с. 98].

В Сибири полушерстяные ткани появились в XIII–XIV вв. и были изготовлены по технологии полотняного переплетения. Использовалась основа из растительного сырья, уток шерстяной. Такое соотношение сырья в утке и основе сохранялось вплоть до XIX в.

Текстиль Западной Сибири представлен в виде находок текстильных фрагментов, обнаруженных в процессе раскопок археологических памятников. В культурном слое почвы сохранились археологические текстильные фрагменты, которые дали возможность изучить состав нитей, цвет и способы ткачества. Технология изготовления тканых изделий универсальна и состоит из определенных этапов технологического процесса.

Художники-конструкторы «Центра народных художественных промыслов и ремесел» (далее — Центр ремесел) начали работу по изучению традиционных технологий ткачества Западной Сибири. Основываясь на материалах Т. Н. Глушковой [2002, с. 45–51], изучены

археологические текстильные образцы Сургутского Приобья: Могильник Киняминский 2 XIII–XIV вв. (Сургутский район) образец 14; Могильник Усть-Балык, комплекс XV — начала XVI вв., образец 15; Могильник Сайгатино III, комплекс XIII–XIV вв. (Сургутский район), образец № 23. На основе изученных археологических фрагментов определены способы ткачества: саржа 2/2, основной репс, полотняное переплетение.

Посредством реализации приемов и технологий начата реконструкция способов ткачества по выбранным образцам. Техники ткачества представлены в виде тканых платков и шалей. Платок саржевого переплетения 2/2 выполнен из нитей растительного и шерстяного сырья. Размер изделия 80 × 76 см, края платка декорированы тканой тесьмой, выполненной на дощечках. Шаль тканая, выполненная в технике основной репс. Размер изделия 120 × 119 см. В технике полотняного переплетения представлены платок и шаль (2 ед.). Шаль в технике полотняного переплетения декорирована длинной бахромой из растительных нитей. Размер изделия 120 × 128 см. Платок в технике полотняного переплетения выполнен по оригиналу женского платка *ухшам* по материалам музейных коллекций г. Хельсинки (Финляндия). Размер платка 90 × 90 см. Пестрядинный платок выполнен из шерстяных нитей. Сочетание разного цвета нитей в основе и утке образуют узор в виде мелких и крупных клеток [Шестакова, 2022, с. 165]. Края платка декорированы бисерными нитками. По углам пришиты плетеные бисерные пронизки, к которым прикреплены оловянные пластины. Платок надевали на голову таким образом, чтобы угол платка можно было приподнять перед лицом правой рукой. Так женщины защищались от взглядов мужчин. Подвески по краю платка усиливали защитный эффект.

По архивным экспедиционным фотографиям конца XIX в. финских, французских и др. ученых и путешественников отмечено ношение тканых пестрядинных головных уборов фабричного производства [Шестакова, 2022, с. 160]. Платки домашнего изготовления были заменены на тканые пестрядинные шали и хлопчатобумажные платки с набивными цветочными узорами. Чаще всего платки и шали были выполнены из шерстяных нитей. В этнографических материалах и музейных коллекциях встречаются шелковые и хлопчатобумажные клетчатые платки. Ткацкое ремесло среди остяков и вогулов было не развито, поэтому платки были покупными. Их декорировали длинной или короткой бахромой, которую пришивали по периметру платка. Важным элементом украшения платка были подвески в виде бисерных нитей или плетеных бисерных пронизок, которые представляли из себя плетеные ленты длиной 5–7 см. Украшали платки бубенчиками и металлическими отливками. При ходьбе подвески издавали мелодичный негромкий звук. Платки с короткой бахромой были небольших размеров 65–80 × 65–80 см [Бауло, 2013, с. 166]. Платки и шали были распространены среди женщин остячек и вогулов в XIX в., их ношение продолжалось до середины XX в. По мнению У. Т. Сирелиуса, Н. Ф. Прыткова, Е. Г. Федоровой и др. платки и шали являлись наиболее распространенными головными уборами.

Разнообразные виды платков и шалей представлены в художественных проектах «Звон священного металла» и «Сказ о ткацком стане» Центра ремесел.

Библиографический список

- Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995.
 Бауло А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2013.
 Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, 2002.

VI СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СУРГУТ, 8–11 ОКТЯБРЯ 2024)

- Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1955. Т. 16. С. 41–146.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.
- Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 92–96.
- Шестакова Л. В. Платки остяков, вогулов XIX в. // Коды. Истории в текстиле. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (23 мая 2022 г.). СПб., 2022. С. 158–161.
- Шестакова Л. В. Платки остяков, вогулов XIX в. // Мода и дизайн: исторический опыт-новые технологии: материалы XXV международной научной конференции. СПб., 2022. С. 163–166.

L. V. SHESTAKOVA

WEAVING IN WESTERN SIBERIA IN THE 13TH–19TH CENTURIES

The report examines the evolution of weaving in Western Siberia during the 13th–19th centuries. The author provided information on raw materials, looms and the structure of produced fabrics. Archaeological textile materials made it possible to identify a variety of weaving techniques characteristic for the population of the Siberian region.

Larisa V. Shestakova — Center of Folk Arts and Crafts (Russia, Uray)
E-mail: super.shkola-remesel@yandex.ru

МУЗЕЙ, КУЛЬТУРА, ЭТНИЧНОСТЬ

MUSEUM, CULTURE, ETHNICITY

А. Б. АГАРКОВА, М. Ю. СЕЛЯНИНА

СУРГУТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ И ПРОЕКТАХ МУЗЕЯ

Представлена краткая история формирования и общая характеристика части археологического собрания Сургутского краеведческого музея, относящаяся к «русскому» периоду истории Сургута (конец XVI — начало XX вв.). Отмечены основные проблемы и подходы к комплектованию коллекций. Обозначена структура и состав фондового собрания, где традиционно для «русских» коллекций доминируют изделия из керамики, железа и сплавов, кожи и дерева, представленные в большинстве фрагментарно. Особое внимание уделено представлению предметов коллекции «Исторический слой Сургута» в выставочных и интерактивных проектах музея, посвященных истории города. Интерактивная «Карта земли Сургутской» одновременно содержит максимальное количество предметов указанной коллекции и вызывает стабильный интерес посетителей.

Агаркова Анна Брониславовна — к. культ., Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут)

E-mail: anna-agarkova@rambler.ru

Селянина Марина Юрьевна — Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут)

E-mail: selyanina@admsurgut.ru

Фонд археологии Сургутского краеведческого музея имеет почти 50-летнюю историю комплектования. Его коллекции качественно иллюстрируют историю Среднего Приобья от неолита (V–IV тыс. до н. э.) — до начала XX в. Однако период «русского» освоения Сибири в собрании музея представлен недостаточно.

Первые «русские» предметы (XVII–XIX вв.) поступили в музей в 1983 г. Четыре фрагмента слюдяного окна — «шитухи» были случайными находками, обнаруженными в траншее на глубине 2 м. Другая случайная находка — бляха ременная узорная с зубчатым краем поступила в музей в 1995 г. [Агаркова, 2013, с. 78, 79].

Отсутствие предметов, относящихся к первым векам истории Сургута, объясняется фактическим уничтожением культурного слоя Сургута (конца XVI — первой половины XX вв.). В середине 1980-х гг. в ходе индустриальной застройки деревянный город был снесен. Его место заняла плотная современная застройка.

Формирование соответствующих коллекций стало одной из сложнейших задач фондообразования. В 2008 г. музей инициировал масштабные археологические изыскания, с привлечением всего комплекса письменных источников. Под руководством к.и.н. П. А. Корчагина при участии Сургутского краеведческого музея началось археологическое обследование территории, совпадающей с местоположением Сургута XVI — начала XX вв. Задачей археологов было выявление границ Сургутского острога [Корчагин, 2008, с. 10].

В 2012 г. исследования были продолжены и велись под руководством В. Н. Святова, С. Е. Чаиркина, с участием к.и.н. П. А. Корчагина и сотрудников музея. Несмотря на плотную современную застройку, в городе точечно сохранились культурные напластования XVII–XIX вв. Это определило необходимость их дальнейшего исследования и государственной охраны. В 2012 г. С. Ю. и С. Г. Пархимович подготовили научно-проектную документацию для обоснования Достопримечательного места «Культурный слой Сургута» [2013, с. 220].

С 2015 г. музей ведет наблюдения при проведении ремонтных работ в границах достопримечательного места. В траншеях с технологическим оборудованием изредка

фиксируется незначительный культурный слой XVII–XIX вв. Натурные работы мало способствуют пополнению коллекции.

Однако популяризация достопримечательного места стала формировать внимательное отношение горожан к историческому прошлому. В музей передают ранее найденные предметы, оперативно поступает информация о проведении несанкционированных работ в границах культурного слоя.

Материалы раскопок позволили музею сформировать коллекцию «Исторический слой Сургута» численностью 407 предметов. Большая часть — фрагменты керамической посуды (не менее 172 сосудов). Вторая по численности группа — изделия из металла (79 предметов). «Археологическая кожа» представлена в количестве 32 фрагментов. Среди предметов из дерева особенно интересны формы для литья блесны и орнаментированные крышки берестяных коробок. Также имеются фрагменты изделий из кости и ткани [Агаркова, 2017, с. 212].

Фрагментарность коллекции, получаемой в условиях значительной утраты культурного слоя Сургута, подтверждает правильность подходов в комплектовании «русских» археологических материалов. В начале 2000-х гг. для расширения диапазона предметов XVI–XIX вв. было принято решение о приеме коллекций хронологически близких и типичных для первых русских городов и поселений севера Западной Сибири.

Благодаря археологическим исследованиям и издательским проектам ООО «НПО «Северная археология — 1» фрагментарные коллекции становятся «говорящими» и занимают достойное место в экспозиционных залах музея.

С 2009 г. сургутские археологические материалы используются в масштабных стационарных выставках. Коллекция «Исторический слой Сургута», дополнительно проиллюстрированная картами, гравюрами, копиями документов была представлена на выставках «Город белых ночей» (2009 г.), «Люди. События. Факты» (2010 г.), «Перекресток времен» (2013 г.), «Сквозь грани эпох» (2015 г.), «1594» (2019 г.).

В этот период началось активное внедрение в музейную сферу информационных инструментов и технологий. В 2014 г. была представлена «Интерактивная карта исторических и памятных мест г. Сургута», выполненная в формате 2D.

С этого времени цифровое картирование прочно входит в музейный обиход. Это позволяет расширить возможности восприятия места и его истории. С этой целью был разработан проект «История в одно касание», одним из элементов которого является интерактивная «Карта земли Сургутской». Значительная часть ее визуального ряда представлена археологическими коллекциями музея. Хронологический диапазон карты: VI в. до н. э. — XX в.

В настоящее время в максимально широком объеме коллекции «русской археологии» Сургута и сопредельных территорий представлены на масштабной исторической выставке «Город С».

Библиографический список

- Агаркова А. Б. Коллекция случайных находок в археологическом собрании Сургутского краеведческого музея // *Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: материалы третьей научно-практической конференции*: в 2 ч. Сургут, 2013. Ч. 1. С. 76–80.
- Агаркова А. Б. Проблемы комплектования «русских коллекций» в археологическом собрании Сургутского краеведческого музея // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2017. С. 311–315.

Корчагин П. А. Раскопки в историческом центре Сургута в 2008 году // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: материалы II научно-практической конференции. Сургут, 2008. С. 9–13.

Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю. О поисках Сургута «погребенного» в Сургуте современном // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 215–223.

A. B. AGARKOVA, M. Yu. SELYANINA

SURGUT IN ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS AND MUSEUM PROJECTS

The paper presents a brief history of the formation and the general characteristics of the part of the archaeological collection of the Surgut Regional History Museum, relating to the “Russian” period in the history of Surgut (late 16th – early 20th century). The authors outlined the main problems and approaches to the compilation of collections. Attention is paid to the structure and composition of the museum funds, where traditionally for the “Russian” collections, the dominant group consisted of ceramic, iron and alloys, leather and wood items, most of which were represented only fragmentarily. Particular attention is paid to the presentation of items from the “Surgut Historical Level” assemblage in the museum’s exhibition and the interactive projects dedicated to the history of the city. The interactive “Map of the Surgut Land” displays a maximum number of items from the said assemblage and arouses the steady interest of the visitors.

Anna B. Agarkova – Candidate of Cultural Studies, Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut)

E-mail: anna-agarkova@rambler.ru

Marina Yu. Selyanina – Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut)

E-mail: selyanina@admsurgut.ru

A. B. АГАРКОВА, М. Ю. СЕЛЯНИНА

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СУРГУТА

Представлена краткая история археологического изучения территории Сургута. В настоящее время в пределах г. Сургута зафиксировано 16 объектов культурного наследия: 14 объектов археологии и 2 памятника архитектуры. С 1992 г. инициатором, организатором и участником археологического изучения территории Сургута является Сургутский краеведческий музей. Кроме того, музей прилагает значительные усилия для сохранения и музеефикации объектов археологии. Отдельным направлением археологического изучения Сургута стала городская археология, относящаяся к «русскому» периоду (конец XVI – начало XX вв.). Изучение культурного слоя города как самостоятельного объекта археологического наследия началось в 2008 г.

Агаркова Анна Брониславовна – к. культ., Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут)

E-mail: anna-agarkova@rambler.ru

Селянина Марина Юрьевна – Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут)

E-mail: selyanina@admsurgut.ru

Первые археологические изыскания в черте г. Сургут предприняты в 1968 г. [Сухина, 2002, с. 14]. Первым памятником, попавшим в поле зрения археологов, стало городище Сургутское I [Осоткина, 1978]. В 1992 г. экспедицией Сургутского краеведческого музея проведено его обследование, а также открыто поселение Чернореченское I на правом берегу р. Черной.

Состояние памятников требовало проведения спасательных археологических раскопок. Исследования были осуществлены в 1993–1994 гг.

На поселении Чернореченское I двумя раскопами площадью 164 и 152 кв. м исследованы две жилищные впадины, датированные эпохой бронзы и отнесенные впоследствии к кульгганскому культурному типу памятников [Косинская, 1998, с. 87–94].

На двух раскопах средневекового городища Сургутское I вскрыты остатки жилищных построек и часть фортификаций. Также были картографированы три поселения: Сургутское I – рядом с городищем, Сургутское II и III – на некотором удалении от него [Зыков, 1993].

В 1998 г. в западной части города было выявлено пять объектов по правому берегу протоки Боровая: одиночные впадины Сургутское IV, VI и VIII и группы впадин Сургутское V и VII [Селянина, 2022].

В 2000 г. при экспертизе участка, отводимого под размещение парка в районе ручья Кедровый Лог на правой береговой террасе открыты группа впадин Сургутское IX и одиночную впадину Сургутское X [Шатунов, 1999].

В 2002 г. для предупреждения дальнейшего разрушения объекта городище Сургутское I осуществлена рекультивация поверхности площадки памятника. В результате проведенных работ городище Сургутское I, расположенное в парковой зоне, включено в популярный городской туристический маршрут [Селянина, 2000, с. 177]. В 2012 г. для подготовки проектов охранных зон проведена дополнительная инструментальная топосъемка и оценка состояния городища Сургутское I и поселений Сургутское II и III [Ведмидь, 2016, с. 11–16].

К 2008 г. относится начало «городской археологии» Сургута – изучения культурного слоя города как самостоятельного объекта археологического наследия. Сургутский краеведческий музей приступил к планомерному археологическому обследованию исторического центра Сургута. Выявлены следы квартальных оград, жилое строение XIX в., фрагмент постройки. Проведена работа по сбору и анализу архивных и литературных источников, связанных со строительством г. Сургута в XVI–XVIII вв. [Корчагин, 2008, с. 7–26]. В 2009 г. памятник внесен в Список выявленных ОКН ХМАО – Югры за № 4279.

В 2012 г. работы продолжились. Исследована часть улицы конца XVI – начала XVII в. Выполнены работы для разработки научно-проектной документации к обоснованию достопримечательного места «Культурный слой Сургута» и подтверждения границы распространения культурного слоя [Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю., 2013, с. 215–221]. В 2013 г. достопримечательное место «Культурный слой Сургута» включено в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ. В 2015 г. утверждены граница, предмет охраны и требования к осуществлению деятельности в границах территории объекта.

В 2019 г. на проектируемом участке дороги в г. Сургут и в пгт. Белый Яр в Сургутском районе выявлена группа впадин Сургутское V. Проведены топографическая съемка, закладка стратиграфических разрезов для установления его границ и пр. На участках замены городских теплосетей выявили и законсервировали до проведения раскопок могильные сооружения, предварительно датированные XVIII – началом XX вв.

В 2020 г. разведкой был обследован лесной массив парка «За Саймой», где выявили селище «Сайма 1» [Агаркова, 2021, с. 2–3].

В 2023 г. на ранее выявленном участке с могильными сооружениями проведены охранные раскопки на площади около 730 кв. м [Фролов, 2024, с. 3].

История исследований на территории древнейшего города Сибири продолжается...

Библиографический список

- Агаркова А. Б. Отчет о НИР «Археологическая разведка на территории г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области в 2020 г.» Сургут, 2021.
- Ведмидь Г. П. Комплексные исследования урочища Кедровый Лог в городе Сургуте // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «V Бахлыковские чтения», г. Сургут, 14–17 октября 2014 года. Сургут, 2016. С. 11–16.
- Зыков А. П. Отчет о работах в Тюменской области летом 1993 г. Екатеринбург, 1993. Т. 1: Раскопки Сургутского I городища в Сургуте // АКА ПНИЛ ЦАИ УрГУ. Ф. II. Д. 551.
- Корчагин П. А. Отчет о НИР «Рекогносцировочные археологические исследования в историческом центре г. Сургута в 2008 году». Пермь; Сургут, 2008 // Архив СКМ. Ф. 04. Оп. 28. Д. 17.5.
- Косинская Л. Л. Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998. С. 87–102.
- Осоткина Л. А. Отчет о разведке по окраине г. Сургута, 1978 г. Свердловск, 1978 // Архив ИА РАН. Р-1/7159.
- Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю. О поисках Сургута «погребенного» в Сургуте современном // Археология Севера Евразии от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 215–221.
- Селянина М. Ю. Акт историко-культурной экспертизы участка. Восточно-Сургутское месторождение. Сургут, 2000 // Архив АУ «Центр охраны культурного наследия». Д. 720. Инв. № 2157.
- Селянина М. Ю. Проблемы сохранения достопримечательного места в городской среде // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «VIII Бахлыковские чтения» (г. Сургут, 8–9 декабря 2020 г.). Сургут, 2022. С. 12–17.
- Сухина Л. В. Жаркое лето «68-го» // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 13–15.
- Фролов И. В. Отчет о НИР «Охранные раскопки в г. Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югра в 2023 г.» Нефтеюганск, 2024.
- Шатунов Н. В. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1998 г. Сургут, 1999 // БИИКФ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 99.

A. B. AGARKOVA, M. Yu. SELYANINA

ON THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN SURGUT

The report offers an overview of the history of archaeological study of Surgut territory. Currently, sixteen cultural heritage sites have been recorded within the Surgut city territory: Fourteen archaeological sites and two architectural objects. Since 1992, the Surgut Regional History Museum acted as the initiator, organizer and a participant of archaeological research of the Surgut territory. In addition, the museum makes significant efforts for the preservation and museumification of archaeological objects. A distinctive area in the archaeological study of Surgut is the urban archaeology focusing on the Russian period of the city's history (the late 16th – early 20th centuries). The study of the cultural level of the city as an independent archaeological heritage object began in 2008.

Anna B. Agarkova – Candidate of Cultural Studies, Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut)

E-mail: anna-agarkova@rambler.ru

Marina Yu. Selyanina – Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut)

E-mail: selyanina@admsurgut.ru

И. Р. АТНАГУЛОВ

СЛАВЯНЕ И ТЮРКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ С СЕРЕДИНЫ XIX ДО НАЧАЛА XXI В.

В этнической истории Северной Евразии лесостепное Зауралье в XVIII–XIX вв. являлось южной периферией зоны славянской колонизации континентального масштаба, охватывавшей на протяжении нескольких столетий территории от Поморья до Западной и Южной Сибири. Эту же территорию можно охарактеризовать как звено линии южного фронта восточного (северо-восточного) вектора русской колонизации. Если в северной части этого колонизационного русла славяне вступали в контакты с народами финноугорской и самодийской групп, то на юге это были контакты с тюрками. Взаимодействия русских с татарами, башкирами и казаками привели к появлению множества новых этносоциальных, этноконфессиональных и тому подобных групп. Наиболее многочисленной социальной группой региона являлись казаки, среди которых, кроме русских, были украинцы, калмыки, башкиры, татары и др. Славяно-тюркские контакты привели к формированию новых идентичностей — прилинейных казахов, перешедших на оседлость; в составе казаков — тюркоязычных мещеряков, тептярей, нагайбаков и других. Целью исследований являлась диагностика и мониторинг динамики этничности этих групп. По современным полевым данным у некоторых из них этничность усилилась (нагайбаки), у других трансформировалась в амбивалентную (мещеряки, тептяри). Представляют интерес потомки прилинейных казахов, у которых российская гражданская идентичность конкурирует с этнической.

Атнагулов Ирек Равильевич — д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Лесостепное Зауралье и Западная Сибирь со второй трети XVIII в. вовлекаются в процесс политико-административного и социального строительства. Целью государства было обеспечение безопасности в приграничье при помощи увеличения русского военного компонента. Автохтонами региона были башкиры и казахи нескольких родов Среднего и Младшего Жузов. С созданием Оренбургской губернии возникло местное казачество — новая социальная группа с разными этническими компонентами. Кроме русских, среди казаков были украинцы, калмыки, башкиры, татары (мусульмане и крещенные). Уже во второй половине XVIII в. основными этническими массивами здесь стали два — славянский и тюркский. Первые — это восточные славяне, вторые — северо-западные тюрки. Целью наших исследований была диагностика и мониторинг динамики этничности этих групп. В задачи входило изучение генезиса новых идентичностей и современного состояния их этнической культуры и самосознания. Основными исследуемыми компонентами были хозяйственно-экономическая деятельность, системы питания, религиозное состояние, рейтинги идентичностей среди современного населения. Исследования проводились в Челябинской области методами сбора полевых данных (анкетирование), изучения архивных материалов (РГИА, фонды МВД) и статистических данных середины XIX — начала XXI вв. Усложнение этнического состава населения и славяно-тюркские контакты в Приуралье привели к формированию новых идентичностей. Уже в середине XIX в. документы фиксируют группу казахов, отказавшихся перекочевать вглубь степи и добровольно поселившихся рядом с русскими. Администрация называла их «прилинейными киргизами», то есть живущими вдоль казачьих линий [РГИА. Ф. 853.

Оп. 2. Д. 65. Л. 93об.]. Их потомки — казахи Челябинской области, которые раньше других перешли на оседлость и имели тесные контакты с русскими. Перепись 1897 г. зафиксировала такие этнические феномены как мешчеряки и тептяри [Первая Всеобщая перепись населения..., 1904, с. 3], а в 1926 г., зафиксированы мишари, тептяри, кряшены и нагайбаки [Всесоюзная перепись населения 1926 года...]. Потомки мешчеряков и тептярей, называясь татарами, сохранили прежнее самосознание, транслируя амбивалентную идентичность. Самосознание кряшен и нагайбаков отражено в результатах переписей населения 2002 г. [Всероссийская перепись населения 2002 года], 2010 г. [Всероссийская перепись населения 2010] и 2020 г. [Итоги ВПН-2020]. Несмотря на дискуссию об их этнических статусах, следует отметить чрезвычайно высокий уровень самосознания этих групп. Как результат славяно-тюркских взаимоотношений возникли группы не принявшие христианство чувашей — язычников и мусульман. Их предки, спасаясь от принудительной христианизации мигрировали в Приуралье. Результатом подобных, только славяно-финноугорских контактов, стало появление таких самобытных групп как восточные марийцы и закамские удмурты. Их потомки, не утратив общеэтнического самосознания, выработали абсолютно оригинальные комплексы культуры. Наиболее наглядным примером результатов славяно-тюркских взаимодействий являются нагайбаки. По всему комплексу хозяйства и культуры они обнаруживают связи как с тюрками, так и со славянами. Эта особенность позволила им занять ключевую роль во взаимодействии славян с тюрками. При этнографическом описании одной из важных характеристик является хозяйственно-экономический уклад народа. Адаптация пахенных земледельцев средней полосы в условиях степи и их контакты с кочевниками-скотоводами привели к формированию новых оригинальных комплексов. У земледельцев произошло замещение культуры ржи пшеницей, увеличение доли животноводства с возрастанием удельного веса лошадей и мелкого рогатого скота. У кочевников-скотоводов изменение хозяйственной системы сопровождалось переходом на оседлость, появлением стационарного жилища (избы — саманные, срубные) и развитием огородничества. История религиозной жизни народов региона происходила при взаимодействиях между мусульманством, христианством и пережитками родовых представлений народов Поволжья и Приуралья. Интересен в этом отношении пример становления духовной культуры нагайбаков. В условиях конкуренции между христианством и мусульманством их религиозные представления сложились как комплекс, включающий разные слои, в том числе и древнетюркское тенгрианство. Религиозный синкретизм проявляется в ритуально-обрядовых практиках (скачки на Масленицу и Пасху, приготовление во дворе или в поле жертвенного мяса в металлических котлах, регламент меню и др.), праздниках годового цикла с тюркскими и славянскими традициями (Нардуган, Масленица, Пасха, Аш биру и др.), лексики богослужебной литературы, включающей тюркские, славянские, арабские и иранские влияния. Будучи тюрками и православными христианами, нагайбаки ощущали близость к татарам, башкирам, казахам с одной стороны и русским — с другой. Этническая культура нагайбаков сформировалась в оригинальную композицию, ощущаемую народом как единый комплекс, отражающий их этническое своеобразие. Во время полевых исследований в Нагайбакском и Чесменском районах Челябинской области было проведено анкетирование среди русских, украинцев, мордвы, казахов, нагайбаков, татар и башкир. Большинство их являются потомками населения, жившего

здесь во второй половине XIX в. Респондентам предлагалось выстроить рейтинги их идентичностей, среди которых – этническая, религиозная, гражданская, социальная и три вида географических (локальная, региональная и макрорегиональная). Лидирующие позиции заняли этническая и гражданская. Последняя, в сравнении с результатами наших исследований середины 2000-х гг. выросла и нередко превосходит этническую. Например, у русских лидирующие – гражданская и макрорегиональная, казахов – гражданская и религиозная, мордвы – религиозная и гражданская, нагайбаков, татар и башкир – гражданская и этническая идентичности.

Библиографический список

- Всероссийская перепись населения 2002 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 15.04.2024).
- Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.04.2024).
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (дата обращения: 15.04.2024).
- Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.04.2024).
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. 28: Оренбургская губерния. РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65.

I. R. ATNAGULOV

THE SLAVS AND THE TURKS OF THE FOREST-STEPPE TRANS-URALS: THE DYNAMICS OF ETHNICITY FROM THE MIDDLE OF THE 19TH TO THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

In the ethnic history of Northern Eurasia, the forest-steppe Trans-Urals in the 18th-19th centuries was the southern periphery of the area of a continent wide Slavic colonization, covering the territories from the White and Barents Sea coast to Western and Southern Siberia for several centuries. This territory may also be characterized as a link in the southern frontier line of the eastern (northeastern) vector of the Russian colonization. While in the northern part of this colonization channel, the Slavs came into contact with the peoples of the Finno-Ugric and the Samoyed groups, in the south their contact groups were the Turks. The interaction of the Russians with the Tatars, the Bashkirs and the Kazakhs led to the emergence of many new ethno-social, ethno-confessional and other similar groups. The most numerous social group in the region were the Cossacks, among whom, in addition to the Russians, there were the Ukrainians, the Kalmyks, the Bashkirs, the Tatars, etc. The Slavic-Turkic contacts led to the formation of new identities, e. g. line Kazakhs who assumed a settled lifestyle; and, as part of the Cossacks, the Turkic-speaking Mescheryaks, Teptyars, Nagaibaks and others. The aim of the research was the diagnostics and monitoring of the dynamics of these groups ethnicity. According to modern field research data, ethnic awareness in some of these groups (the Nagaibaks) has increased, and in others, it has transformed into an ambivalent state (the Mescheryaks, the Teptyari). It is interesting to note the descendants of the line Kazakhs, whose Russian civic identity competes with the ethnic one.

Irek R. Atnagulov – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: i.atnagulov@mail.ru

А. В. ВЕРБОВСКИЙ

**ГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ:
РУССКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ОБОРОННОЕ ЗОДЧЕСТВО XVII В.**

Стараясь находиться в фарватере современных тенденций музейной образовательной деятельности, научные сотрудники Донецкого республиканского краеведческого музея сориентированы на работу со всеми категориями посетителей, в том числе и с представителями научного сообщества. При формировании контента для музейного мультимедийного оборудования, способного заинтересовать археологов, историков, этнографов, в музее создаются макеты, диорамы, графические рисунки-реконструкции. Для мультимедийного оборудования зала «Заселение и хозяйственное освоение Донецкого края в XVII – первой половине XIX вв.» было решено создать контент, посвященный русскому деревянному оборонному зодчеству XVII столетия.

Вербовский Андрей Валерьевич – Донецкий республиканский краеведческий музей (Россия, ДНР, Донецк)

E-mail: verbovskiyy@ro.ru

В Донецком республиканском краеведческом музее основной акцент при разработке тематико-экспозиционного плана будущей экспозиции делается как на максимальном насыщении залов аттрактивными экспонатами, так и на использовании внушительного количества графического материала, связанного с представленной эпохой в истории Донбасса. Применяемый при этом музейно-образный метод, в основу которого положены принципы трех базовых методов (коллекционного, иллюстративного, ансамблевого), позволяет наиболее полно воссоздать «картину эпохи» [Поляков, 1997, с. 46]. Создание не только стационарных объектов: диорам, макетов, но и использование 3D-моделирования музейных артефактов [Роговская; Ярославские специалисты создали для Донецкого краеведческого музея...], а также графических реконструкций в мультимедийном оборудовании, дают возможность представить большой объем научно-популярной информации в том виде, который будет легко восприниматься посетителем музея. При создании экспозиции одна из главных задач, стоящих перед специалистами, формирующими научную концепцию строящегося зала, – привлечь внимание и вызвать интерес у самых разных групп посетителей: от детских групп младшего возраста до специалистов в области истории, археологии, краеведения. Не ограничиваясь простым размещением экспонатов, специалисты по формированию музейного пространства и созданию графических материалов участвуют как в разработке научной концепции, так и в написании на ее основе музейного сценария с его художественной интерпретацией [Кальницкая, 2018, с. 482].

Большая часть экспозиционного пространства зала «Заселение и хозяйственное освоение Донецкого края в XVII – первой половине XIX вв.» выполнена с расчетом на восприятие неподготовленного посетителя. Научная информация об эпохе представлена в современных средствах подачи материала: сенсорной панели, информационном киоске, другом интерактивном оборудовании.

Для мультимедийного оборудования зала решено создать контент, посвященный русскому деревянному оборонному зодчеству XVII столетия, при этом не ограничиваться материалами регионального значения – реконструкциями крепостей Среднего

Подонцовья: оборонительными сооружениями города Царев-Борисов [Чепига, 2021, с. 137] и Торской крепости, но и показать сооружения оборонного зодчества других территорий. Представить сведения по освоению новых земель в XVII столетии не только на южных рубежах Московского государства, но и материалы по колонизации северных и восточных территорий (графические реконструкции заполярного Пустозерского острога, Березовского кремля, других восточных крепостей). При этом имеет смысл создание реконструкций не только, собственно, оборонных сооружений, но и строений, расположенных на территории острогов и за их пределами: деревянных церквей, воеводских дворов, казачьих усадеб, гостиных дворов, амбаров и других строений.

Для создания графических реконструкций сооружений деревянного оборонного зодчества важны как письменные и визуальные источники эпохи, так и материалы этнографических и археологических экспедиций. Важен при этом и опыт создания реконструкций другими исследователями.

В создании рисунков-реконструкций города Царев-Борисов визуальные источники, сохранившиеся до наших дней, не могут предоставить достаточной информации. Информация, имеющаяся в письменных источниках и историографических работах, позволяет создать изображения, дающие общее представление о том, как мог выглядеть Царев-Борисов с противоположного берега Оскола. Для реконструкции оборонных укреплений города в ракурсе «с птичьего полета» были задействованы доступные веб-сервисы («GoogleEarth», «Яндекс карты») с использованием инструментов, позволяющих получить представление о рельефе местности.

Графическая реконструкция Торской крепости создана на основе нарративного материала. В описи 1683 г. приведена подробная информация об устройстве оборонного сооружения: количество башен, их размеры в плане, количество венцов в каждой башне, расстояния от одной башни до другой в сажнях. Созданная на основе нарративного источника реконструкция, учитывает предыдущий опыт исследователя В. В. Давыденко, но с некоторыми уточнениями (автор изобразил башни с четырехскатными крышами, взяв за основу конструкции башен в книге Н. П. Крадина, в то время как источник сообщает, что башни были не покрыты) [Давыденко, Зоря, 2017, с. 116–150].

Основным источником для реконструкции Пустозерского острога послужил исторический документ: чертеж кандуктера Павла Зеленого. План острога и сопровождающий его текст, дают возможность довольно точно передать конфигурацию самой крепости и строений, находящихся внутри острога и за его пределами.

Дозорная сметная роспись П. Хмелевского, зафиксировавшая состояние сооружений Берёзова на 1636 г., послужила основным источником для создания нескольких рисунков-реконструкций кремля и острога этого города [Вершинин, 2018, с. 96].

Масштабные археологические исследования Мангазейского городища, выявившие десятки административных, культовых, торговых, производственных и жилых построек, и созданная специалистами «Северной археологии – 1» архитектурно-планировочная реконструкция города, позволяют в будущем создать детальную реконструкцию Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 191–201].

Удачным следует признать опыт 3D-моделирования оконных проемов русского деревянного зодчества по материалам раскопок Берёзовского городища [Визгалов, Фролов, 2021, с. 295–309; Фролов, 2020, с. 112–131].

Разработка выбранной темы с последующим выполнением рисунков-реконструкций оборонных сооружений XVII в., построенных в разных регионах страны, позволит и в дальнейшем вносить новую информацию в наполнение мультимедийного оборудования зала «Заселение и хозяйственное освоение Донецкого края в XVII – первой половине XIX вв.».

Библиографический список

- Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, 2018.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017.
- Визгалов Г. П., Фролов И. В. Оконницы XVII–XVIII вв. на севере Западной Сибири по археологическим исследованиям Берёзова // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сборник научных статей: в 2 т. Омск; Сургут, 2021. Т. 1. С. 295–309.
- Давыденко В. В., Зоря А. Н. К исторической топографии крепости Тор XVIII века (исторические и археологические реалии) // Святогорский альманах 2017. Сборник научных трудов. Харьков, 2017. С. 116–150.
- Кальницкая Е. Я. Театральная режиссура как метод дизайнерского проектирования музейного пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2018. Т. 8, № 3. С. 480–507.
- Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М., 1997.
- Роговская А. Руководитель ярославского Центра археологических исследований Иван Фролов — о сотрудничестве с Донецким краеведческим музеем: Самая большая ценность здесь — люди // Министерство культуры Донецкой Народной Республики. URL: <http://www.mincult.govdnr.ru/news/rukovoditel-yaroslavskogo-centra-arheologicheskikh-issledovaniy-ivan-frolov-o-sotrudnichestve-s> (дата обращения 14.03.2024).
- Фролов И. В. Оконница XVIII века из раскопок Березовского городища 2019 г. // Северный регион: наука, образование культура. Сургут, 2020. Вып. 1 (45). С. 112–131.
- Чепига Г. Г. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48, № 1. С. 132–140.
- Ярославские специалисты создали для Донецкого краеведческого музея серию цифровых 3-D моделей археологических предметов из фондовых коллекций учреждения // Министерство культуры Донецкой Народной Республики. URL: <http://www.mincult.govdnr.ru/news/yaroslavskie-specialisty-sozdali-dlya-doneckogo-kraevedcheskogo-muzeya-seriyu-cifrovyyh-3-d> (дата обращения 14.03.2024).

A. V. VERBOVSKY

GRAPHIC RECONSTRUCTIONS IN THE MUSEUM EXPOSITION: RUSSIAN WOODEN DEFENSE ARCHITECTURE OF THE 17TH CENTURY

Trying to stay in the wake of the modern trends in museum educational activities, the research staff of the Donetsk Republican Regional History Museum is focusing on working with all categories of visitors, including the academic community members. While creating content for the museum multimedia expositions that can be of interest to the archaeologists, historians, and ethnographers, they build models, dioramas, and graphic reconstruction drawings. The emphasis in the multimedia exposition of the hall “Settlement and economic development of the Donetsk region in the 17th – the first half of the 18th centuries” was made on the Russian wooden defense architecture of the 17th century.

Andrey V. Verbovskiy — Donetsk Republican Museum of Local History (Russia, Donetsk People’s Republic, Donetsk)
E-mail: verbovskiy@ro.ru

Т. В. ВОЛДИНА

РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕИНКАРНАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА ОБСКИХ УГРОВ

Обско-угорские традиции реинкарнации имеют древнее происхождение. В фольклоре хантов и манси обнаруживаются напластования разных эпох. К наиболее древним относится система архетипических образов, включающих в себя представления о круговороте жизни и смерти. Сюжет древнего мифа о реинкарнации сохранился в качестве концовок обско-угорских сказок, описывающий чудесную трансформацию старого человека в молодого. Сюжет о реинкарнации фратриального предка с пребыванием его души в растении, съеденном самкой животного, получил свое развитие в героических песнях-сказаниях; его отголосок встречается в верованиях восточных хантов, связанных с «повторным» приходом умершего родственника в дом в качестве добытого медведя. Многие из отраженных в фольклоре представлений, связанные с реинкарнацией, в силу исторических причин утратили свое значение (скальпирование врагов), но многие из них получили свое дальнейшее развитие и сохранились до наших дней.

Волдина Татьяна Владимировна — к.и.н., Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: tatynavoldina@yandex.ru

Одним из источников изучения традиций реинкарнации в культуре обских угров является фольклор [Волдина, 2016]. Существует определенная привязка по времени сложения конкретных жанров фольклорных произведений и бытующих в традиционном обществе взглядов на мир, где отражены представления о временах «первотворения»; «богатырской эпохе»; «эпохе хантыйско-мансийского человека», а также «времени действия предков фратрий северных обских угров Пор и Мось», выделяемом в самостоятельный период, но чаще причисляемом к «богатырской эпохе» [Лукина, 2002, с. 54–125]. В этих временных напластованиях: «архаическом», «фратриальном», «героическом», «историческом» обнаруживаются представления о перевоплощениях душ.

«Архаический» пласт реконструируется на основе мифологических сказаний и сказок. Относящиеся к рассматриваемому пласту сюжеты роднят обских угров с огромным количеством народов, прежде всего — урало-алтайских, между которыми «многие тысячелетия существовали интенсивные языковые контакты» [Норманская, 2010, с. 483–491]. Их мифологической картине мира присущи «основные символы архаичного мироощущения: гора, дерево, река, птица...» [Сагалаев, 1991], эти древнейшие архетипы являются ключом к пониманию традиционных представлений о реинкарнации. С Древом Жизни связано «женское божество с материнскими функциями» [Топоров, 2010]. В детских сказках этот образ трансформируется и предстает уже в облике седой старушки, выскакивающей из трухлявого березового пня. В представлениях обских угров — это богиня *Kaltas'*, посылающая в Средний мир человеческие души и забирающая их обратно. Они же ассоциируются с духами-предками, представлявшимися в орнитоморфных и зооморфных образах.

В обско-угорских сказках распространены концовки, являющиеся частью трансформированной версии древнего мифа, где в зашифрованном виде описаны смерть и последующее рождение: после долгих странствий герой возвращается домой, а его бабушка сидит в уцелевшем углу дома, у очага, где тлеет последняя искорка; герой гасит искру,

затем толкает (пинает) старушку из угла в угол или отбрасывает ее в сторону, от чего она становится молодой (маленькой) [Косарев, 2006, с. 234–261; Попова, 2012, с. 135–145].

«Фратриальный» пласт выявляется на основе сюжета о реинкарнации фратриального предка северных обских угров: женщине *Mos'*, возродившейся благодаря медведице, съевшей цветок, выросший на месте ее гибели. Мать-медведица и медвежата-братья становятся добычей князя. Предвидя это, медведица наставляет свою человеческую дочь о сохранении целостности медвежьих костей после поедания людьми их мяса, так как это важно для последующей реинкарнации их душ [Попова, 2008, с. 418, 419]. Мотив взаимодействия человеческих душ с «медвежьим миром» нашел отражение в актуальных верованиях восточных хантов, где бытуют представления о повторном «приходе в дом» умершего родственника в облике добытого медведя, что свидетельствует об общеугорском характере этих древних воззрений.

«Героический» пласт реконструируется на основе сюжетов песен-сказаний и преданий о реинкарнации родовых предков хантов и манси. «Особенностью религиозно-мифологической системы обских угров является то, что местные духи считаются у них духами-предками, богатырями древних времен» [Лукина, 2002, с. 81]. Социальная структура, описанная в героических сказаниях хантов, начала складываться с рубежа бронзового и железного веков [Косарев, 1987]. Это эпоха военных походов: в текстах упоминается о скальпировании погибших богатырей — древнем обычае, направленном на прекращение у побежденных способности возрождаться в этом мире. В этих произведениях также можно обнаружить развитие сюжета о реинкарнации человека благодаря пребыванию его души в растении, которое съедает самка животного, ставшая добычей охотника [см., напр.: Богатыри города Сонг-хуша..., 1990, с. 160–167]. Особое значение в героических текстах придается образам птиц и животных как ипостасям героев и героинь, ставших позднее духами-покровителями. Встречаются также представления о возможностях человеческой души воплощаться одновременно в нескольких людях и передаче черт характера от погибшего героя к преемнику его души. Эти взгляды сохраняются в обско-угорской среде.

Библиографический список

- Богатыри города Сонг-хуша // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 160–167.
- Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Тюмень, 2016. Ч. 1.
- Косарев М. Ф. Предпосылка сложения и специфика раннеклассовых обществ в таёжном Обь-Иртышье // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
- Косарев М. Ф. Фольклорные приемы и способы омоложения и обретения бессмертия // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006. С. 234–261.
- Лукина Н. В. Фольклор в культуре обских угров // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 54–125.
- Норманская Ю. В. Древнейшие урало-алтайские языковые контакты // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 483–491.
- Попова Л. В. Опыт реконструкции мифологического мотива о последней искре в очаге на материале мансийских сказок // Язык, фольклор и традиционная культура финно-угорских народов. Ханты-Мансийск, 2012. С. 135–145.
- Попова Л. В. Применение парадигматического метода к разбору мансийских прозаических произведений о Мошч нэ и медведице // Обские угры: научные исследования и практические разработки. Ханты-Мансийск, 2008. С. 418–419.

Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
Топоров В. Н. Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 2.

T. V. VOLDINA

THE EVOLUTION OF THE ANCIENT REINCARNATION IDEAS BASED ON THE OB UGIANS FOLKLORE

The Ob-Ugric traditions of reincarnation have an ancient origin. The folklore of the Khanty and the Mansi is full of different ages beliefs overgrowth. The most ancient of them was the system of archetypal images, relating to the ideas about the life and death cycle. The plot of the ancient myth of reincarnation has been preserved in the form of the Ob-Ugric fairy tales ends, describing the miraculous transformation of an old man into a young one. The story of reincarnation of a phraternal ancestor with the stay of his soul within a plant eaten by a female animal was developed in numerous heroic song-tales; its echo is found in the beliefs of the eastern Khanty associated with the “re-entry” of a deceased relative into the house in the shape of a killed bear. Many of the ideas related to reincarnation and reflected in folklore have lost their significance due to historical reasons (scalping enemies), but many of them have been further developed and have survived to the present day.

Tatyana V. Voldina – Candidate of Historical Sciences, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: tatyana_voldina@yandex.ru

А. В. ГОЛОВНЁВ

ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА КАК НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮГРЫ

К научному наследию можно отнести не только открытия, но и сложившиеся направления исследований, к числу которых в отечественной археологии и этнографии относится этногенез. Сюжеты происхождения народов стали одним из приоритетов и первых достижений российского народоведения XVIII в., а в кризисный период 1930-х гг. отечественная этнография нашла убежище в тематике этногенеза. Свод теорий этногенеза угорских и самодийских народов, обобщенный в академической истории Югры, представляет собой научное наследие, которое (а) включает в себя обилие исходных данных; (б) содержит критерии сходств и расхождений, а также направления связей и предполагаемых миграций; (в) выявляет палитру сценариев, по которым могли развиваться этногенетические процессы в разные эпохи.

Головнёв Андрей Владимирович – член-корр. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

К научному наследию можно отнести не только открытия, но и сложившиеся направления исследований, к числу которых в отечественной археологии и этнографии относится этногенез. За рубежом эта тематика не популярна и считается чем-то вроде специфики российской/советской науки (с интонациями иронии или даже осуждения за «примордиализм»). Между тем это направление сложилось не по недомыслию, а, напротив, в итоге прорывных исследований этнокультурных реалий России, ставших основой ее самопознания и самосознания. Российское народоведение рождалось в XVIII в., на век

раньше западной эволюционистской антропологии; этнография по-русски — картина многонародности — создана исследователями-путешественниками Санкт-Петербургской Академии наук под патронатом имперской власти. С тех пор и по сей день многонародность (многонациональность) остается фундаментальной национальной идеей России. В этом контексте сюжеты происхождения народов стали одним из приоритетов и первых достижений российского народоведения XVIII в., тогда как западная антропология XIX в., запоздав с систематическим изучением народов, уделяла их происхождению заметно меньше внимания в пользу общей теории антропогенеза.

Кризисный период в истории отечественной этнографии («погром» 1930-х гг.) был началом «эпохи этногенеза». Наука о народах была разжалована во вспомогательные исторические дисциплины, но нашла убежище в тематике этногенеза (этногонии) и вскоре, в союзе с археологией, лингвистикой и физической антропологией, обрела новую жизнь, достигнув пика «этногенетической эйфории» в работах С. П. Толстова, С. А. Токарева, В. Н. Чернецова, Б. О. Долгих, Л. Н. Гумилева, В. П. Алексеева и др. Погружению этнографов в тематику этногенеза с середины 1930-х сопутствовала идеологическая борьба с арийской, миграционистской и другими теориями: в 1938 г. на совещании в Государственной Академии истории материальной культуры была учреждена комиссия по проблемам этногенеза под председательством А. Д. Удальцова; тон в этногенетических исследованиях задавали советские археологи-автохтонисты, сражавшиеся с немцами-миграционистами (Г. Коссиной и его последователями) в споре за пространство прагерманских и праславянских племен Европы [Головнёв, 2018].

По меньшей мере две вехи в истории отечественной науки о народах — период рождения в XVIII в. и эпизод возрождения в середине XX в. — можно считать тематически связанными с этногенезом. Это читается и в историографии этногенеза уральских (в том числе угорских и самодийских) народов, недавно обобщенной в академической истории Югры [Академическая история Югры, 2024; см. также: Головнёв, 2023].

Ранние теории происхождения нередко считаются наивными и устаревшими, однако именно они основаны на прямых свидетельствах и живых преданиях, запечатлевших в себе мотивы и атмосферу средневековья. В первых же версиях происхождения народов Югры обозначились основные проблемы и варианты их решения: соотношение северных и южных угров/югров и их исход в Паннонию (Матвей Меховский, XVI в.), уход пермян и югры от крещения за Урал (Н. Витсен, XVII в.). Витсен же отметил культурно-хозяйственные особенности самоедов (оленеводов), остяков (рыболовов) и вогулов (охотников), соответствующие их ключевым характеристикам в сюжетах этногенеза. В начале XVIII в. Г. Новицкий установил важность религиозных мотивов в миграциях язычников из Перми на Обь, а Ф. Страленберг собрал сведения о связи названия «остяк» с татарским иштек (уштек), а самоедов — с «землей Суоми»; эта связь легла в основу его гипотезы о происхождении и движении самоедов с севера на юг Сибири. Версия о северном происхождении самоедов вызвала отповедь участников Великой северной экспедиции, Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера, в результате чего родилась гипотеза Фишера о южном (алтае-саянском) происхождении самоедов. За плеядой первооткрывателей последовало поколение систематизаторов, представленное именами академиков Санкт-Петербургской академии наук (П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. И. Лепехин, В. Ф. Зуев, Н. Я. Озерецковский и др.).

Оглядываясь в целом на XVIII век, можно заключить, что концептуальная палитра этногенеза была одним из первых достижений формирующейся в России науки этнографии. Размах этнических связей угров и самодийцев в пространстве от Скандинавии до Саян, с одной стороны, породил разночтения (о происхождении самодийцев), с другой, наметил контуры сложных связей между народами уральской и алтайской языковых семей. Две базовые концепции происхождения самодийских народов — северная (Страленберга) и южная (Фишера) — появились в науке XVIII в. Одновременно оформилась теория происхождения югров/угров в области Югорских гор (Урала); здесь же, на Урале и к западу от него помещали общую прародину финно-угров А. Шлецер и Ю. Клапрот. Все последующие открытия и догадки были лишь дополнениями к этой базовой картине самодийского и угорского этногенеза.

В XIX в. финские (М. А. Кастрен) и венгерские (А. Регули) лингвисты насытили этногенетические гипотезы обильными языковыми данными, руководствуясь в их интерпретации этнополитическими мотивами, в частности стремлением связать происхождение своих народов с великими кочевыми империями. Если с венграми это получилось без труда, то с финнами возникли затруднения, и Кастрену пришлось искать связующее звено между Алтаем и Финляндией в лице самоедов, которым по этому случаю было предписано переселение с юга Сибири до севера Европы. В отечественной науке эта гипотеза доминировала почти весь XX век, постепенно сдавая позиции под давлением новых методов, вроде лингвистической палеонтологии, предоставившей аргументы в пользу расположения прауральской, в том числе прасамодийской, прародины не на Алтае, а на Урале и сопредельных территориях (Ф. П. Кеппен, Э. Сетяля, Ю. Тойвонен, Х. Паасонен, П. Хайду, И. Шебештген и др.). Из советских исследователей лишь Д. В. Бубрих и А. П. Дульзон последовательно отстаивали северную этногенетическую теорию Страленберга. В. Н. Чернецов и Г. Н. Прокофьев предложили бинарную этногенетическую схему взаимодействия «туземцев и пришельцев», которой в той или иной мере следовали М. Ф. Косарев, Д. Ласло, В. А. Могильников, В. И. Молодин, Л. А. Чиндина и др. В советской этнографии ведущей стала инициированная М. А. Кастреном и Г. Н. Прокофьевым методика параллелей в этнонимии (Б. О. Долгих, В. И. Васильев) и других сферах культуры (Л. В. Хомич, Г. И. Пелих, З. П. Соколова, Н. В. Лукина и др.).

В совокупности теории этногенеза можно считать научным наследием, которое (а) включает в себя обилие исходных антропо-архео-лингво-этнографических данных; (б) содержит указатели (критерии) сходств и расхождений, а также основных направлений связей и предполагаемых миграций; (в) выявляет палитру сценариев, по которым могли развиваться этногенетические процессы в разные эпохи. Свод этих данных, несмотря на разночтения, настраивает на их новое осмысление, в котором тон и смысл этногенеза состоит не столько в обособлении народов, сколько в распределении между ними деятельностных и пространственных ниш, в формировании многонародного сообщества (этноценоза). Опыт изучения происхождения народов Югры показывает, что «штучного этногенеза не бывает — он всегда полиэтничен» [Головнёв, 2023, с. 33].

Библиографический список

- Академическая история Югры. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 1, 2.
 Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.

Головнёв А. В. Этногенез как пасьянс: о происхождении самодийцев и угров // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 6–44.

A. V. GOLOVNEV

THEORIES OF ETHNOGENESIS AS AN ACADEMIC LEGACY: THE ACADEMIC HISTORY OF UGRA

The established research fields form an important part of the academic legacy alongside with the major discoveries, an example of which in the Russian archaeology and ethnography is the study of ethnogenesis. The study of the origin of the peoples became one of the priorities and the first achievements of the Russian ethnology of the 18th century, and in the crisis period of 1930s, the Russian ethnography found refuge in the subject of ethnogenesis. The set of theories of ethnogenesis of the Ugric and the Samoyed peoples, summed up in the academic history of Ugra, represents an academic legacy that (a) covers an abundance of source data; (b) contains criteria for establishing similarities and divergences, as well as directions of contacts and assumed migrations; (c) reveals a palette of scenarios according to which the ethnogenetic processes could develop in different periods.

Andrei V. Golovnev – Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

Н. С. ГОНЧАРОВ

РАСШИРЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЕЩЕЙ В СООБЩЕСТВАХ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ ЯКУТИИ*

На основе этнографических данных, собранных автором в ходе полевой работы на территории трех арктических районов Якутии в 2018–2023 гг., обобщены способы использования материальных объектов полиэтническим населением региона. Сделан вывод о том, что в условиях многочисленных рисков и дефицитов, которыми характеризуются территории проживания изучаемых сообществ, важнейшей стратегией освоения пространства выступает увеличение функциональности материальных объектов. Это становится возможным благодаря следующим факторам: а) умению людей интегрировать материал и форму вещи в разные контексты окружающего пространства и деятельности; б) высокому практическому потенциалу локальной материальной среды; в) гибридизации объектов; г) разложению вещей на составляющие части; д) отсутствию строгой корреляции между местом и функцией при использовании материальных объектов; е) многообразию способов воздействия на один и тот же объект; ж) символическому и эмоциональному восприятию компонентов окружающей среды; з) тесным связям между людьми и акторами локального пространства.

Гончаров Николай Сергеевич – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

Задачей этой работы является обобщение способов использования материальных объектов жителями Аллаиховского, Нижнеколымского и Жиганского районов Республики Саха (Якутия) в процессе повседневной деятельности на современном этапе. Материалы исследования были получены в ходе полевой работы автора в Якутии в 2018–2023 гг.

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00637 «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (рук. В. Н. Давыдов)

На рассматриваемой территории проживают представители разных этнических групп: юкагиров, эвенов, эвенков, чукчей, якутов, русских старожилов, однако необходимость адаптироваться к жизни на Севере определяет общие способы организации материальных объектов, позволяющие осваивать нестабильное пространство в условиях многочисленных рисков и дефицитов.

В северных районах Якутии на улицах можно видеть большое количество вышедшей из эксплуатации техники: старые вездеходы, самолеты, подъемные краны, которые хаотично стоят на разных участках или сконцентрированы на отдельных площадках в виде залежей металлолома. В населенных пунктах находится обилие ржавых старых бочек, арматуры, металлических деталей, представляющих, с точки зрения стороннего наблюдателя, беспорядочный набор материальных предметов.

Однако граница между актуальными и заброшенными объектами в условиях региона подвижна, поскольку бурные потоки связей между людьми и материальной средой вызывают трансгрессию, размывающую однозначное деление на рабочее и нерабочее. С течением времени отслужившая инфраструктура, создавшая современный поселковый ландшафт, осваивается заново. Старая неработающая техника, бочки из-под топлива, лопнувшие радиаторы отопления и другие объекты благодаря усилиям местных жителей встраиваются в новые функциональные ниши: бочки служат коптильней для рыбы или теплоизолятором для системы отопления; из отслуживших радиаторов делают дорожки для передвижения в распутицу; списанные вертолетные лопасти становятся важным компонентом при изготовлении полозьев нарт. Поржавевшие вертолеты, самолеты, внедорожники, появившиеся в рамках советской модернизации северных территорий, перестали выступать в качестве транспортных средств, но не утратили практического значения.

В условиях экономических трудностей по созданию и развитию технологической среды подход населения к имеющимся материальным ресурсам можно отнести к ситуации «продуцирования различий» [Лефевр, 2015]. А. Лефевр выделял два вида различий, возникающих в процессе производства пространства: индуцированные и продуцированные (произведенные): «Индуцированное различие принадлежит множеству или системе, возникшей в соответствии с определенным законом. Оно является ее составной частью... Произведенное различие, напротив, предполагает разложение данной системы; оно возникает внутри нее, рождается из зияния, открывшегося с распадом какого-либо заграждения» [Там же, с. 362, 363]. «Распавшимся заграждением», открывшим новые грани освоения пространства на севере Якутии, стали развал СССР и изменившееся отношение к материальным объектам.

Такой способ расширения функциональности объектов существовал и до 1991 г. [Васильева, 2021; Davydov, 2011], но в постсоветский период у местных жителей появились новые ресурсы и стимулы для его реализации. В. Н. Давыдов с целью описания процесса вторичного использования материалов использует термин «каннибализация», который реализуется с помощью техники бриколажа — изготовления новых объектов из подручных средств [2018, с. 11]. Эта стратегия часто выступает в качестве дополнительной креативной и стабилизирующей практики [Васильева, 2021; Davydov, 2011].

А. В. Головнёв пишет о том, что вещная полифункциональность является актуальным адаптивным механизмом коренных жителей Севера и позволяет им минимумом вещей добиваться максимального результата [Головнёв, 2017, с. 13, 14]. Материалы из северной

Якутии показывают, что это характерно не только для объектов, относящихся к категории «традиционной культуры», но и к вещам, вошедшим в быт населения региона в советский и постсоветский периоды. Разный генезис вещей, тем не менее, зачастую предполагает близкие принципы их использования для увеличения практической эффективности. На основе обобщения исследованных примеров был сделан вывод о том, что расширенная функциональность материальных объектов достигается благодаря следующим аспектам: а) умению местных жителей интегрировать материал и форму вещи в разные контексты окружающего пространства и деятельности; б) высокому практическому потенциалу локальной материальной среды, с которой взаимодействуют люди при помощи этих объектов; в) гибридизации объектов; г) разложению вещей на составляющие части, которые обнаруживают новые свойства; д) отсутствию строгой корреляции между местом и функцией при использовании материальных объектов; е) многообразию способов воздействия на один и тот же объект, увеличивающих количество его качеств; ж) символическому и эмоциональному восприятию компонентов окружающей среды; з) тесным связям между людьми и акторами локального пространства в течение длительного времени, что позволяет местным жителям обнаруживать и использовать дополнительные свойства этих акторов.

Библиографический список

- Васильева В. В. Мобильность и структурирование пространства у долган таймыро-якутского приграничья: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.
- Головнёв А. В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–17.
- Давыдов В. Н. Практики освоения пространства эвенками Восточной Сибири: прагматическое использование антропогенного ландшафта инфраструктуры // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 8–15.
- Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
- Davydov V. People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen: Doctoral Thesis. Aberdeen, 2011.

N. S. GONCHAROV

ENHANCED FUNCTIONALITY OF THINGS IN THE COMMUNITIES OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF NORTHERN YAKUTIA

Based on the ethnographic data collected by the author during the fieldwork in the territory of three Arctic districts of Yakutia in 2018–2023, the paper provides an overview of the ways of using the material objects by the multi-ethnic population of the region. It is concluded that under the conditions of exposure to numerous risks and deficits that characterize the territories of residence of the studied communities, the most important strategy for colonization of the environment was enhancing the functionality of material objects. This became possible owing to the following factors: a) the ability of the people to integrate the material and the shape of objects into different environment and activities contexts; b) the high practical potential of the local material environment; c) hybridization of objects; d) decomposition of things into their component parts; e) the absence of a strict correlation between place and function when using material objects; e) the variety of ways to make an impact on the same object; g) symbolic and emotional perception of the components of environment; h) close ties between the people and the local environment actors.

Nikolay S. Goncharov – Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

Д. Ю. ГУК, Н. О. ПИКОВ

ЭВОЛЮЦИЯ ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Материальные остатки археологических культур обычно вырваны из контекста и помещены в музей как объекты для визуального восприятия. Отсутствие представления о соответствующих им моделях человеческой действительности затрудняет восприятие. Концепт археологической экспозиции может быть представлен в различных модальностях. Однако системный подход к музейному проектированию требует взвешенного и обоснованного воздействия на посетителя экспозиции. Преимущества компьютерного моделирования позволяют расширить пространство проектирования. Настоящее исследование систематизирует и демонстрирует различные техники воздействия на аудиторию археологической экспозиции в Государственном Эрмитаже за последние сто лет.

Гук Дарья Юрьевна – к.филол.н., Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: hookk@hermitage.ru

Пиков Никита Олегович – к. культ., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск)

E-mail: npikov@sfu-kras.ru

С самого начала коллекционирования и создания отечественных публичных музеев в выявленных редкостях оценивались их необычность и ценность как материальная, так и эстетическая. Именно такое место они и занимали среди поднятых из земли античных статуй и надгробий. Следующим этапом стало появление учебных музеев, называемых *Studiensammlungen* [Homburger, 1924]. Типологический метод Монтелиуса окончательно вырвал археологические находки из контекста, превратив в подобие минералогической коллекции или гербария. Первый прорыв в теоретических разработках по экспозиционной работе был осуществлен в 1920-х гг. [Поляков, 2018, с. 170–193].

Классик музееведения Ф. И. Шмит, хорошо знавший историю музейного дела и приемы подачи информации массовой аудитории, практически ничего не писал об археологических экспозициях. Наиболее близкими следовало считать методы показа, применяемые в краеведческих и этнографических музеях [Шмит, 1928, с. 240, 241; Крыжановский, 1926]. Представление истории материальной культуры на археологических материалах, изначально следовавшее эстетическим принципам показа, очень быстро миновало идею типологического подхода и стало комплексным [Гук, Мандрик, 2023, с. 234]. Моделирование позволяло воссоздать археологический контекст в экспозиционном пространстве, например, скифский склеп [Там же, с. 236] или египетскую гробницу [Сивков, 2018, с. 255]. Следующий подобный эксперимент был поставлен в Государственном Эрмитаже почти столетие спустя на выставке «Фотофиксация», где при помощи фотообоев воспроизводились стены раскопанной античной виллы в Стабиях.

Проектирование экспозиции любого музея должно было перейти на принципы диалектического материализма [Миллер, 1925; Мансуров, 1931]. Однако для периода доклассового общества требовалось не только разработать теоретическую базу [Шмит, 1928, с. 80–103; Равдоникас, 1933], но также собрать и обработать коллекции. Для лучшего понимания визуального ряда потребовалось информационное сопровождение и расчленение текстового и табличного материала [Ивашев, 1936, с. 103]. Очевидно, что человеческая

восприимчивость не беспредельна, и от экспозиций кроме научного содержания требовались «легкость и приятность восприятия» [Соловьев, 1936, с. 18]. Архивные источники свидетельствуют, что проектирование осуществлялось в виде эскизов планов витрин и планшетов с одного фронтального ракурса [Гук, Мандрик, 2023, с. 236; Гук, 2024]. Только один раз встречена попытка представить витрину в аксонометрии [АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 307. Л. 30], хотя потребность в этом явно ощущалась [Соловьев, 1936, с. 21; Гук, 2024, рис. 18]. Следующий качественный прорыв был осуществлен четверть века спустя. Наглядность и популярность подачи материала была достигнута при помощи графических и фото-графических дополнений [Гроздилов, Столяр, 1958].

В наши дни, описание крупных и археологических выставок сводится к перечислению участников, спонсоров и вклада каждого из них в продвижение отдельных тематических разделов. Теоретических основ современного музейного проектирования археологических экспозиций обнаружить невозможно ни в учебниках по музееведению, ни в методических изданиях [Поляков, 2018; Создание музейной выставки..., 2018; Юренева, 2020; Поляков и др., 2021]. Проблемы восприятия археологических материалов на музейных экспозициях постоянно дискутируются специалистами [Shanks, Tilly, 1992; Hookk et al., 2016; Панкова, 2020]. Сводятся они к сценарию и форме показа музейных предметов [Negri, 2021; Музейные экспозиции...]. Возвращение контекста может происходить с помощью разных модальностей, а также посредством виртуальной реальности.

Преимущества компьютерного моделирования позволяют расширить пространство проектирования. Не решен главный вопрос, почему психологически так сложно воспринимается информация об археологических памятниках?

Если в картинной галерее можно окинуть взглядом ряд полотен и, обойдя кругом скульптуры, получить предварительное представление о выставке, то представим, что было бы, если приходилось заходить в каждую из картин и проживать там жизнь каждого художника. Метафора для археологической выставки будет гораздо сложнее, не известно, где и когда возможен выход. Следовательно, для понимания древнего прошлого нужно смоделировать не только экспозиционное пространство как объем, но и показать модель мира, из которого был извлечен музейный предмет. Для археологической экспозиции требуется задействовать различные модальности и устойчивые ассоциативные связи.

Произведения изобразительного искусства, по сути, изначально являются проекцией некой реальности на плоскость. Совмещение плоскостей и позиционирование одной геометрической фигуры в другой сводится к математическому расчету. Таким образом, постановка задачи трехмерного моделирования археологической экспозиции будет концептуально отличаться от обычной задачи проектирования с двухмерными проекциями. Параметры моделирования:

- Пространство – время;
- объем восприятия (витрина – экспозиция);
- точка зрения (куратор – рабочая группа).

В идеале такое моделирование следует производить в многопользовательской интерактивной дистанционно доступной программной оболочке.

Библиографический список
АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 307.

- Гроздилов Г. П., Столяр А. Д. К вопросу о построении музейной археологической экспозиции // Советская археология. 1958. № 4. С. 227–231.
- Гук Д. Ю., Мандрик М. В. Археологический музей, Отдел Древностей Эрмитажа и эллино-скифская выставка в документах из архивов Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН // Записки ИИМК. 2023. № 29. С. 231–241.
- Гук Д. Ю. Социалистическая реконструкция Государственного Эрмитажа: первая выставка Сектора доклассового общества 1933 года // Музей. Памятник. Наследие. 2024. № 2 (16). В печати.
- Ивашев Н. Н. Метод расчлененного показа текстового и табличного материала // Советский музей. 1936. № 1. С. 103–106.
- Крыжановский Б. Г. Принципы экспозиции этнографического музея // Музейное дело / Гос. Русский музей. Л., 1926. [Вып.] 4.
- Мансуров А. А. Техника музейного дела. М., 1931.
- Миллер А. А. Музейная мебель и ее оборудование // Музейное дело / Гос. Русский музей. Л., 1925. [Вып.] 2.
- Музейные экспозиции // Бюро музейной сценографии «Метаформа». URL: <https://meta-forma.ru/ways/muzejnye-ekspoziczii/> (дата обращения: 12.04.2023).
- Панкова С. В. Скифы в Великобритании: опыт сотрудничества Эрмитажа и Британского музея // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2020. Вып. 78. С. 129–143.
- Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2018.
- Поляков Т. П., Зотова Т. А., Пустовойт Ю. В., Нельзина О. Ю., Корнеева А. А. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». М., 2021.
- Равдоникас В. И. Маркс и задачи музейного показа в области истории доклассового общества // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3–4. С. 11–14.
- Сивков А. В. Дворцы Эрмитажа в советский период. СПб., 2018.
- Создание музейной выставки (методическое пособие). Казань, 2018.
- Соловьев К. А. Художественное оформление музейной экспозиции // Советский музей. 1936. № 1. С. 18–31.
- Шмит Ф. И. Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1928.
- Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М., 2020.
- Homburger O. Museumskunde. Breslau, 1924.
- Hook D., Kharitonova T., Nikitin A., Hermon S. Loop control control of emotional balance in a museum reality-virtuality continuum. Problem definition and proposed approach // EVA 2016. Electronic Imaging & the Visual Arts International Conference. Conference Proceedings. St. Petersburg, 2016. P. 131–136.
- Negri M. Developing exhibitions. Zwolle, 2021. URL: <https://www.developingexhibitions.info/> (дата обращения: 18.10.2022).
- Shanks M., Tilly C. Re-constructing Archaeology: Theory and Practice (New Studies in Archaeology). London, 1992. С. 68–99.

D. Yu. GUK, N. O. PIKOV

THE EVOLUTION OF THREE-DIMENSIONAL MODELING OF AN ARCHAEOLOGICAL EXPOSITION: THE STATE HERMITAGE MUSEUM CASE

The material remains of archaeological cultures are usually taken out of their context and placed in a museum as the objects for visual perception. Lack of understanding of the corresponding models of human reality complicates the perception process. The concept of an archaeological exposition may be presented in various modalities. However, a systematic approach to museum design requires a balanced and reasonable effect on the visitor of the exposition. The advantages of computer modeling allow expanding the design space. This study systematizes and demonstrates various techniques of influencing

the audience of the archaeological exposition at the State Hermitage Museum over the past hundred years.

Daria Yu. Guk – Candidate of Philological Science, State Hermitage Museum (Russia, St. Petersburg)

E-mail: hookk@hermitage.ru

Nikita O. Pikov – Candidate of Cultural Studies, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk)

E-mail: npikov@sfu-kras.ru

Е. Н. ДАНИЛОВА

МАГИЯ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА: КАРТА РЕКИ АНАДЫРЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н. Л. ГОНДАТТИ

В докладе на примере конкретного артефакта, а именно комплекта дощечек с «картинными изображениями» участка р. Анадырь, показано, как раскрывается потенциал музейного предмета через его особую магию. Рассматривается как произведение изобразительного искусства Арктики способно оживить историю и культуру, визуализировать окружающее пространство, сюжеты повседневной жизни и познакомить с мировоззрением народа.

Данилова Елена Николаевна – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: danilova@northarch.ru

Каждый музейный предмет таит в себе магию – он способен переносить нас в прошлое, оживлять историю и культуру, вызывать эмоции и воспоминания. Помимо своей самостоятельной ценности, он скрывает в себе уникальную историю, связанную с людьми, событиями, что делает его особенным и важным для сохранения наследия. Основная цель исследования заключается в том, чтобы через эту особую магию раскрыть потенциал конкретного артефакта в представлении многогранных аспектов культуры и показать, что существует такой угол зрения, при котором каждый музейный предмет становится не просто объектом, а ключом к пониманию окружающего нас мира и его истории.

В 1898 г. в этнографический музей Императорской Академии наук (сегодня Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург) поступила коллекция этнографических предметов, собранных Н. Л. Гондатти у чукчей, коряков, кереков, чуванцев, юкагиров, ламутов, русских во время его трехлетнего пребывания в Анадырском округе (291 предмет по Книге поступлений). В фокусе внимания комплект из 8 (9) дощечек с «картинными изображениями» (МАЭ № 408-140), которые, составляясь вместе, складываются в единую композицию – участок р. Анадырь с сюжетами повседневной жизни ее обитателей.

Известно, что карта существовала в двух экземплярах. В собраниях МАЭ каждая из дощечек в среднем достигает полуметра, а общая длина собранной карты в ее первоначальном виде составляла более четырех метров. Второй экземпляр, чуть больших размеров, хранился в Антропологическом музее Императорского московского университета [Адлер, 1910, с. 61]. Изначальное предназначение этих карт неизвестно, также неясно, кем они были созданы, был ли это один человек, и является ли одна из них копией другой. На обороте дощечек имеются надписи с порядковым номером, поясняющим месторасположение

предмета в общем комплекте. При поступлении в музей было девять дощечек, две из них, вероятно, были сколочены. В. Г. Богораз, описавший материальный быт оленных чукчей на основе коллекции Н. Л. Гондатти, упоминает только восемь предметов: «план реки Анадыря на 8 досках, исполненный с большой умелостью, и имеющий в длину около двух саженей. Все повороты реки переданы замечательно тщательно. В разных местах ее изображены олени и охотники за ними, людские жилища и леса, медведи и т. п.» [Богораз, 1901, с. 55; табл. 19, 2]. К настоящему времени дощечки 1, 8 и 9 отсутствуют полностью, а 3, 4 и 6 — частично.

На предметах, хранящихся в собраниях МАЭ, изображения выполнены черной краской, изготовленной из оленьей крови с сажей. С. В. Иванов, исследующий материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., подробно описывает сюжеты, которыми художник оживляет ландшафт карты и замечает, что «рисовальщик очень точно отметил протоптанные животными тропы, охотничьи шалаши, парусные суда на реке и деятельность охотников», особенно хорошо удалось передать движение — «одни животные лежат, другие стоят или идут, третьи бегут или несутся галопом» [Иванов, 1954, с. 456]. Отдельные элементы карты: протоки, мысы, острова отмечены цифрами. Надписи, вероятно, выполнены перьевой ручкой черными чернилами или краской. По мнению регистратора, цифры были проставлены самим собирателем, также существовал список топонимов, их комментирующий, который не сохранился (данные эти, однако, ничем не подтверждены).

Магия исследуемой карты очевидна, она не просто переносит нас в прошлое, а переносит в конкретное место, визуализируя окружающее пространство. Она в самом буквальном смысле оживляет историю и предстает в роли уникального источника, позволяющего изучать не только развитие материальной культуры и хозяйственного устройства населения, но и его мировоззрение, поскольку сама является средством концептуализации информации. Она показывает, как люди связывали события с пространством, пытались упорядочить свой мир. Когда-то именно эта карта, представленная на докладе в Москве, натолкнула Бруно Фридриховича Адлера на вопрос о происхождении карт в принципе, о чем он написал в предисловии своей работы «Карты первобытных народов».

Выполненная на дощечках карта реки Анадырь сама по себе является произведением изобразительной культуры Арктики, в котором воплощены усилия и достижения человеческого интеллекта. Ее можно причислить к тем редким изображениям, которые по мнению А. В. Головнёва, наряду с петроглифами Пегтымеля и рисунками чукчей, собранными в конце XIX в., дают «ключ к воображению-изображению Севера изнутри» [см.: 2021]. Сегодня комплект частично утрачен, мы не знаем, как пропали дощечки, которых не было при сверке уже в 1963 г., а на оставшихся предметах постепенно выцветает краска. Представление карты в интерактивной экспозиции, например, в роли «ожившего полотна» может дать возможность музею поделиться этим уникальным экспонатом.

Библиографический список

- Адлер Б. Ф. Карты первобытных народов. СПб., 1910.
 Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской Академии Наук. СПб., 1901. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук; т. 1).
 Головнёв А. В. Игра в карты: визуализация Севера // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 207–243.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л., 1954. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 22).

E. N. DANILOVA

THE MAGIC OF A MUSEUM ITEM: MAP OF THE ANADYR RIVER FROM THE COLLECTION OF N. L. GONDATTI

The paper shows how the potential of a museum object may be revealed through its special magic, based on a specific artifact, namely a set of plaques with the “picture images” of a section of the Anadyr River. The author demonstrates how a work of visual art of the Arctic may be capable of reviving history and culture, visualizing the environment, the scenes of everyday life, and offering ideas of the people’s beliefs.

Elena N. Danilova — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: danilova@northarch.ru

P. A. ИБРАЕВА

ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БЕРЕСТЯНОЙ УТВАРИ У ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ

Доклад посвящен выявлению значения берестяной утвари в традиционном быту восточных хантов. Приведен анализ предметов сохранения традиций изготовления вместилищ цилиндрической формы из этнографической коллекции музейного фонда МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр». В ходе исследования получен вывод о том, что народные традиции по технологии изготовления по сравнению с XX в. не изменились. Лишь для соединения отдельных фрагментов бересты в единый пласт, а также для обшивки краев устья, крышки и соединения дна к стенкам вместилища стали применять капроновые нити. Иногда вместо черемуховой драмки используют имеющийся древесный материал.

Ибраева Расима Аламетдиновна — Региональный историко-культурный и экологический центр (Россия, Мегийон)

E-mail: rasima_ibraeva@mail.ru

З. П. Соколова предполагает, что в I тыс. н. э. сформировались локальные группы хантов: северные — в Нижнем и Среднем Приобье, южные — в Нижнем и Среднем Прииртышье, и восточные — на Средней Оби и ее притоках Аган, Васюган, Вах, Лямин, Пим, Салым, Тромъёган, Юган [2023].

Восточные ханты сохранили многие архаичные черты культуры, в числе которых технологии изготовления берестяной утвари. До сих пор на территориях традиционного природопользования вместе с посудой промышленного производства используют самоделно изготовленную утварь. Данный факт подтверждает и Я. А. Яковлев в книге «На столе и вокруг него» из серии «Жизнь обских угров: взгляд изнутри» [Яковлев, 2011, с. 64].

Часть необходимой посуды в быту изготавливают из бересты.

По словам народного мастера П. В. Казамжиной: «Проще мастерить летом, когда береста имеет естественную природную эластичность. Пока сок в березе играет, береста сама отходит от ствола. Листья распустятся, кора прилипнет к стволу» [ПМА, 2022].

Г. М. Дмитриев-Садовников отмечал, что на Вахе бересту снимают: 1) весной, по насту; 2) в начале июня, когда легко отстает от луба; 3) осенью, когда спадает листва. Качество сырья зависит от сроков заготовки; выделяют четыре сорта: 1) грубую коричневую; 2) грубую не коричневую; 3) мягкую; 4) оклеечную [Дмитриев-Садовников, 1998, с. 90].

Для придания эластичности грубую бересту в XX в. вываривали в рыбьем жире. В настоящее время этот способ забыт. Бересту отмачивают в теплой воде.

Восточные ханты в быту изготавливают емкости квадратной, прямоугольной и трапециевидной в проекции форм:

Термин на русском языке	Термин на хантыйском языке ¹⁾
набирка	вуньчип, вынчып
заплечный кузов	кынт, хинт
куженька	савын, согэн, ай-савун

¹⁾ Все хантыйские термины, использованные в докладе, взяты из сургутского диалекта хантыйского языка, аганский говор.

Плотную осеннюю бересту с бурым нижним слоем применяют для изготовления круглых, овальных, прямоугольных в проекции коробов:

Термин на русском языке	Термин на хантыйском языке
туесок с крышкой	ай-кучэм, ай-кэчэм; аң алдэ ай-кучем, аң алдэ ай-кэчэм
туес, бурак	кучэм, кэчэм
короб с крышкой	йэңэл; аң алдэ йэңэл
короб с крышкой	йэңэл; аң алдэ йэңэл

Традиции изготовления берестяных вместилищ XX в. почти не изменились.

До сих пор коробка создают, складывая бересту в два слоя «рубашками» друг к другу с перпендикулярным направлением «чечевичек» — сосуды для дыхания ствола [Юрченко, 2015, с. 141], это предотвращает скручивание бересты, удерживает форму стенок.

В этнографической коллекции музейного фонда Регионального историко-культурного и экологического центра хранится более 150 ед. берестяной утвари, собранных в экспедициях с конца 1980-х гг. на территории Нижневартовского и Сургутского районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Коллекция регулярно пополняется.

Множество предметов позволяет провести анализ по сохранению традиций изготовления берестяной утвари у восточных хантов. В качестве примера выбраны емкости цилиндрической формы, поступившие от хантов, локализованных по рр. Аган, Вах, Тромъеган и Малый Юган. Всего 52 предмета. Из них 39 штук с берестяными поясками, 24 орнаментированных, 1 с деревянными дном и крышкой.

Выявлено применение цельного пласта бересты в изготовлении наружных стенок емкостей, внутренних, из двух–трех фрагментов. Стыки пластов наложены друг на друга, склеены рыбьим клеем или зафиксированы нитками.

Срезы устья и дна сформированы в круглой или овальной форме, укреплены берестяными поясками, на которых выскоблены геометрические узоры.

По контуру срезов обеих сторон края сжаты обручами из расщепленного черемухового прута или корня кедра. Обшивка проведена саргой. У аганских, тромъеганских хантов – из корня кедра, ваховских, юганских – из черемуховых прутьев. Прошивали и сухожильными нитями.

В изготовлении крышек и дна традиции сохранены более устойчиво. Их формировали из двух пластов бересты в соответствии с диаметром устья и дна. Склеены рыбьим клеем «рубашками» друг к другу с перпендикулярным сложением. Для прочности конструкции края плоскости укреплены деревянными ободками.

В отличие от дна, крышки выполнены по-разному. В коллекции встречаются накладные крышки трех видов: (1) в виде простого двухслойного круга, по контуру среза, укрепленного рейками и прошитого; к стенкам не фиксировались; (2) накладные крышки, с нижней стороны снабженные обручем из расщепленного прута черемухи или узкой ленты из бересты. Они свободно накладываются внутрь окружности устья емкости, при наклоне не сдвигаются. Фиксируются тесемками с крепиткой; (3) накладные крышки, оснащенные бортиком из плотной полоски бересты шириной 2–3 см, накладываются с внешней стороны емкости, плотно, в притирку закрывает емкость и не требует дополнительной фиксации.

Встречаются вставные крышки, у которых бортик пришит к укрепленной деревянным обручем или берестяной лентой плоскости в 1–1,5 см от края круга. Бортик крышки вкладывается во внутрь вместилища, держится плотно и прочно. Снаружи фиксируется за счет двух ровдужных петель с крепиткой.

Вместилища цилиндрической формы, выполненные мастерами разных локальных групп, имеют как общие технологические черты, так и отличительные. Основной отличительной чертой являются орнаменты. Декор ваховских и юганских мастериц не спутать с другими. Аганские и тромъеганские мастерицы счищают с деревянных ободков кору. Юганские счищают фрагментами в виде «зубов щуки» чередующихся квадратов. Или сохраняют ее. Только у ваховских мастериц встречается профилировка краев.

Стежки прошивки индивидуальны для каждой мастерицы, «почерк» шитья они поддерживают в создании любых вместилищ.

В ходе проведенного исследования получен вывод, что в технологиях изготовления вместилищ из бересты восточные ханты до сих пор следуют традициям своих предков.

По сравнению с XX в. заменяются лишь материалы, соединяющие отдельные фрагменты берестяных изделий в единый предмет. Для обшивки краев устья, крышки и соединения дна к стенкам вместилища применяют капроновые нити. Иногда заменяют древесину одних видов на другие, более доступные. При этом сохраняются индивидуальные нюансы каждой мастерицы.

Самодельные берестяные вместилища в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО – Югры изготавливают не столько как сувенирную продукцию, как для собственного потребления, сохраняя семейный быт, женские хозяйственные занятия и закрепляя

знания орнаментов и технологий изготовления, что придает большую устойчивость всем элементам традиционной культуры восточных хантов.

Библиографический список

- Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки. Екатеринбург, 1998.
 Полевые материалы автора (ПМА), 2022.
 Соколова З. П. Ханты // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/khanty-87a55a> (дата обращения: 15.04.2024).
 Юрченко В. Н. Декоративно-прикладное искусство. Курс лекций для студентов специальности 02 06 02 01. Б. м., 2015.
 Яковлев Я. А. На столе и вокруг него. Серия: Жизнь обских утров: взгляд изнутри. Томск, 2011. Т. 1.

R. A. IBRAEVA

EASTERN KHANTY TRADITIONS OF MAKING BIRCH BARK ITEMS

The subject of the article is the study of birch bark items importance in the traditional life of the eastern Khanty. The author studied the evidences of the preservation of traditions of making cylindrical containers from the ethnographic collection of the museum fund of the MAI "Regional Historical, Cultural and Ecological Center". The analysis led to a conclusion that the artisans technological traditions did not change since the 20th century. The only improvement was the use of nylon fiber to connect individual birch bark fragments into a single sheet, as well as for strapping the edges of the mouth, the cover, and connecting the bottom to the walls of a container. Sometimes, the available wood material is used instead of the cherry shingles.

Rasima A. Ibrayeva – Regional Historical, Cultural and Ecological Center (Russia, Megion)
 E-mail: rasima_ibraeva@mail.ru

Д. А. КУКАНОВ, Ю. С. КОНЬКОВА

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «КОЧЕВНИКИ АРКТИКИ: ИСКУССТВО ДВИЖЕНИЯ» В ВЫСТАВОЧНОМ И ОНЛАЙН ПРОСТРАНСТВАХ

В докладе авторы делятся своим опытом трансляции и репрезентации историко-культурного наследия кочевников Арктики и рассказывают о том, как научный проект «Кочевники Арктики: искусство движения» представлен в выставочном и онлайн пространствах. В первом случае результаты научного исследования мобильных технологий северных кочевников объединили с экспозиционным пространством музея и представили в формате временной выставки, что позволило научному проекту выйти на уровень презентации результатов исследований для широкой аудитории. Во втором случае, реализовано представление визуальных материалов в виртуальном пространстве. На трех основных очагах арктического нomaдизма – Чукотка, Ямал и Кольский полуостров создан цифровой проект, своеобразный онлайн-портал, сетевой музей кочевников.

Куканов Денис Алексеевич – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
 E-mail: kukanov-d@yandex.ru

Конькова Юлия Сергеевна – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
 E-mail: julialim@list.ru

Выставка «Кочевники Арктики: искусство движения» реализована 14 марта – 31 мая 2019 г. на площадке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге. Результаты научного исследования мобильных технологий северных кочевников [Головнёв, Куканов, Перевалова, 2018] и экспозиционное пространство музея объединили и представили в формате временной выставки, что позволило научному проекту выйти на уровень презентации результатов исследований для широкой аудитории.

Следующим этапом реализации проекта стало представление визуальных материалов о кочевых технологиях трех основных очагов арктического номадизма – Чукотка, Ямал и Кольский полуостров – в виртуальное пространство. Форматы книжной публикации или архитектура выставочного пространства накладывали отпечаток на выбор композиционного решения и формы подачи материала [Куканов, Конькова, с. 44]. Виртуальный проект требует согласования двух элементов: смыслового и технологического [Черненко, 2021, с. 100]. В контенте сайта использованы материалы (тексты, фотографии, иллюстрации, видеосюжеты) многолетних научных исследований группы этнографов и дизайнеров под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва и музейное собрание МАЭ РАН (иллюстративный ряд, предметные коллекции).

Особенность виртуального пространства – взаимодействие пользователя с контентом через понятный интерфейс. Благодаря возможностям веб-дизайна интерактивной демонстрации контента решалась главная идея проекта – передать движение. Образ «живой книги» предполагает отсутствие линейных алгоритмов, ограничений передвижения по сайту, поэтому решением для главной страницы стал ролик с кружением оленей и облаком тегов (тем) для перехода дальше по структуре сайта. Такое размещение главного меню позволяет начать знакомство с практическим руководством «Как быть кочевником», выбрав любую из тринадцати тем. Структура сайта включает основные концепты северного номадизма: слитное времяпространство, кочевой трансформер, мобильный модуль, вещный минимализм, «оленье мышление», гендерные ритмы, треки и стратегии, северная эстетика, боги Арктики, а также частные детализированные направления: рассказ о трех тундрах, мобильном жилище, тундровой одежде, кочевом транспорте, оленеводстве. Свободное расположение тегов, анимация текста по наведению позволяет пользователю самому выбрать позицию, с которой он начнет знакомство со стратегиями и практиками традиционного и современного северного номадизма.

Цифровой проект «Кочевники Арктики: искусство движения» – это попытка преобразовать накопленные научные, полевые материалы в актуальный формат виртуальной выставки – своеобразный онлайн-портал в сетевой музей кочевников, чтобы получить ответ на главный вопрос: «что значит быть кочевником?» Посетитель попадает туда через пользовательский интерфейс веб-сайта. Задача авторов организовать для него большой объем информации (инфографику, анимированные схемы, фото-видеоряд, мультимедиа-каталог предметов культурного наследия кочевников из собрания МАЭ (Кунсткамера) РАН) так, чтобы привлекательная форма изложения в киберпространстве была понятна, доступна и вместе с тем передавала динамику и ритм движения. Схемы сборки мобильного жилища оживают по «скроллу» или наведению. Такая интерактивность решает проблему демонстрации контента в статике в книжном и выставочном пространстве, пользователь взаимодействует с сайтом и тем самым оживляет многомерные картины движения кочевников, сложившиеся в процессе обширных полевых сборов [Головнёв, Куканов,

Перевалова, 2018; Шаховалова, Шаховалов, 2021]. Само пространство киберпроекта не имеет границ, пользователь может сам выбрать, как ему двигаться по сайту: линейно по географическому принципу или сравнивая модули (жилище, транспорт, оленеводство и др.) между собой. Проект направлен на сохранение, трансляцию и репрезентацию историко-культурного наследия кочевников Арктики в интерактивном формате [Шаховалова, Шаховалов, 2021, с. 359].

Библиографический список

- Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб., 2018.
 Куканов Д. А., Конькова Ю. С. Кочевники Арктики: научный проект на музейной площадке // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 39–48.
 Черненко В. В. Музейные виртуальные выставки: терминологический аспект // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 97–101.
 Шаховалова Е. Г., Шаховалов Н. Н. Виртуальные выставки как актуальная форма музейной коммуникации // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2021. № 3 (40). С. 358–367.

D. A. KUKANOV, Yu. S. KONKOVA

RESEARCH PROJECT “NOMADS OF THE ARCTIC: THE ART OF MOVEMENT” IN THE EXHIBITION AND THE ONLINE ENVIRONMENTS

The authors share their experience of popularization and representation of historical and cultural heritage of the nomads of the Arctic and provide an account of organizing presentations of the research project “Nomads of the Arctic: the Art of Movement” in the exhibition and online environments. In the former case, the results of the study of mobile technologies of the northern nomads were combined with the exposition space of the museum and presented them in the format of a temporary exhibition, which allowed sharing the findings of research project with a wide audience. In the latter case, the visual materials have been represented in a virtual environment. A digital project, a kind of an online portal, or a network museum of the nomads was created on the basis of three main centers of Arctic nomadism – Chukotka, Yamal, and the Kola Peninsula.

Denis A. Kukanov – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: kukanov-d@yandex.ru

Yulia S. Konkova – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: julialim@list.ru

E. П. МАРТЫНОВА

ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МАНСИ И ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ

В докладе автор обращается к реконструкции этногенетических процессов в Среднем Приобье. Вывод лингвистов о сепаратных связях мансийского и восточного хантыйского языков дополняется археологическими и этнографическими данными. Карымский этап нижнеобской археологической культуры связывается автором с предками манси. Языковая общность манси и восточных хантов подтверждается параллелями в культе лося, способах ношения платков, способах орнаментации. Важным свидетельством миграций с Конды в Среднее Приобье служит кондинское происхождение главного божества юганских хантов Кон-ики, а также проживание в первой половине XIX в. представителей одной из основных фамилий юганских хантов (Каюковы) в волости Большая Юконда.

Приведенные сведения показывают, что в этногенетических процессах на территории Северо-Западной Сибири большую роль играли не только меридиональные подвижки населения, но и широтные миграции.

Мартынова Елена Петровна — д.и.н., Тульский государственный педагогический университет (Россия, Тула)
E-mail: ep_martynova@mail.ru

Проблемы этногенеза традиционно считаются дискуссионными. Разные исследовательские подходы, неоднозначность трактовок, хронологические погружения в столетия и даже тысячелетия, нестыковки в данных смежных наук порождают научные споры, в ходе которых выдвигаются и аргументируются различные гипотезы. Длительное время исследователи исходили из того, что в процессе культуриногенеза хантов и манси происходило взаимодействие северных, аборигенных групп населения, и пришлых южных скотоводов-угров (В. Н. Чернецов, З. П. Соколова, Н. В. Лукина, Е. Г. Федорова). С 1990-х гг. преобладает точка зрения, что формирование обско-угорских народов протекало в течение длительного времени на обширной территории, причем у каждой из этнолокальных групп была своя история, в ходе которой взаимодействовали разные этнические компоненты (А. В. Головнёв, Е. П. Мартынова, Е. В. Перевалова и др.).

Побудительным мотивом для обращения автора к этногенетическим проблемам на территории Среднего Приобья послужило прочтение недавно защищенной диссертации А. Ю. Урманчиевой [2023]. Ее автор пришла к важному (и аргументированному!) выводу о непосредственных контактах мансийского и южносамодийских языков (в большей степени селькупского, в меньшей — камасинского), сохраняющихся после распада самодийского и обско-угорского праязыков [Там же, с. 51]. При этом ближе всего к мансийскому располагался предок современного восточного хантыйского языка. В целом же хантыйский язык был распространен севернее мансийского в верхнеобском лингвистическом ареале [Там же, с. 65]. А. Ю. Урманчиева представила в своем исследовании соответствующие карты (к большому сожалению, они не датированы), отражающие расселение разных языковых групп, проживавших в Среднем Приобье [Там же, с. 235, 236]. Этот сюжет о мансийско-восточно-хантыйских языковых связях можно развить, дополнив данными о параллелях в культуре этих этнических групп.

Обратимся к археологии. В. Н. Чернецов в 1957 г. выделил карымскую культуру на основе раскопок городища Карым в бассейне Конды, которую он считал угорской [1957]. Позже екатеринбургские археологи стали рассматривать ее как карымский этап нижнеобской культуры IV–VI вв. Городища того времени на Средней и Нижней Конде, Сальме и в Сургутском Приобье имели сходную керамику, что объяснялось проникновением угров в Среднее Приобье из западных районов — с Конды [Федорова и др., 1991, с. 131–133]. Думаю, что карымский этап (культуру), учитывая выводы А. Ю. Урманчиевой, можно связать с манси. Тогда, видимо, правомернее говорить не о проникновении угров с Конды через Нижнее Прииртышье, Демьянку и Сальм на Среднюю Обь, а о расселении в IV–VI вв. на всей этой территории предков современных манси.

Стоит обратить внимание на то, что главный дух-покровитель юганских хантов Кон-ики был когда-то привезен с Конды. Имя божества ханты связывают с этой рекой: «Контых» — Конда. Еще в середине XX в. ханты с Югана ездили на Конду для совершения зимнего

жертвоприношения Кон-ики [Мартынова, 2002, с. 84]. Одна из распространенных фамилий юганских хантов — Каюковы (одноименные юрты расположены на Большом Югане). В материалах ревизских переписей первой половины XIX в. Каюковы числились в вогульской волости Большая Юконда [Пивнева, 1999, с. 100].

Обратившись к этнографическим материалам, можно найти параллели в культуре восточных хантов и манси. З. П. Соколова нашла сходство в охоте и почитании лося [2009, с. 107]. Н. В. Лукина обратила внимание на общее в практике ношения платков на Тромъегане и Конде [1985, с. 219]. Она же указала, что ваховские ханты ставят метку на уши оленя, прокусывая зубами, что напоминает способ орнаментации бересты у манси [Лукина, 1984, с. 12].

Приведенные сведения показывают, что в этногенетических процессах на территории Северо-Западной Сибири большую роль играли не только меридиональные подвижки населения, но и широтные. С позиций природной зональности бассейн Конды и Среднее Приобье относятся к одной среднетаежной зоне, где развивалось рыболовно-охотничье хозяйство.

Библиографический список

- Лукина Н. В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10–17.
- Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985.
- Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 82–91.
- Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999.
- Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009.
- Урманчиева А. Ю. Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири: на материале самодийских языков: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2023.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. Обзор и классификация материала // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1957. № 58. С. 136–245.

E. P. MARTYNOVA

ETHNOGENETIC TIES BETWEEN THE MANSI AND THE EASTERN KHANTY

The author attempts to reconstruct the ethnogenetic processes in the Middle Ob region. The linguists' conclusion about the existence of separate ties between the Mansi and the Eastern Khanty languages is supplemented by the archaeological and ethnographic data. The author relates the Karym stage of the Lower Ob archaeological culture to the ancestors of the Mansi. The linguistic affinity of the Mansi and the Eastern Khanty is confirmed by the parallels in the moose cult, the ways of wearing scarves, and the styles of ornamentation. An important evidence of migrations from the Konda River to the Middle Ob region was the Konda origin of the main deity of the Yugan Khanty, Kon-iki, as well as the concentration of the families with one of the most popular family names (Kayukovs) in the Bolshaya Yukonda province in the first half of the 19th century. The provided information shows that in addition to the meridional movement of population, the latitudinal migrations also played an important role in the ethnogenetic processes in the territory of Northwestern Siberia.

Elena P. Martynova — Doctor of Historical Sciences, Tula State Pedagogical University (Russia, Tula)
E-mail: ep_martynova@mail.ru

В. В. МЕДВЕДЕВ

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: КЕЙС ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Человек испытывает потребность в отождествлении себя с какими-либо сообществами — гражданским социумом, этнической группой, религиозной общиной, профессиональным объединением и другими. Собственное самоопределение в многообразии городского пространства выступает необходимым инструментом для создания и поддержания устойчивой идентичности. Свое место в вариативной системе идентичностей занимает этничность, предопределенная при рождении или сконструированная жизненными обстоятельствами — пространством, кругом общения, межэтническим браком, религиозным неопитством, вынужденной трансформацией этнического самосознания. Материалы анализируют конкретные примеры социальных практик городского пространства Сургута, рассматривающие деятельность национально-культурных объединений, функционирование виртуального этнического комьюнити и их вариативность. Делается вывод о неоднозначности представленных социальных практик и необходимости актуализации изучения проблемы этничности в пространстве северного города.

Медведев Владислав Валентинович — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН; Сургутский государственный педагогический университет (Россия, Екатеринбург; Сургут)
E-mail: vlad.etno@mail.ru

Среди доступных инструментов сохранения и демонстрации этничности в пространстве северного города следует отметить деятельность национально-культурных объединений, своим энтузиазмом поддерживающих этническую культуру внутри конкретной группы горожан, солидарных между собой благодаря кровному родству и единству исторической памяти. Организация встреч, традиционных, справедливее — квази-традиционных, праздников, концертная деятельность и участие в городских фестивалях и проектах, вызывают симпатии к инициативным людям таких объединений со стороны собственной этнической группы и позволяют им наращивать социальный капитал. Так, в июне 2022 г. «Союз ногайской молодежи» г. Сургута и близлежащих населенных пунктов впервые принял участие в фестивале национальных культур города Сургута «Соцветие», что стало знаковым событием для всех ногайцев Югры. На таком уровне демонстрация ногайской культуры в регионе ранее не осуществлялась и вызвала положительный отклик и этническую солидаризацию [Медведев, 2022, с. 138].

Ранжирование участников национально-культурных объединений на категории, выделенные философом В. С. Малаховым, «романтики» и «прагматики»/«этнические предприниматели» справедливо и вполне объективно. «Романтики» предсказуемы — это энтузиасты, стремящиеся сохранять и транслировать этническую культуру, демонстрирующие ревитализацию этничности в условиях современности и старающиеся вовлечь в круг своих интересов наибольшее количество представителей собственной этнической группы и всех заинтересованных. «Прагматики», иначе «этнические предприниматели», представляют собою общественных деятелей, обращающихся к этничности как к возможности достижения и приумножения собственной репутации, направленной и на коммерческую составляющую [Малахов, 2007, с. 185–196]. Подобный подход вполне логичен, поскольку современные возможности и грантовые конкурсы социальных и прикладных проектов позволяют получить финансовую поддержку на развитие деятельности национально-культурных объединений.

Следует понимать, что вторая категория внешне осуществляет достаточно продуктивную работу. Однако их деятельность направлена на коммерциализацию этничности, носящую «развлекательный» контент и самоотверженности в деле сохранения этнической культуры и идентичности, не наблюдается. Безусловно, о противоположном говорится в социальных сетях, средствах массовой информации и публичных выступлениях, в которых затрагиваются вопросы культуры и самосознания этнических групп, но на деле — ситуация иная.

Социальная практика ревитализации этничности в городских ритмах активно осуществляется в киберпространстве и посредством систем обмена сообщениями — мессенджеров. Чувашей-сургутян, например, объединяет в Viber сообщество «Чуваши Сургута», созданное в 2015 г. В сообществе насчитывается более 300 участников, функционирует оно ежедневно. Общение осуществляется преимущественно на русском языке, отдельные сообщения публикуются на чувашском. Необходимо отметить, что «беседы» сообщества связаны исключительно с решением текущих повседневных запросов. Сообщения можно разделить на условные категории: трансфер и транспортные услуги, коммерция, недвижимость, специалисты, события, чувашская эстрада (в данном случае размещаются выступления профессиональных и начинающих артистов, любителей). В 2023 г. только одна новость соответствует преамбуле, заявленной в описании сообщества, то есть адресована этничности. Это информация о проведении 12 марта «интерактивно-развлекательной программы (?! — В. М.) *Майкун* коллектива чувашской культуры *Туслайх*» в Городском культурном центре с указанием адреса, времени и необходимости приобретения пригласительного билета.

При систематизации и анализе материалов сообщества налицо отсутствие модерации, несмотря на заявление администратора о популяризации знания по истории и культуре чувашей, и цитату «наше сообщество посвящено *Чăвашлăху* — Чувашскому миру во всем его многообразии». Из этого следует казус — несмотря на вполне благородную цель создания и функционирования сообщества, в принципе отсутствует научно-просветительский контент, то есть размещение тематической для участников информации о чувашских традициях и конкретных событиях из истории народа. Кроме того, налицо и отсутствие системности в существовании сообщества, оно «автономно», что приводит к противоречиям между участниками. Например, не всех устраивает публикация изображений с пожеланиями «доброго утра», «хорошего дня» и прочего. Причем, публикуют их на русском и чувашском языках. Спорной выглядела ситуация, сложившаяся вокруг размещенного онлайн-опроса с просьбой принять участие в нем для выявления маркеров и особенностей репрезентации этничности чувашей в Югре.

На примере данного сообщества мы наблюдаем виртуальное этническое комьюнити, объединяющее людей в единый конструкт, несмотря на отсутствие личного знакомства и регулярного общения. De facto, оригинальная вариация «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона [2016, с. 47]. Поскольку многие темы для обсуждения связаны с жизненными ситуациями и что немаловажно получают отклик и ответы, эти действия можно интерпретировать как актуальную форму традиции *нине* — безвозмездной коллективной взаимопомощи у чувашей на уровне семьи и всей общины, а в конкретном случае, сообщества в мессенджере, то есть землячества в пространстве северного города.

Библиографический список

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.
- Малахов В. В. Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1 (51). С. 185–196.
- Медведев В. В. Северное измерение ногайцев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 3 (37). С. 128–141.

V. V. MEDVEDEV

ETHNICITY AS A SOCIAL PRACTICE TOOL: THE CASE OF A NORTHERN CITY ENVIRONMENT

Every individual feels the need to identify oneself with some community, e. g. a civil society, an ethnic group, a religious community, a professional association, etc. Self-identification in the diverse contexts of urban environment is a necessary tool for creating and maintaining a stable identity. Ethnicity, predetermined at birth or constructed by circumstances of life — environment, social contacts, interethnic marriages, religious neophytism, forced transformation of ethnic identity, has its own place in the variable system of identities. The paper analyzes specific cases of social practices in the Surgut urban environment, considering the activities of the national-cultural associations, the functioning of a virtual ethnic community and their variability. The author comes to a conclusion about certain ambiguity of the described social practices and the need to actualize the study of ethnicity problem in the environment of a northern city.

Vladislav V. Medvedev — Candidate of Historical Sciences, Institute History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; Surgut State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg; Surgut)
E-mail: vlad.etno@mail.ru

Е. В. ПЕРЕВАЛОВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ Г. Д. ВЕРБОВА В СОБРАНИИ МАЭ РАН

Научное наследие (архив, этнографические коллекции, рисунки, фотодокументы) советского лингвиста и этнографа, педагога и практика североведения Г. Д. Вербова хранится в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Большая часть материалов не опубликована. Собранные неутомимым полевиком и знатоком немецкого языка этнографические коллекции представляют культуру тундровых ненцев, энцев, долган второй половины XIX — начала XX в. В формировании собрания выделяются два этапа: 1930–1932 гг. — период работы молодого исследователя в Ненецком национальном округе и 1938–1939 гг. — время проведения «транс-ненецкой» экспедиции (Таймырский, Ямальский, Ненецкий национальные округа). Собранные Г. Д. Вербовым уникальные самодийские материалы и коллекции легли в основу сибирского тома «Народы СССР» и публикаций его коллег и учеников.

Перевалова Елена Валерьевна — д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

В фондах МАЭ РАН (отдел Сибири) хранится 17 этнографических коллекций, привезенных Г. Д. Вербовым из поездок на Крайний Север [Перевалова, Киссер, Комова, 2023], общей численностью 174 предмета (525 единиц хранения). Даты регистраций материалов свидетельствуют о нескольких этапах формирования собрания в период с 1932 по 1947 гг.

Самые ранние поступления датируются 1932 г. (МАЭ № 4580, 4581, 4585–4593). В 1939 г. были зарегистрированы коллекции МАЭ № 5703–5707. Коллекция МАЭ № 4695 была передана в фонды музея в 1947 г. О. Д. Шиллингер (сестрой Г. Д. Вербова).

Наиболее многочисленные этнографические коллекции по культуре и быту ненцев (11 коллекций, 90 предметов) были собраны Г. Д. Вербовым в 1930–1932 гг., во время его работы преподавателем ненецкого языка и экономической географии, а затем заведующим учебной частью Ненецкого комплексного техникума (Ненецкий национальный округ) [НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 20]. Первыми закупками, исполненными специально по поручению профессора В. Г. Богораз-Тана и на средства Института, стали предметы, приобретенные в селе Оксино и Нарьян-Маре, а также у оленеводов Малоземельской и Большеземельской тундр. Из Нарьян-Мара в музей было отправлено «семь ящиков с коллекциями» [НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 66, 69–69об., 78об–79, 80об., 85, 89; Д. 70. Л. 4–8; Д. 132. Л. 8–8об.]. В составе коллекций — модель зимнего чума (МАЭ № 4580), одежда и домашняя утварь (МАЭ № 4581, 4585, 4590, 4592), инструменты для обработки дерева, рога, кости, шкур (МАЭ № 4586, 4588, 4589), детали оленьей упряжи (МАЭ № 4588), включая, изделия и товары, приобретаемые ненцами у русских и коми и поставляемые на фактории советскими промышленными и торговыми организациями, а также детские игрушки (МАЭ № 4591) и предметы культа (МАЭ № 4587, 4593).

К наиболее ценным сам Г. Д. Вербов и его коллеги относили коллекции предметов культуры и быта сибирских народов (энцы, ненцы, долганы), собранные в ходе «транс-ненецкой» экспедиции 1938–1939 гг. (Таймырский, Ямальский, Ненецкий национальные округа). Среди экспонатов (5 коллекций, 91 предмет) выделяются энецкие — курительные трубки с ковырялками, женские нагрудные украшения со штампованным орнаментом и инструменты для их изготовления (МАЭ № 5703), боевые и охотничьи стрелы, костюм (шапки, «парка», нагрудник, обувь, глазная повязка, печатки) и атрибуты (бубен с коло-тушкой, подстилка-сиденье из сети деревянных рыб, духи-помощники и обереги) шаманки (МАЭ № 5706), ненецкие — игрушки-головоломки (МАЭ № 5704), духи-божества разных рангов, в том числе «всадника», шаманские одежда (шапка, «тунгусский ремень»), атрибуты («посох для проводов души умершего») и амулеты (МАЭ № 5707), долганский футляр для курительной трубки, прикреплявшийся одновременно к поясу и ноге (МАЭ № 5705).

Сбором коллекций по материальной и духовной культуре народов Севера Г. Д. Вербов, судя по сохранившимся в МАЭ дневникам, уделял особое внимание. Даже в подборках бытовых коллекций чувствуются глубокие этнографические знания, профессионализм и внимание к деталям. В полевых отчетах видна нацеленность Г. Д. Вербова на разнообразие комплектования коллекций (он не только выменивал, но и специально заказывал предметы и группы предметов). В дневниковых записях содержится важная этнографическая информация о предметах и зафиксированы обстоятельства их приобретения. В разных ситуациях Г. Д. Вербов предстает и как знаток ненецкой культуры, и как дотошный коллекционер, и как тонкий дипломат [НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 18об.–19, 37об., 49].

Практически все переданные в фонды МАЭ предметы были описаны лично Г. Д. Вербовым. Во многих описях сохранились его зарисовки и аннотации к предметам. Обращая внимание на высокий профессионализм описания предметов ненецких коллекций, Л. В. Хомич отмечала, что они могут служить «образцом коллекционных описей», поскольку сопровождаются соответствующими наименованиями на ненецком языке и дополнены

авторскими рисунками и пояснениями [2004, с. 81, 82]. Исключение составляет коллекция из 19 предметов охоты (ружье, лук, стрелы) и культа (бубны), переданная в музей уже после смерти Г. Д. Вербова (МАЭ № 4595). В этой же коллекции представлены приказ Обдорского инородческого подотдела с печатью Обдорского (остяцкого) князя Василия Тайшина.

Приобретенные на средства музея и переданные в дар коллекции Г. Д. Вербова разнообразны, хотя, по оценке самого собирателя, фонды МАЭ по культуре самодийских народов оставались неполными: коллекции тундровых ненцев требовали серьезной доработки, экспонаты по культуре энцев – «случайные собрания, совершенно не дающие общего и достаточного представления об этнографии» народа, а материалы по культуре лесных ненцев не были представлены вообще. В этой связи в январе 1941 г. Г. Д. Вербовым был разработан план-обоснование по докомплектованию самодийских коллекций в ходе новых полевых экспедиций в Таймырский, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа [НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137].

Собранные Г. Д. Вербовым уникальные самодийские материалы и коллекции легли в основу сибирского тома «Народы СССР» [НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 69–78, 80–85; Д. 175] и нескольких этнографических публикаций его коллег и учеников [Прокофьева, 1951; 1953, Хомич, 1995, с. 12–15].

Библиографический список

- НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167.
 НА МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 175.
 Перевалова Е. В., Киссер Т. С., Комова Е. А. Наследие Григория Давыдовича Вербова в МАЭ РАН (к 115-летию юбилею исследователя Севера) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 316–351.
 Прокофьева Е. Д. Энецкий шаманский костюм // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1951. Т. 13. С. 126–153.
 Прокофьева Е. Д. Материалы по религиозным представлениям ненцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1953. Т. 14. С. 194–230.
 Хомич Л. В. Ненцы. СПб., 1995.
 Хомич Л. В. Григорий Давыдович Вербов – исследователь традиционной культуры и языка ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Пярых Сибирских чтений. СПб., 2004. Ч. 1. С. 75–82.

E. V. PEREVALOVA

ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS OF G. D. VERBOV IN THE MAE RAS FUNDS

The academic legacy (the archive, ethnographic collections, drawings, photographic documents) of the Soviet linguist and ethnographer, teacher and the Northern studies practitioner G. D. Verbov forms part of the funds of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS. Most of the materials have never been published. The ethnographic collections compiled by the indefatigable field worker and an expert in the German language represented the culture of the tundra Nenets, Ents, and Dolgans of the second half of the 19th – early 20th centuries. There are two stages in

the formation of the collection: 1930–1932 – the period of work of the young researcher in the Nenets National Okrug and 1938–1939 – the time of the “Transnenets” expedition (the Taimyr, the Yamal, and the Nenets National Okrugs). The unique Samoyed materials and collections compiled by Verbov formed the basis of the Siberian volume of the “Peoples of the USSR” and various publications by his colleagues and students.

Elena V. Perevalova – Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

Е. А. ПИВНЕВА

О «СТЕНАХ» И «МОСТАХ» В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ ЭТНОМУЗЕЕВ ГОРОДА ХАНТЫ-МАНСЕЙСКА

В докладе речь пойдет о современных музейных практиках обращения с культурным наследием обских угров (ханты и манси) как механизме сохранения и развития этнической идентичности. Исследование опирается на концепт «культурного трансфера», который делает акцент на семантических сдвигах, возникающих при перемещении («импортировании») исторических форм наследия из одной культурной среды в другую (здесь – из прошлого – в настоящее, из села – в город). В качестве объекта изучения выступают этномузеи города Ханты-Мансийска, выполняющие функцию трансфера культурного наследия и одного из конструкторов современных форм этнической идентичности обских угров. «Стены» и «мосты» – широко используемая в различных исследовательских дискурсах метафора, которая в данном случае отражает две стратегии в деятельности городских музеев: (1) охранительная, опирающаяся на традицию (канон) и конструирующая этнические границы; (2) новая, основанная на творческих трансграничных подходах.

Пивнева Елена Анатольевна – к.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, Москва)
E-mail: pivnel@mail.ru

Этномузей относят к числу организаций, «наделенных современностью особыми полномочиями в области сохранения и передачи этнической культуры» [Рындина, 2010, с. 32]. Он является посредником между обществом и принадлежащим ему историко-культурным наследием, выполняет функцию трансфера (переноса, перемещения) этого наследия в современную, по большей части городскую, действительность [Эспань, 2018; Яковлев, 2008].

Вызовы стремительных перемен усиливают в деятельности музеев позицию отбора и сохранения «классических» образцов этнокультурного наследия. В процессе этого отбора активно задействована историческая память. Из «сундуков прошлого» она извлекает те или иные артефакты (вещи, события), которые представляются релевантными для конструирования этнических границ и призваны стать кирпичиками в здании актуальной идентичности [Репина, 2016, с. 82–99]. Утраченные или деформированные компоненты традиционной культуры восстанавливаются благодаря этнографическим работам авторов XIX – начала XX в., а также живым «носителям» и «хранителям» культуры [Головнёв и др., 2016, с. 142–148]. Такая стратегия созвучна современным настроениям многих представителей индигенных сообществ, которые «всеобщему процессу открытия различных границ противопоставляют растущую непроницаемость своих собственных» [Головлева, Дубовицкий, Женев, 2006, с. 55], задаваясь при этом вопросами: На каком историческом

и культурном наследии строить настоящее? Что из прошлого брать в будущее? Какие именно образцы культуры можно считать аутентичными?

Однако живя в современном мире трудно ограничиться одним прошлым, поэтому музей не может оставаться только лишь «хранилищем древностей». Сегодняшние сотрудники этномузеев ХМАО – Югры ведут активный поиск новых актуальных форм работы с культурным наследием: разрабатывают медиа-продукты с целью привлечения внимания к проблеме сохранения этнической культуры, предлагают немало интересных и даже оригинальных предложений в сфере этнографического туризма и пр. Наглядные примеры демонстрирует Музей под открытым небом «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск). В этом музее реализуется множество интерактивных выставочных проектов: «Этностойбище приглашает», «Летние ремесла обских угров», «История семьи в истории страны – след прожитой жизни» и др. Особой комплексной формой работы музея являются интерактивные проекты под общим названием «Музей живой культуры», в том числе посвященные традиционным праздникам и обрядам обских угров: «Вороний день», «Праздник Трясогузки», обряд приношения Луне «Тылащ пори» и др. (см.: <https://torummaa.ru/>). Примером инновационной деятельности на фундаменте этнических традиций может служить Музей Природы и Человека в г. Ханты-Мансийске, в котором богатое этноисторическое наследие региона представлено не только раритетными экспонатами, но и передовыми информационными технологиями (см.: <http://www.museum.ru/M1107>).

Стоит заметить, что новые формы этнической культуры выступают в музейных этнопроектах не только своеобразными «маркерами» коллективной и персональной идентичности, но и важными мобилизационными ресурсами, а также товарами или торговыми марками (брендами) [Перевалова, 2019, с. 61–270]. Для последних привязка к определенной традиции и/или локации, как правило, уже не имеет принципиального значения, отсюда – обобщенные и упрощенные образы этнической культуры и отдельных ее элементов.

Амбивалентная роль современного музея хорошо отражена в одном из высказываний Я. А. Яковлева, сотрудничающего с «Торум Маа»: «Музей – это посредник между обществом и принадлежащим обществу историко-культурным наследием. Поэтому он, как двуликий Янус, должен быть обращен и к обществу, и к наследию. Беда в том, что такой органичности достичь чрезвычайно сложно: музейные работники старой закалки смотрят только в сторону наследия, часто ограничивая свою роль до положения кладовщика около пыльных полок, а ретивые современные менеджеры готовы ради пресловутого «музейного продукта» превратить музей в бездумное шоу, совершенно не понимая главной задачи “спасти и сохранить”» [Яковлев, 2008, с. 34].

Таким образом, сегодняшний музей выполняет функцию трансфера культурного наследия, который осуществляется посредством культурных практик и определяет современные формы идентичности. В этом процессе некие образцы культуры (культурные формы) могут перейти в современный контекст: (1) в относительно неизменном виде (речь в этом случае идет об аутентичности, традиции); (2) в креативной/творческой переработке. В связи с этим возникает вопрос: какова может быть степень переработки (воображения), чтобы тот или иной культурный артефакт продолжал оставаться в рамках этнической культуры?

Библиографический список

Головлева Е. Л., Дубовицкий В. В., Женев М. Основы межкультурной коммуникации. М., 2006.

- Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4. С. 142–148.
- Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019.
- Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое Прошлое/ The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
- Рындина О. М. Музей и современная этническая культура // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 28–32.
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018.
- Яковлев Я. А. Музейная сеть Ханты-Мансийского округа – Югры завтра // История и культура Югры через музейную витрину. Ханты-Мансийск, 2008.

E. A. PIVNEVA

“WALLS” AND “BRIDGES” IN THE CULTURAL PRACTICES OF ETHNOMUSEUMS OF KHANTY-MANSIYSK

The report will focus on modern museum practices of treating the cultural heritage of the Ob Ugrians (the Khanty and the Mansi) as a mechanism for the preservation and strengthening of ethnic identity. The study is based on the concept of “cultural transfer”, which focuses on the semantic shifts occurring in the process of moving (“importing”) historical heritage forms from one cultural environment to another (here – from the past to the present, from the countryside to the city). The objects of study are the ethnomuseums of Khanty-Mansiysk, which perform the function of cultural heritage transfer, as well as one of the constructors of modern forms of ethnic identity of the Ob Ugrians. The “walls” and “bridges” represent a metaphor widely used in various research discourses, which in this case reflects two strategies in the work of urban museums: (1) protective, relying on tradition (canon) and constructing the ethnic boundaries; (2) and a new one based on creative cross-border approaches.

Elena A. Pivneva – Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: pivnel@mail.ru

A. В. РОДИОНОВА

МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ КАК ИСТОЧНИК СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЫШИВКИ ЖЕНСКИХ РУБАХ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ОБСКИХ УГРОВ

В докладе приведен краткий обзор музейных коллекций образцов вышивки женских рубаш XIX – начала XX вв., характерных для южной группы обских угров, из собраний Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Национального музея Финляндии, Этнографического музея Будапешта и других. Определен видовой состав (целые рубашки, их части) и соотношение выявленных предметов в разрезе этнической принадлежности (ханты/манси), географической локализации (бассейн рр. Конда, Иртыш, Салым). Источником информации послужили общедоступные электронные базы данных (каталоги) этнографических коллекций и фотофондов, тематические издания по вышивке обских угров, архивные документы.

Родионова Алена Владимировна – к.э.н., АНО «Малая родина», Центр народных художественных промыслов и ремесел (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: 19_alen@mail.ru

В условиях глобализации и урбанизации вопросы сохранения и актуализации этнокультурного наследия становятся все более актуальными. Музейные собрания выступают уникальным источником для восстановления полностью утраченных объектов этнокультурного наследия и традиций [Глушкова, 2019]. Ярким, но, к сожалению, утраченным явлением культуры южных групп обских угров является женский костюм, в первую очередь — рубахи-туники из домотканого полотна (крапива, конопля, лен), вышитые цветными шерстяными нитками. Образцы этого искусства сохранились в этнографических коллекциях XIX — начала XX вв., а также в фотофондах ведущих музеев России и Европы.

В российских музеях выявлено 124 единицы хранения образцов вышивки женских рубах, характерных для южных групп обских угров.

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск

Количество выявленных единиц хранения: 75 [Государственный каталог...; Переписка секретаря...].

Этническая принадлежность: ханты, манси.

Период изготовления: XIX — начало XX вв.

Собиратели: В. Н. Пигнатти (Конда, 1910), Л. Р. Шульц (Иртыш, 1908; Конда, 1910; Салым, 1911), И. К. Вислоух (Конда, 1914), нет данных (Вах (?), 1897; Иртыш, 1899 и др.).

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

Количество выявленных единиц хранения: 33 [Государственный каталог...].

Этническая принадлежность: ханты, манси.

Период изготовления: конец XIX в.

Собиратели: Л. Р. Шульц (Салым, 1911), А. А. Дунин-Горкавич (Малый Салым, 1912), нет данных (Конда).

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Количество выявленных единиц хранения: 10 [Коллекции МАЭ РАН...].

Этническая принадлежность: ханты.

Период изготовления: XIX в.

Собиратели: М. А. Кастрен (Иртыш, 1847), С. К. Патканов (Конда, 1888), У. Т. Сирелиус (Иртыш, 1901), А. А. Дунин-Горкавич (Салым, 1904), М. А. Елачич (Березовский округ, 1904), Л. Р. Шульц (Иртыш, 1911).

Музей Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск

Количество выявленных единиц хранения: 4 [Государственный каталог...].

Этническая принадлежность: ханты.

Период изготовления: конец XIX в.

Собиратели: нет данных.

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского, г. Салехард

Количество выявленных единиц хранения: 1 [Государственный каталог...].

Этническая принадлежность: нет данных.

Период изготовления: XIX в.

Собиратели: нет данных.

Свердловский областной краеведческий музей имени О. Е. Клера, г. Екатеринбург

Количество выявленных единиц хранения: 1 [Государственный каталог...].

Этническая принадлежность: нет данных.

Период изготовления: конец XIX — начало XX в.

Собиратели: нет данных.

В музеях Финляндии, Венгрии и Великобритании выявлено 132 единицы хранения.

Национальный музей Финляндии, г. Хельсинки

Количество выявленных единиц хранения: 99 [Collections of the National Museum...; Орнаментака обских угров, 2019, с. 161–240].

Этническая принадлежность: ханты, манси.

Период изготовления: XIX — начало XX вв.

Собиратели: А. Э. Алквист (Конда, 1877), У. Т. Сирелиус (Конда, Иртыш, 1900–1901), А. Каннисто (Конда, 1904–1905) и др.

Этнографический музей Будапешта, Венгрия

Количество выявленных единиц хранения: 31 [Néprajzi Múzeum...].

Этническая принадлежность: ханты.

Период изготовления: конец XIX в.

Собиратели: А. Регули (Конда, Иртыш, 1844–1845), К. Папаи (Конда, Иртыш, 1888–1889), Я. Янко (Иртыш, Салым, 1898).

В венгерско-немецком издании 1921 г. приведены фотографии 5 из 16 рубах, 31 литография вышивок из коллекций К. Папаи и Я. Янко [Osztyak himzesek..., 1921, с. 4, 5].

Британский музей, г. Лондон, Великобритания

Количество выявленных единиц хранения: 2 [The British Museum...].

Этническая принадлежность: ханты.

Период изготовления: XIX в.

Собиратели: Г. Хойл (Тобольский статистический комитет, 1898).

Предметы в коллекциях перечисленных музеев можно разделить на четыре группы: целые рубахи, рубахи без становины (обрезан подол), обрезы старых и заготовки для новых рубах (нагрудная часть, рукава).

Таблица

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ОБРАЗЦОВ ВЫШИВКИ В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ

№ п/п	Музей	Рубахи женские с вышивкой				Всего ед. хр.
		целые	без по- дола	обрез	заготовка	
1	Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник	42	4	0	29	75

№ п/п	Музей	Рубахи женские с вышивкой				Всего ед. хр.
		целые	без подола	обрез	заготовка	
2	Российский этнографический музей	21	1	11	0	33
3	МАЭ РАН	8	0	0	2	10
4	Музей Природы и Человека	0	0	0	4	4
5	Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс	1	0	0	0	1
6	Свердловский областной краеведческий музей	0	1	0	0	1
7	Национальный музей Финляндии	29	56	0	14	99
8	Этнографический музей Будапешта	16	0	5	10	31
9	Британский музей	2	0	0	0	2
	ИТОГО:	119	62	16	59	256

95 % выявленных предметов имеют указание на этническую принадлежность, из них: 95 % – ханты, 5 % – манси. Данная статистика свидетельствует о незначительном распространении вышивки рубах среди манси. Ее наличие, вероятно, могло быть следствием контактов с ближайшими соседями – кондинскими хантами.

Для 84 % предметов удалось установить географическое место происхождения (в большинстве случаев вплоть до конкретного населенного пункта). Почти 60 % предметов вывезено из бассейна р. Конды, около 20 % из Нижнего Прииртышья и всего 5 % с р. Салым. Такая неравномерность во многом обусловлена численностью инородческого населения (около 1500, 1200 и 300 человек соответственно, по данным ревизии 1858 г.), обрусением жителей прииртышских юрт, количеством и временными рамками сборов коллекций. Вместе с тем, лидирующие позиции занимали юрты Красноярские в нижнем течении р. Конды, в которых произведено около четверти всех предметов.

В перспективе собранный материал может использоваться для анализа этнических и локальных особенностей кроя, размещения и техники вышивки, используемых орнаментов, воссоздания исторического костюма южных групп обских угров. Объектом исследования вышивки также могут выступать не включенные в данный обзор женские халаты (шабуры), платки, «татарские» косынки, мужские рубахи, штаны. Выявленный ареал производства указанных предметов может быть полезен для интерпретации археологических предметов, связанных с технологиями ткачества и женским костюмом.

Библиографический список

Глушкова П. В. Актуализация этнокультурного наследия музейными средствами // Вестник КемГУКИ. 2019. № 48. С. 125–134.

- Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections> (дата обращения: 15.04.2024).
- Коллекции МАЭ РАН. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Орнаментика обских угров. Томск, 2019.
- Переписка секретаря распорядительного комитета и консерватора Тобольского губернского музея В. Н. Пигнатти с учреждениями и частными лицами о комплектовании коллекций // ГАТоб. Ф. И151. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 99–107об.
- Collections of the National Museum of Finland. URL: <https://suomenkansallismuseo.finna.fi/?lng=en-gb> (дата обращения: 15.04.2024).
- Néprajzi Múzeum. Online Gyűjtemények. URL: <https://gyujtemeny.neprajz.hu/neprajz.start.php> (дата обращения: 15.04.2024).
- Osztyak himzesei. Magyar Nemzeti Múzeum Néprajzi Gyűjteményei. Budapest, 1921. № IV.
- The British Museum. Collection online URL: <https://www.britishmuseum.org/collection> (дата обращения: 15.04.2024).

A. V. RODIONOVA

THE ROLE OF MUSEUM FUNDS IN THE PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL HERITAGE: EMBROIDERED FEMALE SHIRTS OF THE SOUTHERN GROUP OF THE OB UGRIANS

The paper provides a brief overview of the museum collections of embroidered women's shirts of the 19th – early 20th centuries, characteristic of the southern group of the Ob Ugrians, from the collections of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve, the Russian Ethnographic Museum, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, the National Museum of Finland, the Ethnographic Museum of Budapest and others. The author described the type of garments (whole shirts, parts thereof) and their correlation with the specific ethnic groups (Khanty/Mansi), geographical localization (the Konda, the Irtysh, and the Salym river basins). The study was based on the public electronic databases (catalogs) of the ethnographic collections and photo funds, thematic publications on embroidery of the Ob Ugrians, and the archival documents.

Alena V. Rodionova – Candidate of Economic Sciences, ANO “Small Homeland”, Center of Folk Arts and Crafts (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: 19_alen@mail.ru

A. A. РУДЬ

КУЛЬТОВЫЕ АРТЕФАКТЫ: ИЗОБРАЖЕНИЯ БОЖЕСТВ ИЛИ ДАРЫ ДЛЯ НИХ?

С большой вероятностью можно предположить, что одной из характеристик картины мира древнего населения Сургутского Приобья были тотемистические и анимистические верования. Косвенным подтверждением этого тезиса могут служить многочисленные находки зоо-, орнито-, антропоморфных артефактов из металла, которые большинство археологов справедливо интерпретируют как культовые. С учетом материалов полевых этнографических исследований, проведенных у хантов Сургутского Приобья в 2002–2017 гг. автор предлагает рассмотреть особенности и функции культовых изображений восточных хантов.

Рудь Алексей Анатольевич – ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: raa@bk.ru

Сегодня у хантов Сургутского Приобья сохранились традиционные верования и культовые объекты (сакральные ландшафты, святилища, ритуальные площадки), где они отправляют ритуалы жертвоприношения в адрес божеств. Изображениями божеств чаще всего выступают деревянные антропоморфные (зооморфные, орнитоморфные) личины, либо уникальные предметы (артефакты из металла, старинное холодное оружие или изделия из стекла, необычного вида камни и пр.). При изучении культовых изображений божеств в некоторых случаях поверх деревянных фигур фиксируются металлические личины [Михалёв, 2000], имеющие сходство с археологическими находками.

В качестве даров в адрес божеств, помимо массовых их форм, таких как отрезки ткани, текстильные ленты, деньги, шкуры жертвенных животных, дарами могут выступать предметы, регламентированные культом конкретного божества. Такие дары могут быть представлены наконечниками стрел, ножами, котлами, жестяными изображениями [Михалёв, 2000; Морозов, 1992; Перевалова, Данилова, 2020; Морозов, Ведмидь, Бакалдин, 2002, с. 118; Рудь, 2018, с. 68–71], символическими луками, «пестиками» для перетирания черемухи [Михалёв, 2000; Сагалаев, 2019, с. 197, 198], предметами женского рукоделия [Михалёв, 2000, с. 13] и др. При значительных стилистических и технологических отличиях такие предметы всегда имеют общие признаки, характеризующие их как дары.

В целях реконструкции традиционных верований носителей археологических культур наше внимание привлекла проблема интерпретации культовой металлопластики [Зыков, 2012; Морозов, 1992; Чемякин, 2002]. И если сами археологические памятники, содержащие массовые находки культовой металлопластики, исключив их принадлежность к некрополям, можно уверенно маркировать как святилища, то вопрос об отнесении артефактов к изображениям божеств или дарам в их адрес остается дискуссионным. На неоднозначность интерпретаций указывают современные примеры из культовых практик восточных хантов. Сегодня, в большинстве случаев, у хантов Сургутского Приобья не наблюдается изготовление антропо-, зоо-, орнитоморфных фигурок (из дерева, металла) в качестве даров в адрес божеств. Таким образом, в наши дни практически каждое культовое изображение у сургутских хантов можно рассматривать как лик божества. Это же замечание касается и изображений личных божеств-покровителей человека *лунк*, небольшой «запас» которых может храниться в священных амбарчиках [Данилова, 2018, с. 135; Михалёв, 1999, с. 23]. Вместе с тем, описанная общая закономерность содержит множество исключений. Так на Тромъегане и Пиме функцию даров могут выполнять «кольчуги» в адрес верховного божества Нижнего мира — *Кын Ики*, имеющие вид полноростовых жестяных фигур анфас [Рудь, 2018, с. 68–71]. Известны единичные случаи приношения в дар божествам уникальных предметов (шкатулка, привозная зооморфная фигурка из камня и др.). Можно предположить, что такие уникальные дары со временем могут превращаться в изображения божеств через цепочку символических трансформаций: дар божеству — атрибут божества — помощник божества — персонификация (наделение уникального дара качествами божества). Похожие процессы происходят при случайных находках хантами артефактов — предметов, определяемых археологами как культовая металлопластика, древнее оружие, украшения. Как правило, такие находки воспринимаются коренными жителями как «божества» и сразу наделяются соответствующими функциями, а само место находки приобретает (подтверждает) сакральный статус ландшафта. Указания на подобные представления имеются у К. Ф. Карьялайнена, который в начале XX в. выделял

у югорских народов священные места, «которые были древними поселениями или... “городками”» – то есть археологическими памятниками [Карьялайнен, 1995, с. 65, 66]. Таким образом, артефакты, несущие в прошлом одну символику, сегодняшними носителями культуры могут быть наделены новыми смыслами и значениями.

В целом, массовые находки металлопластики на археологических памятниках, интерпретируемых как святилища, согласуются с одним из принципов дарообмена, который у обских угров отметила Е. П. Мартынова: духу, являющемуся покровителем определенной сферы, жертвуют те дары, которых у него нет [2022, с. 16]. Таким посылом могло руководствоваться древнее население Сургутского Приобья при жертвоприношениях изделий из привозного металла (бронза, медь) в адрес местных божеств. Но не исключена и обратная ситуация, когда из бронзы (неместного уникального материала) могли изготавливать лики божеств, подчеркивая их индивидуальность. Таким образом, при интерпретации культовых предметов из археологических коллекций необходимо учитывать ряд противоречивых факторов: некоторые артефакты могут быть изображениями божеств, другие – дарами-приношениями в их адрес. Собранные у хантов Сургутского Приобья материалы указывают на то, что одной из главных характеристик изображений божеств является уникальность (форма, стиль, материал изготовления). Основной чертой даров в адрес божеств может выступать массовость и их принадлежность к одной категории предметов (или материалу изготовления).

Библиографический список

- Данилова Е. Н. Земля покровителя Большого Югана на грани перемен // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 124–140.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. Томск, 1995. Т. 2.
- Мартынова Е. П. «Дай, и тебе будет дано»: реципрокность в культово-религиозных практиках обских угров // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 13–22.
- Михалёв А. Н. Отчет о НИР Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа (июнь–сентябрь 1999 г.). Томск, 1999 // Библиотечно-информационный историко-культурный фонд Сургутского района. Оп. 1. Д. 324.
- Михалёв А. Н. Отчет о НИР. Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа (июнь–сентябрь 2000 г.). Томск, 2000 // Библиотечно-информационный историко-культурный фонд Сургутского района. Оп. 1. Д. 325.
- Морозов В. М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 37–50.
- Морозов В. М., Ведмидь Г. П., Бакалдин М. Н. Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 113–123.
- Перевалова Е. В., Данилова Е. Н. Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 116–126.
- Рудь А. А. Сохранение культовых объектов восточных хантов: предмет охраны, границы территории объекта (по материалам Сургутского Приобья) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 56–80.
- Сагалаев К. А. Культовые практики хантов реки Юган (по материалам экспедиции 2013 г.) // Зеркала культуры: памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск, 2019. С. 192–202.
- Чемякин Ю. П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. 2002. Вып. 24. С. 214–245.

A. A. RUD

RITUAL ARTIFACTS: IMAGES OF DEITIES OR OFFERINGS FOR THEM?

With a high degree of probability, we may assume that one of the characteristics of the worldview of the ancient population of the Surgut Ob region were the totemic and animistic beliefs. Numerous finds of zoo-morphic, ornitho-morphic, and anthropomorphic metal artifacts, which most archaeologists rightly interpret as the religious items may serve as an indirect confirmation of this hypothesis. The author suggests studying the characteristics and functions of the ritual images of the Eastern Khanty, taking into account the materials of field ethnographic studies conducted in the territories of residence of the Khanty of the Surgut Ob region in 2002–2017.

Alexey A. Rud – Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russian, Tyumen)
E-mail: raa@bk.ru

Н. В. САЙНАКОВА, С. В. КОВЫЛИН

КАТАЛОГ-СЛОВАРЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ВАХОВСКИХ ХАНТОВ В МУЗЕЕ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА (Г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК)

Формирование коллекции ваховских предметов этнографической значимости для Музея Природы и Человека проходило в несколько этапов. Первое поступление четырех предметов в фонды музея из с. Корлики было в 1957 г. Второе поступление – в 2004 г. Сотрудниками Музея Природы и Человека была проведена экспедиция в Нижневартовский район. Фонд музея был пополнен на 74 единицы хранения. Эта на сегодняшний день самое большое поступление от ваховских хантов. Третье поступление предметов из с. Корлики было в 2023 г. Во время поездки было собрано более 50 экспонатов. На 2024 г. запланировано продолжение сбора предметов этнографической значимости для пополнения коллекции музея. Одной из целей экспедиций 2023–2024 гг. является создание каталога-словаря этнографических предметов ваховских хантов в Музее Природы и Человека, и проведение лингвистического анализа названий собранных предметов.

Сайнакова Наталья Викторовна – к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: nsainakova@umuseum.ru

Ковылин Сергей Васильевич – к.филол.н., Томский государственный педагогический университет; Институт системного программирования РАН (Россия, Томск; Москва)
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Ханты – народ Западной Сибири, проживающих по бассейнам притоков Оби и Иртыша и по самой Оби в ее нижнем и среднем течениях [Терешкин, 1981, с. 3].

В рамках проекта «Про Югру: открытые исследования» (Грант губернатора Югры), было запланировано проведение двух междисциплинарных экспедиций к ваховским хантам в 2023 и 2024 гг. с целью сбора данных по языку ваховских хантов (фольклорные и бытовые тексты, опросники и словари), этнографических экспонатов и материалов по материальной и духовной культуре, этноботанике, а также с целью сбора образцов растений для тематического гербария.

Одной из задач экспедиционной поездки 2023 г. являлась перепроверка и дополнение каталога ваховской коллекции этнографических предметов, хранящихся в Музее Природы и Человека, с помощью метода работы с таблицами узнавания. Проведена сверка и сбор

информации предметов, поступивших в музей на период с 1957 по 2004 гг. Перед тем как отправиться в поездку, была проверена информация о предыдущих экспедициях, сдатчиках, авторах изделий (мастерах) и единицах хранения. Велся подсчет предметов, полученных только из населенного пункта Корлики, так как сюда была намечена первая поездка по проекту. Выявлено, что в Музее Природы и Человека на постоянном хранении находятся более 100 предметов ваховских хантов из с. Корлики, привезенных их двух экспедиций.

Первое поступление предметов в фонды Музея Природы и Человека из с. Корлики было в 1957 г. от З. П. Соколовой, которая вела полевые исследования в Ханты-Мансийском национальном округе на р. Вах в рамках Северной экспедиции Института этнографии АН СССР [Соколова, 2016, с. 63–191]. От З. П. Соколовой поступило четыре предмета от двух авторов – У. О. Пыгатовой и Р. П. Могульчиной.

Второе поступление в фонды Музея Природы и Человека из с. Корлики было в 2004 г. Сотрудниками Музея Природы и Человека проведена историко-этнографическая экспедиция в Нижневартовский район в соответствии с программой комплектования и планом работы Музея Природы и Человека. Фонд музея был пополнен на 74 единицы хранения: детали жилища, предметы интерьера, предметы ухода за детьми, берестяная утварь, одежда и аксессуары, орудия труда, средства передвижения, упряжь, игрушки, культовые предметы. Эта на сегодняшний день самое большое поступление от ваховских хантов. Предметы получены от хантов М. П. Могульчина, И. Г. Кунина, Г. И. Кунина, Р. П. Могульчиной, М. К. Пыгатовой, Л. Н. Каткалевой, Ж. А. Хохлянкиной А. Е. Каткалевой, Н. В. Каткалевой, П. Е. Каткалева, А. А. Каткалева, В. А. Чехомовой, О. Д. Каткалевой, Е. Н. Прасиной.

Третье поступление предметов в фонды Музея Природы и Человека из с. Корлики было в 2023 г. после проведенной комплексной экспедиции в Нижневартовский район. Предметы поступили от сдатчиков Ж. А. Хохлянкиной, В. Г. Кунина, А. А. Каткалевой, Н. Н. Каткалева. Во время поездки собрано также более 50 предметов от мастеров с. Корлики.

На 2024 г. запланировано продолжение сбора языкового материала и предметов этнографической значимости для пополнения коллекции музея.

Одной из целей экспедиционных поездок 2023–2024 гг. является создание каталога-словаря этнографических предметов ваховских хантов, переданных в Музей Природы и Человека. Планируется провести лингвистический анализ названий собранных предметов, который заключается в фиксации и расшифровке названия каждого экспоната с хантыйского языка. Будет проведен компонентный анализ составляющих каждой лексемы. Предметы будут разбиты по тематическим группам, ко всем лексемам-экспонатам будут приведены краткие аннотации с информацией о истории их создания или использования в быту.

Библиографический список

- Соколова З. П. Этнограф в поле. Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М., 2016.
- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.

N. V. SAINAKOVA, S. V. KOVYLIN

CATALOG-DICTIONARY OF ETHNOGRAPHIC OBJECTS OF THE VAKH KHANTY IN THE MUSEUM OF NATURE AND MAN (KHANTY-MANSIYSK)

The formation of the collection of Vakh objects of ethnographic significance for the Museum of Nature and Man took place in several stages. The first four items were donated to the museum funds from the village

of Korliki in 1957. The second portion was obtained in 2004. The staff of the Museum of Nature and Man organized an expedition to the Nizhnevartovsk district. The museum fund received additional 74 storage units. This was by far the largest contribution from the Vakh Khanty. The third batch of items from the village of Korliki was obtained in 2023. More than 50 exhibits were collected during the expedition. It is planned to continue collecting items of ethnographic significance to replenish the museum collections in 2024. One of the goals of the 2023–2024 expeditions was the compilation of a catalog-dictionary of ethnographic objects of the Vakh Khanty in the Museum of Nature and Man, and to conduct a linguistic analysis of the names of the collected items.

Natalia V. Sainakova — Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)

E-mail: nsainakova@umuseum.ru

Sergey V. Kovylin — Candidate of Philological Sciences, Tomsk State Pedagogical University; Institute for System Programming of the RAS (Russia, Tomsk; Moscow)

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

К. И. СТАРКОВ

ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА КАМЕННЫХ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В настоящее время территория Якутии интенсивно осваивается, расширяется зона антропогенного воздействия на исторически сложившиеся ландшафты. Под угрозой разрушения оказываются многие объекты археологии и истории. Одним из таких объектов является каменные надмогильные сооружения XIX — начала XX вв. на заброшенных христианских погостах. Мешающие застройке каменные плиты зачастую выбрасываются на окраины погостов или вообще вывозятся в неизвестном направлении. Между тем, каменные надмогильные сооружения, являющиеся ценнейшим источником разнообразной информации, отражающей в том числе эстетические предпочтения населения. Настоящая работа посвящена христианским символам, выявленным на христианских надмогильных сооружениях Центральной Якутии.

Старков Константин Иванович — Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия) (Россия, Якутск)

E-mail: KI.Starkov@mail.ru

Христианизация Якутии началась в XVII в. с прихода русских землепроходцев. С этого времени миссионеры вели активную работу по обращению местного населения в христианство, в свою очередь надо отметить, что местное население особо не препятствовало смене вероисповедания, как в Бурятии и Средней Азии [Шишигин, 1991, с. 116].

Принятие христианства принесло ряд новшеств для местного населения, и оказало влияние на погребальную практику. Отныне было запрещено трупосожжение и арангасное (воздушное) захоронения. Практика грунтовых погребений также претерпела изменения.

Со временем среди местного населения все большее распространение получает христианская погребальная традиция. С середины XIX в. появляется новый элемент христианской погребальной практики — каменные надмогильные сооружения. На сегодняшний день данный тип памятников зафиксирован в разных районах Якутии.

Каменные надмогильные сооружения на территории Якутии остаются малоизученными. До настоящего времени по этой теме опубликовано несколько статей [Строгова, 2015,

с. 145–149; Дьяконов, 2011, с. 314–318; 2001, с. 107–109; Соловьёва, Старков, 2023, с. 26–32; Старков, 2023, с. 328–330]. Начиная с 2020 г. ведутся работы по учету и составлению реестра каменных надмогильных сооружений на территории Якутии, проводятся работы по выявлению новых памятников в том числе с привлечением различных информаторов, мониторинг старинных погостов, а также паспортизация каменных надмогильных сооружений на территории заброшенных погостов.

Одной из особенностей надмогильных сооружений является христианская символика. В докладе рассматривается христианская символика каменных надмогильных сооружений центральной Якутии.

Христианские изображения на каменных надмогильных сооружениях разнообразны, однако, можно выделить наиболее часто появляющиеся изображения. Из статистических данных можно сделать вывод, что наиболее часто встречающимися символами являются херувимы, зафиксированные на 47 каменных надгробиях. Кресты самых разных форм встречаются на 35 каменных надгробиях, якорь — на 29 надгробиях и сердце — на 25 каменных надгробиях. Наиболее редкий характер появления имеют следующие символы: арки на четырех надгробиях, венок на одном надгробии, солнце на трех надгробиях, цветок на одном надгробии, ключ на двух надгробиях, кипарис на двух надгробиях, корона на двух надгробиях. Другие изображения, такие как гирлянды на двух надгробиях и S-образные завитки на двух надгробиях могут и не относиться к христианской символике так как их предназначения нами еще не изучено. Как правило на большинстве обнаруженных нами сооружениях порядок нанесенных рисунков практически одинаков, что говорит о наличии устойчивых стандартов создания христианских символов на каменных надмогильных сооружениях, прежде всего это касается каменных надмогильных плит и саркофагов. На плитах изображения наносятся в изголовье в два яруса в следующем порядке: в верхнем ярусе два херувима в углах, иногда херувимы в парах; в нижнем ярусе один крест, как правило, занимает главенствующую роль в центре, кресты самые разнообразные, чаще всего кресты изображаются на голгофе; одно сердце и один якорь слева и справа от креста. На колоннах и стелах порядок расположения христианских символов менее стандартизирован. Однако набор христианских изображений схож с плитами и саркофагами. Существенным отличием колон является наличие металлического навершия в виде четырехконечного креста, которое сохранилось у малого количества надмогильных сооружений.

В ходе визуального обследования зафиксированы следы белой, голубой и зеленой краски, которой, вероятно, покрывалась поверхность каменных надмогильных сооружений и плоскость с изображением христианских символов.

В статье Е. А. Строговой [2015, с. 148] есть упоминание надгробия с изображением серпа и молота, интересно то, что советский символ изображен совместно с христианской символикой, центральное место которого занимает крест. На Хатасском погосте II южнее г. Якутска, было обнаружено надмогильное сооружение с изображением орла, которое может относиться как к христианской культуре, так и к культуре местных народов. Исходя из всего вышесказанного нельзя с точностью сказать, к какой принадлежности может относиться то или иное изображение, и оно нуждается в продолжении исследования.

Христианская символика каменных надмогильных сооружений дает большой пласт информации в изучении иконографических канонов и эстетических предпочтений в оформлении надгробий из камня.

Учитывая ценность данного типа памятников, и нахождения их в условиях сильного антропогенного воздействия, нужно продолжать работы по их выявлению и изучению, а памятники, представляющие особую ценность, должны быть музеефицированы.

Библиографический список

- Дьяконов В. М. Багарадский наслег — позднее-средневековое поселение в пригороде г. Якутска // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2001. С. 107–109.
- Дьяконов В. М. Картография древних кладбищ и погостов Якутска: историко-археологическое исследование // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 314–318.
- Соловьёва Е. Н., Старков К. И. Проблема сохранения каменных надгробий XIX — начала XX вв. в Якутии // Культурное наследие народов Северо-Востока РФ: проблемы и перспективы: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти якутского исследователя-этнографа П. А. Слепцова. Якутск, 2023. С. 26–32.
- Старков К. И. Лapidарий как форма сохранения и изучения каменных надмогильных сооружений Якутии XIX — начала XX в. // 300-летие Российской академии наук — археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия»: материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Новосибирск, 2023. С. 328–330.
- Строгова Е. А. Надгробные памятники якутов центральной Якутии конца XIX — начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 145–149.
- Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991.

K. I. STARKOV

CHRISTIAN SYMBOLISM OF TOMBSTONES IN CENTRAL YAKUTIA OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

Currently, the territory of Yakutia is being intensively developed; the zone of anthropogenic impact on the historically formed landscapes is expanding. Many archaeological and historical sites are under threat of destruction. The 19th — early 20th century tombstones in the abandoned Christian graveyards may serve as an example of such objects. The stone slabs that interfere with the construction works are often piled in the remote corners of the graveyards or even taken away to an unknown destination. At the same time, the tombstones are a valuable source of diverse information, reflecting, among other things, the aesthetic preferences of the population. This study focuses on the Christian symbols identified on the Christian tombstones of Central Yakutia.

Konstantin I. Starkov — Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia) (Russia, Yakutsk)
E-mail: KI.Starkov@mail.ru

Е. С. ШЕРСТЕННИКОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ НА ЭКСПОЗИЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ОПЫТ МАЭ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Интерес к археологическим памятникам возник в России одновременно с интересом к культуре и быту населяющих ее народов. Развитие археологии и этнографии происходило параллельно, поэтому археологические и этнографические коллекции в экспозиции музея демонстрировались вместе, дополняя друг друга. В 1836 г. после разделения Кунсткамеры на ряд специализированных музеев археологические коллекции были разделены между Азиатским, Египетским, Нумизматическим и Этнографическим музеями. В 1879 г. на базе нескольких академических музеев

был образован Музей антропологии и этнографии, в состав которого вошли и археологические коллекции. На то, как были представлены публике археологические коллекции в музее, влиял ряд обстоятельств, прежде всего, наличие экспозиционных площадей. Более 40 лет назад в музее закрыта экспозиция «Происхождение человека», один из разделов которой – «Происхождение человека и ранние этапы его истории» – был основан на уникальных археологических памятниках.

Шерстенникова Екатерина Сергеевна – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: katerinashers@mail.ru

Необходимость организации в России музея, коллекции которого могли бы стать базой для проведения комплексных исследований, рассказать о человеке во взаимосвязи трех наук – археологии, антропологии и этнографии – привели в 1879 г. к организации на базе нескольких академических музеев Музея антропологии и этнографии [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878. Ед. хр. 6]. В круг задач этого музея входило в том числе и пополнение археологических коллекций, а также демонстрация предметов «по доисторической археологии» [Тихонов, 2014, с. 9]. Перед сотрудниками МАЭ стояла непростая задача расположить на ограниченной площади (для размещения коллекций музея выделили лишь два зала в построенном для нужд Библиотеки Академии наук флигеле) разнообразных этнографических, археологических и антропологических предметов. Для широкой публики экспозиции МАЭ открылись в 1891 г. Важными источниками информации о том, как были выставлены коллекции являются путеводитель по МАЭ и план, начерченный автором экспозиции Ф. К. Руссовым [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 504]. Археологические предметы были представлены совместно с этнографическими собраниями (раздел «Древности, относящиеся к эпохе бронзы и железа») и «Доисторические древности» по соседству с антропологическими коллекциями [Путеводитель по музею..., 1891, с. 66, 67].

В конце 1890-х гг. в связи с увеличением численности коллекций МАЭ и недостатком выставочных площадей, директор музея В. В. Радлов принял решение о переводе собраний Антропологического отдела и Отдела доисторической археологии в выделенные для нужд МАЭ помещения в Музейном корпусе Академии наук. Эти залы были не приспособлены для приема публики. Доступ к археологическим коллекциям в этот период имели только специалисты и ученые.

К 1912 г. расширились экспозиционные площади МАЭ, один из залов отвели для размещения археологического собрания. При проектировании новой экспозиции сотрудники музея (наряду с принятым в то время в европейской музееведческой практике) методом серийной демонстрации археологических коллекций применили метод эволюционно-типологический [Петри, 1916].

Начало 1920-х гг. – период разработки планов новой экспозиции музея в связи с передачей в ведение МАЭ исторического здания Кунсткамеры и расширением экспозиционных площадей [НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 3. Ед. хр. 5]. После долгих дискуссий было принято решение оставить Отдел доисторической археологии на прежнем месте, но дополнить выставленные артефакты сравнительным иллюстративным материалом и муляжами. Экспозиция демонстрировала публике «самую раннюю стадию общечеловеческой

культуры» [Музей антропологии..., 1925, с. 23, 24]. Коллекции, представленные на экспозиции, использовались учеными, студентами, широкой аудиторией посетителей. Анализ Экскурсионного журнала МАЭ в конце 1920-х гг. демонстрирует, что экспозиция доисторической археологии была популярна как среди индивидуальных посетителей, так и экскурсионных групп [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 14].

В 1930-е гг. археологические коллекции музея демонстрировались на временных выставках. В 1933 г. был организован Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР, частью которого стал Музей антропологии и этнографии. Одной из первых задач Института стала разработка нового плана экспозиций МАЭ. Обновленная Археологическая экспозиция была открыта к 1940 г. Это была первая экспозиция музея, для которой специально была спроектирована выставочная мебель в едином стиле. При разработке тематико-экспозиционного плана учитывались требования школьной и ВУЗовской программы [НА МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Ед. хр. 123–124].

В годы Великой Отечественной войны экспозиции музея были свернуты. В июне–июле 1945 г. в МАЭ была организована выставка, посвященная 220-летию Академии наук. Она имела историко-отчетный характер. Один из залов был отведен под демонстрацию коллекций по археологии, антропологии и этнографии, поступивших в МАЭ в предвоенные и военные годы [Шерстенникова, 2021, с. 95, 96].

В послевоенные годы археологические предметы демонстрировались на специальной экспозиции, посвященной вопросу происхождения человека, основным этапам первобытного общества, характеристике эпохи становления и развития основных этапов культуры первобытного человека. При создании экспозиции использовался комплексный метод — параллельно демонстрировались археологические, антропологические и этнографические экспонаты. Это позволяло знакомить посетителей не только с историей первобытного общества, но и с формированием культур различных народов, показанных в этнографических отделах [Нечаева и др., 1964, с. 158].

В разные годы для демонстрации археологических коллекций сотрудники музея использовали разные приемы и методы. Изучение архивных документов позволяет реконструировать историю экспозиций МАЭ в конце XIX — первой половине XX в.

Библиографический список

- Музей антропологии и этнографии: основан в 1837 г.: ист. очерк и путеводитель. Л., 1925.
 НА МАЭ РАН Ф. К-I. Оп. 3.
 НА МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8.
 Нечаева Л. Г., Попова Г. А., Федоров В. В., Фрадкин Э. Е. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л., 1964. С. 151–168.
 Петри Б. Э. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого: этаж III. Зал 5. Археология. Пг., 1916.
 Путеводитель по музею Императорской академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891.
 СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925).
 СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1878.
 СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4.
 Тихонов И. Л. Археология в Этнографическом музее Академии наук в XIX — начале XX в. // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2014. Вып. 4. С. 5–7.
 Шерстенникова Е. С. Выставка к 220-летию Академии наук в МАЭ в 1945 году: организация, коллекции, посетители // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 89–103.

E. S. SHERSTENNIKOVA

**ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS ON DISPLAY AT THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM:
MAE AT THE END OF THE 19TH — FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

An interest in archaeological sites arose in Russia simultaneously with the interest in the culture and the way of life of the peoples inhabiting it. The development of archaeology and ethnography took place in parallel, so the archaeological and ethnographic collections in the museum's exposition were displayed together, complementing each other. In 1836, after the split of the *Kunstkamera* into a number of specialized museums, the archaeological collections were divided between the Asian, Egyptian, Numismatic and Ethnographic Museums. In 1879, the MAE was formed on the basis of several academic museums, inheriting their archaeological collections. The way the archaeological collections in the museum were presented to the public was influenced by a number of circumstances, primarily the availability of the exhibition space. Over 40 years ago, the museum closed the exposition "The Origin of Man", one of the sections of which, "The origin of man and the early stages of human history", was based on the finds from the unique archaeological sites.

Ekaterina S. Sherstennikova — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (*Kunstkamera*) of the RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: katerinashers@mail.ru

F. LUGLI

THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMANS AND DOGS — THE IMPORTANCE OF A DIACHRONIC PERSPECTIVE

The relationship between humans and dogs is a complex issue that scholars from various disciplines study and try to understand. When, where, why, how was dog domesticated? What is the role of dog in different human societies? The Italian Association for Ethnoarchaeology (AIE) with the sponsorship of MAECI and ISMEO have promoted three missions in Mongolia, Russian Federation and Portugal on that topic. The missions were conducted in a diachronic and multidisciplinary perspective and demonstrated that dog is often indispensable for life. I. e., dog was crucial for the success of pastoralism and for the exploitation of aquatic contexts.

Francesca Lugli — Italian Association for Ethnoarchaeology (Italy, Rome)

E-mail: luglifrance@gmail.com

Ethnoarchaeology and the diachronic perspective

Dogs are a constant in the majority of human societies, and today their presence seems to be taken for granted and automatic. The reason for their widespread and constant presence is unclear [Fiore, Lugli, 2023, p. XXV–XXVII]. Why and how dogs were domesticated in prehistoric times is discussed by scientists from a various disciplines who try to answer to many questions. Did human beings intentionally or accidentally domesticated wolves in the prehistory? Did the 'first dogs' used as a food source? Or for guarding against predators? Or for helping men in hunting? Archaeology, which materially identifies artefacts that can provide important data, obviously plays a fundamental role in such studies. The data usually are obtained from osteological remains of dogs, whether from burials or residues from slaughter and/or meals or otherwise, and from the representation of dogs, i. e. as in the petroglyphs [Cheremisin, 2023,

p. 328–333] or other [Fiore, Lugli, 2023, p. XXIX; Representation of Dogs in Different Cultures, 2023, p. 312–384]. But, is it possible to obtain different remains of the life of dogs? Does it exist an Ethnoarchaeology of dogs?

Since scholars started using Ethnoarchaeology to better understand the archaeological remains [Gould, 1980; Kleindienst, Watson, 1956, p. 75–78; London, 2000, p. 2–8], Ethnoarchaeology has become a ‘discipline’ and ethnoarchaeological research has multiplied over time, increasingly influencing the archaeological perspective and the theories behind it. Ethnoarchaeology is now a universally recognised discipline, although not at the academic level, as there are rarely chairs or departments of ethnoarchaeology.

Over time, ethnoarchaeology has become a diachronic discipline which is independent from archaeology. It currently uses ethnographic data in a multidisciplinary and diachronic perspective not only to better understand the past, but also the present and the future and ethnoarchaeological data can also be crucial to regenerative development projects and for a sustainable world [Lugli, 2021].

For and Ethnoarchaeology of dogs – The example of the missions promoted by the Italian Association for Ethnoarchaeology

Scholars have not yet considered the importance of an ethnoarchaeological perspective on the remains of dog life at archaeological sites. Nor have they sufficiently considered the importance of observing current traditional cultures in order to understand the different roles dogs can and may have played. The Italian Association for Ethnoarchaeology promoted three missions with the sponsorship of the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation – Italy (MFA) and since 2021 of ISMEO (The International Association for Mediterranean and Oriental Studies) (Mongolia and Russian Federation).

The aim of the missions is to study the importance of dogs in human societies in an ethnoarchaeological and multidisciplinary perspective.

AIE promoted the research on Mongolian Nomads and their Dogs within the mission “The camps of Mongolian nomads – an Ethnoarchaeological perspective” in 2012 (by F. Lugli and G. Capitini in collaboration with Dulam Sedenjav (Mongolian University of Arts and Culture (Ulaanbaatar, Mongolia) and Nandinbilig Ganbaatar (National University of Mongolia (NUM)) [Capitini, Lugli, 2023; Lugli, 2016].

The mission “Siberian nomads and their dogs” started in the Russian Federation in 2013. It was conducted by F. Lugli and G. B. Sychenko (2013–2017) in Tyva (Erzin, Todzha, Toora-Khem, Systyg-Khem), in Altai (Ongudai and Kurmach-Baigol) in Kemerovo (Ust’) [Lugli, Sychenko, 2023]. The mission was conducted by Francesca Lugli in the museums and Institutes (Novosibirsk, Barnaul, Gorno Altaisk, Saint Petersburg 2018–2019), by A. V. Novikov (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk) (2018–2023) and A. V. Kenig (LTD “NIPI EthnoArcheo Center”, Khanty-Mansiysk) in Khanty-Mansi (Yugra), Numtó (2020) and by A. V. Novikov, A. V. Kenig and G. Capitini (AIE) in Yamalo Nenets, Ratta (2021) [Новиков, Лугльи, 2021].

During the missions, the lives of the dogs and their masters were documented from an ethnoarchaeological perspective, using archaeological, ethnographic and anthropological methods. We also tried to identify the remains of the dogs’ lives from an archaeological point of view. Samples were taken for analysis: the bones, bone fragments and fish bones of the dogs’ meals,

as well as the dogs' faeces. [Lugli, 2016, p. 136] and samples of stratigraphy from the dogs' 'stations' where they spent most time [Lugli, 2016, p. 132–133]. In addition, hair samples from the dogs were collected and processed by D. Sanna and her team (Biomedical Sciences – University of Sassari, Italy) to study the dogs' mitochondrial DNA [Sanna et al., 2023].

The missions in Mongolia and Siberia have allowed us to document the different relationships that nomads and hunters from different environments and cultures have with their dogs, as well as the different dog remains that archaeologists can try to identify during excavations [Capitini, Lugli 2023; Lugli, 2016; Lugli, Sychenko, 2023; Новиков, Лугли, 2021].

The mission "The tradition of dogs on fishing boats in Portugal" (F. Lugli) started in 2021, following a research carried out in Italy [Lugli, 2023, p. 109–122]. The mission aims to fill a gap in studies that have never fully considered the importance of dogs in aquatic environments. Could the first dogs have also helped humans in such contexts? Therefore, the research investigates and documents the presence of dogs in fishing and aquatic hunting. Dogs are supposed to be a crucial element in the exploitation of several aquatic contexts.

Conclusions

The three missions documented the lives of the dogs and their owners and helped to understand their importance. They are thought to have been crucial to the success of steppe pastoralism in Central Asia and in many aquatic areas. The ethnoarchaeological perspective and strategy seems indispensable for studying the importance of dogs in past and present societies.

Bibliography

- Новиков А. В., Лугли Ф. Современное собаководство тазовских селькупов: традиции и новации // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сборник научных статей: в 2 т. Омск; Surgut, 2021. Т. 2. С. 284–289. DOI: 10.31630/978-5-6040401-5-7-2021-2-284-289
- Capitini G., Lugli F. A few days with Mongolian dogs and their herders // *Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. Oxford, 2023. P. 442–456.
- Cheremisin D. Dog Images in the Altai Rock Art // *Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. Oxford, 2023. P. 328–333.
- Fiore I., Lugli F. Introduction // *Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. Oxford, 2023. P. XXV–XXX.
- Gould R. A. *Living Archaeology*. Cambridge; New York, 1980.
- Kleindienst M. R., Watson P. J. Action Archaeology: the archaeology inventory of a living community // *Anthropology Tomorrow*. 1956. Vol. 5. P. 75–78.
- London G. Ethnoarchaeology and Interpretations of the Past // *Near Eastern Archaeology*. 2000. Vol. 63, no. 1. P. 2–8.
- Lugli F. Mongolian Nomads and their Dogs // *The Intangible Elements in Ethnoarchaeological Research*. Cham, 2016. P. 125–139.
- Lugli F. Mongolian Pastoralism and Climate Change // *Traces of Complexity: Studi in onore di Armando De Guio*. Mantova, 2021. P. 543–550.
- Lugli F., Sychenko G. B. Dogs, Nomads and Hunters in Southern Siberia // *Dogs past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. Oxford, 2023. P. 123–140.
- Representation of Dogs in Different Cultures Section 5 // *Dogs past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. Oxford, 2023. P. 312–384.
- Sanna D., Azzena I., Cossu P., Scarpa F., Scandura M., Apollonio M., Lugli F., Francalacci P., Mereu P., Casu M. Mitochondrial DNA Variation among Dogs of Mongolian, Tuvian and Altaic Nomads // *Dogs past and Present: An Interdisciplinary Perspective*. Oxford, 2023. P. 17–23.

Ф. ЛУГЛЫ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И СОБАКАМИ — ЗНАЧЕНИЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Отношения между людьми и собаками представляют собой сложный вопрос, который изучают и пытаются понять специалисты из разных областей знания. Когда, где, почему и как была одомашнена собака? Какова роль собаки в различных человеческих сообществах? Итальянская ассоциация этноархеологии (AIE) при спонсорской поддержке Министерства Иностранных Дел и Международного Сотрудничества Италии (МАЕСИ) и Международной ассоциации средиземноморских и востоковедческих исследований (ISMEO) организовала три миссии по этой теме в Монголии, Российской Федерации и Португалии. Работы проводились в диахронической и междисциплинарной перспективе и продемонстрировали, что собака часто незаменима в жизни человека. В частности, собака имела решающее значение для успеха скотоводства и освоения водных ресурсов.

Лугльи Франческа — Итальянская ассоциация этноархеологии (Италия, Рим)
E-mail: luglifrance@gmail.com

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ
ПРОМЫШЛЕННОГО
ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL
HERITAGE IN THE CONDITIONS
OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT
OF THE NORTH

С. В. АЛЕЙНИКОВ, С. В. ЯЗИКОВ

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ФИКСАЦИИ НА ПАМЯТНИКАХ
ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ТИПА**

Доклад посвящен применению современных методов фиксации, а именно фотограмметрии с последующей обработкой в ПО Agisoft Metashape и AutoCAD на памятниках поселенческого типа. Использование современных методов фиксации посредством фотограмметрии, при проведении археологических раскопок, имеет ряд преимуществ по сравнению со стандартными методами фиксации. Современные методы фиксации позволяют экономить самый главный ресурс при проведении полевых археологических работ – время, а также дает возможность неоднократно возвращаться к полноценной 3D-модели объекта исследований, для получения или уточнения важной информации. В докладе мы хотим показать особенности процесса сбора полевых данных, камеральную обработку полученных материалов и систематизацию всего процесса.

Алейников Сергей Владимирович – Институт археологии РАН (Россия, Москва)

E-mail: arf3y@yandex.ru

Язиков Сергей Владимирович – Институт археологии РАН (Россия, Москва)

E-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

Фотограмметрию как современный метод фиксации в археологии можно выделить условно. Этот метод известен давно, но долгое время не находил широкого применения.

В 1867 г., инспектор строительства А. Мейденбауэр (A. Meydenbauer) первым применил фотокамеру для составления планов архитектурных сооружений, обозначив эту технологию термином «фотограмметрия» [Сингатулин, 2013, с. 149]. Первая трехмерная модель с помощью фотограмметрии, была создана в Гизе для самой крупной находки, Великого Сфинкса, в ходе изучения этого памятника американскими специалистами в 1979–1983 гг. [Lehner, 1992, р. 3–26]. На сегодняшний день актуальность использования фотограмметрии в полевых условиях резко возросла, что связано с большими объемами охранно-спасательных работ, а также с доступностью технической и программной базы для проведения подобных работ.

По мнению Б. В. Краснопевцева фотограмметрия позволяет определить по снимкам исследуемого объекта его форму, размеры и пространственное положение в заданной системе координат, а также его площадь, объем, различные сечения на момент съемки [Краснопевцев, 2008, с. 169].

К основным преимуществам использования фотограмметрии на раскопе можно отнести:

- быстрое получение информации;
- высокая производительность;
- объективность и достоверность измерений;
- возможность повторных измерений и детального изучения;
- музеефикация объекта исследований в электронном виде (популяризация).

В данной работе мы попробовали скомпилировать информацию, полученную в ходе изучения современных методов фиксации посредством фотограмметрии и, основываясь на личном опыте по результатам работ на памятниках археологии:

- объект археологического наследия федерального значения «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды»;
- выявленный объект археологического наследия «Поселение Верхний дол»;
- выявленный объект археологического наследия «Культурный слой Заречной части города Вологды XV–XVII веков».

Работы проводились в полевых сезонах 2023–2024 гг., в Вологодской области, в северной части г. Вологда. Общая площадь работ составляла более 50 тыс. кв. м. Исходя из большого объема работ и желания получить избыточный объем информации высокой точности, нами было принято решение использовать методiku, основанную на фотограмметрии.

В ходе работ использовалось следующее оборудование: для геодезической съемки использовались ГНСС Sokkia GRX 2 и тахеометр Sokkia. Для фотографирования использовались фотоаппараты Canon EOS 80D и EOS D250, квадрокоптеры DJI Mavic 3 и Mavic air 2. Чтобы привязать наш проект в МСК использовались автоматические маркеры для последующей обработки в ПО Agisoft metashape. Для контроля размеров использовались геодезические телескопические рейки.

В процессе сбора информации в поле, одной из основных задач, поставленной нами на раскопе, была экономия времени за счет ускорения и оптимизации процесса графической фиксации, а именно:

- фиксация стратиграфии (бортов и бровок);
- фиксация планиграфии (пластовых/послойных горизонтальных зачисток);
- фиксации всех этапов расчистки и разбора объектов, выявленных в ходе работ.

Решением этой задачи стало использование фотограмметрии на постоянной основе, на всех этапах полевых работ. Использование фотограмметрии на раскопе можно разделить на три основных этапа:

- подготовительный этап;
- привязка объекта съемки в систему координат;
- сбор данных.

К подготовительному этапу можно отнести несколько важных аспектов, таких как построение геодезической сети в рамках раскопа, планирование сценариев съемки, печать кодированных «авто-марок».

С помощью фотограмметрии нами было отработано более двух тысяч объектов, представленных хозяйственными и столбовыми ямами, межевыми траншеями и объектами сложной геометрической конструкции. Отдельно стоит сказать о погребениях, их было зафиксировано более семидесяти.

По результатам работ можно точно сказать, что применение метода фотограмметрии при археологических исследованиях, экономит время фиксации до 30 % от обычного и позволяет получить результат высокого качества.

Библиографический список

- Краснопецев Б. В. Фотограмметрия. М., 2008.
 Сингатулин Р. А. Фотограмметрические технологии в археологии (краткий исторический очерк) // Грамота. 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. 1. С. 148–152.
 Lehner M. Reconstructing the Sphinx // Cambridge Archaeological Journal. 1992. Vol. 2, no. 1. P. 3–26.

S. V. ALEYNIKOV, S. V. YAZIKOV

MODERN METHODS OF DOCUMENTATION ON SETTLEMENT-TYPE SITES

The report describes the use of modern documentation methods, i. e. photogrammetry with subsequent processing with the Agisoft Metashape and AutoCAD software on the settlement-type sites. The use of modern methods of documentation by photogrammetry during archaeological excavations has a number of advantages compared to the standard documentation techniques. Modern documentation methods allow saving the most important resource during the field archaeological works, i. e. time, they also make it possible to return repeatedly to a full-fledged 3D model of the research object to obtain or clarify the important information. In the report, we will describe the field data collection process, the desk processing of the received materials and the systematization of the entire process.

Sergey V. Aleynikov – Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: arf3y@yandex.ru

Sergey V. Yazikov – Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

Н. В. БАСОВА

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
И РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ**

В докладе рассказывается о результатах археологических исследований, проведенных в 2019 г. сотрудниками Отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН. В ходе разведок были изучены земельные участки, отводимые под объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта на территории Минусинской котловины, включающей в себя территорию юга Республики Хакасия и Красноярского края. В результате работ было обследовано 10 участков общей протяженностью 95,9 км, заложено 99 шурфов и одна зачистка. На территории участков обследования в Аскизском районе Республики Хакасия было зафиксировано 28 объектов археологического наследия, таких как курганные могильники и одиночные курганы. В докладе перечислены все археологические памятники, которые удалось зафиксировать в ходе разведки, а также описывается один из крупных объектов археологического наследия «Курганный могильник Усть-Камышта-1».

Басова Наталья Владимировна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: bass15@yandex.ru

В 2019 г. сотрудниками Отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН была проведена археологическая разведка на земельных участках, испрашиваемых под объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта: зона увеличения пропускной способности участка Артышта – Междуреченск – Тайшет в Минусинском, Курагинском районах Красноярского края, Аскизском районе Республики Хакасия; реконструкция частного парка станции Ачинск 1 Красноярской железной дороги в Ачинском районе Красноярского края.

Обследуемая территория расположена в северной и центральной части Минусинской котловины, включающей в себя часть территории юга Республики Хакасия (Аскизский район) и Красноярского края (Минусинский, Курагинский, Ачинский районы). Данные районы насыщены памятниками археологического наследия различных эпох, имеют

схожие закономерности расположения археологических объектов и тенденции в истории археологического исследования.

По результатам работ было обследовано 10 участков общей протяженностью 95,9 км, заложено 99 шурфов и одна зачистка. В Аскизском районе Республики Хакасия на территории участков обследования зафиксировано 28 объектов археологического наследия: Аскиз-1, 13 и 17, Сагайская протока-1, 2, 4, 6, 7, 8, 10 и 12, Станция Камышта-1–4, Скальная-4, 6 и 7, Усть-Камышта-1 (курганные могильники); Аскиз-15 и 16, Чартыковский, Сагайская протока-5, 9 и 11, Скальная-5 (одиночные курганы); Изваяние Станция Камышта-1 и могильник Уйтаг-3.

В ходе проведенных работ удалось открыть 19 неизвестных ранее объектов археологического наследия. Для каждого памятника составлен топографический план, выполнено описание объектов (курганов, стел и т. п.), подготовлены учетные карты. Для памятников, которые были обнаружены ранее, скорректированы координаты углов поворота границ выявленных объектов археологического наследия, также приведены характеристики и описания объектов.

Одним из самых крупных памятников, зафиксированных при разведке, являлся «Курганный могильник Усть-Камышта-1». Осенью 2019 г. он состоял из одного менгира и 86 курганов. Проходящая по его территории железная дорога Междуреченск – Абакан разделяла памятник на две части – западную и восточную.

Менгир расположен в юго-западной периферии памятника, на краю склона возвышенности и в отдалении от основной группы археологических объектов. Он представляет собой стелу (материал – песчаник), расположенную в вертикальном положении (с небольшим отклонением в 25° в западном направлении). Размеры: высота 1 м, ширина (у основания – 0,4 м), толщина – 0,3 м, ориентирован широкими гранями в южном и северном направлении. Менгир заметен на местности и от него хорошо просматривается обширная территория в западном, северном и восточном направлении. Следы искусственной обработки на его поверхности визуально не наблюдаются. Стелы (менгиры) как отдельно стоящие камни являются уникальными объектами, свидетельствующими о важной черте древней культовой деятельности. Относительно устойчивым следует считать представление о стелах как частях древних святилищ. Опыт исследования этих объектов показывает необходимость археологических раскопок на территории их расположения [Кызласов, 2019, с. 8, 9].

Благодаря археологической разведке 2019 г. удалось выявить новые объекты археологического наследия и скорректировать информацию по уже известным объектам археологического наследия.

Позже, в рамках выполнения спасательных раскопок при строительстве железной дороги, были исследованы многие погребально-поминальные комплексы, зафиксированные в рамках нашей разведки в 2019 г. [Богданов, Тимощенко, Иванова, 2021; Выборнов, Кравцова, Тимощенко, 2021; Тимощенко и др., 2021; и др.].

Библиографический список

- Богданов Е. С., Тимощенко А. А., Иванова А. С. Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 878–887.
- Выборнов А. В., Кравцова А. С., Тимощенко А. А. Погребения тагарской и тесинской культур в кургане 1 курганного могильника Скальная-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 921–927.

Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.

Тимошенко А. А., Митько О. А., Морозов А. А., Зубков В. С., Поселянин А. И., Фролов Я. В., Тетерин Ю. В., Давыдов Р. В., Половников И. С. Предварительные результаты аварийно-спасательных раскопок погребальных памятников эпохи поздней бронзы на площади могильников Сагайская протока 7 и Аскиз 17 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 1002–1010.

N. V. BASOVA

ARCHAEOLOGICAL SURVEYS IN THE KRASNOYARSK TERRITORY AND THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

The paper describes the results of archaeological research conducted in 2019 by the staff of the Salvage Archaeological Excavations Department of IAET SB RAS. In the course of the area survey, the team examined several land plots allocated for railway infrastructure facilities construction in the territory of the Minusinsk depression, including the territory of the south of the Republic of Khakassia and the Krasnoyarsk region. The scope of the survey covered 10 locations with a total length of 95.9 km, including 99 testing pits and 1 rabotage. Twenty-eight archaeological heritage sites, such as barrow burials and single mounds were recorded in the surveyed territory in the Askiz district of the Republic of Khakassia. The paper provides a list of all the archaeological sites that were recorded in the course of the survey, and also describes one of the major archaeological heritage sites “Barrow Burial Ust-Kamyshta-1”.

Natalya V. Basova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: bass15@yandex.ru

Д. А. БЫЧКОВ

КРИТЕРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКА ЛОВЧИХ ЯМ НА ТЕРРИТОРИИ ВАСЮГАНЬЯ И ПРИКЕТЬЯ

Археологические древности севера Западной Сибири включают в себя множество разнообразных по форме и содержанию объектов. Сооружения для пассивной охоты, называемые ловчими ямами или ямами-ловушками, являются из них самыми нетривиальными, распространенными и дискуссионными. Недавно были выявлены аналогичные объекты намного южнее периферии их распространения. В связи с чем возникла необходимость в выделении критериев их поиска на территориях, сопредельных с известным ареалом их распространения. Пространственный анализ расположения ближайших известных и вновь выявленных объектов проведен с использованием цифровых карт распространения типов почв, четвертичных отложений и схем геоморфологического строения рельефа. В результате выделены ландшафтный, почвенный и геоморфологический критерии приуроченности таких объектов к вытянутым мезоформам рельефа среди заболоченных ландшафтов.

Бычков Дмитрий Александрович – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Промыслово-хозяйственные комплексы, известные в отечественной историографии как так называемые ловчие ямы или ямы-ловушки, стали выявляться с конца 1990-х гг. на территории севера Западной Сибири. К настоящему времени известно порядка 1 100 объектов,

расположенных от 65° до 59° с. ш., из которых большинство находится на территории ХМАО – Югры, а около 10 % в пределах ЯНАО. Объекты, датированные радиоуглеродным методом или по предметному комплексу, относятся к широкому хронологическому диапазону от неолита до этнографической современности. Таким образом, ловчие ямы сегодня это отдельный тип археологических объектов, являющийся источником о хозяйстве древних обитателей таежной зоны Западной Сибири [Кардаш, Гирченко, Визгалов, 2022, с. 10–15].

В сентябре–октябре 2023 г. в ходе археологической разведки в зоне хозяйственного освоения в 1 км к северо-востоку от г. Кедровый Томской области была выявлена группа ям-ловушек Чузик 1. В состав объекта вошли 25 округлых и овальных западин, со средней глубиной 0,3–0,5 м и от 4 до 6–7 м в диаметре с обваловкой по периметру или с одной из сторон или расположенной «полумесяцем». Располагались ямы вытянуто в линию, одним-двумя рядами, с северо-запада на юго-восток пересекая песчаную гриву размерами 2 × 0,5 км, которая вытянута с северо-востока на юго-запад и по бортам ограничена заболоченными понижениями [Бычков, Марков, 2023, с. 1100]. Выявленный объект на данный момент является единственным подобного типа в Нарымском Приобье и самым южным, находясь на 57° с. ш. и в 486 км к юго-западу от ближайших аналогичных объектов, расположенных в Югано-Салымском междуречье.

Факт выявления объекта такого типа актуализирует необходимость выделения поисковых критериев, которые могли бы дополнить существующую парадигму поиска объектов археологического наследия на изучаемой территории. Предлагается рассмотреть ряд ландшафтно-топографических критериев для выделения перспективных зон распространения подобных сооружений. Основным методом является пространственный анализ ландшафтных, почвенных и геологических карт с целью выделения аналогичных вмещающих форм рельефа, расположенных в схожей ландшафтной обстановке. Анализ выполнен посредством программной среды QGIS с использованием векторных данных, загружаемых с WMS-серверов Всероссийского научно-исследовательского геологического института имени А. П. Карпинского и Информационной системы «Почвенно-географическая база данных России».

Предлагаемые критерии строятся на существующем представлении о том, что ловчие ямы сооружались для ведения пассивной охоты на крупных копытных животных, о чем свидетельствуют данные археологии и этнографии [Кардаш, Гирченко, Визгалов, 2022, с. 11–13]. Формирование такой практики в древности при ее фактическом отсутствии сейчас объясняется тем, что в таежной зоне севера Западной Сибири в древности и вплоть до XVIII в. обитало большое количество лосей и северных оленей, что подтверждается зоологическими исследованиями по археологическим и письменным источникам [Девяшин, 2020, с. 9, 10]. Кормовой базой для обоих видов являются плакорные сообщества мхов, известных как «ягель». Они распространены в зонах средней и южной тайги в локализованных участках местности и произрастают вместе с сосновыми борами на дренируемых формах рельефа [Писаренко, 2014, с. 27–28]. Таким образом, установлено, что кормовая база предпочитаемых к пассивной добыче видов крупных копытных животных привязана к определенным ландшафтам и формам рельефа. Следовательно, наиболее посещаемые этими видами территории одновременно являются и наиболее удобными для их пассивной добычи при помощи таких сооружений как ловчие ямы.

Учитывая известную взаимосвязь растительности и почвообразования [Шепелев, Шепелева, Мазитов, 2009, с. 128–130], следующим критерием следует считать приуроченность искомым объектам к песчаным и супесчаным оподзоленным почвам, которые формируются в описываемых ландшафтных обстановках. Поскольку распространение определенных типов почв картируется, то эта информация применима для пространственного анализа.

Оподзоливанию подвержены, прежде всего, песчаные и супесчаные отложения, которыми сложены вытянутые мезоформы рельефа среди заболоченных ландшафтов. Это бровки террас и гривы, гряды и дюны, расположенные в глубине площадок или у тыловых частей террас и на водораздельных пространствах древних ложбин стока. Таким образом, формируется третий критерий, определяющий геолого-геоморфологическую приуроченность искомым объектам.

В результате проведенного анализа местоположения известных и недавно выявленных ловчих ям на основе цифровых карт четвертичных отложений и почв, распространенных в таежной зоне севера Западной Сибири, было выделено три критерия ландшафтно-топографической приуроченности данных объектов для выделения перспективных зон их поиска. На основании полученных результатов предполагается, что практика сооружения ловчих ям могла распространяться южнее известного ареала ее бытования на территории Васюганья, Прикетья, Притымыя и отдельных участков Нарымского Приобья. Подтверждающим фактом является выявление в 2020 г. в Прикетье объекта Тура I, планиграфическая структура которого состоит из семи округлых в плане западин, вытянутых по бровке террасы, и имеющим прямое сходство с известными ловчими ямами [Барсуков, Идимешев, 2023, с. 89–92]. Полученные результаты могут быть использованы для определения перспективности выявления на обследуемой территории объектов археологического наследия.

Библиографический список

- Барсуков Е. В., Идимешев А. А. Перспективы археологических исследований правобережных притоков реки Кети (на примере реки Орловки) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 4. С. 84–94.
- Бычков Д. А., Марков С. О. Ловчие ямы у реки Чузик в Нарымском Приобье: первые результаты исследования // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 1100–1107.
- Девяшин М. М. Динамика голоценовых ареалов копытных животных юго-востока Западной Сибири // The Scientific Heritage. 2020. № 43. С. 7–12.
- Кардаш О. В., Гирченко Е. А., Визгалов Г. П. Способы коллективной охоты на крупных копытных у населения Северной Азии по данным археологии и этнографии // Северные древности: археология, этнография, история. 2022. № 2. С. 10–39.
- Писаренко О. Ю. Лесные мхи Западной Сибири: дифференциация распределения в южной и средней тайге // Растительный мир Азиатской России. 2014. № 2. С. 24–28.
- Шепелев А. И., Шепелева Л. Ф., Мазитов Р. Г. Почвообразование и группировка почв центральной части таежной зоны Западной Сибири // Сибирский экологический журнал. 2009. № 1. С. 127–133.

D. A. BYCHKOV

CRITERIA AND PROSPECTS FOR THE SEARCH FOR HUNTING PITS IN THE TERRITORY OF VASYUGAN AND KET RIVER BASINS

The archaeological antiquities of the north of Western Siberia include many objects of various shapes and contents. Structures for passive hunting, called hunting pits or pit traps, are the most common

and, at the same time, most non-trivial and controversial of them. Recently, similar objects have been identified much further south of the periphery of their distribution. In this connection, it became necessary to formulate the criteria for their search in the territories adjacent to the known area of their occurrence. We performed spatial analysis of the location of the nearest known and the newly discovered objects using digital maps of the soil types distribution, quaternary deposits and the schemes of the geomorphological structure of the relief. As a result, we managed to identify landscape, soil and geomorphological criteria for the reference of these objects to the elongated relief mesoforms in the waterlogged landscapes.

Dmitry A. Bychkov – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: bda.nsk@yandex.ru

И. Д. ГОРШКОВ, И. В. ФРОЛОВ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ ТАЗОВСКОЙ ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ С УЧЕТОМ ПОВРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Объектом исследования является Тазовская литейная мастерская – укрепленное поселение XIII–XIV вв. в сибирском заполярье. Памятник находится в аварийном состоянии и интенсивно разрушается под действием природных и антропогенных факторов. В докладе рассмотрены этапы изучения памятника, затрагиваются вопросы его датировки, атрибуции, а также проблемы его сохранения. В частности, речь идет об установлении границ Тазовской литейной мастерской на основании изучения разрушенного культурного слоя. Описан метод промывки грунта с помощью специально изготовленного кустарным способом вашгерта. Метод промывки, как основной способ изучения разрушенного культурного слоя в прибрежной части памятника, позволил обосновать расширение его границ. В результате проведенных исследований Тазовская литейная мастерская получила статус объекта культурного наследия федерального значения в новых границах.

Горшков Илья Дмитриевич – к.и.н., ООО «НПО «Северная археология – 1», Сургутский государственный педагогический университет (Россия, Нефтеюганск; Сургут)

E-mail: gorshkovid@rambler.ru

Фролов Иван Викторович – ООО «НПО «Северная археология – 1» (Россия, Нефтеюганск)

E-mail: arqueolog@mail.ru

Тазовская литейная мастерская является объектом культурного наследия федерального значения. Памятник находится в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, в 132 км к юго-востоку от пос. Тазовский, в 52,5 км к северо-западу от пос. Сидоровск, на мысу коренной террасы правого берега р. Таз при впадении безымянного притока, в 1 км к северо-западу от устья р. Сорьяха. Тазовская литейная мастерская представляет собой редкий пример средневекового мысового городища, расположенного за Полярным кругом.

Как объект археологического изучения Тазовская литейная мастерская была выявлена в 1969 г. сотрудниками Института археологии АН СССР Л. П. Хлобыстиным и О. В. Овсянниковым. Большую часть находок составили отлитые из бронзы и серебра поделки, представляющие целые или фрагментированные украшения. Это позволило атрибутировать памятник как древнюю ювелирную мастерскую [Хлобыстин, Овсянников, 2018, с. 461]. На основании типологического сходства найденных ювелирных изделий с

аналогиями из раскопок Новгорода Великого памятник был датирован временем X–XIII вв. Возведение Тазовской литейной мастерской Л. П. Хлобыстин и О. В. Овсянников связывали с пришлым населением, возможно, с территории Волжской Булгарии или Новгородского княжества [2018, с. 465–466].

Изучение Тазовской литейной мастерской было продолжено в 2005–2012 гг. Результаты обобщены и опубликованы коллективом авторов Г. П. Визгаловым, О. В. Кардашем, М. В. Коноваленко в научной статье «Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков в низовье реки Таз» [2018, с. 436–460]. Авторы исследования на основании новых данных предложили ограничить датировку XIII–XIV вв. и уверенно утверждали его связь с населением Северо-Востока Европы. Также было предложено введение в научный оборот применительно к Тазовской литейной мастерской термина «производственно-жилой комплекс» [Там же, с. 436–460]. Состояние памятника было расценено как аварийное. В 2010 г. выявленный объект культурного (археологического) наследия «Тазовская литейная мастерская» принят на государственную охрану [Приказ Службы по охране и использованию ОКН ЯНАО от 24.11.2010 № 83-П...].

В 2019 г. археологические работы на памятнике проводил С. Г. Пархимович. В ходе исследований было окончательно установлено, что Тазовская литейная мастерская представляет собой укрепленное поселение (жилищно-производственный комплекс). Исследователи ввели термин «городок» применительно к Тазовской литейной мастерской [Никулин, Гайдакова, Фролов, 2020; Пархимович, 2021].

По итогам работ 2019 г. границы распространения культурного слоя памятника были установлены по основанию подошвы мыса – останца коренной террасы. Таким образом, в границы памятника вошла только сохранившаяся часть мыса. Эти границы были утверждены законодательно [Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.11.2019 № 449...].

Сбор подъемного материала по пляжу и на бечевнике берега р. Таз при определении границ не был учтен, хотя С. Г. Пархимович предположил наличие здесь поврежденного культурного слоя [2021]. Отметим, что все исследователи, начиная с первооткрывателей – Л. П. Хлобыстина и О. В. Овсянникова – отмечали результативные сборы подъемного материала в прибрежной части памятника [Хлобыстин, Овсянников, 2018, с. 465, 466].

В 2021 г. изучение памятника было продолжено А. В. Колозниковым и И. В. Фроловым [Колозников, 2022; Никулин, Гайдакова, Фролов, 2020]. Особенностью работ 2021 г. было то, что они проводились на участках переотложенного культурного слоя. Их целью было проследить границы территории распространения разрушенной части культурного слоя городища за пределы утвержденных границ.

В местах больших скоплений подъемного материала на участках поврежденного культурного слоя были заложены шесть раскопочных траншей площадью 60 кв. м. Разбивка траншей осуществлялась таким образом, чтобы траншея была вытянута в сторону реки от подошвы мыса, перпендикулярно к линии уреза воды. Такое расположение позволяло проследить распространение археологических предметов на всех участках берега от склона террасы в сторону бечевника. Кроме того, к минимуму сводилось негативное воздействие земляных работ на береговую линию. Участки закладки траншей затапливаются р. Таз и доступны для изучения только в межень – с августа по сентябрь.

Накопанный грунт в обязательном порядке отправлялся на промывку. Для промывки использовался специально изготовленный кустарным способом промывочный станок (вашгерд). Вашгерд состоял из промывочного лотка, устроенного под небольшим уклоном, и грунтоприемника. В грунтоприемник закладывался накопанный грунт и сюда же по пожарному рукаву поступала вода, которую с помощью помпы нагнетали из реки.

В результате промывки собрана коллекция археологических предметов, куда включено 184 единицы хранения. Основную массу находок составляют отходы металлургического производства. Единичные находки представлены изделиями цветного металла, отходами ювелирного производства и рыболовными грузилами. В единичном экземпляре представлено каменное пряслице. Все предметы относятся ко времени бытования Тазовской литейной мастерской — XII–XIII вв. Использование промывки подтвердило наличие поврежденного культурного слоя за пределами утвержденных границ памятника.

По результатам работ в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ЯНАО направлено заявление и проект изменения границ территории выявленного ОКН «Тазовская литейная мастерская» в сторону их увеличения. Предложено включить участки поврежденного культурного слоя и распространения археологических предметов. Площадь памятника увеличилась более чем в 2,5 раза — с 4568 кв. м до 12104 кв. м.

Приказом Министерства культуры РФ от 19.10.2022 г. памятник получил статус объекта культурного наследия федерального значения в новых границах. В 2023 г. Тазовская литейная мастерская была зарегистрирована в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Приказ Министерства культуры РФ от 22.03.2023 № 147076-р...]. Памятник находится в аварийном состоянии и продолжает интенсивно разрушаться под действием природных и антропогенных факторов. Метод промывки сохраняет свою актуальность для последующего изучения Тазовской литейной мастерской.

Библиографическая список

- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В. Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков в низовье реки Таз // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 ч. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 436–460.
- Колозников А. В. Археологические раскопки в Тазовском районе ЯНАО в 2021 г. Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2022.
- Никулин М. С., Гайдакова З. Г., Фролов И. В. Снаряжение лучника XII–XIII вв. из Тазовского городка-мастерской // Северный регион: наука, образование культура. Сургут, 2020. Вып. 1 (45). С. 72–86.
- Пархимович С. Г. Археологические полевые работы (разведки с осуществлением локальных земляных работ), проведенные на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в 2019 г. Отчет о НИР: в 7 т. Нефтеюганск, 2021. Т. 2 // Архив НПО «СА-1». Ф. 1. Д. 614 (2).
- Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 19.10.2022 № 1983 «О включении выявленного объекта культурного наследия «Тазовская литейная мастерская», начало XII — конец XIII вв. н. э. (Ямало-Ненецкий автономный округ, Тазовский район, правобережье р. Таз, в 130,0 км к юго-востоку от п. Тазовский, в 5,0 км к западу от фактории Надо-Марра, в 1 км к северо-западу от устья р. Сорьяха) (объект археологического наследия) в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения и утверждении границ его территории».

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 22.03.2023 № 147076-р «О регистрации объекта культурного наследия федерального значения «Тазовская литейная мастерская», начало XII – конец XIII вв. н. э. (Ямало-Ненецкий автономный округ) в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.11.2019 № 449 «Об утверждении границ территорий выявленных объектов археологического наследия».

Приказ Службы по охране и использованию ОКН ЯНАО от 24.11.2010 № 83-П «Об утверждении Списков выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, по состоянию на IV квартал 2010 года».

Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 ч. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 461–468.

I. D. GORSHKOV, I. V. FROLOV

DEFINING THE BOUNDARIES OF THE TAZ FOUNDRY TERRITORY TAKING INTO ACCOUNT THE DAMAGE OF THE CULTURAL LEVEL

The object of the study was the Taz foundry, a fortified settlement of the 13th–14th centuries, in the Siberian Arctic. The site was in a very poor condition, and suffered intensive deterioration under the exposure to the natural and anthropogenic factors. The report describes the stages of the site's excavation, addresses the issues of its dating, attribution, as well as the problems of its preservation. In particular, the authors attempted to establish the boundaries of the Taz foundry area based on the study of the destroyed cultural level. The paper describes the technique of soil washing using a specially made washing table. Use of washing as the main technique for the destroyed cultural level examination in the coastal part of the site, provided evidence for the expansion of its boundaries. As a result of the research, the Taz foundry received the status of the Federal cultural heritage object within the new borders.

Ilya D. Gorshkov – Candidate of Historical Sciences, LLC “SPA “Northern Archaeology – 1”; Surgut State Pedagogical University (Russia, Nefteyugansk; Surgut)

E-mail: gorshkovid@rambler.ru

Ivan V. Frolov – LLC “SPA “Northern Archaeology – 1” (Russia, Nefteyugansk)

E-mail: arqueolog@mail.ru

А. Ю. ДАНИЛОВ, А. В. КОРОТАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДНОГО ПАРКА «СЕВЕРНЫЙ ТИМАН» (НЕНЕЦКИЙ АО)

Доклад посвящен новым археологическим исследованиям на территории Северного Тимана. Излагаются результаты полевых работ, проведенных в долине р. Белая в июле 2023 г. В ходе исследований зафиксировано 13 новых местонахождений кремневых изделий и отходов производства. Вероятно, обследованная территория располагалась в стороне от главных путей освоения Тиманской тундры и могла использоваться для кратковременных стоянок охотников и как сырьевая база кремневой индустрии.

Данилов Андрей Юрьевич – к.и.н., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Россия, Ярославль)

E-mail: obnor@mail.ru

Коротаев Алексей Васильевич — Музейное объединение Ненецкого автономного округа (Россия, Нарьян-Мар)
E-mail: akorotaev777@yandex.ru

В июле 2023 г. в соответствии с государственным контрактом на выполнение научно-исследовательской работы «Организация туризма на территории природного парка «Северный Тиман»» компанией «Локус консалтинг групп» проводились работы по организации туризма на территории природного парка «Северный Тиман». Одним из этапов реализации проекта было обследование территории природного парка на предмет выявления памятников археологии с целью постановки их на учет, обеспечения охраны и определения в связи с их наличием ограничений для посетителей (рекреантов) природного парка.

Природный парк «Северный Тиман» находится в Тиманской тундре в западной части Ненецкого автономного округа. Его площадь составляет более 500 000 га и ограничивается с запада побережьем Чёской губы Баренцева моря, с востока — средним течением р. Индига, с юга — средним течением р. Сула. Большая часть территории (77 %) находится в зоне тундры, южные участки парка находятся в зоне лесотундры и северной тайги. По центральной части природного парка проходит участок Тиманского кряжа, характеризующегося выходами на поверхность песчаника, базальта, халцедона и других пород, в которых благодаря водной эрозии образуются живописные каньоны высотами относительно уровня воды в реках до 80 м. При этом абсолютные высоты «Северного Тимана» незначительны и достигают 303 м (сopка Большая Коврига).

В ходе полевых работ обследована территория в верхнем и среднем течении р. Белая: общая протяженность маршрута по правому берегу составила 35 км, по левому — 12 км. В нижнем течении р. Кумушка общая протяженность маршрута по правому берегу около 2 км, по левому — 1 км. Обследованы также отдельные участки, удаленные от берегов рек на расстояние до 1,5–2 км. Поиск археологического материала велся путем сплошного пешего обследования, при этом более внимательно изучались участки, имеющие повреждения дневной поверхности, следы ветровой эрозии, именно на них, как показывает опыт полевых работ в тундровой зоне, часто выявляется подъемный археологический материал.

В ходе полевых археологических исследований повторно обследована стоянка Белая 1, при этом новый материал обнаружен не был; выявлено 13 новых местонахождений подъемного материала, получивших обозначение Белая 2. Все памятники зафиксированы только по сбору подъемного материала; расположены на возвышенных и разрушенных эрозией участках береговых террас, на относительно небольшом удалении от берегов рек.

Находки представлены кремневыми скребками, пластинами и их фрагментами, заготовками орудий (например, наконечника стрелы), сколами. Слабая морфологическая выраженность и окатанность части предметов, малочисленность датирующего материала (кремневых пластин и их фрагментов), позволяют лишь предположительно датировать местонахождения эпохой мезолита.

Обращает на себя внимание схожесть значительной части сырья сколов и морфологически слабовыраженных изделий — кремьнь темно-коричневого оттенка в ряде случаев с остатками корки. Любопытно, что ряд находок, в том числе нуклеус, выявленных, например, на поселениях Индига 1–3, расположенных севернее района исследований,

изготовлены из аналогичного сырья. При этом более выраженные орудия и пластины изготовлены из кремня бежевого-серых оттенков. Эти данные позволяют предположить, что обследованная территория могла быть не только местом обитания древних коллективов, но и служить сырьевой базой для кремневой индустрии, местом отбора, первичной обработки изделий. Однако качество сырья, видимо, не всегда соответствовало потребностям и изделия носят незавершенный характер. Но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Археологические памятники с лучшей сохранностью и более многочисленными находками находятся восточнее обследованной территории, из них в границах парка «Северный Тиман» — стоянка Поповка и местонахождение Красивый мыс. Для стоянки Поповка, в ходе работ 2011 г., установлена площадь сбора подъемного материала в 600 кв. м [Стоянка Поповка..., 2011, с. 3], материал представлен немногочисленными кремневыми отщепами; в 1970-е гг. В. Е. Лузгиным здесь найдены отщепы, широкие пластины, скребки и скребла, ножевидные орудия, нуклеус и предположительно обломок сланцевого тесла. Датируется стоянка в широких пределах неолита — бронзового века [Едовин, 2011, с. 12]. Местонахождение Красивый мыс существенно разрушено, а материал в виде сколов не позволил сделать достоверных выводов о датировке памятника [Там же, с. 12].

Такая относительная скудость выявленного археологического наследия именно в долине р. Белой, отсутствие здесь памятников с сохранившимся культурным слоем ни в коем случае не означают, что археологическое наследие всего Северного Тимана, Малоземельской и Тиманской тундр не заслуживают внимания. Уникальной для археологии НАО является стоянка Мутная. В случае проведения здесь дальнейших исследований и подтверждения датировки она может оказаться одним из самых северных палеолитических памятников не только Тимана, но и всего Европейского Северо-Востока. Достаточно перспективны для раскопок и крупные поселения Выучейский и Родин, помимо площади для этих памятников характерно и слабое антропогенное воздействие. Также перспективны для исследований остатки жилищ полуземляночного типа, выявленные на поселении Индига 3. Но сохранность памятников не одинакова, часть из них практически разрушена (стоянка Поповка). Подверглось антропогенному воздействию (застройке) поселение Индига 1 [Едовин, 2011, с. 14].

Отметим, что долина р. Белая и прилегающие районы с нетипичными для тундр горными выходами и скалами причудливой формы могли считаться местами с особым сакральным символизмом и их заселение естественным образом ограничивалось.

Изложенные выше данные могут свидетельствовать о том, что основные маршруты, по которым шло движение групп древнего и средневекового населения в сторону побережья Баренцева моря и в целом освоение Тиманской и Малоземельской тундр, проходили восточнее района исследований, то есть вдоль р. Индига, преимущественно по ее правому берегу, и прилегающих к ней озер (Урдюжского, Индигских). Это подтверждают известные здесь многочисленные разновременные памятники археологии [Коротаев, 2021, с. 30–46].

В настоящее время вся территория НАО неполно изучена в археологическом отношении, новые полевые работы позволят получить данные не только о древней истории Северного Тимана, но и в целом об освоение Арктики на обширном историческом отрезке от палеолита до позднего железного века.

Библиографический список

- Едовин А. Г. Отчет о мониторинге объектов археологического наследия, археологическом и этнографическом изучении ранее не исследованных территорий (район Северного Тимана, р. Индига Ненецкий автономный округ). Архангельск, 2011 // НА МО НАО. Б/н. Л. 12.
- Коротаев А. В. Археологические исследования в западной части Ненецкого автономного округа в конце XIX – начале XXI в. // Поморские чтения-III: сборник материалов. Архангельск; Мезень, 2021. С. 30–46.
- Стоянка Поповка. Паспорт объекта культурного наследия. 2011 г. / сост. А. Г. Едовин // НА МО НАО. Б/н. Л. 3.

A. Yu. DANILOV, A. V. KOROTAEV

**ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE SEVERNYY TIMAN NATURE PARK
(THE NENETS AUTONOMOUS OKRUG)**

The subject of the paper is the new archaeological research project in the territory of Northern Timan. The authors share the results of the fieldwork carried out in the valley of the Belaya River in July 2023. In the course of the research, 13 new locations of flint tools and by-products were recorded. Apparently, the surveyed territory was located away from the main routes of the Timan tundra colonization, and could be used as short-term hunters' camps and as a raw material base for the flint industry.

Andrey Yu. Danilov – Candidate of Historical Sciences, P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia, Yaroslavl)

E-mail: obnor@mail.ru

Alexey V. Korotaev – Museum Association of the Nenets Autonomous Okrug (Russia, Naryan-Mar)

E-mail: akorotaev777@yandex.ru

В. Л. ДЕРЖАВИН

**ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ НА АРХИПЕЛАГЕ ШПИЦБЕРГЕН (СВАЛЬБАРД)
И ШПИЦБЕРГЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РАН**

В докладе кратко рассказывается о трудностях, с которыми сталкивается Шпицбергенская экспедиция Института археологии РАН, которая ведет работы на архипелаге уже более сорока лет. Так как памятники расположены на территории другого государства, то желательно соблюдать его законы, а это в свою очередь затрудняет работы наших археологов, что в конечном счете практически привело в конце прошлого столетия к прекращению полноценных раскопок русских (поморских) памятников. В Норвегии и на Шпицбергене памятниками культуры (культурно-исторического наследия) считаются все исторические объекты вплоть до окончания Второй мировой войны, то есть 1945 г. В последние годы ведутся только археологические разведки.

Державин Виктор Леонидович – к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва)

E-mail: derzh@yandex.ru

Шпицберген (Свальбард) по Парижскому договору 1920 г., безусловно, является владением территории королевства Норвегии. СССР (Россия) подписавший его в 1935 г. имеет право заниматься на острове хозяйственной деятельностью, в связи с чем наше государство владеет некоторыми относительно крупными земельными участками (поселки Баренцбург,

Пирамида, Колсбей), где ведется (или велась) добыча угля, правда, уже не так интенсивно, как в советское время. Последние два из них почти заброшены. Но поскольку земли находятся под юрисдикцией Норвегии, то на них распространяются норвежские законы. Поэтому наши граждане, включая археологов, должны их соблюдать, имеется ввиду Закон об охране окружающей среды. К тому же архипелаг поделен на девять природо-охраняемых зон, для посещения которых требуется разрешение губернатора Свальбарда. Зоны, а по площади это более половины Шпицбергена, представляют собой национальные заповедники и парки с легкоранимой флорой и фауной (в большинстве своем птичьи базары). Они также создают трудности для посещения археологов.

Шпицбергенская археологическая экспедиция Института археологии РАН ведет работы на архипелаге более сорока лет. Однако первые профессиональные раскопки проводились в середине прошлого столетия скандинавскими исследователями в заливе Исфьорд. Советскую экспедицию возглавлял почти сорок лет В. Ф. Старков. Его экспедицией были исследованы около четырех десятков культурно-исторических объектов (становища, погребения, приметные кресты, остатки и детали судов XVI–XIX вв.) [Старков, Завъялов, Державин, 2019, с. 221]. Еще в прошлом столетии норвежская администрация предоставляла возможность проводить археологические раскопки памятников в любой зоне Шпицбергена и прилегающих к нему островов, в том числе и другим европейским ученым (полякам, голландцем и др.), но с 1990-х гг. политика губернатора Свальбарда резко изменилась в сторону ужесточения, в итоге раскопки были вообще запрещены. При этом администрация губернатора теперь стала ссылаться на Закон об охране окружающей среды, который в определенной степени ограничивает возможность российских археологов и ученых других стран работы на архипелаге.

Если во второй половине XX в. Шпицбергенская экспедиция ИА АН СССР (руководитель В. Ф. Старков) подавала без каких-либо осложнений заявку норвежской администрации на раскопки памятников русского культурно-исторического наследия (становища, погребения, кресты, суда и их фрагменты), то в начале XXI в. правила усложнились. На основании Закона об охране окружающей среды, принятого в 2001 г. [Закон..., с. 33], раскопки проводятся в исключительных случаях и преимущественно норвежскими учеными, а именно тогда, когда памятнику грозит частичное или полное разрушение в результате природных процессов: ветровая и морская эрозия, оползни и тому подобное. По Закону в Норвегии, в том числе на Шпицбергене, к памятникам культуры относятся все объекты историко-культурного наследия (ИКН), датируемые до 1946 г., то есть временем окончания Второй мировой войны. В параграфе 39 документа прямо говорится, что «Автоматически охраняемыми объектами являются:

- а) недвижимые памятники культуры, созданные до 1946 г.;
- б) движимые памятники культуры, созданные до 1946 г., когда их обнаруживают в ходе исследований, раскопок и иным образом».

Но на разрушающиеся недвижимые памятники не всегда выдается разрешение губернатором. Например, В. Ф. Старкову не позволили исследовать сильно размываемое поморское становище в заливе Беттибухта, несмотря на предъявленные им археологические доказательства, зафиксированные им в 2006 г. [Старков, 2006]. Причем на место планируемых раскопок выезжал представитель экспедиции, но переубедить норвежцев не смог.

Часто на архипелаге встречаются остатки китобойных печей для выплавки ворвани, поскольку разделка туш производилась на берегу, а также следы палаток, оставленных европейскими промысловиками XVII в. Рядом или непосредственно в этих же местах поморы позже возводили становища или станки — вспомогательные небольшие постройки для охоты, а затем здесь селились и норвежские трапперы. Выбор одного и того же места для промыслов в различные эпохи был продиктован основными условиями, которые должны были удовлетворять охотников. А они представляются для всех универсальными: наличие удобной бухты, обязательного источника пресной воды и желательное присутствие плавника, необходимого для растопки печей.

К недвижимому памятнику культуры, подпадающему под охрану, относится также зона охраны, простирающаяся во всех направлениях на расстояние 100 м от видимой или известной внешней границы недвижимого памятника культуры. Движимые памятники культуры получают статус недвижимых, если они привязаны к конкретному объекту. Следует сказать, что лагерь (или база) археологической экспедиции в обязательном порядке должен располагаться также на расстоянии не менее ста метров от памятника.

Администрация Свальбарда может принять постановление об охране памятников культуры, которые могут относиться к периоду после 1945 г., то есть послевоенному времени, но представляющих необычную культурно-историческую ценность. В частности это остатки сооружений, шахт, механизмы, связанных с угледобывающим производством и т. д.

Остатки так называемой индустриальной, или промышленной археологии (узкоколейки, вагонетки, различные механизмы и пр.) конца XIX–XX вв. встречаются на Шпицбергене повсеместно. И несмотря на их позднюю датировку, эти памятники скандинавские специалисты в научном отношении приравнивают к более ранним (поморским и западноевропейским). Для них они представляют безусловный интерес, как и памятники периода Второй мировой войны (метеостанции, самолеты, пушки, окопы).

Многие памятники на архипелаге связаны с определенными историческими персонажами: русскими промышленниками, мореплавателями, китобоями норвежскими охотниками, основателями русского, американского и европейского горнорудного производства. То есть за ними мы видим не только археологические объекты, достойные изучения, но и конкретных исторических личностей, с которыми они были связаны.

Таким образом, заметим, что под защиту норвежского государства подпадают все без исключения памятники культурно-исторического наследия на архипелаге Шпицбергене вплоть до 1945 г. и в отдельных исключительных случаях даже более поздние.

Библиографический список

- Закон об охране природы Свальбарда от 15 июня 2001 года № 79 «Об охране окружающей природной среды архипелага Свальбард» // Министерство охраны окружающей среды Королевства Норвегия [2003].
- Старков В. Ф. Отчет Шпицбергенской экспедиции в заливе Беттибухта в 2006 г., представленный в контору Губернатора. Рукопись.
- Старков В. Ф., Завьялов В. И., Державин В. Л. Сорок лет российским археологическим исследованиям на Шпицбергене // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 225. С. 221–229.

V. L. DERZHAVIN

PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN SPITZBERGEN (SVALBARD) ARCHIPELAGO AND SPITZBERGEN EXPEDITION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The paper offers a brief summary of the difficulties faced by the Spitzbergen expedition of the RAS Institute of Archaeology, which has been working on the archipelago for more than forty years. Since the sites were located on the territory of another state, it was necessary to comply with its laws, and this in turn complicated the work of our archaeologists, which ultimately led to the almost complete cessation of full-fledged excavations of the Russian (Pomor) sites at the end of the past century. Moreover, in Norway and Svalbard, in particular, all historical sites up to the end of the Second World War, that is up to 1945, are considered cultural and historical heritage sites. In recent years, all work has been limited to archaeological survey projects.

Viktor L. Derzhavin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: derzh@yandex.ru

Ю. Н. КВАШНИН

ПЕРЕМЕСТИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ (О СВАТИЛИЩАХ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА ЯНАО)

В докладе освещены проблемы, связанные с сохранением объектов культурного наследия тундровых ненцев Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Традиционными для ненцев являются жертвенные места, сооруженные из оленьих голов с рогами, к которым прикладывают деревянные идолов и подвешивают металлические изделия — цепочки, кольца, колокольчики, подвески. В лесной зоне на юге района, где у ненцев происходили межэтнические контакты с селькупамы, жертвенники устраиваются возле лиственниц. На деревьях вырезают личины духов-покровителей, на ветки подвешивают подношения в виде лоскутов тканей и металлических предметов. Угрозы повреждения или уничтожения жертвенников существуют в чистой тундре, где ведется прокладка газопроводов или обрушаются берега рек из-за глобального потепления. Лесные жертвенники находятся вдалеке от газопроводов и защищены в большей степени. С началом экспансии нефтегазодобывающих компаний на их исконные территории ненцы стали задаваться вопросом, можно ли переносить жертвенники на другие места для их спасения от уничтожения.

Квашнин Юрий Николаевич — к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: ukvashnin@umuseum.ru

В ненецких тундрах повсеместно встречаются разного размера жертвенные места, сложенные из оленьих голов. Иногда на них можно увидеть черепа морских зайцев-лахтаков, положенные сюда рыбаками.

Обследование жертвенных мест ненцев Тазовского района ЯНАО проводились нами с 2013 по 2019 г. В низовьях р. Таз было осмотрено два особо почитаемых святилища — одно недалеко от рыбопромыслового песка Надо-Марра, а второе на холме у озера Нямбой-То.

Первое расположено на берегу р. Таз, примерно в 60 м от него. Место представляет собой небольшую поляну 5–6 м в окружности, вокруг которой растут хвойные и лиственные деревья. В северной части поляны, к двуствольной березе, прислонен кусок дерева

высотой 1,1 м, около 40 см в диаметре. Дерево сильно обгорело. Сверху оно было когда-то спилено наискосок под острым углом. Нижняя часть подрублена топором. В верхней части обозначены голова и шея. Обгоревшим, еле видимым лицом фигура повернута в сторону реки. Голова покрыта белым платком с цветочным узором, на тело накинута тонкая шерстяная ткань. На березе спереди и сзади намотаны и подвешены на проволоку куски белой ткани. На поляне валяются стеклянные и пластиковые бутылки из-под спиртных напитков, жестяные и стеклянные банки, эмалированные миски. В 3 м к юго-западу от фигуры видно кострище, там готовили обрядовую трапезу.

По словам местных ненцев, эта фигура изображает старуху-хозяйку рыболовного песка Надо-Марра. Жертвоприношения здесь ненцы устраивают каждую весну перед началом рыбного промысла. Примерно 20 лет назад культовое место находилось в другом месте. Изображение старухи было вырезано на пне, закутано в платки и предметы одежды. После пожара в тундре ненцы срубили обгоревший пень и перенесли его ближе к рыболовному песку.

На холме у озера Нямбой-То мы обнаружили два жертвенных места, которые располагаются примерно в 100 м друг от друга. Одно из них, находящееся ближе к берегу озера, представляет собой плоскостное изображение — личину с глазами, носом и ртом, вырезанную в нижней части лиственницы. Каких-либо следов культовых действий здесь обнаружено не было. Рядом валялась только одна пустая бутылка из-под водки. Это святилище, видимо, заброшено, так как лиственница давно засохла, и на ней нет ни одной целой ветки.

Другая лиственница, находящаяся в глубине холма, живая, с зелеными раскидистыми ветвями. Здесь также выявлена личина с глазами, носом и ртом. Для обозначения ушей по краям личины просверлены отверстия, в которые вставлены металлические кольца с подвешенными на них металлическими цепочками и колокольчиками, изображающими серьги. Чуть ниже подбородка на очищенной от коры поверхности металлическим предметом прорезан круг, видимо, обозначающий живот. Здесь обнаружены многочисленные приношения — большие и маленькие куски ткани, цепочки, колокольчики, кольца, бусы, гильзы от патронов, металлические подвески разного времени изготовления. Под лиственницей валяются керамические чашки и бутылки из-под вина и водки. Рот личины черный, местами видны отщепы.

В 2016 г. мы снова побывали на озере Нямбой-То. Здесь мы отметили следы недавнего жертвоприношения у личины. На дереве появилось несколько новых подвесок — лоскутки ткани, металлические цепочки и колечки, а также небольшая женская сумочка из цветной ткани с ненецким орнаментом. Ствол лиственницы в месте изображения личины был обмотан вокруг женским головным платком белого цвета. Под лиственницей валялись пустые бутылки из-под водки, керамические чашки, заварочный чайник, консервные банки. В 3 м от лиственницы были видны следы от костра, на котором готовили жертвенную трапезу.

Наш информант Артур Лырмин, проживающий недалеко от этого места, сообщил нам, что обрядовые действия были проведены здесь весной этого года перед самым таянием снега, когда земля, по ненецким поверьям, начинает просыпаться ото сна. В обряде жертвоприношения участвовали он сам, члены его семьи и некоторых родственных семей.

Святылища на Надо-Марра и Нямбой-То являются стационарными. Они расположены в лесной зоне, в стороне от действующих и строящихся газопроводов. Угроза их повреждения или уничтожения сегодня отсутствует. По-другому обстоят дела с жертвенными местами в чистой тундре.

В 2018 г. нами были обследованы 11 святылищ на р. Юрибей на пространстве от одноименной фактории до ее притока р. Мерета-Яха. Все жертвенники однотипные, сложенные из оленьих голов с рогами, между которыми торчат сломанные хорей и висят различные металлические предметы. Отличаются они друг от друга только по высоте, что может означать степень значимости конкретного места для проживающих поблизости ненцев. Самое большое, выше человеческого роста, скопление голов с рогами, расположенное на высокой сопке, называется Шаман-горою.

Из-за глобального потепления высокие берега Юрибея каждый год обрушаются. Три больших жертвенника устроены на краях крутых обрывов. Два из них в 2018 г. были на грани обвала. На вопрос будут ли переносить жертвенники дальше от обрывов, ненцы ответили, возможно, будут. К примеру, большой жертвенник на Черной сопке в устье р. Юрибей ненцы спасти не успели.

Не удастся спасти некоторые жертвенники, расположенные глубоко в тундре и мешающие прокладке газопроводов. Геологоразведчики и газодобытчики часто не в состоянии отыскать оленеводов, которым они принадлежат. Те, как правило, на лето уходят с оленями на север, к побережью Карского моря.

Вопросы о возможности или невозможности перенесения жертвенников на другое место ставят ненцев Тазовского района в тупик. До того, как началась широкомасштабная экспансия предприятий нефтегазодобывающего комплекса на их исконные территории они об этом даже не задумывались. Сегодня им приходится приспосабливаться к новой реальности.

Yu. N. KVASHNIN

MOVE OR LEAVE (THE SANCTUARIES OF THE TUNDRA NENETS OF THE TAZ DISTRICT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG)

The paper highlights the problems associated with the preservation of cultural heritage sites of the Tundra Nenets of the Taz district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The traditional for the Nenets sacrificial sites represented piles of deer heads with antlers and attached to them wooden idols with suspended metal pieces, e. g. chains, rings, bells, or pendants. In the forest zone in the south of the district, where the Nenets had interethnic contacts with the Selkups, the altars were arranged near the larch trees. The faces of patron spirits were carved on tree trunks, and the offerings in the form of bits of fabric and metal objects were hung on the branches. In the open tundra, the gas pipelines construction and the riverbanks caving due to the global warming, cause a significant threat of damage or destruction of the altars. The forest altars are located at a significant distance from the gas pipelines and are, as a rule, more protected. With the beginning of the expansion of the oil and gas companies into their ancestral territories, the Nenets began to wonder whether it was advisable to move the altars to other places to save them from destruction.

Yuri N. Kvashnin – Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: ukvashnin@umuseum.ru

Д. В. КИСЕЛЕВА, Е. С. ШАГАЛОВ, Т. Г. ОКУНЕВА, Н. Г. СОЛОШЕНКО, А. Д. РЫБАКОВА,
Е. А. ПАНКРУШИНА, А. Д. РЯНСКАЯ, А. Н. ХОРЬКОВА, Д. А. ДАНИЛОВ, В. С. ИГОШЕВА,
А. К. ФОКИНА, В. П. ФЕДОРОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ*

В докладе рассмотрены результаты исследований ряда археологических артефактов – растительного и шерстяного текстиля, металла (бронзы и меди), скелетных тканей человека, пигментов наскальной живописи и татуировок, керамических изделий, органических пищевых остатков, курительных смесей, выполненных в ЦКП «Геоаналитик» Института геологии и геохимии УрО РАН. В результате применения комплекса спектроскопических методов получены новые данные относительно природной среды, климата и хозяйства древнего человека, проведены реконструкции «биографии» отдельных предметов и комплексов.

Киселева Дарья Владимировна – к.г.-м.н., Институт геологии и геохимии УрО РАН; Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Шагалов Евгений Сергеевич – к.г.-м.н., Институт геологии и геохимии УрО РАН; Уральский государственный горный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: shagalove@mail.ru

Окунева Татьяна Геннадьевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: okunevatatjana@mail.ru

Солошенко Наталия Геннадьевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: Nats_igg@mail.ru

Рыбакова Анна Дмитриевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН; Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: rubakova170@gmail.com

Панкрушина Елизавета Алексеевна – к.х.н., Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: lizaveta.94@list.ru

Рянская Анастасия Дмитриевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: tosenka2008@gmail.com

Хорькова Арина Николаевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН; Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: arina.khorkova@gmail.com

Данилов Данил Анатольевич – к.х.н., Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: daniiliinad@gmail.com

Игошева Виктория Сергеевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН; Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

E-mail: igosheva.v.s@yandex.ru

Фокина Анастасия Константиновна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: asiy.fokina93_93@mail.ru

Федорова Виктория Павловна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: 89681169121vika@mail.ru

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00593 «Новая “биография” объектов культурного наследия Уральского региона России: применение естественнонаучных методов исследования элементного и изотопного состава и структуры археологических артефактов» (рук. Д. В. Киселева)

Реализация междисциплинарного подхода в археологических исследованиях характеризуется широким применением современных аналитических спектроскопических методов к изучению артефактов, скелетных остатков и других объектов материальной культуры.

В представленном докладе будут рассмотрены результаты исследований ряда археологических артефактов – растительного и шерстяного текстиля [Shishlina et al., 2023], металла (бронзы и меди), скелетных тканей человека [Kiseleva et al., 2024; Kiseleva, Pankrushina, 2023; Шарапова и др., 2023], пигментов наскальной живописи и татуировок [Kiseleva et al., 2023], керамических изделий, органических пищевых остатков, курительных смесей [Sharapova et al., 2022], выполненных в Центре коллективного пользования «Геоаналитик» Института геологии и геохимии УрО РАН.

Отдельное внимание будет уделено определению изотопного состава биодоступного стронция и построению карт распределения отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, или изоскейп (*isoscaepes*, *iso* – *isotope*, *scaep* – *landscape*), представляющих собой линии/области с известными изотопными отношениями биодоступного стронция, позволяющих оценить мобильность древних популяций и идентифицировать местных/неместных индивидов [Епимахов и др., 2023].

Круг использованных аналитических методов включает многоколлекторную и квадрупольную масс-спектрометрию с индуктивно связанной плазмой для определения микроэлементного и изотопного (стронций, свинец) состава образцов; рамановскую спектроскопию и сканирующую электронную микроскопию с ЭДС для идентификации минерального состава микропрепаратов пигментов наскальной живописи; газовую хроматографию с масс-спектрометрическим детектированием для идентификации органических веществ (в том числе жирных кислот), входящих в состав органических остатков жирового нагара на стенках керамических изделий, курительных смесей, а также связующих доисторических красителей.

В результате применения комплекса спектроскопических методов значительно расширилась источниковая основа изучения поселений, погребальных комплексов и отдельных объектов материальной культуры, получены новые данные относительно природной среды, климата и хозяйства древнего человека, проведены реконструкции «биографии» отдельных предметов и комплексов.

Библиографический список

- Епимахов А. В., Чечушков И. В., Киселева Д. В., Анкушев М. Н., Анкушева П. С. Картирование биодоступного $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в Южном Зауралье // Литосфера. 2023. № 23 (6). С. 1079–1094.
- Шарапова С. В., Бачура О. П., Грачев М. А., Карапетян М. К., Киселева Д. В., Косинцев П. А., Костомаров В. М., Окунева Т. Г., Шагалов Е. С., Якимов А. С. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышья // Нижневолжский археологический вестник. 2023. № 22 (2). С. 65–96.
- Kiseleva D., Pankrushina E. Thermal behavior of modern and archeological enamel and dentin by in situ temperature-dependent Raman spectroscopy // Journal of Raman Spectroscopy. 2023. No. 54 (8). P. 619–639.
- Kiseleva D., Shagalov E., Pankrushina E., Shirokov V., Khorkova A., Danilov D. Microanalytical Investigation of Prehistoric Colorants from Uralian Rock Art (Ignatievskaya Cave and Idrisovskaya II and Zmiev Kamen' Pictographs) // Heritage. 2023. No. 6. P. 67–89.
- Kiseleva D. V., Chervyakovskaya M. V., Chervyakovskii V. S., Okuneva T. G., Soloshenko N. G., Bulatov V. A., Grachev M. A., Karapetyan M. K., Sharapova S. V., Shagalov E. S. Assessment of Diagenetic Transformations in Bioapatite for the Determination of the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ Isotope Ratio: A Case Study on

an Early Iron Age Human Tooth from the Sargat Culture // *Journal of Analytical Chemistry*. 2024. No. 78 (12). P. 1642–1650.

Sharapova S. V., Trufanov A. Ya., Kiseleva D. V., Shagalov E. S., Danilov D. A., Khor'kova A. N., Okuneva T. G., Soloshenko N. G., Ryanskaya A. D., Uporova N. S. A Find of the North-Caucasian Ceramics in the Elite Burial of the Isakovka I Burial Ground (Western Siberia) // *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18, no. 2. P. 429–462.

Shishlina N. I., Ankusheva P. S., Orfinskaya O. V., Kiseleva D. V. Wool Fibers of the Northern Eurasian Bronze Age: The Cultural and Geographical Contexts // *The Indo-European Puzzle Revisited: Integrating Archaeology, Genetics, and Linguistics*. Cambridge, 2023. P. 275–281.

D. V. KISELEVA, E. S. SHAGALOV, T. G. OKUNEVA, N. G. SOLOSHENKO, A. D. RYBAKOVA,
E. A. PANKRUSHINA, A. D. RYANSKAYA, A. N. HORKOVA, D. A. DANILOV, V. S. IGOSHEVA,
A. K. FOKINA, V. P. FEDOROVA

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY OF CULTURAL HERITAGE SITES

The paper presents the results of the study of several types of archaeological artifacts, i.e. vegetable and woolen textiles, metal (bronze and copper), human skeletal tissues, pigments from rock paintings and tattoos, ceramic items, organic food remains, and smoking mixtures performed at the Shared Use Facility “Geoanalyst” of Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry, the Ural Branch of RAS. The use of a range of various spectroscopic techniques produced new data regarding the natural environment, climate and the economy of the ancient population, and allowed reconstructing the “biography” of individual items and complexes.

Daria V. Kiseleva — Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Evgeny S. Shagalov — Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS; Ural State Mining University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shagalove@mail.ru

Tatyana G. Okuneva — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: okunevatatjana@mail.ru

Natalia G. Soloshenko — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Nats_igg@mail.ru

Anna D. Rybakova — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: rubakova170@gmail.com

Elizaveta A. Pankrushina — Candidate of Chemical Sciences, Institute of Geology and Geochemistry; Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: lizaveta.94@list.ru

Anastasia D. Ryanskaya — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: tosenka2008@gmail.com

Arina N. Horkova — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: arina.khorkova@gmail.com

Danil A. Danilov — Candidate of Chemical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: daniilnad@gmail.com

Victoria S. Igosheva — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: igosheva.v.s@yandex.ru

Anastasia K. Fokina — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: asi.y.fokina93_93@mail.ru

Victoria P. Fedorova — Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: 89681169121vika@mail.ru

С. В. КОПЫТОВ, А. Р. СМЕРТИН, А. Т. ХАБИБУЛЛИНА

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫЯВЛЕНИИ СЕЛИТЕБНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ Р. ИНЬВЫ (ПЕРМСКИЙ КРАЙ)

В докладе представлены результаты анализа расположения археологических памятников различных эпох в долине р. Иньвы — правом притоке Камского водохранилища. С использованием материалов Государственной геологической карты, космических снимков Landsat-8 OLI, цифровых моделей рельефа (ЦМР) выделены пойма, три надпойменные террасы, коренные склоны долины, к которым определена приуроченность археологических памятников. Селища, в основном, располагались на пойме, городища приурочены к устьям притоков, могильники тяготеют к склонам, коренным берегам или уступам надпойменных террас. На основе результатов БПЛА-съемки составлен топографический план территории городища Анюшкар, проведено сравнение с ранее созданными планами археологических раскопок.

Копытов Сергей Владимирович — Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)
E-mail: kopytov@psu.ru

Смертин Андрей Романович — Институт гуманитарных исследований УрО РАН; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь)
E-mail: arsmertin@mail.ru

Хабидуллина Амина Талгатовна — Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
E-mail: at_khabibullina@mail.ru

Река Иньва является одним из крупнейших притоков р. Камы. Иньва впадает в Каму с правого берега, образуя залив Камского водохранилища, а свои истоки берет в 50 км к западу от г. Кудымкара Пермского края.

Распространение памятников археологии в данном регионе неравномерное, что вполне объясняется стихийностью проводимых археологических разведок. Тем не менее, известно более 80 древних и средневековых объектов культурного наследия в долине р. Иньва [Памятники истории и культуры..., 1994].

История археологического обследования региона имеет длительный срок. Стихийные сборы артефактов по иньвенским поселениям производились семьей Теплоуховых. Первые крупные и наиболее важные разведки были проведены под руководством М. В. Талицкого в 1930-х гг. [Вострокнутов, 2013]. Отдельные памятники осматривались В. Ю. Лещенко (1968 г.), А. Г. Поляковым (1974 г.), В. П. Мокрушиным (1981 г.), Э. Ю. Макаровым (1990-е гг.) и др. Масштабные раскопки были предприняты сотрудниками Камской археологической экспедиции, Камской археолого-этнографической экспедиции, Камско-Вятской археологической экспедиции на городищах: Кудымкарском, Анюшкар, Купрос, Роданово; могильниках: Плотниково, Пешнигорт, Важгорт I-II, Степаново Плотбище; селищах:

Калино, Вакино и др. Мониторинги состояния памятников археологии проводились С. И. Абдуловой (2009 г.), А. В. Вострокнутовым (2013 г.). Потенциал данных работ далеко не исчерпан.

Среди памятников каменного века преобладают стоянки эпохи палеолита в устье Иньвы (группа стоянок Гарчи I–VI, Усть-Пожва I–VI, Емельяниха I, Лемпиха I, Широфаново, Палкинская, Усть-Иньва I). Их локализация связана с размывом Камским водохранилищем высоких берегов. Менее известны стоянки мезолита–неолита, расположенные в верхнем течении (Секово, Малая Серва, Демино и др.).

Памятники эпохи бронзы и раннего железа на Иньве неизвестны, хотя поселения и могильники данных эпох встречаются на соседних крупных правых камских притоках: реках Косе и Обве.

Распространение памятников эпохи Средневековья V–XV вв. в Иньвенском поречье весьма обширно. В данный период на территории Пермского Предуралья бытуют племена финно-угорской языковой группы, объединяемые исследователями в так называемые ломоватовскую и родановскую археологические культуры. Именно иньвенская группа средневековых памятников являлась центральной и самой крупной.

Определение геоморфологических условий расположения памятников в долине Иньвы осуществлялось на первом этапе с использованием комплекта Государственной геологической карты листа О-40-VII в масштабе 1:200 000 [Бабенышев, Гатауллин, Волкова, 2021] и космических снимков Landsat-8 OLI в весеннюю фазу водного режима (апрель 2016 г.). Картографирование пойм, террас, склонов и водоразделов производилось по цифровой модели рельефа (ЦМР) FABDEM с использованием схемы геоморфологических образований (масштаб 1:500 000) комплекта Госгеолкарты, а также определения зоны затопления на основе расчета индекса NDVI. Выбор даты космического снимка определялся наивысшим уровнем воды в р. Иньве за период 2008–2021 гг. по данным наблюдений на гидропостах Кудымкар и Слудка [Автоматизированная информационная система...]. На геоморфологическую схему наносились известные археологические памятники на участке от с. Верх-Иньва до устья, приуроченность к различным геоморфологическим выделам определялась при помощи инструмента «Пространственное соединение» пакета ArcGIS.

Для ключевого участка – территории средневекового городища Анюшкар (Кыласово), в 2021 г. проведена лидарная БПЛА-съемка. Для квадрокоптера DJI Matrice 300 предварительно установлена базовая ГНСС-станция D-RTK-2 для максимально точного определения положения БПЛА в пространстве и привязки полученного облака лазерных отражений к местности.

Проведение лидарного сканирования производилось при помощи подвесного устройства «LIDAR – Zenmuse L1». На основе полученного облака точек были построены цифровая модель местности (ЦММ) и ЦМР. На основе результатов фотографирования построены ортофотоплан и снимок в синтезе каналов «искусственные цвета». При составлении топографического плана из растра ЦМР были извлечены изолинии, проведена векторизация растительности, гидрографических объектов, населенных пунктов.

В результате картографирования в долине р. Иньвы были выделены пойма, комплекс надпойменных террас (первая, вторая, третья), эрозионные склоны.

Неукрепленные поселения (селища) располагались в пойменной части обоих берегов р. Иньвы, либо на небольшом повышении берега. Городища левого берега (10) расположены

достаточно близко к основному руслу Иньвы. Правобережных укрепленных поселений меньше (4), они располагаются на удалении от русла р. Иньвы и тяготеют к притокам (Гырчи, Ручево), либо расположены в самом устье (Анюшкар). Могильников в исследуемом ареале известно немного (14). Все они, вероятно, тяготели к поселениям и располагались на высоких берегах (Анюшкар, Широфановский), уступах надпойменных террас (Плотниково, Мартыново, Гурино, Важгорт, Пешнигорт и др.). Левый берег р. Иньва являлся наиболее привлекательным для заселения во все времена.

На основе ортофотоплана, ЦМР и ЦММ, составленных по результатам БПЛА-съемки, проведено картографирование (составление топографического плана) территории городища Анюшкар. На план нанесены идентифицируемые места раскопов [Оборин, Ленц, 2008]. При сопоставлении со старыми планами выявлена динамика разрушения берега Камского водохранилища в районе памятника в результате абразионных процессов.

Библиографический список

- Автоматизированная информационная система государственного мониторинга водных объектов (АИС ГМВО) // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <https://gmvo.skniivh.ru/> (дата обращения: 15.03.2024).
- Бабеньшев В. М., Гатауллин А. И., Волкова Г. И. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:200 000. Издание второе. Серия Пермская. Листы О-40-VII (Кудымкар); О-40-XIII (Верещагино). Объяснительная записка. М., 2021.
- Вострокнутов А. В. Отчет о выполнении работ по государственному контракту № 150 от 01.07.2013 «Мониторинг объектов археологического наследия г. Березники, г. Кудымкар, Кудымкарского муниципального района»: в 2 т. Пермь, 2013.
- Оборин В. А., Ленц Г. Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. Вып. 2. С. 10–15.
- Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1994. Т. 1, ч. 1.

S. V. KOPYTOV, A. R. SMERTIN, A. T. KHABIBULLINA

GEOINFORMATION TECHNOLOGIES IN THE IDENTIFICATION OF THE RESIDENTIAL PREFERENCES OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL POPULATION OF THE INVA RIVER VALLEY (PERM REGION)

The paper presents the results of the study of location of archaeological sites of various eras in the valley of the Inva River, a right tributary of the Kama reservoir. Using the materials of the State Geological Map, Landsat-8 OLI satellite images, and digital relief models (DRM), we identified a floodplain, three floodplain terraces, and the bedrock slopes of the valley, to which subsequently the archaeological sites were referred. The settlements were mainly located on the floodplain, the hillforts were referred to the mouths of the tributaries, and the burial grounds tended to be located on slopes, bedrock banks or ledges of the floodplain terraces. Based on the results of the UAV survey, a topographic plan of the territory of the Anyushkar hillfort was compiled, and a comparison was made with the plans previously created as a result of archaeological excavations.

Sergey V. Kopytov – Perm State National Research University; Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: kopytov@psu.ru

Andrey R. Smertin – Institute for Humanistic Studies of Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS; Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: arsmertin@mail.ru

Amina T. Khabibullina – Perm State National Research University (Russia, Perm)
E-mail: at_khabibullina@mail.ru

Е. Р. МАСЛЕННИКОВ, К. А. ПЕТРОВСКАЯ, И. Е. ПУШКАРЕВ, М. Е. КИРОВА

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ СТАРО-ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕ-ИСЕТСКОГО И МАРИИНСКОГО ЗАВОДОВ

В полевых сезонах 2022–2023 гг. сотрудниками «Музея истории Екатеринбурга» произведены разведочные работы на территории Мариинского молотового завода и Нижне-Исетского завода, в результате которых были выявлены новые объекты археологического наследия, собраны артефакты, связанные с индустриальной историей Урала. Опыт работы с подобными памятниками позволяет привлечь внимание к проблеме сохранения объектов археологического наследия Нового времени, а также разработать методологические принципы работы с малоизученными на сегодняшний момент памятниками. Эти методы включают в себя гибридную работу с данными полевых исследований и архивными источниками с применением междисциплинарного подхода с использованием современных геоинформационных систем, методов фотограмметрии, автоматизированной аэрофотосъемки и др. Данная группа памятников также раскрывает перед исследователями малоизученную группу артефактов – побочные продукты плавки железа.

Масленников Евгений Романович – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)
E-mail: e_maslennikov@bk.ru

Петровская Кристина Андреевна – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)
E-mail: petrovskaya.kristen@gmail.com

Пушкарев Игорь Евгеньевич – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)
E-mail: mie1723ier@yandex.ru

Кирова Мария Евгеньевна – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)
E-mail: maria.tlen@yandex.ru

В полевых сезонах 2022–2023 гг. сотрудниками «Музея истории Екатеринбурга» проведены археологические разведки на территории бывшего Мариинского молотового завода в с. Мариинск Свердловской области и на территории Нижне-Исетского завода в г. Екатеринбург.

Мариинский молотовый завод – вспомогательное предприятие Ревдинского завода, специализировавшегося на производстве полосового, сортового, листового и кровельного железа. Основан в 1840 г. на р. Ревда, притоке р. Чусовой, в 68 верстах к юго-западу от Екатеринбурга. Во время бытования Мариинского завода количество и тип станков постоянно изменялись, какие-то приходили в негодность, при очередной модернизации возникали новые. Завод был закрыт из-за нецелесообразности восстановления приблизительно в 1921 г.

Нижне-Исетский завод начал производить первую продукцию в 1794–1795 гг. Завод выпускал плоскостное, листовое железо, отливал чугунные снаряды, производил якоря. Период активного сталелитейного производства длился до 1830 г. Начиная с 1860-х гг. Нижне-Исетский завод планомерно терял заказы, из-за нерентабельности доставки продукции. С мая 1915 г. в истории завода был артельный период – завод был передан Трудовой артели рабочих и кустарей Нижне-Исетского завода, функционирование завода преимущественно происходило за счет беспроцентных кредитов от государства. Экономический эксперимент продлился до мая 1915 г. Окончательно площадка завода была заброшена к 1941 г.

Существование заводских площадок относится к периоду Нового времени, поэтому письменные источники и архивные картоматериалы относительно многочисленны.

Среди них наиболее информативны — «Атлас Мариинского полковницы Демидовой завода заводским устройствам и зданиям, с планом обывательского строения, 1842 г.»; «План селения Мариинского завода последней трети XIX в. и статья И. П. Котляревского в «Горном журнале» за июнь и июль 1870 г. Архивные источники по истории Нижне-Исетского завода представлены многочисленными планами большинства заводских сооружений, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области.

В ходе визуального осмотра площадки Мариинского завода, проведения топографической съемки, на основании фотограмметрической съемки и данных архивных картоматериалов было выявлено пять сооружений. Среди которых: крупный свайный фундамент (размерами 40 × 10 м), формирующий внутри несколько помещений: подсобное складское помещение с частично сохранившимися стенками, с фиксируемыми соединительными пропилами; тело плотины протяженностью 140 м с сохранившимися прорезами (ларевым и вешнячным). Сохранность плотины, если рассматривать ее именно как объект археологического наследия, можно оценить как удовлетворительную. На месте можно определить конфигурацию и устройство тела плотины, вешнячного и ларевого (рабочего) прореза. В вешнячном прорезе, на границе между нижним и верхним флютбетом, фиксируются пазухи, на уровне верхнего флютбета частично сохранен затвор-частокол. Между вешнячным и ларевым прорезом фиксируется подпорная стенка корпуса цилиндрических мехов. Данное сооружение сохранилось только в виде стенки, составленной из плоских сланцевых блоков, усиливающей тело плотины. В центральной части выявленного объекта, на искусственном полуострове между вешнячным и ларевым прорезами, фиксируются фундаменты корпуса кричной фабрики. Часть заводских сооружений в натуре не фиксируются, и информация о них содержится только в исторических источниках.

Так как исследование площадки Мариинского молотового завода происходило по Открытому листу, не подразумевавшему земельные работы, основной акцент при работе с артефактами был сделан на поиск подъемного материала. Коллекция артефактов насчитывает 56 предметов, среди которых большинство — побочные продукты плавки железа — металлургические шлаки и всплески. По деревянным фрагментам, обнаруженным в ходе разведочных работ, в Институте экологии, растений и животных УрО РАН был проведен дендрохронологический анализ, в результате которого выяснилось, что сруб деревьев был произведен в 1867 г. и в 1878–1879 гг.

При проведении разведочных работ на территории Нижне-Исетского завода производилось заложение 10 шурфов, в 7 были обнаружены фрагменты заводских конструкций, среди которых наиболее интересен фундамент металлургической печи и обнаруженная в одном из шурфов прослойка из куперашлака. Находки, обнаруженные в ходе работ, представлены 134 артефактами, большинство из которых являются побочными продуктами плавки железа — шлаками, всплесками, фрагментами литников. Наибольший интерес из обнаруженных артефактов вызывают кованные тигельные щипцы, аноды из железо-хромистого сплава с высоким содержанием хрома, а также чугунная подступица металлорежущего станка. Большинство артефактов обнаружены в переотложенных слоях.

При визуальном осмотре участка также было обнаружено пять сооружений. Это цельнолитая стальная плита размерами 1 × 1 × 0,2 м, вогнутая к центру на цементном фундаменте,

стальная труба диаметром 1,2 м, проходящая перпендикулярно ларевому прорезу, согнутая из стального листа толщиной 0,5 см, посаженная на клепки; фрагмент небольшого фундамента рядом с ларевым прорезом; деревянные опоры моста или причала на р. Исеть и ключик в деревянной обкладке, скрепленный кованым обручем.

Опыт работы с подобными памятниками позволяет привлечь внимание к проблеме сохранности объектов археологического наследия Нового времени, а также разработать методологические принципы работы с малоизученной группой памятников индустриального наследия с учетом их специфики.

E. P. MASLENNIKOV, K. A. PETROVSKAYA, I. E. PUSHKAREV, M. E. KIROVA

NEW DISCOVERIES IN THE ARCHAEOLOGY OF THE OLD INDUSTRIAL HERITAGE OF THE URALS. THE NIZHNE-ISETSKY AND THE MARIINSKY PLANTS STUDY

In the field seasons of 2022–2023, the staff of the Museum of the History of Ekaterinburg carried out archaeological surveys in the territory of the Mariinsky Stamp Hammer Mill and the Nizhne-Isetsky Plant, as a result of which new objects of archaeological heritage were identified, and the artifacts related to the industrial history of the Urals were collected. The study of this type of the heritage objects helps drawing attention to the problem of preserving the Modern Age archaeological heritage, as well as developing the methodological principles for working with the so far poorly researched sites. These methodological principles are based on the combined use of the field research data and the archival sources using an interdisciplinary approach involving the use of modern geoinformation systems, photogrammetry, automated aerial photography, etc. This group of sites also reveals to a researcher a poorly-studied group of artifacts, i. e. the by-products of iron smelting.

Evgeny R. Maslennikov – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: e_maslennikov@bk.ru

Kristina A. Petrovskaya – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: petrovskaya.kristen@gmail.com

Igor E. Pushkarev – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mie1723iep@yandex.ru

Maria E. Kirova – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: maria.tlen@yandex.ru

A. A. ПАЙЗЕРОВА

ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОГО МЕТОДА КОНСЕРВАЦИИ ОБРАЗЦОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ ДЛЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

С каждым годом растет количество исследованных археологических памятников, некоторые из которых сохраняют в себе сооружения из древесины — редкий и ценный материал для развития представлений о древних технологиях и проведения естественнонаучных анализов. Дендрохронология используется для изучения пространственно-временной динамики лесных экосистем, с ее помощью возможно реконструировать факторы окружающей среды за длительные интервалы времени и с высоким временным разрешением. Что важно для археологов, построенные длинные хронологии по

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10118 «Цифровая дендроархеология: новейшие методики пробоподготовки и датирования археологической древесины и углей бореальной зоны Евразии» (рук. М. О. Филатова)

образцам древесины позволяют уточнить датировку археологических комплексов. Археологическая древесина представляет собой очень хрупкую структуру. В данном исследовании рассматривается проблема укрепления образцов сухой археологической древесины до уровня, когда они становятся пригодными для проведения процедуры пробоподготовки.

Пайзерова Анна Алексеевна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
E-mail: Annpaiz@yandex.ru

Для того чтобы обнаружить древесину в погребенном состоянии должен совпасть целый ряд факторов, влияющих на ее сохранность. В первую очередь, отсутствие фактора химических разрушений, которые зависят от условий залегания, температуры, влажности, характера грунта и состава почвенного раствора. Реже всего отсутствуют биологические разрушения, создаваемые грибковыми и бактериальными поражениями, жизнедеятельностью растений и мелких грызунов. Тяжело избежать и механических разрушений деревянных конструкций под весом почвы или же произошедших при археологическом изучении, транспортировке, хранении. Перечисленные процессы на микроуровне способствуют деструкции древесного волокна, снижению содержания полисахаридов, лигнина, целлюлозы, разрыву целлюлозных цепей и распаду волокон древесины в поперечном направлении [Чернова, Кекова, 2022, с. 134]. В результате мы получаем структуру, которую с точки зрения физических свойств уже тяжело определить, как древесину.

Полученная в ходе археологизации сохранность изделий и конструкций из древесины требует реставрационного вмешательства, а именно, консолидирующей пропитки. Суть пропитки – склеивание микроволокон (фибрилл) целлюлозы, упрочнение разрыхленных стенок клеток, запечатывание пор.

Методы исследования: для выполнения работы нами был проведен эксперимент и выполнен количественный анализ. Контроль состояния древесины проводился путем визуального обследования на микроскопе AXIO zoom V16 (CARL ZEISS) в отраженном свете.

Критериями оценки выбора оптимального пропиточного состава стали: процентное содержание сухого вещества пропиточного состава в образце, пригодность для шлифовки (не остается на шлифовальной ленте/круге, не плавится от температуры в процессе шлифовки), доступность метода консервации.

Для проведения эксперимента взяты образцы древесины из археологических памятников «Абакан-15» и «Скальная-5», расположенных на территории Республики Хакасия (в г. Абакан и в Аскизском районе около железнодорожной станции «Скальная»). Оба памятника были исследованы в 2021 г. и относятся к тагарской археологической культуре [Богданов, Тимощенко, Иванова, 2021, с. 883–885].

Древесина, извлеченная из погребенного состояния, изначально содержала в себе большое количество влаги, что сохранило ее объем. В процессе хранения, для того чтобы избежать роста плесневых грибков, древесина была высушена в естественных условиях при постоянной температуре +21° и влажности 45 %. В результате процесса испарения, из-за быстрой потери влаги, древесина растрескалась и стала чрезвычайно хрупкой, следовательно, проведение шлифовки спила стало невозможным. Основные разрушения археологических дендрообразцов происходят на этапе упаковки и хранения. Рекомендации: не

допускать резкого перепада температуры и влажности, обработка антисептиком (пробы на радиоуглеродное датирование без обработки), упаковка в пищевую пленку и хранение в условиях, приближенных к погребенным (погреб, герметичный контейнер).

Описание сохранности

1. Спил бревна сруба с памятника «Абакан-15». Древесина лиственницы желто-коричневого цвета, легкая, со значительной потерей веса. Поверхность плотная, однако весь спил пронизан множеством мелких продольных и поперечных трещин. Поры древесины пустые, структура хрупкая, при минимальном воздействии истирается в порошок. Содержание влаги 16 %, что соответствует «воздушно-сухой» древесине. Плотность равна 0,49 г/куб. см (при нормальной плотности лиственницы равной 0,66 г/куб. см).

2. Спил бревна сруба с памятника «Скальная-5». Древесина лиственницы была подвергнута воздействию высокой температуры, периферийные кольца обуглены, центральная часть спила серо-коричневого цвета. Поры пустые, структура хрупкая. Идет растрескивание (расслоение) спила по кольцам, трещины достигают 20 мм. Содержание влаги 10 %, что соответствует «комнатно-сухой» древесине. Плотность равна 0,36 г/куб. см (при нормальной плотности лиственницы равной 0,66 г/куб. см).

От дендробразцов отобраны фрагменты примерно равные по объему. Для консолидирующей пропитки были опробованы клеевые растворы, легко доступные для приобретения в любом строительном магазине — «Мастер клей» (сополимеры винилацетата, растворимые в этиловом спирте) и Ceresit in 10 (водная дисперсия полимеров). Также взяты широко применяемые в реставрационной практике клеевые растворы [Федосеева и др., 2016]: поливинилбутираль (продукт взаимодействия поливинилового спирта и масляного альдегида, растворитель — этиловый спирт); полибутилметакрилат — бутиловый эфир метакриловой кислоты, растворитель — ацетон; Paraloid B72 — сополимер метилакрилата с этилметакрилатом с соотношением мономеров 30:70, для эксперимента взят растворитель — этиловый спирт; Акрисил 95 — акриловый сополимер продукта полимеризации эфиров акриловой и метакриловой кислот, растворитель — смесь изопропилового спирта и скипидара в соотношении 1:1.

Пропитывающие составы, показавшие лучшие результаты по критериям «прочность структуры» и «процентное содержание в образце»:

1) для образцов А15 — 7 % раствор ПВБ в этаноле, 7 % раствор ПБМА в ацетоне, 15 % раствор «Мастер Клей» в этаноле;

2) для образцов С5 — 7 % раствор ПБМА в ацетоне и 7 % ПВБ в этаноле.

Следующим этапом эксперимента стала шлифовка пропитанных и просушенных образцов. Обработка проводилась шлифовальными кругами Р100 и Р1 500 последовательно, промежуточная зернистость не потребовалась в связи с высокой мягкостью материала. Шлифовка направлена на создание плоской поверхности дендробразца, пригодной для сканирования, создания цифрового изображения и дальнейшего подсчета колец. Оба этапа шлифовки фиксировались при помощи микроскопа AXIO zoom V16 (CARL ZEISS).

Представленные в виде таблицы результаты показывают, что в образцах, вобравших в себя больший процент полимера, при трении молекулы на поверхности размягчаются, сплавляются с древесной пылью и препятствуют видимости колец. Особенно ярко данная характеристика сработала при пропитке капиллярным методом и при использовании

ацетона в качестве растворителя (в процессе высыхания полимер подтянулся к поверхности, из-за чего произошла неравномерная и неглубокая пропитка).

Подобного нагрева можно избежать, используя альтернативный метод — подрезание слоя древесины тонким лезвием с последующим натиранием поверхности зубным порошком [Шиятов и др., 2000, с. 40]. Однако в этом случае можно столкнуться с тем, что зубной порошок ляжет поверх пор древесины, так как сами поры будут забиты полимером. Если не прибегать к альтернативному методу и остановиться на шлифовке, то, для образцов спила «Скальная-5» подходят 5 % растворы ПВБ (этанол), Paraloid (этанол), Акрисил-95 (изопропанол: скипидар), а для спилов «Абакан-15» — 5 % Акрисил-95 (изопропанол: скипидар).

Можно сделать вывод, что для сухих археологических дендробразцов оптимальными являются 5 %-е консолидирующие растворы — при этих концентрациях вязкость растворов невелика, поэтому можно осуществить глубинную пропитку и ввести в древесину 8–15 % полимера, что достаточно для укрепления древесины данной степени сохранности. При этом на поверхности не скапливается большое количество вещества, плавящегося при шлифовке. Однако при данном проценте пропитки не происходит склеивания фрагментов, эту операцию следует проводить отдельно, после просушки дендробразца.

Библиографический список

- Богданов Е. С., Тимошенко А. А., Иванова А. С. Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2021. Т. 27. С. 878–887.
- Федосеева Т. С., Беляевская О. Н., Гордюшина В. И., Малачевская Е. Л., Писарева С. А. Реставрационные материалы: курс лекций. М., 2016.
- Чернова Е. Р., Кекова М. Ю. Анализ различных методов консервации деструктированной деревянной основы темперной живописи и предметов ДПИ современное состояние и перспективные подходы к реставрации и консервации художественных произведений // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). М., 2022. С. 133–142.
- Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазепа В. С., Наурзбаев М. М., Хантемиров Р. М. Методы дендрохронологии: учебно-методическое пособие. Красноярск, 2000.

A. A. PAYZEROVA

CHOOSING THE OPTIMAL METHOD FOR THE CONSERVATION OF ARCHAEOLOGICAL WOOD SAMPLES FOR DENDROCHRONOLOGICAL ANALYSIS

The number of researched archaeological sites containing structures and items made of wood, a rare and valuable material for understanding ancient technologies and conducting a scientific research, is growing every year. Dendrochronology is used to study the spatial and temporal dynamics of forest ecosystems; with its help, it is possible to reconstruct the environmental factors over the long periods of time and with high temporal resolution. What is important for the archaeologists, the long chronologies based on wood samples make it possible to obtain more precise dating of the archaeological complexes. Archaeological wood is extremely fragile material. This study examines the problem of stabilizing samples of dry archaeological wood to make them suitable for the sample preparation and further analysis.

Anna A. Payzerova — Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: Annpaiz@yandex.ru

С. Н. ПЕРЖАКОВ, О. В. СУСЛОВА

**К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОПРОСАМ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ
В РАЙОНАХ ПРОХОЖДЕНИЯ ТРУБОПРОВОДНЫХ СИСТЕМ НА СЕВЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Доклад посвящен истории проведения археологических работ в районах прохождения трубопроводных систем и вопросам сохранения объектов археологического наследия. Обследуемые территории административно расположены в Жигаловском и Качугском районах Иркутской области. Охватывается период с 1994 по 2014 гг. Проанализированы конкретные разведочные работы и поэтапные мероприятия, направленные на сохранение выявленных территорий в районах освоения газопроводных систем с одного из крупнейших в Восточной Сибири Ковыктинского газоконденсатного месторождения в направлении гг. Иркутск – Саянск – Ангарск. Изучена информация по вновь выявленным территориям. Проведен сбор исходных данных материалов по обеспечению сохранности объектов археологического наследия, выполнена паспортизация и картирование объектов.

Пержаков Сергей Николаевич – ООО «Раритет» (Россия, Иркутск)

E-mail: s.perzhakov@yandex.ru

Суслова Оксана Васильевна – Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск)

E-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Сохранение и охрана историко-культурного археологического наследия является важнейшей задачей внутренней политики государства. Как никогда актуальны вопросы изучения и сохранения объектов археологического наследия (ОАН) на территориях промышленного освоения, в районах строительства трубопроводных систем с учетом их масштабного протяжения. Развитие газоконденсатных месторождений (ГКМ) запланировано на годы вперед, вплоть до 2050 г. Важность изучения и сохранения ОАН закреплено законодательно в ФЗ № 73 (редакция от 19.10.23). Обеспечению сохранности ОАН посвящена статья № 36. В статье акцент делается на мерах по обеспечению сохранности не только ОАН, включенных в реестр, но и только что выявленных ОАН, а также объектов, обладающих признаками ОАН. Строительные и иные работы на земельном участке, непосредственно связанном с земельным участком в границах территории ОАН, проводятся при наличии в проектной документации разделов «Об обеспечении сохранности указанного объекта культурного наследия». Региональным органом охраны, на сегодняшний день – Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области, определяются мероприятия по обеспечению сохранности ОАН. Меры включают в себя разработку проекта обеспечения сохранности, либо плана проведения спасательных археологических полевых работ. На момент первых работ на указанной территории, органом, осуществляющим контроль за сохранением ОАН, являлся Центр по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН).

Первые археологические обследования территорий планируемых строителств трубопроводных систем в Иркутской области осуществлены в 1994 г. Открытый лист № 520 выдан С. Н. Пержакову, ведущему специалисту-археологу ЦСН. Согласно договорной документации с ОАО «РУСИА Петролеум» обследованию подлежали площади прохождения газоконденсатного трубопровода «Ковыкта» – г. Ангарск, в долинах рр. Лены, Тутуры, Куленги и их притоков. На первом этапе археологической разведки и анализа общего контекста изученности данной территории было выделено четыре перспективных площади. При их изучении выявлены разновозрастные ОАН, расположенные на придолинных

формах рельефа с различными гипсометрическими показателями. Хронологические рамки зафиксированных памятников — от позднего палеолита (16–14 тыс. л. н. — до эпох палеометалла). Видовой состав ОАН: отдельные пункты сбора археологического материала, стратифицированные стоянки и отдельные проявления палеонтологического материала. Всего зафиксировано пять ОАН, на стоянке Усть-Куленга 1 проведены исследовательские работы [Отчет о предварительном обследовании..., 1994, с. 56, ил. 42; Пержаков, Аксёнов, Семин, 1995, с. 293–294; Пержаков, 2001, с. 310–315].

В последующие годы освоения ГКМ «Ковыкта» шли поиски альтернативных вариантов строительства трубопроводной системы в направлении областных городов. В 2007 г. лицензия на освоение месторождения перешла в собственность ООО «Газпром», который продолжил разработку новых вариантов прохождения.

В ходе проведения разведок по новым вариантам и развития инфраструктурных объектов, также выявлены около десятка потенциально перспективных территорий для поиска ОАН. В полевой сезон 2004 г. проведена археологическая экспертиза участка перехода газопроводом «Ковыкта-Саянск-Иркутск» через р. Лену в районе известных ОАН: «Головновка-1, 2» и «Красная горка-1, 2», для сохранения которых потребовались дополнительные меры по выделению коридора прохождения трубопровода и установки охранных знаков на выявленных территориях ОАН [Отчет о результатах..., 2005, с. 72].

В 2005 г. продолжены археологические работы по всему створу газопровода в границах Жигаловского района. Итогом проведения полевых работ является открытие археологического комплекса «Нижняя Слобода», в состав которого входят три многослойных объекта (мезолит — 12–10 тыс. л. н.; позднебронзовый — раннежелезный века — 2 тыс. л. н. — 1 тыс. н. э. и XVII–XVIII вв. — освоение Сибири) [Отчет о проведении..., 2006, с. 102].

В последующие годы (2013–2014 гг.) выполнена археологическая экспертиза территории, испрашиваемой под размещение площадки разведочной скважины № 69 и подъездных путей к ней. Разведка проведена на отрезке долины р. Лены п. Усть-Илга — руч. Трофимовка (Шалина) в границах Ковыктинского ГКМ. При обследовании в районе проектируемой подъездной дороги выявлено два ОАН «Шалино», стоянка-I, «Усть-Илга» (брод), стоянка-I [Пержаков, Кобылкин, Клементьев, 2023, с. 9–37]. На территории выявленных объектов установлены охранные знаки.

Таким образом, в районах строительства трубопроводов и развития инфраструктур попали уникальные археологические комплексы, для исследования которых потребовались меры по проведению охранных мероприятий — это установка охранных знаков и плановый ежегодный мониторинг на время строительства, дальнейшее изучение остатков материальной культуры древнего населения Верхнеленского региона.

В докладе обобщен накопленный материал, полученный в результате изысканий за 20 лет. В процессе полевых экспертиз проведены поэтапные меры по сохранению выделенных археологических площадей. Проведен сбор исходных данных материалов к разделам «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия на территории строительства трубопроводных систем». Выполнена плановая паспортизация и картирование ОАН, проводился и продолжает осуществляться плановый мониторинг сохранности ОАН со стороны государственных органов — Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Результаты работ отражены в отчетах, ежегодных выпусках

«Археологические открытия», научных и научно-популярных изданиях [Пержаков, 2001, с. 310–315; Наследие земли Жигаловской..., 2017, с. 85–145].

Библиографический список

- Наследие земли Жигаловской // Экономика. Археология. Этнография. История. Иркутск, 2017. Кн. 2. С. 85–145.
- Отчет о предварительном обследовании территории прохождения газоконденсатного трубопровода с ГКМ «Ковыкта» – Иркутск – Ангарск. Иркутск, 1994 // Архив ЦСН № 167/Н.
- Отчет о проведении предварительного археологического обследования территории планируемого прохождения трассы газопровода «Ковыкта – Саянск – Иркутск» по Жигаловскому району (за исключением участка расположения ОАН «Головновка-2»), «Ансамбль Нижняя Слобода» в 2005 г. Т. 1. Приложение. Иркутск, 2006 // Архив ЦСН № 733/Н.
- Отчет о результатах археологического обследования территории планируемого строительства газопровода «Ковыкта – Саянск – Иркутск» на участке перехода через р. Лена (Жигаловский район Иркутской области), Иркутск, 2005 // Архив ЦСН № 623/Н.
- Пержаков С. Н. Позднепалеолитический памятник Усть-Куленга-1 (верхняя Лена) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: материалы докладов международного симпозиума, посвященного 130-летию открытия палеолита в России. Новосибирск, 2001. С. 310–315.
- Пержаков С. Н., Аксёнов М. П., Семин М. Ю. Усть-Куленга Новое палеолитическое местонахождение (Верхняя Лена) // Археологические открытия. М., 1995. С. 293–294.
- Пержаков С. Н., Кобылкин Д. В., Клементьев А. М. Комплексные исследования на Верхней Лене // Известия древних технологий. 2023. № 1 (10). С. 9–37.

S. N. PERZHAKOV, O. V. SUSLOVA

THE HISTORY OF RESEARCH AND THE ISSUES OF PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES EN ROUTE OF THE PIPELINE SYSTEMS IN THE NORTH OF THE IRKUTSK REGION

The paper deals with the history of archaeological research in the areas crossed by various pipeline systems and the problems of preservation of archaeological heritage sites. The surveyed territories are located within the Zhigalovsky and Kachugsky administrative districts of the Irkutsk region. The review covers the period from 1994 to 2014. The authors examined the specific archaeological survey projects and the systematic measures aimed at the conservation of identified heritage territories in the areas of gas pipeline systems construction from one of the largest in Eastern Siberia Kovykta gas condensate field in the direction of Irkutsk, Sayansk, and Angarsk. Information on the newly identified heritage site has been studied. In addition, the authors collected source data for the materials to ensure preservation of archaeological heritage sites, and performed certification and mapping of the objects.

Sergey N. Perzhakov – LLC “Raritet” (Russia, Irkutsk)

E-mail: s.perzhakov@yandex.ru

Oksana V. Suslova – Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

E-mail: oksanamovchan888@mail.ru

A. В. ПОСТНОВ, Н. В. БАСОВА

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ НА ВЫЯВЛЕННОМ ОБЪЕКТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АБАЛАКОВО, СТОЯНКА ГАЛКИНА-1 В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Доклад рассказывает о результатах археологических раскопок памятника «Абалаково. Стоянка Галкина-1» в Красноярском крае. В культурном слое памятника выявлено шесть металлургических сооружений. Установлено, что металлургические объекты связаны с поселенческим слоем стоянки.

Отмечается, что место устройства плавильных сооружений было тщательно выбрано с учетом рельефа и ветрового режима для обеспечения стабильных условий обработки руды. Важно отметить, что изучение данных структур позволяет сделать вывод о специализации этой территории на металлургическом производстве и поддержании традиций в строительстве плавильных объектов. Это исследование представляет ценность для понимания жизни и деятельности древних обществ, а также их взаимодействия с окружающей средой.

Постнов Александр Вадимович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: postnov@yandex.ru

Басова Наталья Владимировна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: bass15@yandex.ru

С июля по октябрь 2018 г. Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводил спасательные археологические работы (раскопки) выявленных объектов археологического наследия «Абалаково. Стоянка Галкина-1» в Енисейском районе Красноярского края в зоне строительства лесохимического комплекса. Всего было заложено 328 раскопов. В основном, раскопы имели прямоугольную форму, размерами 10 × 5 м.

В ходе изучения памятника откорректированы границы раскопок в связи с особенностью распространения культурного материала на территории памятника. Вскрытая площадь на выявленном ОАН «Абалаково. Стоянка Галкина-1» составляет 14 679,6149 кв. м. Культурные отложения памятника изучены на всей площади их распространения, полностью исследован культурный слой, включающий могильник и поселенческий комплекс [Постнов и др., 2018; Постнов, Басова, 2023].

В докладе подробнее остановимся на рассмотрении металлургических сооружений, относящихся к поселенческому комплексу стоянки.

В культурном слое памятника было выявлено шесть плавильных. Первый металлургический объект, зафиксированный на стоянке – это железоплавильный горн. Внешний контур имеет размеры с севера на юг 2,38 м, с запада на восток – 2,05 м. Он представлен запекшейся супесью светло-коричневых оттенков и глиной бурых тонов. В центральной части объекта представлены шлаки и буро-коричневая глина кирпичных тонов. Шлаки образуют конгломерат овальных очертаний. По линии запад-восток был выполнен разрез глубиной до 0,8 м, при этом конгломерат шлаков имеет мощность до 0,4 м, в основании он имеет вытянуто-удлиненную форму в западном направлении. В основании конгломерата расположен пепловый горизонт до 0,12 м. Остальное заполнение объекта представлено пеплом, прокалом и пережженной глиной кирпичных оттенков.

В ходе изучения культуросодержащих отложений, в подошве слоя 1, кв. 95–96/683, было зафиксировано пятно от прокала. Площадь данного объекта более 1 кв. м, максимальная длина по линии восток – запад 1,4 м, по линии север – юг 0,7 м. Сделан разрез по линии север – юг параллельно оси 96 (на 0,2 м восточнее), разделившей объект на две примерно равные части. Сначала была изучена западная часть, затем восточная. Мощность заполнения данной структуры до 0,16 м. Заполнение углисто-сажистое с включением мелкого шлака, углей и прокаленной супеси. Изученный объект является плавильницей.

Плавильные камеры были зафиксированы в кв. 110/652. Они представляли собой пятна прокаленной супеси округлой формы. Пятно вытянуто по линии северо-запад — юго-восток. Размеры 1,0×0,9 м. Заполнение имело насыщенно оранжевый цвет с включениями черносерых углистых пятен. По юго-западной границе пятна и по дну чашевидной формы ямы (имеющей глубину до 0,1 м) были зафиксированы остатки элементов конструкции в виде спекшихся кусков глины — части глиняной обмазки плавильной камеры, возле которой сохранился кусок древесного угля.

По длинной оси объекта, по линии северо-восток — юго-восток, был выполнен разрез глубиной 0,1 м. В разрезе представлено заполнение — слой прокаленной супеси (0,01–0,04 м) рыжего цвета с вкраплениями крупной фракции угля по кромке ямы на контакте со слоем песка. В нижней точке центральной части ямы лежал кусок шлака. В 0,2 м от центральной части были найдены два фрагмента песчаника со следами термического воздействия. На дне ямы, в западной части пятна, зафиксировано дно плавильной камеры, представленное элементами глиняной обмазки (96 фрагментов со следами высокого температурного воздействия и ошлаковкой граней). По центру найдены куски шлака и крицы.

Верхняя часть плавильных камер была уничтожена в ходе хозяйственной распашки территории, поэтому реконструировать их формы не представляется возможным.

Планиграфическая картина показывает, что древние поселенцы при сооружении плавилен учитывали особенности рельефа территории и ставили камеры на ровном локализованном участке со стороны мыса останца террасы. Это обеспечивало устойчивую розу ветров и соответственно стабильные условия поддува для достижения необходимой при обработке руды температуры.

Структура и планиграфическое расположение объектов в слое 2 позволяет сделать вывод об изучении в границах раскопа 100/650 части производственного участка поселения, связанной с металлургическим производством, при котором на удобной площадке неоднократно происходил процесс возобновления данного вида деятельности с сохранением традиции места устройства плавилен.

Последнее, вероятно, обусловлено удобством окраинной зоны поселения на границе уступа террасы, близкой к воде. Это, с одной стороны, отвечало требованиям безопасности самого поселения, с другой, — обеспечивало условия устойчивого горения топлива и достижения в камерах необходимой температуры. В этой связи можно отметить, что данный участок в рамках всей площади исследования мысовидной оконечности останца террасы указывает на своеобразную хозяйственную специализацию территорий, при которой (в случае одновременности функционирования) деятельность, связанная с использованием рыболовных сетей, находилась на юге — юго-западе, ниже по уступу и на достаточном удалении от огнеопасного производства.

Библиографический список

- Постнов А. В., Басова Н. В. Средневековый могильник на стоянке Галкина-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 1136–1142.
- Постнов А. В., Харевич В. М., Зольников И. Д., Ахметов В. В., Стасюк И. В., Гревцов Ю. А., Филатов Е. А. Спасательные археологические раскопки стоянки Галкина-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. 24. С. 488–490.

A. V. POSTNOV, N. V. BASOVA

METALLURGICAL FACILITIES AT THE IDENTIFIED ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITE ABALAKOVO, GALKINA-1 OCCUPATION SITE IN THE KRASNOYARSK REGION

The paper tells about the results of archaeological excavations of Abalakovo, Galkina-1 occupation site in the Krasnoyarsk region. Six metallurgical structures have been discovered in the cultural level of the site. It has been established that the metallurgical facilities were associated with the settlement level of the site. It is noted that the location of smelting facilities was carefully chosen taking into account the terrain and the wind conditions to ensure stable ore processing conditions. It is important to note that the study of these structures led to a conclusion about possible specialization of this territory in metallurgical production and the preservation of traditions in the construction of smelting facilities. This research is important for better understanding the life and production activities of ancient societies, as well as their interaction with the environment.

Alexander V. Postnov – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: postnov@yandex.ru

Natalya V. Basova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: bass15@yandex.ru

И. Е. ПУШКАРЕВ, Е. Р. МАСЛЕННИКОВ, К. А. ПЕТРОВСКАЯ

МЕМОРИАЛ «12 КИЛОМЕТР». ВЫЯВЛЕНИЕ, ПОСТАНОВКА НА УЧЕТ И МУЗЕИФИКАЦИЯ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ 1930-Х ГГ. В СССР

В работе приводятся итоги поисковых археологических работ 2017–2022 гг., предпринятых для уточнения границ распространения массовых захоронений репрессированных 1930–1950-х гг. в районе Мемориального комплекса на 12 километре автодороги Екатеринбург – Пермь. Функциональное назначение площадки было установлено в 1990 г. при проведении частичной эксгумации органами прокуратуры. Дальнейших работ на протяжении четверти века не предпринималось и вопрос о границах некрополя оставался открытым. В ходе исследовательских работ 2017–2022 гг. впервые установлена граница испытательного полигона НКВД, внутри которого производилось приведение смертных приговоров в исполнение и хоронились тела репрессированных. Определены границы некрополя. Сформированы методологические подходы к дальнейшему обследованию площадки испытательного полигона НКВД 1930–1950-х гг. на 12 километре автодороги Екатеринбург – Пермь (Московский тракт).

Пушкарев Игорь Евгеньевич – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)

E-mail: mie1723ier@yandex.ru

Масленников Евгений Романович – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)

E-mail: e_maslennikov@bk.ru

Петровская Кристина Андреевна – Музей истории Екатеринбурга (Россия, Екатеринбург)

E-mail: petrovskaya.kristen@gmail.com

Первые сведения о массовых захоронениях репрессированных в 1930–1950-х гг. в районе 12 километра Московского тракта (трассы Р-242 Екатеринбург – Пермь) появились в 1990 г. в репортаже «Секреты Московского тракта», опубликованном в газете «Вечерний

Свердловск» (14.09.1990 г.). Описывались результаты эксгумации останков, проведенной в августе 1990 г. прокуратурой Свердловской области [Левин, 1990; Шеваров, 2009].

Тогда были обнаружены останки 31 человека с признаками насильственной смерти. Личность одного из захороненных удалось установить по найденному удостоверению. Им оказался раскулаченный в 1930 г. и высланный в трудовое поселение мастер узкоколейных дорог Филипп Михайлович Загурский.

В соответствии с постановлением № 110 от 12.03.1993 г. главы администрации Екатеринбурга Аркадия Чернецкого был разработан проект «Мемориала жертв политических репрессий». 26 октября 1996 г. состоялось официальное открытие первой очереди мемориала, в 1999 и 2000 гг. — второй и третьей. Однако, вскрытия коллективных захоронений и эксгумации на этой территории более не проводились. До 2017 г. в районе 12 километра Московского тракта не проводилось комплексных поисковых и археологических работ. Зона распространения массовых захоронений репрессированных оставалась не определена.

В 2017 г. первые археологические изыскания (разведка) были проведены на основании Открытого листа, выданного на имя И. Е. Пушкарева. Обследовано 17 тыс. кв. м к востоку от границы мемориального комплекса. Объектов культурного (археологического) наследия и следов функционирования расстрельной площадки не зафиксировано [Пушкарев, 2022].

С 2018 по 2021 гг. изучением территории занимались поисковые команды, привлеченные Музеем истории Екатеринбурга. В частности, группа С. Н. Погорелова. По результатам этих работ был уверенно поставлен вопрос о том, что граница зоны массовых захоронений выходит за пределы обустроенного в 1996–2000 гг. Мемориального комплекса и фактически остается не изученной.

Исследовательская задача была разрешена в 2022 г. в рамках выполнения грантового проекта «Зона специального назначения “Двенадцатый километр”. Проявление» (грантовая заявка № Р66-22-1-000255) и научной программы Музея истории Екатеринбурга.

В сентябре–ноябре 2022 г. сотрудниками музея в районе 12 км Московского тракта проведено археологическое обследование (разведка) на основании Открытого листа № 2063-2022, выданного на имя И. Е. Пушкарева. Удалось выделить периметр испытательного полигона НКВД в 192,25 га, в центральной части которого функционировала расстрельная площадка.

Площадь, пройденная археологическими изысканиями (с шурфовкой), составила 25,16 га. Для определения наличия, местоположения и характеристик культурного слоя произведена закладка 68 шурфов и трех зачисток.

В процессе работ удалось выделить и типологизировать места изменения рельефа, использовавшиеся в качестве мест расположения захоронений. Они представлены западениями в виде траншей и ям с формой, близкой квадрату, вытянутому прямоугольнику или овалу, которые имеют искусственный характер, тщательно замаскированы под особенности окружающего рельефа.

Эти места обладают еще двумя признаками, сочетание которых позволяет идентифицировать их как захоронения. Это — меньшая плотность грунта внутри западений, что четко определяется поисковым шурфом и объясняется переотложенным характером грунта, использованным в качестве заполнения могильных ям. Вторым признаком — наличие гильз и пуль в качестве подъемного материала, сопутствующего площадке и распространенного вокруг нее.

Антропологический материал (останки 64 индивидов), датируемый по сопутствующим находкам периодом массовых репрессий 1930–1950 гг., при проведении археологических работ был обнаружен в 15 шурфах. Во всех случаях речь идет о коллективных захоронениях. В разрезах зафиксированы серии костяков, чаще всего, лежащих плотно один к другому и в несколько слоев. Расположение конечностей указывает на то, что тела специально не укладывались и закапывались в том положении, в котором попали в могильную яму после приведения приговора в исполнение.

Следы пулевых ранений, зафиксированные на костяках, также указывают на то, что речь в данном случае идет о жертвах репрессий, в отношении которых приведен в исполнение смертный приговор.

В ходе изысканий 2022 г. была собрана коллекция из 251 предмета, связанная с событиями репрессий 1930–1950-х гг. Она представлена как подъемным материалом, так и артефактами, обнаруженными в шурфах. Коллекция характеризует как бытовые аспекты жизни заключенных, так и факты, связанные с приведением приговора на расстрел в действие.

На основании этих данных выделена зона массовых захоронений площадью 98 798 кв. м (9,88 га), включающая в себя 52 коллективных захоронения, 5 могильных ям без антропологического материала и хозяйственно-бытовые постройки 1930–1950-х гг. Площадка распространяется к северу, западу и югу от Мемориального комплекса.

При определении границ захоронений был обнаружен объект культурного наследия «Квашнинский рудник Нижне-Исетской казенной дачи» площадью 79 779 кв. м (7,98 га), датируемый XVIII – началом XX вв. [Займогов, 2012; Корепанов, Блинов, 2005; Корепанов, Стариков, Бугров, 2023]. Памятник поставлен на учет в качестве выявленного объекта археологического наследия.

Библиографический список

- Займогов А. И. Лесные дачи уральских заводов. Екатеринбург, 2012.
- Корепанов Н. С., Блинов В. А. Город посредине России: Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург. Екатеринбург, 2005.
- Корепанов Н. С., Стариков А. А., Бугров К. Д. Верх-Исетский завод (ВИЗ) // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2023. Т. 1. С. 155–160.
- Левин А. Ю. Секреты Московского тракта // Вечерний Свердловск. 1990. 14 сент. С. 1–2.
- Пушкарев И. Е. Технический отчет о работе по теме: «Выполнение научно-исследовательских поисковых работ в районе Мемориального комплекса жертв политических репрессий 1930–1950-х гг. на 12 километре автодороги Екатеринбург – Пермь (Московский тракт)». Екатеринбург, 2022. Т. 1–2 // Архив Музея истории Екатеринбурга.
- Шеваров Г. Н. Я видел, я слышал, я помню... (репортажи, очерки, записные книжки 1959–2009 гг.). Екатеринбург, 2009.

I. E. PUSHKAREV, E. P. MASLENNIKOV, K. A. PETROVSKAYA

THE MEMORIAL “12 KILOMETER”. IDENTIFICATION, REGISTRATION AND MUSEUMIFICATION OF THE BURIALS OF THE VICTIMS OF 1930S REPRESSIONS IN THE USSR

The paper sums up the findings of the 2017–2022 archaeological search work undertaken to revise the boundaries of the location of mass graves of the victims of 1930s and 1950s repressions in the area of the Memorial Complex on the 12th kilometer of the Ekaterinburg – Perm highway. The functional purpose of the site was established in 1990 during a partial exhumation by the prosecutor's office. For a quarter of a century there was no further research and the question of the boundaries of the necropolis remained

open. In the course of 2017–2022 excavations, the researchers for the first time confirmed the borders of the NKVD testing ground within the limits of which the death sentences were executed and the bodies of the executed people were buried. The team established the boundaries of the necropolis. It has also formulated the methodological approaches for further examination of the site of the 1930s–1950s NKVD testing ground on the 12th kilometer of the Ekaterinburg – Perm highway (Moskovsky Tract).

Igor E. Pushkarev – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mie1723iep@yandex.ru

Evgeny R. Maslennikov – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: e_maslennikov@bk.ru

Kristina A. Petrovskaya – Ekaterinburg History Museum (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: petrovskaya.kristen@gmail.com

A. С. СЕМУХИН

ЯМЫ-ЛОВУШКИ ФЕННОСКАНДИИ: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В докладе дается обзор публикаций иностранных археологов по проблеме ловчих ям. Описываются основные направления этих исследований, подводятся некоторые итоги этих изысканий.

Семухин Александр Сергеевич – АНО «Культурное наследие Севера» (Россия, Ханты-Мансийск)

E-mail: a.semuhin@archeocenter.ru

В зарубежной историографии изучение ловчих ям занимает важное место в ходе реконструкции древних промысловых практик. Уже к середине 1980-х гг. был накоплен значительный объем знаний о ямах-ловушках. Памятники были открыты на Скандинавском полуострове и в Финляндии практически повсеместно, за исключением южных сельскохозяйственных регионов, где они не сохранились.

Промысел крупных копытных имел большое значение для межрегионального обмена и торговли в эпоху викингов. Так, в урочище Весле-Хьеркинн (муниципалитет Довре, Норвегия), вблизи от крупных систем ям-ловушек, было исследовано подворье и заимка (горный охотничий домик) короля. Рога копытных имели большое экспортное значение. Этот материал широко применялся для изготовления гребней, рукоятей и др. [Jordhøy, 2008, p. 82].

Охота с использованием луков и стрел в местах водных переправ оленьих стад сосуществовала с промысловыми ловушками. Так, второй половиной XIII в. датирован массовый забой копытных у горного плато Хардангервидда (Южная Норвегия) [Indrelied, Hufthammer, 2011, p. 53].

Earth-walled pitfall, earth dug, pitfall system фиксируются как «круглые или овальные впадины глубиной от одного и шириной около 2,5–3,5 м» [Barth, 1982, p. 27]. В современных работах эти данные лишь незначительно уточняются: U-образные в профиле [Bergstøl, 2015, p. 53], *earth dug* диаметром 4–5 м предназначались для промысла лосей, диаметром по 2–3 м — для добычи дикого северного оленя [Bang-Andersen, 2009, p. 82]. Ряды ловушек «на лося» располагаются в основном поперек долин, так как двигаются эти животные непосредственно по ним. Для промысла же оленей системы ям располагались вдоль, так

как их стада эти долины пересекали [Jordhøy, 2008, p. 82]. Отдельные комплексы содержат несколько рядов из сотен впадин, в уникальных случаях — до тысячи.

Часть промысловых комплексов оснащались специальными загородками. Для горных районов это невысокий двойной–тройной ряд камней длиной около 5 м, в исключительных случаях — до 10 м. Для лесных территорий «между ямами располагалась изгородь из бревен и веток, так, чтобы промежутки в нем выводили на ловушку. Когда же она готовилась к непосредственному использованию, каждая яма накрывалась сверху тонкими ветками, а снизу укрепляется деревянной подпоркой» [Vorren, 1982, p. 57].

В этнографии народов Западной Сибири наименования особых участков суши, где вести пассивную охоту наиболее продуктивно, — крайне редки. Из устного сообщения А. А. Рудя известно, что по рассказам современных информантов из числа восточных ханты, «в верхнем течении рек Пим и Ай-Пим (Сургутский район, ХМАО — Югра) часто встречаются ловчие ямы на диких оленей. Ханты называют их [лэмплэ]».

Типичное месторасположение систем ям для лесной части Фенноскандии находит аналогии с западносибирскими памятниками. Обустраиваются промысловые комплексы в местах, которые по-саамски называются «суоппас» (*suoppas*). Занимают они, как правило, «полоски земли между ручьями, места переходов вброд, необводненные участки болот и, наконец, границы водоразделов» [Vorren, 1982, p. 57]. Это — узкие места на путях сезонной миграции дикого северного оленя на северные пастбища Скандинавского полуострова весной и обратно — осенью.

Остеологический материал скандинавских промысловых комплексов указывает на то, что основной сезон промысла дикого северного оленя приходится на осень. Это хорошо соотносится со сведениями, собранными при раскопках поселения Геологическое III (Советский район, ХМАО — Югра), когда были обнаружены кости, по которым установлено, что «забой упомянутых животных мог произойти примерно в конце лета — осенью» [Кочаров, 1993, с. 7].

В ходе группировки 370 радиоуглеродных проб, собранных с комплексов лесной части Швеции, было определено, что ловушки использовались начиная с мезолита. Взрывообразный рост их количества зафиксирован около 400 г. до н. э. Затем следует уменьшение количества ловушек. Рост популярности применения ловчих ям вновь наблюдается около 400 г. н. э. с пиком в период Венделя (около 650 г.). В эпоху викингов (750–1050 гг.) количество действующих ям-ловушек меньше. Последний всплеск активного использования ловушек приходится на раннее Средневековье. В XIII–XIV вв. их число стремительно уменьшается. Всего в базах данных Шведского совета по национальному наследию зарегистрированы более 30 тысяч ям-ловушек [Hennius, 2020, p. 530].

Важным вопросом, который связан с проблематикой функционирования промысловых комплексов, является датировка доместикации северного оленя. Генетики проанализировали митохондриальную ДНК как диких, так и домашних оленей Фенноскандии. Они обнаружили, что существуют две линии, которые можно проследить до диких животных, появившихся на этой территории после ледникового периода. Значительно позже, между 1400 и 1500 гг., появляется третья генетическая линия. Именно она связана со скотоводством саамов. Митохондриальный геном северного оленя Финнмарка претерпел тотальную трансформацию в эпоху Средневековья, исторически местные гаплотипы были вытеснены новыми, выходящими с территории Кольского полуострова. Анализ ДНК указывает, что

саамы не domestичировали местных диких оленей, популяция которых резко сокращалась. Все указывает на то, что интенсивная охота практически уничтожила их поголовье. В горах южной Норвегии «узкое место» фиксируется для периода с XI по XII вв., на территории современной Финляндии — после 1500 г. н. э. [Bergstøl, 2020, p. 41].

Таким образом, всестороннее изучение систем ловчих ям занимает важное место в исследованиях зарубежных, прежде всего, скандинавских археологов. Эти работы позволяют более полно реконструировать особенности хозяйствования древнего и средневекового населения, решить более узкие вопросы, например, о формировании центров межрегионального обмена и обратиться к сложностям процесса доместикации северного оленя.

Библиографический список

- Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1993. С. 3–17.
- Bang-Andersen S. Prehistoric reindeer trapping by stone-walled pitfalls: news and views // From Bann Flakes to Bushmills: papers in honour of Professor Peter Woodman. Oxford, 2009. P. 61–69.
- Barth E. Ancient methods for trapping wild reindeer in South Norway // The hunters: their culture and way of life. Trømsø; Oslo; Bergen, 1982. P. 109–118.
- Bergstøl J. Trapping pits for reindeer. A discussion on construction and dating // Joint Research at the University Museums of Norway. Bergen, 2015. P. 49–54.
- Bergstøl J. Hunting native reindeer, while herding imported ones? Some thoughts on the development of Saami pastoralism // Currents of Saami pasts Recent advances in Saami archaeology. Helsinki, 2020. Vol. 9. P. 34–45.
- Hennius A. Towards a refined chronology of prehistoric pitfall hunting in Sweden // European journal of archaeology. 2020. Vol. 23, no. 4. P. 530–546.
- Indrelid S., Hufthammer A. K. Medieval mass trapping of reindeer at the Hardangervidda mountain plateau, South Norway // Quaternary International. 2011. No. 238. P. 44–54.
- Jordhøy P. Ancient wild reindeer pitfall trapping systems as indicators for former migration patterns and habitat use in the Dovre region, southern Norway // Rangifer. 2008. Vol. 28, no. 1. P. 79–87.
- Vorren O. The wild reindeer hunt and offering sites // The hunters: their culture and way of life. Trømsø; Oslo; Bergen, 1982. P. 54–65.

A. S. SEMUKHIN

THE PIT TRAPS OF FENNOSCANDIA: MODERN RESEARCH VECTORS

The report provides an overview of the publications by foreign archaeologists on the problem of hunting pits. The authors described the main vectors of these studies and summed up some of their results.

Alexander S. Semukhin — Autonomous non-profit organization “Cultural Heritage of the North” (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: a.semuhin@archeocenter.ru

Н. Ф. СОЛОВЬЕВА

IT-ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Фундаментальное значение при определении мер по сохранению культурного наследия имеет наличие документации, в идеале — цифровой базы данных, включающей весь комплекс информации об объекте. Динамическая геоинформационная система и встроенные в нее цифровые 3D-модели объектов — это не только документ, фиксирующий повреждение или варварское

уничтожение культурных ценностей человечества, но и универсальный исследовательский инструмент. Цифровой архив — Веб-ГИС — уникальная база данных, объединяющая весь накопленный массив знаний о памятнике. Она легко доступна в любой точке мира, является исследовательским инструментом для планирования научных исследований и спасательных мероприятий, подготовки реставрационных работ на памятнике и планирования долгосрочных мероприятий по сохранению объекта культурного наследия в будущем. Примерами применения Веб-ГИС являются проекты Института истории материальной культуры РАН в сирийской Пальмире и Южном пригороде Херсонеса Таврического в Севастополе.

Соловьева Наталья Федоровна — к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: nfs56@mail.ru

Участившиеся в последнее время разрушительные действия природного и антропогенного характера заставляют по-новому взглянуть на проблемы уязвимости нашего культурного наследия. Стихийные бедствия, вооруженные конфликты, бесконтрольное использование природных ресурсов и масштабное хозяйственное освоение территорий все чаще вынуждают задуматься над проблемой передачи культурного наследия будущим поколениям и искать все новые пути к его сохранению.

Фундаментальное значение при определении мер по сохранению имеет наличие документации, в идеале — цифровой базы данных, включающей весь комплекс информации об объекте.

Такие данные важны не только для восстановления конкретного памятника, но могут быть использованы для реагирования и разработки программы действий в будущем. Новые технологии предоставляют широкие возможности в этой области.

Динамическая геоинформационная система (ГИС) и встроенные в нее цифровые 3D-модели объектов — это не только документ, фиксирующий повреждение или варварское уничтожение культурных ценностей человечества, но и исследовательский инструмент, превосходящий в своей универсальности все применявшиеся до сих пор методы.

Благодаря публикации в виде ГИС, полученные результаты становятся инструментом для управления объектами культурного наследия, способом мониторинга состояния памятников, методом обобщения и удобного представления всей накопленной информации — от административно-бюрократической до научной. Данные Веб-ГИС являются надежной основой для планирования любых дальнейших мероприятий по сохранению памятников, включая восстановительные работы и реставрацию.

Хорошим примером современного сбора, хранения и доступности информации можно считать проекты творческого коллектива ИИМК РАН в сирийской Пальмире и Южном пригороде Херсонеса Таврического в Севастополе.

Проекты предусматривают создание цифровой базы данных объектов — Веб-ГИС, которые позволяют дистанционно проводить любые исследования на современном технологическом уровне и с новой степенью детализации и точности.

Работы, уже проведенные коллективом на Триумфальной Арке Пальмиры, продемонстрировали системный современный подход к ее изучению с использованием всех доступных современных средств цифровых технологий. При разработке проекта реставрации Триумфальной Арки были использованы все современные цифровые методы

исследования и фиксации: создана новая высокоточная 3D-модель современного состояния Триумфальной Арки Пальмиры. В дальнейшем 3D-модели как объекта в целом, так и отдельных элементов или участков исследования создавались на каждом этапе работ. Применены методы неразрушающего зондирования, фотограмметрия, сканирование и др. Разбор рухнувших блоков сопровождался детальным сканированием каждого фрагмента с последующим построением 3D-моделей блоков. Важнейшее значение имеют цифровые реконструкции исторического облика Арки и ее состояния до взрыва.

Уникальные объекты, безусловно требующие сохранения и экспонирования обнаружены в ходе масштабных археологических исследований Южного пригорода Херсонеса Таврического. Расположение всех объектов ниже уровня моря не позволило сохранить их *in situ*. В качестве меры по сохранению было предложено их перемещение и реставрация на новом месте. После завершения археологических раскопок каждого объекта созданы 3D-модели их современного состояния, послойные 3D-модели конструкций, отсканированы и созданы 3D-модели каждого блока, проведена виртуальная реконструкция первоначального облика, на основе которой объекты уже отреставрированы и установлены на территории археологического парка.

Значение применения цифровых технологий в сохранении памятников трудно переоценить. Цифровой архив — Веб-ГИС — уникальная база данных, объединяющая весь накопленный массив знаний о памятнике. Она легко доступна в любой точке мира и является самостоятельным исследовательским инструментом для последующих поколений ученых, может служить основой для планирования научных исследований и спасательных мероприятий, основным рабочим инструментом для подготовки реставрационных работ на памятнике и планирования долгосрочных мероприятий по сохранению объекта культурного наследия в будущем. Использование БПЛА, сканирующей аппаратуры, лидаров, термографов и прочих современных приборов и методов позволяет провести, практически, весь спектр исследований в целях консервации, реставрации или срочных мер по сохранению памятника методом неразрушающей диагностики, построить 3D-модели как объекта в целом, так и любого его фрагмента в самых трудно доступных местах. Созданные 3D-модели позволяют специалистам удаленно получать необходимые обмеры, создавать на их основе высокоточные чертежи. Цифровые технологии позволяют проводить виртуальные реконструкции объекта перед началом непосредственных восстановительных работ, что дает возможность выбора наиболее подходящих методов сохранения, планирования всего спектра работы. Наконец, 3D-модели могут использоваться для создания научно-популярных видеороликов, размещения моделей в открытом доступе в сети интернет, популяризации и освещения хода любых планируемых работ в целях сохранения памятника.

N. F. SOLOVYOVA

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PRESERVATION OF ARCHITECTURAL ARCHAEOLOGY OBJECTS

Of fundamental importance in determining the measures for the preservation of cultural heritage is the availability of documentation, ideally a digital database that covers the entire array of information about an object. A dynamic geo-information system with embedded 3D digital models of objects is more than only

a document recording the damage or barbaric destruction of the cultural heritage objects, it also serves as a universal research tool. The digital archive – Web GIS is a unique database that combines the entire accumulated array of knowledge about a particular object; it is easily accessible anywhere in the world; is a research tool for planning academic research and salvage operations; preparing for the restoration works on the object, and planning the long-term measures for the preservation of a cultural heritage site in the future. Examples of the use of Web GIS are the projects of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences in Syrian Palmyra and the southern suburb of Tauric Chersonesos in Sevastopol.

Natalia F. Solovyova – Candidate of Historical Sciences, Institute for Material Culture History of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: nfs56@mail.ru

Н. М. ЧАИРКИНА, Е. Н. ДУБОВЦЕВА, Т. Ю. КЛЕМЕНТЬЕВА, С. А. МЫЗНИКОВ, А. А. ПОГОДИН,
К. П. САВЧЕНКО, М. В. ХРАМЦОВ, С. Е. ЧАИРКИН

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАРАСЬЕ ОЗЕРО X

В 2023 г. проведены охранные археологические исследования поселения Карасье озеро X. Площадь поселения была разделена на зону археологических наблюдений – заторфованная, обводненная периферия памятника; и зону раскопок, включающую заторфованную и минеральную части. На площади археологических наблюдений выявлено несколько артефактов: деревянные щепки, рейки, палочки, обломок костяного наконечника копья и венчик энеолитического сосуда. На береговой части поселения зафиксированы металлургический комплекс, несколько «точков» по производству каменных орудий; погребение; скопления костей животных, наземные очаги, ямы с охрой. В заторфованной части – остатки двух деревянных сооружений, деревянные кольца и рейки, фрагменты и почти целое весло, обломки ковшей, «палки-копалки», поплавки из сосновой коры. Поселение Карасье озеро X – многослойный памятник, в раскопах которого найдена керамика эпохи неолита, энеолита, бронзового века, с которыми предварительно соотнесен многочисленный каменный инвентарь. Ранний железный век представлен фрагментами посуды, обломками тальковых форм для отливок наконечников стрел, технической керамикой и обломками сопла. Новое и Новейшее время – монетами, обломками стеклянных флаконов и гончарной посуды, железными предметами.

Чаиркина Наталья Михайловна – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: chair_n@mail.ru

Дубовцева Екатерина Николаевна – к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: ket1980@yandex.ru

Клементьева Татьяна Юрьевна – к.и.н., ООО «НАЦ «АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург)

E-mail: klementjevat@yandex.ru

Мызников Сергей Анатольевич – ООО «НПО Поэнгурр» (Россия, Екатеринбург)

E-mail: myznikov@bk.ru

Погодин Андрей Альбертович – ООО «НАЦ «АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург)

E-mail: pogodin1966@rambler.ru

Савченко Константин Павлович – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: kos8092@yandex.ru

Храмцов Михаил Вадимович – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: sush.xp.mih@mail.ru

Чаиркин Сергей Евгеньевич – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
E-mail: chair_s@mail.ru

Поселение Карасье озеро X расположено на Карасьеозерском торфянике, в Октябрьском районе г. Екатеринбурга, выявлено в 2019 г. сотрудниками ИИиА УрО РАН. В 2020 г. на территории поселения, попадающей в зону строительства дренажного канала и автодороги, проведены спасательные раскопки заторфовой территории площадью 311 кв. м и береговой части площадью 1260 кв. м. В 2023 г. были продолжены охранные археологические исследования памятника.

Поселение Карасье озеро X расположено в центральной части торфяника, на слабо выраженном в рельефе полуострове. В южной части фиксируется береговой вал шириной 6–8 м и высотой до 1,5 м. Поверхность памятника плавно понижается к северу от берегового вала. К югу от него понижение рельефа более выражено, после узкой заторфовой части, начинается сильно обводненное болото. По всей территории зафиксированы антропогенные и природные деформации.

Площадь поселения, отводимая под исследования в 2023 г., была разделена на две части.

1. Зона ведения археологических наблюдений – южная, сильно обводненная периферия памятника, где отсутствует инситу культурный слой. Здесь выявлено небольшое количество артефактов: деревянные щепки, рейки и палочки, обломок костяного наконечника копья и венчик энеолитического сосуда.

2. Зона, отводимая под стационарные раскопки, включающая минеральную (8428 кв. м) и заторфованную (2446 кв. м) части.

Общая мощность рыхлых отложений на береговой части достигала 0,5–2,5 м. Культурные слои представлены суглинком с включениями гумуса, торфяными прослойками, супесью различных оттенков.

В раскопах береговой части поселения зафиксирован металлургический комплекс по выплавке железа; несколько «точков» по производству каменных орудий; погребение человека; скопления костей животных, ямы с охрой, наземные очаги.

Мощность отложений, представленных торфом, сапропелем и минеральным материковым слоем, в заторфовой части памятника составляла 1,5 м. Здесь обнаружены остатки двух деревянных сооружений, состоящих из нескольких рядов вертикально поставленных деревянных реек, соединенных местами дранкой. Общая конструкция была укреплена вертикально вбитыми кольями. На уральских торфяниковых памятниках неоднократно фиксировались скопления реек и вертикальных кольев, которые с осторожностью интерпретируются как остатки рыболовных сооружений. Однако столь полные конструкции на Урале зафиксированы впервые.

В заторфовой части памятника обнаружены деревянные кольца и рейки, фрагменты и почти целое весло, обломки ковшей, «палки-копалки», поплавки из сосновой коры. Найдено изделие из металла – кованный топор, вероятно, раннего железного века.

Поселение Карасье озеро X – многослойный памятник, в раскопах которого зафиксированы материалы эпохи неолита (керамика кошкинского, козловского и боборыкинского типов); энеолита (керамика шувакишского, аятского и липчинского типов, керамические

грузила, орнаменты для декорирования посуды, один из которых изготовлен из створки раковины); бронзового века (развалы сосудов карасьеозерского, коптяковского и черкаскульского типов, металлический кинжал).

Наиболее многочисленная категория находок — каменный инвентарь — предварительно соотнесен с комплексами неолита — бронзового века. Находки нуклеусов и плиток, отщепов, сколов, абразивных плит и др. свидетельствуют о производстве здесь орудий, сырьем для изготовления которых служил кремь, яшма, халцедон, углисто-черный сланец, зеленокаменные породы. Найдено несколько «утюжков» и грузил.

Ранний железный век представлен фрагментами посуды, обломками тальковых форм для отливок наконечников стрел иткульской культуры, технической керамикой и обломками сопла. Эпоха Средневековья — керамикой батырской культуры. К Новому и Новейшему времени относятся монеты, обломки стеклянных флаконов, фрагменты гончарной посуды и железные предметы.

В процессе работ на памятнике отобраны образцы для спорово-пыльцевого, дендрохронологического и радиоуглеродного анализов; проведены почвенно-археологические исследования; археозоологический и антропологический материалы переданы профильным специалистам.

Поселение Карасье озеро X на сегодняшний день является единственным археологическим памятником Зауралья, исследованным полностью. Комплекс полученных данных дает основание реконструировать динамику материальной культуры населения и варианты освоения этой территории с каменного века до современности.

N. M. CHAIRKINA, E. N. DUBOVTSOVA, T. Yu. KLEMENTYEVA, S. A. MYZNIKOV, A. A. POGODIN,
K. P. SAVCHENKO, M. V. KHRAMTSOV, S. E. CHAIRKIN

COMPREHENSIVE STUDIES OF A MULTI-LEVEL KARASYE LAKE X SETTLEMENT

In 2023, we performed salvage excavations of Karasye Lake X settlement. The settlement area was divided into an archaeological observation zone, i. e. the peaty soil flooded periphery of the site; and the excavation zone, including the peaty soil formation and the mineral part. Several artifacts have been found in the archaeological observation area: chips, planks, sticks, a bone spear point debris, and an Eneolithic vessel collar. In the coastal part of the settlement, we recorded a metallurgical complex, several stone tools production “points”; a burial; an accumulation of animal bones, ground fireplaces, and pits with ochre. In the peaty soil part there were the remains of two wooden structures, wooden stakes and planks, several fragments and an almost whole oar, ladles debris, “digging sticks”, floats made of pine bark. Karasye Lake X settlement was a multi-level site, containing pottery of the Neolithic, Eneolithic, and the Bronze Age with which we have preliminarily correlated numerous stone tools finds. The early Iron Age was represented by pottery sherds, debris of talc molds for casting arrowheads, technical ceramics and nozzle debris. The modern and contemporary periods were represented with coins, fragments of glass vials and pottery, and iron objects.

Natalia M. Chairkina — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: chair_n@mail.ru

Ekaterina N. Dubovtseva — Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ket1980@yandex.ru

Tatiana Yu. Klementieva – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; LLC “SAC “AV KOM – Nasledie” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klementjevat@yandex.ru

Sergey A. Myznikov – LLC “SPA Poengurt” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: myznikov@bk.ru

Andrey A. Pogodin – LLC “SAC “AV KOM – Nasledie” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pogodin1966@rambler.ru

Konstantin P. Savchenko – Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kos8092@yandex.ru

Mikhail V. Khramtsov – Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: khramtsov1475@gmail.com

Sergey E. Chairkin – Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: chair_s@mail.ru

В. Я. ШУМКИН

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ*

Дело охраны историко-культурного наследия, которое советское правительство, помимо короткого послереволюционного периода, когда все «старое провозгласили сбросить с корабля современности», практически всегда признавало важным, правда, зачастую непоследовательно, нередко декларативно, а иногда и репрессивно. Так в первое десятилетие советской власти еще существовала обширная сеть краеведческих организаций (более 1500) в «малых» городах России, бывшая естественной частью культурной и общественной жизни еще до 1917 г. Она была значима и в 1920-е гг., недаром существовало Центральное бюро краеведения (ЦБК), общественная организация, координировавшая всю краеведческую работу в стране, возглавляемое известным академиком С. Ф. Ольденбургом, а затем заместителем председателя ВЦИК СССР П. Г. Смидовичем. Членами ЦБК были крупнейшие ученые страны. Организовывались экспедиции, издавались подробные карты и периодические журналы. Но в конце 1920-х – начале 1930-х гг., с «запуском» индустриализации и коллективизации эта процветающая и хорошо себя зарекомендовавшая добрыми делами и научными достижениями структура была полностью разгромлена, как неподходящая по новым идеологическим и политическим установкам. С 1960-х гг. движение стало постепенно возрождаться на уровне общественных инициатив (всероссийские общества охраны природы, памятников истории и культуры и т. д.). Одновременно, вроде бы, утряслись и законодательно были закреплены нормы охраны объектов археологического наследия, охранные зоны. И вот теперь в 2020-х гг. история, сделав круг, может повториться, поскольку планируются законодательные акты по упрощенному порядку археологического обследования строительных участков. Решение «проводить или не проводить археологическую разведку перед началом строительных работ», закрепленное законом (от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ) теперь отдается на откуп застройщику – и то лишь в случаях, если на этой территории ранее были обнаружены исторические артефакты. Такое положение ставит под угрозу исчезновения огромного количества археологических памятников, особенно на Севере нашей страны, где археологические слои часто залегают близко к дневной поверхности и будут уничтожены.

Шумкин Владимир Яковлевич – к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: shumkinv@yandex.ru

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

Понимая, что в рамках одного доклада невозможно отразить болевые точки проблемы сбережения объектов археологического наследия (ОАН) на всей территории, постараюсь рассмотреть их на примере Кольского края, притом, что подобные вопросы актуальны для всего Севера, где «рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов» [Головнёв, 2006, с. 183–190].

К 2023 г. общее количество зафиксированных на Кольском полуострове археологических памятников достигло почти 800. Признавая историческую ценность всех археологических объектов, можно выделить имеющие всемирно-историческое значение, волею судеб сохранившиеся на Мурманской земле, и обозначить наиболее выдающиеся открытия и достижения Кольской археологии.

Однако проблема сохранения археологического наследия, не смотря на активизацию в этом направлении, благодаря усилиям Отдела охраны памятников Мурманского Минкульта (в первую очередь Р. Давлетшина и О. Микляевой) в связи с усиленным промышленным освоением края, остается крайне напряженной. Разрядить ситуацию и довести ее до уровня соседних западных стран и отечественных регионов, где это дело поставлено значительно лучше, могут помочь ряд мероприятий.

Необходимо сконцентрировать и консолидировать усилия представителей всех профессий и учреждений, заинтересованных в улучшении состояния, изучения, охраны историко-культурного наследия и экологии в Арктическом регионе.

Еще более интенсифицировать деятельность местных органов охраны памятников, укрепив их квалифицированными кадрами, усилив ответственность, подняв их престиж и предоставив им больше полномочий по контролирующим и исполнительским функциям.

Возродить так славно себя проявившую в 1920–1930-х гг. и разгромленную сталинским режимом, как не соответствующую тогдашним идеологическим положениям, «широкую» сеть краеведческих организаций в «малых» городах России, снабдив их соответствующей литературой, информацией и современными средствами коммуникаций.

Обращать особое внимание на торопливые, непроверенные «данные» и «выводы» некоторых «специалистов», иногда стремящихся не к кропотливому изучению истории и всесторонней обработке полученных источников, а к провозглашению сенсаций, «масштаба» от местного уровня, до Арктического, и даже «Вселенского».

Добиваться более строгого отношения самих ученых, особенно известных в своей области знаний, к участию в сомнительных программах (полевых и телевизионных), где даже достоверные идеи, факты, выводы с «легкой руки» режиссеров-коммерсантов могут неузнаваемо преобразиться, трансформироваться в нечто совершенно противоположное. При необходимости сотрудничать с иными СМИ, требовать личного просмотра телевизионных программ и ознакомления с текстами до выхода их в «эфир», а при искажениях, соответствующим образом реагировать, как на факт нарушения авторского права и добиваться публичного опровержения.

Активизировать творческую деятельность специалистов по написанию и публикации интересных, правдивых, не академически сухих (но, обязательно рецензируемых высококвалифицированным экспертным советом) научно-популярных книг, брошюр для широких слоев населения. Уверен, потребность в этом и интерес к подобным изданиям, превеликие. Давно назрело время для издания хорошо иллюстрированного научно-популярного периодического журнала по археологии, где бы публиковались в доступном виде все самые

свежие новости и открытия. Во всех скандинавских странах они существуют и пользуются очень большой популярностью, как у специалистов, так и среди остальных граждан. Может быть, поэтому эзотерические пристрастия значительно слабее на зарубежных территориях, а уважение к древним памятникам несравненно выше, чему способствуют и жесткие законы, которые население там неукоснительно соблюдает. И еще, заметно, что российские «независимые историки» (так себя величают и поклонники Гипербореи) не изучают материалы по древней истории и геоморфологии, поскольку не находят там отклика и понимания.

Этими предложениями, как мне представляется, актуальные меры не должны ограничиваться. «Система» открытого типа и каждый, для кого не безразлична, а дорога реальная история Родины, очищенная от лукавых, лживых, надуманных измышлений, часто прикрываемых идеей некоего патриотизма, желанием «возвеличить» далекое прошлое нашей страны (или территории), найдет, чем достойно послужить своей Отчизне. А величие России и всех создавших ее славную историю народов, совершенно не нуждается в эзотерических «костылях» поклонников разных эзотерических «гипотез», которые калечат сознание соотечественников и наносят серьезный урон имиджу страны и ее научному авторитету на международном уровне.

Однако эти меры могут оказаться малоэффективными, не смотря на то что деятельность краеведческих организаций с 1960-х гг. начала восстанавливаться и даже был достигнут определенный консенсус между археологами, правительством и застройщиками. Примером на Кольском севере могут быть работы в Териберке в 2008–2010 гг. [Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2012, с. 25–30]. Помимо этого, видя наши успехи на археологическом поприще скандинавские специалисты охотно стали участвовать в совместных экспедициях на нашей [Helskog, Hood, Shumkin, 2023] и на своей территории с обоюдной пользой по обмену навыками и методиками полевых исследований.

И вот теперь, в середине 2020-х гг. снова возникло противостояние. Федеральное правительство подготовило постановление, видимо под напором строителей, по которому отменяется обязательная археологическая экспертиза на участки, где планируется возведение новостроек. Теперь решение «проводить или не проводить археологическую разведку перед началом строительных работ» отдается на откуп застройщику — и то лишь в случаях, если на этой территории ранее были обнаружены исторические артефакты. Власти разрешат собственникам строиться без экспертизы, но не углубляясь более полуметра. Такое положение ставит под угрозу исчезновения огромного количества археологических памятников, особенно на Севере нашей страны, где археологические слои в результате очень медленного процесса почвообразования залегают очень неглубоко и будут уничтожены. К тому же надежда, что строители и девелоперы при обнаружении во время производства земляных работ древних могил, строений, археологических артефактов будут сообщать о них археологам, крайне призрачна, ведь они и добивались именно бесконтрольно осуществлять свою работу, а законы, принятые ранее, этому препятствовали. Таким образом, история, спустя век сделав круг, может снова повториться и опять в связи с новой индустриализацией, но уже без идеологического подтекста. Не хочется даже думать, как мы будем выглядеть в глазах мировой общественности. Ведь наше национальное археологическое наследие является составной частью всемирного историко-культурного наследия.

Все более становится справедлива «постановка принципиального вопроса «о творческой реабилитации культур Севера Европы и признании их достижений передовыми для своего

времени...» [Столяр, 1994, с. 29–53]. Ученые прошлого века только стали приближаться к решению этой задачи, а нынешнее поколение все более превращает ее в реальность, посредством напряженной работы, открытием новых археологических памятников и углубленным изучением уже известных. А Кольская земля без сомнения хранит еще много тайн и открытий, пока не уничтоженных безжалостным Хроносом и антропогенным давлением в результате пагубных решений.

Библиографический список

- Головнёв А. В. Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. 2006. Вып. 3. С. 183–190.
- Столяр А. Д. Проблема социокультурной реабилитации лесного неолита Карелии // Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3. С. 29–53.
- Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И. Научно-исследовательские работы Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. СПб., 2012. С. 25–30.
- Helskog K. A., Hood B. C., Shumkin V. Ya. Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Northern Coast, 2300–1500 cal. BC. Suomen Muinaismuistoyhdistys. Iskos 26. Helsinki, 2023.

V. Ya. SHUMKIN

PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN THE NORTHWESTERN PART OF THE RUSSIAN ARCTIC

The Soviet government practically always, with the exception of a short, post-revolution period, when the slogan of the day was “throw the old staff off the ship of modernity”, paid a significant attention to the protection of historical and cultural heritage, although its policy was sometimes inconsistent, often declarative, and at times even repressive. Thus, in the first decade of the Soviet power, there still existed an extensive network of local history organizations (more than 1,500) in the “small” cities of Russia, which formed an integral part of the regional cultural and social life long before 1917. It retained its significance until the 1920s, there was even an organization coordinating all the regional historical studies in the country – the Central Bureau of Local History Studies (CBL) headed by the famous academician S. F. Oldenburg, and then the Deputy Chairman of the Central Executive Committee of the USSR P. G. Smidovich. The CBL members were the leading researchers of the country. They organized expeditions, published detailed maps and periodicals. However, in the late 1920s and the early 1930s, with the start of industrialization and collectivization, this healthy and well-proven structure, known for its good causes and academic achievements was completely eliminated as unsuitable in accordance with the new ideological and political attitudes. Since the 1960s of the past century, the movement began to revive gradually, initially in the form of the community initiatives (e. g. the countrywide societies for the protection of nature, historical and cultural sites, etc.). At the same time, the norms for the protection of archaeological heritage sites and protected areas were apparently settled and legally approved. And now, in the 2020s, the history, having made a circle, may repeat itself, as a result of the proposed amendments to the laws regulating archaeological surveys of the construction sites, which provide for the use of a simplified procedure. A decision on whether an archaeological survey should be conducted before the start of the construction works, (as was provided for by Law No. 73-FZ dated June 25, 2002), is now left to the discretion of a developer, and then only in cases where historical artifacts were previously discovered in a given territory. This situation threatens the preservation of a huge number of archaeological sites, especially in the North of our country, where the archaeological levels often lie close to the day surface and will be destroyed inevitably in the course of construction works.

Vladimir Ya. Shumkin — Candidate of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, St. Petersburg)
E-mail: shumkinv@yandex.ru

КРУГЛЫЙ СТОЛ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК ОСНОВА МУЗЕЙНО-
ТУРИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

ROUND TABLE:
ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
AS A BASIS FOR MUSEUM
AND TOURIST COMPLEXES

С. П. АРЕФЬЕВ

**ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЭКОСИСТЕМЫ
БАРСОВОЙ ГОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕНДРОШКАЛЫ***

Составлена древесно-кольцевая хронология по сосне для Барсовой Горы протяженностью 270 лет (1754–2023 гг.), рассматриваемая как основа для экологических реконструкций и датирования артефактов. Анализ помесечных дендроклиматических откликов показал, что эколого-физиологическое состояние сосны на данной территории в XIX–XXI вв. определялось, прежде всего, естественной динамикой климата и последствиями связанных с нею пожаров. По сравнению с отмеченными в XX в. критическими для сосны периодами дефицита/избытка тепла и осадков, ее состояние в последние годы существенно улучшилось. Вместе с тем, благоприятные для роста сосны условия и удлинение периода ее вегетации в XXI в., вызванные нарастающим потеплением климата, могут быть чреватые существенными перестройками структуры лесной экосистемы Барсовой Горы, в частности распространением вредителей и болезней леса.

Арефьев Станислав Павлович — д.б.н., ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень)

E-mail: sp_arefyev@mail.ru

Барсова Гора известна как уникальный историко-культурный феномен Югры. Подобного рода феномены происходят из стечения многих обстоятельств, указывающих на тесное взаимодействие природы и культуры. И хотя культура выше, сложнее, и не сводится к природе, как картина не сводится к совокупности красок, все же детальное исследование красочных слоев может многое поведать о судьбе картины. И такого рода возможности предоставляет исследование древесно-кольцевых хронологий. А Барсова Гора — феномен, несомненно, лесной, и все ее артефакты, не могут рассматриваться иначе, как через эту призму.

Деревья рассматриваются как естественные датчики-самописцы, встроенные в ландшафт, и в годичных кольцах фиксируются все события на уровне от крон до корней. Задача исследователя — декодировать эту информацию, для чего дендрохронология располагает богатым арсеналом методов [Methods of Dendrochronology..., 1990]. Дендрошкалы широко используются для датировки артефактов и историко-археологических памятников [Черных, 1996]. Эти направления дендрохронологии активно развиваются на территории ЯНАО [Мыглан, 2012]. В Югре таких исследований мало [Сидорова и др., 2015; Арефьев, 2023], что связано с диверсификацией факторов роста древесных колец, а также с худшей сохранностью древесины [Филатова, 2021]. Однако в Среднем Приобье встречаются деревья возрастом до 300–400 лет, и такие исследования при современных технологиях имеют хорошую перспективу.

Первые дендрохронологические исследования на Барсовой горе предприняты нами в сентябре 2023 г. При отборе образцов придерживались общепринятой методики [Шиятов и др., 2000]. В сосняках мшисто-лишайниково-брусничной группы были взяты керны древесины с 26 наиболее старых по габитусу деревьев сосны обыкновенной, по 2–3 радиусам дерева. Ширина колец измерена под микроскопом, выполнена перекрестная датировка. Для устранения влияния возраста проведена стандартизация (индексирование)

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FWRZ-2021-0006

ширины годовых колец (ШГК) методом двойного экспоненциального сплайна [Methods of Dendrochronology..., 1990]. По обобщенной хронологии ШГК рассчитаны скользящие отклики радиального прироста [Симанько, Бенькова, Шашкин, 2013] на месячные температуры воздуха и суммы осадков в год i образования колец и в предыдущий год $i-1$ за период метеонаблюдений в Сургуте с 1884 по 2023 г. [Погода и климат...]. В качестве показателя отклика взят коэффициент корреляции Пирсона R с окном скользящего 22 года и шагом в 1 год. Достоверные положительные отклики ШГК на метеофактор свидетельствуют о его дефиците для сосны, отрицательные — о его избытке.

В результате составлена репрезентативная хронология ШГК протяженностью 270 лет, с 1754 по 2023 гг. Автокорреляция первого порядка 0,08. Чувствительность низкая (0,19), но $EPS > 0,85$ достаточен для дендроклиматического анализа. Межсерийный коэффициент корреляции 0,42 ($p < 0,001$).

Помесячные отклики ШГК, рассчитанные на весь ряд метеонаблюдений 1895–2023 гг., очень низкие: до 0,22 на температуры сентября и до 0,24 на осадки июля предыдущего года $i-1$ ($R_{0,05} = 0,210$). Анализ скользящих откликов показывает сложную, но достоверную динамику состояния сосны в зависимости от климата. В эпоху северной меридиональной циркуляции [Kononova, Lupo, 2020], протекавшую до 1915 г., отмечался слабый дефицит тепла летом, сильный его дефицит весной и осенью (более 0,54, $p < 0,05$) и слабый избыток его зимой. В эпоху зональной циркуляции 1916–1956 гг., связанную с «потеплением Арктики», на Барсовой горе наблюдался слабый избыток тепла зимой и летом. Более радикальным был дефицит осадков (летом более $-0,54$ по модулю), особенно с начала 1930-х гг., известных на юге Западной Сибири как «саранчовые». В 1932–1933 гг. прирост сосны на Барсовой Горе падал почти до нуля, вероятно, вследствие низового пожара. В образовавшемся редколесье прогревание обугленного песка солнцем усугубляло дефицит влаги для выживших деревьев. С наступлением к 1957 г. холодного периода третьей эпохи циркуляции, дефицит осадков сменился дефицитом тепла, особенно в период становления и таяния снегового покрова. При этом корни сосны страдали от заморозков. С наступлением к 1998 г. четвертой эпохи южной меридиональной циркуляции дефицит тепла уменьшался, напротив, стал негативно сказываться его избыток в зимние месяцы, что при избытке осадков, вероятно, способствует выживанию энтомофагов. В XXI в. прослеживается сдвиг изолиний весеннего и осеннего дефицита осадков в сторону зимних месяцев, что свидетельствует об увеличении продолжительности вегетационного периода, синхронном нарастающему потеплению климата.

Таким образом, анализ помесечных дендроклиматических откликов показал, что эколого-физиологическое состояние сосны на территории Барсовой Горы в XIX–XXI вв. в целом определялось, прежде всего, естественной динамикой климата. По сравнению с отмеченными в XX в. критическими для сосны периодами дефицита/избытка тепла и осадков, ее состояние в последние годы существенно улучшилось. Вместе с тем, благоприятные для роста сосны условия и удлинение периода ее вегетации в XXI в., вызванные нарастающим потеплением климата, могут быть чреваты существенными перестройками структуры лесной экосистемы Барсовой Горы, в частности распространением вредителей и болезней леса.

Библиографический список

Арефьев С. П. Дендрохронологический анализ реакции лесообразующих видов деревьев проектируемого Мыстыгъеганского заказника (бассейн р. Вах) на изменения климата в XX–XXI столетиях // Вестник Нижневартского университета. 2023. № 3 (63). С. 18–34.

- Мыглан В. С. Историко-культурные процессы в Сибири в контексте климатических изменений по данным археологии, дендрохронологии и истории (XVII–XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2012.
- Погода и климат // Информационный портал «Погода и климат». URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/climate/28367.htm> (дата обращения: 01.12.2023).
- Сидорова М. О., Баринов В. В., Жарников З. Ю., Мыглан В. С. Датировка археологической древесины из памятника «могильник Горноправдинский» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. 21. С. 390–393.
- Симанько В. В., Бенькова А. В., Шашкин А. В. Применение метода «скользящих функций отклика» для выявления влияния климатических факторов на радиальный рост деревьев // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 7. С. 188–194.
- Филатова М. О. Потенциал дендрoarхеологии в природных зонах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2021.
- Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.
- Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазепа В. С., Наурызбаев М. М., Хантемиров Р. М. Методы дендрохронологии. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. Красноярск, 2000. Ч. 1.
- Kononova N. K., Lupo A. R. Changes in the dynamics of the Northern Hemisphere atmospheric circulation and the relationship to surface temperature in the 20th and 21st centuries // Atmosphere. 2020. № 11. P. 1–14.
- Methods of Dendrochronology. Applications in the Environmental Sciences. Dordrecht; Boston; London, 1990.

S. P. AREFYEV

DENDROCHRONOLOGICAL RECONSTRUCTION OF “BARSOVA GORA” ECOSYSTEM AND THE PROSPECTS FOR THE CONSTRUCTION OF A REGIONAL TREE-RING CHRONOLOGY

The authors compiled a 270 years long (1754–2023) pine tree-ring chronology for Barsova Gora, as the possible basis for ecological reconstructions and the artifacts dating. The analysis of monthly dendro-climatic responses demonstrated that the ecological and physiological state of pine trees in that area in the 19th–21st centuries depended primarily on climate fluctuation processes and the consequences of the natural forest fires. In comparison with the critical for pine periods of heat and precipitation deficit/excess recorded in the 20th century, its condition has improved significantly in recent years. At the same time, the favorable for pine growth conditions and the lengthening of its vegetation period in the 21st century, caused by the increasing climate warming, may be fraught with significant changes in the structure of Barsova Gora forest ecosystem, in particular a proliferation of pests and forest diseases.

Stanislav P. Arefyev – Doctor of Biological Sciences, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the Problems of Northern Development (Russia, Tyumen)

E-mail: sp_arefyev@mail.ru

T. B. ВОЛДИНА

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ ПРОШЛОГО КАК ОСНОВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ — ЮГРЕ

В докладе затрагиваются вопросы этнографического изучения коренных народов Югры и их роль в реконструкции традиционных культур древности, на основе которых возможна реализация музейно-туристических проектов. Основное внимание автор уделяет исследованиям, ведущимся этнографами – представителями этих народов, благодаря которым в научный оборот введен

значительный объем информации по духовной культуре хантов и манси. В данном направлении современной обско-угорской этнографии менее представлены восточные ханты, изучение которых может открыть новые перспективы в этногенетических исследованиях. Полномасштабное изучение в качестве этнографического источника героических песен и сказаний, а также других жанров хантского фольклора также открывает новые перспективы в репрезентациях объектов культурного наследия Югры.

Волдина Татьяна Владимировна – к.и.н., Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: tatyanaoldina@yandex.ru

Музейно-туристические комплексы призваны отражать наследие предшествующих эпох. В основе этих масштабных презентаций лежат научные исследования, перетекающие в культурно-просветительскую деятельность. В изучении архаичных обществ, их развития в широком хронологическом диапазоне ведущая роль принадлежит археологии, исследующей исторические реалии ушедших в небытие культур, и этнографии, исследующей бытующие традиционные культуры, «живые» традиции. Интеграция этих дисциплин в реконструкции мировоззренческих структур, используемых для воссоздания объектов культурного наследия, оформилась в XX в. Этноархеология призвана «конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи, их взаимоотношения с другими системами» [Томилов, 2002].

Предмет этнографии – традиционная культура. «Традиция – это передача в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте, устоявшихся форм поведения, навыков, понятий всего, что образует костяк культуры», – писал С. А. Арутюнов [1989, с. 163–164]. Культуры северных этносов, к которым относятся коренные народы Югры, существуют на основе традиционных форм хозяйства: рыболовства, охоты и оленеводства, и комплексно исследуются с момента зарождения этнографической науки, с середины XIX в. В своей итоговой фундаментальной работе крупнейший исследователь обско-угорских культур З. П. Соколова отмечала: «Этнография – особая наука и неслучайно сейчас многие специалисты других дисциплин в своих исследованиях обращаются к ее источникам и методам, так как именно она дает материалы для широкого диапазона исследований и обобщений». Это наиболее выражено в этногенетических исследованиях, так как этнография как часть этнологии, «не только “описывает народы” с точки зрения их культуры, но выявляя в ней общие, подчас универсальные, и специфические черты, задается вопросом: как и почему формируются эти общие и особенные черты. Это позволяет этнографам в широком плане заниматься проблемами как происхождения отдельных элементов культуры, так и в целом этногенеза народа, т. е. в конечном счете на материалах развития культуры писать ее историю, в том числе древнейшую» [Соколова, 2009, с. 8–9]. Особую роль в реконструкции социокультурных систем прошлого играет фольклор как источник, специфически отражающий действительность, аккумулирующий историческую память и традиционную информацию и содержащий этнические свойства, с помощью которого исследуются проблемы этнических сообществ. Как известно, возраст фольклора исчисляется десятками тысяч лет, он сохраняет образы времени и пространства, идеи и сюжеты. Данные фольклора выражают этническое самосознание, исторические социальные связи, дают сведения по этнической истории,

мифологии, духовной культуре, отражают символизацию явлений материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т. д. [Волдина, 2002, с. 5–7].

С возникновением в последнее десятилетие прошлого XX в. специального научного центра (в настоящее время он существует под названием Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок и включает в себя сеть фольклорных архивов) в этнографии коренных народов Югры оформилось направление, ведущееся носителями этих культур, которых отличает не только знание родных языков, существенно облегчающее всестороннее исследование явлений культуры, но и понимание их внутренних связей и скрытого контекста этих явлений, а также доступ к сакральной информации, выбор в качестве информантов наиболее компетентных хранителей традиций, включение в поле своих исследований собственного многолетнего опыта и опосредованного наблюдения, а следовательно, и глубокое проникновение в суть многих изучаемых вопросов. Ведущее место в этих исследованиях занимает духовная культура, в них отражено видение самих этносов на явления своей культуры и этническую историю. Особое внимание уделяется фольклору. Развитие этого направления позволило ввести в научный оборот значительный объем сведений по традиционным верованиям, мифологии, этике, ритуально-обрядовой сфере, включая медвежьи игрища, орнаментальному и прикладному искусству. Преимущественное освещение получили традиции северных обских угров, так как выходцы из этих групп ведут эти исследования. Их работы оказали существенное влияние на развитие современной культуры Югры, легли в основу многих проектов, включая музейные.

Назрела необходимость включения в этнографические исследования восточного ареала: сургутских и ваховских хантов, где представлены наиболее архаичные формы традиционной культуры. На данный момент они лучше других групп сохранили свой язык, обычаи, ведут традиционный образ жизни. Изучение «живых традиций» сургутских хантов, занимающих срединное (переходное) положение в языковой и этнической структуре обских угров, имеет большие перспективы для этногенетических исследований. Другой не менее актуальной задачей современной обско-угорской этнографии является введение в научный оборот героических и мифологических текстов. Если мансийская часть оказалась более исследованной, то хантыйская (особенно восточно-хантыйская) — по-прежнему остается пока для российских учёных *terra incognita*. Решение этой проблемы возможно только с привлечением исследователей, владеющих хантыйским языком.

Библиографический список

- Арутюнов С. А. Народы и культуры. М., 1989.
 Волдина Т. В. История изучения хантыйского фольклора. Томск, 2002.
 Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009.
 Томилев Н. А. О методологии гуманитарных наук // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002. С. 18–24.

T. V. VOLDINA

IMPORTANCE OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE RECONSTRUCTION OF SOCIO-CULTURAL SYSTEMS OF THE PAST AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF MUSEUM AND TOURIST FACILITIES IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA

The report addresses the issues of ethnographic study of the indigenous peoples of Ugra and their role in the reconstruction of traditional cultures of antiquity that may form the basis for the implementation of

museum and tourism projects. The author pays special attention to the research conducted by indigenous ethnographers who made a valuable contribution to the introduction into a research context of a significant amount of information on the spiritual and religious culture of the Khanty and the Mansi peoples. In this field of modern Ob-Ugric ethnography, the Eastern Khanty are the least represented group, the study of which can open up new prospects for ethno-genetic research. A comprehensive study of heroic songs and legends, as well as other genres of the Khanty folklore as an ethnographic source, also opens up new perspectives for representation of Ugra cultural heritage sites.

Tatyana V. Voldina – Candidate of Historical Sciences, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: tatyनावoldina@yandex.ru

Д. В. ГЕРАСИМОВА, М. Б. ГЛАЗОВА

ЛОСЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ И ЕГО МЕСТО В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В традиционной культуре обских угров значительное место занимает культ лоса. В докладе приводятся лексико-семантические названия данного животного, затрагиваются культурологический и этнографический аспекты этого священного животного. Изображения лоса на литых деталях в древности.

Герасимова Дина Васильевна – к.филол.н., Департамент молодежной политики, гражданских инициатив и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: gerasimova142@yandex.ru

Глазова Марина Борисовна – Департамент молодежной политики, гражданских инициатив и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Россия, Ханты-Мансийск)
E-mail: marinochka191@yandex.ru

На огромном пространстве Западной Сибири, в бассейне рек Обь, Иртыш и по их притокам издавна проживают обские угры. Территория проживания, ландшафт, природные и климатические условия сформировали их основные традиционно-хозяйственные занятия: охота и рыболовство (повсеместно), оленеводство (у северных групп), животноводство, земледелие и собирательство (у южных групп).

В свою очередь культурно-хозяйственный тип обских угров обусловил их промысловые культы и обрядовую практику, что нашло отражение в устном народном поэтическом творчестве манси и хантов. Все, что окружало их жизнь, было святым. Священными были животные (*ялпыу үй, елпиу үй* 'святое животное'), растения. Одним из почитаемых животных у обских угров является лось.

Лось в культуре народа манси имеет не только промысловое, но и культовое значение. Он, как и медведь, является священным животным. В разговоре между собой охотники прямо не называют это животное, чтобы не спугнуть его.

Первоначально лось был шестиногим. Известна история охоты на лоса и его превращения в животное с четырьмя ногами.

Главный закон уважения этого животного: его нельзя употреблять в пищу женщинам во время месячных. Если женщина нарушает этот запрет, ее муж может понести наказание – на охоте ему не будет попадаться лось.

Раньше был известен праздник в честь лося у кондинских и лозьвинских манси. В настоящее время он утрачен. Известны и «памятники» из камня этому животному (у кондинских, лозьвинских манси и васюганских ханты).

Б. Мункачи записано ряд загадок про лося. Например: *Акв пұт сыс сэмьл нуйиу хум сәт я- талех хайтэлы (сөрп)*. Во время [кипения] одного котла человек в черном сукне пробегает истоки семи рек (лось). Или: *Яныг сагла кволт маһь сагла квол (Янгуи какырт няһ)*. В большом доме из жердей маленький дом из жердей (беременная лосиха). *Сэр вөр, мор вөр сәлт олн хәңгелтэн люли (сөрп)*. В углу густого леса, сурового леса серебряная лестница стоит (лось).

В культуре финно-угров образ человека-лося во второй половине первого тысячелетия н. э. обрел иконографическое воплощение в многочисленных ритуальных бронзовых бляшках, относимых к пермскому звериному стилю.

Фигуры человека-лося обычно включены в разнообразные композиции, большая часть которых, по мнению ученых, отражает космогонические представления финно-угорского населения Восточной Европы. Считается, что зооантропоморфные персонажи в искусстве часто являются изображением первопредков. Первопредки обычно изображаются как зооантропоморфные существа в архаичных мифах.

В связи с тем, что в последнее время в музейных комплексах активизировалась работа по открытию новых туристических маршрутов, можно установить скульптуру Лося, а материалы доклада могут быть использованы экскурсоводами в качестве информационного материала.

D. V. GERASIMOVA, M. B. GLAZOVA

MOOSE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE OB UGRIANS AND ITS PLACE IN THE EXPOSITION OF MUSEUM COMPLEXES

The cult of the moose occupies a significant place in the traditional culture of the Ob Ugrians. The report provides various lexical and semantic names of this animal, touches on the cultural and ethnographic aspects of this sacred animal. Moose images on the cast parts in antiquity.

Dina V. Gerasimova – Candidate of Philological Sciences, Department of Youth Policy, Civil Initiatives and External Relations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: gerasimova142@yandex.ru

Marina B. Glazova – Department of Youth Policy, Civil Initiatives and External Relations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: marinochka191@yandex.ru

T. A. ДЖУМАНТАЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ & АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

С позиций интеграции науки, образования и культуры, интеграции музея и города представлена модель археологической коммуникации. Современный музей является информационно-коммуникативной системой, транслирующей научные знания и смыслы в современную культуру. Поэтому общей целью археологии как науки, и археологического музея, как социокультурного института памяти, может стать включение в современную картину мира археологического наследия. Наиболее эффективными способами его актуализации являются практики, позволяющие осуществить диалог между человеком современности и прошлого на ценностно-смысловом уровне: музеализация,

музеефикация, музейные экспозиции, практики, построенные на возможностях экспериментальной археологии (раскопки, камеральная и научная обработка артефактов, публикации), визуально-виртуальные практики, связанные с презентацией археологического наследия в сети интернет и др.

Джумантаева Тамара Александровна — к. культ., Белорусский государственный университет культуры и искусств (Республика Беларусь, Полоцк)

E-mail: tamara.jum@gmail.com

На современном этапе интеграции учреждений науки, образования и культуры как институтов памяти, актуальными являются вопросы развития коммуникативных практик и, в частности, археологической коммуникации. Археологические экспозиции должны быть живым мостом для понимания археологии музейной аудиторией, уникальными музейными пространствами, хранящими, презентующими и интерпретирующими особые материальные объекты, рассказывающие историю. При этом основными предпосылками для качественного преобразования музейного представления археологии могут быть: интеграция археологии и музееведения, укрепление позиций и развитие археологии в условиях быстро меняющегося общества [Dolák, 2012].

Отличительной формой коммуникации, которая играет первостепенную роль в отношении археологического сознания, является музейная презентация археологии, которая может способствовать популяризации археологического сознания с целью повышения престижа археологии в обществе.

Предложенная модель понятия — археологическая коммуникация — выглядит следующим образом:

- археология как наука;
- археологические исследования (раскопки, камеральная обработка материала);
- археологические коллекции, научные отчеты, артефакты;
- музейная экспозиция;
- интеграция музея и города;
- постоянно действующая археологическая экспедиция;
- культура участия.

Археология изучает прошлое посредством исследований культурного слоя, ее методом являются археологические раскопки. Если памятник не был музеефицирован *in situ*, то после раскопок он существует только виртуально: в виде отчетов, фотофиксации и находок. Археологический отчет и коллекция артефактов, обнаруженных во время исследования, — научные факты, подтверждающие или опровергающие предварительно выдвинутую гипотезу. Сформированная таким образом коллекция ложится в основу научной концепции музейной экспозиции.

В мире существует множество музеев, отличающихся друг от друга своими формами и содержанием. Общим является наличие коллекции. В своей книге «Новые тренды в музееологии» известный голландский ученый Питер ван Менш, рассматривая современные тренды подхода к коллекциям, задается вопросом: является коллекция целью или ресурсом музея [Ван Менш, Мейер-ван Менш, 2021, с. 13]? Ответ неоднозначный. В профессиональной музейной среде сегодня речь идет о концепте динамической коллекции. Новые подходы к процессу «мягкой музееализации» предполагают, что музеи коллекционируют не

предметы, а связи; что музеи участвуют на равных с другими членами местного сообщества в процессе коллекционирования; что музей может стать общей платформой для групп и личностей, занимающихся коллекционированием собственного наследия [Там же, с. 21].

В этой связи актуальным становится вопрос об особенностях коллекционирования археологического наследия и особенностях археологической коммуникации. Проблема включения археологического наследия в современные представления о прошлом должна на современном этапе объединять археологическую науку и музей.

Археологическим наследием мы называем исторические остатки жизнедеятельности людей, полностью или частично скрытые в земле, извлеченные из нее, а также обнаруженные под водой (включая бытовые предметы, произведения искусства, письменные источники, архитектурные сооружения, предметы религиозного культа и иные артефакты).

Сложность процесса восстановления социально-исторического смысла археологического предмета или археологического артефакта требует тесных контактов музея с археологической наукой не только на стадии конкретно-исторического изучения археологической коллекции, но и в процессе проектирования экспозиции.

К наиболее эффективным способам актуализации археологического наследия относятся: музеефикация, «бинарные», «эмоционально-интуитивные» экспозиции, экспозиции-диалоги, травелоги; практики, построенные на возможностях экспериментальной археологии, связанные с презентацией археологического наследия [Андреев, 2014].

Общей целью для археологии и музея может стать включение в современную историческую картину мира археологического наследия. Поэтому желательно в исторических городах иметь постоянно действующую археологическую экспедицию и археологический музей. При наличии такой структуры возможна полноценная археологическая коммуникация, когда процессы археологических исследований и презентации их результатов могут строиться не только планомерно и постоянно, но еще и интерактивно (возможность для представителей местного сообщества и туристов участвовать в раскопках, в камеральной обработке предметов, в интерпретации, реставрационной работе и создании своих авторских выставок...).

Цель сегодняшнего музея — интегрироваться в социальную и городскую структуру города. При этом экспозиция должна выйти за стены музея, чтобы привлечь посетителя и подготовить его к тому, чтобы настроиться с ритма города на ритм музея [Dolák, 2018; 2012].

В заключении можно предположить, что археологическая коммуникация в пространственном дискурсе музея и города способна сделать археологический музей, «...если не градообразующим, то, по меньшей мере, определяющим специфику не просто городского пространства, но его метафизику. <или>... вариантом пространственного дискурса является ситуация городской музеализации, при которой сам город стремится стать музеем» [Дроздова-Пичурина, Сапанжа, 2017, с. 87].

Библиографический список

- Андреев В. М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11–1. С. 195–200.
- Ван Менш П., Мейер — ван Менш Л. Новые тренды в музеологии. М., 2021.
- Дроздова-Пичурина Н. Н., Сапанжа О. С. Диалектика пространственного дискурса музея и мегаполиса: к постановке проблемы // *Научный междунар. журнал «Музей — Памятник — Наследие»*. 2017. № 1. С. 87–93.

Dolák J. *Prezentace archeologie: Disertační práce*. Brno, 2012.

Dolák J. *Jak vystavovat archeologii: Metodika k tvorbě archeologických expozic*. Brno, 2018.

T. A. DZHUMANTAeva

ARCHAEOLOGICAL MUSEUM & ARCHAEOLOGICAL COMMUNICATION

The model of archaeological communication is presented from the perspective of integration of research, education and culture, as well as integration of a museum and a city. A contemporary museum is an information and communication system that translates academic knowledge and meanings into the modern culture. Therefore, the common goal of archaeology as a research discipline, and an archaeological museum, as a socio-cultural institute of memory, may be the inclusion of archaeological heritage into the modern picture of the world. The most effective ways of its actualization are communication practices that facilitate a dialog between a modern individual and a person from the past at the value-semantic level, including the musealization, museumification, museum expositions, practices based on the potential of experimental archaeology (excavations, office research and the artifacts study, publications), visual and virtual practices related to the presentation of archaeological heritage on the Internet, etc.

Tamara A. Dzhumantaeva – Candidate of Cultural Studies, Belarusian State University of Culture and Arts (Republic of Belarus, Polotsk)

E-mail: tamara.jum@gmail.com

С. А. ЗОЛИНА, О. В. НАЗАРОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D-ВИЗУАЛИЗАЦИИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ

В докладе представлено описание создания контента с использованием широкого спектра мультимедиа технологий. Описан такой процесс обработки компьютерной графики как 3D-визуализация. Основное содержание доклада сфокусировано на применении этой технологии в восстановлении внешнего облика археологических памятников на территории Российской Федерации. Цель доклада — познакомить читателя с самыми современными технологиями, применяемыми в организации музейных экспозиций, в первую очередь связанных с культурным наследием России. Приведенные примеры использования 3D-визуализации демонстрируют актуальность и практическую значимость нашей работы, также позволяют посмотреть на музейное пространство и археологические памятники с новой точки зрения и увидеть перспективы развития направления в науке и жизни общества.

Золina Светлана Анатольевна – ООО «ИНФОСТУДИЯ ЭКОН» (Россия, Москва)

E-mail: szolina@yandex.ru

Назаров Олег Владимирович – ООО «ИНФОСТУДИЯ ЭКОН» (Россия, Москва)

E-mail: nazarov_o@mail.ru

Общество с ограниченной ответственностью «ИНФОСТУДИЯ ЭКОН» организовано в 1996 г. Основное направление деятельности — информационные технологии для культуры, образования и науки. Наши специалисты выполняют работы по созданию контента с использованием всех компонентов мультимедиа технологий: 3D-анимация и компьютерная графика, цифровое видео и звук; осуществляют специализированные фото- и видеосъемки (панорамные 360°, а также объектов вращения).

3D-визуализация — это процесс обработки компьютерной графики с последующим рендерингом объектов и сцен с использованием инструментов программ для работы 3D.

На практике 3D-визуализация активно используется во многих сферах деятельности. Например, 3D-графика применяется для представления новых товаров, динамичных сцен кинофильмов со спецэффектами, объектов строительства и т. д.

В музеях 3D-визуализация используется не только в случае подготовки дизайн-проекта выставочного мероприятия или новой экспозиции, но и в качестве полноценной мультимедийной составляющей контента.

3D-визуализация — мощный инструмент, который помогает представить любые объекты в трехмерном формате, позволяет создавать реалистичные изображения и анимации, которые помогут посетителям музея наглядно представить себе, как выглядели исторические объекты, памятники, несохранившиеся до наших дней.

3D-визуализация городища Барсов городок III/6 — разработка для Муниципального автономного учреждения Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора».

В 2021 г. в Сургутском районе на территории урочища Барсова Гора под руководством к.и.н. Ю. П. Чемякина проведены археологические раскопки городища Барсов городок III/6 по гранту Губернатора ХМАО — Югры на развитие гражданского общества. Они явились продолжением научных исследований этого памятника, которые были впервые проведены на этом объекте в 1974 г. под руководством М. В. Елькиной.

Результаты этих работ позволили восстановить внешний облик памятника, определить его точный возраст — III–I вв. до н. э., а также установить, что городище было построено на территории сооружения более раннего исторического периода (эпоха бронзы, X–VIII вв. до н. э.).

На основе материалов научных исследований городища Барсов городок III/6 были подготовлены 3D-визуализация и анимированный видеоролик.

3D-визуализация Старой Рязани, XI в. — разработка для Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Старая Рязань, XI в.: древнерусская крепость (небольшой населенный пункт, окруженный со всех сторон стенами, со стороны реки защищен высоким обрывистым берегом, а с напольной стороны — валом и рвом).

Используя современные компьютерные технологии и механизмы 3D-моделирования, основываясь на результатах исследований, ведущихся на территории городища уже более 200 лет, разработана 3D-визуализация городища Старая Рязань, которая позволила наиболее полно и наглядно представить, как выглядела Рязань в XI в., а также были представлены интересные археологические раскопки и клады.

3D-визуализация создана с учетом географической привязки к месту; все 3D-модели построек, башен, стен и укреплений, а также других объектов были разработаны с учетом палеоландшафта (то есть с учетом изменений ландшафта во времени).

3D-визуализация Дворцового комплекса Ольденбургских, конец XIX — начало XX в. — разработка для Автономного учреждения культуры Воронежской области «Историко-культурный центр «Дворцовый комплекс Ольденбургских».

Дворцовый комплекс Ольденбургских расположен в р. п. Рамонь Воронежской области. С конца XIX в. история Рамони связана с именем Ея Императорского Высочества принцессы

Евгении Максимилиановны Ольденбургской, урожденной княжны Романовской, герцогини Лехтенбургской. Начавшиеся впоследствии преобразования позволили считать Рамонь поистине уникальным по своим общественным функциям центром экономической, политической и культурной жизни Воронежской губернии.

3D-визуализация заключалась в воссоздании с помощью 3D-технологий основных объектов имения Рамонь, таких как Дворец Ольденбургских, Свитский корпус, комплекс конезавода, лечебница, фельдшерский домик, школа и флигель Уютный, причем в качестве исходных данных для построения 3D-моделей использовалось небольшое количество фотографий этих объектов, сохранившихся с начала XX в.

3D-визуализация — это возможность продемонстрировать посетителям музея ранее утраченные здания/объекты/предметы или же изучить в мельчайших деталях реальные объекты здесь и сейчас, то есть не выходя из стен музея.

S. A. ZOLINA, O. V. NAZAROV

THE USE OF 3D VISUALIZATION IN MUSEUM DISPLAYS

The article describes the process of content creation using a wide range of multimedia technologies. The author describes 3D visualization as one of the methods for computer graphics processing. Main content of the article focuses on the application of this technique for the restoration of the appearance of archaeological sites in the territory of the Russian Federation. The purpose of the article is to introduce the reader to the most advanced technologies used in the organization of museum exhibitions, primarily related to the cultural heritage of our country. Examples of using 3D visualization cited in the article obviously demonstrate the relevance and the practical significance of our work, they also offer an opportunity to look at the museum space and archaeological sites from a new perspective and see the prospects for the development of these practices in academic research and the life of society.

Svetlana A. Zolina — LLC "INFOSTUDIYA EKON" (Russia, Moscow)

E-mail: szolina@yandex.ru

Oleg V. Nazarov — LLC "INFOSTUDIYA EKON" (Russia, Moscow)

E-mail: nazarov_o@mail.ru

Е. В. ИГНАТЬЕВСКАЯ

МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «БАРСОВА ГОРА»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

В докладе представлен опыт реализации масштабного проекта — «Музейно-туристический комплекс «Барсова Гора» на территории одноименного достопримечательного места — объекта культурного наследия регионального значения, расположенного в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Раскрыты концептуальные основы проекта, специфика работ по его реализации в условиях ограничений, связанных с размещением на территории объекта культурного наследия и землях из состава лесного фонда; обозначены ключевые направления стратегии развития проекта в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Игнатъевская Елена Викторовна — к.и.н., Научно-производственный музейный центр «Барсова Гора» (Россия, Сургут)

E-mail: ef.el.vik@yandex.ru

Сургутский район – одно из крупнейших муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с мощным ресурсным потенциалом и инфраструктурным комплексом, обширными территориями, на которых представители локальных этнических групп сохраняют традиционные формы природопользования и хозяйствования. В границах Сургутского района выявлено наибольшее число объектов культурного наследия, в сравнении с показателями других муниципальных образований Югры. Именно здесь расположены такие крупные археологические комплексы как Барсова Гора, Сайгатино, Ермаково. Совокупность этих факторов в условиях высоких темпов урбанизации, техногенного и промышленного освоения территории Сургутского района, на фоне общего стремительного роста унификации форм межличностных коммуникаций, определила объективную необходимость в создании здесь рекреационных кластеров с насыщенным и проявленным в социокультурную среду историческим содержанием. Первой площадкой апробации такого подхода к развитию территории стал объект культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора» [Приказ Службы государственной охраны..., 2012], в границах которого по инициативе главы Сургутского района А. А. Трубецкого с 2021 г. реализуется масштабный проект – музейно-туристический комплекс «Барсова Гора». В его состав входят два крупных объекта – туристическая тропа «ЧелоВечность» и музей «Барсова Гора», которые спроектированы в центральной части достопримечательного места в зоне нахождения 32 объектов культурного (археологического) наследия.

Местоположение туристической тропы «ЧелоВечность» определено проектом в заповедной зоне А1 на землях, входящих в состав лесного фонда. Это во многом определило объемно-планировочные и конструктивные особенности объекта, спецификацию предусмотренных проектом материалов, а также необходимость соблюдения требований к разработке комплекта лесоустроительной документации и документации по обеспечению сохранности объектов культурного наследия [см.: Раздел «Мероприятия по обеспечению сохранности...», 2022а; 2022б]. В 2021–2023 гг. на Барсовой Горе выполнены работы I, II и III этапов благоустройства туристической тропы, в результате которых здесь была установлена сеть пешеходных дорожек общей площадью более 11 000 кв. м и протяженностью порядка 4 км [см.: Туристическая тропа «ЧелоВечность»]. Она включила маршруты по равнинной и пересеченной местности, которые объединили 43 тематические локации (2 из них представлены смотровыми площадками) с размещенными в них 13 арт-объектами и интерактивным оборудованием (сенсорные киоски, лазер, стационарные VR-шлемы). Туристическая тропа последовательно знакомит посетителей с гипотезами происхождения урочища как ценного геологического образования, с биоценотическим разнообразием и реликтовыми растениями, произрастающими на Барсовой Горе вплоть до настоящего времени, современным фаунистическим комплексом и животными плейстоценовой фауны, обитающими в древности на этой территории, с бытом людей, населявших Барсову Гору в течение девяти тысяч лет в эпохи камня, бронзы, железа и Средневековья. В 2024 г. тропу дополняют еще три масштабные интерактивные локации, представленные палеонтологическим раскопом с точной копией скелета мамонтенка из фондов Зоологического музея Зоологического института РАН; натурной реконструкцией жилища эпохи металла, созданного по материалам, полученным в результате археологических полевых работ, проводимых на Барсовой Горе

археологической экспедиции Уральского государственного университета во второй половине XX в., и экспозиционно-выставочным павильоном с интерактивной зоной, в котором будет представлена в оцифрованном виде коллекция барсовогорских предметов из фондов Государственного Эрмитажа.

В период 2024–2025 гг. на территории Барсовой Горы будет осуществлено строительство здания одноименного музея, которое станет функциональной и смысловой доминантой музейно-туристического комплекса. Оно спроектировано с учетом соблюдения требований к размещению объектов капитального строительства в селитебной зоне достопримечательного места Б1 с учетом передового опыта в области проектирования и архитектуры, эстетики минимализма и будет отвечать современным требованиям к хранению и экспонированию музейных коллекций. Здесь разместятся экспозиционные залы, мультимедийный многофункциональный конференц-зал, фондохранилища, лаборатории, реставрационные мастерские и архив [см.: Музей «Барсова Гора»]. Наличие собственных фондохранилищ, которые по проектным данным смогут вместить порядка 200 000 единиц хранения, позволит обеспечить надлежащее хранение археологических, этнографических, ботанических и геологических коллекций, а также коллекций смешанного типа.

Ключевая идея, положенная в основу музейно-туристического комплекса, заключается в создании на Барсовой Горе особого коммуникативного пространства, последовательно и комплексно раскрывающего смыслы репрезентативного исторического содержания и неповторимого природного окружения достопримечательного места и осуществляется, во-первых, через современные формы музеефикации наследия под открытым небом *in situ*, технологии натурной реконструкции, визуализацию вещевой среды, интерактивные VR-панорамы; во-вторых, через игровые механики, реализованные в сенсорных интерактивных киосках и в мобильном приложении «ЧелоВечность»; в третьих, через современные формы построения стационарной экспозиции музея и взаимодействия с музейной аудиторией, что, в свою очередь, требует разработки научной концепции стационарной экспозиции музея Барсова Гора и научной концепции комплектования музейных фондов. Кроме того, полноценная деятельность по популяризации культурного и природного наследия такого масштабного комплекса как Барсова Гора, невозможна без системной научно-исследовательской деятельности, в числе генеральных направлений которой следует назвать изучение Барсовой Горы в археологическом отношении, определение культурной принадлежности недатированных объектов и выявление новых памятников археологии на территории урочища; расширение природоведческих исследований, разработку и реализацию проектов по укреплению береговой террасы, снижению темпов оврагообразования, деградации почв и экосистем.

Таким образом, музейно-туристический комплекс «Барсова Гора» — это поистине масштабный проект, основанный на синтезе академических исследований и передового опыта в сохранении и популяризации культурного наследия, не имеющий в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре аналогов, ни по специфике, ни по размаху, ни по сложности. В то же время, этот комплекс имеет все шансы стать передовым научно-исследовательским центром по разработке и апробации новых форм и технологий музеефикации культурного и природного наследия.

Библиографический список

- Музей «Барсова Гора». Т. 2. Раздел 2. Схема планировочной организации земельного участка. Шифр: 22-10-21-ПЗУ. Стадия: Проектная документация // БИИКФ Сургутского района. Ф. Р-7. Оп. 5. Д. 375.
- Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Об утверждении границ территории, характера использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора» от 30.10.2012 № 13-нп // Официальный сайт Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://nasledie.admhmao.ru/dokumenty/prik/230086/> (дата обращения: 14.03.2024).
- Раздел «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия городища Барсов городок II/1, селища Барсова гора II/1, городища Барсов городок II/2, селища Барсова гора II/2, городища Барсов городок II/3, селища Барсова гора II/3, городища Барсов городок II/4, городища Барсов городок II/5, городища Барсов городок II/6, селища Барсова гора II/6, городища Барсов городок II/7, городища Барсов городок II/8, селища Барсова гора II/14, городища Барсов городок II/16, стоянки Барсова гора II/16а, селища Барсова гора II/16, стоянки Барсова гора II/17, селища Барсова гора II/18, селища Барсова гора III/62, селища Барсова гора III/63, городища Барсов городок IV/1, селища Барсова гора IV/1, селища Барсова гора IV/3, селища Барсова гора IV/4, селища Барсова гора IV/5, селища Барсова гора IV/6, селища Барсова гора IV/7, селища Барсова гора IV/8, селища Барсова гора IV/9, селища Барсова гора IV/10, расположенных в границах объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора», подлежащих воздействию в ходе работ по обустройству объекта «Туристическая тропа «Человечность» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Сургут, 2022 // БИИКФ Сургутского района. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 762.
- Раздел «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия городища Барсов городок IV/1, селища Барсова гора IV/1, селища Барсова гора IV/11, селища Барсова гора IV/14, расположенных в границах объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора», подлежащих воздействию в ходе строительства объекта «Музей «Барсова Гора» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Сургут, 2022 // БИИКФ Сургутского района. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 764.
- Туристическая тропа «Человечность». Т. 2. Раздел 2. Схема планировочной организации земельного участка. Шифр: 22-10-21-ПЗУ. Стадия: Проектная документация // БИИКФ Сургутского района. Ф. Р-7. Оп. 5. Д. 376.

E. V. IGNATIEVSKAYA

MUSEUM AND TOURIST COMPLEX “BARSOVA GORA”: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND DEVELOPMENT STRATEGY

The paper presents the experience of implementing a large scale project “Barsova Gora Museum and Tourist Complex” in the territory of the archaeological site of the same name, an object of cultural heritage of regional significance located in the territory of the Surgut district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra; the author described the conceptual basis of the project, the specifics of its implementation under the conditions of restrictions related to its location in the territory of the cultural heritage site and the forest fund lands; in addition, the author outlined the key vectors for the project development strategy in the medium and long term.

Elena V. Ignatievskaya – Candidate of Historical Sciences, Scientific and Production Museum Center “Barsova Gora” (Russia, Surgut)
E-mail: ef.el.vik@yandex.ru

А. В. КОСТЮКЕВИЧ

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕТАЛЛА ПРИ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА С МУЗЕЯМИ ЮГРЫ**

В последние годы в запасники Института истории поступает значительное количество металлических изделий. Ввиду своего состояния, данные изделия не могут храниться в фондах и экспонироваться на выставке, так как будучи не стабилизированными, они подвергаются происходящему в них самопроизвольному процессу разрушения, который в конце концов полностью уничтожает железо. Из-за этого из научного оборота выпадает целый корпус изделий, среди которых встречаются уникальные для нашей территории экземпляры. Поэтому до недавнего времени остро стоял вопрос стабилизации и консервации таких изделий. В конце 2019 г. при содействии администрации Института истории при отделе сохранения и использования археологического наследия создана экспериментальная лаборатория по стабилизации и консервации археологического железа. За прошедший период более 300 железных изделий прошли полный цикл стабилизации с последующими мероприятиями по консервации и реставрации.

Костюкевич Анастасия Владимировна – к.и.н., Институт истории НАН Беларуси (Республика Беларусь, Минск)
E-mail: kostukevith@yandex.ru

В 2019 г. при отделе сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси организована экспериментальная лаборатория стабилизации и консервации археологического железа. В 2023 г. возможности лаборатории расширены до работы не только с железом, но и с медными сплавами и мягкими металлами.

Реставрация археологического наследия играет ведущую роль в его сохранении. Практически все металлические изделия, извлеченные из погребенных условий и не прошедшие через циклы стабилизации и консервации, рано или поздно начинают разрушаться в силу процесса активной коррозии, протекающего на молекулярном уровне. Разрушению способствуют почвенные и/или пылевые загрязнения на поверхности предмета, некорректные реставрационные вмешательства в прошлом (особенно здесь следует отметить использование клея ПВА, расплавленного парафина, ортофосфорной и уксусной кислот), а также ненадлежащие условия хранения (скачки температуры и повышенная влажность). Именно поэтому настолько важна стабилизация предмета. В стабилизированном артефакте коррозионные процессы протекают очень медленно (полностью остановить данный процесс физически невозможно), и счет идет не на месяцы, как в случае с активной коррозией, а на десятки и даже сотни лет.

Методика стабилизации археологического железа в растворе щелочного сульфита, подробно описанная в работах С. Г. Буршневой, успешно применяется в Институте истории НАН Беларуси на протяжении пяти лет [Буршнева, Кузнецова, Смирнова, 2012, с. 140]. Для ускорения воздействия щелочного сульфита, применяется ультразвук [Буршнева, 2020, с. 225–226].

Изначально предполагалось, что деятельность лаборатории будет направлена лишь на огромный массив предметов, находящихся в запасниках Института истории, и на новые находки, выявленные в ходе последних археологических изысканий. Однако со временем ситуация сложилась так, что за помощью в Институт истории начали обращаться

хранители коллекций республиканских, районных и областных музеев — Национального исторического музея Беларуси, Витебского областного краеведческого музея, Рогачёвского районного историко-краеведческого музея.

Изделия передавались в работу по актам временного хранения на период реставрации.

Всего за прошедший год были отреставрированы 28 железных изделий из фондов Национального исторического музея, пять из Витебского областного краеведческого музея и один из Рогачёвского районного историко-краеведческого музея. На данный момент указанные предметы находятся на экспозициях; за последние полгода признаков активной коррозии выявлено не было [Костюкевич, Шарковская, в печати].

Этот опыт может оказаться полезным при сотрудничестве с музеями Югры, ведь благодаря активному внедрению реставрационных технологий значительно повышается точность интерпретирования металлических изделий. Соответственно, увеличивается количество единиц, вводимых в научный оборот, и повышается качество дальнейших исследований.

Очень важен аспект сохранения археологических коллекций для будущих поколений исследователей. Стабилизация и консервация археологического железа успешно справляется с этой задачей. Здесь также нужно отметить, что все материалы, используемые в процессе реставрации экспонатов, являются обратимыми, и в случае необходимости в будущем могут быть удалены с предметов для проведения новых реставрационных мероприятий.

Нельзя оставить без внимания и то, что железные предметы, прошедшие процедуру стабилизации и консервации с последующим восстановлением утраченных элементов, обретают экспозиционный вид. Благодаря этому они могут выставляться как в музеях, так и на выездных выставках. Подобная деятельность способствует популяризации науки и исторической грамотности населения.

Библиографический список

- Буршнева С. Г., Кузнецова О. Б., Смирнова Н. В. Исследование и тестирование метода стабилизации железных археологических предметов с применением ультразвука // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства. Материалы III научно-практической конференции, посвященной 15-летию Эрмитажной школы реставрации. Екатеринбург, 2012. С. 139–146.
- Буршнева С. Г. Опыт применения ультразвука для стабилизации железных археологических предметов с активной коррозией // Поволжская археология. 2020. № 4 (43). С. 223–235.
- Костюкевич А. В., Шарковская Н. Ю. Возвращенные Двиной (опыт реставрации копий, переданных ОСВОД витебскому областному краеведческому музею) // Віцебскі край: матэрыялы IX Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край» (в печати).

A. V. KOSTYUKEVICH

**EXPERIMENTAL LABORATORY FOR STABILIZATION AND CONSERVATION
OF ARCHAEOLOGICAL METAL OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE NATIONAL ACADEMY
OF SCIENCES OF BELARUS: PROSPECTS FOR DEVELOPMENT AND COOPERATION
WITH THE UGRA MUSEUMS**

In recent years, special collections of the Institute of History received a significant number of metal items. Due to their condition, these items cannot be stored in the funds or exhibited in museum displays, since, being not stabilized, they suffer from a spontaneous destruction process, which leads eventually to

a complete destruction of iron. Because of this, a significant body of artifacts, some of which are unique for our territory, becomes unavailable for academic research. Therefore, until recently, the Institute of History faced a serious issue of stabilization and preservation of such items. At the end of 2019, with the assistance of the administration of the Institute of History, an experimental laboratory for stabilization and conservation of archaeological iron was established within the Department of Conservation and Use of Archaeological Heritage. Over the past period, more than 300 iron artifacts were exposed to a full stabilization cycle with the subsequent conservation and restoration procedures.

Anastasia V. Kostyukevich — Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)
E-mail: kostyukevith@yandex.ru

С. А. ПАХОМЧИК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ И ИХ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ТУРИЗМ

В докладе рассмотрен вопрос развития внутреннего туризма и использование музеев в качестве опорных учреждений культуры, определяющих бренд местности, в которой они функционируют. Показана музейная сеть региона и место музеев этнографического направления. Приведены примеры вовлечения таких музеев во внутренний туризм и некоторые их передовые практики.

Пахомчик Сергей Алексеевич — к.э.н., Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)
E-mail: homa380@yandex.ru

Развитие внутреннего туризма сегодня является актуальным направлением в развитии региональных экономик многих субъектов Российской Федерации. Тюменская область в последние годы активно позиционирует себя как термальная столица России. Привлечение потока туристов из других регионов и зарубежных стран является актуальной задачей на среднесрочную перспективу. По данным статистики, в последние годы турпоток стабильно растет. Ежегодный прирост находится на уровне 20 %. Предпринимаются активные усилия по формированию в регионе необходимой для индустрии гостеприимства инфраструктуры.

Прежде всего, обеспечение транспортной доступности для приезжающих из-за пределов области туристов. Авиасообщение с крупными центрами страны — Москвой, Санкт-Петербургом, Новосибирском, Екатеринбургом, Казанью, Нижним Новгородом и другими мегаполисами постоянно улучшается. Построен и введен в эксплуатацию новый аэропорт в Тобольске имени С. У. Ремезова. Реконструируется и расширяется аэропорт Рошино имени Д. И. Менделеева в Тюмени. Организуются железнодорожные туристические маршруты, включая федеральный «Императорский маршрут», «От кремля до кремля», связывающий Казань, Тюмень, Тобольск и др. Совершенствуется и повышается качество автомобильных дорог, включая строящуюся скоростную автомобильную трассу: «Москва — Казань — Екатеринбург — Тюмень».

Заметно улучшается состояние гостиничной сети. Строятся новые комфортабельные отели, гостиницы, гостевые дома, кемпинги, глэмпинги, хостелы и пр. Появляется все больше отелей VIP уровня в Тюмени, Тобольске, Ишиме. Есть возможность выбора, от фешенебельных

отелей (типа «Сибирь», «Евразия», «Лето-Лето» — в Тюмени; «Георгиевская», «Азимут» — в Тобольске) до хостелов, гостевых домов. Растет общий уровень гостиничного сервиса.

Индустрия питания так же прогрессирует. Появляются новые рестораны, кафе, столовые и прочие точки питания.

Развиваются информационно-туристические центры и бюро. Они открыты и функционируют в Тюмени и Тобольске. Улучшается навигация для туристов. Указатели, баннеры, туристические знаки, выполненные красочно и со вкусом, на улицах многих городов области и других населенных пунктов уже стали привычным делом.

Важное место в туристической индустрии играет музейная и экскурсионная составляющие. Музейный ландшафт Тюменской области становится более разнообразным и интересным [Пахомчик, 2021, с. 334–336]. Музейное разнообразие позволяет предоставить туристам более широкий выбор мест для посещения с познавательной траекторией. Музейная сеть Тюмени и Тюменской области может предложить широкий выбор возможностей посещения.

Музеи этнографической направленности представлены в музейном ландшафте Тюменской области достаточно скромно. Пока здесь нет крупных, широко известных этнографических музеев-заповедников (такого масштаба как: Новые Карелы, Кижы, Шушенское, Сибирская писаница). Но в последние годы на музейной карте региона появились интересные музеи и музеефицированные пространства.

Помимо уже зарекомендовавших себя Археологического музея-заповедника на озере Андреевское, вблизи Тюмени, Ембаевского сельского музея (татарской культуры, искусства и быта), музея в селе Чикча Тюменского района и др., в последние десятилетия появились новые: «Увас-МИР хот» — Дом северных людей — музей под открытым небом в деревне Кыштырла; этнопарк «Юрибей» вблизи деревни Черная речка Тюменского района, музей «Сибирская усадьба» в селе Нижняя Тавда, музей Истории сибирского села в деревне Насекина Тюменского района, Пасад сибирских старожилов в Тобольске, Ялуторовский острог в Ялуторовске, «Кучумово городище» вблизи села Преображенское Тобольского района, туристический комплекс «Южное» Исетского района, сельские музеи в деревнях Маранка Ярковского и Ивановка Ялуторовского районов, этно-поселение «Росичи» у деревни Никитина Ярковского района и др. Создается татарский культурно-туристический центр в селе Аслана Ялуторовского района и т. д.

В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Ямало-Ненецком автономном округе этнотуризм становится все более популярным направлением внутреннего туризма. В ХМАО среди наиболее заметных музейных объектов этнографического направления следует упомянуть следующие: культурно-исторический археопарк в Ханты-Мансийске на Самаровском чугасе, этнографический музей под открытым небом — Торум-МАО в Ханты-Мансийске, музей-заповедник «Барсова Гора» в Сургутском районе, древнее городище Эмдер вблизи г. Нягани, многочисленные этностойбища в местах компактного проживания ханты (в Нижневартовском, Сургутском, Белоярском районах) и т. д.

В ЯНАО среди объектов этнотуризма следует назвать Горно-Князевский этно-поселок в Приуральском районе, Музейное объединение имени Шемановского, Обдорский острог в Салехарде, этно-стойбища в районах компактного проживания ненцев (Ямальском,

Тазовском, Красноселькупском, Пуровском, Приуральском, Мужевском районах округа) и др.

На границе округов ХМАО и ЯНАО располагается священное озеро Нумто. При нем создан уникальный национальный парк, получивший свое название от озера. Контуры озера напоминают фигуру человека, небольшие острова – сердце и глаза. Местные жители еще называют его Божьим или небесным озером. Существует много легенд, мифов и преданий об этом водоеме. На территории, прилегающей к Нумто нельзя воевать, запрещен лов рыбы, промысел диких животных. На острове «Сердце» нельзя рвать траву, собирать ягоды и грибы.

Вышеназванные и другие музеи и пространства демонстрируют и несут посетителям и туристам культуру и искусство народов региона, знакомят с их национальными особенностями (историческими, языковыми, гастрономическими и др.), с фольклором, одеждой, предметами быта. В них проводятся важные событийные мероприятия: фольклорные и гастрономические фестивали, отмечаются народные праздники. Здесь демонстрируют танцы, песни, национальную музыку и инструменты.

Весьма популярны у северных народов национальные праздники. Наиболее известные из них: Праздник водяного царя Витхона, Праздник Обласа, Вороний праздник, Медвежий праздник, День оленевода, Сабантуй и другие.

Народы Тюменского Севера богаты талантами. Их много среди искусных мастеров-резчиков по кости и дереву. В домах ремесел, Тобольской косторезной фабрике, в пошивочных мастерских оленеводческих и звероводческих сельскохозяйственных предприятий изготавливают сувенирную продукцию и изделия народных промыслов. Туристы могут приобрести на память о посещении сувениры с оригинальной северной символикой из кости, мехов, оленьих шкур, дерева, бересты и других местных материалов.

Туристические группы и индивидуальные путешественники могут на огромной территории Тюменской области увидеть и ознакомиться с большой палитрой национальных культур от казахской – на самом юге области – до ненецкой на самом ее севере. Многонациональный состав населения территории позволяет увидеть оригинальность и своеобразие разных народов, ее населяющих: русских, украинцев, белорусов, сибирских татар, чувашей, коми-зырян, ханты, манси, ненцев, селькупов, армян, азербайджанцев, грузин и многих других во всем его многообразии.

Диалог культур разных народов – залог мирного существования, дружбы народов, взаимопонимания, сотрудничества и солидарности. Роль этнографических музеев и пространств, вовлеченных в туристическую деятельность, в том числе под открытым небом, и археологических или с их элементами, велика как трансляторов знаний и информации о народах и этносах, живущих ныне и проживавших в предшествующие периоды жизни на нашей территории.

В стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2030 г. поставлены задачи сохранения и преумножения объектов культурного наследия. Этнографические и археологические музеи в ближайшей перспективе будут играть все более возрастающую роль в этом важном деле.

Библиографический список

Пахомчик С. А. Музейный ландшафт Тюменской области 21 столетия // Всероссийская научно-практическая конференция Шестые Ядринцевские чтения. Омск, 2021. С. 334–338.

S. A. PAKHOMCHIK

ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC OPEN-AIR MUSEUMS AND THEIR INCLUSION IN TOURISM INFRASTRUCTURE

The focus of the report is the development of domestic tourism and the use of museums as the anchor cultural institutions defining the brand of the area in which they operate. The author describes the museum network of the region and the place of ethnographic museums in this system. The report gives several examples of the inclusion of such museums in domestic tourism programs and describes some of their best practices.

Sergey A. Pakhomchik — Candidate of Economic Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: homa380@yandex.ru

Л. В. СТЕПАНОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО АВТОНОМНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА» В СФЕРЕ НАСЛЕДИЯ

Представлена новационная модель освоения и популяризации наследия достопримечательного места регионального значения, разработанная и реализуемая Муниципальным автономным учреждением Сургутского района «Научно-производственный музейный центр «Барсова Гора» (ХМАО – Югра). Выделены и охарактеризованы проблемно-тематические блоки модели, показана их содержательная сущность. Рассмотрены форум «Бахлыковские чтения», совещание «Культурное наследие: диалог поверх границ», направленные на рефлексию на российском и международном уровне процессов и перспектив освоения уникального археологического памятника «Барсова Гора». Акцентировано внимание на системной культурно-образовательной работе МАУ СР «НПМЦ «Барсова Гора» с учащимися школ, молодежью, населением Сургутского района: «Первый культурно-образовательный молодежный форум «Друзья Барсовой Горы» под девизом «Ищем волонтеров!», лекции «Игры Барса», «Бусины Барсовой Горы», экскурсии на новационной Туристической тропе «ЧелоВечность». Подчеркнуто значение интеграции власти и бизнеса, учреждений науки, культуры, образования для социально-ориентированной актуализации наследия Сургутского района.

Степанова Людмила Васильевна — Научно-производственный музейный центр «Барсова Гора» (Россия, Сургут)
E-mail: stepanovalv51@mail.ru

В современный период актуальную и перспективную роль в социально-значимом освоении археологического и этнографического наследия Сибири, Сургутского района приобретают интеграционные формы не только научно-исследовательской, но и организационной, популяризаторской, туристической деятельности.

Одним из главных направлений деятельности МАУ СР «НПМЦ «Барсова Гора» является поиск наиболее эффективных форм и способов сохранения, изучения, использования, популяризации в России и за рубежом объекта наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» [Игнатъевская, Степанова, 2022]. С учетом интенсификации внутреннего туризма встал вопрос о превращении названного

достопримечательного места в действующий ресурс социально-экономического развития, создании на его основе современного музейно-туристического центра.

С этой целью разработана и реализуется комплексная модель, включающая следующие проблемно-тематические блоки:

- научно-организационные мероприятия (конференции, форумы, совещания и др.);
- информационные технологии: интернет-ориентированные программы, мультимедийная музеефикация наследия;
- новационный объект освоенного наследия – «Туристическая тропа «ЧелоВечность»;
- научно-образовательное и социокультурное сопровождение музейного центра «Барсова Гора» [Степанова, 2023].

В первом блоке модели приоритетную роль играет проект «Бахлыковские чтения», реализующийся с 2003 г., первоначально как районная конференция. Мероприятие по праву носит имя П. С. Бахлыкова – основателя и первого руководителя Угутского краеведческого музея, Почетного гражданина Сургутского района, Заслуженного работника культуры РФ и ХМАО – Югры, исследователя и хранителя историко-культурного наследия, художника, поэта, писателя. На IX «Бахлыковских чтениях» (2022 г.) в качестве организаторов, докладчиков и онлайн-участников для обсуждения проблемы социокультурной актуализации достопримечательного места «Барсова Гора» и инициативного проекта Сургутского района – «Туристическая тропа «ЧелоВечность» было привлечено 7268 человек.

В настоящее время «Бахлыковские чтения» – масштабный общественно-значимый Всероссийский с международным участием научно-практический форум. Это единственная в Югре активно развивающаяся, постоянно действующая экспертная площадка, в центре внимания которой археологическое, этнокультурное, мемориальное наследие. Она стала эффективной межведомственной и междисциплинарной формой интеграции учреждений культуры, науки, образования в освоении наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, формирует устойчивые научные и социокультурные связи, актуальные для Сургутского района, Сибирского региона в целом.

Важную роль в определении перспектив развития «Барсовой Горы» как уникального комплекса археологических памятников от неолита до Нового времени сыграло международное научное онлайн-совещание «Культурное наследие: диалог поверх границ» (10 декабря 2021 г.). Его результаты сформировали общественное мнение о необходимости создания музея на территории урочища Барсова Гора, включения достопримечательного места в мировое научное культурное и туристическое сообщество.

Постоянное научно-образовательное и социокультурное сопровождение достопримечательного места «Барсова Гора» ориентировано на население, учащихся общеобразовательных школ Сургутского района, туристов. Для вовлечения талантливой молодежи в научную деятельность 2–3 сентября 2023 г. был организован проект «Первый молодёжный культурно-образовательный форум «Друзья Барсовой Горы» под девизом «Ищем волонтеров!». В нем приняли участие ученые, преподаватели вузов и школ, сотрудники музеев и культурных центров, а главное – 100 учащихся средних общеобразовательных школ Сургутского района. В программу Форума были включены научно-популярные лекции по истории, археологии, экологии ведущих ученых Уральского региона, практические занятия, пешие экскурсии, а также тематические мероприятия на локационных площадках

туристической тропы «ЧелоВечность», мастер-классы. В завершении Форума прошло посвящение участников в «Волонтёры Барсовой Горы».

Дети — целевая аудитория для «Научно-производственного музейного центра «Барсова Гора». Системная работа с учащимися всех школ Сургутского района является одним из приоритетных направлений его деятельности. Культурно-образовательные проекты МАУ СР «НПМЦ «Барсова Гора» для учащихся Сургутского района: форумы, лекции «Игры Барса», «Бусины Барсовой Горы», викторины, игры, выходящие за рамки учебной программы, помогают школьникам с интересом изучать историю, формировать гражданско-патриотическую позицию, влиять на будущее родного края.

Вышеназванные социальные и социокультурные проекты позволяют привлечь внимание общественности и государственных органов власти на проблемы в сфере наследия. Привлечение инвестиций, развитие механизмов сотрудничества муниципального учреждения «Барсова Гора» с органами власти и бизнеса, культуры и образования видятся в объединении их усилий в интересах социально-экономического развития территории Сургутского района. Сегодня это особенно актуально в свете возрастающей необходимости вовлечения культурного наследия в процессы устойчивого развития территорий России, Сибирского региона, обеспечения социальной стабильности. Комплексное освоение, с учетом его уникального археологического наследия мирового уровня, и социокультурная актуализация наследия Достопримечательного места регионального значения «Барсова Гора» является значимой основой для современного и перспективного развития музейного центра «Барсова Гора».

Библиографический список

- Игнатъевская Е. В., Степанова Л. В. Комплексный подход в сохранении достопримечательного места «Барсова Гора» — сакрального места в мировоззрении народа ханты // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «VII Бахлыковские чтения» (г. Лянтор, 29–31 октября 2018 г.). Сургут, 2022. С. 23–26.
- Степанова Л. В. Новационная модель освоения наследия «Достопримечательного места регионального значения «Барсова Гора» // Новое краеведение. Место и роль музеев в социокультурном пространстве России: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 26–28 июня 2023 г. Барнаул, 2023. С. 388–391.

L. V. STEPANOVA

SOCIO-CULTURAL AND EDUCATIONAL PROJECTS OF SURGUT DISTRICT MUNICIPAL AUTONOMOUS INSTITUTION OF THE SURGUT REGION HISTORICAL AND CULTURAL RESEARCH AND PRODUCTION CENTER “BARSOVA GORA” IN THE FIELD OF HERITAGE

The author presented an innovative model for the opening up and popularization of the regional heritage object, developed and implemented by the MAI SPMC “Barsova Gora” (KhMAO — Ugra). The report highlighted and characterized the problem-thematic blocks of the model and explained their substantive content. The author referred to the “Bakhlykov Conference” materials and the meeting “Cultural Heritage: Dialog Across Borders”, related to discussing the processes and prospects for the opening up of the unique archaeological site “Barsova Gora” in the national and the international contexts. Attention is focused on systemic cultural and educational work of Surgut district MAI SPMC “Barsova Gora” involving the high school students, young people, and the general population of the Surgut district: the first cultural and educational youth forum “Friends of the Barsova Gora”, the main message of which was “We are looking for volunteers”; lectures “Games of the Leopard”, “Beads of Barsova Gora”, excursions along

the innovative Tourist Trail “Human Eternity”. The report emphasized the importance of collaboration of the government with business, research, cultural, and education institutions for the socially oriented actualization of historical heritage of the Surgut district.

Ludmila V. Stepanova – Scientific and Production Museum Center “Barsova Gora” (Russia, Surgut)
E-mail: stepanovav51@mail.ru

Ч. СЮНЬМИН

ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ПОТОМКИ ОСНОВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КАГАНАТА ЖОУЖАН

Ханты и манси, проживающие в Западной Сибири на территории России, принадлежат к общей этнической группе с долгой историей. Их предки изначально населяли обширные территории Северной Евразии и основали могущественный каганат Жоужан в IV–VI вв. После того, как этот каганат был уничтожен тюркскими племенами, этническая группа жоужан расселилась по всей территории Северной Евразии и даже Восточной Европы. Те из них, кто осел в Западной Сибири, изменили название своей этнической группы, и стали называться уграми, предками современных народов ханты и манси.

Сюньмин Чэнь – Институт культуры Академии общественных наук провинции Гуйчжоу (Китай, Гуйян)
E-mail: xunming.chen@163.com

Жоужан был каганатом в Северной Азии во время Северной и Южной Династий Китая (IV–VI вв. н. э.). Вопрос происхождения этнической группы жоужана китайские и зарубежные ученые обсуждали на протяжении нескольких веков, но до сих пор не удалось достичь общего понимания. В докладе представлены основные взгляды китайских ученых по этому вопросу.

1. Жоужань (как и сяньбэй) был составной частью этнической группы донху [Группа по сбору..., 1962].

2. Жоужан – это часть народа сяньбэя [Вэй Шоу, 1974].

3. Жоужан – это потомки сюнну [Ван Цыи, Чжоу Сяовэй, 2007].

4. Жоужан – это объединение нескольких северных народов [Дин Цянь, 1915].

5. Жоужан принадлежал тюркской языковой семье [Ли Шухуэй, 2010].

6. Жоужан – это монголы [Суджибадалаха, 1986, с. 41].

7. Жоужан – это чжурчжэны [Ян Сяньи, 2006, с. 262–263].

8. Жоужан – это часть восточного народа хуэй [Чэнь Фуюань, 1985, с. 63–67].

9. Жоужан – это общий потомок донху и сяньбэя [Юань Ган, 2021, с. 34].

Каждое из перечисленных мнений, возможно, имеет право на существование, но мне с ними сложно согласиться. Считаю, что правильный ответ скрыт в начале специальной главы об этнической группе жоужан в «Истории династии Вэй»:

Жоужан – это потомки этнической группы дунху с фамилией Юйцзюлюй (郁久閼). В конце правления императора Шэнь-Юаня занимавшийся грабежом всадник добыл раба, у которого волосы на голове выросли лишь до линии бровей. Поскольку он не помнил ни своей фамилии, ни имени, хозяин дал ему прозвище Мугулюй, что означает «облысая голова». Мугулюй (*Mugulù*) и Юйцзюлюй (*Yujulù*) близки по произношению,

поэтому впоследствии потомки этого раба сделали Юйцзюлюй своей фамилией [Группа по сбору..., 1962].

В этом тексте фраза «Мугулюй и Юйцзюлюй близки по произношению» особенно важна, ведь она является ключом к расшифровке названия этнической группы жоужан. Может ли “Му (*Mu*)” и “Ю (*yù*)”, “Гу (*Gu*)” и “Цзю (*Jiu*)” читаться одинаково? Это связано с фонологической проблемой: самоназвание этнической группы и ее название со стороны внешних сообществ не всегда одинаковые. Трудно сохранить оригинальное произношение, когда его переводят на другие языки. Кроме того, древнее и современное произношение одного и того же китайского иероглифа не всегда совпадают. Теория ученого из Династии Цина Цянь Дасиня «при транслитерации не может быть выбран единственный иероглиф» общепризнана китайскими учеными. Конечно, это не означает, что можно перевести как угодно, в любом случае, необходимо соблюдать определенные правила.

В современном китайском языке 郁久闾 читается как *Uì jiǔ lǘ*. Однако во время Северной и Южной династий, а также до и после этой эпохи, его произношение отличалось. Иероглиф 郁 по-современному правилу произношения читается как *yù* (Ю), а по древнему правилу — *Wu* (У). Даже в династии Тан в некоторых случаях у одного и того же иероглифа есть два варианта произношения: настоящий и древний. Например, 吁嚱 в знаменитом длинном стихотворении Ли Бая «Дороги в Шу труднопроходимы» — отличный пример того, как вместо «юйси» надо читать «Уху» (呜呼). Термин буддийских писаний 南无阿弥陀佛 не читается “*Nān wú ā mí tuō fó*”, а следует читать как “*Nā mó ē mí tuō fó*”. Согласно книге ученого из династии Тана Хэ Чао «Произношение и значение слов в Истории династии Цзинь», начальный согласный звук, который читался в то время *J*, в древности в основном читался как *g* (международный фонетический алфавит [k]). Например, 狡 цзяо (хитрый), читался как гао; 贾 цзя (бизнесмен) читался как гу и так далее. Названия некоторых мест недалеко от Пекина, которые когда-то принадлежали каганату Жоужан или были рядом с ним, до сих пор сохраняют то произношение, которое было в то время. Нынешние 崔各庄 (*Cuī gè zhuāng*, Цуй ге чжуан) и 何各庄 (*Hé gè zhuāng*, Хэ ге чжуан) — это древние 崔家庄 (*Cuī jiā zhuāng*, Цуй Цзя чжуан) и “何家庄” (*Hé jiā zhuāng*, Хэ Цзя чжуан). На самом деле 各 (*Ge*, Ге) — здесь надо писать и понимать как 家 (*Jiā*, Цзя). Иероглиф 解 в слове “解放” (освобождение) теперь читается как *jiè*, а в древности — *gai*.

Следовательно, согласно произношению того времени, существует по крайней мере два прочтения Юйцзюлюй 郁久闾. Первое: вугул или вугур (*Wuguer*, 乌古尔); если опустить согласную в конце слова, то читается как вугу (*Wugu*, 乌古). Второе: вгур (*Yugur*, 于骨尔), юджю (*Yuj*, 俞鞠) или юджуэ (*Yuju*, 于厥), юджуэлю (*Yujuel*, 姬厥律) и так далее.

Кажется, что буквальное значение слова «Юйцзюлюй», которое является фамилией каганской семьи Жоужан, не имеет ничего общего с названием народа или страны Жоужан, но на самом деле это не так, потому что мы имеем дело с древним и диалектным произношением слова «Жоужан». Согласно диалектам Северо-Восточного Китая, Шаньдуна и других мест, которые были частью территории каганата Жоужан, согласная “*R*” произносится как “*Yi*”, а «Жоужан» произносится не как “*Rouran*”, а как “*Youyan*”. Древнее произношение «цзюлю» в фамилии «Юцзюлю», *gul* или *gur*, также может быть переведено как “*ru*” или его омофоны. Причина, по которой ключевая буква “*u*” в конце слова была заменена на “*an*, *an*”, может быть, связана с такой привычкой, в конце названия народа или страны любили издавать гнусавый звук. Например: 铁烈-丁零 (*Tielie-Dingling*,

Теле-Динлин), 乞塔-契丹 (*Cathay-Qidan*, Кидань). Что касается перевода G на R, то такое изменение нетрудно увидеть даже в современном китайском языке. Например: *Germani* (Германия) переводится как 日耳曼 (*Ri er man*), *Niger* (Нигер) переводится как 尼日尔 (*Ni ri er*), *Nigeria* (Нигерия) переводится как 尼日利亚 (*Ni ri li ya*) и так далее.

Таким образом, для поиска потомков этнической группы или народа Жоужан можно употреблять только следующие названия этнических групп в китайских и зарубежных исторических документах: *Wugu*, вогу (乌古) или *Wugul*, угры, вогулы (乌古尔), *Yugur*, югры (于骨尔) или *Yuju* (俞鞠), *Yujue* (于厥), *Yujuelü* (妯厥律) и так далее.

Жоужан был уничтожен тюрками в 555 г. н. э. Каганат и его правители оказались стерты с лица земли, но этнические группы, из которых он состоял и которые в основном зарабатывали на жизнь кочевничеством, рыболовством и охотой, не погибли вместе с ним. Большинство из них пошло разными путями и искало новые земли для жизни. Их бегство было в основном направлено в малонаселенные места на востоке, севере и западе, которые были приспособлены к их образу жизни.

Какие же этнические группы в мире сейчас являются потомками каганата Жоужан? Я считаю, что, среди них народы ханты и манси, известные под общим названием угры или югры, когда-то основавшие свои собственные княжества в Западной Сибири. Они унаследовали не только славное имя каганата Жоужан, а также прекрасные традиции упорного труда этой этнической группы. В чрезвычайно сложных условиях они совершили ряд подвигов, которые вошли в анналы истории, и они также упорно трудились над развитием и созданием яркой национальной культуры, развивались в единстве с другими народами.

Как упоминалось выше, ханты и манси ранее были известны как «угры» или «югры», и у них есть близкие соседи — ненцы. Это не может не напоминать нам об обстановке, описанной в китайской «Истории династии Ляо», о многолетней близости и сложных взаимоотношениях между двумя этническими группами: угури (乌古里) с неле (涅烈) [Истории династии Ляо, 1974], поскольку это похоже на отношения между ханты, манси с ненцами. Конечно, мы отдаем себе отчет, что третья буква названия народа неле является краевым звуком Л, а не носовым звуком Н, и его нельзя путать с русским ненцы. Однако, следует обратить внимание на то, что в древнекитайском и даже в нескольких современных китайских диалектах, часто нет различия между краевым звуком L и носовым звуком N. Таким образом, неле, соседствующие с потомками этнической группы жоужан в «Истории страны Ляо» — это ненцы, соседствующие с ханты и манси.

Библиографический список

- 中国科学院历史研究所史料编辑组《柔然资料辑录》第1页。北京，中华书局，1962。[Группа по сбору научных материалов из библиотеки Академии наук Китая. Собрание материалов о Джоужане. Пекин, 1962. Ч. 1].
- 魏收《魏书》卷一百三，列传第九十一，《蠕蠕》传。李延寿《北史》第九十八卷，列传第八十六，《蠕蠕》传。北京，中华书局，1974。[Вэй Шоу. История династии Вэй. Т. 98. Т. 103. Пекин, 1974].
- 王其禕 周晓薇编著《隋代墓志铭汇考》第一册第192页。北京，线装书局，2007年。[Ван Цыи, Чжоу Сяовэй. Общее изучение эпитафий династии Суй. Пекин, 2007. Т. 1].
- 丁谦《蓬莱轩地理学丛书》第四册《〈梁书·夷貊传〉地理考证》。浙江图书馆，1915年。[Дин Цянь. Географические исследования по биографии диких племен династии Лян. Т. 4. Ханчжоу, 1915. (Сер. «География Пэнлайшуаня»)].
- 李树辉《乌古斯和回纥研究》第60 - 80页，北京，民族出版社，2010年。[Ли Шухуэй. Исследования Угу и Хуэйхэ. Пекин, 2010].

苏日巴达拉哈《蒙古族族源新考》第41页。北京，民族出版社，1986年。[Суджибадалаха. Новое исследование монгольского этнического происхождения. Пекин, 1986].
 杨宪益《译余偶拾》第262–263页。济南，山东画报出版社，2006年。[Ян Сяньи. Случайные замечания. Цзинань, 2006].
 陈发源《柔然族源探讨》，载《学术月刊》1985年第11期第63–67页。[Чэнь Фуюань. Дискуссия о происхождении народа Жоужан. Академическое ежемесячное издание. 1985. № 11. С. 63–67].
 张久和、刘国祥主编《中国古代北方民族史》之袁刚著《柔然卷》第54页。北京，科学出版社，2021。[Юань Ган. История древних народов Северного Китая. Пекин, 2021].
 辽史》，卷三十二、三十三、三十五、四十六、六十九。中华书局，1974。[Истории династии Ляо. Пекин, 1974. Т. 32, 33, 35, 46, 69].

Ch. XUNMING

THE WEST SIBERIAN DESCENDANTS OF THE MAIN ETHNIC GROUP OF THE KHAGANATE ZHOZHAN

The Khanty and Mansi living in Western Siberia of Russia belong to a common ethnic group with a long history. Their ancestors originally lived in the vast territories of Northern Eurasia and founded the powerful Zhouzhan Khaganate in the 4th–6th centuries AD. After this khaganate was destroyed by the Turkic people, the Zhouzhan ethnic group dispersed across Northern Eurasia and even Eastern Europe. Those who came to Western Siberia changed the name of their ethnic group to the Ugrians, the ancestors of the present-day Khanty and Mansi peoples.

Chen Xunming – Institute of Culture of the Academy of Social Sciences of Guizhou Province, (China, Guiyang)
 Email: xunming.chen@163.com

О. Н. ТРУЕВЦЕВА

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МУЗЕЕВ СИБИРИ

В докладе рассматривается возможность повышения роли традиционных музеев в сохранении и популяризации объектов исторического наследия, которые не входят в состав их коллекций. Появление новой функции обусловлено, с одной стороны, ограниченностью экспозиционных возможностей, изменениями потребностей посетителей, расширением новых видов музеев, связанных с музеефикацией объектов культурного наследия. С другой – бурным развитием электроники и информационных технологий, диверсификацией сферы использования виртуальных средств, их применение в музейной практике. В показан опыт сибирских музеев по внедрению в музейную практику инновационных технологий, обосновывается необходимость их использования с целью сохранения и популяризации их культурной, научно-познавательной, художественной, исторической ценности. Реализация данной функции будет способствовать актуализации традиционных форм и методов работы музеев, росту их популярности.

Труевцева Ольга Николаевна – д.и.н., Алтайский государственный педагогический университет (Россия, Барнаул)
 E-mail: truevtseva@yandex.ru

Наиболее заметными явлениями в музейном мире в последние три десятилетия стали музеефикация объектов культурного наследия и широкое внедрение мультимедийных технологий. Первое явление связано, преимущественно, с социальными процессами,

обусловленными, с одной стороны, глобализации, размыванием национальных культур, с другой — ответной реакцией этнических общностей по защите своих традиционных ценностей, поиску и публичному утверждению своей культурной идентичности. Второе — прямое следствие развития науки и техники, электронных технологий и их проникновение во все сферы жизни.

Казалось бы, сохранение и популяризация природного и культурного наследия прямая функция музеев, ведь именно для этого они и создавались. Однако существует целый ряд проблем в сфере сохранения архитектурного или археологического наследия.

Многие музеи занимают старинные здания, которые являются памятниками истории и архитектуры, но содержать их довольно сложно, особенно в условиях ограниченного финансирования и отсутствия специализированных хранилищ для сохранения фондов. В результате значительная часть исторических зданий не используется долгие годы и постепенно разрушается.

Еще хуже обстоит дело с археологическим наследием. В подавляющем большинстве случаев археологи, завершив раскопки, приступают к исследованию своих находок. Сами памятники находятся в компетенции органов государственной охраны культурного наследия, но у них не хватает специалистов и средств для охраны и популяризации этих объектов, в результате археологические памятники часто становятся объектами преступного промысла «черных копателей».

Не меньше проблем в сохранении и популяризации нематериального культурного наследия. Этот процесс не координируется и не регламентируется. Собранные этнографические и фольклорные материалы, в лучшем случае, пылятся в вузовских музеях и лабораториях и постепенно предаются забвению. Перечень проблем можно продолжить трудностями сохранения объектов природного наследия; достопримечательных мест; религиозно-исторических мест и т. п.

Перечисленные объекты необходимо охранять и популяризировать. Одним из способов сохранения является их музеефикация.

Наиболее весомый вклад в исследование и определение понятия музеефикация внесли М. Е. Каулен [2000; 2012; Российская музейная энциклопедия, 2001] и Э. А. Шулепова [1998]. В работах последней, музеефикация рассматривалась как механизм использования культурного наследия на региональном уровне. Большинство исследователей и практиков трактуют музеефикацию как преобразование объектов природного и культурного наследия в музейные объекты с целью сохранения, выявления и популяризации их культурной, научно-познавательной, художественной, исторической ценности. Чаще всего это происходит с недвижимыми историко-культурными памятниками: архитектурными сооружениями, дворцово-парковыми ансамблями, домами, в которых проживали выдающиеся личности, производственными зданиями, которые превращаются в музеи-дворцы, дома-музеи, музеи-усадеб, музеи-заводы, музеи-заповедники и др.

В последние годы эти процессы приобрели доминирующее значение и в создании музеев, и в привлечении посетителей. Сочетание рекреационных преимуществ музеев под открытым небом с ощущением достоверности, которую создает естественная среда бытования музейных предметов, в большей мере притягивает современного посетителя. Сегодня многие хотят получить целостную картину исторического развития во всем его

культурном многообразии. Одним из путей создания такой целостной картины является создание виртуальной среды, основанной на реальных объектах.

Еще несколько лет назад на это были способны только отдельные крупные музеи, располагающие огромными фондами, формировавшимися за счет поступления историко-культурных ценностей со всех уголков страны. Сегодня проекты, снабженные цифровыми гидами в формате дополненной реальности, начинают создавать и региональные музеи. В этом им помогает национальный проект «Культура» (2019–2024 гг.), а также федеральный проект «Цифровая культура». Так, согласно отчету, с марта по декабрь 2020 г. в рамках нацпроекта «Культура» государственные музеи провели 23 тысячи онлайн-мероприятий с общей посещаемостью 300 миллионов человек [Национальный проект «Культура»]. В 2023 г. финансирование проекта составило более 34 млрд рублей, что позволило реконструировать и оснастить современным оборудованием 316 региональных и муниципальных музеев [Минкульт России подвел итоги 2023 года, 2024].

В Сибири провинциальные музеи в рамках проектов и грантов активно оснащаются современным оборудованием. В Кемеровской области, например, в 2023 г. по нацпроекту «Культура», было приобретено новое выставочное и мультимедийное оборудование на общую сумму 17,3 млн рублей в четырех музеях: Музей-заповедник «Красная горка» и Музей изобразительных искусств в Кемерово, Музей-заповедник «Кузнецкая крепость» в Новокузнецке, Анжеро-Судженский городской краеведческий музей.

В Республике Хакасия в соответствии с национальным проектом «Культура», Федеральным проектом «Цифровая культура», созданы мультимедиа-гиды по экспозициям и выставочным проектам, при посещении которых возможно получение информации с использованием технологии дополненной реальности. Статистические данные показывают рост числа музеев, использующих мультимедиа.

В Национальном музее Республики Хакасия имени Л. Р. Кызласова создана серия виртуальных экспозиций на объекты, расположенные далеко за территорией музея. Успешно работает виртуальная экскурсия с дополненной реальностью «Виртуальная Хакасия», рассказывающая об археологическом памятнике Большой Салбыкский курган (V в. до н. э.), который расположен в 60 км от музея. С помощью автономной VR-гарнитуры с контроллерами «Виртуальная Хакасия» переносит нас в V в. до н. э., к Салбыкскому кургану, который тогда представлял собой двадцатиметровую насыпь. Контроллеры позволяют пострелять из лука, взять предметы утвари и топор, взаимодействовать с интерактивным окружением. Созданный на стыке истории и новых технологий проект позволяет всем желающим попасть во времена появления древнейших археологических памятников Хакасии, увидеть какими они были в момент создания, узнать, как их строили, и подержать в руках древние орудия труда.

Ежегодно проводится Всероссийский конкурс на создание мультимедийных гидов с технологией дополненной реальности, благодаря которому в Красноярском крае мультимедийные гиды по своим выставкам создали уже семь музеев [7 мультимедийных гидов..., 2023]. Таймырский краеведческий музей вошел в число победителей конкурса в 2022 г.

Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова обзавелся мультимедийным гидом на русском и английском языках с технологией дополненной реальности «Этносы Саяно-Алтая». Эта экспозиция посвящена истории и быту современных народов, живущих на территории древней долины Южного Енисея.

Бесплатный мультимедийный гид функционирует на одной из постоянных экспозиций Красноярского краевого краеведческого музея, посвященной наиболее интересным аспектам жизни Енисейской губернии в XIX и XX вв.

Результатом участия Мотыгинского краеведческого музея в нацпроекте «Культура» стало появление мультимедийного гида по его центральной экспозиции «Ангарская изба».

В Енисейском историко-архитектурном музее-заповеднике им. А. И. Кытманова можно виртуально «побродить» по постоянной экспозиции «Музей Енисея». Выставка рассказывает об отношениях человека и природы, о самом человеке как части окружающей среды, о мифологическом, культурном и хозяйственном освоении могучего Енисея, а также о тех, кто населяет его берега.

Ярким примером освоения культурного пространства, удаленного от экспозиции музея, являются проекты по изучению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия Барсовой Горы в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что мультимедийные средства и технологии прочно вошли в повседневную работу сибирских музеев. Интернет-среда позволяет познакомить посетителей с архитектурными, историческими объектами, находящимися на значительном расстоянии от самого музея, что способствует значительному увеличению музейных посетителей, подтверждает нашу гипотезу о диверсификации функций регионального историко-краеведческого музея.

Библиографический список

- 7 мультимедийных гидов от музеев Красноярского края запущены в рамках федерального проекта «Цифровая культура» национального проекта «Культура» // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. 20 февраля 2023. URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/news/7_multimediynykh_gidov_ot_muzeev_krasnoyarskogo_kraya_zapushcheny_v_ramkakh_federalnogo_proekta_tsif/ (дата обращения: 20.03.2024).
- Каулен М. Е. Музеефикация предметов наследия: от предмета до традиции // Культура российской провинции. Калуга, 2000. С. 199–209.
- Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012.
- Минкульт России подвел итоги 2023 года // Ведомости. 17 января 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/17/1015451-minkult-podvel-itogi-goda> (дата обращения: 20.01.2024).
- Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1.
- Шулепова Э. А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 1998.
- Национальный проект «Культура» // Официальный сайт Музея истории и этнографии. URL: <http://muzeumugorsk.ru/o-muzee/muzej/natsional-nyj-proekt-kul-tura> (дата обращения: 20.03.2024).

O. N. TRUEVTSEVA

MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN THE STUDY, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF HISTORICAL HERITAGE OF SIBERIAN MUSEUMS

The paper studies the possibility of increasing the role of traditional museums in the preservation and popularization of historical heritage objects that are not part of their collections. The emergence of a new function was prompted, on the one hand, by the limited exhibition capabilities, changes in the needs of the visitors, and the appearance of new types of museums associated with the museumification of cultural heritage sites. On the other hand, it was a response to the rapid development of communication and

information technologies, the diversification of the use of virtual capabilities, and their application in a museum practice. Combining these processes makes it possible to diversify the functions of a museum. The authors study the best practices of Siberian museums with regard to introducing innovative technologies into the museum environment, provide arguments in favor of their use for the preservation and popularization of their cultural, academic, educational, artistic, and historical value. The implementation of this function will contribute to actualization of traditional forms and methods of the work of museums, and the growth of their popularity.

Olga N. Truevtseva – Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University (Russia, Barnaul)
E-mail: truevtseva@yandex.ru

О. Н. ШЕЛЕГИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МУЗЕИ-ЗАПОВЕДНИКИ СИБИРИ И МУЗЕЙНО-ПАРКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ: АКТУАЛЬНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ

В контексте одного из приоритетных направлений развития музейного мира России – разработки и внедрения новых пространственных форм освоения наследия рассмотрены археологические музеи-заповедники Сибири. Выделены позиции, сближающие их с неформальными музейно-парковыми комплексами: система дополнительных экспозиций и тематических парков, освоение достопримечательного места «Писаницы Притомья», («Томская писаница»); рекреационно-развлекательные функции, применение интерактивных технологий, исторических реконструкций (Археологический музей на озере Андреевское); духовное хранение и этно-экологическая актуализация археологического наследия (Республика Хакасия). Применительно к достопримечательному месту регионального значения с археологической доминантой «Барсова Гора» для организации в нем многофункционального и эффективного музейно-туристического кластера может быть адаптирована модель музейно-паркового комплекса, разработанная в Институте наследия им. Д. С. Лихачева.

Шелегина Ольга Николаевна – д.и.н., Новосибирский государственный педагогический университет (Россия, Новосибирск)
E-mail: oshelegina@yandex.ru

Одним из приоритетных направлений развития музейного мира России и ее регионов является процесс модернизации традиционных музеев-заповедников с учетом новых пространственных форм освоения объектов историко-культурного наследия. Как известно, среди отечественных объектов культурного наследия, нуждающихся в сохранении и актуализации, памятники археологии составляют почти половину, в Сибирском регионе археологическое наследие является доминантным. Представляется целесообразным рассмотреть археологические музеи-заповедники Сибири для определения потенциала их развития в соответствии с современной и перспективной тенденцией – актуализацией историко-культурного и природного наследия в новационной форме музейно-парковых комплексов (МПК).

К музеям-заповедникам с базовой археологической составляющей относятся: Музей-заповедник на озере Андреевское (Тюменская область, 1983), «Томская писаница» (Кемеровская область, 1993), «Казановка», «Хуртуях-тас», «Сундуки», «Сулеки» (Республика Хакасия, 1996, 2003, 2011, 2013), «Долина царей» (Республика Тыва, 2004) [Шелегина, 2019, с. 159–162].

Широкую известность получил комплексный музей-заповедник «Томская писаница», созданный на основе объекта культурного наследия федерального значения «Писаницы» — первого музеефицированного памятника наскального искусства в нашей стране. Сформированный под руководством известного российского археолога и музеолога А. И. Мартынова, в настоящее время он отнесен к особо ценным культурным объектам России. В нем была создана целая система дополнительных экспозиций и тематических парков, приближающих музей-заповедник к совершенному музейно-парковому комплексу как качественно новому объекту культуры и туризма [Поляков и др., 2023, с. 57–58]. Музей-заповедник активно развивается в этом перспективном тренде. Ведутся работы по освоению достопримечательного места «Писаницы Притомья» с последующей музеефикацией памятников и включением их в состав музея-заповедника, апробации историко-культурных маршрутов за пределами музея, включающих ландшафтные, палеонтологические и археологические достопримечательности Притомья [Горяев, 2023, с. 51].

Весьма репрезентативной в XXI в. является археологическая основа музея-заповедника в Тюменской области: 61 памятник археологического наследия, постоянные археологические экспозиции «Из глубины веков», выставка под открытым небом «Мир древних культур», арт-объекты и тематические площадки, экскурсионные тропы. В настоящее время влияние Археологического музея на озере Андреевское, входящего в Тюменское музейно-просветительское объединение, расширяется посредством интерактивных передвижных выставок, реконструкций военного костюма сибирского Средневековья, представления достопримечательных мест: городища «Жильё», «Андрюшиного городка». Развитые рекреационно-развлекательные функции и применение современных технологий можно рассматривать как элементы музейно-паркового комплекса в музейно-заповеднике.

К новационным направлениям в хакасских археологических музеях-заповедниках относится использование технологий виртуальной и дополненной реальности для обеспечения аттрактивности экскурсий. В качестве примера Л. В. Еремин приводит «поющую» личину эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.) Хакасского национального музея-заповедника, Боярская писаница (конец I тыс. до н. э.). Реализуется более 60 экскурсионных программ, рассчитанных на все категории посетителей. Для национальных районов Аскизского, Бейского, Таштыпского актуализация археологического наследия осуществляется с активным использованием данных этнографии, проводятся музейные мероприятия-праздники: талгана «Алтын Ас» (Золотое зерно), «Айран сузы» (Лучи айрана) [Еремин, 2019, с. 22–23]. Применительно к этому опыту можно говорить о наличии позиций, ориентированных на духовное хранение и актуализацию археологического наследия в соответствии с современными этническими и экологическими процессами.

Таким образом, археологические музеи-заповедники Сибири в большей или меньшей степени обладают компонентами неформальных музейно-парковых комплексов, влияющих на перспективы их дальнейшего развития как потенциальных музейно-туристических центров, значимых для социокультурного и экономического положения в регионе.

Следует обратить внимание, что организация археологических музейно-парковых комплексов на основе достопримечательных мест требует гораздо меньших формальных и юридических процедур, чем организация музеев-заповедников, может осуществляться посредством государственно-частного партнерства. Модель современного феномена МПК, разработанная в Институте наследия им. Д. С. Лихачева под руководством Т. П. Полякова,

его рекомендации [Поляков и др., 2023, с. 479–551], опыт музеев-заповедников Сибири, могут быть адаптированы применительно к достопримечательному месту регионального значения с археологической доминантой «Барсова Гора» для организации в нем многофункционального и эффективного музейно-туристического комплекса, регионального и, в перспективе, федерального уровня.

Библиографический список

- Горяев В. С. Туристический потенциал музея-заповедника «Томская Писаница» // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация: материалы всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17–18 мая 2023 г.). Омск, 2023. С. 50–52.
- Еремин Л. В. Археологические музеи Хакасии: современное состояние и перспективы // Сборник материалов всероссийской конференции «Инновационные направления деятельности музеев под открытым небом». Шушенское, 2019. С. 21–23.
- Поляков Т. П., Зотова Т. А., Пустовойт Ю. В., Нельзина О. Ю. Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы. М., 2023.
- Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири в первые десятилетия XIX века. Новосибирск, 2019.

O. N. SHELEGINA

ARCHAEOLOGICAL MUSEUMS-RESERVES OF SIBERIA AND MUSEUM AND PARK COMPLEXES: CURRENT STATE AND PROSPECTIVE DEVELOPMENT

The paper describes the practices of the archaeological museums-reserves of Siberia in the context of one of the priority areas in the development of the Russian museum environment, i. e. the development and introduction of new spatial forms of the heritage preservation. The author highlights the positions that bring them closer to informal museum and park complexes, including a system of additional expositions and thematic parks, the opening up of the landmark “Painted panels of the Tom region” (“Tomsk Painted Panels”); the recreational and entertainment functions, the use of interactive technologies, and historical reconstructions (Archaeological Museum on Lake Andreevskoye); preservation of religious practices and ethno-ecological actualization of archaeological heritage (Republic of Khakassia). The model of a museum and park complex developed at D. S. Likhachev Heritage Institute can be adapted in relation to the landmark of regional importance with the archaeological dominant “Barsova Gora”, in order to organize a multifunctional and effective museum and tourism cluster in its territory.

Olga N. Shelegina – Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University (Russia, Novosibirsk)

E-mail: oshelegina@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ
В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ

Е. Н. БОЧАРОВА, П. В. ЧИСТЯКОВ РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ МЕТОДАМИ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ.	6
С. А. ВАСИЛЬЕВ ВОСТОЧНАЯ БЕРИНГИЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАННИМ ПАМЯТНИКАМ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЙ.	8
Н. О. ВИКУЛОВА ОРУДИЙНЫЙ НАБОР НА СТОЯНКАХ СРЕДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАСЕЙНА РЕКИ ЧИКОЙ.	10
А. В. ВОЛОКИТИН, Н. А. ВОЛОКИТИНА О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ МЕЗОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО- ВОСТОКА.	13
М. Г. ЖИЛИН СВИДЕРСКИЙ СЛЕД В МЕЗОЛИТЕ ГОРНОГО КРЫМА	16
А. В. КАНДЫБА, И. С. ПАВЛОВ, Н. И. ПАВЛОВА, А. В. ПРОТОПОПОВ НОВЫЕ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	18
Н. С. КИРЬЯНОВ ПАЛЕОЛИТ ВИЛЮЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ.	22
М. Б. КОЗЛИКИН ЗАСЕЛЕНИЕ АЛТАЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: ДРЕВНЕЙШИЕ ИНДУСТРИИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	24
В. А. ЛУКИНЦЕВА, Н. В. КОСОРУКОВА, В. С. ХИЛЬКО, Т. С. ГРИНИНА К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕХНИКИ РАСЩЕПЛЕНИЯ НА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАСЕЙНЕ ОЗ. ВОЖЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 2022 Г.).	26
С. С. МАКАРОВ, Е. Ю. ГИРЯ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО МИКРОСКОПИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛЕДОВ ИЗНОСА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СО СТОЯНКИ ЛУГОВСКОЕ.	29
В. А. МИХИЕНКО, Н. Е. БЕЛОУСОВА, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО МЕЛКОПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПОНЕНТ В ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	33
П. Ю. ПАВЛОВ ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА.	35
В. В. ПИТУЛЬКО, Е. Ю. ПАВЛОВА РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗАПАДНОЙ БЕРИНГИИ В ИНТЕРВАЛЕ 29000–11700 Л. Н. (МИС 2)	39

MAIN STAGES OF THE NORTH EURASIA COLONIZATION
IN THE PLEISTOCENE AND THE EARLY HOLOCENE

E. N. BOCHAROVA, P. V. CHISTYAKOV RECONSTRUCTION OF BONE TOOLS USING 3D MODELING TECHNIQUE	6
S. A. VASILIEV EAST BERINGIA: NEW DATA ON THE EARLY SITES AND THE RECONSTRUCTION OF ANCIENT MIGRATIONS	8
N. O. VIKULOVA A TOOL SET FROM THE OCCUPATION SITES OF THE MIDDLE PERIOD OF THE UPPER PALEOLITHIC IN THE CHIKOI RIVER BASIN	10
A. V. VOLOKITIN, N. A. VOLOKITINA ABOUT THE SO-CALLED WESTERN MESOLITHIC TRADITION OF THE EUROPEAN NORTHEAST	13
M. G. ZHILIN SWIDERIAN TRAIL IN THE MESOLITHIC OF THE CRIMEAN MOUNTAINS	16
A. V. KANDYBA, I. S. PAVLOV, N. I. PAVLOVA, A. V. PROTOPOPOV NEW LATE PLEISTOCENE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE ARCTIC ZONE OF EASTERN SIBERIA	18
N. S. KIRYANOV THE PALEOLITHIC OF VILYUI: CURRENT STATE OF RESEARCH	22
M. B. KOZLIKIN COLONIZATION OF THE ALTAI IN THE MIDDLE PALEOLITHIC: THE ANCIENT INDUSTRIES OF DENISOVA CAVE	24
V. A. LUKINTSEVA, N. V. KOSORUKOVA, V. S. KHILKO, T. S. GRININA CHARACTERISTICS OF KNAPPING TECHNIQUE AT THE MESOLITHIC SITE POGOSTISHCHE 15 IN LAKE VOZHE BASIN (BASED ON THE MATERIALS OF 2022 EXCAVATION)	26
S. S. MAKAROV, E. Yu. GIRYA THE RESULTS OF PRELIMINARY MICROSCOPIC STUDY OF WEAR TRACES ON STONE TOOLS FROM THE OCCUPATION SITE LUGOVSKOYE	29
V. A. MIKHLENKO, N. E. BELOUSOVA, A. Yu. FEDORCHENKO MICROBLADE COMPONENT IN THE UPPER PALEOLITHIC INDUSTRIES OF DENISOVA CAVE	33
P. Yu. PAVLOV MAIN STAGES AND SPECIFICS OF THE NORTH OF EASTERN EUROPE COLONIZATION IN THE EARLY UPPER PALEOLITHIC	35
V. V. PITULKO, E. Yu. PAVLOVA HUMAN COLONIZATION IN THE ARCTIC WESTERN BERINGIA WITHIN THE INTERVAL OF 29,000–11,700 Y. A. (MIS 2)	39

К. Е. ПРОТОДЬЯКОНОВ	
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЮННЮГЕН И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ АРКТИКИ	42
М. В. СЕЛЕЦКИЙ, Н. Е. БЕЛОУСОВА, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО	
ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ УДАРНО-АБРАЗИВНЫЕ ОРУДИЯ СТОЯНКИ АНУЙ-2 В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ	44
М. В. СЕЛЕЦКИЙ, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, Н. Е. БЕЛОУСОВА, А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ	
КАМЕННЫЕ УДАРНО-АБРАЗИВНЫЕ ОРУДИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ КАМЕННОГО ВЕКА НА МЫСЕ ЛОПАТКА (ЮЖНАЯ КАМЧАТКА)	46
Ю. Б. СЕРИКОВ	
СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА НА РЕКЕ ТАВДЕ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)	49
С. Б. СЛОБОДИН	
ПЛАСТИНЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ В МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	52
А. В. ТАБАРЕВ	
50 ЛЕТ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА АЛЕУТСКИХ ОСТРОВАХ (К ПРЕДЫСТОРИИ ПРОЕКТА)	55
А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, А. С. ДЕВЯТИЯРОВА, Н. Е. БЕЛОУСОВА, Э. В. СОКОЛ	
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕЙШИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАМЧАТКИ	58
А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, М. Б. КОЗЛИКИН, М. В. ШУНЬКОВ	
КОСТЯНЫЕ ПРОНИЗКИ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	60
И. ХЛАХУЛА, М. Ю. ЧЕПРАСОВ, В. М. ДЬЯКОНОВ, А. И. КЛИМОВСКИЙ	
САМЫЕ РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ СИБИРИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ	63
А. В. ШМИДТ	
К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ МЕЗОЛИТА В ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	66
И. В. ШМИДТ, Т. А. ГОРБУНОВА, Н. В. ОСИНЦЕВА	
СТОЯНКА ЧЕРНООЗЕРЬЕ II: ПРОБЛЕМЫ, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	69
М. В. ШУНЬКОВ	
ВРЕМЯ И ПУТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ СЕВЕРНОЙ АЗИИ	72
КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ВЕКТОРЫ, ХАРАКТЕР, ДИНАМИКА И ПРОЯВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	
Н. С. БАТУЕВА, Е. М. ТОМИЛИНА	
ПОСУДА ЭПОХИ НЕОЛИТА ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ: ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	76

K. E. PROTODJYAKONOV LOCATION YUNNYUGEN AND THE PALEOGEOGRAPHIC CONTEXT OF HUMAN COLONIZATION OF EAST SIBERIAN ARCTIC	42
M. V. SELETSKY, N. E. BELOUSOVA, A. Yu. FEDORCHENKO UPPER PALEOLITHIC STONE STRIKING-ABRASIVE TOOLS OF THE ANUI-2 SITE IN THE NORTHWESTERN ALTAI	44
M. V. SELETSKY, A. Yu. FEDORCHENKO, N. E. BELOUSOVA, A. I. LEBEDINTSEV STONE IMPACT-ABRASIVE TOOLS OF STONE AGE LOCATIONS ON CAPE LOPATKA (SOUTHERN KAMCHATKA)	46
Yu. B. SERIKOV TRACES OF THE PALEOLITHIC ON THE TAVDA RIVER (MIDDLE URALS)	49
S. B. SLOBODIN BLADE POINTS IN THE MESOLITHIC OF NORTHERN EURASIA	52
A. V. TABAREV 50 YEARS OF THE SOVIET-AMERICAN EXPEDITION TO THE ALEUTIAN ISLANDS (PROJECT BACKGROUND)	55
A. Yu. FEDORCHENKO, A. S. DEVYATYAROVA, N. E. BELOUSOVA, E. V. SOKOL NEW DATA ON THE OLD BURIAL TRADITIONS OF THE UPPER PALEOLITHIC OF KAMCHATKA	58
A. Yu. FEDORCHENKO, M. B. KOZLIKIN, M. V. SHUNKOV TUBULAR BONE BEADS OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC FROM DENISOVA CAVE	60
I. CHLACHULA, M. Yu. CHEPRASOV, V. M. DIAKONOV, A. I. KLIMOVSKY THE EARLIEST EVIDENCES OF HUMAN PRESENCE IN ARCTIC SIBERIA: PARADIGM CHANGE	63
A. V. SCHMIDT ON THE SUBJECT OF NON-UNIFORMITY OF THE MESOLITHIC STONE INDUSTRY IN THE TAIGA ZONE OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA	66
I. V. SHMIDT, T. A. GORBUNOVA, N. V. OSINTSEVA CHERNOOZERYE II OCCUPATION SITE: PROBLEMS, INTERIM RESULTS AND RESEARCH PROSPECTS	69
M. V. SHUNKOV THE TIME AND WAYS OF THE INITIAL HUMAN COLONIZATION OF NORTHERN ASIA	72
CULTURES OF THE LATE STONE AGE OF NORTHERN EURASIA: VECTORS, NATURE, DYNAMICS AND MANIFESTATIONS OF INTERACTIONS	
N. S. BATUEVA, E. M. TOMILINA NEOLITHIC POTTERY FROM THE SITES OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION: PETROGRAPHIC STUDY	76

И. М. БЕРДНИКОВ, Н. Б. СОКОЛОВА НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ-СОБИРАТЕЛИ БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАССЕЛЕНИЯ.	79
Т. А. ВАСИЛЬЕВА К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.	82
П. В. ВОЛКОВ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ И ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ.	85
Д. В. ГЕРАСИМОВ ПЕРЕРЫВЫ ОБИТАНИЯ МНОГОСЛОЙНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА КАК ИНДИКАТОРЫ РЕЗКИХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК.	88
Е. А. ГИРЧЕНКО, О. В. КАРДАШ, Г. П. ВИЗГАЛОВ РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ КАЮКОВО 1 В НЕФТЕЮГАНСКОМ РАЙОНЕ ХМАО – ЮГРЫ В 2021 И 2023 ГГ.	90
Д. А. ГУРУЛЁВ КОМПЛЕКСЫ С УСТЬ-БЕЛЬСКОЙ КЕРАМИКОЙ КРАСНОЯРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА (СРЕДНИЙ ЕНИСЕЙ): НОВЫЕ ДАННЫЕ.	93
Н. И. ДРОЗДОВ, В. И. МАКУЛОВ, В. И. ПРИВАЛИХИН АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАМЕННОГО ВЕКА ДОЛИНЫ РЕКИ ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ.	96
Д. Н. ЕНЬШИН, С. Н. СКОЧИНА, В. В. ИЛЮШИНА РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ НЕОЛИТИЗАЦИИ ГОРНО-ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.	98
В. Н. КАРМАНОВ, А. С. МАКАРОВ ТЕПЛОВАЯ ОБРАБОТКА КРЕМНИСТЫХ ПОРОД КАК КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ).	102
Т. Ю. КЛЕМЕНТЬЕВА ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ Р. КОНДЫ.	104
Е. М. КОЛПАКОВ БЕСЫ И БЕСОВКИ НА СЕВЕРНЫХ СКАЛАХ.	108
Л. Л. КОСИНСКАЯ, Е. Н. ДУБОВЦЕВА, С. А. МЫЗНИКОВ ПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ КАРАСЬЕ ОЗЕРО Х: ЮЖНОУРАЛЬСКИЙ МЕЗОЛИТ ИЛИ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ?	110
Е. Г. ЛАПТЕВА, Е. Л. ЛЫЧАГИНА СЛЕДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ (НА ОСНОВЕ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ).	112

I. M. BERDNIKOV, N. B. SOKOLOVA NEOLITHIC HUNTER-GATHERERS OF THE BAIKAL-YENISEI SIBERIA: THE PROBLEMS OF THE ORIGIN AND SUBSEQUENT DISTRIBUTION	79
T. A. VASILYEVA ON THE SUBJECT OF STUDYING THE KARELIAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE	82
P. V. VOLKOV FUNCTIONAL ANALYSIS OF ARTIFACTS AND PLANIGRAPHIC RECONSTRUCTIONS	85
D. V. GERASIMOV INTERRUPTIONS IN THE OCCUPATION OF MULTI-LAYER ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE KARELIAN ISTHMUS AS INDICATORS OF RAPID GLOBAL AND REGIONAL ENVIRONMENTAL CHANGES	88
E. A. GIRCHENKO, G. V. KARDASH, G. P. VIZGALOV 2021 AND 2023 EXCAVATIONS OF KAYUKOVO 1 SETTLEMENT IN THE NEFTEYUGANSK DISTRICT OF KHMAO – YUGRA	90
D. A. GURULEV COMPLEXES WITH UST-BELAYA CERAMICS OF THE KRASNOYARSK ARCHAEOLOGICAL DISTRICT (MIDDLE YENISEI): NEW DATA	93
N. I. DROZDOV, V. I. MAKULOV, V. I. PRIVALIKHIN STONE AGE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE PODKAMENNAYA TUNGUSKA RIVER VALLEY IN THE KRASNOYARSK REGION	96
D. N. ENSHIN, S. N. SKOCHINA, V. V. ILYUSHINA EARLY NEOLITHIC COMPLEXES OF THE LOWER ISHIM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF NEOLITHIZATION OF THE MOUNTAIN-FOREST AND FOREST-STEPPE ZONES OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA: SOME RESULTS AND FUTURE POTENTIAL	98
V. N. KARMANOV, A. S. MAKAROV HEARTH TREATMENT OF SILICEOUS ROCKS AS A CULTURAL ADAPTATION ELEMENT (BASED ON MATERIALS FROM THE FAR NORTHEAST OF EUROPE)	102
T. Yu. KLEMENTIEVA THE HISTORY OF THE STUDY OF THE NEOLITHIC ANTIQUITIES OF THE KONDA RIVER ..	104
E. M. KOLPAKOV DEMONS AND VIXEN ON THE NORTHERN ROCKS	108
L. L. KOSINSKAYA, E. N. DUBOVTSOVA, S. A. MYZNIKOV BLADE COMPLEX OF KARASYE LAKE X SETTLEMENT: THE SOUTH URAL MESOLITHIC OR THE NEOLITHIC ALIENS?	110
E. G. LAPTEVA, E. L. LYCHAGINA TRACES OF HUMAN ECONOMIC ACTIVITY IN THE UPPER KAMA REGION IN THE STONE AGE (BASED ON PALYNOLOGICAL DATA)	112

Н. В. ЛОБАНОВА	
К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ КАРЕЛИИ	115
В. Е. МЕДВЕДЕВ	
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ	118
В. В. ОХЛОПКОВ	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ БЕЛЬКАЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА ЯКУТИИ	121
Ю. Ю. ПЕТРОВА, Н. Г. ТАНЫКОВА, С. М. БОЛОТСКАЯ, Е. А. ГИРЧЕНКО	
ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЕРАМИКИ КАЮКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КАЮКОВО 1).....	124
Н. Б. СОКОЛОВА, И. С. ШЕГУТОВ, И. М. БЕРДНИКОВ	
ПОРТАТИВНЫЙ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ СПЕКТРОМЕТР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ НЕОЛИТА.....	126
М. В. СТЕПАНОВ	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТОВ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ СЫАЛАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯКУТИИ И РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ТИПА СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	129
М. В. ХРАМЦОВ, Н. М. ЧАИРКИНА	
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ.....	131
А. Н. ЧЕХА	
КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКОВ УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО УЧАСТКА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ	134
И. В. ШЕВНИНА	
НЕОЛИТ ТУРГАЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.....	137
КУЛЬТУРЫ И ОБЩНОСТИ ЭПОХИ МЕДИ И БРОНЗЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	
И. П. АЛАЕВА	
МОДЕЛИ АЛАКУЛЬСКО-ФЕДОРОВСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВАРИАНТЫ ОБЪЯСНЕНИЯ СОВМЕСТНОГО ОБНАРУЖЕНИЯ СОСУДОВ АЛАКУЛЬСКОЙ И ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАНАХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	142
П. С. АНКУШЕВА, А. В. ЕПИМАХОВ	
ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ СТРОНЦИЯ В КОСТНЫХ ОСТАТКАХ ЖИВОТНЫХ НА РУДНИКАХ НОВОТЕМИРСКИЙ И ВОРОВСКАЯ ЯМА (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)	145
Н. А. БЕРСЕНЕВА	
ПОГРЕБЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	147

N. V. LOBANOVA	
GRAPHIC EVOLUTION AND CORRELATION BETWEEN THE PETROGLYPHIC COMPLEXES OF KARELIA	115
V. E. MEDVEDEV	
SOME RESULTS OF THE LATEST RESEARCH ON THE NEOLITHIC OF THE LOWER AMUR REGION	118
V. V. OKHLOPKOV	
POTTERY ORNAMENTATION TRADITIONS OF THE BELKACHI CULTURE OF THE MIDDLE NEOLITHIC OF YAKUTIA	121
Yu. Yu. PETROVA, N. G. TANYKOVA, S. M. BOLOTSKAYA, E. A. GIRCHENKO	
CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF KAYUKOVO CULTURE CERAMICS (BASED ON THE MATERIALS OF KAYUKOVO 1 SETTLEMENT).....	124
N. B. SOKOLOVA, I. S. SHEGUTOV, I. M. BERDNIKOV	
PORTABLE X-RAY FLUORESCENCE SPECTROMETER: POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF USE IN THE NEOLITHIC ARCHAEOLOGY	126
M. V. STEPANOV	
COMPARATIVE ANALYSIS OF ORNAMENTS OF GRID CERAMICS OF THE SYALAKH CULTURE OF YAKUTIA AND THE EARLY NEOLITHIC TYPE OF GRID CERAMICS OF THE BAIKAL-YENISEI SIBERIA	129
M. V. KHRAMTSOV, N. M. CHAIRKINA	
INFORMATION POTENTIAL OF STONE ASSEMBLAGES OF THE PEAT-BOG SITES OF THE TRANS-URALS	131
A. N. CHEKHA	
STONE INDUSTRIES OF THE SITES OF UST-KUTAREYSKY AREA (NORTHERN ANGARA REGION) IN THE CONTEXT OF MODERN DATA	134
I. V. SHEVNINA	
THE NEOLITHIC OF TURGAI IN THE CONTEXT OF TRANSCULTURAL CONTACTS.....	137
CULTURES AND COMMUNITIES OF THE COPPER AND BRONZE AGE OF NORTHERN EURASIA	
I. P. ALAYEVA	
THE ALAKUL-FEDOROVO INTERACTION MODELS: POSSIBLE EXPLANATIONS FOR THE JOINT DISCOVERY OF VESSELS OF THE ALAKUL AND THE FEDOROVO CULTURES IN THE MOUNDS OF THE SOUTHERN TRANS-URALS	142
P. S. ANKUSHEVA, A. V. EPIMAKHOV	
ISOTOPIC COMPOSITION OF STRONTIUM IN ANIMAL BONE REMAINS AT THE NOVOTEMIRSKY AND VOROVSKAYA YAMA MINES (SOUTHERN TRANS-URALS).....	145
N. A. BERSENEVA	
RITUAL SPECIALISTS' INTERMENTS DURING THE BRONZE AGE IN THE SOUTHERN URALS: PROBLEM FORMULATION.....	147

В. В. БОБРОВ	
О СЕВЕРНОЙ ШИРОТНОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ НЕОЛИТА К ЭПОХЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛА	150
А. В. ВАРЕНОВ	
БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ ИЗ САНЬСИНДУЯ И ЕЕ ЭВЕНКИЙСКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ РОДСТВЕННИЦА	152
Е. Ю. ГИРЯ, А. А. ПОГОДИН, А. Я. ТРУФАНОВ	
ИЗДЕЛИЯ ИЗ «РОЗОВО-СЕРОГО» КРЕМНЯ С ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ТАЕЖНО-ЛЕСОТУНДРОВОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ)	155
С. П. ГРЕБЕНЮК	
ПОВОРОТНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ ТОКАРЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИОХОТЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСРЕДСТВОМ «ГАРПУННОЙ ФОРМУЛЫ» С. А. АРУТЮНОВА	158
С. А. ГРИГОРЬЕВ	
ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ (III–II ТЫС. ДО Н. Э.)	162
Д. А. ДЕМАКОВ	
ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ: ИСТОРИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	164
А. А. ДУДКО, Ю. А. ВАСИЛЬЕВА	
КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЕВРА 28 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2016 Г.)	167
А. В. ЕПИМАХОВ, Е. В. КУПРИЯНОВА	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕВИАНТНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА (ВОЗМОЖНОСТИ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА)	170
Т. С. МАЛЮТИНА, А. О. БУКАЧЕВА, Ю. С. МАКУРОВ	
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СИНТАШТА VI. ИССЛЕДОВАНИЯ 2020–2023 ГГ.	172
В. И. МОЛОДИН, М. С. НЕСТЕРОВА, Л. С. КОБЕЛЕВА	
ВАРИАНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1)	176
И. В. МОЛЧАНОВ	
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ АБАШЕВСКИХ И СИНТАШТИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СТЕПНОЙ ПОЛОСЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.	179
Д. В. ПАПИН	
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «СЕВЕРНОГО» КОМПОНЕТА В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА	182
О. Е. ПОШЕХОНОВА, С. Н. СКОЧИНА, А. А. ПИЛЬКИНА, Е. Н. ДУБОВЦЕВА	
ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ПЯКУПУР 3	183

V. V. BOBROV	
NORTHERN LATITUDINAL MIGRATION IN EURASIA DURING THE TRANSITION PERIOD FROM THE NEOLITHIC TO THE PALEOMETAL ERA.....	150
A. V. VARENOV	
BRONZE STATUE FROM SANXINGDUI AND ITS EVENK WOODEN RELATIVE	152
E. Yu. GIRIA, A. A. POGODIN, A. Ya. TRUFANOV	
“PINK-GRAY” FLINT ITEMS FROM THE BRONZE AGE SITES OF THE TAIGA-FOREST-TUNDRA ZONE OF WESTERN SIBERIA (EVIDENCE-BASED INTERPRETATION OF KNAPPING PRODUCTS)	155
S. P. GREBENYUK	
TOKAREVO CULTURE TOGGING HARPOON POINTS OF THE NORTH SEA OF OKHOTSK REGION: COMPARATIVE ANALYSIS BY MEANS OF S. A. ARUTYUNOV’S “HARPOON FORMULA”	158
S. A. GRIGORYEV	
THE PROBLEM OF CONSTRUCTING AN ABSOLUTE CHRONOLOGY OF THE BRONZE AGE OF EURASIA (3 RD -2 ND MILLENNIUM BC)	162
D. A. DEMA KOV	
BRONZE AGE SITES OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION: THE HISTORY OF CHRONOLOGICAL AND CULTURAL INTERPRETATION	164
A. A. DUDKO, Yu. A. VASILYEVA	
CERAMIC COMPLEX OF EVRA 28 SETTLEMENT (BASED ON THE RESULTS OF 2016 EXCAVATIONS)	167
A. V. EPIMAKHOV, E. V. KUPRIYANOVA	
INTERPRETATION OF DEVIANT BURIALS OF THE BRONZE AGE (MULTIDISCIPLINARY APPROACH POTENTIAL)	170
T. S. MALYUTINA, A. O. BUKACHEVA, Yu. S. MAKUROV	
BURIAL COMPLEX SINTASHTA VI. 2020–2023 EXCAVATIONS	172
V. I. MOLODIN, M. S. NESTEROVA, L. S. KOBELEVA	
VARIANTS OF THE USE OF FIRE IN THE FUNERAL PRACTICES OF THE ANDRONOVO (FEDOROVO) CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF TARTAS-1 BURIAL GROUND) ...	176
I. V. MOLCHANOV	
SPATIAL ANALYSIS OF ABASHEV AND SINTASHTA SETTLEMENTS IN THE STEPPE ZONE OF THE SOUTHERN TRANS-URALS: PRELIMINARY RESULTS	179
D. V. PAPIN	
THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE “NORTHERN” COMPONENT IN THE FORMATION OF THE POPULATION OF THE FOREST-STEPPE ALTAI OB REGION AT THE END OF THE BRONZE AGE	182
O. E. POSHEKHONOVA, S. N. SKOCHINA, A. A. PILKINA, E. N. DUBOVTSEVA	
ENEOLITHIC COMPLEX OF PYAKUPUR 3 SETTLEMENT	183

С. Н. СКОЧИНА	
АБРАЗИВЫ РАННЕБРОНЗОВОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ПЯКУПУР 3 (ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	186
Н. В. СОЛДАТКИН	
НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА АНАЛОГИЙ УКРЕПЛЕННЫМ ПОСЕЛЕНИЯМ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА	189
А. В. ФОМИЧЕВ	
НОМЕНКЛАТУРА ОРУДИЙ ТРУДА АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА И МУГОДЖАР ПО МАТЕРИАЛАМ НАХОДОК ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ	192
Е. Г. ШАЛАХОВ	
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕ «ЭКСПЕДИЦИИ» НОСИТЕЛЕЙ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ БРОНЗ В СЕВЕРНЫЕ ШИРОТЫ	194
В. Я. ШУМКИН	
МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ ПЕРИОДА РАННЕГО МЕТАЛЛА (ЭПОХА БРОНЗЫ)	197
СЕВЕР ЕВРАЗИИ В СКИФО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ	
В. А. БОРЗУНОВ	
ИСЕТСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ	202
А. П. БОРОДОВСКИЙ	
РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ ГОРОДИЩ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (ГОРНАЯ ДОЛИНА НИЖНЕЙ КАТУНИ)	204
Н. Н. ГОЛОВЧЕНКО	
ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ОДЕЖДЫ МОГИЛЬНИКА МАСЛЯХА-1 В СОБРАНИИ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ АЛТГПУ	207
Н. С. ЕФРЕМОВА, Л. Н. МЫЛЬНИКОВА	
ЖЕРНОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ	209
О. Ю. ЗИМИНА	
КУЛЬТУРЫ И КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА БРОНЗОВОГО – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ЗАУРАЛЬЯ	212
К. Г. КАРАЧАРОВ	
СИБИРСКИЕ БРОХИ ИЛИ БОЕВЫЕ СКВИРКЛЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	214
А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ	
ПРИМОРСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ КАМЧАТКИ	219
Л. Н. МЫЛЬНИКОВА	
КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (КУРГАН № 51, МОГИЛЬНИК УСТЬ-ТАРТАССКИЕ КУРГАНЫ, БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)	222

S. N. SKOCHINA	
ABRASIVES OF THE EARLY BRONZE AGE COMPLEX OF PYAKUPUR 3 SETTLEMENT (USE-WEAR ANALYSIS)	186
N. V. SOLDATKIN	
DIRECTIONS FOR THE SEARCH FOR ANALOGIES TO THE FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE SINTASHTA-PETROVSKY TYPE	189
A. V. FOMICHEV	
ASSORTMENT OF THE ALAKUL CULTURE OF THE SOUTHERN URALS AND THE MUGODZHAR RANGE TOOLS BASED ON THE FINDS OF FOUNDRY MOLDS	192
E. G. SHALAKHOV	
ON THE SUBJECT OF THE REASON FOR THE “EXPEDITION” OF THE SEIMIN-TURBINO BRONZES POPULATION TO NORTHERN LATITUDES	194
V. Ya. SHUMKIN	
THE MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE OF THE ANCIENT POPULATION OF RUSSIAN LAPLAND OF THE EARLY METAL PERIOD (THE BRONZE AGE)	197
NORTH OF EURASIA IN THE SCYTHIAN-SARMATIAN ERA	
V. A. BORZUNOV	
ISET CULTURE OF THE EARLY IRON AGE FOREST TRANS-URALS	202
A. P. BORODOVSKY	
RADIOCARBON DATING OF NORTH ALTAI HILLFORTS (THE LOWER KATUN MOUNTAIN VALLEY)	204
N. N. GOLOVCHENKO	
MASLYAKHA-1 GARMENTS MATERIAL COMPLEX IN THE COLLECTIONS OF THE ALTSPU REGIONAL HISTORY MUSEUM	207
N. S. EFREMOVA, L. N. MYLNIKOVA	
MILLSTONES IN BURIAL COMPLEXES: SEMANTIC STUDY	209
O. Yu. ZIMINA	
CULTURES AND COMPLEXES OF THE TURN OF THE BRONZE AND THE EARLY IRON AGES OF THE TRANS-URALS	212
K. G. KARACHAROV	
SIBERIAN BROCHS AND WAR SQUIRCLES OF THE EARLY IRON AGE IN WESTERN SIBERIA	214
A. I. LEBEDINTSEV	
MARITIME CULTURES OF NORTHERN KAMCHATKA	219
L. N. MYLNIKOVA	
THE SARGAT CULTURE CERAMICS COMPLEX: THE RESULTS OF THE TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS (MOUND 51, BURIAL GROUND UST-TARTASS MOUNDS, BARABINO FOREST-STEPPE)	222

В. В. ОВСЯННИКОВ	
НАПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЙ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В СКИФО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ	224
К. С. ОКороков, С. В. СИРОТИН, Д. С. БОГАЧУК	
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДОСПЕХИ ИЗ МЕЖКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА НЕКРОПОЛЯ ФИЛИППОВКА 1 В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ	226
Э. И. ОРУДЖОВ	
ВЯТСКО-ВЕТЛУЖСКАЯ КУЛЬТУРА. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АНАНЫНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ	229
М. Л. ПЕРЕСКОКОВ, Д. А. ЯКИМОВА, П. С. КОЗЬЯКОВА	
НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОМПЛЕКСЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАЛА-УРЫН В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ	232
И. В. САЛЬНИКОВА	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БРОНЗОВОЙ ЧАШИ С СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ	234
Д. В. СЕЛИН, А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ, А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, П. С. ГРЕБЕНЮК	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ГОНЧАРСТВУ ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧИНИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА И СТОЯНКИ НА М. ШМИДТА)	237
Д. В. СЕЛИН	
ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА У НОСИТЕЛЕЙ НОВОСИБИРСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ И ПОСЕЛЕНИЙ)	240
С. В. СИРОТИН	
ПАМЯТНИКИ ФИЛИППОВСКОГО КРУГА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	242
В. ХОРВАТ	
БРОНЗОВЫЕ НАВЕРШИЯ ИЗ КАМЕРЫ №26Б КУРГАНА АРЖАН-1	245
В. ХОРВАТ	
БРОНЗОВЫЕ КИНЖАЛЫ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ В НАЧАЛЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЗАПАДНЫЕ ВЛИЯНИЯ	249
Ю. П. ЧЕМЯКИН	
И СНОВА ОБ УСТЬ-ПОЛУЕ	253
С. В. ШАРАПОВА, М. А. ГРАЧЕВ, А. А. ПЕРЕВОЗЧИКОВА, А. С. ЯКИМОВ	
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ: НОВОПОКРОВКА X	255
СЕВЕР ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И СРЕДНИЕ ВЕКА	
А. Л. БЕЛИЦКАЯ, К. С. СМИРНОВ	
ФРАГМЕНТЫ КОЛЬЧУГ НА ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА	260

V. V. OVSYANNIKOV	
MIGRATIONS VECTOR IN THE FOREST-STEPPE CIS-URALS IN THE SCYTHIAN-SARMATIAN ERA.	224
K. S. OKOROKOV, S. V. SIROTIN, D. S. BOGACHUK	
METAL ARMOR FROM THE INTER-MOUND SPACE OF FILIPPOVKA 1 NECROPOLIS IN THE SOUTHERN CIS-URALS.	226
E. I. ORUJOV	
VYATKA-VETLUGA CULTURE. MIGRATION PROCESSES IN THE ANANJIN CULTURAL AND HISTORICAL REGION.	229
M. L. PERESKOKOV, D. A. YAKIMOVA, P. S. KOZJYAKOVA	
NEW DATA ON THE EARLY IRON AGE KALA-URYN SITES COMPLEX IN THE PERM KAMA REGION.	232
I. V. SALNIKOVA	
PRELIMINARY RESULTS OF THE CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY OF A BRONZE BOWL FROM THE NORTHERN SOSVA.	234
D. V. SELIN, A. I. LEBEDINTSEV, A. Yu. FEDORCHENKO, P. S. GREBENYUK	
NEW DATA ON POTTERY OF THE OLD BERING SEA CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHINI BURIAL GROUND AND THE OCCUPATION SITE ON SCHMIDT CAPE)	237
D. V. SELIN	
POTTERY PRODUCTION TECHNIQUE OF THE NOVOSIBIRSK VARIANT OF THE KULAI CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY POPULATION (BASED ON VARIOUS BURIAL GROUNDS AND SETTLEMENTS MATERIALS)	240
S. V. SIROTIN	
FILIPPOV GROUP SITES IN THE SOUTH URALS: IDENTIFICATION CRITERIA, CHRONOLOGY AND CULTURAL ATTRIBUTION	242
V. KHORVAT	
BRONZE POMMELS FROM CHAMBER 26B OF ARZHAN-1 MOUND	245
V. KHORVAT	
BRONZE DAGGERS REFLECTING WESTERN INFLUENCES IN THE FOOTHILLS OF THE ALTAI IN THE EARLY SCYTHIAN PERIOD	249
Yu. P. CHEMYAKIN	
ONCE AGAIN ABOUT THE UST-POLUI.	253
S. V. SHARAPOVA, M. A. GRACHEV, A. A. PEREVOZCHIKOVA, A. S. YAKIMOV	
NEW STUDIES OF THE SARGAT CULTURE MOUNDS IN THE MIDDLE IRTYSH REGION: NOVOPOKROVKA X.	255
NORTH OF EURASIA DURING THE ERA OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES AND THE MIDDLE AGES	
A. L. BELITSKAYA, K. S. SMIRNOV	
FRAGMENTS OF CHAIN MAILS IN THE LATE IRON AGE SITES OF THE EUROPEAN NORTHEAST	260

К. В. БИРЮЛЕВА	
КЕРАМИКА ПЕРВОГО БОЯРКИНСКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ	263
Р. И. БРАВИНА, Д. М. ПЕТРОВ, А. Н. ПРОКОПЬЕВА, Л. Ф. ИВАНОВА	
ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЯКУТСКОГО РОДОНАЧАЛЬНИКА МАЗАРЫ БОЗЕКОВА (XVII – НАЧАЛО XVIII В.)	266
Н. Г. БРЮХОВА	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОГРАБЛЕНИЯ МОГИЛЬНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ)	268
С. П. ГРУШИН	
КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ УРОЧИЩЕ БАЛЧИКОВА 2, 3 В СЕВЕРНОМ АЛТАЕ: НЕКОТОРЫЕ ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ	271
Г. К. ДАНИЛОВ Д. В. ГЕРАСИМОВ, С. Л. ВАРТАНЯН, В. И. ЦЫГАНКОВА	
«КУЧЕРОГИ» – АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН АРКТИКИ. ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ТРАДИЦИИ	274
О. В. ДЬЯКОВА	
КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ МОХЭСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА РАЗДОЛЬНОЙ В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ	277
В. М. ДЬЯКОНОВ	
ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕДВЕЖЬИХ ОСТРОВОВ (ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ АРКТИКА)	278
К. К. ЕРМАКОВА, О. В. КАРДАШ	
«СВЯЩЕННАЯ КЕДРОВАЯ РОЩА» – МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (IV–VIII ВВ.) В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ	281
М. В. ЖИТКОВА	
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ОЧЕЛЬЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 456 САЙГАТИНСКОГО IV МОГИЛЬНИКА	284
Н. М. ЗИНЯКОВ, О. Е. ПОШЕХОНОВА	
ВООРУЖЕНИЕ ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ В XVII–XIX ВВ. МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	287
А. П. ЗЫКОВ	
СОВРЕМЕННЫЙ ТУПИК В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	290
А. П. ЗЫКОВ, С. Ф. КОКШАРОВ, Е. А. ЯКОВЛЕВА	
СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТАЛ I В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ	294
А. А. ИВАНОВ	
РИТУАЛЬНЫЕ КУБКИ ЧОРОНЫ В ЯКУТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ	296
Е. П. КАЗАКОВ	
ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ (К 100-ЛЕТИЮ В. Ф. ГЕНИНГА)	299

K. V. BIRYULEVA	
CERAMICS OF THE FIRST BOYARKINO TYPE IN THE TERRITORY OF LOWER ANGARA REGION.....	263
R. I. BRAVINA, D. M. PETROV, A. N. PROKOPIEVA, L. F. IVANOVA	
MATERIAL COMPLEX FROM THE BURIAL OF THE YAKUT ANCESTOR MAZARY BOZEKOV (THE 17 TH – EARLY 18 TH CENTURY).....	266
N. G. BRYUKHOVA	
ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF GRAVE ROBBERIES (ON THE MATERIALS OF MEDIEVAL SITES OF THE PERM CIS-URALS)	268
S. P. GRUSHIN	
BURIAL MOUNDS OF UROCHISHCHE BALCHIKOVA 2, 3 IN THE NORTHERN ALTAI: SOME PLANOGRAPHIC SINGULARITIES OF FORMATION	271
G. K. DANILOV D. V. GERASIMOV, S. L. VARTANYAN, V. I. TSYGANKOVA	
ANTLER HEAPS – THE ARCHITECTURAL PHENOMENON OF THE ARCTIC. TIME, SPACE, TRADITIONS	274
O. V. DYAKOVA	
CLASSIFICATION AND CHRONOLOGY OF THE NORTHWESTERN GROUP OF MOHE SITES OF RAZDOLNAYA BASIN IN THE SOUTHERN PRIMORYE	277
V. M. DYAKONOV	
THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE BEAR ISLANDS (EAST SIBERIAN ARCTIC).....	278
K. K. ERMAKOVA, O. V. KARDASH	
“SACRED CEDAR GROVE” – BURIAL GROUND OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES PERIOD (THE 4 TH -8 TH CENTURIES) IN THE REGIONAL PERIODIZATION CONTEXT	281
M. V. ZHITKOVA	
CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF A DIADEM FROM INTERMENT NO. 456 OF SAIGATINO IV BURIAL GROUND	284
N. M. ZINYAKOV, O. E. POSHEKHONOVA	
UPPER TAZ SELKUPS WEAPONS IN THE 17 TH -19 TH CENTURIES METALLOGRAPHIC STUDY	287
A. P. ZYKOV	
CURRENT DEAD END IN THE STUDY OF MEDIEVAL ARCHAEOLOGY IN WESTERN SIBERIA.....	290
A. P. ZYKOV, S. F. KOKSHAROV, E. A. YAKOVLEVA	
MEDIEVAL SETTLEMENT TAL I IN THE LOWER OB REGION.....	294
A. A. IVANOV	
RITUAL CHORON CUPS IN THE YAKUT BURIALS	296
E. P. KAZAKOV	
IN MEMORY OF THE TEACHER (COMMEMORATING THE 100 TH ANNIVERSARY OF V. F. GENING)	299

А. В. КЕНИГ, С. А. ПИЛИПЕНКО БЕРЕСТА И БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ГОРОДИЩА ШЕРКАЛЫ 1.	301
А. В. КОРОТАЕВ РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КОБЫЛИХА В 2022–2023 ГГ.	305
Н. Б. КРЫЛАСОВА КЕРАМИЧЕСКИЕ КОТЛЫ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	308
Г. В. КУБАРЕВ КАМЕННЫЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗВАЯНИЯ ЧУЖЕЗЕМЦЕВ- ИНОПЛЕМЕННОКОВ НА АЛТАЕ И В СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ	311
Н. П. МАТВЕЕВА, Е. А. ТРЕТЬЯКОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЛЕСОСТЕПНЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДИЩ	314
В. И. МОЛОДИН, Л. Н. МЫЛЬНИКОВА, А. С. ПИЛИПЕНКО, Д. В. СЕЛИН КЫШТОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СИНКРЕТИЗМ АВТОХТОННЫХ И ПРИШЛЫХ ТРАДИЦИЙ.	316
К. В. МОРЯХИНА К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ АВЕРИНСКОГО II И АВЕРИНСКОГО I СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.	319
А. М. МУРЫГИН АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НОВОБОРСКОГО ТИПА НА НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ (СЕРЕДИНА I – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.)	321
Е. М. ОРЛОВА, Л. С. ШУМИЛОВСКИХ, М. Л. ПЕРЕСКОКОВ НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ПЕРМСКОМ ПРИУРАЛЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИМ ДАННЫМ).	324
Ю. А. ПОДОСЁНОВА СРЕДНЕВЕКОВЫЕ «СЕРЕБРЯНЫЕ» КЛАДЫ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ.	327
А. Н. ПРОКОПЬЕВА, Д. М. ПЕТРОВ, В. В. СЫРОВАТСКИЙ, С. В. БАРАНОВА, А. А. ЧЕРНОНОСОВ, С. В. ШНАЙДЕР АНАЛИЗ КОЖАНОЙ ОСНОВЫ ЯКУТСКИХ ПОЯСОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ XVIII В.)	329
С. Г. РОСЛЯКОВ КУЛЬТОВОЕ МЕСТО ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ВЕРХНЕЙ ОБИ.	332
Н. Г. СВАТКОВА ТРЕХБУСИННЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА. ГЕНЕЗИС, РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРИОБЬЕ В XIII–XIV ВВ. РЕКОНСТРУКЦИЯ	335
Н. Г. СВАТКОВА УКРАШЕНИЯ ГОЛОВЫ И ВОЛОС ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА КИНЯМИНСКИЙ II ПО МАТЕРИАЛАМ В. И. СЕМЕНОВОЙ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ.	338

A. V. KENIG, S. A. PILIPENKO BIRCH BARK AND BIRCH BARK ITEMS FROM SHERKALY 1 SETTLEMENT	301
A. V. KOROTAEV 2022–2023 EXCAVATIONS OF KOPYLIKHA HILLFORT	305
N. B. KRYLASOVA CERAMIC POTS OF THE RODANOV CULTURE	308
G. V. KUBAREV EARLY MIDDLE AGE STONE SCULPTURED IMAGES OF FOREIGNERS IN THE ALTAI AND THE NEIGHBORING REGIONS	311
N. P. MATVEEVA, E. A. TRETYAKOV SOCIO-ECONOMIC ROLE OF FOREST-STEPPE MEDIEVAL WEST-SIBERIAN HILLFORTS	314
V. I. MOLODIN, L. N. MYLNIKOVA, A. S. PILIPENKO, D. V. SELIN KYSHTOVO CULTURE OF THE LATE MIDDLE AGES PERIOD IN WESTERN SIBERIA: SYNCRETISM OF THE AUTOCHTHONOUS AND MIGRANT POPULATION TRADITIONS ...	316
K. V. MORYAKHINA ON THE ISSUE OF CULTURAL UNITY OF AVERINY II AND AVERINY I MEDIEVAL BURIAL GROUNDS OF THE PERM CIS-URALS	319
A. M. MURYGIN ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE NOVOBOR TYPE ON THE LOWER PECHORA (MID 1 ST – FIRST HALF OF THE 2 ND MILLENNIUM AD)	321
E. M. ORLOVA, L. S. SHUMILOVSKIKH, M. L. PERESKOKOV NEW DATA ON AGRICULTURE IN THE PERM CIS-URALS IN THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES PERIOD (ACCORDING TO PALEOBOTANICAL DATA)	324
Ju. A. PODOSENOVA MEDIEVAL “SILVER” HOARDS OF THE PERM CIS-URALS: TENTATIVE FINDINGS SUMMARY	327
A. N. PROKOPIEVA, D. M. PETROV, V. V. SYROVATSKY, S. V. BARANOVA, A. A. CHERNONOSOV, S. V. SCHNEIDER A STUDY OF THE LEATHER BASE OF THE YAKUT BELTS (ON THE MATERIALS FROM THE 18 TH CENTURY BURIALS)	329
S. G. ROSLYAKOV SACRED PLACE OF THE EARLY MIDDLE AGES ON THE UPPER OB RIVER	332
N. G. SVATKOVA THREE-BEAD TEMPLE RINGS. GENESIS, DISTRIBUTION IN THE OB REGION IN THE 13 TH -14 TH CENTURIES. RECONSTRUCTION	335
N. G. SVATKOVA HEAD AND HAIR DECORATIONS FROM INTERMENTS OF KINYAMINO II BURIAL GROUND BASED ON THE MATERIALS OF V. I. SEMENOVA EXPERIMENTAL RECONSTRUCTION	338

П. О. СЕНОТРУСОВА	
НАХОДКИ ПОДВЕСОК «ЗАПАДНОСИБИРСКОГО» ОБЛИКА В ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	340
Н. Н. СЕРЕГИН, С. С. МАТРЕНИН	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ПРЕДТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ	343
А. В. СЛЕПЦОВА	
СИНХРОННЫЕ И ДИАХРОННЫЕ ПОПУЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ.....	345
С. М. СЛЕПЧЕНКО, Т. В. ЛОБАНОВА, О. В. КАРДАШ, Г. В. АЛЯМКИН	
АРХЕОПАРАЗИТОЛОГИЯ И ПАТОЭКОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ БУХТА НАХОДКА В XIII В. НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	349
А. Р. СМЕРТИН	
ДРЕВНЕРУССКИЙ ИМПУЛЬС В ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ (ПО ДАННЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)	352
Т. Н. СОБОЛЬНИКОВА, А. В. СУРКОВА (КУЗИНА)	
ГОРОДИЩА-ХОЛМЫ БАССЕЙНА Р. КОНДЫ	354
А. А. ТКАЧЕВ, К. Г. ГЮРДЖОЯН, Ал. Ал. ТКАЧЕВ	
КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ СВАТИЛИЩА ГАЗ-САЛЕ 2.....	357
Р. М. ХАРИТОНОВ	
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ» ЛУКОВ ЯКУТИИ	360
М. М. ШАХНОВИЧ, И. К. РЕШЕТОВА	
ПОГРЕБЕНИЕ В ЦЕРКВИ КАНДАЛАКШСКОГО МОНАСТЫРЯ: К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ЗАХОРОНЕНИЙ В ХРАМАХ РУССКОГО СЕВЕРА В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	363
АРХЕОЛОГИЯ АРКТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА СЕВЕРА XI–XIX ВВ.	
Л. И. АГАФОНОВ	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	368
М. Ю. БАРАНОВ	
ТИПЫ ЗИМНЕГО ТРАНСПОРТА ОБСКИХ ОСТЯКОВ XVIII–XIX ВВ.....	370
Е. А. ГИРЧЕНКО, Г. П. ВИЗГАЛОВ	
ТОРГОВЛЯ ПУШНИНОЙ В КИТАЕ ЭПОХИ ЦИН.....	373
Ан. В. ГУСЕВ, Н. В. ПЕРЦЕВ, А. В. ПЛЕХАНОВ, А. Н. САБАРОВ	
ПОЛУЙСКИЙ ГОРОДОК ПО ИСТОРИЧЕСКИМ, КАРТОГРАФИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ.....	376

P. O. SENOTRUSOVA	
FINDS OF “WEST SIBERIAN” APPEARANCE PENDANTS IN THE YENISEI SIBERIA	340
N. N. SEREGIN, S. S. MATRENIN	
SOME ASPECTS OF STUDYING THE WEAPONS COMPLEX OF THE ALTAI POPULATION OF THE PRE-TURKIC PERIOD	343
A. V. SLEPTSOVA	
SYNCHRONOUS AND DIACHRONIC POPULATION CONTACTS IN THE LOWER TOBOL REGION DURING THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES PERIOD	345
S. M. SLEPCHENKO, T. V. LOBANOVA, G. V. KARDASH, G. V. ALYAMKIN	
ARCHAEOPARASITOLOGY AND PATHOECOLOGY OF MEDIEVAL SETTLEMENT NAKHODKA BAY IN THE 13 TH CENTURY IN THE FAR NORTH OF WESTERN SIBERIA	349
A. R. SMERTIN	
THE ANCIENT RUSSIAN IMPULSE IN THE UPPER KAMA REGION AGRICULTURE (ACCORDING TO THE TECHNOLOGICAL STUDY OF FORGED PRODUCTS)	352
T. N. SOBOLNIKOVA, A. V. SURKOVA (KUZINA)	
THE HILLFORT MOUNDS OF THE KONDA RIVER BASIN	354
A. A. TKACHEV, K. G. GURJOYAN, AI. AI. TKACHEV	
CULTURAL ATTRIBUTION OF GAZ-SALE 2 SANCTUARY	357
R. M. KHARITONOV	
MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDYING THE “CENTRAL ASIAN” BOWS OF YAKUTIA	360
M. M. SHAKHNOVICH, I. K. RESHETOVA	
INTERMENT IN THE CHURCH OF THE KANDALAKSHA MONASTERY: ON THE ISSUE OF TOPOGRAPHY OF BURIALS IN THE RUSSIAN NORTH CHURCHES IN THE LATE MIDDLE AGES PERIOD	363
ARCHAEOLOGY OF THE ARCTIC STATES: HISTORICAL URBANISM OF THE NORTH OF THE 11 TH –19 TH CENTURIES	
L. I. AGAFONOV	
HISTORICAL DENDROCHRONOLOGY OF THE MIDDLE URALS: PROBLEMS, FIRST RESULTS AND PROSPECTS	368
M. Yu. BARANOV	
TYPES OF WINTER TRANSPORT OF THE OB OSTYAKS OF THE 18 TH –19 TH CENTURIES	370
E. A. GIRCHENKO, G. P. VIZGALOV	
FUR TRADE IN QING CHINA	373
An. V. GUSEV, N. V. PERTSEV, A. V. PLEKHANOV, A. N. SABAROV	
POLUI HILLFORT ACCORDING TO HISTORICAL, CARTOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL DATA	376

З. Ю. ЖАРНИКОВ, В. С. МЫГЛАН, М. О. ФИЛАТОВА НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ТАРСКОГО УЕЗДА (ПО ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ).....	379
О. М. КОРОНА, Е. Г. ЛАПТЕВА, Т. В. ЛОБАНОВА, Г. П. ВИЗГАЛОВ АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА БЕРЕЗОВА В XVII–XVIII ВВ.	381
П. А. КОСИНЦЕВ АРХЕОЗООЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	384
Е. А. КУРЛАЕВ ПОИСКИ И ДОБЫЧА СЕРЕБРА НА УРАЛЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.	387
С. А. МЫЗНИКОВ СЕЛИЩЕ МОХТИКЪЁГАН 15 – ПАМЯТНИК XIX В. НА Р. АГАН (НА СТЫКЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ).....	389
В. В. НИКОЛАЕВ ФАКТОР ГОРОДА В СТАНОВЛЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ СИБИРСКИХ КОРЕННЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КУМАНДИНЦЕВ)	392
С. Г. ПАРХИМОВИЧ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДОМОВЫХ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVI – XVIII ВВ.	395
Е. Н. СОЛОВЬЁВА ПРЕДМЕТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ ИЗ КОСТИ В АРСЕНАЛЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯКУТСКА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2020 Г. И 2023 Г.)	398
И. В. ФРОЛОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК В СУРГУТЕ В 2023 Г.	400
Л. В. ШЕСТАКОВА ТКАЧЕСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIII–XIX ВВ.	404
МУЗЕЙ, КУЛЬТУРА, ЭТНИЧНОСТЬ	
А. Б. АГАРКОВА, М. Ю. СЕЛЯНИНА СУРГУТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ И ПРОЕКТАХ МУЗЕЯ	410
А. Б. АГАРКОВА, М. Ю. СЕЛЯНИНА ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СУРГУТА	412
И. Р. АТНАГУЛОВ СЛАВЯНЕ И ТЮРКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ С СЕРЕДИНЫ XIX ДО НАЧАЛА XXI В.	415

Z. Yu. ZHARNIKOV, V. S. MYGLAN, M. O. FILATOVA NEW PAGES OF THE HISTORY OF THE TARA PROVINCE (BASED ON DENDROCHRONOLOGICAL DATA).....	379
O. M. KORONA, E. G. LAPTEVA, T. V. LOBANOVA, G. P. VIZGALOV ARCHAEOBOTANICAL EVIDENCE OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE TOWN OF BEREZOV IN THE 17 TH -18 TH CENTURIES.....	381
P. A. KOSINTSEV ARCHAEOZOOLOGY OF HISTORICAL SETTLEMENTS IN THE URAL AND WEST SIBERIA ...	384
E. A. KURLAEV SILVER PROSPECTING AND MINING IN THE URALS IN THE MIDDLE AGES AND THE MODERN TIME.....	387
S. A. MYZNIKOV MOKHTIKYEGAN 15 SETTLEMENT – 19 TH CENTURY SITE ON THE AGAN RIVER (AT THE JUNCTION OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY)	389
V. V. NIKOLAEV THE URBAN FACTOR IN THE FORMATION OF IDENTITIES OF THE SIBERIAN INDIGENOUS COMMUNITIES (THE KUMANDINS CASE).....	392
S. G. PARKHIMOVICH IMAGES OF HOUSE SPIRITS IN THE CULTURE OF THE RUSSIAN POPULATION OF NORTHERN SIBERIA IN THE LATE 16 TH – 18 TH CENTURIES	395
E. N. SOLOVYOVA BONE PERSONAL HYGIENE ITEMS IN THE INVENTORY OF THE URBAN POPULATION OF YAKUTSK OF THE 18 TH – EARLY 20 TH CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF 2020 AND 2023 ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS)	398
I. V. FROLOV PRELIMINARY RESULTS OF 2023 SALVAGE EXCAVATIONS IN SURGUT	400
L. V. SHESTAKOVA WEAVING IN WESTERN SIBERIA IN THE 13 TH -19 TH CENTURIES.....	404
MUSEUM, CULTURE, ETHNICITY	
A. B. AGARKOVA, M. Yu. SELYANINA SURGUT IN ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS AND MUSEUM PROJECTS	410
A. B. AGARKOVA, M. Yu. SELYANINA ON THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN SURGUT.....	412
I. R. ATNAGULOV THE SLAVS AND THE TURKS OF THE FOREST-STEPPE TRANS-URALS: THE DYNAMICS OF ETHNICITY FROM THE MIDDLE OF THE 19 TH TO THE BEGINNING OF THE 21 ST CENTURY	415

А. В. ВЕРБОВСКИЙ	
ГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ: РУССКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ОБОРОННОЕ ЗОДЧЕСТВО XVII В.	418
Т. В. ВОЛДИНА	
РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕИНКАРНАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА ОБСКИХ УГРОВ	421
А. В. ГОЛОВНЁВ	
ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА КАК НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮГРЫ	423
Н. С. ГОНЧАРОВ	
РАСШИРЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЕЩЕЙ В СООБЩЕСТВАХ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ ЯКУТИИ	426
Д. Ю. ГУК, Н. О. ПИКОВ	
ЭВОЛЮЦИЯ ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА	429
Е. Н. ДАНИЛОВА	
МАГИЯ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА: КАРТА РЕКИ АНАДЫРЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н. Л. ГОНДАТТИ	432
Р. А. ИБРАЕВА	
ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БЕРЕСТЯНОЙ УТВАРИ У ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ	434
Д. А. КУКАНОВ, Ю. С. КОНЬКОВА	
НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «КОЧЕВНИКИ АРКТИКИ: ИСКУССТВО ДВИЖЕНИЯ» В ВЫСТАВОЧНОМ И ОНЛАЙН ПРОСТРАНСТВАХ	437
Е. П. МАРТЫНОВА	
ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МАНСИ И ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ	439
В. В. МЕДВЕДЕВ	
ЭТНИЧНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: КЕЙС ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНОГО ГОРОДА	442
Е. В. ПЕРЕВАЛОВА	
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ Г. Д. ВЕРБОВА В СОБРАНИИ МАЭ РАН	444
Е. А. ПИВНЕВА	
О «СТЕНАХ» И «МОСТАХ» В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ ЭТНОМУЗЕЕВ ГОРОДА ХАНТЫ-МАНСИЙСКА	447
А. В. РОДИОНОВА	
МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ КАК ИСТОЧНИК СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЫШИВКИ ЖЕНСКИХ РУБАХ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ОБСКИХ УГРОВ	449
А. А. РУДЬ	
КУЛЬТОВЫЕ АРТЕФАКТЫ: ИЗОБРАЖЕНИЯ БОЖЕСТВ ИЛИ ДАРЫ ДЛЯ НИХ?	453

A. V. VERBOVSKY	
GRAPHIC RECONSTRUCTIONS IN THE MUSEUM EXPOSITION: RUSSIAN WOODEN DEFENSE ARCHITECTURE OF THE 17 TH CENTURY	418
T. V. VOLDINA	
THE EVOLUTION OF THE ANCIENT REINCARNATION IDEAS BASED ON THE OB UGRIANS FOLKLORE	421
A. V. GOLOVNEV	
THEORIES OF ETHNOGENESIS AS AN ACADEMIC LEGACY: THE ACADEMIC HISTORY OF UGRA	423
N. S. GONCHAROV	
ENHANCED FUNCTIONALITY OF THINGS IN THE COMMUNITIES OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF NORTHERN YAKUTIA	426
D. Yu. GUK, N. O. PIKOV	
THE EVOLUTION OF THREE-DIMENSIONAL MODELING OF AN ARCHAEOLOGICAL EXPOSITION: THE STATE HERMITAGE MUSEUM CASE	429
E. N. DANILOVA	
THE MAGIC OF A MUSEUM ITEM: MAP OF THE ANADYR RIVER FROM THE COLLECTION OF N. L. GONDATTI	432
R. A. IBRAEVA	
EASTERN KHANTY TRADITIONS OF MAKING BIRCH BARK ITEMS.	434
D. A. KUKANOV, Yu. S. KONKOVA	
RESEARCH PROJECT “NOMADS OF THE ARCTIC: THE ART OF MOVEMENT” IN THE EXHIBITION AND THE ONLINE ENVIRONMENTS	437
E. P. MARTYNOVA	
ETHNOGENETIC TIES BETWEEN THE MANSI AND THE EASTERN KHANTY	439
V. V. MEDVEDEV	
ETHNICITY AS A SOCIAL PRACTICE TOOL: THE CASE OF A NORTHERN CITY ENVIRONMENT	442
E. V. PEREVALOVA	
ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS OF G. D. VERBOV IN THE MAE RAS FUNDS	444
E. A. PIVNEVA	
“WALLS” AND “BRIDGES” IN THE CULTURAL PRACTICES OF ETHNOMUSEUMS OF KHANTY-MANSIYSK	447
A. V. RODIONOVA	
THE ROLE OF MUSEUM FUNDS IN THE PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL HERITAGE: EMBROIDERED FEMALE SHIRTS OF THE SOUTHERN GROUP OF THE OB UGRIANS	449
A. A. RUD	
RITUAL ARTIFACTS: IMAGES OF DEITIES OR OFFERINGS FOR THEM?	453

Н. В. САЙНАКОВА, С. В. КОВЫЛИН	
КАТАЛОГ-СЛОВАРЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ВАХОВСКИХ ХАНТОВ В МУЗЕЕ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА (Г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК).....	456
К. И. СТАРКОВ	
ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА КАМЕННЫХ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	458
Е. С. ШЕРСТЕННИКОВА	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ НА ЭКСПОЗИЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ОПЫТ МАЭ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.	460
Ф. ЛУГЛЬИ	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И СОБАКАМИ – ЗНАЧЕНИЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ	463
ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА	
С. В. АЛЕЙНИКОВ, С. В. ЯЗИКОВ	
ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ФИКСАЦИИ НА ПАМЯТНИКАХ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ТИПА	468
Н. В. БАСОВА	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ	470
Д. А. БЫЧКОВ	
КРИТЕРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКА ЛОВЧИХ ЯМ НА ТЕРРИТОРИИ ВАСЮГАНЬЯ И ПРИКЕТЬЯ	472
И. Д. ГОРШКОВ, И. В. ФРОЛОВ	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ ТАЗОВСКОЙ ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ С УЧЕТОМ ПОВРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ.....	475
А. Ю. ДАНИЛОВ, А. В. КОРОТАЕВ	
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДНОГО ПАРКА «СЕВЕРНЫЙ ТИМАН» (НЕНЕЦКИЙ АО)	478
В. Л. ДЕРЖАВИН	
ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ НА АРХИПЕЛАГЕ ШПИЦБЕРГЕН (СВАЛЬБАРД) И ШПИЦБЕРГЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РАН	481
Ю. Н. КВАШНИН	
ПЕРЕМЕСТИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ (О СВЯТИЛИЩАХ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА ЯНАО).....	484
Д. В. КИСЕЛЕВА, Е. С. ШАГАЛОВ, Т. Г. ОКУНЕВА, Н. Г. СОЛОШЕНКО, А. Д. РЫБАКОВА, Е. А. ПАНКРУШИНА, А. Д. РЯНСКАЯ, А. Н. ХОРЬКОВА, Д. А. ДАНИЛОВ, В. С. ИГОШЕВА, А. К. ФОКИНА, В. П. ФЕДОРОВА	
РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	487

N. V. SAINAKOVA, S. V. KOVYLIN CATALOG-DICTIONARY OF ETHNOGRAPHIC OBJECTS OF THE VAKH KHANTY IN THE MUSEUM OF NATURE AND MAN (KHANTY-MANSIYSK)	456
K. I. STARKOV CHRISTIAN SYMBOLISM OF TOMBSTONES IN CENTRAL YAKUTIA OF THE 19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES	458
E. S. SHERSTENNIKOVA ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS ON DISPLAY AT THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM: MAE AT THE END OF THE 19 TH – FIRST HALF OF THE 20 TH CENTURY	460
F. LUGLI THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMANS AND DOGS – THE IMPORTANCE OF A DIACHRONIC PERSPECTIVE	463
PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN THE CONDITIONS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE NORTH	
S. V. ALEJNIKOV, S. V. YAZIKOV MODERN METHODS OF DOCUMENTATION ON SETTLEMENT-TYPE SITES	468
N. V. BASOVA ARCHAEOLOGICAL SURVEYS IN THE KRASNOYARSK TERRITORY AND THE REPUBLIC OF KHAKASSIA	470
D. A. BYCHKOV CRITERIA AND PROSPECTS FOR THE SEARCH FOR HUNTING PITS IN THE TERRITORY OF VASYUGAN AND KET RIVER BASINS	472
I. D. GORSHKOV, I. V. FROLOV DEFINING THE BOUNDARIES OF THE TAZ FOUNDRY TERRITORY TAKING INTO ACCOUNT THE DAMAGE OF THE CULTURAL LEVEL	475
A. Yu. DANILOV, A. V. KOROTAEV ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE SEVERNY TIMAN NATURE PARK (THE NENETS AUTONOMOUS OKRUG)	478
V. L. DERZHAVIN PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN SPITZBERGEN (SVALBARD) ARCHIPELAGO AND SPITZBERGEN EXPEDITION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	481
Yu. N. KVASHNIN MOVE OR LEAVE (THE SANCTUARIES OF THE TUNDRA NENETS OF THE TAZ DISTRICT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG)	484
D. V. KISELEVA, E. S. SHAGALOV, T. G. OKUNEVA, N. G. SOLOSHENKO, A. D. RYBAKOVA, E. A. PANKRUSHINA, A. D. RYANSKAYA, A. N. HORKOVA, D. A. DANILOV, V. S. IGOSHEVA, A. K. FOKINA, V. P. FEDOROVA INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY OF CULTURAL HERITAGE SITES	487

С. В. КОПЫТОВ, А. Р. СМЕРТИН, А. Т. ХАБИБУЛЛИНА ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫЯВЛЕНИИ СЕЛИТЕБНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ Р. ИНЬВЫ (ПЕРМСКИЙ КРАЙ)	490
Е. Р. МАСЛЕННИКОВ, К. А. ПЕТРОВСКАЯ, И. Е. ПУШКАРЕВ, М. Е. КИРОВА НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ СТАРО-ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕ-ИСЕТСКОГО И МАРИИНСКОГО ЗАВОДОВ	493
А. А. ПАЙЗЕРОВА ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОГО МЕТОДА КОНСЕРВАЦИИ ОБРАЗЦОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ ДЛЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	495
С. Н. ПЕРЖАКОВ, О. В. СУСЛОВА К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОПРОСАМ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ В РАЙОНАХ ПРОХОЖДЕНИЯ ТРУБОПРОВОДНЫХ СИСТЕМ НА СЕВЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ	499
А. В. ПОСТНОВ, Н. В. БАСОВА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ НА ВЫЯВЛЕННОМ ОБЪЕКТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АБАЛАКОВО, СТОЯНКА ГАЛКИНА-1 В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ	501
И. Е. ПУШКАРЕВ, Е. Р. МАСЛЕННИКОВ, К. А. ПЕТРОВСКАЯ МЕМОРИАЛ «12 КИЛОМЕТР». ВЫЯВЛЕНИЕ, ПОСТАНОВКА НА УЧЕТ И МУЗЕИФИКАЦИЯ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ 1930-Х ГГ. В СССР	504
А. С. СЕМУХИН ЯМЫ-ЛОВУШКИ ФЕННОСКАНДИИ: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ	507
Н. Ф. СОЛОВЬЕВА ИТ-ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ	509
Н. М. ЧАИРКИНА, Е. Н. ДУБОВЦЕВА, Т. Ю. КЛЕМЕНТЬЕВА, С. А. МЫЗНИКОВ, А. А. ПОГОДИН, К. П. САВЧЕНКО, М. В. ХРАМЦОВ, С. Е. ЧАИРКИН КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАРАСЬЕ ОЗЕРО Х	512
В. Я. ШУМКИН ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ	515
КРУГЛЫЙ СТОЛ: АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ	
С. П. АРЕФЬЕВ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЭКОСИСТЕМЫ БАРСОВОЙ ГОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕНДРОШКАЛЫ	520

S. V. KOPYTOV, A. R. SMERTIN, A. T. KHABIBULLINA	
GEOINFORMATION TECHNOLOGIES IN THE IDENTIFICATION OF THE RESIDENTIAL PREFERENCES OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL POPULATION OF THE INVA RIVER VALLEY (PERM REGION)	490
E. P. MASLENNIKOV, K. A. PETROVSKAYA, I. E. PUSHKAREV, M. E. KIROVA	
NEW DISCOVERIES IN THE ARCHAEOLOGY OF THE OLD INDUSTRIAL HERITAGE OF THE URALS. THE NIZHNE-ISETSKY AND THE MARIINSKY PLANTS STUDY	493
A. A. PAYZEROVA	
CHOOSING THE OPTIMAL METHOD FOR THE CONSERVATION OF ARCHAEOLOGICAL WOOD SAMPLES FOR DENDROCHRONOLOGICAL ANALYSIS	495
S. N. PERZHAKOV, O. V. SUSLOVA	
THE HISTORY OF RESEARCH AND THE ISSUES OF PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES EN ROUTE OF THE PIPELINE SYSTEMS IN THE NORTH OF THE IRKUTSK REGION	499
A. V. POSTNOV, N. V. BASOVA	
METALLURGICAL FACILITIES AT THE IDENTIFIED ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITE ABALAKOVO, GALKINA-1 OCCUPATION SITE IN THE KRASNOYARSK REGION	501
I. E. PUSHKAREV, E. P. MASLENNIKOV, K. A. PETROVSKAYA	
THE MEMORIAL “12 KILOMETER”. IDENTIFICATION, REGISTRATION AND MUSEUMIFICATION OF THE BURIALS OF THE VICTIMS OF 1930S REPRESSIONS IN THE USSR	504
A. S. SEMUKHIN	
THE PIT TRAPS OF FENNOSCANDIA: MODERN RESEARCH VECTORS	507
N. F. SOLOVYOVA	
INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PRESERVATION OF ARCHITECTURAL ARCHAEOLOGY OBJECTS	509
N. M. CHAIRKINA, E. N. DUBOVTSEVA, T. Yu. KLEMENTYEVA, S. A. MYZNIKOV, A. A. POGODIN, K. P. SAVCHENKO, M. V. KHRAMTSOV, S. E. CHAIRKIN	
COMPREHENSIVE STUDIES OF A MULTI-LEVEL KARASYE LAKE X SETTLEMENT	512
V. Ya. SHUMKIN	
PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN THE NORTHWESTERN PART OF THE RUSSIAN ARCTIC	515
ROUND TABLE: ARCHAEOLOGICAL HERITAGE AS A BASIS FOR MUSEUM AND TOURIST COMPLEXES	
S. P. AREFYEV	
DENDROCHRONOLOGICAL RECONSTRUCTION OF “BARSOVA GORA” ECOSYSTEM AND THE PROSPECTS FOR THE CONSTRUCTION OF A REGIONAL TREE-RING CHRONOLOGY	520

Т. В. ВОЛДИНА	
ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ ПРОШЛОГО КАК ОСНОВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ	522
Д. В. ГЕРАСИМОВА, М. Б. ГЛАЗОВА	
ЛОСЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ И ЕГО МЕСТО В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОМПЛЕКСОВ	525
Т. А. ДЖУМАНТАЕВА	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ & АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ	526
С. А. ЗОЛИНА, О. В. НАЗАРОВ	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D-ВИЗУАЛИЗАЦИИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ	529
Е. В. ИГНАТЬЕВСКАЯ	
МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «БАРСОВА ГОРА»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ	531
А. В. КОСТЮКЕВИЧ	
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕТАЛЛА ПРИ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА С МУЗЕЯМИ ЮГРЫ	535
С. А. ПАХОМЧИК	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ И ИХ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ТУРИЗМ	537
Л. В. СТЕПАНОВА	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО АВТОНОМНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА» В СФЕРЕ НАСЛЕДИЯ	540
Ч. СЮНЬМИН	
ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ПОТОМКИ ОСНОВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КАГАНАТА ЖОУЖАН	543
О. Н. ТРУЕВЦЕВА	
МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МУЗЕЕВ СИБИРИ	546
О. Н. ШЕЛЕГИНА	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МУЗЕИ-ЗАПОВЕДНИКИ СИБИРИ И МУЗЕЙНО-ПАРКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ: АКТУАЛЬНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ	550

T. V. VOLDINA	
IMPORTANCE OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE RECONSTRUCTION OF SOCIO-CULTURAL SYSTEMS OF THE PAST AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF MUSEUM AND TOURIST FACILITIES IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA	522
D. V. GERASIMOVA, M. B. GLAZOVA	
MOOSE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE OB UGRIANS AND ITS PLACE IN THE EXPOSITION OF MUSEUM COMPLEXES	525
T. A. DZHUMANTAeva	
ARCHAEOLOGICAL MUSEUM & ARCHAEOLOGICAL COMMUNICATION	526
S. A. ZOLINA, O. V. NAZAROV	
THE USE OF 3D VISUALIZATION IN MUSEUM DISPLAYS	529
E. V. IGNATIEVSKAYA	
MUSEUM AND TOURIST COMPLEX “BARSOVA GORA”: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND DEVELOPMENT STRATEGY	531
A. V. KOSTYUKEVICH	
EXPERIMENTAL LABORATORY FOR STABILIZATION AND CONSERVATION OF ARCHAEOLOGICAL METAL OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS: PROSPECTS FOR DEVELOPMENT AND COOPERATION WITH THE UGRA MUSEUMS	535
S. A. PAKHOMCHIK	
ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC OPEN-AIR MUSEUMS AND THEIR INCLUSION IN TOURISM INFRASTRUCTURE	537
L. V. STEPANOVA	
SOCIO-CULTURAL AND EDUCATIONAL PROJECTS OF SURGUT DISTRICT MUNICIPAL AUTONOMOUS INSTITUTION OF THE SURGUT REGION HISTORICAL AND CULTURAL RESEARCH AND PRODUCTION CENTER “BARSOVA GORA” IN THE FIELD OF HERITAGE	540
Ch. XUNMING	
THE WEST SIBERIAN DESCENDANTS OF THE MAIN ETHNIC GROUP OF THE KHAGANATE ZHOZHAN	543
O. N. TRUEVTSEVA	
MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN THE STUDY, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF HISTORICAL HERITAGE OF SIBERIAN MUSEUMS	546
O. N. SHELEGINA	
ARCHAEOLOGICAL MUSEUMS-RESERVES OF SIBERIA AND MUSEUM AND PARK COMPLEXES: CURRENT STATE AND PROSPECTIVE DEVELOPMENT	550

Научное издание

VI Северный археологический конгресс
Материалы докладов

16+

Ответственный редактор

д.и.н. Н. М. Чаиркина

Корректоры

Н. А. Бабенкова

А. С. Кузьмина

Переводчик

Т. В. Говорухина

Компьютерная верстка

О. В. Микрюкова

Подписано в печать 26.09.2024 г.

Формат 84x108/16

Бумага ВХИ 80 г/м²

Гарнитура Book Antiqua

Усл. печ. л. 62,5

Тираж 250 экз.

Заказ № 4011

Оригинал-макет подготовлен в научно-редакционном отделе

Института истории и археологии УрО РАН

620099, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Тел. 8 (343) 374-53-40, e-mail: ui_vestnik@mail.ru

Отпечатано в ООО «Печатный мир г. Сургут»

628403, Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра,

г. Сургут, ул. Маяковского, дом № 14

сургутскаятипография.рф